

ОЧЕРКИ ПЕРСІИ.

І. Огородникова.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
вольшяя подъяч., д. № 39.

1878.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
I. Гилинь и Мазандеранъ	1
II. Русская факторія Гизъ и Астрабадская область	14
III. Природа и Люди	16
IV. Въ консульствѣ	24
V. На базарѣ и кладбищѣ	29
VI. Церемоніальный маршъ, и визиты	35
VII. «Сундукъ правосудія.»—Баня.—Отъѣздъ	42
VIII. Переваль черезъ Кузлукъ	46
IX. Въѣздъ въ городъ.—«Хозяинъ Александръ» и его приемышъ.—За столомъ.—Мои спутники и наши армяне.—Первая ночь и утро съ крыши караванъ-арая	50
X. Утро у' хозяйна.—Именитые купцы.—Маклеръ-послѣдователь «Баби».—Разносчикъ и тегеранскіе евреи	69
XI. Полціеймейстеръ.—Вечеръ.—Европеецъ изъ туземцевъ.—Обыкновенная исторія	75
XII. Между богомольцами	88
XIII. У Нэпира.—Бѣглый солдатъ	99
XIV. Персидская навязчивость и визитъ Нэпира	109
XV. Пипкешъ и губернская сарапча	115
XVI. Почтенный людоморъ, и по дорогѣ въ губернаторскую резиденцію	122
XVII. Его Высочество «подпора государства», военно-начальникъ и пр. и пр	132
XVIII. Козви	146
XIX. Въ русской лавкѣ	153
XX. У армянъ	157
XXI. Продавцы бирюзъ	168
XXII. Лавочная всячина и мануфактура	171
XXIII. О Значеніи Шахруда, и торгово—статистическія свѣдѣнія объ немъ	188
XXIV. Замѣтательный рудокопъ, и свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ рудныхъ и минеральныхъ богатствъ въ Бастамъ-Шахрудской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Персіи	198
XXV. Пекарни и зерно; климатъ и почва; послѣдній голодъ въ Персіи въ связи съ обременительными налогами, замлевланіемъ и ирригаціонною системою	203

XXVI. Кухни и мясныя; дикія животныя, домашній скоть и молочные склоны; провозная плата	213
XXVII. Загородные сады	219
XXVIII. Зеленые ряды, мыловарни и прочія мастерскія	228
XXIX. У механика-самоучекъ и въ цитадели	230
XXX. Майданъ и почтовая стапця. У телеграфиста, въ банѣ и на развалинахъ храма огнепоклонниковъ.	238
XXXI. Мечети, низшія медресе и интересные педагоги; высшее медресе и профессоръ. — Духовенство, правосудіе и шахскій фирманъ при сундукѣ «правосудія».	247
XXXII. Знакомство съ муллою Зейналь-Обединомъ, и бесѣда на дому у эскъ-муштегида о святыхъ мѣстахъ.	265
XXXIII. Въ «текиѣ», на религіозныхъ представленіяхъ, и таинственная бесѣда съ «баби».	278
XXXIV. У Хаджи Абдуля-Касыма.	297
XXXV. Персидская женщина	299
XXXVI. На «маджлесъ-ширини»; банный церемоніаль и что затѣмъ слѣдуетъ	304
XXXVII. Триумфъ невісты и на званомъ пиру.	313
XXXVIII. Сѣкуція и палачи. — У янба и смерть его. — Похороны и на кладбищѣ. — У новаго паиба.	326
XXXIX. Въ деревнѣ у принца фотографа	347
XXXX. Армянскія дризги. — Пребываніе русскаго каравана, и отправка товаровъ въ г. Сябзеваръ.	356
XXXXI. Гипсометрическое измѣреніе и мѣсячное наблюденіе надъ температурой. — Прощаніе съ «опорою» Персіи и губернаторская резиденція Вастамъ. — Два три слова о Хорасанѣ. — Сборъ въ дальній путь и отъѣздъ	376

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	14 снизу	но не принимаютъ ихъ.	но тотъ не принимаетъ ее.
18	9 сверху	немного	на много
25	14 „	каляки	комнаты
39	4 „	Б. покуривая	Педжефъ-Кули-ага покуривая
42	6 снизу	мы взираясь на вышину	мы избрались на вышку
45	10 „	Неджеръ — Кули — юга	Педжефъ - Кули - ага
55	17 „	поступки свою	поступки ихъ своею
56	11 „	Шарахъ	Шорохъ
75	8 сверху	имѣющихъ здѣсь.	имѣющихъ въ Хамаданъ
„	9 „	населеніемъ города	населеніемъ его
„	20 „	осель, понатужившись, кра- сивой хивинской породы.	осель, красивой хивинской породы, понатужившись,
84	11 снизу	—«Йо-канъ!»	—«Йо-хакъ!»
91	3 „	безъ косточка.	безъ косточки.
95	3 — 4 сверху	Возражалъ тотъ,	Возражалъ тотъ,
96	3 „	а между тѣмъ слѣдующая	а между тѣмъ слѣдовавшая
101	11 „	—Вы европейцы,	— Мы, европейцы,
102	9 „	атрефъ-уд-де-леннзом—	атрефъ-уд-де-ле-низом—
104}		*) относится къ 105 стран.	
105}		*) относятся къ 104 стран.	
146		XI (Глава)	XVIII (Глава)
153		XII.	XIX
154	4 „	отказался	оказался
155	9 „	для каждой чашки; должны	для каждой; чашки должны
157	3 „	Съ устраненіемъ чипс—	Съ устраненіемъ ичи—
157		XIX (Глава)	XX (Глава)
162	7 „	въ Персіи шестиръковыя	въ Персіи употребляются для
167	10 „	окрашиваемаго здѣсь	«лоле» шестериковыя
169	28 „	фирузей-зепги въ шахтахъ	окрашиваемаго тамъ
169	29 „	покатостяхъ горъ	фирузей—зепги, въ шахтахъ
187	3 снизу	(въ выносѣ) цѣлочное	на покатостяхъ горъ
225	13 сверху	лакомились тучными фрук- тами	цѣлочное
226	9 „	— И не можетъ.	лакомились фруктами, тучный сынъ
228	11 снизу	предварительно заглянули	— И не лжетъ.
231	9 сверху	восьмой день послѣ опус- кается	предварительно заглянувъ
241	2 снизу	кирпичными выступами стѣнъ	восьмой день послѣ того опус- кается
244	4 сверху	— Тотъ самый Гебръ	кирпичными выступами по стѣ- намъ
247	2 снизу	уже два раза заглядывавъ	— Тотъ самый Гебръ
250	1 „	а оглядѣвъ въ передней	уже два раза заглядывавъ
			а оглядѣвъ съ этой передней

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
286	2 снизу	пропали такъ, что даже	проняли, говорить, такъ, что даже
295	16 сверху	уличенные въ прелюбодѣяніи	уличенные же въ прелюбодѣяніи
333	14 снизу	широко-растопыренными на паламѣ	широко-растопыренными на паламѣ
337	0 сверху	и <i>мурдешуръ</i> ,	и <i>мурдешуръ</i> ,
344	12 снизу	съ сейида,	съ сейида,
345	9 »	съ двумя отростками по стѣнамъ	съ двумя отростками; по стѣнамъ
346	8 »	вытеръ ножикъ и пальцы,	вытеръ ножикъ о пальцы,
346	5 »	разсказывать съ надутой улыбкой.	разсказывать съ натянутой улыб- кой,
349	16 сверху	опнами Шахруда	стѣнами Шахруда
351	20 »	обозначая глину	обнажая глину
352	2 »	чувственнымъ наслажденіемъ	чувственнымъ наслажденіямъ
352	7 »	только у этого ничего не- видать	только у того ничего не видать
367	14 »	приходить безъ оказіи; даже	проходить безъ оказіи даже
375	13 »	об тихаго трескучаго хар- канья,	-добіе тихаго трескучаго харканья
377	10 снизу	—Дворянинъ?	—Дворянинъ?
385	4 сверху	внуо трѣ ничего новаго	внутри ничего новаго
385	8 снизу	Шахруда, въ немъ насчи- тываютъ	Шахруда; въ немъ насчитываютъ

Очерки Персии.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ШАХРУДА.

I.

ПЕРСИДСКОЕ ПОВЕРЕЖЬЕ КАСПИЯ

II

ПЕРЕВАЛЪ ЧЕРЕЗЪ КУЗЛУКЪ.

I.

Гилянъ и Мазандеранъ.

Весною 1874 года снаряжамся торговый караванъ въ Афганистанъ. Предприниматели его обратились съ предложеніемъ къ Географическому обществу, командировать отъ себя кого-нибудь изъ членовъ-сотрудниковъ для научныхъ наблюденій, обязуясь при этомъ доставить такому лицу всѣ удобства въ пути. Выборъ палъ на меня, и я выѣхалъ изъ Петербурга, не ожидая каравана, и направился черезъ Астрахань, по Каспійскому морю, къ персидскому берегу «Гязъ», откуда и прибылъ въ Астрабадъ. Мои расчеты на содѣйствіе каравана не удались, переводчика — не было, и мнѣ оставалось или вернуться домой, или отправиться далѣе въ najważнѣйшій въ торговомъ отношеніи городъ Хорассана, Шахрудъ, гдѣ проживаетъ единственный русскій, А. О. Ваумгартенъ, при помощи котораго еще можно было бы ознакомиться съ этимъ краемъ. Я выбралъ послѣднее.

Пароходъ изъ пограничнаго г. Астары направился вдоль береговъ персидской области Гилянъ. Послѣ тревожнаго сна въ душной каютѣ я вышелъ освѣжиться на рубку. За узкою береговою полосою растительности зеленѣли террасы волнообразныхъ горъ, изъ ущелій которыхъ то клубился туманъ, то рвался, на куски, рѣдѣлъ и опять сливался въ плотную массу, а въ десятомъ часу утра показался городишко Эвзели,

расположенный при заливѣ того же названія. Точкою чертится на немъ единственный пароходикъ приобретенный шахомъ Насръ-ед-Диномъ отъ астраханскаго армянина Леонозова, въ свою очередь откупившаго у шаха, во время его пребыванія въ Астрахани на пути въ Европу, всѣ рыбные промыслы въ прикаспійскихъ водахъ Персіи на пять лѣтъ (1873—1878 г.) за 40 или 44 тысячъ томановъ въ годъ; до того же времени они арендовались участками нѣсколькими астраханскими купцами, платившими персидскому правительству за это право всего 8,000 руб. ежегодно.

Этотъ ветхій пароходикъ, отправляемый на-дняхъ въ Баку для починки, шахъ наименовалъ «Шахомъ» и отзывается о немъ, какъ объ «украшеніи міра, двигающемся по 60 верстѣ въ часъ»; по русскому машинисту на немъ жалованье не выплачивалось и тотъ бѣжалъ, оставивъ «Шаха» въ затруднительномъ положеніи.

По поводу этого происшествія меня посвятили въ мельчайшія подробности путешествія шаха по Каспійскому морю; нѣкоторые изъ нихъ помѣщаю здѣсь.

Помимо обременительнаго «маліата» (поземельныхъ и подушныхъ податей), въ Персіи существуютъ еще чрезвычайные налоги, окончательно разорившіе народъ; между ними особенно чувствителенъ *сурзатъ*, т. е. сборъ разной провизіи и фуража на содержаніе проѣзжихъ саповниковъ съ ихъ свитами, многочисленною прислугою и пр. и пр.; вся эта орава беретъ силою съ народа болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, взамѣстъ чего разоренный земледѣлецъ получаетъ росписку, которую временно представляетъ сборщику податей въ счетъ маліата, но не принимаютъ ихъ.

Когда астрабадцы узнали о намѣреніи шаха проѣхать въ Россію черезъ ихъ область, т. е. къ порту на газскомъ берегу, то, испортивъ дорогу, послали кому слѣдуетъ подарки, чѣмъ и откупились отъ счастья видѣть проѣздъ своего шаха, что равносильно непріятельскому вторженію. Шаха повезли болѣе неудобными дорогами на Энзели. Здѣсь онъ пересѣлъ съ своею свитою на пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій» «Константиъ». Изъ русскихъ, сопутствовавшихъ шаху въ Астрахань, армянинъ Б., чуть ли не съ апной па шеѣ, почтительно стоялъ на колѣняхъ передъ нимъ, между тѣмъ какъ изъ персидской свиты «Мечъ государства», Султанъ Мурадъ-Мирза (дядя Шаха), подавшаеся морской болѣзни, переносилъ ее съ такою же стойкостью, съ какою онъ сохранилъ своихъ бравыхъ солдатъ отъ англійскихъ ядеръ въ Персид-

скомъ заливѣ. По поводу послѣднихъ разсказываютъ, что «Мечъ государства» докладывалъ своему повелителю: «англичане стрѣляютъ *отъ эдакихъ ядрами!* Я имъ уступилъ и тѣмъ сохранилъ жизни своимъ молодцамъ-солдатамъ».

Закупоренныя въ каютѣ 2-го класса, четыре жены шаха, оберегались евпухомъ, не сумѣвшимъ закрыть иллюминаторы, и вода начала заливать; по настоянію капитана парохода, шахъ дозволилъ ему предупредить опасность, но какъ скрыть женъ отъ взора невѣрнаго? Евнухъ навалился своимъ туловищемъ на ихъ головы и прикрылъ.

Бесѣда ихъ съ женою бакийскаго губератора вращалась исключительно на темѣ: «въ какой степени и чѣмъ выражается любовь къ ней мужа?» А въ Астрахани онѣ рѣшились временно замѣнить свои шальвары европейскимъ костюмомъ, на что истратили нѣсколько тысячъ рублей.

Между тѣмъ, астраханцы, по случаю пріѣзда шаха, испытывали сильную ажитацію: одни готовились поразить его взоръ цивилизаціею, другіе — упитывать тѣла его свиты; послѣдняя задача выпала на долю почтеннаго коммерсанта В. Столъ великолѣпно сервированъ, самъ хозяинъ, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, горитъ нетерпѣніемъ и надеждами; наконецъ появившаяся пестрая толпа персовъ хлынула на яства: «*траутъ и жрутъ!*» по выраженію очевидца.

— Министры ѣдутъ! крикнулъ влетѣвшій въ столовую запыхавшійся курьеръ Р., и остолбенѣлъ.

— Какъ?! изумляется В. — Кто-же обѣдаетъ у меня теперь?

— Что вы надѣлали? возопилъ пришедшій въ себя курьеръ, вихремъ налетая на персовъ. — Это — нукера (прислуга), а не министры!.. Ахъ они... все пожрали!

Черезъ минуту зала опустѣла.

Путешествіе «нашихъ гостей» по Волгѣ совершилось безъ особыхъ приключеній, и шахъ подарилъ управляющему пароходствомъ свое художественное произведеніе, представляющее на клочкѣ бумаги пароходъ съ матросами выше трубы.

— Это великая честь, но я хочу его осчастливить, замѣтилъ онъ окружающимъ.

— Однакожъ, мой соотечественникъ страшный с... проговорилъ одинъ полковникъ персидскаго происхожденія, служащій на Кавказѣ, взглянувъ на бархатные диваны, сплошь засаленные пловомъ.

На обратномъ пути изъ Европы домой, шахъ прикупилъ въ Кол-

стантинполь двухъ черкешенокъ и нарядилъ ихъ въ костюмъ «кальичи» (т. е. прислуги, подающей кальичъ), что не было тайною на пароходѣ «Константинь», доставившемъ ихъ изъ Баку въ Энзели, въ виду котораго онъ, по случаю сильнаго волненія, простоялъ на паряхъ двое сутокъ.

— Его высочество напишетъ, чтобы васъ наградили, если вы поскорѣе высадите его на берегъ, умоляли капитана парохода обезоруженные морскою болѣзною министры.

Наконецъ, вѣтеръ стихъ, матросы съ трудомъ поднимаютъ якоря; шахъ не вынесъ этой медленности и послалъ свою свиту помогать имъ, и только первый министръ, сказавшійся больнымъ, избавился отъ этой работы. Затѣмъ, пріѣхавшіе за шахомъ гребцы на киржимѣ *) пали ницъ передъ нимъ; во дворцѣ поднесли ему нишкенъ (подарокъ): кубышку съ золотомъ, а народъ собрался привѣтствовать его.

— Боро! (пошелъ! прочь!) крикнулъ взбѣшенный шахъ, и феррари (слуга) моментально разогнали палками върноподданныхъ.

Въ одиннадцатомъ часу нашъ пароходъ остановился въ 500 саженьяхъ отъ Энзели, выглядывающаго деревушкою съ разбросанными маленькими домиками, крытыми камышемъ, съ зеленою садовою и кустовою надъ этими домишками высятся массивное кирпичное зданіе ватаги Леопольдова, а поодаль отъ нихъ ветхій дворецъ шаха; пещины окрестности бѣдны растительностью.

По обыкновенію, съ гвалтомъ окружили пароходъ 8 киржимовъ, разукрашенныхъ изреченіями изъ корана; большая часть изнуренныхъ и болѣзненныхъ на видъ гребцовъ—голы и только въ однихъ короткихъ штанишкахъ; прочіе, въ короткихъ, по поясъ, бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ, въ синихъ шароварахъ изъ грубой бумажной матеріи, босы, а головы ихъ прикрыты вязаными бѣлыми ермолками или круглыми войлочными шапочками, и все они орутъ, размахиваютъ руками и безтолково суетятся. Сбоку парохода выпустили струю пара на нихъ, — поднялся переполохъ, крики: Ал-ла!.. Ур-ра!.. Ал-ли!.. И персидская флотилія, въ мигъ разлетѣвшись по сторонамъ, приумоляла.

Когда паровой клапанъ былъ закрытъ, они снова шумно облѣпили пароходъ. Три киржима были наполнены курами, желтоватыми огурцами, длиною въ четверть аршина; на одномъ пріѣхалъ персидскій почтальонъ

*) Лодка.

съ кожаной сумкою и громаднымъ повисшимъ надъ топкими губами носомъ; на другихъ — кущи. Здѣсь кажется на лицо національный костюмъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Онъ состоитъ изъ: 1) короткой сорочки, 2) широчайшихъ шальваръ изъ бумажной, окрашенной въ синій цвѣтъ, матеріи; поверхъ ихъ надѣвается: *архалукъ*, похожій на узкій и короткій (по коленнымъ) халатъ, застегиваемый на персидскія шелковые пуговицы; полы его съ боковъ имѣютъ разрѣзы до бедра, съ карманами при нихъ, рукава на треть отъ кисти руки тоже съ разрѣзами; архалуки обыкновенно шьются изъ русскихъ и заграничныхъ ситцевъ. Сверхъ архалука надѣвается *коба*, по покрою сходная съ первымъ, за исключеніемъ своихъ узкихъ рукавовъ безъ разрѣзовъ; она шьется изъ шелковой или иной матеріи и подпоясывается, смотря по состоянію, дорогою шалью, бумажнымъ полсомъ или ремнемъ. Затѣмъ, короткіе бѣлые или узорчато-цвѣтные носки, кожаные туфли или башмаки. Совершенно бритыя или пробритыя по срединѣ головы прикрываются «аракчишъ», т. е. ермолками, которыя носятъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, всѣми правовѣрными; а на нихъ надѣвается разнообразный головной уборъ: муллы (духовные и грамотные) носятъ бѣлыя чалмы, сейиды (потомки пророка) — синія, хаджи (побывавшіе у гроба Магомета) — вышитыя шелками; міряне носятъ высокія и низкія мерлушечьи или бараньи шапки, низевскіе изъ корта, круглыя изъ войлока или высокія, круглыя же, изъ матеріи.

Иные горожане носятъ, поверхъ вышеописаннаго костюма, щегольской «аба»; на этотъ широкій и длинный плащъ безъ рукавовъ, но съ разрѣзами для рукъ, идетъ черный сатинъ, бѣлый капифасъ, а также рипсъ разныхъ цвѣтовъ; имѣющіе же граждане иногда щеголяютъ въ «джуббѣ», т. е. въ широчайшемъ халатѣ съ длинными рукавами.

Обыватели Энзели, занимающіеся торговлею, довольно зажиточны, но въ виду хищническихъ наклонностей своихъ властей живутъ скудно и даже нищенски. Первое мѣсто между мѣстными произведеніями занимаютъ продукты шелковичнаго дерева: шелкъ, сѣмя и коконы, затѣмъ — дешевая бумажная матерія «хамхала» разныхъ цвѣтовъ; лавки наполнены преимущественно транзитными товарами.

Въ Энзели находятся персидская таможня и агентство общества «Кавказъ и Меркурій»; десѣтокъ русскоподданныхъ армянъ, занимающихся здѣсь комиссіонерствомъ, а въ теченіи рыбныхъ промысловъ, продолжающихся 8 мѣсяцевъ въ году, сюда паѣзжаютъ до сотни нашихъ русскихъ рабочихъ. Отношеніе туземцевъ къ нашимъ армянамъ выра-

жается обычною антипатією, хотя пѣкоторые изъ нихъ и пьютъ и ѣдятъ втихомолку съ ними.

Въ 35 верстахъ отсюда расположенъ главный городъ гиланской области, Рештъ, съ русскимъ, французскимъ и англійскимъ консульствами.

Энзелейскій заливъ, пазываемый туземцами *Мурдъ-абъ* (мертвая вода), имѣетъ въ окружности 30 миль и принимаетъ въ себя до 42 рѣчекъ, изъ которыхъ 31 горная; всѣ онѣ изобилуютъ рыбою и, за исключеніемъ р. Дживеру, проходимы въ бродъ; въ сухое время глубина залива при ихъ устьяхъ не превышаетъ двухъ вершковъ, и плоскодонные киржины, сидящіе безъ груза въ водѣ на вершокъ, скользятъ по илистому дну; на серединѣ залива 7 футовъ, а при входѣ въ морѣ отъ 5 до 7 футовъ глубины; западный его берегъ, между городомъ и островомъ Міанпуште, представляетъ большія удобства для якорной стоянки, но, согласно трактату, русскія суда не могутъ пользоваться этимъ.

Въ этомъ заливѣ вылавливается ежегодно до 200 тысячъ пудовъ кутума, — большоголовой рыбки, величиною съ сига; въ копченномъ видѣ она напоминаетъ вкусомъ своимъ шамаю и служитъ мѣстнымъ жителемъ любимую приправой къ плову. Лѣтомъ продается кутума по 10 к., за штуку, зимою 20 к., а избытокъ ее отправляется въ Баку и Астрахань, получающую съ одной только гиланской области разной рыбы въ сушеномъ и соленомъ видѣ на 250 тысячъ и болѣе рублей въ годъ.

Гиланская область или «болотистая страна» (отъ персидскаго гиль — грязь, болото) тянется по морскому берегу отъ р. Астары до пограничной съ Мазандераномъ р. Пулирудъ, на 170 верстъ, а средняя ширина ея — около 70 верстъ. Съ запада и юга она окаймляется Эльбурскими горами, скаты которыхъ густо покрыты лѣсами, частью строевыми: дубъ, растущій преимущественно на вершинахъ, нерѣдко имѣетъ сажень въ поперечникъ; платанъ или чинаръ достигаетъ 20 саж. высоты; кленъ, ясень, вязъ, ольха и даже кедръ, кипарисъ, самшитъ (пальмовое дерево) — не въ рѣдкость здѣсь. Посреди скатовъ разстилаются оливковые сады, затѣмъ — тутовые плантаціи, а долины и низменность Гилана зеленѣютъ разнообразнѣйшею растительностью, мѣшающеюся съ цѣлыми рощами дико растущихъ плодовыхъ деревьевъ, съ вершинами которыхъ ниспадаютъ затѣйливыми фестонами дикій виноградъ, хмѣль плетъ, ліаны и другія ползучія растенія. Подъ этимъ зеленымъ покровомъ стелется почва съ густымъ дерномъ, всегда упитанная сильною росой и продолжительными дождями, пересѣкаемая во всѣхъ направ-

леніяхъ ручьями и покрятая огромнымъ количествомъ стоячихъ водъ, что благопріятствуетъ разведенію риса и вмѣстѣ съ тѣмъ — отравляетъ воздухъ.

Животное царство развито здѣсь не менѣе прозябаемаго: въ горномъ Гилянѣ нерѣдко попадается бенгальскій тигръ, который размножился послѣ чумы 1831 г.; онъ никогда не сходитъ на равнину, и замѣчательно, что въ Мазандерапѣ его вовсе нѣтъ, хотя климатическія и почвенныя условія этихъ двухъ областей почти одинаковы. Часто встрѣчаются: барсъ, рысь, дикая кошка, малый черный медвѣдь, дикій баранъ и козы, олень, туръ, куница, бѣлки разныхъ видовъ; орлы, коршуны и горныя куропатки. Въ долинахъ есть: дикобразы, барсуки, шакалы, зайцы и множество кабановъ, съ мясомъ которыхъ гилянцы ознакомились въ послѣдній голодъ; фазаны, гуси, гагары, перепела, разной породы утки, журавли, кулики, дрозды, зяблицы, коноплянки, чайки, лебеди, бабы, бакланы, красные гуси, цапли и другія водяныя птицы въ изобиліи водятся вдоль морскаго берега, въ особенности при устьяхъ рѣкъ и потоковъ, гдѣ рыба, лягушки, водяныя змѣи составляютъ для нихъ изобильную пищу; тутъ-же у береговъ находится и выдры. Въ рѣкахъ — сазанъ (карпъ), лосось, форель и много сомовъ; изъ моря заходятъ сюда: осетры, бѣлуга, севрюга и шипъ, т. е. помѣсь осетра съ бѣлугою, напоминающая своимъ видомъ и вкусомъ среднее между ними; встрѣчаются здѣсь и тюлени. Вообще побережье отъ Астары до Мешедессера богато красною рыбою, но персы не ѣдятъ безчешуйчатой рыбы, и весь уловъ ея отправляется въ Россію.

На высотахъ въ открытыхъ долинахъ роются дикія пчелы; на тучныхъ пастбищахъ съ альпійскими травами пасутся овцы, въ лѣсахъ — рогатый скотъ красивой породы, съ хрящеватою выпуклостью на холкѣ; тѣ и другіе нерѣдко служатъ добычею паятеръ и тигровъ. Много ословъ и катеровъ (лошаковъ), но лошадей мало; тѣмъ же мошекъ, комаровъ и другихъ насѣкомыхъ жестоко мучаютъ людей и животныхъ.

Климатъ Гиляни неблагопріятенъ для жизни человѣка: задержанный горячій воздухъ, при излишней влажности, производитъ особую атмосферу, далеко распространяющую вредныя испаренія съ особымъ запахомъ и причиняющую лихорадки, біеніе сердца, ипохондрію, изнуреніе, сыпь, опухоли на тѣлѣ и пр. недуги, быстро разрушающіе здоровье и ежегодно похищающіе жизнь четвертой доли всего населенія болотистаго побережья Персін. «Кому падоѣла жизнь, пусть отправляется въ Гилянъ», гласитъ персидская пословица.

Съ поября по исходъ марта, въ особенности въ декабрѣ и январѣ, здѣсь дуетъ обыкновенно порывистый, теплый вѣтеръ «бадигермъ», и перѣдко въ два-три дня высушиваетъ край, обыкновенно обращаемый проливными дождями въ массу топкой грязи; затѣмъ слѣдуетъ дождливая весна, сухое лѣто и опять дождливая осень; зимою иногда выпадаетъ снѣгъ и морозы доходятъ на нѣсколько дней до 4°. Въ самую трудную пору для здоровья (съ 15 мая до конца сентября) достаточные люди удаляются съ низменныхъ мѣстъ и долинъ на житье въ горы Эльбурса, а бѣднякъ сильно страдаетъ въ своей глиняной лачужкѣ, крытой сухою травой или тростникомъ, въ изобиліи растущимъ по болотамъ. Жителей въ Гилянѣ около 180 тысячъ; изъ нихъ наибольшій процентъ составляютъ гилеки, потомки древнихъ гелѣ; затѣмъ кочующіе племена: талышъ и др.; первые изъ нихъ говорятъ на испорченномъ парфянскомъ пехлевійскомъ языкѣ, называемомъ гилекъ. Обыватели нижняго Гиляна—малорослы, худощавы и вообще болѣзненны, верхняго-же—кряпичи и стройны; женщины ихъ перѣдко красивы и большею частью ходятъ безъ покрывалъ.

Угнетаемые и разоряемые тяжелыми налогами и поборами, гилеки самые бѣдные во всей Персіи, хотя при иныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ ихъ страда составила-бы источникъ неисчерпаемыхъ богатствъ; они не только безсильны создать благосостояніе себѣ, но нуждаются во всемъ и даже не въ состояніи сами обрабатывать земли, а прибѣгаютъ для этого къ такимъ-же безправнымъ, но болѣе крѣпкимъ и здоровымъ соседямъ азербайджанъ и промышленнымъ мазандеранцамъ. Предметъ труда и заботливости ихъ составляетъ разведеніе тутовыхъ плантацій, доставляющихъ наилучшій во всей Персіи шелкъ, а затѣмъ обработка рисовыхъ полей.

Тутовая плантація обыкновенно разводится на возвышенныхъ мѣстахъ долинъ, а иначе—корни деревьевъ подверглись бы гниенію отъ сырости при разливахъ рѣкъ и болотъ отъ дождей. Выбравъ полянку или вырубивъ лѣсной участокъ для плантаціи, работники съ 15 января и по исходъ февраля разрыхляютъ почву заступами, а затѣмъ разсаживаютъ тутовые отростки параллельными рядами, оставляя между ними промежутки въ полтора аршина, для прохода рабочимъ; по существующему здѣсь обычаю, на первый годъ тутъ-же сажаютъ дыни, арбузы и нѣкоторые овощи. Окончивъ разсаду, десять процентовъ которой обыкновенно пропадаетъ, обносятъ плантацію, въ предохраненіе ея отъ порчи скота, палородною изъ колючихъ растений.

По прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, а если плантація расположена вблизи морского берега, то нерѣдко и на слѣдующій годъ, собираютъ около середины марта листья молодыхъ деревьевъ и ими прикрываютъ неразвившихся еще червячковъ, только-что вышедшихъ изъ шелковичныхъ яичекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ шелковичныхъ сѣмянъ, отогрѣваемыхъ въ сильно натопленной избѣ безъ оконъ и съ одною только плотно запертою дверью. Въ началѣ мая, червей, уже развившихся и сбросившихъ первую оболочку, выносятъ отсюда въ паланы (тилимборы), состоящіе изъ четырехъ, вбитыхъ въ землю, пестовъ, поверхъ которыхъ пабрасывается въ двухъ-саженномъ разстояніи отъ почвы камышевая крыша и въ саженомъ — досчатая пастилка, а между ними вѣшается соломенная рогожа или камышевая плетенка; на эту послѣднюю бросаютъ цѣлыя ворохи вѣтокъ молодого и старого тутъ, годнаго еще для корма перепесеннымъ сюда изъ избы червямъ, которые — въ случаѣ позднихъ холодовъ гибнутъ, при благопріятныхъ же условіяхъ — выютъ здѣсь коконы и обращаются въ куколки, а эти послѣднія — въ бабочки. Затѣмъ, на другой-же день по освобожденіи своемъ изъ коконовъ, самки кладутъ яички, похожія на макъ, которыя собираются и служатъ опять для развитія червей, и т. д.; собранные коконы кипятятъ въ пелуженныхъ котлахъ и разматываютъ съ нихъ питку на деревянныя колеса огромныхъ размѣровъ. Гилянскій шелкъ можетъ соперничать съ испанскимъ, французскимъ и даже итальянскимъ.

Вторая забота гилянцевъ — рисъ, составляющій для нихъ все: они питаются имъ сами и, не производя лѣмента, нерѣдко кормятъ имъ своихъ лошадей.

Поле, предназначенное для рисоваго посѣва, легко вспахивается въ концѣ октября допотопнымъ желѣзнымъ плугомъ. Вспаханное поле остается безъ поливки до 20 марта; затѣмъ, увлажняютъ его слегка водою, проведенною канавками изъ рѣкъ, озеръ и болотъ, а снова разрыхляютъ, между тѣмъ отдѣльно, на небольшомъ пространствѣ, сѣютъ рисъ для разсады, которая всходитъ къ 1 маю, т. е. къ тому времени, когда увлажненное поле вспахивается уже въ третій разъ, и тогда пересаживается на него разсада, а вслѣдъ за тѣмъ напускается вода на пол-аршина высоты, которая и покрываетъ его въ теченіи ста дней; послѣ чего, спустивъ воду, собираютъ уже созрѣвшій рисъ, дающій при хорошемъ урожаѣ самъ-двадцать и болѣе. Чѣмъ болотистѣе мѣстность и обильнѣе дожди, тѣмъ урожай выше. Гилянъ производитъ ежегодно слишкомъ 4 милліона пудовъ рису, но его не хватаетъ

для мѣстныхъ потребностей. Пудъ рису стоитъ здѣсь, смотря по качеству, отъ 1 р. 90 к. до 2 р. 20 к.

Прочіе дары богатой гиланской природы находятся почти въ дикомъ, некультивированномъ состояніи; маслинъ или оливковыхъ деревьевъ здѣсь много, но гиланцы не умѣютъ готовить хорошаго масла; оно мутно и преимущественно идетъ на выдѣлку мыла, а частью употребляется ими въ пищу и вывозится. Виноградъ плохъ; изъ него выжимаютъ сокъ для персидской кухни. Фиги, перскии, абрикосы, сливы, айва, груши, яблоки, гранаты и пересаженные сюда давно изъ Мазандерана сладкіе лимоны, кислые померанцы и множество видовъ цедры растутъ дико. Безвечность гиланцевъ и незнаніе садоводства и огородничества доходитъ до того, что Гиланъ, способный производить всѣ роды померанцевыхъ деревьевъ, не имѣетъ ни кислыхъ лимоновъ, ни сладкихъ апельсиновъ, а овощей почти не разводитъ, предпочитая получать отъ сосѣдей морковь, свеклу и даже главную приправу своего безсмысленнаго плова—бобы. Ленъ, изъ котораго вьются веревки для увязки шелка и киржимоновъ, разводится въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, а изобильно растущимъ хмѣлемъ положительно не умѣютъ пользоваться.

Сгрузивъ въ Энзели ничтожное количество русскихъ товаровъ и принявъ три-четыре вьюка мѣстнаго сыра и семь богомольцевъ, пароходъ послѣ часовой стоянки отплылъ дальше къ Мешедессеру, отстоящему отсюда на 160 миль или 23 часа ходу.

Богомольцы ѣдутъ на поклоненіе гробницѣ имама Риза въ г. Мешхедъ, куда путь не безопасенъ мѣстами отъ нападенія туркменъ, а потому при нихъ находятся два старыхъ ружья: одно русское солдатское съ куркомъ, другое длинное персидское съ кремнемъ. Разлегшись на подстилкахъ около грузоваго люка—любимаго мѣста персидскихъ пассажировъ—и покуривая камьянъ, переходящій изъ рукъ въ руки, они охотно показываютъ намъ свои «хурджины», т. е. дорожные мѣшки, небрасываемые во время верховой ѣзды черезъ спину лошади, безъ которыхъ въ Персіи никто не путешествуетъ.

По словамъ богомольцевъ, они, пробывъ въ Мешхедѣ 15 дней, будутъ титуловаться «мешхеди», точно также, какъ побывавшіе у гроба Магомета въ Меккѣ, величаются: «хаджи», а въ гг. Кербела и Неджефѣ, гдѣ находятся гробницы высокочтимыхъ шіитамъ имамовъ Ху-

сейна и Али, прибавляют передъ своимъ именемъ: «кербалаи». Титулъ хаджи—почетнѣйшій, затѣмъ кербалаи и, наконецъ, мешхеда, такъ что побывавшій на богомольѣ во всѣхъ этихъ мѣстахъ носить только первый изъ нихъ.

Въ 5 часовъ утра пароходъ держится въ 800 саж. отъ низменныхъ береговъ мазандеранской области, сплошь покрытыхъ густымъ камышемъ и кустами колючихъ растений, преимущественно терновника, постепенно сливающихся въ глубинѣ съ роскошною и могучею растительностью сѣвернаго склона Эльбурса, изъ-за котораго далеко облачкомъ глдитъ снѣжная голова конусообразнаго Демавенда, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 21,500 футовъ.

Мазандеранъ, граничащій съ астрабадскою областю рѣкою Джери-Кулбадъ, тянется по морскому берегу на 250 верстъ, а въ ширину имѣетъ 50 верстъ. Природа его, не уступитъ Гилянской; здѣсь растутъ даже хлопокъ и сахарный тростникъ, но послѣдній не поспѣваетъ совершенно, какъ это бываетъ въ тропическомъ климатѣ; виноградныя лозы достигаютъ отъ 4 до 8 вершковъ толщины, но виноградъ не собирается никѣмъ и гниетъ; шелку въ Мазандеранѣ, однакоже, меньше и онъ ниже достоинствомъ. Великолѣнные лиственные лѣса его отличаются отъ европейскихъ не только по виду, но часто по роду и семейству; растутъ здѣсь восточный чинаръ, много мирты, называемой въ Персiи «муртъ», въ лѣсахъ которой водятся фазаны, и пр., и пр.

Климатъ Мазандерана менѣе влаженъ, чѣмъ въ Гилянѣ, и трехсот-тысячное населенiе его болѣе крѣпко и здорово. Оно занимается преимущественно разведенiемъ рисовыхъ, тутовыхъ и хлопчатобумажныхъ плантацiй, выдѣлкою грубаго сукна для мѣстнаго употребленiя и приготовленiемъ отвратительнаго сахара, называемаго «шекири», изъ мѣстнаго, сахарнаго тростника, не требующаго здѣсь никакого ухода. Обыкновенно въ началѣ или половинѣ апрѣля начинаются по деревнямъ посѣвы его, а въ сентябрѣ, по уборкѣ ихъ, тростникъ рѣжется на малые куски, изъ которыхъ выжимается сокъ посредствомъ прессы самой несложной конструкции; затѣмъ варятъ его до тѣхъ поръ, пока не получится густая, буроватая масса, которую охлаждаютъ и, разрѣзавъ на куски неправильной формы, складываютъ на продажу въ бурдюки или мѣшны и отправляютъ въ сосѣднiе города. Изъ этого мазандеранскаго сахара, представляющаго комки бурого тѣста сладко-караственнаго вкуса, приготовляются переидскiя лакомства, а невзыска-тельная деревенщина и туркмены нерѣдко пьютъ его съ чаемъ, предпо-

читая платить за пудъ шекири около двухъ рублей, чѣмъ за транзитный около восьми или за русскій — до 10 рублей. Персы не умѣютъ ни кристаллизировать, ни очищать сахаръ...

Основатель нынѣ царствующей династїи Каджаровъ, Ага-Мухаммедъ учредивъ столицу свою въ Тегеранѣ, устроилъ въ Мазандерапѣ военные поселенія изъ курдистанскихъ, азербейджанскихъ, хорассанскихъ, авганистанскихъ и белуджистанскихъ переселенцевъ, съ цѣлью устрашить ими тѣхъ изъ своихъ одноплеменниковъ, т. е. каджаръ, которые не хотѣли подчиниться ему; эти поселяне и до сихъ поръ даютъ шаху нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей, хотя каджаровъ, въ смыслѣ кочующаго племени, уже не существуетъ: они или смѣшались съ персами, или разсѣялись между развратнымъ и безсильнымъ дворянствомъ и преимущественно занимаютъ чиновничьи мѣста.

Мазандерапъ, нѣкогда славившійся любовью своего населенія къ свободѣ и независимости, описывается у Фирдуси какъ жилище демоновъ; да и теперь, по убѣжденію суевѣрныхъ персовъ, въ немъ не мало водится разной чертовщины; такъ, при пастбищѣ Ассеранъ, съ дикими и необитаемыми окрестностями, находятся развалины древняго замка, обитаемаго джиами и дивами, т. е. духами...

Въ 6 часовъ утра пароходъ остановился вдали отъ совершенно открытаго и неудобнаго порта Мешедессера, у береговъ котораго разыгрался бурень, а потому ни одинъ кирзимъ не вышелъ къ намъ; рѣчка Мешедессеръ стремительно гонитъ свои воды въ море и тѣмъ увеличиваетъ его волны, доходящія въ свѣжій вѣтеръ до двухъ и болѣе сажень высоты.

Мешедессеръ представляется деревушкою въ садахъ, съ маленькими домишками, крытыми камышемъ, таможеню, большимъ караванъ-сараемъ, и служить мѣстомъ нагрузки мѣстныхъ и выгрузки русскихъ и транзитныхъ товаровъ; главныя предметы вывоза отсюда въ Россію составляютъ хлопокъ, шелкъ, сухіе фрукты, грецкіе орѣхи, пушной товаръ и кожи. Изъ привозныхъ сюда транзитныхъ произведеній, по количеству мѣстъ, преобладаетъ транзитный сахаръ маленькими головками, вѣсомъ отъ 5 до 7 $\frac{1}{4}$ фунтовъ; русскихъ-же товаровъ сравнительно съ транзитными — меньше, по причинѣ относительной дороговизны ихъ и вообще по нашему неумѣнію удовлетворять требованіямъ персидскихъ покупателей.

Здѣсь проживаетъ агентъ общества «Кавказъ и Меркурій», а осенью и зимою ежегодно съѣзжаются сюда до сотни русскихъ торговцевъ изъ армянъ и закавказскихъ мусульманъ; первые торгуютъ транзитными товарами, преимущественно марсельскимъ сахаромъ, продавал ихъ на сроки или вымѣнивая на хлопокъ, шерсть, сухіе фрукты и пр.; послѣдніе торгуютъ здѣсь преимущественно русскими товарами. Торговый оборотъ тѣхъ и другихъ доходитъ до 3-хъ милліоновъ рублей ежегодно.

Полагаютъ, что главный городъ Мазандеранской области, Саръ, расположенъ на мѣстѣ древняго Задра-Карта, столицы Гирканіи, въ которой Александръ Македонскій провелъ 15 дней съ своею арміею. Саръ, неоднократно разрушаемый наводненіями и землетрясеніями, замѣчательнъ превосходнымъ сортомъ апельсиновъ, называемыхъ «португалами».

За мазандеранскимъ побережьемъ слѣдуетъ побережье астрабадской области; приблизительная длина ея около 200 верстъ, если считать отъ деревни Ноукендэ, что на западной границѣ подъ $51^{\circ} 35'$ до деревни Ноудэ подъ $53^{\circ} 20'$ восточной долготы, а ширина 126 верстъ.

Персидскій берегъ Гизъ прилегаетъ къ астрабадскому заливу, находящемуся въ ю.-в. углу Каспійскаго моря. Защищенный со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, астрабадскій заливъ представляетъ удобное мѣсто для якорной стоянки судовъ во всякое время года, что могло-бы благоприятствовать развитію русской торговли съ Персіею, Авганистаномъ и даже съ Хивою и Бухарою.

Длина залива 56 верстъ и наибольшая его ширина (при о-вѣ Ашуръ-аде) около 14 вер., глубина отъ 7 до 18 фут., но отмели у песчаныхъ береговъ препятствуютъ судамъ близко подходить къ нимъ; вообще заливъ замѣтно мелѣетъ съ году на годъ.

Климатъ лѣсистаго побережья его, сравнительно съ прочими частями южнаго берега Каспія, лучше: лихорадки не такъ сильны, а зима и осень напоминаютъ весну; его воды изобилуютъ рыбою, въ особенности весною, когда она идетъ метать икру къ устьямъ рѣкъ.

Это побережье составляло часть древней Гирканіи, въ дремучихъ лѣсахъ которой иранскій богатырь Рустемъ нанесъ кинжаломъ ударъ бѣлому демону (Диви-Сефидъ), главѣ гирканскихъ великаповъ, а Александръ Македонскій, проходя черезъ нее, очутился посреди жилищъ извѣстныхъ подъ именемъ «счастливыхъ деревень», изобилующихъ хлѣбомъ, виномъ, плодами, медомъ и прочими благами «райской обители»...

II.

Русская факторія Гязъ и Астрабадская область.

Въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, на маленькомъ острову Аниръ, или Ашуръ-Аде, помѣщается наша послѣдняя морская станція, а вблизи отъ нея, на персидскомъ берегу Гязъ, расположена русская факторія.

Начальникъ станціи предложилъ мнѣ паровой барказъ для переѣзда черезъ *персгалъ*, — такъ называется узкая полоса воды, отдѣляющая русскій островъ отъ персидскаго берега. Спусти два часа, барказъ присталъ къ ветхой пристани или, вѣрнѣе сказать, къ выдающимся на сто сажень въ море узкимъ мосткамъ на тонкихъ кольяхъ.

Мостки плясали подъ ногами, и наша крошечная факторія смотрѣла какъ-то жалобно на насъ: нѣсколько полуразрушенныхъ сараевъ, для склада привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, изъ коихъ первые отправляются внутрь страны на г. Шахрудъ, вторые — преимущественно въ Россію; пять-шесть лачугъ и сквозныхъ вышекъ, наскоро сколоченныхъ изъ жердей, досокъ и утѣпанныхъ деревянными заплатами, — это жилие нашихъ торговцевъ-армяпъ; въ концѣ факторіи выглядываетъ аккуратнѣйшій деревянный домикъ европейской архитектуры — агентство общества «Кавказъ и Меркурій», а за нею тянется необозримый, полутропическій лѣсъ.

Въ южной части Каспійскаго моря одинъ только Астрабадскій заливъ представляетъ удобное мѣсто для якорной стоянки судовъ во всякое время года, а факторія Гязъ при немъ — единственный пунктъ соприкосновенія Россіи съ сѣверо-восточною Персіею, пунктъ чрезвычайной важности въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ; между тѣмъ положеніе нашихъ торговцевъ здѣсь крайне затруднительно. Не довѣряя Россіи, персидское правительство не только не дозволяетъ имъ прочно обстраиваться, но даже улучшить на ихъ собственный счетъ дрянную пристань, нерѣдко обрываемую сильнымъ вѣтромъ съ моря, и, при всемъ томъ, взимаетъ съ нихъ за каждую лачугу по 15 руб. ежегодно; исключеніе сдѣлано только для домика общества «Кавказъ и Меркурій», построеннаго въ 1866 г. послѣ продолжительныхъ переговоровъ нашего посольства въ Тегеранѣ.

Подобныя притѣсненія, въ связъ съ господствующими лихорадками, крайне ограничиваютъ число проживающихъ здѣсь нашихъ торговцевъ, обыкновенно уѣзжающихъ на зиму — послѣ торговыхъ сдѣлокъ — въ Россію и Мазандеранъ. Въ настоящее время населеніе факторіи состоитъ изъ трехъ-четырехъ армянъ, двухъ закавказскихъ мусульманъ, единственнаго русскаго — агента общества «Кавказъ и Меркурій», одного песторіаннина, халдея (католика), въ роли агента нашего астрабадскаго консульства, — нѣсколькихъ персидскихъ торговцевъ, носильщиковъ и помощника таможеннаго смотрителя — единственной персидской власти и то фиктивной, ибо фактически она принадлежитъ старшинѣ русскаго купечества на Гязскомъ берегу, вмѣстѣ съ агентомъ нашего консульства, разбирающимъ коммерческія дразги между своими и персами; ни тотъ, ни другой по-русски не говорятъ ни слова.

Первый изъ нихъ радушно пригласилъ наше маленькое общество къ себѣ; пока его братъ, *парунъ* (баринъ) Шамиль, суетился по хозяйственной части, докторъ повелѣлъ меня по веѣмъ закоулкамъ неопрятнаго жилья.

Глиняная мазанка о-бокъ сада служила кухнею; въ ней темно и пусто, а низкая лежанка съ кубическимъ углубленіемъ замѣняетъ печь; босой поварь-персъ въ круглой войлочной шапочкѣ (кула-памади), въ короткой по пушокъ синей рубахѣ и таковыхъ же шароварахъ, спѣшно готовилъ *кебабъ*, т. е. одною рукой раздувалъ уголья персидскимъ вѣеромъ или соломенною плетенкою въ формѣ тонорика съ короткою деревянною ручкой, а другою поджаривалъ надъ ними куски жирной баранины, напизанные на желѣзный пруть съ деревянною рукоятю; тутъ же возился парунъ Шамиль съ національнымъ армянскимъ блюдомъ: *лоби* изъ фасоли, которую варятъ въ соленой водѣ, процѣживаютъ, затѣмъ кладутъ въ кастрюлю съ масломъ и, поливъ ее яйцами, держатъ 3 или 4 минуты на огнѣ.

Во время завтрака вошли два перса: тощій подслѣповатый старичка — помощникъ таможеннаго, и тучный коммерсантъ, маленькаго роста — родственникъ моему астрабадскому знакомцу Хаджи-аги.

Переговоривъ о мѣстной торговлѣ, мы въ разговорѣ коснулись отношенія консульства къ нашимъ армянскимъ торговцамъ: «оно находится къ намъ въ натяжкѣ, — держитъ себя гордо, недоступно, — слабо защищаетъ насъ и тянетъ сторону персовъ: консульство — омерсіилилось!» — слышалось кругомъ.

Затѣмъ парупъ Іосифъ сообщилъ объ опасностяхъ предстоящаго мнѣ пути:

— Я живу въ факторіи седьмой годъ, — говорилъ онъ, и не было еще случая нападенія туркменъ на нее, — русскихъ боялся; по ко дорогѣ въ городъ Астрабадъ — очень опасно; съ Шахруда къ Мезипану еще опаснѣе, и вы поѣдете съ *оказію*, значеніе которой заключается не въ конвоѣ, обыкновенно разбѣгающемся при нападеніи туркменъ, а въ составѣ и численности богомольцевъ: если между ними находятся наши горцы, т. е. закавказскіе мусульмане, отличающіеся мужествомъ и стойкостью, туркмены никогда не рискнутъ напасть на *оказію*; наши же приволжскіе татары, нерѣдко встрѣчающіеся между богомольцами, не страшны имъ. Далѣе, съ Мезипана къ Мешхеду — почти безопасно, но оттуда въ Херать, помимо туркменскихъ разбоевъ, воруяютъ и грабятъ около городовъ сами персы.

— А пропустятъ ли меня въ Херать?

— Слышалъ я отъ мешхедскихъ купцовъ, торгующихъ съ Хератомъ, что года четыре тому назадъ иностранцамъ не дозволяли оставаться въ городѣ болѣе трехъ дней, даже и въ такомъ случаѣ, если они выдавали себя за купцовъ; «лжешь! — ты русскій или англійскій агентъ!» — говорили имъ и выпроваживали вонъ, но теперь, кажется, совсѣмъ не пускаютъ...

III.

Природа и люди.

Въ знойный полдень, въ сопровожденіи переводчика стаціи Ашуръ Рафаила Езнаева и туркмена Таги, нашъ маленькій караванъ тронулся въ путь.

Проѣхавъ по песчаному берегу сажень сто, мы свернули въ рощу у дикой гранаты, постепенно перешедшей въ сплошной лѣсъ. Отлягнувшись, я увидѣлъ, какъ съ быстро-удаляющагося въ синюю даль моря барказа машутъ мнѣ шалками и платками...

Побережье Астрабадской области по климату и почвѣ сходно съ

Мазандераномъ; лѣса здѣсь походятъ на запущенные фруктовые парки на сотни верстѣ въ окружности...

Гуськомъ еле-пробираемся мы по вьющейся тропинкѣ въ чащѣ разнообразѣйшей растительности, затѣйливо перевитой виноградомъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ она выше и выше: грецкій орѣхъ достигаетъ семидесяти футовъ, а въ воздухѣ разлитъ ароматъ и носится пѣсни соловья... Вдругъ въ сторонѣ раздалось дикое, гортанное пѣніе; въ высокомъ тонѣ его слышался то вѣковой гнѣтъ и стоишь протеста, то рабская покорность своей долѣ.

— Этихъ гвалтомъ персы сами себя выдаютъ туркменамъ, подстерегающимъ ихъ, — замѣтилъ Рафаилъ.

Свернувъ на узенькую тропинку, вымощенную голышомъ, въ родѣ нашего булыжника, которымъ такъ богато старое русло рѣченія Газъ, мы вѣхали во внутренній дворикъ жилища богатаго купца — родственника Хаджи-аги. Прочитавъ рекомендательное письмо, онъ пригласилъ меня въ единственную комнатку деревяннаго домишка на сваяхъ, служащую конторою и вмѣстѣ съ тѣмъ гостинною, но такъ какъ и стѣснялся снять сапоги, то ковры были сняты, — остались одни войлоки и циновки, на которыхъ и размѣстились мы. Пріемъ, далеко не радушный, ограничился стаканомъ сквернаго чаю съ горьковато-кислымъ мѣстнымъ померанцемъ, замѣняющимъ здѣсь лимоны. Суннитъ Таги тоже не былъ обнесенъ внѣшними знаками гостепріимства перса-шиита какъ изъ опасенія въ противномъ случаѣ мести перваго, такъ вообще и потому, что вліяніе высшаго духовенства Астрабада на отдаленную деревенькину слишкомъ ничтожно, и пограничные персы или скрываютъ свою религіозную вражду къ туркменамъ, или совершенно равнодушны къ религіозной розни.

Дальше мы поѣхали въ сопровожденіи уже другаго родственника Хаджи-аги: молодца съ виду, на отличномъ туркменскомъ конѣ и съ ружьемъ черезъ плечо.

Въ пятомъ часу караванъ остановился на короткій отдыхъ подѣ тѣнью деревь, осѣняющихъ часовню одного изъ потомковъ высокочтимого имама Мусы, съ обширнымъ кладбищемъ и караульною вышкой (карауль-хане) при ней.

— Поѣдемъ дальше: ночь нападетъ, — опасно, — совѣтуетъ Рафаилу сопровождающій насъ *молодецъ*, — и мы опять въ лѣсной чащѣ, откуда какъ въ щель, виднѣется клочекъ лазуреваго неба.

Далѣе нашъ путь лежалъ мимо села *Альванг-кя*.

Поѣхали быстро, какъ насъ догнали два запыхавшіеся всадника съ просьбою дозволить имъ примкнуть къ нашему обществу; озираясь по сторонамъ, они рассказывали о недавнемъ бѣгствѣ своего земляка изъ іомудскаго плѣна, и когда астрабадскій губернаторъ поинтересовался знать его мнѣнія: «кого туркмены боятся больше — русскихъ или персовъ»? — тотъ отвѣтилъ: «они предпочтутъ скорѣе напасть на тысячу персовъ, нежели на одного русскаго». На это Таги, беззаботно кушавшій алычу, замѣтилъ Рафаилу по туркменски: «нашъ воинственный народъ немного ослабъ передъ персами съ тѣхъ поръ, какъ русскіе приблизились къ намъ»...

Тропинка свернула въ мѣстечко *Курдъ-Махаллэ*, — эту вѣчную жертву безпощадныхъ властей, помѣщиковъ, туркменъ, а нерѣдко и не менѣе хищныхъ звѣрей.

На поворотѣ тропинки намъ встрѣтился деревенскій мальчишка; завидя Таги, онъ точно окаменѣлъ отъ страха: фізіономія вытянулась, зрачки расширились, ротъ — полуоткрытъ. Туркмень слегка улыбнулся, а Рафаиль проговорилъ: «запуганный персъ всего боится, за то ничего не стыдится».

Близость Курдъ-Махаллэ ободрила нашихъ иранцевъ: *молодецъ* (родственниковъ Хаджи-аги) поскакали впередъ къ начальнику мѣстечка, Мамедъ-Багиръ-хану, съ рекомендательнымъ письмомъ, которымъ Рафаиль запасся на Гизскомъ берегу.

За чащею открывался очаровательный видъ на широко-раскинувшееся мѣстечко въ садахъ; мы поскакали по извилистымъ улицамъ: дѣти громко здороваются въ намъ, — взрослые прижимаютъ правую руку къ сердцу, а побывавшіе на Аширѣ или въ Гязи, дѣлаютъ намъ честь по военному, какъ-бы подъ козырекъ; — изрѣдка покажется въ саду черноглазая смуглянка и, завидя насъ, быстро скроется...

Остановились у воротъ обширнаго внутренняго двора съ одиноко стоящимъ развѣсистымъ *кара-агачемъ* (вязомъ); въблизи отъ него виднѣлись три фигуры въ бараньихъ шапкахъ, синихъ кобахъ и широчайшихъ шароварахъ того же цвѣта; самый тощій изъ нихъ пригласилъ насъ легкимъ движеніемъ руки въѣхать и, когда я слѣзъ съ лошади, проговорилъ привѣтствіе, съ сладчайшею улыбкою прижимая ладонь къ сердцу. — Этотъ молодой человѣкъ былъ самъ начальникъ уѣзда Мамедъ-Багиръ-ханъ; послѣдственный титулъ *ханъ* означаетъ въ буквальномъ смыслѣ княжеское достоинство, и каждый глава или начальникъ рода именуется ханомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ шахъ Насръ-ед-

динъ возвелъ въ это званіе множество своихъ слугъ (пукеровъ), оно потеряло свое прежнее значеніе и теперь подходитъ къ нашему дворянству.

Намъ предложили помѣститься въ закрытой комнатѣ или же — подѣ навѣсомъ деревяннаго домика, примыкающаго къ непрерывному ряду жилыхъ построекъ, заканчивающихся у воротъ рѣшетчатою конюшней, въ родѣ уродливой клѣтки, въ которую — на нашихъ глазахъ — въѣхалъ мальчишка верхомъ на лошади; съ третьей стороны двора тянется ветхій деревянный заборъ, при которомъ на видномъ мѣстѣ выкопана ямка, съ дощечкою поперекъ нея, — это отхожее мѣсто начальника; съ четвертой — живая изгородь изъ колючихъ кустовъ съ кистями прекрасныхъ лиловыхъ цвѣтовъ, а за нею — обширный садъ.

Рафаиль предпочелъ расположиться на ночлегъ во дворѣ подѣ тѣнистымъ деревомъ, вблизи дымной головки отъ комаровъ и для раскурки кальяновъ; расторопный Таги разостлалъ для насъ па свѣжей соломѣ войлоки, одѣяло, — разложилъ большой костеръ и, покуривая кальяны, ставитъ самоваръ. Мы растянулись на мягкомъ ложѣ, — хозяинъ съ помощниками и любопытными гостями несмѣло обступили и молча озвучаютъ насъ, а когда я замѣнилъ тяжеловѣсную пляцу башкирской тюбитейкой, они переглянулись между собою съ едва замѣтною улыбкою торжества: «безъ ермолки правовѣрныхъ, молъ, трудно обойтись!»

Бесѣда не вязалась, но когда уже всѣ разошлись на покой, къ намъ подошелъ пріятель Рафаила, и долго-долго шептался съ нимъ о несчастномъ предшественникѣ Мамедъ-Багиръ-хана, — *Садыкъ-ханъ*, и объ отношеніяхъ астрабадскихъ властей къ туркменамъ. Достоверность этихъ печальныхъ повѣствованій не подлежитъ сомнѣнію, а потому помѣщаю ихъ въ дневникъ.

Передъ отъѣздомъ въ Россію, шахъ созвалъ въ Тегеранѣ всѣхъ *хакимовъ* съ цѣлью распорядиться по управленію ввѣренными имъ областями по время своего отсутствія. Воспользовавшись удобною минутою, 30 астрабадскихъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ, во главѣ съ старшиною этого мѣстечка (Курдъ-Махаллѣ), Садыкъ-ханомъ, заявили шаху жалобу на своего губернатора *Сулейманъ-хана*, что онъ поддерживаетъ въ краѣ насиліе, безправіе, не выкупаетъ изъ неволи персовъ, и о прочихъ безпорядкахъ.

Шахъ передалъ эту жалобу обличенному губернатору, и тотъ, задававъ нѣкоторыхъ министровъ, остался не только *чистъ* въ глазахъ сво-

его повелителя, но, какъ неповинно оклеветанный, получить отъ него *всемогущее право* раздѣлаться по усмотрѣнію (по-своейски) съ протестантами; мало того, по отъѣздѣ шаха, онъ возвратился въ свою резиденцію, г. Астрабадъ, *уполномоченнымъ* губернаторомъ, т. е. съ безусловнымъ правомъ рубить головы и пр. и пр. Немедля арестовавъ Садыкъ-хана и тѣхъ изъ его товарищей, которые не успѣли бѣжать отъ предстоящей имъ грозной мести, Сулейманъ-ханъ сперва *кротко* упрекнулъ его при стеченіи народа за жалобу, затѣмъ приказалъ двоюродному его брату Мамедъ-Багиръ-хану (подъ кровомъ котораго повѣстается эта исторія) *плюнуть три раза въ лицо ему, три раза ударить по головѣ и три раза дернуть его за бороду*. Довольный *смирненнымъ послушаніемъ* Мамедъ-Багиръ-хана, уполномоченный губернаторъ *пожаловалъ* его на мѣсто Садыкъ-хана начальникомъ Курдъ-Махаллѣ, а *имущество несчастнаго было отдано на разграбленіе персамъ и туркменамъ, каменный его домъ въ Астрабадѣ разрушенъ до основанія*; самого (Садыкъ-хана) *вмѣстѣ съ товарищами его — отодралъ по пяткамъ пальцами, затѣмъ, приказалъ обрить имъ «почетъ ихъ лица» — бороды, каждый волосокъ копѣя почитается священнымъ, для духовенства и людей выше среднихъ лѣтъ, а Садыкъ-хану обрили ее на посмѣище народу такъ, что отъ нея осталось два-три клочка, — потомъ напялили ему на голову остроконечный колпакъ изъ картона съ разноцвѣтными лоскутками, — посадили его на осла, лицомъ къ хвосту, за который повелительно было ему ухватиться руками, — и такъ водили его съ музыкою при стеченіи всего населенія по всѣмъ улицамъ Астрабада!..*

Затѣмъ его бросили въ темницу, откуда онъ, благодаря своимъ пріверженцамъ, бѣжалъ въ Тегеранъ по возвращеніи шаха изъ Европы, и пожаловался ему на притязанія *уполномоченнаго губернатора*; мудрый повелитель отправилъ въ Астрабадъ сына послѣдняго *вмѣстѣ съ Садыкъ-ханомъ, примирить ихъ между собою, а если возможно, то возвратитъ послѣднему прежнюю власть...*

Подобная грязь получила въ павшей Персіи права гражданства; подкуны и шиканы — всемогущи и составляютъ насущную потребность персидской морали! Чѣмъ кончится эта исторія для Садыкъ-хана, — пока еще неизвѣстно, но Сулейманъ-ханъ все еще прочно сидитъ на астрабадскомъ престолѣ...

Пожелавъ намъ спокойной ночи, гость скрылся въ непроницаемой тѣмѣ. Дымный чиракъ съ черною нефтью тускло горитъ надъ навѣсомъ

жилья, — Таги съ напыленною на глаза мохнатою шапкою спитъ у ногъ моихъ, — Рафаилъ тоже безпокойно всхрипнулъ, но мнѣ долго не спалось отъ влажнаго зноя, мошекъ и комаровъ, а въ природѣ убаюкивающая жизнь: лѣсной міръ поетъ и шелеститъ, — шакалы воютъ и плачутъ почти-что надъ самымъ ухомъ, — собаки отвѣчаютъ имъ то дружнымъ лаемъ, то протяжнымъ соло...

Въ дремотѣ слышу глухой ударъ обо что-то эластичное, затѣмъ голосъ Рафаила: «Вы спите?» — Нѣтъ, а что? — «Къ вамъ подкрался шакалъ; Таги пустилъ въ него башмакомъ, а я хотѣлъ стрѣлять, да опасаясь обезпокоить васъ. Ханъ прислалъ нукера сказать, чтобы вы спрятали сапоги подъ подушку, а не то прожорливые шакалы и даже собаки украдутъ».

На утро мы простились *по военному*, т. е. приложивъ руку къ выску; хозяинъ намѣревался было проводить насъ до воротъ своего жилья, но окружающіе совѣтники остановили его: «не упижайтесь передъ иностранцами».

— Персы не гостепріимны къ намъ — затѣтилъ Рафаилъ: — всѣ принимаютъ за купца, и не отказали въ почлегѣ просто изъ *расчета на пикиши*; — русскому же офицеру оказываютъ почетъ *изъ боязни*; въ его присутствіи они не только не осмѣливаются сѣсть, но трусливо удаляются, а офицеру, ѣдущему съ конвоемъ — еще болѣе почету, и выѣстъ съ тѣмъ, *о прибытіи его немедленно доносится въ Тегеранъ...*

Опять потянулся сплошной, полуфруктовый лѣсъ. Коня привычно перепрыгиваютъ низкія изгороди, узкіе ручьи, торчащіе пни, свалившіяся деревья и пр. препятствія. Въ полдень остановились на отдыхъ въ тѣни на берегу прозрачнаго ручейка, противъ древняго Гебрскаго «кургана вѣры» (Дипъ-тэпе).

Не смотря на настоящій зной полудня, Таги отправился со мною осмотрѣть «курганъ вѣры», похожій на «Серебряный Бугоръ», что при рѣкѣ Гюргени, и выѣстъ съ тѣмъ собрать здѣсь растенія для гербарія, съ опасностью получить солнечный ударъ. Мнѣ дурно отъ жары; слабость и головокруженіе; Таги, помогавшій выкапывать травы, какъ-бы убѣждая меня прекратить работу, указываетъ на раскаленное солнце надъ нашими головами, и я, весь мокрый, еле-доплелся къ ручью и упалъ въ изнеможеніи... Мнѣ помогли раздѣться до-нага и окутали въ простыню; получасовой сонъ въ тѣни и чай съ виномъ под-

крѣпили меня, но голова трепить, жажда — мучительна, а аппетитъ съ утра пропалъ.

Однако, мое лихорадочное состояніе ухудшилось: *тоска, головокруженіе и упадокъ силъ* дошли до такой степени, что каждый шагъ моей тряской лошади угрожалъ мнѣ паденіемъ; пришлось принять предложеніе *молодца*: пересѣсть на его спокойнаго аргамака и свернуть на почлегъ въ ближайшую деревушку *Саркулазъ*.

Къ счастью, мы встрѣтили *юсъ-баши* (сотника) деревни, Мамедъ-Вали, бывавшаго на гязскомъ берегу и знавшаго Рафаила, а потому охотно пригласившаго насъ къ себѣ. Уже смерклось, когда нашъ маленький караванъ вѣхалъ на дворъ къ нему и расположился въ средней, открытой спереди комнатѣ деревяннаго домика, смазаннаго чистою глиной; въ одной боковой конуркѣ помѣщалась вся семья гостепріимнаго хозяина, другая служила кладовою.

Подулъ освѣжающій вѣтерокъ съ сосѣднихъ астрабадскихъ горъ; Рафаиль потушилъ зловонный чиракъ и всхрапнулъ.

Пока освѣжаетъ горный вѣтерокъ — сплю, а затѣмъ — опять просыпаюсь весь въ испаринѣ, и такъ всю ночь; но не смотря на этотъ болѣзненный сонъ, я всталъ въ половинѣ четвертаго часа утра совершенно бодрымъ и здоровымъ, если не считать только сильно распухшаго глаза отъ укушенія какимъ-то насѣкомымъ; надо мною кружились летучія мыши, привлекаемая бѣлою простынею, — чирикали ласточки, свившія гнѣзда у брусевъ, поддерживающихъ потолокъ (выкрашенный въ черную краску, ибо употребляемая здѣсь для освѣщенія черпая нефть сильно коптитъ). На дворикѣ весело кудахтаютъ куры, подпрыгивая, еще веселѣе чирикаютъ воробушки, а вправо, изъ-за крышъ видѣется Эльбурсъ (Астрабадскія горы) съ облачнымъ верхомъ.

Мнѣ жаль будить товарищей: они такъ сладко храпятъ, но нечего дѣлать; лѣниво потягиваясь, поднялись и они.

Червадаръ, отпросившись подъ разными предлогами домой, панялъ для насъ до г. Астрабада замѣчательно скверныхъ катеровъ, привыкшихъ только къ перевозкѣ выюковъ, т. е. къ медленному шагу; никакія энергическія понуканія не дѣйствовали на мою вислоухую клячу, сильно мучившую меня.

Въ двѣнадцатомъ часу дорога направилась вдоль отлогости Эльбурса и затѣмъ вывела насъ изъ лѣсу на просторъ; впереди открывается обширная равнина, покрытая вплоть до р. Гюргенъ кустами и кое-гдѣ деревьями, перемежающимися съ желтѣющими и зеленѣющими ни-

вами, а за нею разстилается необозримая туркменская степь. Отсюда ужъ сѣрѣетъ Астрабадъ, обнесенный высокими глиняными стѣнами съ башенками и бойницами.

Мы сильно устали и запылились, а мой тряскій упрямецъ тридцатирублевого достоинства до того измучилъ меня, что пришлось въ виду города сѣсть бокомъ на него; Рафаилъ заупынно тянетъ туркменскую ифсенку, что гармонировало съ его виѣшностью; разнѣжившійся на налавѣ Таги окончательно раскисъ, прочіе выглядывали тоже крайне неряшливо. Въѣхать въ такомъ видѣ въ столицу Астрабадской области было бы неудобно, и мы расположились на отдыхъ подѣ развѣсистымъ чипаромъ, въ 300 саженьяхъ отъ нея и вблизи молельни, сооруженной на мѣстѣ *стунни пророка Илліи*; у нашихъ ногъ протекаетъ ручеекъ, въ которомъ персѣ моетъ бѣлье, а у изголовья — торчатъ руины кирпичной мельницы, приспособленной къ защитѣ на случай нападенія туркменъ.

Червадаръ, недовольный остановкою, отнимающей у него время, указывалъ на облака, грозившія разразиться дождемъ, но въ сущности онъ *торопится къ женамъ*, какъ увѣряетъ Рафаилъ, пославшій его въ городъ за дровами для самовара. Между тѣмъ трое прохожихъ разговорились съ Рафаиломъ, заявляя *свою радость видѣть русскихъ*, а подошедшіе къ намъ мальчишки съ пучками свѣжаго сѣна охотно помогаютъ мнѣ собирать растенія, но безплодно, ибо ни одного цвѣтка, ни травки они не сумѣли сорвать съ корнемъ, согласно моимъ наставленіямъ.

Босые сарбазы (солдаты) съ голодными лицами, въ кула-намади или яракчинъ (ермолка) и въ щедро-латапномъ костюмѣ, предлагаютъ купить у нихъ двѣ вязанки дровъ, по червадаръ уже привезъ съ базара хворосту и десятокъ сочныхъ дынь, заплативъ за все это *панабать* (15 коп.); теперь снѣ уже не просить, а умолять насъ скорѣе отпустить его, опасаясь, чтобы лазутчики не предупредили туркменъ о его одинокомъ возвращеніи домой.

Спустя полчаса, родственникъ Хаджи-аги вкупѣ съ Рафаиломъ составили церемоніаль возможно-торжественнаго въѣзда нашего каравана въ городъ, и мы двинулись къ *мазандеранскимъ* воротамъ въ такомъ порядкѣ: впереди ѣхалъ бравый съ виду *молодецъ* на аргамакѣ, за нимъ — я, едва удерживаясь на костлявой трясуцкѣ, сзади меня — Рафаилъ не въ лучшемъ видѣ, затѣмъ червадаръ, а туркменъ, со-

беззаботнѣйшимъ видомъ еле-плелся сзади всѣхъ на персидскомъ Буцефалѣ.

Привратники, недавно созерцавшіе триумфальное шествіе генерала Ламакина, даже не удостоили взглянуть на насъ...

IV.

Въ консульствѣ.

Давно-давно, когда еще на мѣстѣ Астрабада пролежала лишь тропинка, осель какого-то каравана пробилъ копытомъ въблизи нея тонкій слой земли, подъ которымъ оказались большія сокровища, и путники, воспользовавшіеся ими, положили здѣсь основаніе городу, названному въ память счастливой случайности *ослиною постройкой* (астеръ — осель, абадъ — постройка). Вотъ все, что сообщили мнѣ изъ преданія о возникновеніи Астрабада, титулуемаго шитами «домомъ правовѣрія».

Съ мазандеранскихъ воротъ городъ начинается пустырями съ нѣсколькими глиняными постройками; за ними тянутся узенькія, кривыя улицы съ сплошными стѣнами примыкающихъ одинъ къ другому дворовъ; гребешки нѣкоторыхъ домовъ съ покатыми черепяными крышами, и верхи глиняныхъ стѣнъ усыпаются пучками широколистнаго *приса*, съ большими лиліеобразными, бѣлыми, желтыми и лиловыми цвѣтами.

Миновавъ проходной дворъ между открытою мечетью и ветхимъ зданіемъ, подъ тѣнью котораго дымились кальяны въ рукахъ безмятежно-сидящихъ оборвышей, мы свернули къ тѣсному базару съ просвѣчивающимся верхомъ изъ жердей; кое-гдѣ ключьями ниспадають съ нихъ вѣтви вьющихся растеній, давая тѣнь и увеличивая запахъ гнили и чесноку, мѣстами висятъ шаравары и сушатся мотки синихъ нитокъ, только-что выкрашенныхъ тутъ же въ мастерскихъ; на прилавкахъ безмолвно сидятъ торгаша, между которыми не мало *обыкновенныхъ чалмоносцевъ*, т.-е. грамотѣвъ, и *причлененныхъ*, т.-е. *сейидовъ* въ зеленыхъ поясахъ — виѣшнемъ признакѣ потомковъ пророка, и въ

бѣлыхъ, синихъ или зеленыхъ чалмахъ; встрѣчаются и сарбазы — имъ не препятствуютъ заниматься торговлею.

Въ недалекомъ разстояніи отсюда, мы остановились передъ запертою калиткой обширнаго, снаружн смазаннаго сѣрою глиною, кирпичнаго жилья, съ флагомъ русскаго консульства надъ вышкою его. Передавъ коней червадару, я съ Рафаиломъ вошелъ въ крошечный внутренній дворикъ и, по указанію перса-слуги, поднялся во второй этажъ въ назначенную для меня комнату, обыкновенно служащую пріютомъ тѣмъ изъ пріѣзжихъ аширцевъ или проѣзжихъ иностранцевъ, которымъ консулъ желаетъ оказать гостепріимство. Однимъ окномъ глядѣла она въ упомянутый дворикъ, а въ другое, противоположное ему, врывалась вѣтви тѣнистой смоковницы (винной ягоды, *инджира*), съ широколанчатыми листьями, ласкающая проклада и тонкій аромат цвѣтовъ съ наилучшаго въ городѣ консульскаго сада; въ третьей стѣпѣ калитки симметрично расположены по бокамъ (по сторонамъ) каминъ безъ рѣшетки по нишѣ, съ крайне-запыленными деревянными полками и не припирающимися дверцами съ осколками стеколъ; въ одномъ углу стоитъ желѣзная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ, въ другомъ — дырявое кожаное кресло и покрытый фланелью столъ; полъ устланъ пыльными кошмами (войлоками) и дырявыми коврами, и вездѣ по стѣнамъ паутина, пауки и пыль!.... Но при всемъ томъ, эта неряшливо содержимая келья могла бы доставить усталому путнику въ Персіи прелесть отдыха, если бы только не безпощадныя мухи и комары...

Рафаэль остановился у своего пріятеля — консульскаго мирзы; уходя къ нему, онъ обѣщалъ прислать ко мнѣ немедленно слугу, и дѣйствительно, спустя полчаса въ комнату вошелъ непонимающій по-русски персъ и, поставивъ въ стѣнную нишу мѣдный тазъ съ двумя графинами воды, молча удался. Кругомъ мертвая тишина, хотя Б., получающій одного только жалованья 6,000 р. въ годъ, окруженъ семью слугами изъ персовъ, но считалъ курьера и *назира*, т.-е. дворецкаго, подъ надзоромъ котораго они находятся; за тѣмъ, четыре липейные казака съ Терека, смѣняемые черезъ каждыя пять лѣтъ другими, живутъ рядомъ со мною; наконецъ, служанка изъ Астрахани.

За послѣ-обѣденнымъ кофе Б. пустился рассказывать о недавней поѣздкѣ своей въ Парижъ; его жена — полудремала, а въ тиши спящаго города разносился протяжный вой съ перерывами, точно кто-то поминутно захлебывался водою. Это оригинальный способъ мѣстнаго леченія отъ всѣхъ недуговъ, совершаемаго духовнымъ лицомъ на крышѣ

въ 9 или 10½ час. вечера, обыкновенно, съ четверга на пятницу (т.-е. на мусульманское воскресенье) и, бѣзъ сомнѣнія, за условное вознагражденіе; въ моменты перерывовъ молитвы муллы, каждый прохожій или слышащій ее приговариваетъ: «да исполнится желаніе его».

Время на покой; но только-что разнѣжился я у себя на постелѣ, какъ вошелъ секретарь консульства Ж., уже знакомый мнѣ съ Ашира; тамъ онъ былъ бодръ, но теперь тоска одиночества видимо подавляла физически мощнаго юношу.

— Читайте, пишите, ну, хоть о Персїи, о которой мы ничего не знаемъ, потому что вы молчите, — прописывалъ я ему рецептъ отъ скуки.

— Мы не пишемъ потому, что климатъ усыпляетъ мозгъ, — отвѣчалъ онъ, въ сильномъ волненіи шатая по комнатѣ и еле-сдерживая слезы, — не пишемъ еще и потому, что ко всему уже приглядѣлись и ничего вокругъ себя не замѣчаемъ... Скука ужасная! Единственное развлеченіе — прогулка верхомъ... Я и консулъ — и болѣе ни одного европейца, даже армянской души здѣсь нѣтъ?!...

— А англійскій агентъ?

— И тотъ персъ. Минуты считаю, скоро-ли придетъ срокъ отпуска, которымъ мы пользуемся черезъ каждые пять лѣтъ, и еслибы только не Астрабадская станція и Баку, гдѣ по временамъ отвожѣ душу, — не жилъ-бы я здѣсь ни за миллионъ!...

— А въ Тегеранѣ?

— Несравненно лучше; тамъ — послы Россіи, Великобританіи, Франціи и Турціи; въ Тавризѣ тоже хорошо: въ немъ проживаютъ консулы этихъ державъ, наконецъ въ Рештѣ...

— Перейдите туда.

Ж. махнулъ рукою, и, какъ *милости*, упросилъ меня въ этотъ неудобный часъ отправиться къ нему. Онъ живетъ въ сорока шагахъ отсюда въ обширномъ домѣ консульскаго мирзы, платя, по скрѣпленному консульствомъ контракту, 75 р. въ годъ за три комнаты, перестроенныя изъ на европейскій ладъ, не считая помѣщенія для переслуги и одного казака, *субботника* или *жидовствующаго*, какъ обзываютъ его товарищи, въ роли конвойнаго Ж., и присматривающаго за отличнымъ конемъ; помимо того, маленькія комнаты въ арабескахъ, служившія нѣкогда спальнями женъ, теперь завалены ячменемъ для коня.

Домъ — кирпичный изъ квадратныхъ плитокъ, въ ¼ дюйма толщиною, содержащихъ въ себѣ очень мало песку, а потому непрочныхъ,

какъ непрочно и кладка ихъ на глинѣ, съ паружными швами изъ точнаго слоя алебастра; крайне крутая лѣстница съ высокими ступеньками (общее неудобство персидскаго жилья) ведетъ во второй этажъ въ его же (Ж.) комнаты, съ пирами въ стѣнахъ, съ трупнымъ запахомъ отъ расположеннаго подъ окнами кладбища, и съ цѣлою батареей опустошенныхъ бутылокъ въ прихожей: «таковыя же увидите у всѣхъ персидскихъ сановниковъ» — вскользь замѣтилъ Ж.

Пустынно и скучно вокругъ!... Кіевская вишневка развязала языки, и въ откровенной бесѣдѣ досталось же персамъ!...

— За деньги они пойдутъ на всякую сдѣлку съ совѣстью! — говорилъ онъ, затыгиваясь калѣяномъ. — Отъ религіи откажутся... Можно купить даже жену губернатора... Несмотря на затворничество персидской женщины — развратъ силенъ, тѣмъ болѣе, что онъ освѣщается религіею, т.-е. для совершенія *сина* или брака на часъ, два, на день, мѣсяцъ и болѣе, *мулла даетъ молитву*... А при медицинской безпомощности за развратомъ слѣдуетъ *сифилисъ*, особенно сильно распространенный въ Тегеранѣ и Рештѣ...

— Однажды, — продолжалъ Ж. — *въ рамазанъ* (мѣсяцъ поста), когда шпінты по цѣлымъ днямъ ничего не ѣдятъ, а съ захода солнца и до утренней зари буквально жрутъ, — преданный мнѣ персъ устроилъ свиданіе пріѣзжему аширцу съ персидскою дамою, но та въ условный часъ не явилась: «передайте, что я читаю теперь *коранъ*, и какъ кончу — приду», — отвѣтила она посланцу; и, дѣйствительно, пришла: онъ благосклонны къ европейцамъ, доказательствомъ чего служить развратъ ихъ въ Баку, но грязныиотъ нихъ попахиваетъ чеснокомъ. . Аширець разсказывалъ, что на тѣлѣ у ней вытравленъ рисункъ, изображающій *олена пьющаго воду* (утоляющаго жажду); у другихъ — гирлянды цвѣтовъ, деревья и птички услаждаютъ зрѣніе ненасытныхъ сластолюбцевъ мужей.. Характеризуя отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ женамъ, Ж. разсказалъ, между прочимъ, какъ недавно здѣсь одинъ обыватель утопилъ свою законную подругу и — ничего..

Уже было 12 часовъ, когда слуга проводить меня домой; но какъ ни былъ я утомленъ, уснуть долго не могъ: бѣшеный гвалтъ лигушекъ въ саду оглушалъ, а мириады гиѣздящихся въ разрыхленныхъ отъ времени войлокахъ блохъ, мошки, мухи, комары и тому подобная персидская дрянь жадно обѣщали тѣло рѣднаго гостя, и на утро я проснулся съ волдырями, особенно чувствительными подъ глазами. Персы *немажотъ съ употребленіемъ* такъ-называемаго *персидскаго* или иныхъ

порошковъ отъ насѣкомыхъ, и хорошо еще, что здѣсь не водятся скорпіоны.

Не смотря на девятый часъ утра, въ наполненной ароматомъ моей комнатѣ далеко не жарко; лягушечій концертъ замѣнился стрекотнею кузнечиковъ; на порогѣ появился назиръ.

— Нѣтъ ли таза умыться?

— Безъ таза... казакъ мылся такъ,— отвѣтилъ онъ, показывая знаками, чтобы я мылся по-казачьи черезъ окно.

— О насъ разнеслись по городу самые невѣроятные слухи,—сказалъ вошедшій Рафаилъ, помогая мнѣ справиться «безъ таза»;—на базарѣ толкуютъ, что: «русскіе пришли записывать каждый домъ, каждое дерево», и что: «русскіе хотятъ овладѣть Астрабадомъ»... А казаки увѣряютъ меня, что: «вы полковникъ, а советѣмъ не купецъ», о чемъ ихъ кто-то увѣдомилъ письмомъ изъ Россіи...

Но мое *легкомысленное* отношеніе къ персидскому этикету вѣроятно разрушить подобные слухи. Вотъ и теперь, отправляясь на кофе, предшествоваемый по восточному церемоніалу назиромъ, я обогналъ его и *тѣмъ уже уронилъ* себя въ глазахъ его,—это разъ; а другое: когда онъ, вѣроятно изъ опасенія консульскаго упрека, ухитрился опередить меня и, ставши у дверей залы, отвѣсилъ мнѣ обычный *лакейскій поклонъ на бокъ съ правую сторону, съ опущенною по шву правую руку*, то я отвѣтилъ ему очень любезно, *чего не заведено у знатныхъ особъ*, а впереди предвидится еще много такихъ *непростительныхъ* промаховъ...

Б. безмолвно разливала кофе, — Б. апатично глядѣлъ въ пространство, а рядомъ съ нимъ задумчиво сидѣлъ на стулѣ его *мирза* (писецъ, писмоводитель) *Аббасъ*, съ неподвижно-устремленными долу тусклыми глазами, съ опущенными на колѣни желтыми ладонями и въ бѣлыхъ чулкахъ.

Послѣ завтрака В. принесъ мѣстную *правительственную* газету, и для характеристики перевелъ ее мнѣ. По обыкновенію, она начиналась съ извѣстій о Киптѣ, Японіи и вообще Азіи, затѣмъ слѣдовалъ внутренній отдѣлъ въ такомъ родѣ: тамъ-то казнень разбойникъ, въ той-то провинціи—неспокойно, а въ другой—все обстоитъ благополучно, и т. д. Потомъ шла перепечатка безынтересныхъ извѣстій о Европѣ, и тѣмъ заканчивалась эта тегеранская, *литографированная* газета, стоящая 10 руб. 50 коп. въ годъ.

Другая литографированная газетка тегеранскаго изданія «Иранъ»,

формата въ писчій листъ — начинается *придворными извѣстіями*, за которыми слѣдуетъ рубрика *иностранныхъ*, въ такомъ порядкѣ: «*Россія. О Севастополѣ*. Англійскіе журналисты встревожены вооруженіемъ Севастополя; редакторъ *Times* издалъ по этому случаю вопль, а онъ чрезвычайно уминый человекъ». — Затѣмъ: *Турція, Японія, Испанія и Индія*: «Два англичанина прицали мусульманство; ихъ духовные взоры открылись для истины чудеснымъ образомъ»..! Потомъ — *Объявленія*: «Въ непродолжительномъ времени будетъ печататься *Робинзонъ*, — рассказъ очень пріятный и съ большимъ смысломъ». Наконецъ — *фельетонъ*.

Показывая мнѣ маленькій *Альманахъ* за 1291 г. хиджры (1874 г. по Р. Х.), Б. на удачу раскрылъ шестнадцатую страницу, содержащую *событія* такого рода: «Изобрѣтеніе пороха въ *Петербургскомъ госу- дарствѣ* произошло въ 1355 г. христ. лѣтосчисленія».

Душная атмосфера кабинета побудила меня прервать на время пріятное знакомство съ персидскою прессой.

V.

На базарѣ и кладбищѣ.

У себя въ компаніи язасталъ Рафаила, сильно расхандривагося вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ нему дипломатовъ — своихъ и персидскихъ. Сообщивъ, что разочарованный *молодецъ* просить меня *похвалить его за усердіе* въ письмѣ къ Хаджи-агѣ, онъ отправился со мною осмотрѣть базаръ въ сопровожденіи урядника Попова съ пагайкою въ рукѣ; дорогою присоединился къ намъ и нашъ, принарядившійся щеголемъ пріятель Таги.

Одинъ мальчишка изъ-за угла крикнулъ казаку: «Василь, Василь — здравствуй!» — а трое другихъ, прориемовавъ скороговоркою и параспѣвъ: «Урусъ, урусъ — думби хурусъ!» (Русскій, русскій — пѣтушій хвостъ!) шмыгнули — въ ворота.

— Смѣльчаки! — улыбулся урядникъ, пригрозивъ вслѣдъ имъ пагайкой.

— Часто ли приходится слышать вамъ подобныя насмѣшки?

— И не запомню когда. Персы не рѣшаются затрогивать насъ, —

скорѣе кто-нибудь изъ нашихъ молодцовъ обидитъ ихъ, и то—проходить съвозъ пальцы. Намедни торговалъ я на базарѣ молоко, а сарбазъ (солдатъ) запустилъ въ него лапу, для пробы,—у нихъ это въ обыкновеніи,—значить, не зная, что мое... И его шарахнулъ,—онъ пожаловался губернатору, потому полицейскимъ унтеромъ состоитъ при немъ, а какъ ихъ отличить?!.. Консулъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, тѣмъ дѣло и окончилось...

— Астрабадцамъ не въ диковину видѣть русскихъ; они уже привыкли къ намъ и далеко не фанатичны, по крайней мѣрѣ, не подають виду...—замѣтилъ Рафаилъ, когда мы подошли къ базару, представляющему узкій проходъ между двумя рядами крошечныхъ и грязныхъ лавчонокъ или конуръ съ полками по стѣнамъ, для товаровъ, и прилавкомъ, впереди, для сидѣвшаго торгашу; въ иныхъ лавкахъ полки замѣняются покатою паркою съ гнѣздами, для грубыхъ мѣстныхъ произведеній, какъ, напр., жирной глины, замѣняющей мыло и т. п., но все онѣ безъ оконъ и съ подъемными дверями во всю переднюю стѣнку, обнажающими весь наличный товаръ: вывѣски — излишни, и мнѣ нигдѣ не приходилось ихъ видѣть.

Вся дневная дѣятельность мужской половины города сосредоточена здѣсь и открыта настежь: базаръ — это рынокъ, мастерскія и клубъ, гдѣ торгуютъ, работаютъ и стряпаютъ, — разносятъ новости, сплетничаютъ и ѣдятъ, — читаютъ коранъ, отдыхаютъ или безмолвно созерцаютъ, терпѣливо поджидая покупателя *на трошгъ*; а пестрая толпа снуетъ взадъ и впередъ, но въ ней — ни одной жепцины: онѣ въ заперти по домамъ сидятъ.

Крики верховыхъ: «Явашъ! явашъ!» (Тыше, осторожиѣе)—поминутно раздаются въ ушахъ, а въ воздухѣ носится завыванье полдневнаго азапа, — мальчишки ему вгорять. Не мало встрѣчается туркменъ въ мохнатыхъ, порыжьлыхъ шапкахъ, въ полосатыхъ красно-желтыхъ халатахъ, въ грубыхъ башмакахъ на босу ногу и, перѣдко, звѣрскаго вида, съ вислобочеными бородами и мрачнымъ блескомъ въ глазахъ; одни — верхами, другіе — покупаютъ, но больше бездѣльно сидятъ за камьями на прилавкахъ у црители-персовъ. Еще больше таскается по базару голодныхъ сарбазовъ въ высокихъ *кула намади* верблюжьяго црѣта, составляющихъ головной ихъ уборъ впѣ службы,—въ ветхихъ синихъ казакинахъ изъ грубой бумажной *бязи* съ мѣдными пуговицами по борту, въ широкихъ шараварахъ изъ той же матеріи и

въ башмакахъ на босу ногу; иные изъ нихъ ходять съ принадлежностями за поясомъ для кровопусканій правовѣрнымъ...

Грызъ и вонь, въ особенности въ зеленныхъ и мясныхъ рядахъ; насъ окружила толпа глупо-улыбающихся ротозѣевъ: давка, шумъ, смѣхъ и говоръ!.. — «Онъ газетчикъ», — толкуютъ между собою болѣе степенные на видъ.

— «Тамаша, тамаша» (т.-е. осматриваетъ), — замѣчаютъ другіе, тискаясь около меня и всматриваясь съ дикимъ любопытствомъ и наивнымъ удивленіемъ, какъ я вписываю въ дневникъ цѣны товаровъ.

Вообще возни было много, пока я добился кое-какого толку.

Перешли въ другой, такой же длинный и тѣсный базаръ. Кузнецы безъ рубахъ и только въ однихъ шараварахъ, съ открытыхъ кухонь валитъ смядъ: жарять *кебабъ*, варять *пловъ*, чай... Все это пожирается прямо съ огня; тутъ же пекарни *лаваша* и *чурека* (тонкихъ и толстыхъ пшеничныхъ лепешекъ, замѣняющихъ хлѣбъ), запыленные кондитерскія съ разными «*ширини*», т.-е. сладостями—персидскими лакомствами: орѣхи въ сахаръ и преимущественно мучныя конфеты, окрашенные въ зеленый и красный цвѣта (для послѣдняго саужить канцелярское сѣмя), съ слѣдами грязныхъ пальцевъ на нихъ; «ширини» въ большемъ употребленіи во Персіи: безъ угощеній ими и поднесенія ихъ въ пишкешъ не обходится ни одно семейное событіе, религіозное празднество и т. п...

Въ цирюльнѣ—*стригутъ* бороды, само-собою изъ молодыхъ (людей), ибо пожилые не рѣшятся послѣдовать примѣру шаха Насръ-едина, перваго человека въ Персіи, святотатственно посягнувшаго на «почетъ» своего лица; другіе—*брютъ* головы, пускаютъ кровь.

А вотъ персидскія аптеки, т.-е. такіе же грязныя конурки, съ сушеными травами и кореньями, неопрятными мѣшочками съ разными лекарственными и прочими спадобьями, между которыми первое мѣсто занимаютъ краски, для волосъ, рукъ и ногъ, а также зелье для вывода волосъ на секретныхъ мѣстахъ. Опіумъ, употребляемый внутрь и для куренія, очень дешевъ: золотникъ—5 коп.; нерѣдки здѣсь случаи отравы отъ вредной привычки давать дѣтямъ съ колибелю: еще надпихъ умеръ отъ него маленькой сынъ консульскаго повара. Кальиновый табакъ оказался негоднымъ ни для трубки, ни въ папиросахъ, ибо *безъ угля* не горитъ, хоть мы сушили его до послѣдней степени; слѣдовательно, нужно запастись въ путешествіи своимъ табакомъ...

Вообще, лавченки набиты грошевымъ товаромъ, преимущественно

заграничнымъ; между мѣстнымъ вздоромъ бросается въ глаза чугунная дробь, голубые талисманы изъ камня и глины въ видѣ пуговокъ съ шестью-семью дырочками, для навѣшиванія *отъ недобраго глаза* дѣтямъ на шапочки, а лошадямъ на шею и т. п.

Серебряныхъ дѣлъ мастеръ предложилъ мнѣ заказать у него серебряную печатку съ моимъ именемъ на персидскомъ языкѣ — отказываюсь.

— Купи изумрудъ. — продолжаетъ онъ, показывая большой зеленый камушекъ.

— Сколько стоитъ?

— Три крана (90 к.).

— Купимъ, если консулъ подтвердитъ его достоинство, — замѣтилъ Рафаиль, подозрительно всматриваясь въ него.

— Возьми, возьми, — покажи ему. О, это изумрудъ! — проговорилъ мастеръ съ улыбкою, не допускающею сомнѣнй въ томъ, но въ дѣйствительности онъ оказался, по словамъ Б., *кризопитомъ*, величайшимъ туземцами изумрудомъ, который они не рѣдко очень грубо поддѣлываютъ...

Отсюда мы свернули въ узкій проѣздъ съ ветхимъ просвѣчивающимся верхомъ. Этотъ пассажъ, ведущій въ караванъ-сарай, занятъ лавками съ краснымъ товаромъ. Подозрѣвая во мнѣ конкуррента, торговши на-отрѣзъ отказывались снабдить меня образцами ходящихъ здѣсь ситцевъ и суконъ.

— Дай кусочекъ, вотъ э-этакій маленький кусочекъ, — вымаливалъ у нихъ урядникъ, по совѣсти сказать, знавшій по-персидски только два слова: «дай кусочекъ», а остальное пояснявшій жестами, гримасами и голосовыми звуками, по возможности нѣжныхъ тоновъ. Одни упрямылись, другіе отворачивались, а только двое помирившись на 30 копѣйкахъ за каждый лоскутокъ, хотя цѣлый аршинъ не стоилъ того, но просьбѣ моихъ спутниковъ, старшина здѣшняго купечества, Ага-Мамедъ-Касымъ, къ которому мы зашли, обѣщавъ удовлетворить мое желаніе на болѣе умѣренныхъ условіяхъ. Его лавочка съ крошечнымъ чуланомъ, смотрящая хуже, чѣмъ у послѣдняго нашего торговца на толкучкѣ, выходитъ одною стороною (однимъ фасомъ) въ проѣздъ, другою — на внутренній дворикъ принадлежащаго ему одноэтажнаго караванъ-сарая съ черепичною крышею и маленькими комнатами съ подъемными дверями, служащими выѣстъ съ тѣмъ — днемъ, когда онѣ открыты — и окнами; комнаты отдаются въ наемъ подъ склады това-

ровъ, подъ лавки и прѣѣзжимъ, не исключая даже иностранцевъ (по увѣренію хозяина), если бы таковыя случились и нуждались бы въ помѣщеніи, за которое обыкновенно платится въ сутки по 10 коп.; въ углу грязнѣйшаго двора стоятъ большіе деревянные вѣсы, для взвѣшивания вьюковъ, а посреди — вышка съ навѣсомъ, подъ которымъ теперь спятъ прѣѣзжіе червадары.

Перечисавъ грошевые товары богатаго старшины, хлопотавшаго за самоваромъ для насъ тутъ же въ лавочкѣ, я спросилъ его:

— Разойдутся ли часы?

— Здѣсь нѣтъ часового мастера, — отвѣтилъ онъ.

— Да и обращаться съ ними не съумѣютъ, — добавилъ Рафаиль: — одна знатная барыня завела себѣ часики и *носитъ ихъ на лбу, какъ украшеніе*, постоянно спрашивая своихъ знакомыхъ дамъ: «который у меня часъ?» — хотя они уже давно испорчены.

Хозяинъ, бывавшій въ Россіи, угощалъ насъ допольно споснымъ транзитнымъ чаемъ, къ которому подоспѣло нѣсколько почтенныхъ чалмоносцевъ, закурившихъ кальяны, а персы большіе охотники до чаю, въ особенности на чужой счетъ, и просяживаются за нимъ по нѣскольку часовъ.

— Вотъ *астрабадскій монетный дворъ*, — указалъ Рафаиль на ветхій, неопрятный сарайчикъ въ концѣ базара, когда мы простившись съ Ага Мамедъ-касымомъ, направились домой. — Онъ отдастъ правительствомъ въ аренду или на откупъ мѣстному обывателю за 100 томановъ (300 руб.) въ годъ, и въ немъ чеканятся преимущественно серебряная монета, т. е. краны (30 к.), изрѣдка — мѣдная, а золота давно не видать.

Но когда мы подошли къ этому оригинальному сооруженію, работа была пріостановлена, вѣроятно, изъ опасенія, дабы я не похитилъ секрета уродливой чеканки; а на просьбы моихъ спутниковъ показать мнѣ процессъ ея, арендаторъ насмущно отвѣтилъ, что «работа производится только по мѣрѣ надобности», и во всякомъ случаѣ безъ разрѣшенія губернатора онъ не удовлетворитъ мое желаніе.

Впрочемъ, дѣло такъ несложно, что достаточно будетъ ограничиться объясненіями моихъ чичероне. Каждый обыватель, желающій чеканить монету, доставляетъ чистое серебро арендатору, и платитъ ему въ вознагражденіе за трудъ двѣ сотыхъ по вѣсу всего количества металла; затѣмъ на сто частей серебра примѣшиваются двѣ части мѣди, и одинъ изъ рабочихъ съ помощью допотопнаго снаряда вытя-

гиваетъ этотъ сплавъ въ проволоку, толщиною въ средній палецъ, а другой—рѣжетъ ее на кружки установленнаго для крана вѣса и крайне неаккуратно штампуетъ ихъ,—вотъ и все!

Главные монетные дворы находятся въ Тегеранѣ, Тавризѣ, Ширазѣ и Испагани, второстепенные—въ Мешхедѣ, Іездѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Вслѣдствіе большого вывоза звонкой монеты за границу, въ особенности въ Турцію, въ Персію рѣдко увидите золотую монету, т. е. *томаны* (3 руб.), и въ серебряной тоже ощущается недостатокъ; между тѣмъ правительство принимаетъ въ податъ преимущественно послѣднюю и изрѣдка первую, такъ какъ курсъ ея подверженъ частымъ колебаніямъ, а мѣдъ—во избѣжаніе расходовъ на перевозку ея—вовсе не принимается. Вотъ почему на базарахъ вращаются исключительно такъ называемыя *черныя денги* 1½ коп. мѣдныя *шахи кара-тули* ¾ коп.

— Приходите съ *полицейскимъ* отъ губерпатора, тогда покажу,—повторилъ арендаторъ, когда мы любезно простылись съ нимъ.

На возвратномъ пути домой, намъ встрѣтилось на площадкѣ передъ неопрытымъ зданіемъ *Текъе* или *Танъе* много нищихъ и дервишей съ исколоченными бородами. *Текъе*, означающее въ буквальномъ смыслѣ *пріютъ* или *подаорье дервишей*, служить открытою сценою для религіозныхъ представленій въ разное время и въ особенности въ *Мохарремѣ*, т. е. дни скорби шиитовъ по мученической кончинѣ *Хюсейна* и *Хасана*, сыновей Али, и эти мистеріи, полныя драматизма, преимущественно посвящаются высокимъ доблестямъ и героическимъ страданіямъ ихъ...

Вблизи отсюда, среди улицы безобразно торчатъ камни стариннаго кладбища, а въ ближайшемъ переулкѣ, подъ солнечнымъ зноемъ, сильно разить падалъ—чья?—трудно разобрать, но только не собаки, ибо *этой погани въ глазаахъ шиитовъ* не встрѣтите въ персидскихъ городахъ. Далѣе расположено *внутри города* другое обширное кладбище съ свѣжими могилами; мѣзмы разлагающихся труповъ до того пропитали знойно-влажную атмосферу, что мы едва могли пробить здѣсь минуту и спѣшно удалились. Трупы бѣдняковъ зарываются въ землю очень мелко, а достаточныхъ людей, кости которыхъ *по завѣщанію* перевозятся черезъ два-три года на освященную землю г. *Кербела* или *Мешхеда*, остаются на поверхности ея и прикрываются досками, слегка смазанными снаружи глиною въ формѣ гробовъ, примыкающихъ одинъ къ другому. Перевозка поручается за условную плату мулламъ

или червадарамъ, которые не рѣдко бросаютъ кости на дорогѣ, а росписку въ доставкѣ ихъ на мѣсто назначенія не трудно достать.

Это кладбище окружаетъ съ двухъ сторонъ жилье Ж., передъ окнами котораго обнажаются зловонныя лачуги кладбищенскихъ нищихъ съ желто-лицыми, болѣзненными ребятишками въ одиѣхъ грязнѣйшихъ рубашенкахъ, и крайне-изнуренными женщинами въ рубищахъ и съ прядями подрѣзанныхъ волосъ передъ ушами. При нашемъ приходѣ двое мальчишекъ дрались, и свалившіеся шапочки обнажили ихъ бритыя головки съ косичками на макушкахъ и сплошь усеѣянные струпами; такія парши и чуприны нерѣдкость и у взрослыхъ: первый—отъ печистоплотности, вторыя оставляются для того, какъ говоритъ Рафаилъ, *чтобы въ судный день ангелу удобнѣе было перетаскивать ихъ въ рай.*

По словамъ моихъ спутниковъ, всѣ эти нищіе спятъ въ повалку безъ различія пола и возраста...

Рафаилъ простился со мною; завтра въ 6 ч. утра онъ отправляется *туркменскимъ берегомъ* обратно домой (на Ашуръ-Аде), въ сопровожденіи одного только неизмѣннаго Таги; астрабадскій губернаторъ и другое высшее лицо здѣсь—чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ—терпѣть не могутъ Рафаила за его справедливыя отношенія къ туркменамъ, и вотъ почему онъ находитъ менѣе опаснымъ для себя избранный путь, недоступный персамъ...

VI.

Церемоніальный маршъ и визиты.

За чаемъ Б. предложилъ прогулку по городу, къ которой подоспѣлъ и Ж., все еще въ мрачномъ настроеніи духа.

— Но мой галстукъ затерялся, ниджакъ загрязнился, сапоги порывили,—предупредилъ я его.

— Можете идти въ какомъ угодно нарядѣ даже къ губернатору,—отвѣтилъ онъ.

На улицѣ уже поджидало насъ четверо консульскихъ слугъ въ парадныхъ фіолетовыхъ кафтанахъ на красныхъ подкладкахъ; у одного кафтанъ обшитъ по швамъ золотымъ снуркомъ, вѣроятно, за благонаправіе или особенныя заслуги.

Ставъ по-двое въ рядъ, они открыли церемоніальное шествіе, неукоснительно соблюдаемое консуломъ при всѣхъ выходахъ въ городъ, для

поддержаніе достоинства Россіи; тучный садовникъ съ перевальцемъ смотрѣлъ теперь если не принцемъ крови, то, по меньшей мѣрѣ, брадобрѣемъ его или армянскимъ цирюльникомъ; поварь, конюхъ и бавщикъ не уступали ему въ солидной осанкѣ, хотя тѣломъ были скуднѣе; въ десяти шагахъ за ними плелись нога за ногу, какъ того требуетъ азіатское величіе, самъ Б. въ форменной шапкѣ и сѣренкомъ статскомъ пальто въ накидку; его жена въ осенней драповой кофтѣ (или казакъ, — не разобралъ) «отъ вечерной сырости», хотя теперь чувствительный зной; Ж. въ синей визиткѣ и брюкахъ въ обтяжку и, наконецъ, я, безъ галстука и пр., а сзади три бравыхъ линейца съ нагайками черезъ плечо.

На углу вонючаго грязнѣйшаго переулка насъ атаковали нищѣ; Б. велѣла одному изъ слугъ одѣлать ихъ по *каранулъ* ($\frac{3}{4}$ к. коп.) изъ цѣлой пригоршни, предварительно выданной ему *на дѣла милосердія* при торжественныхъ выходахъ. Дальше, робко прокрадывались у стѣнки двѣ женщины въ синихъ чадрахъ; при нашемъ приближеніи онѣ остановились и рѣзко повернулись къ намъ спинами.

— Вѣрно рожи, — замѣтилъ Б.

Такъ дотоптались мы до глиняной городской стѣны, которая, по его выраженію: «падетъ отъ одного взмаха казацкой нагайки», но противъ туркменъ устоитъ.

— Въ 1867 г., — говорилъ онъ, опять сплюснувъ носъ, — іомуды обложили городъ; пригона барановъ не было, и я остался безъ котлетъ...

Съ городского вала весь городъ, съ своею рѣдкою зеленью, какъ на ладони: глина, глина и глина; обширный, но жиденскій садъ губернатора и безобразнѣйшій телеграфъ, проведенный отсюда въ Тегеранъ черезъ Шахрудъ: одиночная проволока съ тысячами узлами виситъ на кривыхъ столбахъ, не рѣдко безъ изоляторовъ. Жалкій видъ на городъ, но картиненъ на окрестности его: вправо — высится лѣсистый Эльбурсъ къ подножію котораго примыкаетъ городъ съ одной своей стороны, съ другой — стекется туркменская стѣнь, отдѣленная отъ него только посѣвами, влево — вьется стальною лентой болотистая р. Кара-су, а внизу, за городскою стѣною, раскинулся лагерь 400 всадниковъ (конныхъ милиціонеровъ) и пѣхотнаго полка *Фирузъ-куи* въ 800 человекъ. Полки обыкновенно носятъ названіе той мѣстности или того племени, изъ которыхъ формируются; селеніе Фирузъ-куи, основанное — по увѣренію жителей — Александромъ В., находится въ 120 верстахъ отъ

Тегерана по направлеңію къ г. Сари, мимо ущелія, принимаемаго за *Каспійскія ворота*, черезъ которыя прошелъ этотъ македонскій завоеватель, преслѣдуя Даріа; оно лежитъ въ печальной долинѣ на 6 тыс. фут. надъ у. м., и окружено голыми скалами съ вздымающимся надъ ними *Демавендомъ*; снѣгъ не сходитъ здѣсь въ теченіи 5 мѣсяцевъ, и климатъ суровый...

На другой день, мы отправились въ 5 часовъ пополудни къ мѣстному дипломату — главному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ — *Неджефъ-Кули-аги*, предувѣдомленному о нашемъ визитѣ, согласно обычаю, еще съ утра.

Сегодняшнее шествіе параднѣе вчерашняго: одинъ изъ четырехъ слугъ несъ великолѣпную попоу тамбурной работы, за ними выступалъ назиръ, затѣмъ консулъ и я ѣхали верхомъ, за нами шли линейцы, щегольски одѣтые: на одномъ — все вооруженіе блестяло накладнымъ серебромъ съ золотыми насаѣчками; за ними плелся безобразный старый негръ — слуга мирзы, замыкавшаго «церемонію» верхомъ на осликѣ въ своей замѣчательной тегеранкѣ на бекрень и съ канцеляріею въ карманѣ. Вообще забавный видъ, но смѣяться въ торжественныхъ случаяхъ, да еще съ дипломатическими цѣлями, было бы «преступно», и мнѣ приходилось часто прибѣгать къ платку, между тѣмъ, какъ Б., сторбившись на англійскомъ сѣдлѣ, поддерживалъ достоинство Россіи.

У воротъ мы слѣзли съ коней и уже безъ козачковъ вошли во внутренний дворъ, загаженный глиною и сырцомъ, изъ которыхъ сооружался новый домъ безъ всякаго плана; здѣсь стоялъ караулъ и часовые, — послѣдніе отдали намъ честь, а слуги, ставъ при входѣ въ жилище дипломата по сторонамъ насъ, опять поклонились, и мы безъ нихъ и только съ мирзою сзади поднялись по чрезвычайно-крутой, винтообразной лѣстницѣ въ пріемную залу крестообразной формы. Трещины въ стѣнахъ, матовыя стекла въ дверяхъ и огромный хорассанскій коверъ съ кошами по сторонамъ — на полу; въ одномъ углубленіи стоялъ круглый стелікъ съ четырьмя разнокалиберными стульями, въ другомъ столъ, покрытый сукномъ и тоже два старыхъ стула, — на полу третьяго — лежалъ кожаный ветхій портфель.

Насъ встрѣтилъ съ крайне-утопченными пріемами тощій дипломатъ высокаго роста, съ крашенными въ черный цвѣтъ растрепанными усами и жиденькой бородой, — огромный носъ съ горбомъ, сложенные въ сахарную улыбочку тонкія губы, большіе, желтые зубы и серебрянное колечко съ бирюзой на чистой *руктъ* и только съ выкрашенными *хноу*

ногтями въ фюрѣ миндалинтъ, — смушковая папѣа, — обшитый шалевыми ленточками свѣтло-гороховый *сердари* съ открытымъ воротомъ, изъ-подъ котораго виднѣлась *коба* изъ лиловаго атласа, — ситцевый архалукъ съ прорѣзами подъ мышками отъ пояса (какъ и въ верхнемъ костюмѣ), и наконецъ — полотняная сорочка, нѣсколько обнажавшая мохнатую грудь; черные брюки, изъ-подъ которыхъ снизу бѣлѣлись каленкоровыя шальвары, и бѣлые чулки довершали костюмъ.

Низко кланяясь, онъ пожималъ намъ руки и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ насъ «за удовольствіе видѣть у себя».

— Съ самаго дня пріѣзда я трепещу отъ счастья лицезрѣть многопочтеннаго дипломата, — отвѣчалъ я на его душистый букетъ черезъ Б., когда мы чинно усѣлись вокругъ стола, не снимая шапокъ и шляпъ, но жара побудила меня нарушить этотъ священный обычай, само-собою, съ разрѣшенія хозяина.

Б. справился о здоровьѣ губернатора.

— Сильно боленъ, — отвѣчалъ тотъ, придавъ тону и лицу оттѣнокъ грусти. Въ послѣдній разъ онъ едва слѣзъ съ коня, — такъ стаяло ему жилы въ ногахъ. Докторъ дѣлалъ операцію — еще хуже, а теперь ногу обернули въ овечью шкуру — едѣлось легче.

— А какъ поживаетъ самъ нашъ другъ, докторъ?

— Его ушибла лошадь; — жаловался мнѣ на нестерпимую боль, — утѣшилъ: — «ты — говорю — отправилъ на тотъ свѣтъ тысячи людей, — за это то и постигла тебя кара!»

Оба дипломата разсмѣялись.

— Я буду радъ, — обратился онъ ко мнѣ, бесѣдуя съ Б. о предполагаемомъ развитіи русской торговли въ Персіи, — рекомендовать пріѣзжихъ гостей губернаторамъ въ Шахрудъ и Мешхедъ; кстати хорассанскій эмиръ — пріятель мнѣ.

— А я, — добавилъ Б., — отнесусь къ нему за этими полезными рекомендаціями официально, тѣмъ болѣе, что на вашъ счетъ — какъ извѣстно мнѣ — не существуетъ между персидскими властями никакихъ подозрѣній...

Слуга съ темно-оранжевыми миндалинами на ногтяхъ (въ подражаніе господину) подаль намъ по полъ чашекъ душистаго кофе, а босой негръ въ тегеранкѣ, желтомъ архалукѣ и синихъ шальварахъ, принесъ кальянъ, съ трубкою и резервуаромъ изъ массивнаго серебра съ золотыми украшеніями, въ контрастъ соединяющей ихъ деревянной трубочкѣ и чубуку — топорнѣйшей работы. — Подавая его хозяину, онъ предва-

рительно снялъ трубку и выдулъ изъ резервуара *свой* дымъ послѣ раскурки, что дѣлается изъ вѣжливости всегда и всѣми гостями, при передаче кальяна одинъ другому.

Б. покуривая послѣ кальяна предложенную ему мною папирску, оживленно бесѣдовалъ съ мирзою; и оба они смѣялись какимъ-то смѣхомъ, поминутно приговаривая: «белю, белю, белю, (да, да, совершенно справедливо)... Скучно!

Затѣмъ подали по стаканчику чаю и опять кальянъ; переждавъ — по требованію нерядской вѣжливости — пока хозяинъ не выкуритъ его, мы простились; онъ проводилъ насъ улыбками и рукопожатіями до дверей залы, а его слуга — до воротъ жилья.

— Въ торжественные дни, онъ одѣвается шуточъ на военный ладъ, въ шитый золотомъ генеральскій мундиръ съ эполетами и пр. и пр. замѣтилъ Б. дорогою.

— Гражданскій то чиновникъ?

— Высокопоставленные особы при денежныхъ средствахъ могутъ наряжаться такъ — шахъ разрѣшаетъ, а иному это нравится..

На другой день консула извѣстили, что личный секретарь губернатора, *мирза Бехрамъ*, облеченный имъ въ званіе вице-губернатора, пожалуетъ къ нему съ визитомъ въ 5 часовъ пополудни.

— Любитель тинуть коньякъ и водочку, — замѣтилъ тотъ.

— Я не выйду, — проговорила его жена.

— Почему? — спросилъ я.

— Она не показывается во время посѣщенія меня властями, исключая только высокоторжественныхъ дней, когда я задаю имъ офиціальныя обѣды съ шампанскимъ.

— А губернаторъ будетъ у васъ?

— Очередь за нимъ, но по болѣзни, вмѣсто него, увидите Бехрама.

— И вы всегда считаетесь визитами?

— Да; впрочемъ я вижусь съ нимъ только по важнымъ дипломатическимъ дѣламъ.

— Пойду шербеты готовить для этого Бахрама, проговорила Б.

— А служанка?

— Отправилась покататься по городу.

— Какъ покататься? заинтересовался я.

— По-мужски верхомъ на лошади въ сопровожденіи казака...

При этомъ Б. посвятила меня въ искусство готовить самый лучшій шербетъ изъ *тамаринта*, который настаиваютъ, какъ чай и,

прибавивъ къ нему сахаръ, дѣлають сиропъ, разбавляемой водою по вкусу; шербетъ изъ померанцеваго и лимоннаго сока тоже не дуренъ...

Бесѣдуя у окна, мы замѣтили на улицѣ ожидаемаго гостя, и поспѣшно вышли въ виноградную бесѣдку пригнать его.

Тучный вице-губернаторъ, съ темно-смуглымъ до черноты лицомъ, низкимъ, морщинистымъ лбомъ, огромнымъ горбатымъ носомъ, толстыми губами и бычачьими глазами на выкатѣ, смахивалъ костюмомъ на почтеннаго торговца: смушковая шапка, надѣта солидно, — изъ-подъ короткаго *коба* гороховаго цвѣта выглядывали полы полушелковаго архалука, — распахнувшаяся сорочка обнажала мохнатую грудь, — синіе бумажныя шаровары, бѣлые носки и грубые туфли.

— Утромъ была свалка на базарѣ между народомъ и сарбазами; губернаторъ поручилъ мнѣ изслѣдовать причины ея, а потому — и запоздалъ къ вамъ на цѣлый часъ, — какъ-бы оправдывался онъ передъ Б., послѣ обычныхъ привѣтствій, хотя неаккуратность его истекала изъ ложнаго понятія восточныхъ людей на достоинство человѣка: точное исполненіе обѣщанія или слова — унижительно.

— Изъ-за чего же произошелъ беспорядокъ?

— Изъ за *каратули*, Сарбазъ не сошелся въ цѣнѣ съ купцомъ, и подраелъ съ нимъ; товарищи поддержали его, а торговцы — своего; вышло побоище, и въ результатъ получилось много разбитыхъ носовъ и головъ, но виновныхъ не оказалось.

— Значить, откупились, — пояснилъ Б.

— Нѣтъ ли у васъ игорныхъ картъ и картинокъ? — обратился ко мнѣ вице-губернаторъ.

— Какихъ именно?

— Соблазнительныхъ, наполеонскаго режима, для подарка губернатору, — улыбнулся Б.

— Нѣтъ; а игрушки найдутся.

— Игрушки не разойдутся здѣсь, везите въ Тегеранъ: знатныя особы раскупаютъ ихъ для своихъ женъ въ гаремы, — посоветалъ Бехрамъ.

— А нѣтъ ли у васъ клистира, слабительныхъ порошковъ, горчицы, хины, кофе, въ которомъ городъ нуждается теперь, — продолжалъ онъ, вынувъ табакерку изъ нашье-маше съ опіумомъ, и откусывая кусочекъ, причесть на его рукъ блеснулъ брилліантовый перстень. — Губернаторъ поручилъ узнать, не найдется ли у васъ дешевыхъ суконъ, не дороже полутора рубля за аршинъ, для подарковъ женамъ, также: — ножей, вилокъ, ложекъ, чайныхъ ложечекъ и приборовъ?

— Найдется.

— Не желаете ли купить или промѣнять на товары этотъ брилліантъ? 60 рублей заплатилъ, — предложилъ онъ, передавъ мнѣ свой перстень и вынимая изъ вѣстительнаго кармана *коба*, завернутый въ чехолъ, тридцатикопѣечный перочинный ножикъ тульской работы.

— Нѣтъ ли такихъ ножей? — штукъ пять купимъ.

Затѣмъ вице-губернаторъ безцѣльно выгрузилъ оттуда же свою банцелярію: свертокъ писчей бумаги, пеналь изъ папье-маше съ чернильницей, тростниковымъ перомъ, пожницами и проч., и ситцевый мѣшочекъ, съ связкою серебряныхъ колечекъ съ именными и разными форменными печатками изъ сердолика; повертѣлъ-повертѣлъ все это въ рукахъ и опять спряталъ, а взамѣнъ того вытащилъ изъ за пазухи серебряные часы на шелковомъ снуркѣ съ миниатюрнымъ компасомъ константинопольской работы, для указанія положенія Мекки, по направленію которой молятся правовѣрные, и — крѣпко призадумался...

— Бывали ли вы въ Россіи? — обратился я къ нему за чаемъ, когда бесѣда о торговлѣ уже истощилась.

— Нѣтъ, но когда я бываю вотъ здѣсь, у консула, и читаю путешествіе нашего шаха Насръ-Эддина, тогда чувствую себя точно въ Европѣ...

Прощаясь, вице-губернаторъ тихо спросилъ Б., указывая на меня: «Зачѣмъ онъ все записываетъ?» — Собираетъ торговые свѣдѣнія. Едва ли этотъ отвѣтъ успокоилъ персидскую подозрительность...

Соскучившійся Б. ушелъ къ себѣ, а наступившая вскорѣ затѣмъ чувствительная сырость и безпокойныя летучія мыши прогнали и меня.

— Завтра ѣдемъ съ г. секретаремъ на берегъ, — не сдѣлаете ли порученій какихъ? — спросилъ вошедшій ко мнѣ урядникъ.

— Нужно бы припасти на дорогу въ Шахрудъ двѣ бутылки рому...

— На берегу транзитный ромъ, въ 60 к., будетъ лучше нашего ашир-скаго 2 руб.

— А табакъ?

— У армянъ можно достать очень хорошей и тоже не дорого... Поручивъ купить то и другое, я занялся корреспонденціею; въ письмѣ къ повѣренному торговаго каравана Глуховскаго, совѣтую: не везти въ Персію русскаго сахара, дорогого сравнительно съ продаваемымъ здѣсь марсельскимъ, и ѣхать въ Шахрудъ прямымъ путемъ черезъ горы...

не болѣе длиннымъ — черезъ Астрабадъ, какъ то приключилось со мною по недоразумѣнію или заблужденію, въ которое вводитъ общество «Кавказъ и Меркурій» людей, впервые прїѣзжающихъ сюда, называя въ своихъ росписаніяхъ портъ Гизъ — Астрабадомъ, отстоящимъ отъ берега еще на добрыхъ 50 верстъ! — Далѣе, — просилъ его немедленно выслать мнѣ ящики съ инструментами и матеріалами, безъ которыхъ я какъ безъ рукъ...

VII.

«Сундукъ правосудія». — Баля. — Отъѣздъ.

По приглашенію Б, пришелъ утромъ въ садъ архитекторъ въ засуселеномъ зеленомъ кобѣ и съ прутикомъ вмѣсто аршина, составить смѣту постройки новой оранжереи на мѣстѣ старой, представляющей теперь одну яму съ перегнившими деревянными частями отъ постоянной сырости, и съ перебитыми стеклами на ветхой покрывкѣ ея.

— У него и циркуль есть, — хвасталъ Б. глубиною знаній своего архитектора, апатично поглядывавшаго на составляемый мною планъ новой оранжереи, въ которомъ не смыслилъ онъ ровно ничего, хотя практикъ — недурной...

Два-три вялыхъ слова о дѣлѣ закончились оживленно переданною гостемъ послѣднюю новостью: глашатай сегодня объявилъ обывателямъ о присланномъ шахомъ при фирманѣ (манифестѣ) *сундукъ правосудія*, который завтра будетъ поставленъ въ главной мечети съ подобающею церемоніей въ присутствіи народа.

Такіе сундуки разосланы во все города Персіи съ благою цѣлью дать возможность обиженнымъ властями письменно заявлять свои жалобы, которыя и будутъ періодически доставляться курьерами въ Тегеранъ для разбора ихъ въ высшей инстанціи...

На слѣдующіе утро мы взбирались на вышину съ флагомъ что — передъ домомъ — хотѣли издалека взглянуть на церемонію. Нѣсколько виднѣлась открытая мечеть съ дворикомъ, доступнымъ каждому правосѣрному во всякое время дня: здѣсь онъ можетъ отдохнуть, предаться созерцанію, выкурить кальянъ и побесѣдовать... Спусти минуту, появился полицейскій губернатора съ палочкою; за нимъ безпорядочно тянулись гусь-

комъ: мулла, губернаторскій сынъ, замѣнявшій больного отца, нашъ пріятель вице-губернаторъ и нѣсколько именитыхъ купцовъ, безъ сомнѣнія, каждый—съ своими слугами.

И прибѣгнувъ было къ подозрѣнной трубѣ, что видимо встревожило почтеннаго Б.; или подобное любопытство унижительно для консульскаго достоинства, или его осторожная политика приписалась до трусости, до подобострастія передъ персами, или же онъ не желаетъ, чтобы кто другой помимо него сообщалъ мѣстные свѣдѣнія. — Не знаю, что именно руководило его отношеніями ко мнѣ, крайне стѣснительными для свободного, возможно-полнаго знакомства моего съ городомъ, но фактъ—таковъ! Да, фактъ, ибо не говоря уже объ его уклончивыхъ отвѣтахъ (свойственныхъ, впрочемъ, всѣмъ дипломатамъ), онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ прочесть торгово-статистическія свѣдѣнія объ Астрабадѣ, и даже выговаривалъ Ж—у за то, что тотъ далъ мнѣ просмотрѣть кое-какіе ничтожные матеріалы, касающіеся Гилянскон области. Зло отъ подобныхъ канцелярскихъ тайнъ очевидно: Россія, положительно незнакома съ потребностями своей сосѣдки—Персіи, дала возможность укрѣпиться въ ней заграничной торговлѣ въ ущербъ своей. А на комъ же лежитъ прямая обязанность знакомить насъ съ нею, какъ не на консульствахъ, тѣмъ болѣе, что время-то, время у нихъ некуда и дѣвать!..

Далѣе мы ничего не видѣли.... Подоспѣвшій къ завтраку мирза, сообщилъ, что церемонія, ограничилась чтеніемъ фирмана, обдѣланнаго въ рамку подъ стекломъ, а сундукъ правосудія—это складной ящикъ изъ краснаго сафьяна, съ прорѣзомъ, для запечатанныхъ писемъ; тотъ и другой повѣсили на стѣпѣ мечети, и поставили къ нимъ часовыхъ...

— И вѣроятно ни одинъ обиженный не рѣшится жаловаться, замѣтилъ Б.

— Кому жъ охота рисковать своими пятками и кошелькомъ—поддержала его жена.

— Не хотите ли въ нашу баню?—предложилъ мнѣ вечеромъ Б.

— А нельзя ли въ персидскую?

— Не пустятъ.

— Даже за хорошіи пикинешъ?

— Врядъ-ли; впрочемъ, мнѣ удалось въ г. Казвинѣ пробраться туда съ двумя французскими туристами, но какъ?! — Послѣ продолжительныхъ переговоровъ о платѣ, хозяинъ или смотритель кликнулъ голыхъ

баньщиковъ, которые и протащили насъ на своихъ плечахъ по банѣ, дабы мы не опоганили ее своимъ прикосновеніемъ, — вотъ и все, а помыться — все-таки не удалось.

— Мнѣ бы цирюльника нужно.

— Пожалуй, *однимъ* согласится побрить за хорошую плату...

Консульская баня расположена въ саду бокомъ дома; пизенская дверь ведетъ въ крошечную переднюю съ ванной и каменными приступками, на которыхъ раздѣваются, а отсюда входятъ темнымъ узенькимъ коридоромъ въ большую комнату съ полушарнымъ сводомъ, слабо освѣщаемую круглыми стеклышками сверху. — Бритоголовый консульскій банщикъ усадилъ меня на кирпичную смазанную алебастромъ въ смѣси съ золою и саломъ, лежанку и вымылъ очень плохо, вѣроятно потому, что располагалъ только своими жесткими желтыми ладонями и кусочкомъ вонючаго мыла мѣстнаго приготовленія изъ кунжутнаго масла; холодная и горячая вода въ резервуарахъ — мутна; она, какъ и баня, нагревается трехдневною топкою подъ поломъ черезъ отверстіе, расположенное вѣдъ ея.

— Принеси бѣлье! — крикнулъ я на другой день утромъ, завидѣвъ въ окно своего перса-прачку.

Черезъ часъ онъ доставилъ мнѣ омерзительно-вымытыя сорочки, а плату же запросилъ выше петербургской!..

Сборы въ путь — коротки; купленный войлокъ въ полтора рубля замѣнить мнѣ постель подъ открытымъ небомъ, — мѣдный чайникъ — самоваръ, а съѣстныхъ припасовъ: хлѣба, мяса, яицъ и огурцовъ — хватитъ до Шахруда.

Затѣмъ я укупорилъ собранные мною матеріалы: образчики ходкихъ здѣсь русскихъ и транзитныхъ товаровъ, — древнія монеты и пр., для отправки ихъ на сохраненіе къ астраханскому губернатору; но веревки, для перевязки тюковъ, не оказалось на базарѣ: онѣ замѣняются здѣсь непрочными шерстяными шнурами...

У Б. я засталъ мирзу за рекомендательными письмами для меня. Въ нихъ говорилось о содѣйствіи мнѣ, какъ *высокопоставленному купцу*, согласно трактатамъ...

— Кстати, — проговорилъ Б., — я получилъ письмо отъ таможеннаго смотрителя съ гизскаго берега; онъ обѣщаетъ взять пошлину съ товаровъ Глуховскаго по соглашенію съ повѣреннымъ его, какъ то обыкновенно дѣлается съ нашими торговцами; въ свою очередь и мы *снисходительны* къ персидскимъ купцамъ...

— Сколько же онъ беретъ вмѣсто установленнаго пяти процентнаго сбора со стоимости товаровъ?

— Процентъ, иногда—болѣе; это зависитъ отъ условій и подарковъ... А чтобы съ васъ не взяли произвольно вторичной пошлины въ мешхедской таможенѣ,—продолжалъ Б.,—я вамъ вышлю своевременно *примѣтъ*, т. е. свидѣтельство за моею подписью въ томъ, что она уже уплачена на гязскомъ берегу;—помимо того,—упомяну объ этомъ въ письмѣ къ правителю Хорассана,—иначе—станутъ, какъ то дѣлаютъ съ персидскими купцами.

— Двѣ пошлины въ предѣлахъ одного государства?

— Этого мало,—произволь доходить до того, что таможенные приставы, оцѣнивающіе стоимость товаровъ, иногда взимаютъ больше 50 процентовъ, хотя съ уплатившихъ пошлину въ Гязи не слѣдуетъ брать ни копѣйки...

Затѣмъ, Б. написалъ письмо въ Шахрудъ къ Баумгартену, на-дняхъ извѣстившаго его, что помѣщеніе для меня уже готово, и въ Мешхедъ—нашему агенту, бухарцу Хаджи-Ибрагиму, «который имѣетъ спутникомъ честь»,—по крайней мѣрѣ, этимъ выраженіемъ начиналось посланіе къ нему.

— Вы непремѣнно подарите ему головку сахара, нѣсколько фунтовъ чаю и на халатъ,—посоветовалъ онъ мнѣ, и продолжалъ: — я получилъ отъ него вчера интересное для васъ извѣстіе: на-дняхъ правитель Хорассана разбилъ вблизи Мешхеда скопище *туркменъ Текке*, а это пораженіе на-долго укротитъ ихъ; много взято въ плѣнъ, еще больше—отрубленныхъ головъ...

— Которыми украсятся ворота Тегерана?—улыбнулась Б.

— Теперь уже не дѣлаютъ этого, а въ доказательство побѣды надъ врагомъ ихъ складываютъ въ сараяхъ...

Неджеръ-Кули-юга тоже приготовилъ рекомендаціи къ вышеупомянутымъ властямъ, начинающіяся такъ: «Двѣ блестящія, дружественныя державы, Персія и Россія... etc...»

Послѣ обѣда явился консульскій *чапаръ* (курьеръ) Али-акберъ, — черномазый, мускулистый *торки* (т. е. турецкаго происхожденія), и, выслушавъ молча распоряженіе Б. приготовиться къ отъѣзду со мною въ Шахрудъ, удалился съ достоинствомъ, которому могли бы позавидовать даже наши *особы*, находящіеся въ зависимости отъ службы или капитала.

— Смѣтливый, энергичный и замѣчательно выносливый человѣкъ!—

замѣтилъ Б.:—онъ пролетаетъ на своей лошади 469—верстное расстояние изъ Астрабада въ Тегеранъ въ 4 сутокъ, а заглядывать ему туда съ моими денешами приходится порядко...

— По-русски знаетъ?

— Ни слова.

— А червадаръ?

— Пару словъ.

Въ подобномъ критическомъ положеніи, для путешествующаго съ научными цѣлями, оставалось только составить на клочкѣ бумаги нѣсколько необходимыхъ вопросовъ на персидскомъ языкѣ...

Было уже поздно. В. предавался обычному созерцанію въ пространство на своемъ обычномъ мѣстѣ у стѣнки; его жена полудремала, и обшивала кисеею свою шляпу.

— Съ вами отправляется сладкая булка,—обратилась ко мнѣ она, протирая глаза.

— Какая?

— Для Баумгартена; онъ всегда присылаетъ намъ фрукты, мы приготовили ему кѹличъ.

— Что-жъ еще передать ему отъ васъ?

— Кланяйтесь...

— Я простился.

— Да не уменьшится ваша тѣнь,—процѣдилъ Б., провожая меня до дверей залы, и больше мы не видались...

VIII.

Переваль черезъ Кузукъ.

Сегодня 7 іюля. Ночь провелъ тревожно, а въ 5 часовъ утра уже былъ на ногахъ; Р показывалъ $+19^{\circ}$ въ тѣни. Назяръ внесъ шумящій самоваръ, но аппетита у меня положительно не было. Вслѣдъ за нимъ вошли за моими вещами хилый старикъ— червадаръ и бравый курьеръ въ бараньей шапкѣ, архалукѣ, ватныхъ, снизу стянутыхъ шерстяными тесьмами, штанахъ и въ башмакахъ и вилтовкою за плечами и двумя длинными пистолетами съ раструбами за кушакомъ.

Не дожидая копотливо-вьючиваго вещи червадара, я отправился съ нимъ въ путь; базаръ былъ уже въ разгарѣ; часовой, сидя на землѣ передъ караульнымъ домомъ или казармою, дремалъ, а его ружье, выѣстъ съ прочими, стояло въ козлахъ....

За городскими воротами встрѣтился намъ райетъ на ослѣ, съ длиннѣйшимъ фитильнымъ ружьемъ, дальше — иѣшій, за которымъ женщина на лошади кормила ребенка; еще дальше — нѣсколько навьюченныхъ кожами катеровъ съ колокольчиками, за которыми плелся покуривающій изъ мундштучка червадаръ — значить, бывалъ на Аширѣ, — вотъ и вся загородная жизнь!...

— Мы уже проѣхали большой лѣсъ и вступили въ глубокое ущелье, а старца все еще не видно, — пришлось ждать...

Наконецъ то, часа черезъ два, явился онъ на осликѣ, съ вьючнымъ катеромъ и какимъ то тцедушнымъ сарбазомъ, вѣроятно, захваченнымъ имъ для общей безопасности.

Въ полдень мои спутники сотворили омовеніе въ бурливомъ потокѣ, а затѣмъ началось восхожденіе на заоблачный *Кузлукъ*.

Утомительно вѣзжать на крутизну, да еще послѣ дождя, и мы спѣшились; конямъ легче, но намъ не лучше: ноги подкапиваются, потъ льется градомъ, костюмъ хоть выжимай. Запыхавшійся и весь мокрый вьючный катеръ, еле-двигался впередъ, скользитъ, спотыкается и по-мипутно останавливается прсрести духъ, а бѣднаго ослика червадаръ подталкиваетъ въ задъ, — иначе нейдетъ; вообще, попукацій и возни съ ними не мало.

По дорогѣ бѣлѣются кости, вѣроятно, павшей на тяжкомъ подъемѣ заморенной скотины; гдѣ-то вдали грохочетъ потокъ, а жажда мучительна. Мои спутники точно спали съ тѣла.

До вершины еще далеко, ночь — близка, и мы остановились на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, вдали отъ всякаго жилья.

Къ ночи окрестности очистились отъ облаковъ; кругомъ тишь, ароматъ и появилось нѣсколько комаровъ, но они не злы. Сарбазъ торопится спать и, не зная гдѣ Мекка, молится на сѣверъ....

Пора и мнѣ на покой; не раздѣваясь, ни снимая съ себя револьверовъ, я закутался въ отсырѣвшее одѣяло и, подложивъ въ изголовье сѣдло, растянулся на войлокѣ.

Въ 4 ч. утра чуть дребезжитъ свѣтъ; западный вѣтерокъ потягивается прохладкою къ намъ. Природа просыпается: слышится нѣжное щебетанье птинокъ, — поднялись и мы.

Одни молятся, червадаръ за кальяномъ, курьеръ кипятитъ воду, между женщинами громкій говоръ и дѣтскій плачъ. Но мы подвели дрожащаго отъ стужи больного мальчика, — далъ ему чаю съ ромомъ, а подсѣвшая къ нашему костру его мать, съ открытымъ лицомъ, молча куритъ кальянъ: какъ изборождено морщинами лицо этой еще не старой женщины!..

Въ 5 час. позолотились верхи горъ; а спустя десять минутъ изъ-за нихъ вышло блестящее солнце и ярко освѣтило освѣженные ночью росой склоны ихъ, — пора въ путь.

Опять пѣшкомъ и въ разбродъ тяжело поднимаются путники въ гору.

Не доходя версты до вершины, я оглянулся на мѣсто нашего ночлега: площадка нѣжно зеленѣла подъ утренними лучами солнца, костеръ еще дымился, — несло пустыней, а какъ оживлялась она присутствіемъ человека нѣсколько минутъ тому назадъ!

Наконецъ-то мы вскарабкались на Кузлукъ, возвышающійся слишкомъ на 8 т. фѣт. надъ уровнемъ моря; со стороны Астрабада открылась великолѣпная панорама на Туркменскія степи, а съ противоположной — на обнаженный гребень Шаху (царскихъ горъ) съ полосками снѣга въ разсѣлинахъ его; курьеръ звонко заплѣлъ...

Дорога пошла по ровной площади, устланной мелкимъ камнемъ и изрѣдка колючками; затѣмъ начались крутые спуски по южному склону Эльбурса, замыкающаго съ сѣвера гористую возвышенность Ирана въ 3—4 тысячи фѣтовъ средней высоты. Кругомъ пустынно, и только кое-гдѣ виднѣется единственное, растущее здѣсь, можжевеловое деревцо (*Juniperus*) да кочкообразные кустики колючихъ растений, разбредшееся стадо овецъ, да парійей надъ ними орелъ или ягнятникъ, — не разберу...

— Гдѣ кончился Кузлукъ? — спросилъ я червадара при спускѣ въ узкую долину съ ручейкомъ, скудными посѣвами ячменя и пшеницы, рѣдкими мазанками съ плоскими крышами и полуразрушенными башенками, нѣкогда служившими защитой отъ туркменъ.

— Кузлукъ нѣтъ, Кузлукъ умеръ! — замахалъ опъ головою, указавъ рукою назадъ, объясняя тѣмъ, что мы уже перевалили его.

Въ 11 ч. остановились переждать зной вблизи родника холодной воды; слѣды костровъ и обожженные камни, для варки пищи, свидѣлствуютъ, что здѣсь нѣдавно отдыхаютъ путники.

Поѣхали дальше. Дорога круто свернула съ долины въ мрачныя горы, и вскоре начался крутой подъемъ; огненный воздухъ, а воды ни капли, и только вѣтерокъ иногда освѣжаетъ изсохшій ротъ и разгоря-

ченное до крайности тѣло; спускъ еще хуже: усеянная камнями тропинка лѣпится на краю пропасти, въ разсѣлинахъ бѣдѣются кости; при малѣйшей неосторожности легко слетѣть туда, и мы, спѣшившись, осторожно пробираемся гуськомъ, а лошади скользять по наклонной плоскости подь угломъ въ 50°.

Пройдя дикое ущелье или дефиле *Джильми-Билинз*, сплошь усыпанное глыбами и осколками камней, мы вырвались на просторъ узкой долины съ просачивающимися родниками, маловоднымъ ручьемъ и признаками близкаго жилья, скудными посѣвами пшеницы и разбредшимися по покатосямъ горъ стадами овецъ.

Въ седьмомъ часу вечера мы остановились на ночлегъ опять подь открытымъ небомъ, но далеко не въ поэтической долинь между двумя хребтами обнаженныхъ горъ съ полосками песчаного и красного цвѣта, — нѣсколькими можжевелевыми деревцами да кочкообразно-растущими колючками; у подножія праваго изъ нихъ шумитъ мутный ручей, на берегу котораго съ трудомъ отыскалось чистое мѣстечко для меня: вездѣ болотинки отъ родниковъ, колючки или слѣды костровъ обычныхъ здѣсь приваловъ, вообще — неприглядно, но лучше, чѣмъ въ видѣющейся отсюда деревнѣ Тапи, слывущей недоброю славою и, въ особенности ядовитыми клопами, о чемъ меня предупреждали еще въ Астрабадѣ. — Укушенный ими, что обыкновенно случается ночью, испытываетъ сильное лихорадочное состояніе и позывъ къ чему-нибудь особенному: сладкому или жирному, но къ привычной пищѣ терлеть аппетитъ; — больного отпаиваютъ молокомъ, закутываютъ въ мѣшокъ съ прорѣзомъ для головы и, закрутивъ его на деревѣ, отходятъ въ стороны съ молитвами; мѣшокъ быстро раскручивается, что вызываетъ у несчастнаго мучительную рвоту, далеко не исцѣляющую его. Туземцы попривыкли къ этимъ рѣдкимъ пасѣкомымъ, и убѣждены, что «если проглотить одно изъ нихъ съ хлѣбомъ, — прочіе уже не укусятъ» или: «если проѣзжій (путникъ), войдя въ домъ на ночлегъ, немедленно возьметъ съ очага землю на палецъ и, положивъ ее въ ротъ, проговоритъ: *и я здѣшній*, — они не тронутъ его», — но ни то, ни другое въ дѣйствительности не помогаетъ безпомощнымъ персамъ...

Опять съ разсвѣтомъ двинулись дальше. Уже одиннадцатый часъ. Въ раскаленномъ воздухѣ мертвая тишь: — 35 Р°. На горизонтѣ зазелѣнѣли пятна сады, окрестныхъ съ Шахрудомъ и Бастамамъ, деревушекъ...

Навстрѣчу ѣдутъ райеты съ измѣтыми лицами, кто въ мѣховой, кто въ войлочной шапкѣ съ бѣлымъ козырькомъ на сторонѣ; одинъ сидитъ бокомъ на навьюченномъ ослѣ, другой — верхомъ, волоча ноги по землѣ; за спиною у послѣдняго торчитъ длиннѣйшее ружье съ двузубцемъ или деревянною рогатиной съ желѣзными наконечниками, служащею подставкой во время стрѣльбы, — это милиціонеръ. Далѣе плетется пѣшій въ войлочной шапкѣ, въ формѣ усѣченного конуса, и въ божалыхъ лаптяхъ съ перевязанными онучами по колѣно, а за нимъ ѣдетъ на катерѣ закутанная въ чадру жена, его съ широко-распростертыми ногами на палахъ, т.-е. на замѣняющемъ здѣсь сѣдло войлочномъ сиденьѣ. Одни привѣтствуютъ меня: «селимъ амалейкомъ», — другіе: «здрястай», а третьи — прикладываютъ руки къ виску, — значить, бывали на гязскомъ берегу.

Повстрѣчался красивый сейидъ въ зеленой чалмѣ:

— Здрястай, — проговорилъ онъ, указавъ рукою въ сторону.

— Шахрудъ? — спросилъ я.

— Шарюдъ, Шарюдъ, — закивалъ онъ головою.

Мы поскакали впередъ и, перегнавъ дремавшего на ослѣ типедушного перса безъ шапки подъ палящими лучами солнца, круто свернули вправо на гладкую площадку, замкнутую съ трехъ сторонъ обнаженными скалами съ дьявольскимъ проѣздомъ изъ торчащихъ остріями глыбъ; за нимъ, какъ на ладони, открывается обнесенный высокими стѣнами глиняный городъ Шахрудъ, за воротами котораго уже поджидалъ насъ нукеръ Баумгартена...

IX.

Въѣздъ въ городъ. — «Хозяинъ Александеръ» и его пріемыши. — За столомъ. — Мои спутники и наши армяне. — Первая ночь и утро съ крыши караванъ-сарая.

Молча ѣдетъ онъ впереди съ курьеромъ, и вся его ветхая фигура съ исключенною бородой, въ барашей шапкѣ, попошешномъ *коба*, широкихъ пальварахъ и въ грубыхъ башмакахъ на боеу ногу, безсильно колышится на тряской лошади.

Червадаръ съ сарбазомъ отсталъ отъ насъ на семь верстъ, и въ Шахрудъ мы въѣхали мазандеранскими воротами только втроемъ. Кругомъ,

въ этомъ сплетеніи кривыхъ, узенькихъ улицъ между сплошными стѣнами изъ сѣрой глины, не видно ни души, а въ раскаленномъ воздухѣ носится тончайшая пыль и рѣжетъ мнѣ глаза, бьетъ въ носъ, захватываетъ духъ...

Черезъ три—четыре минуты мы очутились на людномъ базарѣ съ покрывкой изъ вѣтвей, то пропускающей слабый лучъ, то — съ прорѣхами, черезъ которыя потоками льется огненный свѣтъ, и только кое-гдѣ доставляющей полную тѣнь. Базаръ тянется почти на половину города и далеко оживленнѣе астрабадскаго, хотя въ лавкахъ его также, какъ и тамъ, больше зѣнають, дремлютъ, бессмысленно созерцаютъ въ пространство или углублены въ коранъ; въ мастерскихъ — кипитъ работа, тутъ-же ѣдятъ и курятъ кальяпъ, между тѣмъ какъ въ узкомъ проѣздѣ снуетъ сплошная масса тупо озирающихъ насъ прохожихъ въ однообразныхъ костюмахъ преобладающаго здѣсь сянго цвѣта и съ большимъ разнообразіемъ головныхъ уборовъ: на каждомъ шагѣ встрѣчается войлочная *кула-намади*, рѣже — бѣлая чалма духовныхъ и вообще грамотѣевъ, подъ общимъ названіемъ *муль*, — вышивная чалма *хаджи*, — темноватая чалма, каковыя носятъ нѣкоторые изъ побывавшихъ на богомольѣ въ г. Кербела, — зеленая чалма нерѣдко безграмотнаго потомка пророка — *сейида* (арабскаго происхожденія), еще рѣже попадаетея *тегеранка* и лоснящаяся *каракула*, т. е. шапка изъ бухарскихъ мерлушекъ.

Между прохожими лавируютъ верховые, или мѣрно выступаютъ верблюды съ гордо поднятыми жордами.

Одинъ осликъ, ставъ поперекъ базара, загородилъ намъ дорогу; — поднялась суматоха, посыпались пинки на упряма, но тотъ уперся и — ни съ мѣста... Наконецъ-то его осилили, — отвратительно заревѣлъ...

Въ зеленомъ ряду бросались въ глаза румяные персики, и сильно разлило отъ большой кучи коровьяго кала, которое мѣстный архитекторъ собственноручно примѣшивалъ къ глинѣ съ соломой и изъ этой смѣси тутъ же выводилъ стѣны новаго жилья.

Далѣе — нѣсколько попросторнѣй, затѣмъ — опять толны мужской половины населенія, для которой широко открыта, *недоступная для женщинъ*, базарная жизнь...

Базаръ закончился короткими и крайне узкими зигзагами которыми мы и въѣхали въ маленькій дворикъ караванъ-сарая «Объ

однихъ воротахъ», называемаго также, по растущему передъ нимъ раскидистому чинару: «Якъ-даръ-по-чинаръ».

У открытыхъ дверей единственной лавки стоялъ коренастый господинъ почтенной паружности, съ простѣдою въ слегка подстриженной бородѣ, въ широкополой сѣрой шляпѣ, мѣшковатомъ коричневомъ пальто, широкихъ штанахъ того же цвѣта и въ башмакахъ;—это былъ повѣренный московскаго купца Морозова А. О. Баумгартенъ, по мѣстной кличкѣ: «хозяинъ Александеръ» или просто: «хозяинъ».

Раскланиваясь съ добродушною улыбкой, онъ пригласилъ меня къ себѣ, и мы поднялись по невыносимо-крутой, пыльной лѣстницѣ въ маленькое жилье, построенное на плоской крышѣ праваго фасада караванъ-сарая проживавшемъ здѣсь главнымъ прикащикомъ приснопамятнаго «Закаспійскаго товарищества».

Вообразите себѣ два большихъ глиняныхъ куба по сторонамъ открытой сверху и спереди площадки, — таковъ наружный видъ этого жилья. Одинъ кубъ, или — пожалуй — одну комнату гостепріимный «хозяинъ» уступилъ мнѣ, въ другой — стѣснился самъ; двери въ нихъ были до того низки, что я уже успѣлъ нѣсколько разъ стукнуться лбомъ и, вѣроятно, не избѣгну того же впредь, по внутри моего помѣщенія было уютно, а съ одиноко-выглядывающаго на внутренній дворикъ окна — открывался не безынтересный видъ на плоскія крыши домовъ, съ изрѣдка мелькающими на нихъ закутанными фигурами женщинъ, и далѣе — на загородные сады, дальнія горы и гладь широкой долины, съ клубами пыли верблюжьяго каравана по тегеранской дорогѣ...

Стѣны комнаты блестятъ алебастромъ, ихъ ниши — уставлены стаканами, чашками и какимъ-то хламомъ, покрытымъ толстымъ слоемъ пыли; глиняный полъ устланъ огромнымъ хорассанскимъ ковромъ съ узкими войлоками по краямъ; грубо-сколоченная деревянная кровать или, вѣрнѣе, пара прикрыта туркменскимъ ковромъ съ длиннымъ ворсомъ, а у изголовья — подушку замѣняло крытое синимъ сукномъ сидѣнье съ фаятономъ, выписаннаго «хозяиномъ» изъ Москвы полгода тому назадъ по порученію бывшаго Бастамовъ-Шахрудскаго губернатора, а теперь Эмиръ-Тумани (начальника дивизіи), Джоонсузъ-Мирзы, который, однако, не взялъ его за неимѣніемъ денегъ;—два грубыхъ стола, два стула, и двѣ табуретки дополняли мебель.

«Хозяинское» же помѣщеніе выглядывало далеко не вразно. На полу — грязныя кошмы (войлочные ковры), на постели — кошка съ кѣтенкомъ; сундуки съ вещами замѣняли стулья, стѣпныя ниши — безпорядочно

заважены персидскими книгами, бутылками отъ вина и стеклянками отъ лекарствъ; тутъ же — чубукъ и окурки сигаръ; на окнѣ — тоже окурки, огарки свѣчей, мѣдные деньги, бумаги; — въ одномъ углу торчала покрытая толстымъ слоемъ грязи бутылъ съ наливкою, въ другомъ — какой-то хламъ, и всюду-всюду — мухи и слѣды ихъ, грязь и толстый слой пыли, точно комната не убиралась пять лѣтъ, то есть, съ тѣхъ поръ какъ почтенный «хозяинъ» поселился въ Шахрудъ, а Морочовъ ухватился за него, какъ за якорь спасенія...

Заглянулъ въ темную кухню съ огромною русскою печью, для варки, — дужи на глиняномъ полу, вездѣ грязь и паутина, кухонная посуда — загажена, въ углу — кто то возится...

— Али-Акберъ!.. Ну, Али-Акберъ, иди же ко мнѣ... Ласково говорилъ по персидски «хозяинъ», вытаскивая оттуда красиваго мальчугана пяти лѣтъ, съ испачканнымъ лицомъ и босыми ножками, въ зауселенномъ архалукѣ и шальварахъ.

— Вотъ, рекомендую моего пріемыша, — обратился ко мнѣ опъ, между тѣмъ какъ Али-Акберъ, обхвативъ его колѣни, сѣдился скрывать свое личико въ нихъ.

— Какой здоровый мальчишъ! замѣтилъ я.

— О! посмотрѣли бы, каковъ онъ былъ года три тому назадъ, когда, во время свирѣпствовавшего здѣсь голода, я оторвалъ его отъ груди умершей съ голоду и холоду матери?! — Одни косточки!!..

— Какъ же вы сохранили его?

— Сперва отпаивалъ чаемъ, затѣмъ — давалъ бульонъ, и теперь — какъ видите...

— Во бо, бо-бо... (папа, папа) шепталъ ребенокъ, страстно цѣлуя колѣни своего второго отца, — бобо...

— Что, что такое, мой Али? наклонился къ нему тотъ. — Али шепнулъ ему что-то.

— Стыдится васъ; говоритъ: пойду — умоюсь, одѣнусь въ новый архалукъ и тогда приду..... Ну, иди, иди, — скажи Хюсейну, пусть помоетъ и одѣнетъ тебя.

Ребенокъ поворотно выбѣжалъ съ кухни на крышу.

— Въ тотъ же голодный годъ мой слуга поднялъ умирающую на улицѣ прелестную дѣвочку и принесть ее ко мнѣ, но было поздно — малютека умерла на моихъ рукахъ..... продолжалъ, «хозяинъ» снявъ башмаки по персидскому обычаю у дверей моей комнаты и, поджавши ноги, усѣлся на табуретку.

— Можетъ быть вы успеете? — заботливо спросилъ онъ, когда я, развалившись на твердомъ ложѣ, въ безсиліи закрылъ глаза. — Удобно ли вамъ?..

— Все хорошо.

— Уже съ недѣлю, какъ жду васъ, а персы — такъ тѣ уже за мѣсяцъ впередъ знали о вашей поѣздкѣ... Одни говорили на базарѣ: «къ намъ ѣдетъ чиновникъ отъ царя», — другіе: «богатый купецъ», — Вы—Александръ Ивановичъ Глуховскій?

— Ётъ, — П. И. О-нъ..... Рана не позволила ему ѣхать, и я — выѣхалъ него. Но какъ пронюхали о томъ?

— О, на этотъ счетъ они умницы! — Вотъ и теперь по базару ходятъ слухи о какихъ-то англичанахъ, ѣдущихъ сюда въ сопровожденіи авганцевъ; говорятъ, что дорогою они открыто ведутъ топографическій журналъ, собираютъ статистическія и разныя другія свѣдѣнія..... Впрочемъ, продолжалъ «хозяинъ», — объ васъ писалъ астраханскій персъ Хаджи-Ага къ здѣшнему богатому купцу Хаджи-Абу-Талибу, который, по его наставленію, даже приготовилъ у себя помѣщеніе для васъ..... безъ сомнѣнія, изъ расчета, полагая, что вы ѣдете сюда устраивать коммерческое дѣло, а Хаджи-Абу-Талибъ человѣкъ практическій: ему удалось общипать «Закаспійское товарищество», а теперь — разсчитываетъ на васъ...

Затѣмъ «хозяинъ» разсказывалъ мнѣ грустную исторію этого, такъ называемаго — по имени основателя своего Кокорева -- Кокоревскаго товарищества, главное управленіе и складъ котораго находились въ Баку, а конторы при второстепенныхъ складахъ — въ Рештѣ Бальфрушѣ и здѣсь, не считая компанейскаго магазина на о-вѣ Ашуръ-Аде.

Главная причина скоропостижной смерти «товарищества» крылась въ «русской широкой натурѣ» агентовъ его, затѣмъ — въ безсовѣстности персіянъ вообще и въ *кяфирамъ* (невѣрнымъ) въ особенности. Такъ какъ ловкій обманъ въ коммерціи считается у мухаммеданскихъ иранцевъ доблестію, которою они щеголяютъ другъ передъ другомъ, то неудивительно, что Хаджи Юсуфъ, Хаджи Камберъ, Хаджи Риза, Хаджи Абу-Талибъ и прочіе, все почтенные хаджи, т. е. побывавшіе въ Меккѣ у гроба Мухаммеда, глубоко запускали лапы въ русское добро. — Какихъ только штукъ не выкидывали они?! Бывало, привезутъ, сдадутъ и даже уложить въ компанейскіе амбары, ну, положимъ, хлопокъ, — потомъ вытащить его оттуда тайкомъ и — снова сда-

дуть, — опять стинуть, и въ третій разъ повторять продѣлку, а важнымъ кокореваскимъ прикащикамъ и не вдоmekъ персидская изворотливость, да, впрочемъ, они и не слѣдили за дѣломъ...

— На что же тратились ихъ силы и время?

— На женщинъ, вино, карты... На толпы челяди, вообще—на безобразный разгулъ «въ обществѣ съ мѣстными властями».. Въ результатѣ оказались огромные недочеты, — дѣло пошатнулось; затѣмъ, одинъ прикащикъ укралъ изъ компанейской кассы пять тысячъ полуимперіаловъ и скрылся, другой—тоже запутался и, вытребованный въ Баку для сдачи отчетовъ, заблагоразсудилъ удавиться на пароходѣ;— дѣло было окончательно подкешено и «товарищество» рухнуло...

— Какъ же обыватели смотрѣли на нашихъ молодцевъ — цивилизаторовъ?

— До сихъ поръ отзываются объ нихъ съ крайнемъ омерзѣніемъ и только одинъ между ними, скромный труженикъ Безмѣновъ (Беземѣновъ?), оставилъ здѣсь по себѣ добрую память, но и тотъ теперь валется мертвецъ-пьянымъ по Бакинскимъ базарамъ, — вѣроятно Кокоревская компанія достаточно оцѣнила дѣятельность этого честнаго человека?!..

Вотъ что шахрудцы неоднократно говаривали «хозяину»: «Русскіе Кокоревской компаніи опозорили русское имя, но ты («хозяинъ») загладилъ поступки свою *добродѣтельной жизнью*, и хотя ты—*несвѣдущій, но за усыновленіе нашего мальчика (Али-Албера) непременно попадеши въ рай*».

И дѣйствительно, Б-нъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и любовью,—чистосердечно-ли? — Этого вопроса не рѣшить онъ самъ, но *что его боится*—фактъ вѣтъ сомнѣнія, ибо духовенство питаетъ къ нему пріязнь «за большой умъ и доброе сердце», а власти, считая его за опаснаго для себя, «тайнаго агента Россіи» и пользуясь *крутицами, вѣтрице каплями* отъ щедротъ его, *открыто держатъ сторону этого, одинокаго здѣсь, русскаго*; такъ, по приказанію «хозяина», *дорога, т. е. полицмейстеръ, соединяющій (по крайней мѣрѣ въ Шахрудѣ) съ этою обязанностью и выгодное положеніе арендатора базара, охотно выдеретъ по пятамъ* каждаго обывателя *изъ мешковъ*...

— А я въ безопасности здѣсь? — какъ-то къ слову пришлось спросить «хозяина».

— Какъ дома у себя, отвѣтилъ онъ и послѣ минутной паузы продолжалъ: «Страхъ персовъ передъ русскимъ именемъ сильнѣе ихъ за-

таиннаго прсрънія къ намъ, въ особенности теперь, когда наше положеніе въ Азіи — блистательно...

— Страхъ и презрѣніе?! А я слышалъ, что они питаютъ къ намъ благодарность за освобожденіе ихъ соотечественниковъ изъ неволи послѣ Хивинскаго погрома?..

— Не благодарность, а подобострастіе къ побѣдителю — могущественному сосѣду, который рано или поздно поглотитъ Персію.... Вообще, въ Россіи не имѣютъ понятія объ этой странѣ, — *русскаго здѣсь боятся даже высшія власти*.... изъ опасенія, дабы черезъ него не извѣстился Шахъ объ ихъ грабежахъ.

— Шахъ — поборникъ правды?

— По своему, и то, *когда терять нечего, а вытършишь во мнѣніи народа несомнѣнный*; такъ, въ послѣднюю его поѣздку на богомолье въ г. Кербела, одинъ бѣдный ремесленникъ пожаловался ему на губернатора, отпившаго у него красавицу — жену. По корану одинъ только Шахъ имѣетъ безусловное право на всѣхъ женъ своихъ вѣрноподающихъ прочіе же за подобное насиліе наказываются смертю, и Шахъ разрѣшилъ обиженному расправиться съ виновнымъ согласно точному смыслу мухаммедова закона...

— И чтожь?

— Откупившись отъ угрожающей смерти, губернаторъ, по ходатайству приближенныхъ Шаха, остался на своемъ мѣстѣ, — персидское правосудіе свершилось! — улыбулся «хозяинъ» выходя распорядиться по хозяйству..

И уснуть.

Шарахъ разбудилъ меня. У порога стоялъ сухонарный субъязъ съ переполненнымъ подносомъ; это былъ слуга «хозяина» — Хюсейнъ, длинный тощій, слюнявый съ растрепанною фізіономіею и воспаленными глазами, въ пропотѣвшей кула-намади, распахнувшемся на зачерствѣлой груди синемъ кобѣ и широчайшихъ шальварахъ. Стряхнувъ съ ногъ грубые башмаки, онъ озабоченно вошелъ въ комнату и, смахнувъ грязною рукою пыль со стола, началъ выгружать съ подноса лавашъ, чурекъ и приготовленные на маслѣ круглыя лепешки, точно истыканныя гвоздемъ, затѣмъ — кислое молоко и изрѣзанный на мелкіе кусочки овечій сыръ, обложенный по ободку тарелки пучками мяты, петрушки, укропу, луку, перышковъ чеснока и чѣмъ-то въ родѣ ромашки, — всю эту зелень туземцы

бдѣть съ сыромъ или лавашемъ. Выложивъ еще свѣжіе и просоленные огурцы, онъ торопливо вышелъ.

— Въ ожиданіи вашего пріѣзда самъ соизилъ и, кажется, удачно, добродушно улыбнулся вошедшій «хозяинъ», принимался вытирать огурцы и сервировать столъ, между тѣмъ какъ снова полившійся Хюсейнъ загромождалъ его запыленными рюмками и посудой, бутылками съ выписнымъ изъ Баку ромомъ и разнымъ виномъ, кисловатою кишъ-мишевкою собственнаго приготовленія, полоскательными (чайными) чашками со льдомъ и огромнымъ подносомъ съ сочными персиками, абрикосами, яблоками и виноградомъ; затѣмъ, онъ принесъ холодную баранину, застывшую мелко-искропленною петрушкой чистый бульонъ и сухія бараньи котлеты невзрачнаго вида.

Вбѣжавшій Али-Акберъ вскарабкался на стулъ рядышкомъ съ «бобо» (папа) и, жадно пожирая глазами такое разнообразіе свѣтлыхъ прелестей, вѣднулъ въ его стаканъ съ виномъ; отпивъ нѣсколько глотковъ, онъ запустивъ свои грязныя лапки въ баранину и уже направливался тоже самое сдѣлать съ моимъ супомъ, какъ «хозяинъ», замѣтивши на моемъ лицѣ невольное движеніе брезгливости, остановилъ его; тотъ нахмурился и, готовый расплакаться, повалился ничкомъ на полъ... Заботливый «бобо», всегда удѣляющій ему первый кусокъ торопливо наложилъ въ тарелку *всего понемножку* и поставилъ ее передъ нимъ...

— Папа, дай персиковъ... Папа, дай яблоковъ, дай винограду... слышался плаксивый шепотъ его, между тѣмъ, какъ незамѣтно вспрывнувшая на столъ кошке, тихо проплась между тарелками и, вѣроятно, съ *привычною нестыслиемостью* уткнула мордочку въ чашку съ водою. Я невольно взглянулъ на «хозяина» вопросительно.

— Брысь! Пошла, пошла!.. Осторожно спустилъ онъ ее на полъ и подставилъ ей блюдо съ мясомъ.....

Жарко, невыносимо жарко, и я ничего не ѣлъ кромѣ фруктовъ, но пилъ много: пилъ вино, разбавленное водою со льдомъ, пилъ превосходно приготовленный кофе, принялся за чай, что, однако, не унимало мучительной жажды. Но вотъ послышались раскаты грома, пошелъ дождь, освѣжившій на нѣсколько минутъ природу и насъ...

— Рѣдкое явленіе въ этой возвышенной, безлѣсной и безводной странѣ,—замѣтилъ «хозяинъ».

— Поэтому-то вашъ сухой воздухъ такъ жадно поглощаетъ влагу съ тѣла русскаго гостя, что никакъ не утолишь жажды.

— Я распоряжусь, чтобы въ вашей комнатѣ постоянно стояло вино и двѣ миски со льдомъ, для питья...

— И два таза съ водою, для насыщенія воздуха влагою, тогда безъ сомнѣнія, жажда уменьшится.

— А для моего болѣзненнаго организма здѣшняя сушь—благотворна;—останься я въ Россіи—давно не жилъ бы!... Вообще, климатъ здѣсь здоровый: нѣтъ ни холеры, ни лихорадокъ, хотя жители питаются почти что исключительно растительною пищею...

— Даже богатые?

— За малымъ исключеніемъ, да и тѣ *оные* ничего не ѣдятъ, кромѣ лаваша съ зеленью и фруктами, вечеромъ—пловъ.

— А вы?

— По привычкѣ обѣдаю въ часъ.....

— И жара не лишаетъ васъ аппетита?

— Нѣтъ, но если на васъ она дѣйствуетъ,—можно будетъ распредѣлить часы для пищи приблизительно по туземному...

— А именно?

— Въ 6 час. утра—чай, въ часъ пополудни—легкая закуска, въ 7 ч. вечера—чай, въ 9. ч.—обѣдъ.

— И, безъ сомнѣнія, всѣ расходы—пополамъ.

— Но вы мой гость..

Долго не соглашался «хозяинъ» на мое предложеніе, но, въ концѣ концовъ, склонилъ голову на бокъ и приложивъ руку къ сердцу, онъ опустилъ глаза dolu съ выраженіемъ полной покорности.

— А какъ бы предохранить табакъ отъ вліянія вашей суши?—обратился я къ нему послѣ обѣда.—Взгляните,—здѣсь онъ совершенно обратился въ порошокъ, въ противоположность тому, какъ въ Астрабадѣ пропитывался сыростью до невозможности курить его.

— Трудно помочь.... У меня сигары тоже крошатся и на половину дѣлаются негодными къ употребленію.... Курите трубку, приучитесь къ кальяну...

Вошелъ Хюсейнъ прибрать со стола; я попросилъ его стащить съ меня большіе сапоги и смазать ихъ курдючьимъ саломъ.

— Хорошо, хорошо твоя большой башмакъ... любовался онъ на нихъ.

Этими словами почти ограничиваются познанія его въ русскомъ языкѣ, и «хозяину» приходится объясняться съ нимъ по персидски, прибѣгая въ затруднительныхъ случаяхъ къ жестамъ.

Хюсейнъ справляетъ у него разнообразныя обязанности: *прибираетъ*

сомнаты, ходить на базаръ за провизією, *присматриваетъ за Али-Акберомъ* и даже стряпаетъ.

— Гдѣ жъ онъ научился стряпать? спросилъ я «хозяина», когда тотъ вышелъ.

— Растолкую ему по поваренной книжкѣ то или другое блюдо, — ничего, сварить. Вообще онъ смѣтливъ и старателевъ, только вотъ любить аптекарскіе счета подавать; напр., недавно выставилъ въ расходъ 15 фунтовъ табаку, яко-бы выкуреннаго моими гостями въ теченіи 15 дней! За подобныя продѣлки я прогналъ прежняго слугу — его роднаго брата, то же угрожаетъ и ему.

— А у меня — все разбросано.

— О, на этотъ счетъ будьте покойны. Я тоже ничего не запираю, но ни одной крохи въ моей комнатѣ еще не пропало! — Положите у меня открыто золото, — никто не тронетъ! Вѣдь власти — за меня, и воръ поквитался бы жестоко... Вообще, о воровствѣ и грабежахъ здѣсь что-то не слышно, развѣ изрѣдка попадется мелкій ворипка...

— И охотно служатъ вамъ, христіанину, эти Хюсейны?

— Охотнѣе, нежели своимъ; прислуга *русскаго* гарантирована отъ придирокъ и палокъ властей, — поэтому многіе обыватели домогаются хоть номинально считаться моими нукерами *), бесплатно оказывая мнѣ не мало услугъ... Рекомендую, вотъ одинъ изъ моихъ добровольныхъ нукеровъ, арендующій этотъ караванъ-сарай за 45 томановъ въ годъ, — указалъ «хозяинъ» на пошедшаго перса, средняго роста, въ порывѣлой барашковой шапкѣ и въ такомъ же костюмѣ, какъ на Хюсейнѣ, — съ слѣдами оспы на лицѣ, безпокойно шныряющими по сторонамъ мутными глазами, жиденькою бородкою и усами. Взглянувъ на меня изподлобья, онъ сообщилъ своему патрону о приходѣ моихъ спутниковъ.

Бодро вошелъ въ комнату принарядившійся курьеръ въ новомъ, подпоясанномъ шалевымъ кушакомъ, коба, за нимъ — плелся хилый червадаръ. Послѣ сдержаннаго привѣтствія, первый подаль «хозяину» сладкую булку, второй — нѣсколько дынь отъ консула. Завтра они уѣзжаютъ обратно въ Астрабадъ, и курьеръ, уходя, обѣщался зайти къ намъ за письмами и посылкою для консула часа черезъ три; черва-

*) Нукеръ — буквально слуга, а въ обширномъ смыслѣ нукерами называются, по крайней мѣрѣ, здѣсь даже губернаторскіе чиновники. не исключая и городничаго.

дара же мы задержали для разъясненія недоразумѣній и пополненія пробѣловъ въ моемъ дорожномъ журналѣ. По нашему приглашенію, онъ усѣлся на стулъ, конечно, въ шпакѣ, и, упершись ладонями о колѣни, склонилъ голову на грудь въ ожиданіи распросовъ.

— Съ чего начать? обратился ко мнѣ «хозяинъ».

— Съ той *Руд-хане*, которая тянется чуть-ли не съ самаго Аст-рабада вплоть до Шахруда.

— Что-о-о? — Не слышалъ о такой исполинской рѣкѣ?

— Какъ же этотъ старикъ на мой вопросъ, при встрѣчѣ съ каждымъ ручьемъ на пути: «исми инъ чи зестъ?» (какъ называется?) — повторялъ одинъ и тотъ отвѣтъ: «Руд-хане»? (рѣка). По глупости, или умышленно онъ поступилъ такъ? — Вотъ что интересно знать!..

— Пожалуй, онъ правъ! — замѣтилъ «хозяинъ» послѣ продолжительнаго объясненія съ нимъ. — Указывая на ручей, вы спрашиваете: «исми инъ чи зестъ»? — вамъ отвѣчаютъ: «Руд-хане», что буквально означаетъ *всющую проточную воду*; но если-бы вы спросили: «исми инъ чи зестъ Руд-хане»? (какъ называется эта рѣка?), — вамъ назвали бы ее...

Подобное оправданіе, по меньшей степени, — наивно, тѣмъ болѣе, что названія мѣстъ тоже на половину перевераны, и слегка уличенный старецъ съ опущенною головою силится теперь исправить ошибки, съ невыносимыми, для всякаго терпѣнія, отступленіями и неидущими къ дѣлу подробностями. «Хозяинъ» въ качествѣ толмача тоже невыносимъ: силится понять червадара, онъ поминутно переспрашиваетъ его, а объясняя мнѣ какой нибудь пустякъ, — начинаетъ съ Адама, повторяется, и, часто не выкинувъ въ мой вопросъ, — какъ-бы парализованный, вдругъ смолкаетъ, тарачить на меня глаза, а потъ градомъ льется съ его лица...

Отдаривъ измученнаго червадара чаемъ и сахаромъ, онъ принялся укладывать въ ящикъ великолѣпные мѣстные фрукты для консула, а я занялся переборкою (собранныхъ мною дорогою) растений съ хурджиша въ добытую мною отъ него оберточную бумагу; возни — не мало, въ особенности при реставраціи высохшихъ и помявшихся изъ нихъ; каждое такое растеніе приходилось класть въ намоченное водою полотенце и затѣмъ, когда оно отходило, выправлять его, черезъ полотенце же, ручкою зубной щетки. Для полнаго изученія растенія, ботаникъ требуетъ его корень, стволъ, листья, цвѣты или плоды, — но была ли возможность, при условіяхъ моего путешествія, вынимать дорогою изъ каменисто-твердаго грунта цѣлое растеніе, укладывать его въ про-

пускную бумагу, прессовать и затѣмъ — перекладывать въ другую бумагу? Такая сложная процедура требуетъ специальной поѣздки, и нѣтъ сомнѣній, что большая часть моего гербаріума не удовлетворитъ требованію ботаника, но маленькая коллекція насѣкомыхъ сохранилась хорошо.

Укладывая ее, я высказалъ «хозяину» свои опасенія на счетъ ядовитыхъ клоповъ, которые, по слухамъ, водятся не только во всей мѣстности, начиная съ дер. Таша и до Шахруда, но и въ самомъ городѣ.

— Въ моихъ комнатахъ нѣтъ, успокоилъ онъ меня, — во въ щеляхъ нижняго помѣщенія, въ особенности въ сараяхъ, гдѣ держатъ птицу, дѣйствительно найдется этой дрянн не мало; впрочемъ, она не такъ ядовита, какъ толкуютъ о томъ, — по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ множества останавливающихся здѣсь богомольцевъ (на пути въ Мешхедъ) до сихъ поръ не пострадалъ отъ нее...

По моей просьбѣ, мнѣ немедленно поймали четырехъ клоповъ пепельнаго и одного — темнаго, скорѣе чернаго цвѣта. Завернувъ ихъ въ бумажку и закупоривъ въ маленькую жестянку, я поинтересовался взглянуть на узниковъ спустя два часа: черныи клопъ сидѣлъ на спинѣ пепельнаго...

— Прожора, сосеть... или не самецъ-ли это? — гадалъ «хозяинъ».

Полагаю, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе, ибо по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, всѣ клопы были живы и бодры, *не смотря на четырехмѣсячное ихъ заключеніе безъ пищи...*

— А скорпіоны водятся здѣсь?

— Попадаютъ; иногда ночью прибѣжить ко мнѣ перепуганный персъ: «дай спирту — скорпіонъ укусилъ». — Дашь; онъ натретъ имъ укушенное мѣсто и затѣмъ приложить къ нему на платкѣ свѣжей земли, а черезъ полчаса — уже здоровъ... Въ другихъ же мѣстахъ Персіи, продолжалъ мой собесѣдникъ, укушенное скорпіономъ мѣсто натираютъ *настояннымъ на нихъ же масломъ*, или дервиши — мастера заговаривать скорпіоновъ (а также змѣй) — даютъ больному пить *заговоренную воду*...

— Не для музея-ли Географическаго Общества? обратился онъ ко мнѣ, покончивъ съ закупкою фруктовъ и принимаясь помогать мнѣ укладывать минералы, руды и пр.

— Къ сожалѣнію, оно не имѣетъ музея, развѣ только — скром-

ный этнографическій отдѣлъ, ограничивающійся, кажется, одними костюмами.

— А между тѣмъ музей Географическаго Общества (если бы таковой существовалъ) послужилъ бы сокровищницею для прочихъ ученыхъ и учебныхъ учреждений.

— Не потому ли, что путешественники, знакомясь съ природою, прошлымъ (историческими памятниками) и настоящимъ различныхъ странъ, обогащали бы его своими приношеніями научнаго содержанія?

— Конечно...

— Въ такомъ случаѣ не скоро пополнился-бы онъ, потому что охотниковъ дарить — мало, а Общество слишкомъ бѣдно, чтобы покупать.

Далѣе «хозяинъ» рассказывалъ, что въ прошломъ году пріѣзжалъ сюда сарептскій торговецъ и страстный натуралистъ по части букашекъ, Кристофъ, неоднократно бывавшій въ Астрабадѣ. Онъ собралъ здѣсь, съ помощью сопутствовавшего ему въ экскурсіяхъ слуги его, богатую коллекцію насѣкомыхъ, хорошо распроданную имъ потомъ нѣмецкимъ натуралистамъ, у которыхъ и комиссіонерствуетъ по этой части *спеціально* знакомя *Германію* съ азіатскою фауною...

Однажды Бастамо—Шахрудскій губернаторъ, пригласилъ Кристофа къ себѣ въ садъ, и только удивлялся искусству его ловить сѣткою бабочекъ и въ нѣсколько секундъ отравлять насѣкомыхъ въ банкѣ съ синильною кислотой,—прочіе же увѣрены были, что онъ ловитъ ихъ *для колдовства*, а кочевники въ Киргизскихъ степяхъ боялись даже приближаться къ нему, и лишь только вечеромъ завидятъ огонекъ его фонаря,—въ страхъ обходили «опаснаго колдуна»...

Во время своихъ экскурсій по окрестностямъ Шахруда и Бастамы, незнакомый съ туземнымъ языкомъ Кристофъ давалъ *свои* названія горамъ, рѣкамъ и прочимъ мѣстамъ, но выйдетъ ли съ того прокъ?—А оставленные имъ при отъѣздѣ наловчившемуся въ искусствѣ собирать насѣкомыхъ брату Хюсейна сѣтки и банки съ синильною кислотой—дѣйствительно пригодились... миѣ...

За бѣсѣдою работа незамѣтно пришла къ концу; оставалось только, обшпять тюкъ и адресовать его астраханскому губернатору черезъ астрабадское консульство, но у меня не было нитокъ, а «хозяинъ» съ арендаторомъ куда-то вышли. Я объяснилъ знаками свою нужду какому-то торгашему на площадѣ, старцу, и тотъ — видно тоже «хозяинскій ну-

веръ—немедленно принесть (вмѣсто нитокъ) тонкіе, шерстяные скурки, которыми и обшилъ посылку.

— Не помпите! Положите ее къ себѣ на паланъ *), — обратился я къ вошедшему съ «хозяиномъ» курьеру, на прощанье подавая руку за заботы обо мнѣ во время дороги, — онъ смутился и проворно вышелъ...

— Мнѣ предстоитъ еще приготовить къ своей почтѣ съ дюжину писемъ, — проговорилъ «хозяинъ», когда я, послѣ утомительной работы, повалился на постель.

— У васъ своя почта?

— Какже... Вѣдь я не порвалъ связи съ русскимъ міромъ, — веду обширную корреспонденцію, получаю «Биржевыя Вѣдомости», а для такихъ удобствъ пришлось установить вмѣстѣ съ здѣшними армянами правильное сообщеніе съ Гязскимъ берегомъ. Аккуратно каждую недѣлю (въ теплое время года) мы посылаемъ *нарочно*...

— Верховаго?

— Нѣтъ, *тышаго*, который и проходитъ это разстояніе въ два съ половиною дня, слѣдовательно, туда и обратно—въ пять дней.

— И сколько вы платите ему?

— Въ недѣлю — тамалъ...

Зимою же «хозяинъ» сносится съ Россіею только разъ въ мѣсяцъ, но когда письма къ нему изъ Петербурга направляются на *Джумльфу*, тогда хвала Аллаху, если онъ получитъ ихъ на четвертый мѣсяцъ? Затѣмъ, въ февралѣ и мартѣ—два раза въ мѣсяцъ, а дальше—съ открытіемъ навигаціи, на сцену опять выступаетъ скороходъ.

— Сношенія съ консульствомъ производятся, обыкновенно, при оказіи, въ экстренныхъ случаяхъ — черезъ нарочнаго...

Заглянувшій Хюсейнъ сообщалъ что-то моему собесѣднику въ полголоса, и тотъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ...

— Не случилось ли чего?

*) Паланъ, обыкновенно замѣняющій въ Персіи сѣдло, устраивается изъ прочнаго войлока (кошмы), концы котораго свертываются съ боковъ лошади въ трубу; затѣмъ, поверхъ него кладутъ нѣсколько короткихъ войлоковъ и, покрывъ все это грубою шерстяною или бумажною матеріей, стягиваютъ (во время сѣдланія) ремнемъ. Если прибавить къ палану хурджинъ съ боковъ, т. е. дорожные мѣшки для запасовъ, безъ которыхъ ни одинъ персидецъ не отправляется въ путь, то придется иногда растопыривать ноги на немъ до послѣдней возможности, что неудобно и комично.

— Нѣтъ... Видите, одинъ мой знакомый ханъ упалъ на дняхъ съ лошади, опа—на него и сильно повредила ему ногу, —я вылечилъ; теперь онъ прислалъ за мною осла, — просить въ гости... Ъхать или нѣтъ? колебался онъ, какъ снова появившійся Хюсейнъ вызвалъ его.

Вернувшись черезъ минуту, «хозяинъ» съ просительною миною обратился ко мнѣ: «Мѣстный этикетъ обязываетъ едѣлатъ визитъ прїѣзжему... Двое изъ нашихъ армянскихъ торговцевъ пришли поздравить васъ съ прїѣздомъ и засвидѣтельствовать... Хюсейнъ опять прервалъ его.

— Все армянское общество пришло къ вамъ... продолжалъ онъ.— Выйдете къ нимъ, это вѣдь весь наличный составъ проживающихъ здѣсь по торговымъ дѣламъ христіанъ.

— Право, отъ жары и утомленія не могу одѣться, даже—боленъ.

— Идите такъ, — они не поймутъ.

И я отправился въ сорочкѣ поверхъ нижнихъ и въ башмакахъ.

У дверей стояло нѣсколько паръ туфлей, а комнатка его была загромождена пятью прїятно улыбающимися армянами, съ блестящими глазами, чисто-выбритыми подбородками и черными усиками, въ аккуратненькихъ туго перетянутыхъ въ талии ремнями съ серебряными бляхами, лапшовыхъ казакинчикахъ, въ таковыхъ же брюкахъ, бѣлыхъ чулкахъ и сѣмшукowymi шапочками въ рукахъ. Изъ нихъ: Мипасъ Мнацакановъ и Алексановъ представляли собою громкую фирму «Адамовыхъ» изъ гор. Шуши, а дядда Теръ-Петросовъ, Грегоръ-Хачатуровъ и, кажется Мартиросъ были представителями фирмы «Красильникова».

Усѣвшись послѣ обычныхъ привѣтствій—кто на полу, кто на сундуки, они долго безмолвствовали, усердно вытирая платками свои раскраснѣвшіяся потныя лица, и только когда задымился кальянъ, застѣнчиво и урывками повели бесѣду *на персидскомъ діалектѣ*, такъ какъ между ними лишь *одинъ*, и то—съ большими усилиями, объясняется по русски.

Къ «хозяину» они относились съ особеннымъ почтеніемъ, какъ къ своему старшинѣ или, вѣрнѣе, *къ сирѣ*, которой нерѣдко губернаторъ безусловно довѣряетъ рѣшеніе спорныхъ дѣлъ между ними и обывателями, и который, безъ сомнѣнія, ревностно защищаетъ своихъ; такъ недавно, онъ пожаловался губернатору—и не безуспѣшно—на одного изувѣра—сейида, постыдно выругавшаго на базарѣ Алексанова за то только, что тотъ нечаянно прикоснулся къ одеждѣ его; за сейида вступился муштегидъ города, т. е. высшее духовное лицо: — «прости его, ради

меня», — обратился онъ къ «хозяйну». — «Хорошо». — «Ты простилъ, но я не прощу его», — сказалъ муштегидъ и попомба пророка вздулъ по пятамъ.

— Развѣ сейиды не гарантированы отъ палокъ?

— Дѣйствительно, они составляютъ въ Персіи привилегированный классъ, поэтому его драли такіе же сейиды, а не ферраши (служители) дардга.

— Утѣшительно!.. Однако, изъ-за чего же хлопоталъ муштегидъ?

— Не хотѣлъ отдать его на посрамленіе свѣтской власти. Ныпѣшнѣй губернаторъ—принцъ—еще спускающійся къ потомкамъ Мухаммеда, но предшественникъ его—не церемонился съ ними въ этомъ отношеніи...

Далѣе разговоръ коснулся торговли армянъ, которые продаютъ здѣсь преимущественно транзитный сахаръ и русскія стеариновые свѣчи, миткаль и желѣзо, а на вырученные деньги скупаютъ хлопокъ, шерсть и продукты тута (шелководичнаго дерева): сѣмяна (лячки), коконы, шелкъ и ласъ, т. е. остатки отъ размотки коконовъ, но объ этомъ предметѣ рѣчь впереди, тѣмъ болѣе, что и гости ушли...

Въ 7 часовъ зашло солнце, и надъ городомъ разнесся азонъ, слѣдовательно, сутки кончились, ибо въ Персіи сутки считаются отъ захода до захода солнца и соотвѣственно тому ведется счетъ часамъ; такъ, теперь у насъ начало восьмого часа, а не персидскому численію—первый часъ.

Въ 8 часовъ раздались подъ окнами у насъ отравочные, рѣзкіе звуки рожка...

— Полицейскій феррашъ подаетъ сигналъ, что часъ по заходѣнн солнца уже прошелъ,—проговорилъ «хозяйнъ» на мой вопросительный взглядъ.

— Чтожь далѣе?

— По прошествіи трехъ часовъ, т. е. въ 10 часовъ вечера, обыватели запираются по домамъ, и улицы пустѣютъ. Если же кто встрѣтится въ это время полицейскимъ на базарѣ и не дастъ удовлетворительнаго объясненія своего выхода изъ дому, то его засадятъ въ кѣтку или чуланчикъ «техтъ-дардга», т. е. полицейскаго присутствія (что расположено при этомъ караванъ-сараѣ), а въ предупрежденіе побѣга—надѣнутъ на него колодки.

Долго бесѣдовали мы о томъ, о семъ, но больше о родниѣ, а пріемыши съ грязнымъ кончикомъ носа лакомили на полу фруктами, которые не переводятся у насъ.

«Папа» велѣлъ ему поискать затерянную мною золотую запонку: тотъ долго ползалъ по всей комнатѣ и, далеко не ловко вынувъ ее изъ своего кармана, подаль ему; — безъ сомнѣнія, все это было сдѣлано имъ безотчетно... Затѣмъ, Али-Акберъ набросился на котенка, и — то ласкалъ, то обнималъ его, то швырялъ ногою, дергалъ за уши и за хвостъ... пока не успуль вмѣстѣ съ нимъ кренделькомъ въ углу комнаты, подождавшій ужина... Хюсейпъ забралъ его въ охапку, какъ овечку, тотъ съ просопья что-то пробурчалъ, — «папа» — разсмѣялся: — спрашиваетъ: «буду-ли я сегодня ужинать?»

— Я тебѣ оставляю, — завтра утромъ поужинаешь, — утѣшилъ ребенка слуга, вынося его въ комнату «хозяина»..

Мнѣ тоже пора на покой.

Болѣзненный, тяжелый сонъ! До трехъ часовъ R (термометръ) стоялъ на 27°, и только къ четыремъ часамъ понизился до 24°. — Въ теченіи ночи я выпилъ три миски воды со льдомъ и виномъ, ѣлъ много персиковъ, дыни, винограду, но жажда не унималась: сухость во рту — чрезвычайная! Оставалось встать съ постели и пройтись въ одной сорочкѣ по плоской крышѣ караванъ-сарая, что я и сдѣлалъ въ 4 часа утра. Было свѣтло, и мнѣ ничто не мѣшало отсюда обозрѣвать спящій городъ, начиная съ нашего одноэтажнаго караванъ-сарая, съ вѣсами и деревяннымъ прессомъ для хлопка.

Устройство этого пресса, завезеннаго сюда какимъ-то англичаниномъ (ужъ не Лонгфильдомъ-ли?), не сложно: между двумя вертикально вбитыми въ землю брусьями стоитъ внизу ящикъ для хлопка, а сверху утверждена поперечина съ винтомъ по серединѣ, къ головкѣ котораго прикрѣпленъ въ дугу изогнутый шестъ, заканчивающійся ремнями, а къ нижнему концу его — деревянная доска. Во время прессованія, рабочіе (или, даже, скотина) обвязываются ремнями и ходятъ кругомъ пресса, приводя въ вращательное движеніе винтъ, который и нажимаетъ доску на хлопокъ въ ящикѣ, т. е. пресеуетъ его, — вотъ и все тутъ...

На внутренній дворикъ замкнутого со всѣхъ четырехъ фасовъ караванъ-сарая съ единственными воротами, выглядываютъ опущенныя теперь, огромныя, подъемныя двери слѣпыхъ (безъ оконныхъ) комнатъ или помѣщеній для товаровъ и проѣзжихъ, съ непрерывною платфор-

мою передъ ними, называемою по персидски «техтъ» и турки — «секи». Эти широкіе, кирпичные выступы двух-аршинной высоты служатъ помѣщеніемъ для бѣдныхъ и экономныхъ проѣзжихъ, не желающихъ тратиться на наемъ комнатъ, окна въ которыхъ замѣняются вышеупомянутыми подземными, обыкновенно мелкоклѣтчатými (сбитыми изъ планокъ) и съ рѣзбою, дверями съ полукруглыми верхами, — и то только, если лавка занята, а иначе они вовсе не открываются.

Въ настоящее время этотъ караванъ-сарай пустуетъ, можетъ быть по той причинѣ, что въ немъ живетъ хотя *добродѣтельный*, но все таки *кяфъръ* «хозяинъ», надъ лавкою котораго и возвышается наше жилье, состоящее — какъ уже извѣстно читателю — изъ двухъ комнатокъ съ открытою площадкою между ними и кухоньки сбоку. Въ пяти шагахъ отъ послѣдней безобразно торчатъ на крышѣ два ряда кирпичей съ осыпавшеюся глиною, это — лѣтній очагъ, для варки въ чугунокъ плова, а въ стѣнкѣ крытой лѣстницы примыкаетъ конура для собакъ, которыя живутъ, разгуливаютъ и плодятся себѣ на крышѣ, чутко оберегая добро своего хозяина, не рискуя выпустить эту — по персидскому понятію — *нога* на улицу изъ опасенія за жизнь ея, а также — изъ нежеланія оскорбить обывателей. Далѣе, глиняная, открытая спереди, будочка въ ближайшемъ отсюда углу крыши прикрываетъ отверстіе отхожаго мѣста, откуда нечистоты стекаютъ по стѣпѣ на улицу... Вотъ и все.

Если исключить изъ этого очерка караванъ-сарая случайное жилье хозяина, и прибавить прилегающій къ нему слѣва грязнѣйшій дворикъ, служащій для загона скота, и отхожимъ мѣстомъ, то получится общій типъ персидскихъ сооруженій этого рода, различающихся между собою развѣ только размѣрами и деталями.

У воротъ караванъ-сарая, на перекрестіи четырехъ узенькихъ улицъ раскинулся чинаръ съ колючими, какъ у капитана, плодами. Тутъ то и заканчивается базаръ полицейскимъ присутствіемъ — по персидски: «техтъ-дарога»; *зимнее* присутствіе помѣщается въ маленькой назапкѣ, въ которой содержатся арестанты, *лѣтнее* — расположено подъ открытымъ небомъ или, вѣрнѣе, въ тѣни чинара, на нѣсколько возвышенной площадкѣ съ глиняною, покрытою войлокомъ, нарою, на которой, растянувшись, теперь лежитъ ферраншъ; тутъ же въ жаровнѣ тлѣются уголья, для кальяновъ *дарога*, ферраншей, ихъ знакомыхъ и приходящихъ по дѣлу, а подъ деревомъ виситъ большой складной фонарь изъ бумажной матеріи... Отсюда то и поехали вчера вечеромъ нестерпимые для слуха

сигнальные звуки, и здѣсь-то, въ теплое время года, *дарога* творить судъ и расправу надъ арестованными, т. е. *открыто* (въ присутствіи прохожихъ и звѣвъ) кровавить палками ихъ пятки по распоряженію губернатора или даже личному своему произволу, но объ этомъ — послѣ...

Видъ съ крыши на сѣреный городъ, сооруженный изъ сырца или глины съ примѣсью *салмана* (измельченной соломы) и мелкаго камня, — однообразенъ до мертвенности; сѣрыя стѣны съ едва замѣтною калиткою на запорѣ замыкаютъ каждое, отдѣльно стоящее или одно къ другому примыкающее, жилище въ дворикахъ между мазанками, надъ плоскими крышами которыхъ кое-гдѣ выдаются полукруглые верхи мечетей и малеппые, полушарные куполы съ потускнѣвшими круглыми стеклышками бань; изъ-за этой безпорядочно скученной сѣрой массы глины только въ двухъ-трехъ мѣстахъ пробивается клочекъ зелени...

Влѣво за городскими стѣнами сгруппированы фруктовые сады, а дальше — просторъ сѣрой долины съ сѣрыми горами вдали...

Глазѣя по сторонамъ и вдыхая полною грудью утренній воздухъ, вижу, какъ на сосѣднихъ крышахъ подымаются отъ сва двѣ-три женскія фигуры въ шальварахъ и коротенькихъ сорочкахъ; не замѣчая меня, онѣ старательно ищутъ что-то за-пазухой у себя и неспѣшно казнять кого-то ногтями; затѣмъ, лѣнливо прибравъ постели и закутавшись въ покрывала, какъ тѣни, исчезли въ отверстіяхъ крышъ...

Съ восходомъ солнца процессъ въ воздухѣ заунывный азонъ, — обыватели просыпаются и творятъ намазъ (молитву); въ 5 часовъ уже слышенъ стукъ кузнечнаго молота, — доносится сопровождающіе какую-то работу крики: «А-али!.. А-али!.. А-али!..» Открываются лавки и закипаетъ базарная дѣятельность.

Неоспоримо, муравьиныя качества присущи персамъ, и при иныхъ условіяхъ жизни этотъ, теперь нищій и разбитый, народъ легко достигъ бы матеріальнаго благосостоянія...

X.

Утро у хозяина. — Именитые купцы. — Маклеръ — послѣдователь «Баби». — Разнощикъ и тегеранскіе евреи.

Когда я возвратился (въ 6 ч.) съ прогулки по крышѣ, на столѣ уже пыхѣлъ самоваръ, красовались отвратительные на вкусъ поперанцы и вкусная *консульская* булка, размягченные отъ жары лимоны и *необходимая* — во время путешествія по востоку — *лимонная кислота*, а сіяющій добродушіемъ хозяинъ разливалъ чай, по персидскому обыкновенію, недоливая стаканы на четверть отъ краевъ.

Хюсейнъ доложилъ о приходѣ именитыхъ купцовъ, а велѣдъ за тѣмъ посылалось шлепанье ихъ туфель; я ушелъ къ себѣ.

— Къ вамъ съ визитомъ самые вѣскіе здѣшніе купцы: Хаджи-Абу-Талибъ, тотъ самый, который приготовилъ для васъ помѣщеніе, и Хаджи-Абдулъ-Касымъ; — выйдите къ нимъ поскорѣе, не то — обидятся, — лепиуль заглянувшій ко мнѣ хозяинъ.

Вышелъ.

На полу сидѣли, поджавши ноги, два рослыхъ чалманосца съ чашками чая въ рукахъ: одинъ — тучный, другой — сухопарый, но оба съ пепомѣрно большими носами, еще большею важностью и въ колоссальныхъ чалмахъ изъ бѣлой матеріи (кажется, кисей), густо вышитой шелками блѣдно-желтаго цвѣта, — такіа чалмы носятъ нѣкоторые богатые *хаджи*, т. е. побывавшіе на богомольѣ въ Меккѣ и Мединѣ; изъ-за этихъ головныхъ уборовъ высывались на ихъ узкіе лбы потные аракинъ (срмолки), — синіе коба солидной длины свободно охватывали ихъ туловища, а широчайшіе бѣлые пояса — пространныя талин ихъ.

На мое привѣтствіе они протянули мнѣ руки, не вставая, при чемъ тучный Хаджи-Абу-Талибъ далеко не совладалъ съ невольнымъ чувствомъ брезгливости къ «кяфыру», между тѣмъ, какъ его другъ вполне олицетворялъ апатію.

— Какой дѣльный человекъ вышъ астраханскій пріятель Хаджи-Ага! польстилъ я степенно молчавшимъ гостямъ.

— Да, Хаджи-Ага — умный, умный человекъ, — снисходительно пропѣдилъ Абу-Талибъ, какъ показалось мнѣ, съ оттънкомъ зависти къ популярному между персами дѣльцу, при посредничествѣ котораго онъ

сбываетъ въ Россію хлопокъ, а на вырученные деньги закупаетъ тамъ ситцы, посуду, кальяны и писчую бумагу.

Высококостепенные купцы произвели на меня отталкивающее впечатлѣніе, и я разстался съ ними довольно сухо.

— Я уже говорилъ вамъ, замѣтилъ хозяинъ, что почтенный Хаджи-Абу-Талибъ порядочно нагрѣлъ простоволосую «кокоревщину», съ которою велъ обширную коммерцію, иногда доставляя ей между прочимъ единовременно по 12 т. лисскихъ шкуръ съ Хорассана; теперь добавлю, что онъ слыветъ за хорошаго хозяина, владѣетъ многими фруктовыми садами и страдаетъ крайнею разбѣянностью; еще недавно его друзья затѣнули ему за поясъ вмѣсто платка кошку.

— Къ чему платокъ, когда онъ, какъ видѣлъ я, — проходя дворикъ, высморкался на воздухъ, предварительно отвернувшись въ сторону и прижавъ пальцемъ носъ?

— А затѣмъ — вытеръ руку платкомъ... Впрочемъ, персы, за исключеніемъ развѣ знати, обходятся безъ этой роскоши и вытираютъ руки о полы архалука; даже такой богачъ, какъ Хаджи-Абдулъ-Касымъ, комиссіонеръ и здѣшній банкиръ, владѣлецъ лавки и большихъ полевовъ врядъ-ли умѣетъ обходиться съ платкомъ?!

Не успѣлъ я поговорить съ хозяиномъ объ именитыхъ, какъ къ нему нахлынули новые гости, вѣроятно мучимые любопытствомъ насчетъ пріѣзжаго «уруса». Изъ моей комнаты все видно и слышно: купцы и муллы усѣлись на полу, поджавши подъ себя ноги, — болѣе эмансипированные, въ томъ числѣ и *дарога*, примостились на стульяхъ, сундукахъ; побѣдѣе — стояли у дверей, но всѣ вставляли свое уминое словцо въ вялую бесѣду, а когда она прерывалась, до меня доносилось тихое, полудремотное журчаніе кальяна...

Арендаторъ съ видимымъ самодовольствіемъ разливалъ и разносилъ чай, не забывая и себя; иногда его смѣнялъ кто-нибудь изъ нукеровъ. а Хюсейнъ то и дѣло раскуривалъ кальяны...

— Вы положительно прослыли здѣсь за *чиновника*, улыбнулся понавѣдавшійся ко мнѣ хозяинъ.

— Никогда таковымъ не былъ.

— Но въ Персіи чиновниками называются всѣ служащіе на коронной службѣ: офицеры...

— Положительно нигдѣ не служу.

— Во всякомъ случаѣ вашему пріѣзду всѣ рады, — отъ васъ всѣ ждутъ выгодъ и подачки, а *дарога* не утерпѣлъ, чтобы не шепнуть мнѣ

на вашъ счетъ: «вотъ еще одинъ прѣхалъ *нашей отры*», т. е. небрегающій виномъ, до котораго онъ страстный охотникъ... Кстати, дайте письма къ губернатору, — онъ доставить ихъ немедленно въ его резиденцію — г. Бастамъ. Когда вы намѣрены быть у него?

— Завтра.

— Такъ я увѣдомлю объ этомъ теперь же...

«Хозяинъ» вышелъ, а когда гости разошлись, вызвалъ меня къ себѣ.

— Вотъ интересная для васъ личность! проговорилъ онъ, указывая глазами на муллу въ широчайшей чалмѣ безукоризненной бѣлизны, привставшаго съ полу, съ видимымъ почтеніемъ къ моей особѣ, въ сорочкѣ поверхъ пижмѣ.

Я подаль ему руку, — онъ схватилъ ее обѣими своими — и, горячо пожавъ, по нашему приглашенію опять опустился на полъ.

Хозяинъ отъ моего имени справился у него о здоровьѣ, что *озарило счастьемъ* его подвижное лицо съ бьющимъ въ глаза лукавствомъ, и онъ, въ отвѣтъ мнѣ, долго выкрикивалъ своимъ пронзительно-звонкимъ голосомъ цѣлый ворохъ любезностей.

— Ну, этому не клади пальца въ ротъ, — вырвалось у меня.

— Вы правы; — ученый мужъ *Гулонъ-Риза* очень хитеръ, но въ моихъ рукахъ его тайна, и онъ преданъ мнѣ, — не падуетъ...

— Тайна?

— Да, — онъ послѣдователь преслѣдуемаго здѣсь смертною казнью ученія «Баби»...

Объ этой, пропагандирующей примиреніе съ христіанскимъ міромъ, сектѣ скажу своевременно, теперь же добавлю, что мулла Гулонъ-Риза, *въ силу этой тайны*, служить «хозяину» искуснымъ орудіемъ въ коммерческихъ и другихъ дѣлѣшкахъ, играетъ у него роль толмача и домашняго секретаря, составляя ему письма на персидскомъ языкѣ. Онъ еще недавно велъ свою торговлю, но разорился, и теперь, занимаясь малярствомъ, слыветъ между своими за очень умнаго и свѣдущаго челоука...

Спустя нѣсколько минутъ, нашъ гость, пропустивъ рюмочку-другую, былъ какъ у себя дома: разливалъ и подавалъ намъ чай, набивалъ себѣ кальянъ, бралъ то ту, то другую «хозяинскую» вещь; но мои нервы не выносили его крикливаго голоса... Кстати у дворей показался валий на видъ сѣбѣ съ большимъ сверткомъ въ рукахъ; — «Баби» притихъ и, скромно потупивъ взоръ, снова усеялся на полъ. Вошедшій

былъ разнощикъ русскихъ и транзитныхъ ситцевъ, а при случаѣ — и продавецъ древне персидскихъ монетъ и бездѣлокъ. «Хозяинъ» зарекомендовалъ мнѣ его, какъ добросовѣстнаго, и я, поручивъ ему собрать образчики ходкихъ здѣсь мануфактурныхъ произведеній, занялся выгуженными имъ изъ кошелька древностями, и чтожь? — Большая часть литыхъ монетъ оказалась жалкимъ подражаніемъ старины, разноцвѣтныя каменные печати — тоже фальшивыи, что мы и замѣтили владѣльцу ихъ. Тотъ съ видомъ невинно-оскорбленнаго выспалъ себѣ на ладонь изъ ситцевого мѣшечка еще до 30, уже не поддѣльныхъ монетъ, преимущественно, греческой чеканки временъ господства Александра Македонскаго въ Персію, но они были далеко не изъ рѣдкихъ, хотя разнощикъ и увѣрялъ насъ, что: «это — недавняя находка въ Хамаданѣ», какъ извѣстно, стоящемъ на развалинахъ знаменитой столицы древней Медіи, Экбатаны.

— Что стоитъ? указалъ я на крошечную монетку.

— 5 рублей.

— А эти — побольше?

— 10 рублей.

Словомъ, дешевле 5 руб. не было монетъ.

— Теперь въ Шахрудѣ научились цѣнить древности, — замѣтилъ «хозяинъ», — поняли интересъ европейцевъ къ нимъ, и часто надуютъ путешествующихъ любителей древностей.

— Но гдѣ и кто поддѣлываетъ ихъ?

— Преимущественно тегеранскіе жидаы, наловчились и персы. Впрочемъ, знатокъ не поддастся ихъ грубому обману и можетъ пріобрѣсти даже здѣсь, въ Шахрудѣ, кое-какія интересныя рѣдкости, скупаясь на некоторыхъ тегеранскихъ богомольцахъ въ Мешхедѣ, для перепродажи въ Тегеранѣ, а иногда эти барышники оставляютъ ихъ своимъ знакомымъ въ Шахрудѣ на комиссію, для продажи путешественникамъ. Помимо того, при случаѣ и здѣшніе серебряники покупаютъ древніи монеты *на отъ* у невѣжественной и вѣчно нуждающейся деревенщины, и негодныя изъ нихъ переплавляютъ для разныхъ издѣлій, а прочія — съ выгодною продаютъ, обыкновенно уже ознакомившимся съ Европой, странствующимъ жидамъ и продавцамъ бирюзы, которые, въ свою очередь, перепродаютъ ихъ съ громаднымъ барышемъ европейскимъ охотникамъ до старины..

— Поторгуйтесь, — обратился я къ «хозяину», — не уступитъ ли подешевле?

— Говорить — не могу, а если желаете — *готовъ подарить вамъ всю монету...*

— Зная, что я не приму ихъ, а пначе — не отобьюсь отъ него до тѣхъ поръ, пока не отвѣчу ему болѣе цѣннымъ подаркомъ — такъ? «Хозяинъ» улыбнулся своею обычною, мягкою улыбкой...

Наконецъ, я выторговалъ нѣсколько монетъ; моя расчетливость до напвности удивила не только гостей, но и самого хозяина, сильно заблуждавшагося на счетъ моего кошелька...

По уходѣ торгашей, въ комнату вошли кошачьей походкой два тегеранскихъ еврея, по костюму не отличавшіеся отъ персовъ, но одинъ изъ нихъ былъ до того жепственно красивъ, что одѣньте его въ платье, — онъ затѣмнитъ всѣхъ предѣстныхъ Амалій новорожденной Имперіи, щедро надѣляющей этою молью Россійскую Имперію!

Въ приѣмахъ всемірныхъ пройдохъ была замѣтна таже приниженность, какъ и у нашихъ Шмудей, но только болѣе утонченная, болѣе мягкая...

Послѣ привѣтствій они долго стѣснялись сѣсть въ моемъ присутствіи, наконецъ, уступивъ настойчивости хозяина, примостились на парѣ попереидеки, т. е. поджавъ подъ себя ноги.

— Красавецъ Самуилъ — мой старый пріятель; онъ тоже «баби» вскользь замѣтилъ «хозяинъ».

— А развѣ вы...

— Я въ сношеніи со многими «баби» — пользуюсь у нихъ полнымъ довѣріемъ и...

Льстиво просительный голосъ красавца перебилъ его.

— Извините, — заговорился.. обратился онъ снова ко мнѣ послѣ оживленной бесѣды съ ними, — просить моего покровительства, нужно защитить ихъ.

— Въ чемъ?

— Въ тяжбѣ изъ-за цѣстиковъ. Видите ли, Самуилъ купилъ у здѣшняго обывателя Аббаса кое-какія мелочи, но, по увѣренію того, денегъ не уплатилъ, между тѣмъ, какъ этотъ клянется въ противномъ, — пошли судиться къ *мавному муштегиду*, т. е. толкователю закона...

— По чему же не къ *кази* (судѣ по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ)? — перебилъ я рассказчика.

— Ему не довѣряютъ, а муштогидъ — излюбленный избранныкъ

парода. Вотъ онъ и присудилъ невѣрнаго Самуила къ уплатѣ *правострному* Аббасу большой суммы денегъ, — Самуиль протестоваль; тогда муштегидъ рѣшилъ такъ: «если *персз* подтвердитъ свою претензію присягою, то *жидз* безусловно долженъ уплатить ему деньги?..

— И Аббасъ присягнулъ?

— *Изъ-за денегъ персз приметъ сто присягъ!*... Я нахожу жидъ правымъ и попрошу полицейстера примирить тяжущихся...

Пока мы разговаривали, мучимый жаждою красавецъ отправилъ своего товарища на базаръ за арбузомъ, и теперь съ жадностью лакомится имъ, усердно рыгая изъ вѣжливости, — знать, великосвѣтскію тонкости не безызвѣстенъ ему?!

— Зачѣмъ они пріѣхали сюда?

— Обходить всѣ дома и скупать старое золото, древнія монеты и т. п. Съ этими цѣлями они шляются по всей Персіи, и еще недавно были въ Дамганѣ (что въ десяти шестиверстныхъ *фарсанахъ* отсюда по дорогѣ въ Тегеранъ), гдѣ нынѣшнею веспою найдено много древнихъ монетъ, или, по выраженію Самуила, «открыли кладъ». Далѣе «хозяинъ» разказывалъ, что въ горахъ, повыше Дамгана, находится источникъ Чишме *)—Али, съ издавна и до сегодня пользующійся невѣроятною репутаціей, а именно: если въ него попадетъ что нибудь нечистое — немедленно подымается порывистый вѣтеръ, который продолжается до тѣхъ поръ, пока не очистятъ воду...

Въ исторіи бѣдствій человѣчества, Дамганъ занимаетъ тоже не послѣднюю страничку; такъ, когда кровожадному Тимуру встрѣтилось на пути изъ Сиваса къ Дамаску малоазійское туркменское племя *Бьло-баранцевъ*, онъ напалъ на него, разбилъ и поселилъ плѣнныхъ въ Дамганѣ; въ послѣдствіи эти кочевники рѣшились бѣжать отсюда на родину, но, встрѣтившись съ его полчищами, были поголовно умерщвлены, и изъ ихъ череповъ Тимуръ соорудилъ въ виду города четыре высокія башни..

Самуиль бывалъ и въ Хамаданѣ, о которомъ упоминалъ разнощикъ ситцевъ. Здѣсь не только часто находятъ древнія вещицы и монеты, но и открыто сохранилось нѣсколько памятниковъ давно-минувшихъ вѣковъ; изъ нихъ наиболѣе интересны: *камень съ воздеобразными надписями* и находящійся почти въ центрѣ города *мавзолей Мардохея и Эсфири*, — зданіе, напоминающее своимъ видомъ мѣста благочестія «Имамъ-Заде»; въ первой его комнатѣ безъ оконъ и съ еврейскою над-

* Чишме значить ключъ.

писью стоять гипсовой гробъ какого-то еврея и лежать носилки для погребенія мертвыхъ, а вдоль стѣнъ висятъ нѣсколько желѣзныхъ и глиняныхъ лампадъ. Подъ куполомъ второй крошечной комнатки возвышаются два саркофага въ видѣ ящиковъ, съ гробами изъ индѣйскаго темнорозоваго дерева (по увѣренію еврея сандалънаго), покрытыми арабесками и надписями...

Далѣе интересный Самуилъ сообщилъ, что его единовѣрцы и нѣсколько христіанскихъ семей — халдеевъ и армянъ, имѣющихъ здѣсь свою церковь, занимаютъ между тридцати-тысячнымъ населеніемъ города отдѣльный кварталъ, и что окрестныя деревни переполнены христіанами...

Когда евреи ушли, пришли опять персы, — короче сказать, гости всѣхъ отнѣнковъ не переводятся у общительнаго, радушнаго «хозяина».

12 час. пополуд. Въ моей комнатѣ душно: 30° R., а выйти на залитую солнцемъ площадку — рискованно: 44° R.! — Съ непривычки можно обжечься, да и видъ теперь отсюда наводитъ тоску: съ ближайшей крыши *муезинъ* (мулла, призывающій къ молитвѣ) трогательно выплакиваетъ: «Ал-ла» и пр., школьники въ медресахъ вторятъ ему крикомъ и пискомъ, а на пустынномъ дворикѣ — арендаторскій бѣлый осель, понатужившись, красивой хивинской породы, скрипитъ глоткою, какъ дверь на ржавыхъ петляхъ, и, затѣмъ — испускаетъ всѣмъ своимъ существомъ оглушительный ревъ...

XI.

Полицмейстеръ. — Вечеръ. — Европейецъ изъ туземцевъ. — Обыкновенная исторія.

Въ изнеможеніи отъ жары я раскинулся на нарѣ раздѣтымъ, «хозяинъ» — потѣлъ на стулѣ, какъ входитъ смуглолицый персъ, средняго роста, съ воспаленными глазами, умѣреннымъ носомъ и пріятными устами, окладистой черною бородой и усами, въ лоснящейся, слегка сжуженной кверху, мерлушечьей шапкѣ и въ такомъ-же, какъ на Хюсейнѣ, только болѣе опрятномъ, костюмѣ; это — *Дарога* (полицмейстеръ) *Кербела-и-Джаберъ*, побывавшій на богомольѣ въ священномъ для шиитовъ

Кербела, а потому названіе этого града и предшествуетъ его имени.

Я припалъ его лежа, ибо, при малѣйшемъ движеніи меня обдавало изобильной испариной, да кетати—въ голову пришелъ чей-то неприличный совѣтъ: «съ персидскими властями пужно держать себя по важнѣе, въ особеннѣе, при безденежѣ». — Впрочемъ, такая фамиллярность пришлось ему по душѣ... Пока онъ, усѣвшись на табуретку, посылъ обычныхъ привѣтствій съ натянутой улыбкою, смакуетъ горечь предложенной мною копѣчной сигары, сдѣлаю отступленіе на счетъ его же.

Когда здравествовала здѣсь *кокоревщина*, Кербела-и-Джаферъ служилъ лакеемъ у компанейскаго прикащика — теперь потеряннаго человека — Безжѣнова, и служилъ онъ не безслѣдно: научился рутаться по русски, съ остервененіемъ пить втихомолку, ловко шпіюптъ и, скопивъ пальную денгу, *былъ онѣмнѣ губернаторомъ*, ибо, вотъ уже шестой годъ, какъ онъ арендуетъ городской базаръ и держитъ въ своихъ рукахъ сопряженныхъ здѣсь съ этою аферою бразды полицейстерской власти.

Какъ арендаторъ базара, Джаферъ получаетъ съ каждой лавки и мастерской по 4 р. 20 к. въ годъ и опредѣленную плату съ каждой проданной въ городѣ скотины: такъ, съ лошади — 60 к., — съ мясниковъ — ~~за~~ *каждаго* зарѣзаннаго на продажу барана по 15 к. или же шкуру съ него, и т. д. Такимъ образомъ, въ годъ наберется валового дохода съ базара около 2,000 тамановъ, изъ коихъ онъ прежде платилъ ежегодно въ казну арендныхъ — 700 тамановъ, а при нынѣшнемъ губернаторѣ вносить 900 помимо *обязательныхъ* пишекшей или, вѣрнѣе, взятковъ разнымъ губернскимъ властямъ въ размѣръ 250 таман. (въ томъ числѣ 50 там. вице-губернатору), и тоже *обязательно* расходующихъ имъ 250 там. на содержаніе полиціи, такъ какъ онъ долженъ не только оберегать базаръ изъ личнаго интереса, какъ арендаторъ его, но и обязанъ наблюдать чистоту и порядокъ въ городѣ, на что достаточно 4 — 5 феррашей (изъ коихъ одинъ — трубачъ), получающихъ по 15 к. въ день и больше ничего; впрочемъ, эти молодцы — не зѣваютъ: при случаѣ сорвутъ съ одного обывателя — копѣйку, съ другого — гроздь винограду, лавашъ и т. под. За всѣми расходами у дарога остается ежегодно 600 таман. отъ базара, помимо другихъ доходовъ, а это въ Персіи — капиталъ, — и вотъ онъ, скупивъ много фруктовыхъ садовъ и припрятавъ на черный день солидный кушъ, живетъ, по выраженію «хозяина», *свинья-свиньей*, какъ

и прочіе достаточные обыватели, т. е. представляется бѣднякомъ изъ опасенія послужить лакомою приманкой для плотоядныхъ властей высшей инстанціи. На сколько это удастся ему — увидимъ впоследствии...

Судя сигару и лакомо поглядывая на меня, «дарога» процѣдилъ сквозь зубы, что онъ «уже вчера донесъ Шяхъ-Заде *) о моемъ пріѣздѣ, назвавъ меня въ рапортѣ *русскимъ купцомъ*».

— Англичапе пріѣхали? спросилъ его «хозяинъ».

— Только что разбили свои нитры въ загородномъ саду.

— И ты видѣлъ ихъ?

— Да, и оттуда прямо пришелъ къ тебѣ.

«Хозяинъ» предложилъ ему стаканъ водки; тотъ оглядѣлся, выпилъ залпомъ п, вынувъ изъ кармана кукурузу, началъ обгрызать ее; я налилъ ему стаканъ вина.

— Напрасно, замѣтилъ «хозяинъ», — онъ смислитъ въ немъ какъ свинья въ апельсинахъ, а если пить, такъ только, по собственному же его выраженію — потому, что оно хмѣльное... Между тѣмъ гость продолжалъ цѣдить о пріѣзжѣхъ изъ Индіи «инглизѣ».

По словамъ его, остъ-индскій англичанинъ, генералъ Нэпиръ, сынъ министра (не министра, а главнокомандующаго войсками въ Англійской Индіи, какъ оказалось впоследствии), высадился съ своею свитою въ Бендеръ-Буширъ и направился къ Ширазу, но былъ ограбленъ. Вновь подготовившись въ Тегеранѣ къ дальнѣйшему путешествію, онъ выѣхалъ отсюда въ Шахрудъ въ обществѣ съ какимъ-то другимъ «инглизомъ», съ которымъ ѣхалъ вплоть до большаго селенія Чесаръ-дест. с. — на границѣ селенія, что вблизи г. Дамгана. Здѣсь дорога развѣтвляется на Гязъ и Шахрудъ: одинъ поѣхалъ на Гязскій берегъ «поохотиться» и затѣмъ намѣренъ вернуться въ Европу черезъ Астрахань, а Нэпиръ прибылъ сюда въ сопровожденіи едва ли не болѣе десятка едущащихъ и слугъ изъ индѣйцевъ и, преимущественно, авганцевъ, а также двухъ персовъ — чиновниковъ изъ англійской миссіи въ Тегеранѣ; при немъ находится 15 верховыхъ и тридцать вьючихъ лошадей, хорошее оружіе, повара, — вообще обстановка роскошная...

По словамъ рассказчика, «инглизъ» узналъ о моемъ пріѣздѣ въ

*) Принцъ крови, а буквально — рожденный отъ Шаха.

Пахрудъ еще дорогою, и намѣренъ отправиться отсюда въ Мешхедъ съ первою же оказіею.

«Какая цѣль путешествія его?» — гадали мы съ «хозяиномъ,» и рѣшили завтра же познакомиться съ нимъ лично. Между тѣмъ мой янтарный мундштучокъ съ свернутою папиросою воздуждалъ сильное любопытство въ гостѣ; я передалъ ему осмотрѣть его, — онъ сталъ курить, — «хозяинъ» намекнулъ, что «это неприлично».

— Меня считаютъ нечистымъ? удивленно вытаращилъ тотъ глаза, вытирая янтарь пальцами наполовину выкрашенными въ темнокрасный цвѣтъ ногтями.

— Нѣтъ, ничего... кури.

— Развѣ опъ мусульмаинъ? — продолжалъ дарога съ дурно скрытымъ подъ улыбкою замѣшательствомъ...

Послѣ минутной паузы онъ предложилъ мнѣ баню.

— Не рискую.... А вотъ, нельзя ли взглянуть на женщину безъ покрывала? — подшутилъ я.

— Рискованно для всѣхъ трехъ, но за деньги этотъ молодецъ все устроить тайкомъ, — фамильярно похлопалъ «хозяинъ» его по плечу; польщенный дарога умилился и, вынувъ изъ кармана таманъ чеканки предшественника Наср-ед-динъ Шаха, предложилъ мнѣ купить его за 18 кранъ, т. е. запросилъ 8 крановъ ливнскихъ.

— Деликатный намекъ на подарокъ въ счетъ будущихъ услугъ, улыбнулся «хозяинъ».

— Послѣ куплю, обманилъ я.

Тотъ взвѣсилъ на ладони золотую монету и, спрятавъ ее обратно въ ситцевый кошелекъ, не смѣло протянулъ мнѣ руку и вышелъ, слегка покачиваясь..

Въ девятомъ часу вечера жара спала на столько, что насъ такъ и тянуло на воздухъ, по по улицамъ — духота, кое-гдѣ вонь, всюду полумракъ, да и на оскорбленіе можно наткнуться; слѣдовательно, единственно удобнымъ мѣстомъ для нашихъ вечернихъ прогулокъ оставалась крыша, и мы вышли.

Ярко пылалъ на ней огонь въ очагѣ, облизывая чугунокъ съ пловомъ, на ужинъ для насъ; тутъ же, путаясь въ нашихъ ногахъ, не шумно возились псы и щенята, а съ сосѣдней мечети, съ мерцающей лампадкой въ полумракѣ, неся — восторженный голосъ, то сопровождаемый мѣрнымъ всхлипываньемъ, то прерываемый пла-

чемъ на взрыдъ; въ отдаленіи, слѣва, тоже слышался въ безмолвіи вечера гулъ рыданій...

— Эти чтенія или трогательные рассказы о страданіяхъ любимыхъ имамовъ*) Али, Хюсейна и Хасана происходятъ обыкновенно по четвергамъ вечеромъ, т. е. съ наступленіемъ мусульманскаго воскресенья — иногда и въ будни, — замѣтилъ «хозяинъ».

— И всегда такимъ, надрывающимъ душу, трагическимъ голосомъ?

— Непремѣнно. Задача чтеца — извлечь обильныя слезы у слушателей, ибо пролитыя слезы за святыхъ имамовъ, предстательствующихъ за благочестивыхъ слушателей передъ Всевышнимъ, сочтутся на небѣ. Меня увѣряли мои ученые друзья, что даже одинъ еврей въ рай попалъ за то, что «проронилъ слезы по имаму», а вѣдь шіиты считаютъ жидовъ ниже христіанъ, хотя въ сущности иновѣрецъ, собака, свинья — одинаковая погань для нихъ..

Мы приблизились къ краю крыши откуда можно было разглядѣть эту открытую, въ формѣ полукруглой ниши въ высокой стѣнѣ, лѣтнюю мечеть, еще въ прошломъ году освѣщаемую при подобныхъ чтеніяхъ стеариновой свѣчей въ бумажномъ фонарѣ, а теперь, какъ уже упомянуто, лампадою или, точнѣе, масломъ въ висячемъ стаканчикѣ.

На дворикѣ передъ нею (мечетью), сзади мелькавшихъ въ полумракѣ мужскихъ фигуръ темнѣлась неопредѣленная группа женщинъ, въ всхлипываньи и рыданіи которыхъ слышалась фальшивая нотка.. Спустя полчаса, все смолкло и совершенно стемнѣло. На одной изъ соседнихъ крышъ громко кашляетъ женщина, собиравшая спать, — на другой и третьей — повременамъ вспыхиветъ красноватый огонекъ, и фантастически освѣтитъ фигуры бесѣдующихъ за послѣднимъ камьяномъ передъ сномъ... Въ отдаленіи завывли шакалы, а гдѣ-то тутъ, вблизи, почти подъ самымъ ухомъ, слышится дѣтскій плачь, на который отозвалось съ противоположной стороны точно женское рыданіе....

— Да кто же это плачетъ?! — недоумѣвалъ я.

— Тѣ же шакалы. Они прокрадываются въ городъ и таскаютъ куръ или что тамъ попало...

Хюсейнъ вышелъ на открытую площадку столъ, и только что мы успѣлисъ ужинать или, вѣрнѣе, обѣдать, какъ входитъ дарога, уже успѣвшій вы-

*) Имамъ — духовный вождь или глава вѣроученія.

дять у Нэзира, что не помѣшало ему пализаться и хорошо покушать у насъ.

— Отданы ли письма губернатору? спросилъ «хозяинъ», когда тотъ принялся сосать его трубку.

— Отданы...

— Ну?

— Шах-заде сказалъ: «Поздравь его — дарога кивнуть въ мою сторону — отъ меня съ прїѣздомъ; жаль, что завтра *сороковий день* смерти моей дочери, и я не могу поздравить его лично, но въ субботу (послѣ завтра) буду ждать его къ себѣ съ большимъ нетерпѣніемъ».

При этомъ дарога сообщалъ, что принцъ—губернаторъ приказалъ ему, немедленно: «собрать у обывателей *сорокъ* столовыхъ приборовъ» для приглашенныхъ къ нему на завтрашній вечеръ гостей на поминки дочери...

— Покойной принцессѣ было всего семнадцать лѣтъ,—обратился ко мнѣ «хозяинъ» не безъ волненія. — Шахъ Наер-ед-динъ прочилъ эту обворожительную и отлично воспитанную (по персидски) красавицу въ невѣсты своему сыну, наслѣднику принцу Музаферъ-ед-дину, и до того простиралъ благосклонность къ ней, что когда отецъ ея за какія-то продѣлки, лишившись губернаторства, находился 4 года въ опалѣ, и она отпраивалась въ Тегеранъ ходатайствовать за него передъ нимъ, то онъ, Шахъ, отвѣтилъ ей: «Возвращаю вашему отцу губернаторство собственно для васъ»...

— И послѣ такихъ успѣховъ!..

— Неожидано умерла отъ пустой простуды, какъ «жертва невѣжества персидскихъ коповаловъ, величающихъ себя докторами», — умерла, и лишила своего батюшку *Амидъ-удъ-Девле* (подпору государства) *Киомерсз-Мирзу* сильной опоры, хотя онъ и приходится «Средоточію міра»*), — кажется, двоюроднымъ братомъ....

— Вы говорите—жертва коповаловъ,—чтожъ докторъ залѣчилъ ее?

— Задалъ въ одинъ прїемъ *четыре золотника бычачьей желчи*, помимо нилую съ примѣсю каломели, которая въ большемъ ходу здѣсь.

По уходѣ дарога, на порогъ появилась плотная фигура съ клеймомъ разврата на одутловатой фізіономіи, съ воспаленными глазами и въ смушковой шапкѣ. Фамильярно поздоровавшись съ «хозяиномъ»,

*) Одинъ изъ титуловъ Шаха.

этотъ поздній гость залпомъ выпилъ стаканчикъ водки, затѣмъ — закурилъ трубку и, развалившись на стулѣ, передавалъ ему съ надменною улыбкою кое-какія сплетни изъ губернаторской резиденціи — Бастама (откуда онъ только что вернулся), причѣмъ — закидывалъ одну ногу на другую, поминутно привставалъ и, прохаживаясь по комнатѣ, повременамъ снималъ шапку, обнажая струнъ на бритой головѣ безъ аракинъ (ермолки). Въ каждомъ движеніи его проглядывалъ крайній цинизмъ.

— Положительно не внушаетъ довѣрія!.. Кто онъ? — спросилъ я «хозяина».

— Какъ вамъ сказать? — замялся тотъ..... Пьяница, развратникъ, доносчикъ, словомъ — человекъ со всѣми пороками, *но для меня очень и очень полезный*. За водку онъ сообщитъ мнѣ все, что дѣлается у довѣрливаго ему губернатора, передъ которымъ ползаетъ, увиавается, какъ прихвостень.....

Но если вникнуть въ обстоятельства, выработавшія изъ этой *недоужинной* личности отъявленную капалью, *отъ которой отшатнулись не только благочестивые обыватели, но и родные*, то вы отнесетесь къ нему снисходительнѣе..... По своимъ стремленіямъ это — передовой человекъ въ Персіи, который, не удовлетворяясь затхлостью жизни ея, горячо искалъ выхода, но, не найдя его, — сломился и на все махнулъ рукой....

Однажды я спрашиваю его, — продолжалъ «хозяинъ» — отчего ты не уѣдешь отсюда? — Прослезившійся, онъ отвѣтилъ: «здѣсь жить вольготнѣе, потому что *здѣсь Европа*, т. е. *ты*». — Съ тѣхъ поръ онъ прослылъ у меня за «европейца»...

Пока «хозяинъ» говорилъ, *Европеецъ изъ туземцевъ* поглядывалъ на меня исподлобья, продолжалъ болтать погами съ своею неизмѣнно-скверною улыбкою.....

Отъ раскаленной дневнымъ зноемъ крыши спать въ комнатѣ было невозможно Хюсейнъ вынесъ мою нару на площадку и я, не дождавшись конца *задруивной* бесѣды «хозяина» съ гостемъ, раздѣлся при нихъ и, ласкаемый вѣтеркомъ, мертвецы уснулъ.

Рано на другой день (11 іюля), шумъ толпы на дворикѣ караванъ-сарая разбудилъ меня.

Спрашиваю о причинѣ, оказывается, что сынъ дарога, въ роли ферпутьеш. по персіи.

рашъ-баши^{*)}) или старшаго полицейскаго у своего отца, силою уводить со двора лошадь, для отправки на ней «собранной посуды на поминки» къ губернатору, — арендаторъ, опираясь на покровительство «хозяина», — сопротивляется ему, убѣждая, что лошадь не его, а проѣзжаго, отлучившагося теперь на базаръ, богомольца, безъ котораго онъ не можетъ отдать ее. Толпа зѣвакъ безучастно глядѣла на привычную сцену насилія, — еще апатичнѣе относились къ ней остановившіеся здѣсь на «техтѣ» богомольцы изъ Мешхеда; одни изъ нихъ — въ мохнатыхъ шапкахъ или съ обнаженными черепами варили въ котелкахъ рисъ, другіе — курили кальянъ, перерывали хурджины и узлы или чистили свои длинные ружья; тутъ же на дворикѣ, привязанные къ вбитымъ въ землю кольямъ или — къ «техту» кольцамъ, ржутъ, режутъ или ѣдятъ самаѣ (искрошенную солому) съ ячменемъ ихъ лошади, катера и ослы, тщательно прикрытые толстыми войлоками, которые обыкновенно снимаются съ нихъ только на короткое время, когда остываетъ скотина или спадаетъ жара.

Долго горланило насиліе съ безсправіемъ, но... но арендатору пришлось уступить угрозамъ, и лошадь была уведена...

— Гдѣ вы пропадали? крикнулъ я проходившему по двору «хозяину».

— Былъ съ визитомъ у того самого доктора, который вогналъ въ гробъ губернаторскую дочку; онъ только что вчера вернулся изъ дальней поѣздки...

— Охота же была для этого варвара подыматься съ постели въ пятомъ часу?

— Что жъ дѣлать?!.. Этикетъ обязываетъ «посѣтить возвратившагося изъ поѣздки знакомаго».....

Въ это время посланный изъ Бастаны подалъ ему два письма въ формѣ узенькихъ и сплюснутыхъ свертковъ изъ наръзанной на осмьюшки обыкновенной писчей бумаги; на такихъ клочкахъ здѣсь пишутся письма, росписки и пр., скрѣпляемые вмѣсто подписи смазываемою чернилами именною печатью; затѣмъ, свернувъ ихъ по ширинѣ осмьюшки (листика) въ трубочки, которыя сплющиваются ногтемъ, — прикладываютъ къ нимъ оплѣтъ таки чернильную печатку, обходясь безъ нашего сургуча. — Сомнѣваюсь, чтобы такіа непечатанные письма сохраняли бы заключающуюся въ нихъ тайну!.

^{*)} Феррашъ—вообще слуга; Феррашъ-баши — начальникъ слугъ, а у вышшихъ лицъ—оберъ-камергеръ, но въ этомъ случаѣ—старшій полицейскій служитель.

«Хозяинъ» прочелъ письма съ трудомъ, хотя они отличались шегольскимъ почеркомъ съ затѣйливыми завитушками закругленныхъ сверху концовъ строчекъ.

— Отъ кого? — поинтересовался я.

— Отъ очень близкаго къ губернатору человѣка, — его казначея. Пишетъ, что Шахъ-Заде ждетъ насъ къ себѣ не въ субботу, а въ слѣдующій вторникъ, и проситъ меня къ этому времени письменно изложить мнѣніе объ искѣ одного знакомаго мнѣ гебра (огнепоклонника) на сейида..

— Какое довѣріе къ вамъ?!.. А тяжба изъ-за чего?

— Гебръ вымѣнялъ у сейида свой ласъ на барбарисъ, кишъ-мишъ и другіе сушеные фрурты, вмѣсто которыхъ въ ящикахъ наполовину оказалось камней и песку....

— Но чѣмъ объяснить отсрочку нашего визита на три дня?

— Высокимъ положеніемъ принца, не допускающимъ его въ точности исполнять свои обѣщанія... Впрочемъ, вы ничего не терпите отъ этой неаккуратности, напротивъ — выигрываете...

— Какъ такъ?

— У меня уже успѣло перебывать нѣсколько человѣкъ отъ Нэпира, конечно съ цѣлью пронюхать что нибудь, но подъ предлогомъ покупокъ; такъ, пересъ-чиновникъ изъ англійской миссіи въ Тегеранѣ, который проводитъ его до Менехеда, закупилъ винъ, табаку, еще кое-что, да кстати, изрядно подвыпилъ; экономя купилъ 2 фунта чаю; затѣмъ приходилъ другой чиновникъ, кажется, въ роли феррашъ-баши у Нэпира, и сообщилъ, что онъ, не ожидая оказіи, отправляется послѣ завтра въ Менехедъ съ конвоемъ изъ всадниковъ, обѣщанныхъ ему губернаторомъ, безъ сомнѣнія, за условную плату; этому-то послѣднему я къ слову и сказалъ, что мы во время послѣобѣденной прогулки зайдемъ къ англичанину запросто. Вѣроятно, онъ оплатитъ намъ визитомъ, а въ такомъ случаѣ вамъ не хватило бы время быть у губернатора....

Не смотря на порывистый вѣтерокъ, по временамъ ласкающій насъ, въ шестомъ часу вечера было до того жарко, что, собиравшись къ Нэпиру съ визитомъ и, при сей оказіи, напяливая на себя парусинный костюмъ, я буквально увлажился испариной, между тѣмъ, какъ «хозяинъ» чувствовалъ себя «какъ разъ въ пору», хоть и облачился въ черный, мѣшкотовато-сшитый, суконный сюртукъ, влѣгчатый, съ пестрыми цвѣточка-

ми, шелковый жилетъ и темнокоричневые брюки; башмаки, замѣняющіе сапоги, которыхъ у него вовсе не водилось, дополняли его визитный костюмъ. Оба мы были безъ галстуковъ, но за то у меня съ боку висѣлъ большой револьверъ системы «Смиттъ-Вессонъ»...

— Не берите его, — замѣтилъ онъ, — увѣряю, — для васъ здѣсь безопасно, чѣмъ въ Петербургѣ. Кристофъ въ своихъ походахъ за насѣкомыми обходился безъ всякаго оружія, и — ничего; бывало, подойдутъ къ нему прохожіе сарбазы, — тогда здѣсь стояло два полка, — поздороваются, заговорятъ съ нимъ, — онъ отвѣтитъ имъ знаками, — они постоятъ, постоятъ, такъ, не разговаривавшись, и разойдутся...

Оставивъ «Смиттъ-Вессона», я все таки сунулъ въ карманъ маленькій револьверъ, той же системы, и мы вышли въ сопровожденіи арендатора, который, въ качествѣ вукера, несъ въ двухъ шагахъ за нами «хозяйское» ватное пальто и мой сукопный пиджакъ на случай рѣзкаго измѣненія температуры.

Въ этотъ вечерній часъ движеніе на базарѣ какъ-бы замедлѣло; пароду еще много, пекарни, фруктовыя и вообще свѣтныя лавки — открыты, но прочіи — по обыкновенію, уже закрыты на замки съ пяти часовъ.

Косвенные лучи заходящаго солнца скользятъ по прохожимъ черезъ прорѣхи въ крышѣ... Знакомые «хозяйна — а у него ихъ на каждомъ шагу — привѣтствуютъ насъ: «селямъ алейкюмъ» или прикладываютъ правыя руки къ виску, какъ бы отдавая честь по военному (что заимствовано ими отъ русскихъ); мы отвѣчаемъ: «алей кюмъ селямъ» или тоже прикладываемъ руки къ шляпамъ..... Къ намъ подходитъ бѣднякъ и просить, почитаемаго здѣсь за доктора, «хозяйна» помочь его заболѣвшей матери...

— «Йо-канъ!» — Неистово, дико гаркнулъ кто-то подлѣ самое ухо мое. Я вздрогнулъ и оглянулся. Мимо проходилъ петвердою походкою босой дервишъ съ звѣрскимъ видомъ дикой красоты, съ безумно блуждающимъ огонькомъ въ черныхъ глазахъ, всклокоченною черною бородою, усиками и съ вьющимися изъ подлѣ остроконечной шапки волосами, которые, вѣстать сказать, дервишами не сбиваются, за исключеніемъ только одного ихъ ордена; его остроконечная шапка, сшитая изъ длинныхъ, разноцвѣтныхъ клѣвьевъ сѣтцовой или шерстяной матеріи — трудно разобрать — была до крайности ветха, — длинная, подпоясанная ремнемъ, бѣлая рубаха — изгажена, а вмѣсто шальваръ болтались лохмотья. — Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ опять издалъ

гортанный крикъ: «Йо—хакъ!», подставляя подъ носъ прохожимъ висѣвшую у него черезъ плечо половинку кокосовой скорлупы, но тѣ—точно не замѣчали его...

— Арабское «Йо—хакъ!» (о, правосудный—нужно разумѣть—Боже!) означаетъ на языкѣ этихъ, питающихся подаяніемъ, бездѣльниковъ, «дай денегъ!»—А для перса подать карапуду—смертная пытка,—вотъ почему скорлупа оборванца—пуста, замѣтилъ «хозяинъ», на этотъ разъ, не совсѣмъ удачно, ибо не вдали отсюда намъ повстрѣчался другой дервишъ съ подвязанными жгутомъ выющимися черными кудрями и въ заплатанной длинной накидкѣ, обнажавшей голую грудь и грязный лоскутъ, которымъ прикрывалось его тѣло отъ пояса до колѣвъ. Держа въ рукахъ ножи и другія острые штуки, для фокусовъ, онъ неистово пѣлъ, а прохожіе вляли въ его кокосовую скорлупу зелень и пр... По поводу этихъ встрѣчъ мой спутникъ сообщилъ, между прочимъ, что, по увѣренію персовъ, дервиши ордена *моулеви*, населяющіе равнину, расположенную вблизи впаденія рѣки Геуасинъ въ Сирванъ, — *несгораемы* или, вѣрнѣе, выдѣлываютъ удивительные съ огнемъ фокусы; такъ, напр., входятъ цѣлою семьей въ сильно разгорѣвшійся костеръ и, оставаясь въ немъ пока онъ не истлѣетъ, — являются затѣмъ передъ изумленными зрителями — совершенно невредимыми. Говорятъ, что провѣдавшій объ этихъ чудесахъ Шахъ, пожелалъ видѣть «святыхъ» у себя въ столицѣ, и уже снабдилъ ихъ деньгами на дорогу, но *шейхъ* ордена не только не позволилъ имъ уѣхать, но даже запретилъ на будущее время творить чудеса въ присутствіи постороннихъ, вѣроятно—по замѣчанію «хозяина» — туристовъ изъ *кябыровъ* ..

Помимо этой привилегированной лавы Персіи, по базару не мало таскается нищихъ оборванной разнаго возраста, назойливо протягивавшихъ къ намъ руки, прося карапуду, между тѣмъ, какъ *сакка* (водоносъ) въ короткихъ штанишкахъ, съ бурдюкомъ (изъ козьяго мѣху) воды на спинѣ и мѣдною чашкою въ рукѣ, крикливо предлагаетъ прохожимъ испить его водицы; ремесло сакка—дѣло богоугодное, а потому этотъ бѣднякъ и не въ претензіи, если утолившій жажду не подастъ ему грошика.

— А намъ не откажетъ напиться?—спросилъ я «хозяина», разсѣянно глядѣвшаго на обезьяну, уморительно гримасничавшую на спинѣ вожака подъ однообразный гнусливый пацѣвъ его, сопровождаемый глухими ударами въ барабанъ (въ формѣ поставленной

бокомъ чали или двухъ полушаровъ—большаго, обтянутаго кожею, и меньшаго—открытаго,—соединяющихся между собою короткою трубкою).

— Пожалуй, не откажетъ по потомъ на вашихъ же глазахъ будетъ трижды мыть и полоскать миску, дабы не опоганить ею воду для правыхъ.

Въ глухомъ переулкѣ при поворотѣ съ базара, намъ повстрѣчался озабоченный дарога, спѣшившій учинить судъ и расправу падъ двумя, педшими рядомъ съ нимъ въ чемъ-то провипившимся обывателями. Онъ фамиллярно протянулъ намъ руку и, шепнувъ «хозяину», что наши армяне уже успѣли отреккомендовать его, «хозяина» Нэпиру за *русского шпіона*—прибавилъ вслухъ: «губернаторъ приказалъ набу*) доставить ему—причемъ опъ умилительно взглянулъ на меня — *всю удобства при осмотръ города*.

— Слѣдовательно, я могу безпренятственно осмотрѣть городъ и окрестности его? Отнесся я къ «хозяину».

— Можете даже потребовать феррашей, для сопровожденія и охраненія васъ отъ непріятныхъ случайностей... Конечно за условное вознагражденіе, причемъ, они будутъ доносить кому слѣдуетъ о каждомъ вашемъ шагѣ...

— Въ такомъ случаѣ обойдется безъ нихъ, тѣмъ болѣе, что вы для меня—падежнѣйшая гарантія.

Я просилъ дарога поблагодарить губернатора за просвѣщенное вниманіе, и тотъ, пригласивъ насъ въ свои фруктовые сады, скрылся на базарѣ.

— Уличенные идуть... А, впрочемъ, быть можетъ только оклеветанные полицмейстеромъ,—указалъ мой спутникъ на поивившихся изъ-за угла переулка, приторно улыбающихся намъ, армянъ.

Упомянувъ о своей встрѣчѣ между богомольцами съ какимъ-то русскимъ дезертиромъ —ренегатомъ (принявшимъ исламъ), они *вымолили*, у насъ слово быть у нихъ, и затѣмъ — степенно отправились домой, а мы свернули узкими проходами садовъ къ однимъ изъ трехъ городскихъ воротъ, что расположены почти противоположно мазандеранскимъ или кладбищенскимъ. Кое-гдѣ изъ-за высокихъ стѣнъ садовъ заманчиво

* Наибъ—городничій или начальникъ города, а въ этомъ случаѣ—намѣстникъ губернатора въ Шахрудѣ; самъ же губернаторъ, проживалъ въ Бастамѣ, почти не бывающъ здѣсь.

свѣшивались къ намъ тяжелые грозди винограда, по кругомъ — сѣро, безжолвно и ни души..

На камнѣ у воротъ сидѣлъ убогій старикъ и громко читалъ коранъ, считая унизительнымъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ открыто протягивать за подающимъ руку; влѣво—за воротами, между прилегающими къ городской стѣнѣ руинами, расположился цыганскій таборъ, нищенскую обстановку котораго плохо скрывало отъ взоровъ прохожихъ развѣшанное съ трехъ сторонъ, на подобіе шатра, тряпье. Смуглолицыя женщины, съ преждевременными жорщинами, — слѣдами кипучихъ страстей и вѣчныхъ лишеній — безпорядочно сидѣли, полулежали или суетились по хозяйству и тутъ же, на дорогѣ, собирали скотское кало, для костра, между тѣмъ какъ пожилой цыганъ творилъ намазъ на дырявомъ войлокѣ, служащемъ ему *седжаде* (молитвеннымъ ковромъ), — вѣдь персидскіе цыгане тоже пѣютъ, что не мѣшаетъ ихъ женщинамъ преобрегать чадрую т. е. показываться безъ покрывалъ..

На искосъ табора тянется нѣсколько глиняныхъ лачугъ — загородныхъ лавчопокъ съ подковами, глиняною посудой мѣстнаго производства и, преимущественно, съ лчменемъ, зеленью, фруктами и прочими съѣстными припасами для богомольцевъ и фуражемъ для ихъ скота.

Здѣсь поравнялся съ нами всадникъ, по-истинѣ прекрасной наружности; овальное, слегка смуглое лицо съ слабымъ румянцемъ на щекахъ, большіе выразительные глаза, умѣренно-горбатый носъ, обольстительныя (для женщинъ) уста и черные усы свидѣтельствовали объ его привилегированной породѣ не менѣе щегольского костюма на немъ: *тегеранки* съ козырькомъ на боку, сардари (на подобіе казакничака съ косымъ воротомъ) поверхъ шелковаго архалука съ бѣлѣющею на груди рубахой европейскаго покрою, но безъ воротничковъ, и шелковыхъ шальваръ, слегка сжуженныхъ у надѣтыхъ на бѣлые чулки башмаковъ; за поясомъ висѣлъ кинжалъ въ роскошной оправѣ.

Всадникъ остановился и, придерживая своего граціознаго, нетерпѣливо перебираващаго ногами подъ нимъ, аргамака, *прошепталъ съ жесственною нотою въ голосъ* привѣтствіе хозяину, на что тотъ, склонивъ голову на бокъ, беззвучно шевелилъ умильно-улыбавшимися устами, прижимая руки къ сердцу и, обратившись ко мнѣ, едва слышно проговорилъ: «принцъ желаетъ вамъ здоровья».

— Принцъ ?

— И притомъ фотографъ.

— Персидскій принцъ — фотографъ?!

— Тесе... не кричите такъ... Что-жъ, принцевъ въ Персіи, какъ перѣзанныхъ собакъ... Не знаю, много-ли ихъ въ Петербургѣ будетъ, а здѣсь — одинъ Фехтъ-Али-Шахъ (царст. 1796—1834 г.) *оставилъ по себѣ сотню дѣтей*, и вотъ этотъ молодецъ — одинъ изъ несмѣтной родни имъ...

— И занимается фотографіею?

— Въ свое удовольствіе, а изъ нужды, заправляетъ имѣніями своего дядюшки, того самаго Джоонсузъ-мирзы, который подрѣзалъ меня на коляскѣ..

Пообѣщавъ быть у меня и пригласивъ насъ къ себѣ въ деревню, интересный принцъ поѣхалъ дальше...

XII.

Между богомольцами.

Вблизи отсюда, въ параллель городской стѣны и въ 20 шагахъ отъ нея, тихо струится по камнямъ протокъ Шах-рудъ, т. е. Царская рѣка или, пожалуй, Царь-рѣка, хотя она, по выраженію моего спутника, даже на министра не походитъ: узка — въ 3, 4 шага и такъ мелка, что курицѣ поколѣни будетъ...

По другую сторону этого протока, давшего свое названіе мѣстечку Шахруду, — нѣсколько подальше и, пожалуй, въ 15 шагахъ отъ него, сѣрѣютъ на обширномъ пространствѣ руины караванъ-сарая, сооруженнаго еще недавно однимъ благочестивымъ обитателемъ, для бесплатнаго пристанища богомольцевъ; но онъ — умеръ, оставшееся безъ поддержки зданіе постепенно развалилось, и теперь его пустынные площадки, между безобразно-торчащими остатками стѣнъ, служатъ имъ обширнымъ отхожимъ мѣстомъ, заражающимъ воздухъ до невозможности пройти вблизи него, — такъ душатъ васъ подъ жгучимъ небомъ свѣжіе слѣды человѣка!..

Лѣвѣе руинъ тянутся въ томъ же направленіи сѣрыя стѣны тутовыхъ садовъ, гдѣ обыкновенно, останавливаются за ничтожную плату достаточные путники, а на узкой полосѣ между ними и городской стѣ-

ною, далеко вдоль окаймленной здѣсь рѣдкими деревцами подъ громкимъ названіемъ аллеи, прозрачной Царь-рѣки, живописно раскинулись бивуакомъ до тысячи богомольцевъ, стекшихся сюда со всѣхъ уголковъ мусульманскаго міра, шітскаго толку, въ ожиданіи оказіи или, по мѣстному термину, «пушки», для дальнѣйшаго пути въ Мешхедъ на поклоненіе Иمامу-Али-Риза, какъ извѣстно, отравленному правителемъ Хорассана *Мсамун'омъ*, сыномъ Гарунъ-Аль-Рашида.

По словамъ хозяина, конвой, состоящій изъ пушки при 15 человекъ прислуги, 40 пѣшихъ и нѣсколько болѣе конныхъ *туфенджи* *) выступаетъ съ *сборнаго пункта* богомольцевъ и торговыхъ каравановъ, — «Хейрабада» **) (что въ 14 верстахъ отсюда) ежемѣсячно каждое 4 и 19 число, обыкновенно — во избѣжаніе жары по захожденіи солнца, и отсюда сопровождаетъ ихъ на протяженіи четырехъ-дневнаго перехода, мѣстами не безопаснаго отъ туркменскихъ набѣговъ.

Ежегодно черезъ Шахрудъ проходятъ слишкомъ 20 тысячъ богомольцевъ; изъ нихъ около 15 т. приходится на 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ и 5 т. на другое полугодіе. Теперь они здѣсь отдыхаютъ, сгруппировавшись болѣе по провинціямъ, запасаются провизіею на дальній путь, и мы, прежде чѣмъ зайти къ Нэпиру, прошлись вдоль этой живой аллеи Царь-рѣки.

Въ общемъ картина пестритъ костюмами и разнообразіемъ рѣзко-выдающимися типами, такъ и напрашивающимися на кисть Верещагина! — Тамъ и сямъ, между открыто расположившимися паломниками, виднѣются верхи шатровъ знатныхъ людей и всюду-всюду — хурджаны ***), узлы съ постелями, кальяны, длинныя и короткія ружья, шашки и кинжалы, лошади, катера и ослы, а дальше и верблюды..

Вотъ группа мазандерандцевъ въ своихъ мехнатыхъ шапкахъ, какъ у туркменъ, въ синихъ или свѣтло-голубыхъ узкихъ штанахъ изъ грубаго домашняго сукна и бумажныхъ коба тѣхъ же цвѣтовъ. Ихъ жены, закутанныя въ синія чадры, сидятъ и лежатъ на высокихъ подушкахъ или, просто, на войлокахъ, нерѣдко слишкомъ ветхихъ; одна красавица съ полуоткрытымъ лицомъ варить пловъ, а старуха курить кальянъ..

— Едва ли не единственное развлеченіе для персидскихъ женщинъ! —

*) Миліціонеровъ.

**) Прежде, когда туркмены шарили почти подъ самымъ носомъ Шахруда, оказія отправлялась съ большаго селенія Бедаштъ, что на половинѣ вѣти между Шахрудомъ и караванъ-сараемъ Хейрабадъ отстоящаго отъ послѣдняго на 14 верстъ.

***) Дорожные мѣшки.

замѣчаетъ хозяинъ. Онѣ, какъ и мужчины, невольно привыкаютъ къ кальянамъ еще съ дѣтства, когда раскуриваютъ ихъ для своихъ родителей и гостей...

Слѣдующая группа, тоже изъ Мазандерана, размѣстилась вокругъ краснаго знамени или, вѣрнѣе, флага *чауша*, т. е. опытнаго проводника по богомольнымъ мѣстамъ, подъ охраною котораго, безъ сомнѣнія, за условное вознагражденіе, ѣздятъ достаточныя женщины и немощныя больныя, нуждающіеся въ уходѣ за собою въ теченіе всего богоугоднаго странствія; тутъ же на привязи стоятъ ихъ лошади и катера.

Далѣе — носатые гилянцы; за ними — сумрачно выглядываютъ ширазцы въ высокихъ, слегка суженныхъ кверху, войлочныхъ шапкахъ, а ослики ихъ невыносимо ревутъ...

Съ любопытствомъ озираютъ насъ тегеранцы, щеголяющіе своими грубо вычерненными и лакированными козырьками съ вытѣсеннымъ на нихъ гербомъ льва и солнца надъ фирмою тегеранскаго фабриканта. Такой козырекъ не пришивается къ шапкѣ, а держится на ней тесемкою, что очень удобно, ибо, если солнце жжетъ спереди — его поворачиваютъ на глаза, сзади — на затылокъ, сбоку — на бокъ, а если оно зашло, или обладатель козырька находится дома, вообще въ тѣни, то его вѣшаютъ на спину или на грудь, какъ у большей части этихъ господъ, о бокъ съ которыми азербейджанскіе турки покуриваютъ свои коротенькія трубочки.

Затѣмъ наши горцы (закавказскіе мусульмане) въ папахъ и также съ тоненькими чубучками въ рукахъ, съ мрачно сверкающимъ изъ подъ нависшихъ бровей огонькомъ и блестящимъ оружіемъ, развѣшаннымъ на деревѣ, подъ тѣнью котораго они расположились на коврахъ. Рядомъ съ ними — семья, отправляющаяся на богомолье въ Кербелу и двѣ семьи — черезъ Баку на Константинополь въ Мекку; но они случайно здѣсь, ибо богомольцы этихъ категорій обыкновенно останавливаются въ караванъ сараяхъ...

А вотъ, вблизи растлунувшихся на изодранныхъ подстилкахъ трѣхъ тощихъ райевъ съ *небритыми головами*, идущихъ въ Мешхедъ изъ отдаленныхъ, глухихъ мѣстъ *тишкомъ*, раскинутъ зеленый шатеръ, съ разбросанными вокругъ него вьюками; тутъ же стоитъ *кеджава*, въ которыхъ обыкновенно путешествуютъ по богомольнымъ мѣстамъ знатныя дамы и таковыя же немощныя старцы. Этотъ дорожный экипажъ или, вѣрнѣе, сидѣнье состоитъ изъ двухъ деревянныхъ, нѣсколько расширенныхъ кверху, ящиковъ, иногда плетеныхъ корзинъ, аршинной высо-

ты, двухъ аршинной длины, и полутора аршинной ширины въ основаніи; сверху къ нимъ приспособляются покрывки изъ деревяннаго переплетѣ въ видѣ кибиточки, и, затѣмъ — вся эта несложная штука обтягивается, смотря по времени года и состоянію владѣльца ея, войлокомъ, а поверхъ него крашеннымъ миткалемъ, зеленымъ или краснымъ сукномъ и даже шелковою матеріей. Отправляясь въ путь, кеджавѣ привѣшивается веревками или ремнями (пропущенными въ боковыя кольца ящиковъ) къ бокамъ катера, который и тащитъ этотъ, болтающійся по воздуху, аристократическій экипажъ.

Нѣсколько поодаль, около полога изъ синей бумажной матеріи, видѣнъ *палакъ*, или, какъ иные произносятъ, полякъ, переполненный до краевъ одѣлами и подушками; это — экипажъ бѣдныхъ людей, которые по болѣзни или немоци не въ силахъ совершить отдаленное путешествіе верхомъ. Онъ состоитъ изъ такихъ же деревянныхъ ящиковъ или плетеноекъ и также привѣшивается къ бокамъ осла или катера, какъ и кеджавѣ, но только болѣе грубой работы, безъ обтяжки матеріей, и большею частью даже безъ покрывки. Вблизи палака стояли хозяева его — два араба изъ дальнихъ мѣстъ; ихъ головы прикрыты платками, повязанными со лба на затылокъ жгутомъ изъ шерсти, если только не изъ конскихъ волосъ, какъ показалось мнѣ; нѣчто въ родѣ широчайшихъ длинныхъ халатовъ синяго цвѣта подпоясаны широкимъ ремнемъ, а босыя ноги обуты въ грубѣйшіе башмаки....

Идемъ дальше. Мимо насъ прошелъ легкою походкой смуглолицый красивый арабъ изъ Багдада, съ жгучими глазами, съ черными усиками, бородкою и вьющимися кудрями изъ подъ повязаннаго жгутомъ стараго платка поверхъ другаго, который прикрывалъ отъ солнца только макушку его головы; мѣшковатая, доходящая до пятокъ, бѣлая рубаха съ широкими рукавами составляли весь *наличный* костюмъ этого богомольца.

За нимъ шли еще двое багдадскихъ араба съ такими же выразительными лицами, но у одного изъ нихъ головной уборъ походилъ на маленькую чалму съ выпускными концами на правый бокъ, а поверхъ длинной рубахи пестрѣла шерстяная накидка, изъ подъ полъ которой выглядывали концы широкихъ шальваръ и башмаки съ заостренными кверху носками; у другаго же который также лишь въ одной рубахѣ, — изъ за чалмы краснѣлся верхъ фески безъ косточка.

Встрѣчались намъ и забабдадскіе, тоже турецкіе подданные арабы въ широкихъ плащахъ, сходныхъ по покрою съ персидскимъ *аба*,

а по рисунку матеріи изъ черныхъ и бѣлыхъ широкихъ полосъ — съ еврейскими хламидами, какія увидите въ шабашъ въ синагогахъ и на улицахъ нашихъ городовъ югозападнаго края.

А вотъ, насупившіеся сидятъ два дервиша въ своихъ остроконечныхъ шапкахъ; за ними — изъ за матра удивленно пялятъ на насъ глаза слуга негръ и его зпатыный баринъ въ бѣлой аракинѣ, [ермоликѣ], короткой бѣлой сорочкѣ и широкихъ шальварахъ, и певдали отсюда — въ растижку спитъ между пятью гробами червадары. Трупъ или кости правовѣрнаго, отправляемая изъ ихъ временной могилы для погребенія на священной землѣ Мешхеда или инаго, священнаго для шіитовъ, города, предварительно обертываются въ вошенное полотно, потомъ укладываются въ гробъ или, вѣрнѣе, въ грубо — сколоченный длинный ящикъ, и, чтобы ихъ дорогою не растрясло — обкладываются шерстью или хлопкомъ; затѣмъ, гробъ прикрываютъ крышкою, и обшивъ его войлокомъ, обтягиваютъ грубою шерстяною матеріею темнаго цвѣта.

На нашихъ глазахъ подвезли изъ Бастама еще два такихъ, сильно болтавшихся по бокамъ катера, ящика съ остатками правовѣрныхъ и сложили ихъ тутъ же, въблизи палатки знатнаго господина.

— Неудобно сосѣдство? замѣтилъ я «хозяйну».

— Существующее между богомольцами правило: «На занятое первымъ, кѣмъ бы то нибыло, любое здѣсь мѣсто — никто другой претендовать не можетъ» — никѣмъ не нарушается; а если кто желаетъ расположиться поудобнѣе, можетъ остановиться въ садахъ, — плата ничтожная

Мимо насъ просѣменили ножками въ крошечныхъ туфляхъ двѣ дамы, одна въ синей, другая въ клѣтчатои чадрѣ, съ *рубенде*, т. е. съ вышитою въ чадрѣ передъ носомъ и отчасти глазами бѣлою сѣточкою въ формѣ продолговатаго прямоугольника; рубенде, служить вышнимъ признакомъ знатности или достатка ихъ, ибо бѣдные не носятъ этого дешеваго удобства для легкихъ и зрѣнія...

Далѣе намъ повстрѣчалось еще нѣсколько богомолицъ, какъ видно по запыленному костюму, только что съ дороги; у одной изъ нихъ — большой бѣлый платокъ висадалъ съ головы на плечи, въ видѣ покрывала, а туловище охватывалось чадрою, изъ подъ которой выглядывали, стянутыя у шнурками, широкія шальвары, пришитыя въ этомъ мѣстѣ къ узорчатымъ чулочкамъ, поверхъ которыхъ красовались миниатюрныя туфли; у другой — такой же костюмъ, но только бѣлый платокъ, играющій роль головнаго покрывала, перевязывался со лба на затылокъ другимъ платочкомъ, а шальвары у шнурки просто

на просто подвязаны тесемками. Третья же барыня преуморительно виляла безобразно оттопырившимся отвислымъ задомъ, сооруженнымъ, если такъ можно выразиться, непомятымъ количествомъ напленныхъ на нее короткихъ и широкихъ, какъ юбки, шальваръ, — несомнѣнный признакъ знатности...

Многія изъ будущихъ *мешхеди* — такъ титулуются даже женщины, побывавшія на богомольѣ въ Мешхедѣ, — изподтишка озирая насъ, распахивали чадры у глазъ или даже полуобнажали свои старообразныя, носатыя лица оливковаго цвѣта разныхъ оттѣнковъ, а уродливыя старухи, составляющія между ними огромное большинство, нестѣснялись совершенно открывать ихъ. Вообще, персіанки быстро старятся и вмѣстѣ съ тѣмъ обезображиваются.

По поводу этихъ встрѣчъ «хозяинъ» посвятилъ меня въ тайны туалета персидскихъ дамъ, который прямо начинается съ шальваръ, въ количествѣ пяти и болѣе; чѣмъ знатнѣе и богаче барыня, тѣмъ больше напяливаетъ она на себя этихъ штановъ, изъ коихъ самая нижняя парянется изъ разноцвѣтнаго ситца, вторая — изъ пунцоваго или краснаго, а слѣдующія затѣмъ — изъ атласа и ярко желтаго шелка; при выходѣ изъ дому или во время путешествія по богомольнымъ мѣстамъ, поверхъ нихъ надѣваются еще дорожныя шальвары, *туманы*, стягиваемыя у щиколки поя шнурками, какъ-то уже видѣли мы у только что встрѣтившихся намъ барынь. Далѣе слѣдуетъ короткая сорочка *по пуюкъ* или по поясъ, зимою — ситцевая, лѣтомъ — тюлевая или коленкоровая, на нее одѣваютъ *короткій архалукъ* — нѣчто въ родѣ открытой на груди кофты съ короткими рукавами, сшитой — смотря по состоянію — изъ шали, атласа, шелка, верблюжьяго или обыкновеннаго сукна; затѣмъ *чанкенъ* — тотъ же архалукъ, только на вершокъ длиннѣе, обыкновенно, шьется изъ сукна и бархата, а нѣкоторыми богатыми певѣстами — изъ кашмировой шали; наконецъ, *кумиджесъ*, смахивающая на шубейку папихъ деревенскихъ бабъ, съ узкими рукавами по локти, сборками у поясицы и длинною по колѣна, шьется также изъ шали, бархата, атласа и обшивается позументомъ или шалевыми полосками (т. е. полосками, вырѣзанными изъ кашмировой шали).

По словамъ «хозяина», между астрабадскими дамами недавно вошло въ моду носить зимою нѣчто на подобіе мужскаго жилета европейскаго покроя, изъ тѣхъ же матерій и, преимущественно, верблюжьяго сукна.

Далѣе, на голову надѣвается шапочка «иракчинъ», а на нее набра-

сывается бѣлый платокъ, который зашпиливается у подбородка такъ, что концы его прикрываютъ грудь и затѣмъ—перевязывается со лба на затылокъ другимъ сложеннымъ платочкомъ чернаго или иного цвѣта.

Руки и ноги украшаются бусами въ видѣ браслетъ, пальцы—кольцами, уши—серьгами, а поверхъ всего этого драпируются съ головы до пятъ въ чадру съ *рубенде* (что буквально значить: на верхъ).

Таковъ полный костюмъ богатыхъ барынь, но дома онѣ обыкновенно носятъ короткую сорочку и шальвары, а болѣе знатныя изъ нихъ шеголятъ передъ своими знакомыми головными платками и изобиліемъ исключительно коротескихъ и широчайшихъ шальваръ, каррикатурно угодобляющихъ ихъ напимъ танцовщицамъ съ обнаженными икрами..

Вообще, съ обѣднѣніемъ края, исчезъ древне-персидскій обычай одѣваться въ шелкъ и драгоценныя ткани, и костюмъ огромнѣйшаго большинства женщинъ ограничивается лишь ситцевою поясною сорочкою, широкими шальварами достаточной длины и неизбѣжною чадрою изъ грубой бумажной матеріи, преимущественно синяго цвѣта, и зачастую, до нельзя полинявшими и заплатанными; затѣмъ надѣваются, обыкновенно на босу ногу, маленькія туфли, въ которыхъ онѣ ходятъ какъ-то неловко, точно крадутся на ципочкахъ...

Живая картина богомольцевъ оборвалась на томъ мѣстѣ, гдѣ царь-рѣка искусственно развѣтвлялась на два рукава; тутъ сидѣло подъ тѣнью чинара пять мѣстныхъ купцовъ и садовладѣльцевъ, зорко слѣдя за правильнымъ распредѣленіемъ воды для полвки своихъ садовъ; нѣсколько поодаль богомолка мыла бѣлье на камнѣ, сильно ударяя по нему камнемъ же, вмѣсто валька, а еще дальше—особнякомъ стоялъ пологъ какой-то принцессы изъ Керманшаха (что за Тегераномъ, по дорогѣ въ Кербелу); она ѣдетъ на богомолье съ семьей, но безъ мужа, что позволяло ей съ боязливымъ любопытствомъ озирать насъ въ щель своего убогаго прикрытія.

Отошедши въ сторону, я, какъ-бы любясь видомъ сосѣднихъ горъ, направилъ на нее трубу...

— Эй! — крикнулъ, всматриваясь въ меня, проходій богомалецъ.

— Что? — спросилъ его арендаторъ.

— Я ишѣю дѣло...

— Какое?

— Я его видѣлъ въ Кербелѣ...

— Не обознался-ли? — скромно замѣтилъ ему «хозяинъ».

— Нѣтъ. И онъ что-то съ жаромъ заговорилъ, энергично размахивая руками.

— Вѣдь въ Кербела не мало путешествующихъ европейцевъ. — Бозражалъ тотъ, — Всмотрись хорошенько, и увидишь, что принялъ его по костюму и бородѣ за другаго...

Взволнованный богомолецъ, пристально взглянувъ на меня, пошелъ своею дорогою...

— Не думаль-ли онъ затѣять исторію? — обратился я къ своему спутнику.

— Богъ вѣсть... До сихъ поръ еще никто ничѣмъ не проявлялъ фанатизма къ намъ... Персы, вообще, робки; не оскорбляйте только ихъ религіи, ихъ обычаевъ, и все пойдетъ ладно...

Въ этотъ моментъ я случайно взглянулъ на ближайшую группу богомольцевъ: тощій мальчишка, съ искаженнымъ злобою смуглымъ личикомъ, влившихъ безумно-сверкавшими глазенками въ насъ, судорожно хватался за палку, какъ бы намѣреваясь съ остервененіемъ броситься и растерзать несправедливыхъ «кяфировъ», между тѣмъ какъ взрослые, вѣроятно родные его, отвернулись отъ насъ съ безпредѣльнымъ чувствомъ омерзѣнія...

Я вопросительно взглянулъ на «хозяина».

— Что фанатизмъ таится въ невѣжественномъ словѣ населенія — это безспорно, но онъ не перейдетъ въ дѣйствіе, если вы не подадите повода къ тому...

— А убійство Грибоѣдова въ Тегеранѣ?

— По увѣренію персовъ; оно было вызвано его заносчивостью и презрительнымъ отношеніемъ къ властямъ и духовенству...

На мое сомнѣніе, «хозяинъ», не подтвердивъ справедливость этихъ мотивовъ къ кровавой развязкѣ, рассказалъ, что безсмертный творецъ «Торе отъ ума», находясь при нашей миссіи въ Тегеранѣ, принялъ подъ свое покровительство главнаго евнуха Шаха, по происхожденію армянина или грузина, который подъ его вліяніемъ намѣревался бросить исламъ и бѣжать на родину... Въ то же время двѣ шахскія жены, грузинки или армянки — рассказчикъ точно не знаетъ — скрылись изъ гарема въ нашемъ посольствѣ, что и возбудило противъ Грибоѣдова ропотъ населенія. Власти силились было уладить дѣло, но мушкетеръ благословилъ собравшійся народъ на убійство его, — вотъ ближайшая причина послѣдовавшей за тѣмъ войны Россіи съ Персіею. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ эту грустную исторію туземцы.

Съ главной аллеи мы заглянули въ переулки или проходы между садами, также переполненными богомольцами, съ ихъ женами, вьюками, лошадьми, ослами, оружіемъ и кальянами, а между тѣмъ слѣдующая за нами толпа зѣвакъ уменьшалась по мѣрѣ удовлетворенія своего любопытства, и только нищій-оборвышъ, съ ужасными паршами на головѣ, неотступно продолжаетъ плестись по нашимъ пятамъ—изъ какихъ побужденій?—мы понять никакъ не могли... Да вотъ еще привязалась нищая съ мальчишкою! Мы ничего не дали ей, тогда началъ онъ просить, а та уговариваетъ его *не беспокоить «господъ»!*... Мы обернулись,—она трусливо улыбнулась...

Отдѣлавшись отъ нея панабатомъ (15 к.), мы подошли къ саду, занятому одною богатою принцессою; безобразнѣйшая старуха, продававшая алычу въ нишѣ у самой садовой калитки, отвернулась отъ насъ съ невыразимымъ отвращеніемъ... Садъ, какъ и прочіе, исключительно служащій для постоа богомольцевъ, сады, разбиты на квадратіи (кѣтки) съ рядами топкихъ тутовыхъ деревьевъ между ними, а въ глубинѣ его—сипѣлся шатеръ, о бокъ котораго, изъ-за бѣлаго полога выглядывали слуги принцессы; нѣсколько поодаль—стояли лошади на привязи и пасся вьючный скотъ.

На мое желаніе поближе ознакомиться съ обстановкою принцессы «хозяйинъ» замѣтилъ, что это было бы неприлично...

— Да насъ и не допустить туда, а вотъ пойдемте въ сосѣдній садъ,—тамъ остановился богатый ханъ...

— Кто?

— Наибъ или начальникъ города Решта; онъ ведетъ знакомство со всѣми рештскими копеулами и слыветъ *прогрессистомъ*...

— А вы какъ знаете его?

— Мнѣ рассказывалъ о немъ много хорошаго мусульманскій законоучитель и преподаватель татарскаго языка въ Бакинскій гимназіи нѣкто—по собственной его рекомендаціи—коллежскій регистраторъ Ахундовъ *)... Оригинальнѣе всего то, что сей ахундъ вошелъ ко мнѣ въ такую жарипу въ енотовой шубѣ,—говорить простудился...

— Но какъ же онъ попалъ сюда?

— Ёдетъ въ Мешхедъ, по случаю смерти своего брата.

— Вѣрнѣе, подъ этимъ предлогомъ поклониться имаму Риза?

— Конечно. На пароходѣ онъ познакомился съ рештскимъ наи-

*) Принявшій русскую фамилію отъ своей профессіи: *ахундъ* значитъ *учитель*.

бомъ, который, вотъ уже третьи сутки, кормить и поить его здѣсь на свой счетъ... Черезъ него-то я и предупредилъ правовѣрнаго прогрессиста о нашемъ намѣреніи посѣтить его...

Вопли въ садъ. На разосланномъ передъ двумя шатрами хорассанскомъ коврѣ сидѣлъ наибъ въ жерлушечьей шапкѣ, короткомъ сардари и брюкахъ изъ чернаго сукна, визави трехъ, величественно хранившихъ молчаніе, сейидовъ, чистѣйшаго арабскаго типа, съ почтенными бородами, въ широчайшихъ зеленыхъ чалмахъ и препоясанныхъ бѣлыми поясами, которые носятся рѣдкими изъ потомковъ пророка. Сзади нихъ стоялъ красивый мальчикъ съ кокетливо-повизанною тоже зеленой чалмою; сбоку—сидѣли двое чиновныхъ гостей, судя по ихъ форменнымъ сардари. Посреди ковра красовалось блюдо пакладнаго серебра съ обсахареннымъ миндалемъ, у шатра—навалены русскіе большіе сундуки, шкапулочка о трехъ замкахъ и пеналь съ письменными принадлежностями, а въ сторонѣ возились слуги съ самоваромъ и кальянами. Ахундова не было здѣсь...

На наше общее всѣмъ привѣтствіе подъ козырекъ, ханъ тяжело приподнялся и, протянувъ намъ руку, пригласилъ садиться; двое чиновныхъ гостей, кивнувъ въ отвѣтъ головами, жадно впились въ насъ глазами, но величественные сейиды не удостоили даже взглянуть на «кяфировъ». Угощая еластами, крѣпкимъ чернымъ кофе и кальяномъ, ханъ сдержанно рассказывалъ съ мельчайшими подробностями объ вынесенной имъ сильной качкѣ на пароходѣ изъ Энзели въ Гязъ; гости безучастно слушали. Почувствовавъ тошноту, испытываемую мною со дня приѣзда сюда, въ особенности по утрамъ, я попросилъ воды; мнѣ подали со льдомъ; я хотѣлъ было уйти, но «хозяйинъ» удержалъ меня, пока не припили кальянъ.

— Вставать хану съ кальяномъ не удобно, нарушать же комфортъ *важной особы*—неприлично, — пояснилъ онъ.

— А со стороны почтенныхъ сейидовъ прилично не отвѣчать на наши привѣтствія? возразилъ я, когда они при нашемъ прощаніи опять не шелохнулись.

— Эта семья очень горда; самъ шахъ сажаетъ ихъ въ своемъ присутствіи и величаетъ—«ага» (господинъ). Вообще, потомки Мухаммеда пользуются всеобщимъ уваженіемъ и многими привилегіями.

— Напримѣръ?

— *Жизнь сейида чинится водвойнъ*; такъ, на сейидѣ, совершившемъ первое убійство, «не лежитъ кровь убитаго имъ», т. е. его не преследуютъ, по некримъ.

слѣдуютъ «кровавою местию», даже въ томъ случаѣ, если онъ не въ состояніи заплатить *цинну крови*, и только за вторичное убійство—расправляются съ нимъ по шаріату *); точно также, за совершенныя сейидомъ *первыя три кражи*—слѣдуетъ увѣщаніе, и только за четвертую ему отсѣкаютъ руку.

Шаріатъ постановилъ *цинну крови* за убитаго правовѣрнаго—1000 томановъ и, сообразно этой цифры, опредѣлилъ цѣнность каждой части или поврежденнаго члена тѣла; безъ сомнѣнія, родственники убитаго могутъ получить разрѣшеніе отъ муштегида расквитаться кровью съ убійцею, но между незлобивыми иранцами, вообще падящими кровью своихъ единовѣрцевъ, «кровавая мечь» обыкновенно заканчивается мирною сдѣлкой, *зачастую понижающей цинность крови до 25 томановъ*. — По тому же *непогрѣшному* шаріату, жизнь *кафира*, ну хоть бы русскаго, *стоитъ всего одинъ мизинецъ правосуднаго*, т. е. за убитаго персомъ *кафира*—виновному отсѣкается только мизинецъ руки!..

— И, не смотря на привилегированное положеніе сейидовъ, прежній губернаторъ не падалъ ихъ?

— *Дралъ, но все же побаивался постыдѣній...*

Выходя отъ наиба, мы паткнулись на Ахундова. Коверкая до неприличія русскую рѣчь, онъ, между прочимъ, неподдѣльно восхищался передъ нами способностями и успѣхами мусульманскихъ дѣтей въ Бакинскій гимназіи, численность которыхъ тамъ въ прошломъ году составляла скромную цифру 84, а въ выпускъ того же года, изъ 12 чело-
вѣкъ удостоившихся награды, 8 было персовъ.

— Потому что, въ видахъ поощренія, къ нимъ относился очень снисходительно, поленилъ мнѣ «хозяинъ» простившись съ учителемъ, когда мы приблизились къ одному изъ примыкающихъ къ городской стѣнѣ фруктовыхъ садовъ, въ которомъ *раскинулъ свои шатры* Остъ-индскій англичанинъ Нэпиръ.

*) *Шаріатъ*—законъ Мухаммеда, дополненный, сообразно толкованіямъ корана имамами, т. е. его намѣстниками (духовными вождями или главами вѣрующаго) и главными муштегидами, т. е. высшими духовными лицами толкователями закона.

XIII.

У Нэпира.—Бѣглый солдатъ.

У низенькой, садовой калитки, на глиняныхъ выступахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе составляютъ необходимую принадлежность нашихъ мало-россійскихъ хатъ, сидѣло нѣсколько слугъ Нэпира — авганцевъ, въ длинныхъ, свободно подпоясанныхъ бѣлыхъ рубахахъ, широкихъ бѣлыхъ же шальварахъ — у однихъ, и съуживающихся къ банмакамъ штанахъ — у другихъ; глаза ихъ блестя жизнью, черныя бородки торчали клиномъ, пушокъ на щекахъ свидѣтельствовалъ о молодости, а зардѣвшія румянцемъ оливковыя лица, съ оттѣнкомъ беззаботности и даже довольства, играли отдаленнымъ сходствомъ съ подвижными чертами нашихъ шмелей (евреевъ), но только въ нихъ не было замѣтно присущей послѣднимъ жадности къ наживѣ *во что бы то ни стало*.

На вопросъ «хозяина» — какъ пройти къ Нэпиру? — они отворили калитку, и только что мы вошли въ садъ, къ намъ подошелъ рослый авганецъ представительной тучности, съ лоснящимся самодовольствіемъ красивымъ лицомъ, коротко-подстриженною бородою, массивною золотую цѣпью на мѣшковатомъ пальто европейскаго покроя, въ низенькой мерлушечьей шапочкѣ, широкихъ коленикоровыхъ шальварахъ и въ банмакахъ; это былъ, хорошо владѣющій англійскимъ языкомъ, секретарь Нэпира. Пожавъ намъ руки съ обольстительною улыбкою, онъ повелъ насъ въ патеръ, особнякомъ разбитый сзади семи палатокъ, въ открытыя полы которыхъ виднѣлись, преимущественно, авганскіе типы прислуги, дорожные мѣшки, сундуки, персидскіе подсвѣчники съ колпаками, а въ сторонѣ, на привязи къ вбитымъ въ землю кольямъ, стояли въ два ряда десять верховыхъ лошадей. Изъ одной палатки вышелъ и любезно привѣтствовалъ «хозяина» уже познакомившійся съ нимъ чиновникъ изъ англійскаго посольства въ Тегеранѣ, въ низенькой *кортовой* шапкѣ, въ видѣ казацкаго кивера безъ козырка *), въ свѣтло-зеле-

*) Такъ какъ въ Тегеранѣ этотъ головной уборъ въ большомъ ходу, то впрямь буду называть его, для краткости, *тегеранкою*.

номъ, короткополомъ коба съ косымъ воротомъ, открывающемъ на груди бѣлую сорочку европейскаго покроя, но безъ воротничковъ и галстука; поясъ верблюжьяго цвѣта охватывалъ узкую талію, а коленкоровыя шальвары и башмаки дополняли костюмъ этого перса, сопровождающаго Нэпира въ качествѣ феррашъ-баши.

У входа въ шатеръ поджидалъ насъ худощавый господинъ флегматической наружности лѣтъ подъ тридцать, съ рыжими усами и щетиною съ педѣлю не бритой бороды, въ легкомъ шерстяномъ пиджакѣ съ выглядывающими воротничками фланелевой рубахи, безъ галстука, въ таковыхъ же шерстяныхъ брюкахъ и башмакахъ; это и былъ самъ Нэпиръ, пригласившій насъ послѣ сдержаннаго рукопожатія въ шатеръ, снаружи прикрѣпленный веревками къ окружающимъ его деревьямъ, а внутри—утвержденный на тонкихъ столбахъ и отдѣланный пестрою шерстяною матеріей. Мы усѣлись на походныхъ стульяхъ кругомъ большаго стола, заваленнаго барометрами, термометрами, хронометромъ, готовальнею, письменными принадлежностями, напиросами, револьверами, фотографическими альбомами и книгами, между которыми были раскрытыя путешествіе доктора Белью и экспедиція сэра Фредерика Гольдсмита.

Докторъ Белью былъ послѣднимъ европейцемъ, сообщившимъ свѣдѣнія о Кандахарѣ, посѣщенномъ имъ съ миссією полковника Лемздена въ 1856—1857 г.; захваченный индѣйскимъ возстаніемъ, онъ пробылъ тамъ цѣлый годъ точно въ пекло, но при всемъ томъ его книга объ этой странѣ довольно богата любопытными подробностями. Не безынтересно также его подробное описаніе Сеистана или Систана, отдѣленнаго вмѣстѣ съ Хератомъ отъ Персіи въ пользу Авганистана, и куда, вслѣдствіе этого главнаго результата послѣдней англо-персидской войны, была послана въ концѣ 1872 г. англійская коммисія подъ предсѣдательствомъ вышеупомянутаго Гольдсмита для разграниченія Персіи, Авганистана и Белуджистана. Сэра Гольдсмита сопровождали въ Сеистонъ англійскій инженеръ-капитанъ Ловеттъ, майоръ Сень-Джонъ, Бладфордъ и Боверъ.

На устланномъ войлоками и коврами полу также валялись книги, бутылки съ виномъ и отлично-приспособленный къ дорогѣ чемоданъ, а надъ складною кроватью висѣли ружья.

— Speak you english? (говорите ли вы по англійски?) отнесся къ намъ англичанинъ, закуривав трубочку.

— Very bad (Очень плохо), отвѣтилъ я.

— Mais... Mais... Parlez vous francais? спросилъ его «хозяинъ».

— Mauvais...

— Sprechen sie deutsch? добавилъ я.

— No (нѣтъ).

— На какомъ языкѣ онъ сейчасъ говорилъ? обратился по англійски къ Нэпиру секретарь, стоявшій у входа въ почтительно покровительственной позѣ, съ заложенными назадъ руками.

— На нѣмецкомъ.

— На нѣмецкомъ? Снисходительно улыбулся авганецъ и вышелъ распорядиться чаемъ.

— Вы европейцы, и не можемъ разговариваться между собой?! невольно захохоталъ я;—«хозяинъ» и Нэпиръ улыбулись.

— А по персидски говорите? Обратился послѣдній къ первому съ видимымъ замѣшательствомъ.

— Кое какъ говорю «фарси» (по персидски); въ Шахрудѣ рѣдкій говорить «тюрки» (по турецки)...

— Я тоже—кое-какъ...

И дѣйствительно, бесѣда велаcь кое-какъ на плохомъ фарси и до крайности исковерканномъ французскомъ языкѣ.

— Я уже слышалъ и читалъ объ васъ въ «экспедиціи Гольдсмитта», продолжалъ англичанинъ, сильно затнчиваясь напирскою, которая пеловко держалась между большимъ и среднимъ пальцемъ правой руки, тогда какъ остальные—парализованныя, точно согнутыя судорогою, совсѣмъ не дѣйствовали.

— Я познакомился съ нимъ здѣсь и даже бывалъ у него.

— Спросите—не слыиъ ли онъ лорда Нэпира-Эттрика, бывшаго великобританскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ? перебилъ я просіявшаго «хозяина». Тотъ оswѣдомился.

— Нѣтъ, мы—однофамильцы; мой отецъ—главнокомандующій войсками въ Остъ-Индіи (лордъ Нэпиръ Магдальскій).

— Съ вами приключилось дорогою несчастіе?

— Да.

И Нэпиръ рассказалъ, какъ онъ высадился съ своею свитою изъ Индіи въ Бендеръ-Буширъ и отсюда направился по дорогѣ въ Ширазъ. На пятый день пути онъ отсталъ на часъ ѣзды отъ своихъ людей съ выюками, какъ подлетаетъ къ нему запыхавшійся слуга съ донесеніемъ, что на нихъ напало сорокъ разбойниковъ — сбродъ изъ персидскихъ всадниковъ

съ пограничными (не персидско-подданными) *млатами* или кочевниками; — завязалась ожесточенная борьба, но въ концѣ концовъ, онъ и его люди потеряли весь багажъ и одного товарища... Когда Нэпиръ подъѣхалъ къ мѣсту побоища, кровь убитого слуги еще не остыла, но слѣды грабителей уже простыли.

Если вѣрить слухамъ, они напали на него случайно, или — по выраженію разказчика — «по ошибкѣ», припавъ его за ожидаемаго ими слывущаго своимъ богатствомъ, индѣйскаго *навваба* мирзу мухаммедъ-Али-Хана, *Коміонъ атрефъ-уд-деу-ленизом-ум-Муликъ* (что по переводу «хозяина» значитъ: *принцъ благороднаго государства, держащій порядокъ въ государствѣ*), бывшаго независимую владѣтельною особою, находящуюся теперь на содержаніи у Англіи; этотъ шіятъ направился изъ Индіи на богомолье въ Мешхедъ по одной дорогѣ съ Нэпиромъ, но послѣдній опередилъ его днемъ и — повѣтался за то.

Затѣмъ, пріѣхавши въ Тегеранъ, онъ жаловался Шаху, который и назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу; тѣмъ не менѣ пострадавшему англичанину пришлось вновь обзаводиться всѣмъ для дальнѣйшаго путешествія.

Умолчавъ о своемъ товарищѣ, отправившемся — по словамъ дарога — «охотиться на Гязскій берегъ», онъ добавилъ, что подобные безпорядки въ Персіи происходятъ вслѣдствіе «безсилія и неумѣлости правительства подчинить страну закону»...

— Вы ѣдете въ Мешхедъ? спросилъ его «хозяинъ».

— Въ Мешхедъ..

— А оттуда?

— Вернусь въ Лондонъ черезъ Тифлисъ и Константинополь, но можетъ быть обстоятельства измѣнятъ этотъ маршрутъ, и тогда поѣду въ Герать... Нэпиръ, какъ бы всдохнувипшись, смолкъ.

Я щегольнулъ было передъ нимъ радупіемъ, оказаннымъ мнѣ имудами въ мою экскурсію съ о-ва Ашур-Аде на туркменскій берегъ.

— Васъ хорошо принимали *изъ страха*, какъ-то насильственно улыбнулся онъ съ едва скользнувшею ироніею.

— Всѣ азіаты хороши съ нами — европейцами изъ того же побужденія, въ свою очередь намекнулъ я на отношеніе ихъ къ англичанамъ, между тѣмъ какъ «хозяинъ» свернулъ на прерванную бесѣду объ его путешествіи.

По словамъ Нэпира, въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи живетъ сносно, но дальше на югъ — климатъ убійственъ для европейца; въ те-

ченіе шести мѣсяцевъ дуетъ раскаленный вѣтеръ, отъ котораго солдаты прячутся днемъ... Далѣе онъ говорилъ о контрастахъ персидской природы такъ: «Внутренняя и южная Персія—это однообразная пустыня съ растущими кое-гдѣ колючками, привлекательными развѣ только для верблюда,—съ знойно-сухимъ лѣтомъ и рѣдкими оазисами городовъ,—представляетъ мертвящій, совершенно иной міръ отъ прикаспійскихъ областей ея: Гиляна, Мазандерана и Астрабада съ знойно-влажнымъ климатомъ и роскошною полу-тропическою растительностью, полною животной жизни...

— Хорошо охотиться тамъ! проговорилъ «хозяинъ».

— О, да... На Гязскомъ берегу проживаетъ знаменитый охотникъ изъ туземцевъ, убившій на своемъ вѣку до 40 тигровъ...

— Недавно, по распоряженію астрабадскаго губернатора, составлялась охота на нихъ; одинъ изъ десяти охотниковъ, преслѣдовавшихъ тигрицу съ тремя дѣтенышами, повитался жизнью,—прочіе убили ее, а тигренковъ подарили губернатору, который, въ свою очередь, подарилъ имъ нѣсколько крапъ... Говорятъ, онъ приручаетъ ихъ у себя съ намѣреніемъ поднести въ пишкешъ Шаху...

— Беккеръ и Гирль тоже охотились въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи, замѣтилъ я.

— Да, и очень удачно!... загадочно улыбнулся англичанинъ.

— Подъ предлогомъ охоты производили съемку астрономическія наблюденія и т. под., что немало удивляло персовъ: «къ чему все это»?—спрашивали они, — менторски поспилъ мнѣ «хозяинъ» и съ *мастерскимъ* простодушіемъ спросилъ его: чтожъ помѣшало имъ пробраться изъ Мешхеда въ Герать?»

— На первой станціи отъ Мешхеда они получили увѣдомленіе отъ авганскаго эмира *) Ширъ-Али-Хана (сына знаменитаго Достъ-Мухаммеда), что онъ не ручается за ихъ безопасность, а потому не совѣтуетъ ѣхать въ Герать.

— У меня были сопровождавшіе ихъ нукера и переводчикъ, — обратился ко мнѣ «хозяинъ», — первые говорили, что «инглизъ» вернулись потому, что одинъ изъ нихъ заболѣлъ, второй увѣрялъ, что они дѣйствительно были предувѣдомлены о поджидавшей ихъ на дорогѣ засадѣ съ цѣлью ограбить и даже убить ихъ..

*) Титулуемагося кабульскимъ эмиромъ.

— Но если сообщенное Напиромъ свѣдѣніе вѣрно, то чѣмъ же объяснить открыто-враждебное настроеніе гератцевъ противъ англичанъ?

— Эмиръ авганскій, какъ деспотическій правитель и духовный глава государства, избираетъ себѣ наслѣдника самъ, не стѣняясь правомъ первородства, и вотъ, по желанію Ширъ-Али-Хана, Остѣ-Индское британское правительство признало наслѣдникомъ авганскаго престола его младшаго сына (отъ любимой жены) Абдулла-хана, что возмутило старшаго сына, правителя Герата Якубъ (Ягубъ)-хана, пользующагося любовью народа, какъ хорошій полководецъ, администраторъ и добрый человѣкъ. Якубъ-Ханъ не соглашается и никогда не согласится признать права своего младшаго брата на престолъ: отсюда возникли въ настоящее время несогласія между нимъ и отцомъ и враждебное настроеніе его къ англичанамъ; въ Кабулѣ ждутъ возстанія, угрожающаго престолу эмира и жизни его любимца — Абдулла...

— И если англичанамъ не удастся выйти побѣдителями изъ этой борьбы, вліяніе ихъ на Авганистанъ утратится снова?

— Пожалуй, навсегда. Вѣдь авганцы въ сущности ненавидятъ ихъ, и при первомъ удобномъ случаѣ, ну, хоть бы при усиленіи русскихъ въ Авганистанѣ, — эмиръ не приминетъ сбросить съ себя англійское ярмо....

— О какомъ усиленіи русскаго вліянія говорите вы, когда до сихъ поръ, сколько извѣстно мнѣ, всего то двоимъ русскимъ удалось заглянуть въ Авганистанъ?!. Такъ, въ 1837 г. офицеръ Виткевичъ побывалъ въ Кабулѣ (въ качествѣ правительственнаго агента), что произвело переполохъ между англичанами, заподозрившими Россію въ замыслахъ на счетъ ихъ Индіи *), затѣмъ, начальникъ Хорассанской экспедиціи Н. В. Ханыковъ былъ въ Гератѣ, кажется, въ 1858 г., между

*) Въ 1839 г. Авганистанъ наводнился англійскими туристами изъ двадцатитысячной Остѣ-индской арміи, завоевавшей его для Шаха Шеджа (безъ сомнѣнія, изъ своихъ политическихъ и коммерческихъ разсчетовъ) съ паразитальною быстротой: 4-го мая британскія войска заняли Кагдахаръ, 23-го мая взяли штурмомъ Газнейнъ, а 7-го августа вступили въ Кабулъ, но вскорѣ за тѣмъ (1841 г.) потерпѣли необычайное пораженіе и позоръ: за исключеніемъ только одного, ось сложили здѣсь свои косточки за кратковременное торжество!.....

Первый европеецъ, посѣтившій (въ 1841 г.) Кагдахаръ послѣ этой несчастной экспедиціи Остѣ-Индскихъ англичанъ, былъ французъ Феррье, неплотившійся за свою отвагу тяжелымъ лѣбномъ, но счастливо ускользнувшій отъ свирѣпствовавшей тогда тамъ холеры.

тѣмъ какъ англичане уже успѣли безцеремонно похозяйничать здѣсь, и мы обязаны знакомствомъ съ этою страню преимущественно ихъ же путешественникамъ *).

— Я говорю о нашемъ вліяніи въ будущемъ, когда наши границы коснутся Авганистана, хотя уже и теперь губернаторъ авганскаго Туркестана Найбъ Мухаммедъ-Улдумъ-Ханъ, пытается сблизить своего повелителя (авганскаго эмира) съ Россіею..

— А можетъ быть онъ только любезничаетъ съ нею изъ видовъ отдѣлиться отъ него?

— Можетъ быть, но какъ бы то ни было, слухи изъ Авганистана неблагоприятны интересамъ Англій, *уже не доверяющей самому эмиру*, который, не смотря на всякіе договоры и сдѣлки съ нею, теперь домогается пріобрѣсть расположеніе Россіи....

— А вы отправляетесь въ Герать съ товарами? прервалъ нашу бесѣду обратившійся ко мнѣ Нэпиръ.

— Да. Разсчитываю на хорошій сбытъ нашихъ товаровъ.

— Теперь не безопасно ѣхать туда, — со дня на день ждутъ вспышки Якубъ-Хана противъ отца.

— Скажите пожалуйста, что за личность этотъ Якубъ-ханъ?

— Болѣзненно раздражительный человѣкъ отъ неумѣреннаго употребленія вина и гаремныхъ наслажденій; у него много женъ, но ему все еще мало?! Онъ скоро умретъ.... Нэпиръ нервно набилъ трубочку и задымилъ. Одинъ англійскій торговый домъ въ Иснагани собираетъ послать товары въ Іездъ, — проговорилъ онъ послѣ минутной паузы, и опять смолкъ... Затѣмъ, закуривъ напироску, продолжалъ: — впрочемъ, путь туда не особенно труденъ, но вотъ, торговому каравану отправившемуся изъ Индіи во владѣнія Якубъ-Бека (въ Алтышаръ), пришлось вынести не мало лишеній, — дорога въ безжизненныхъ го-

*) Чтожь?—Подозрѣнія англичанъ могутъ современемъ оправдаться, тѣмъ болѣе, что успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи приближаютъ Россію роковымъ образомъ къ Индіи. Какъ извѣстно, въ текущемъ году (въ августѣ 1876 г.) войска генерала Скобелева уже проникли изъ Гульчъ на лѣвый берегъ Кзыль-Су, что вблизи главнаго истока Аму-Дарьи, слѣдовательно, — находятся на пути въ *Вакханъ*, откуда можно пройти черезъ мало извѣстную европейцамъ *напирскую оисъ въ Подахшанъ*, а далѣе — по проторѣной дорожкѣ въ Индію (черезъ Днрѣ на Пешаверъ и Камшаръ. Этотъ путь изъ Россіи въ Индію будетъ короче и удобнѣе двухъ другихъ дорогъ туда, а именно: 1) дороги изъ Персіи и съ Аму-Дарьи черезъ Гинду-Кушъ въ Кабуль и Пешаверъ, и 2) изъ Кокана и Восточнаго Туркестана черезъ Кашгаръ и Яркендъ, Балхаское ущелье и Кабуль.

рахъ — ужаснѣйшая, а въ одномъ мѣстѣ пришлось *переваливать черезъ такую высокую гору, какъ Демасендъ!*...

— Не дешево же обошлась перевозка товаровъ, — замѣтилъ «хозяинъ».

— Очень дорого: *если вы нагрузите одинъ катеръ (лошакъ, мулъ) товарами, — другой приходится грузить пищею и фуражемъ!*

— Въ такомъ случаѣ намъ торговать съ Алтышаромъ удобнѣе, запрету же въ томъ отъ Якубъ-Бека не послѣдовало.

— Потому что онъ боится вашего вторженія въ свои, открытыя со стороны Россіи, владѣнія...

Подали чай *остъиндскихъ плантацій*. Нэпиръ замѣтилъ, что *его пьетъ полз-Англіи*.

— И на половину Средней Азіи, — добавилъ «хозяинъ».

— Но теперь Кауфманъ не пропускаетъ нашего чаю въ Бухару изъ опасенія конкуренціи съ русскими купцами, — *слишкомъ 5 тысячъ тюковъ его лежитъ тамъ, не находя себѣ покупателей...*

Выпивъ по стакану чаю, мы поторопились раскланяться съ англичаниномъ за-свѣтло, предварительно пригласивъ его къ себѣ на обѣдъ завтра въ 7 час. Раньше этого времени онъ не могъ бы быть у насъ, такъ какъ въ 5 часовъ поѣдетъ съ визитомъ къ здѣшнему наибу, котораго прислалъ къ нему сегодня губернаторъ *за себя*; у послѣдняго же онъ намѣренъ побывать послѣ завтра передъ своимъ отъѣздомъ въ Мешхедъ.

«Хозяинъ», еще разъ склонивъ голову на бокъ и прижавъ руку къ сердцу, просіялъ сладостною улыбкою на прощанье съ нимъ, и мы вышли изъ саду разсуждая о подозрительномъ совпаденіи его поѣздки въ Мешхедъ — *единовременно со мною*.

— Конечно, это не случайности; газеты огласили о моей поѣздкѣ въ Авганистанъ, и, можетъ быть, остъиндское правительство, заподозривъ во мнѣ политическаго агента, поручило Нэпиру между прочимъ слѣдить за мною и даже помѣшать мнѣ проникнуть туда. — Такъ думалъ я, между тѣмъ какъ мой спутникъ «полоталъ», суди по пышной обстановкѣ его, «подобающей послу» и «еще кое-какимъ ^{мелочамъ} данымъ» (о которыхъ, къ сожалѣнію, я не поинтересовался узнать), что онъ ѣдетъ въ Мешхедъ въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ вступить въ дипломатическіе переговоры съ правителемъ Герата.

— Но врядь ли его пропустятъ въ Авганистанъ?! добавилъ онъ.

— Лишь бы пропустили въ Гератъ, а тамъ...

— Ну, нѣтъ. Кабульскій Эмиръ тоже не желаетъ открывать свободнаго доступа англичанамъ въ свои владѣнія и, не смотря даже на недавнюю получку отъ остѣиндскаго правительства денегъ и оружія, кажется, уже отказалъ полковнику Гордону въ проѣздѣ черезъ Кабуль подъ обычнымъ предлогомъ, что «не ручается за безопасность его», особенно, у горныхъ племенъ, сильно возбужденныхъ противъ британцевъ...

Не знаю на сколько это извѣстіе вѣрно, но замѣчу кетати, что Гордонъ участвовалъ въ посольствѣ Форсайта въ Кашгаръ, которое заключило 17 февраля (текущаго года), теперь уже утвержденный остѣиндскимъ правительствомъ, дружественный торговый трактатъ съ Кашгарскимъ эмиромъ Якубъ-Бекъ. Англичанинъ Шау, назначенный состоять при его дворѣ постояннымъ агентомъ, уже выѣхалъ изъ Калькутты въ Яркендъ, куда доставляютъ въ настоящее время изъ Индіи не мало боевыхъ припасовъ, согласно обѣщанію англичанъ поддерживать эмира въ войнѣ его съ Китаемъ (если только не съ Россіею, какъ полагаетъ «хозяинъ»).

Нэпиръ сѣтовалъ на помѣху со стороны Россіи водворенію здѣсь англійскаго вліянія; и дѣйствительно, по дошедшимъ до насъ вскорѣ послѣ того слухамъ, русское правительство не только признало Якубъ-Бека государемъ Алтышара (находящагося подъ покровительствомъ турецкаго султана), не только поспѣшило заключить съ нимъ дружественно-торговый договоръ, вслѣдъ за которымъ, въ началѣ апрѣля уже былъ отправленъ изъ Вѣрнаго въ Кашгаръ караванъ купца Саввы Морозова съ бумажными товарами и разными мелочами на сумму около 20 тысячъ руб., но, къ сердечной досадѣ англичанъ, благосклонно приняло его просьбу о помощи на случай войны съ Китаемъ. Теперь же когда я пишу это, достовѣрно извѣстно, что въ результатъ вышеупомянутой экспедиціи Форсайта черезъ Памиръ въ восточный туркестанъ (въ 1873 — 1874 г.), — Якубъ-Бекъ получилъ возможность обучать свои войска по европейскому уставу и снабдить ихъ англійскими ружьями, лить у себя пушки и дѣлать порохъ...

— Не лучше ли, въ интересахъ человѣчества, замѣнить современную политику Россіи и Англіи въ Азіи, эту вѣчно возбуждающую обоюдное раздраженіе и недовѣріе политику, дружественнымъ союзомъ? — задумчиво проговорилъ мой спутникъ.

— И тогда, не только — какъ говорить *нашъ знатокъ Востока* — «безъ воли этихъ двухъ державъ не раздался бы ни одинъ пушечный

выстрѣлъ въ Азіи» (чего, безъ сомнѣнія, далеко еще не достаточно для счастья народовъ), но, при истинно цивилизующемъ вліяніи ихъ, она обновила бы свои силы для разумной жизни...

Сгѣшво возвращались мы домой по пустыннымъ улицамъ города, какъ изъ-за угла одного тѣснаго переулка показался дарога.

— Скажи пожалуйста, — обратился къ нему «хозяинъ», — что это за омусульманившійся русскій между богомольцами, о которомъ намъ говорили армяне?

— Я все знаю, процѣдилъ тотъ.

— Ну?...

— Этого русскаго притѣсняли въ Россіи, — опъ бѣжалъ въ Мазандеранъ, и тамъ, мѣсяцевъ шесть тому назадъ, припалъ нашу вѣру, *потомъ его оженили*... Да вотъ опъ! любовно улыбался дарога, глядя на торопливо приближившуюся къ намъ юркую фигурку въ тегеранскѣ, въ крѣпко подпоясанномъ синемъ кобѣ, на подобіе казакинчика, таковыхъ же шальварахъ изъ грубой бумажной матеріи и башмакахъ. Я пристально всматривался въ изнуренное блѣдное лицо подошедшаго субъекта съ безжизненно-стеклянными глазами, острымъ носикомъ, ярославскою бородкою и усиками, между тѣмъ какъ полиціймейстеръ, фамиллярно похлопавъ его по плечу, покровительственно оевѣдомлялся о чемъ-то..... Отвѣтивъ ему на ломанномъ персидскомъ языкѣ, дезертиръ обратился къ намъ по русски: — Бѣгу къ муштегиду просить помощи... Иду въ Мешхедъ поклониться Имаму...

— Вы русскій? — спросилъ я съ скрытымъ чувствомъ невольнаго ожерзѣнія, смѣшапаго съ сожалѣніемъ.

— Самарской губерніи... солдатъ, значитъ, ваше благ... баринъ, я бѣдный человекъ, — помогите.

— Но какъ вы попали сюда?! — Что побудило васъ бѣжать и принять исламъ?!

— Видать богъ — мнѣ тяжело, очень тяжело... Что будешь дѣлать? Полковница не влюбила меня.

— Какая полковница?

— Значитъ, супруга батальоннаго, — я при нихъ состоялъ...

— Ну?

— Говорить: — Василій, поди сюда, — чеши мнѣ ляжки... Чеши да чеши! — говоритъ. Свѣтъ не милымъ показался мнѣ!.. Махнулъ рукою и убѣгъ изъ Баку въ Сари... Здѣсь оженили, — персы любятъ меня...

Василій прослезился. Дарога что-то шепнулъ ему.

— Счастливо оставаться, баринъ! сказалъ онъ, — снявъ шапку и торопливо юркнувъ въ переулокъ.

— Точно помѣшанный! замѣтилъ «хозяинъ», когда вслѣдъ за нимъ простился съ нами и дарога.

— Вѣроятно бѣжалъ отъ законной кары и, безъ сомнѣнія, принялъ исламъ только наружно.

— А персы вѣрятъ въ искренность его?!

— Вотъ торжество-то для мусульманства!

— При подобныхъ случаяхъ они говорятъ: «Если ужъ русскій обратился въ нашу вѣру, — значитъ, она самая лучшая».

— А вы что имъ на это?

— Доказывалъ ошибочность такого вывода, объясняя, что русскіе ренегаты — это преступники, принявшіе исламъ по расчету, между тѣмъ какъ у насъ въ Россіи, цѣлыя мусульманскія деревни обращаются въ православіе *изъ сознанія превосходства христіанскаго ученія надъ исламомъ*.

XIV.

Персидская навязчивость и визитъ Нэпира.

Встрѣтившійся намъ вблизи караванъ-сарая іездскій купецъ привѣтствовалъ «хозяина» какъ знакомаго, и пошелъ рядомъ съ нами; поравнявшись съ калиткою своего жилья, онъ настоятельно упрашивалъ насъ зайти къ нему, но спутникъ мой, прижавъ руку къ сердцу и склонивъ голову на бокъ, нѣжно шепталъ, съ разлившеюся улыбкою по лицу, слова утонченной благодарности; — картина длилась нѣсколько минутъ!..

— Отчего-жъ вы не воспользовались такимъ радушиемъ приглашеніемъ? спросилъ его я, когда за правовѣрнымъ замкнулась калитка.

— Онъ зналъ, что я откажусь, — вѣдь теперь ужъ поздно; но приглашалъ лишь потому только, что того требуетъ этикетъ, — пояснилъ тотъ, пристально всматриваясь въ фигуры трехъ муллъ, видимо поджи-

давших насъ у воротъ нашего караванъ-сарая. Старшій изъ нихъ, т. е. тотъ, который *священнодѣствуетъ* или читаетъ намазы впереди народа, поздоровавшись съ «хозяиномъ», дружески упрекнулъ его: отчего вы не сообщили намъ о прїѣздѣ гостя? — Мы бы пришли къ вамъ.

Затѣмъ полились любезности.

Измученный веденіемъ дневника урывками при такой утомительной ходьбѣ я просилъ «хозяина» отдѣлаться отъ нихъ.

— Персы очень любопытны; мнѣ многіе говорятъ: мы давно собираемся къ тебѣ, — у тебя, вѣдь, гость, — замѣтилъ онъ, политично отдаливъ ихъ визитъ на неопредѣленное время..

Когда мы поднялись къ себѣ, Али-Акберъ бросился обнимать его ноги, лепеча съ влажными отъ радости глазами и улыбкою безпрѣдѣльной привязанности:—бо-бо! бо-бо!...

Столъ былъ уже накрытъ. Я поставилъ вбѣжавшей вслѣдъ за нами собаченкѣ тарелку съ пловомъ; виляя хвостомъ, она торопливо ѣсть, а съезжившійся котенокъ сердито смотритъ на нее, между тѣмъ какъ въ наступившей темнотѣ по временамъ разносятся со стороны богомольцевъ сторожевые выкрики отъ воровъ и, пожалуй, шакаловъ. Пора спать, но порывистый вѣтерокъ съ горъ далеко не охлаждаетъ разгоряченное тѣло, и я часто просыпался съ давно неиспытываемою легкою болью въ лѣвомъ боку. Всюду пырляющая конка, опрокинувъ миску со льдомъ, оставила мнѣ только вино и персики, чѣмъ не затушишь мучительной жажды! Вотъ уже вторую ночь эта беспокойная тварь устраиваетъ у меня подъ кроватью свадьбу, съ концертами, привлекая къ себѣ волокитъ, богъ вѣсть откуда! Выведенный изъ терпѣнія, я вышвырнулъ ее на дворъ; не писевнувъ, она мягко унала на лапки, а спустя нѣсколько минутъ—преспокойно уже сидѣла въ блюдѣ съ фруктами, что стоитъ въ моей комнатѣ..

Хлопочущій съ ранняго утра о прїемѣ Нэзира, «хозяинъ» чувствуетъ себя что-то не хорошо,—вѣроятно простудился, и—неудивительно: въ такую теплыню онъ носитъ суконный костюмъ, а при выходѣ со двора надѣваетъ еще пальто, ву—вепотѣль, а тутъ, въ поротахъ караванъ-сарая или даже въ комнатахъ у насъ, въ открытых окна боторыхъ по временамъ врывается теплый вѣтеръ съ горъ, его прохватитъ сквознякъ,—вотъ и простуда!..

*) Сары—главный городъ Мазандеранской провинціи.

Впрочемъ, въ полдень, когда я открылъ глаза послѣ получасоваго отдыха, проведеннаго, по обыкновенію, безновойно отъ крайней сухости воздуха, онъ чувствовалъ себя на столько хорошо, что, въ ожиданіи Напира, принялся за чай съ большимъ аппетитомъ..

Вотъ ужъ не кстати вошелъ гость въ необъятной чалмѣ и безцеремонно усѣлся на мою кровать!

— Всегда подоспѣтъ къ чаю, списходительно улыбнулся «хозяинъ».

— Кто онъ?

— Бѣдный лавочникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *муэззинъ*, — тотъ самый, который *замивается азаномъ* съ ближайшей къ намъ крыши..

— Съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, что не только самъ плачетъ, но вчера едва не прослезилъ и меня!

— Слѣдовательно, выполнилъ главное условіе для каждаго муэззина, хотя онъ въ этомъ искусствѣ считается здѣсь ниже другихъ.

По словамъ «хозяина», муэззины освобождаются отъ податей и иногда даже получаютъ содержаніе, доходящее въ Тегеранѣ, гдѣ отъ нихъ требуется хорошій голосъ, до солидныхъ размѣровъ, конечно въ персидскомъ смыслѣ. На эту должность поступаютъ больше изъ бѣдныхъ грамотѣевъ, но азанъ не съ крыши, хоть и подъ открытымъ небомъ, можетъ выкрививать каждый желающій, ибо это благочестивое дѣло...

Какой же нечистоплотный нашъ гость! Пожалуй еще нануститъ насѣкомыхъ! И я шепнулъ «хозяину»: пользи ли спровадить его на полъ, а еще лучше — отдѣлаться отъ него до пріѣзда Напира? — Но какъ мы не хитрили, любезно упрасивая его подъ разными благовидными предлогами приподняться съ постели, — тотъ спохватывался и опять усаживался на нее.

— Ничего не подѣлаете! — замѣтилъ даже ударившійся въ потъ «хозяинъ», онъ ждетъ *своей* третьей чашки и кальяна, — тогда уйдетъ.. Это — самый безцеремонный изъ моихъ знакомыхъ. Выругайте его крѣпкимъ словомъ, — онъ завтра опять явится къ чаю, какъ ни въ чемъ не бывало!..

Мы рѣшили хранить молчаніе, а я даже закрылъ глаза.

Ворвавшійся въ окно вѣтерокъ охладилъ меня, — такъ и хочется вздремнуть.....

Осматриваюсь кругомъ, — мучителя уже не было.... Но, видно, злой демонъ издѣвался надъ нами! Въ комнату развязно вошелъ губерна-торскій конюхъ, ведячаемый «штальмейстеромъ», и, справившись о на-

шесть здравій съ приложеніемъ утѣреній въ почтеніи ко мнѣ, усѣлся на полъ въ ожиданіи чая.—Подали...

Напрягая грудь и гримасничая, онъ рыгаль послѣ чаю, по крайней мѣрѣ пять минутъ.—Это уже слишкомъ краснорѣчивый доводъ, въ усвоеніи конюхою свѣтскихъ приличій въ меньшей степени своего барина—губернатора!—подумалъ я, какъ заглянувшая въ дверь бородатая фізіономія въ чалмѣ таинственно вызвала хозяина; съ досады я даже расхохотался

— Мой большой пріятель, какъ бы оправдывался возвратившійся минуты черезъ двѣ «хозяинъ».

— Приходилъ по важному дѣлу?

— Выпить водки.... говоритъ: видѣлъ страшный сонъ...

— «Хозяинъ!» «Хозяинъ!»—вызвалъ его Хюсейвъ.

— Ну что, опять ктонибудь? смѣялся я.

— Письмо отъ принца-фотографа.... Впрочемъ по содержанію не лучше безотвязнаго музезина.... Убѣдительно просить прислать бутылку водки для больного.... У этихъ питуховъ всегда одинъ предлогъ—*для больного*, съ досадою проговорилъ онъ.

— А ихъ довольно здѣсь?

— *Да ось почти власти пьютъ по ночамъ!* Даже нѣкоторые изъ духовенства тянутъ втихомолку; самъ кази *) перѣдко говаривалъ мнѣ: «пить бесплатно—можно» (т. е. даровое вино можно пить).

— Вчера вы понѣжничали съ принцемъ, вотъ онъ и воспользовался...

— Слишкомъ на сто томановъ задолжалъ мнѣ!—Еле-еле стянулъ съ него залогъ: штуки двѣ перестяной матеріи, двое часовъ, ружье, кинжалъ и еще кое-какія мелочи,—а иначе этимъ безцеремоннымъ господамъ вѣрить нельзя!..

Сумерки уже сгустили синеву все еще разгоряченнаго воздуха, когда мы въ 8 часовъ, деликатно выпроводивъ штальмейстера, вышли на крышу. Въ воротахъ караванъ-сарая показалось три пѣшихъ съ гигантскими, почти полутора-аршинной высоты, складными фонарями изъ напитанной масломъ нестрищей цвѣточками бумажной матеріи (миткаля);

*) Казы—судья по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ.

двое были слуги Нэпира, третій—«хазайскій» пукеръ, посланный нами на встрѣчу ему, какъ требуетъ того этикетъ. За нимъ ѣхалъ на превосходномъ конѣ самъ Нэпиръ въ широкополой сѣрой шляпѣ, уже извѣстномъ вамъ шерстяномъ костюмѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Трое авганцевъ замыкали это церемоніальное шествіе, вышедшее—изъ тиселавія ли блеснуть или изъ предосторожности оградить себя отъ неприятныхъ случайностей — не рѣшу—но мы приняли его запросто, съ задушевнымъ радушіемъ, какое удѣляется только самымъ близкимъ людямъ: такъ былъ дорогъ намъ европеецъ въ одичалой странѣ!..

— Я только что получилъ хорошія вѣсти, проговорилъ онъ, усаживаясь за столъ въ видимо-пріятномъ расположеніи духа. Благодаря Ширазскому губернатору, шестеро изъ ограбившей меня шайки пойманы!

— Англичане свое возьмутъ, улыбнулся мнѣ «хозяинъ», предлагая гостю на выборъ передъобѣденную рюмку коньяку, рому или водки. — Вѣдь за убійство Лонгфилда, совершенное возвращающимися съ туркменскаго похода всадниками вблизи извѣстнаго вамъ караванъ-сарая Таджеръ (что лежитъ между дер. Ташъ и Шахрудомъ), они потребовали отъ персидскаго правительства, помимо соответствующей кары виновнымъ, по словамъ однихъ—три тысячи, по увѣренію другихъ—шесть тысячъ томаповъ за похищенное у него при этомъ имущество и деньги; конечно, раскошеливаться пришлось тѣмъ деревнямъ, изъ которыхъ были всадники, а недостающую сумму приплатили сами власти.. Тогда-то прогремѣло здѣсь англійское имя, между тѣмъ какъ объ русскихъ ни слова, и только послѣ нашей Хивинской экспедиціи заговорили о Россіи..

— «Хазайскій!»—выглянулъ изъ дверей Хюсейнъ съ мискою борщу. Тотъ торопливо вышелъ.

— Вотъ уже не кетати!—проговорилъ онъ, возвратившись слегка встревоженнымъ.

— Что съ вами?

— Пришелъ тотъ самый армянинъ, который выдалъ меня Нэпиру за правительственнаго агента.

— Зачѣмъ?

— Съ любознательною цѣлью... подъ пусташнымъ предлогомъ, — я извинился..

Въ это время къ намъ вбѣжалъ пріодѣтый, но уже успѣвшій весь за-

суделиться, Алп-Акберъ, и только что «бобо» отрекомендовалъ его гостю,—повалился на полъ и сладко всхрапнулъ..

— А ѣсть не будетъ съ нами?—улыбнулся тотъ.

— Опъ у насъ ужинаетъ по утрамъ... на другой день.

— Счастливецъ! продолжалъ улыбаться Нэпиръ, глядя на ребенка..

«Хозяйскій» столъ, вообще, не отличается ни разнообразіемъ, ни апетитностью по «званный обѣдъ» удался на славу: разнообразная закуска, между которою выдавалось новизною для меня очень кислое, но пріятное на вкусъ и здоровое по мѣстному климату, персидское блюдо изъ кислого молока съ перетертымъ инжиромъ, лукомъ и перцемъ,—отличный борщъ, превосходный кебабъ, спосное пирожное, изобиліе фруктовъ и вишъ, развязавшихъ намъ языки. Говорили о возможной встрѣчѣ моей съ Нэпиромъ въ Мешхедѣ, Гератѣ и дальше въ Авганистанѣ, чему я былъ бы душевно радъ..

— Вѣдь мы—европейцы—встрѣчаемся въ полудикой странѣ, какъ братья, добавилъ я.

— Да,—но жаль, что принуждены теперь разговаривать на варварскомъ языкѣ.—Образованные персы любятъ щеголять словомъ «цивилизация», по самое-то ея—не обрѣтается у нихъ, замѣтилъ гость, съ особенною благосклонностью относившійся къ *тутюкк*, и такъ какъ опъ на дальнѣйшемъ своемъ пути ничего подобнаго ей не встрѣтитъ,—мы предложили ему въ подарокъ двѣ бутылки этой превосходной паливки на югодахъ шелковицы (*тутг*)...

Послѣ ужина Нэпиръ видимо силился казаться веселымъ, безъ перерыва покуривая трубочку за напирскою, напирску за трубочкой, по возможности скрывая порокъ своей правой руки, но какая-то тревожная дума мѣшала ему..

— У васъ есть фотографическая карточка? обратился опъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, но вотъ визитная.

По желанію его, «хозяйинъ» вписалъ на оборотной сторонѣ ея свою фамилію.

— А у васъ съ собою? спросилъ его я.

— Тоже нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ впишите свое имя въ мой альбомъ.

Нэпиръ четко росписался въ немъ по англійски.

— Когда вы уѣзжаете? поинтересовался «хозяйинъ».

— Завтра (13 іюля), какъ только вернусь отъ губернатора.

— И, безъ сомнѣнія, возьмете у него экстренный конвой?

— Двадцать - тридцать всадниковъ... Конечно, за условное вознагражденіе...

На порогѣ показался дарога, пришедшій проводить «Ипглизу до шатровъ его», вѣроятно, по предварительному соглашенію съ нимъ, а можетъ быть и по распоряженію свынѣ.

Горячо пожимая намъ руки, англичанинъ просилъ «хозяина» объ отпавкѣ его писемъ въ Англію черезъ Гязъ и затѣмъ уѣхалъ съ тѣмъ же церемоніаломъ...

Еще Хюсейкъ не успѣлъ прибрать со стола, а дарога тутъ, какъ тутъ; онъ вернулся къ намъ *полечиться отъ михорадки*, которою дѣйстви-тельно страдалъ. Мы снабдили его ромомъ, хиною и совѣтомъ...

— Вотъ это поможетъ, болѣзненно процѣдилъ онъ, указывая на ромъ, и при выходѣ добавилъ:—завтра донесу рапортомъ губернатору о визитѣ Нэпира къ вамъ.

— Вотъ какъ; улыбнулся я.

— Онъ доноситъ ему обо всемъ, что ни случится въ городѣ, хотя это обязанность наиба, но послѣдшій — болѣзненный человекъ, и во всемъ полагается на расторопнаго своего помощника, — пояснилъ «хозяинъ».

XV.

Пинкешъ *) и губернская сарапча.

На слѣдующій день, знакомые уже намъ кривлявый маклеръ и разпоицкѣ ситцевъ, притащили къ намъ образцы болѣе ходкихъ въ Персін привозныхъ мануфактурныхъ товаровъ, при провѣркѣ которыхъ не мало было шуму и невообразимыхъ противорѣчій... до головной боли у меня. Дѣльцовъ мы оставили обѣдать у себя, и они успѣли на полу.

Маклеръ что-то безпокойно поглядываетъ на «хозяина».

*) Пинкешъ — подарокъ.

— Такъ и тянетъ его къ рюмочкѣ, да не простой, а съ любимымъ имъ сарентскимъ бальзамомъ, по трусить сосѣда,—улыбнулся тотъ, вызывая его въ свою комнату подъ предлогомъ важнаго дѣла. Однако, мнѣ отлично видно, какъ онъ, озираясь въ страхъ, трепетно глотнулъ тамъ свою порцію и затѣмъ вернулся обѣдать, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Сыръ, говядину и соусы они обертывали руками въ лавашъ и ѣли съ завиднымъ аппетитомъ, но отъ плова отказывались, говоря, что «непривыкли вкушать его днемъ»...

Раздѣвшись послѣ обѣда, я, по обыкновенію, улегся на пару съ дневникомъ въ рукахъ, какъ у дверей показался пукеръ губернаторскаго секретаря, съ перекинутымъ черезъ плечо огромнымъ бурдючнымъ бараномъ, ноги котораго онъ скреживалъ передъ собою руками; за нимъ слѣдовалъ другой слуга съ фруктами на подносі. При этомъ адресованное на имя «хозяйпа» письмо, между прочимъ, гласило: «извиняемся, что, не зная о днѣ пріѣзда вашего гостя, мы не выѣхали къ нему на встрѣчу».

— А пишкени то кому? спросилъ я «хозяйна».

— Вамъ.

— Какая любезность?

— Изъ расчета на болѣе вѣскую взаимность.

Совершенно ненужнаго мнѣ барапа я предоставилъ въ полное распоряженіе моего товарища, фруктами же воспользовался пріемышъ его...

— А вотъ и самъ секретарь съ цѣлою оравомъ губернской саранчи,—замѣтилъ онъ на другой день, стоя у окна, а велѣдъ затѣмъ ко мнѣ ввалилась толпа губернаторскихъ чинowników изъ Бастама: секретарь, тожъ ферранш-баши, докладчикъ и церемоніймейстеръ Мухаммедъ-Ибрахимъ-Бекъ *), пользующійся у принца не малымъ значеніемъ, *хазнадаръ*, т. е. казначей, съ копѣчною сигарою въ рукѣ, и уже знакомый читателю — оберъ-штальмейстеръ или проще—*мирахоръ* **); за ними еле плелся экзекутъ-наибъ Шахруда, Гуломъ-Резо-бекъ въ широчайшей *джуббѣ* изъ верблюжьяго сукна и съ страдальческимъ видомъ

*) Бекъ или бегъ—значить дворянинъ.

**) Главный копехъ.

переживаемого имъ лихорадочнаго пароксизма; затѣмъ, нашъ пріятель *дарога* и, наконецъ, «европеецъ».

Чиновники шумно разбѣстались на стульяхъ, эскъ-наибъ опустился на полъ съ болѣзненными оханьями, «европеецъ» сѣлъ на корточки. Пока они, склонивъ головы на бокъ, полушепотомъ общиваются привѣтствіями съ «хозяиномъ», помянуто прижимавшимъ ладони рукъ къ лицу *отъ счастья виднѣть у себя столь дорогихъ гостей*, займемся вѣжливостью ихъ. Уже пожилой церемоніймейстеръ, съ солидно-подстриженною бородою, носить короткую *тегеранку*, сѣрый мѣшковатый архалукъ въ видѣ казакина съ складками сзади и синія суконныя пальвары; смуглолицый, смазливый хазнадаръ съ отталкивающимъ выраженіемъ, черными усиками и гладко-выбритымъ подбородкомъ щеголялъ *тегеранкою* съ выющимся ворсомъ, узкими черными брюками и полосатымъ жилетомъ поверхъ бѣлой сорочки безъ воротничковъ, выглядывавшемъ изъ-за распахнувагося на груди аккуратненькаго чернаго архалука, перехваченнаго въ таліи ремнемъ съ серебряными бляхами, за которымъ висѣла погайка съ серебряною ручкою. Остальные — въ обыкновенномъ національномъ костюмѣ.

Обоюдныя любезности смолкли.

Эскъ-наибъ вперя въ меня глазами, выжидая помощи. Я спадблялъ его хипою и совѣтомъ, что было принято имъ *какъ за ничто должное съ моей стороны*, т. е. безъ малѣйшаго признака благодарности; такъ относится къ медицинскому пособію европеецевъ всѣ туземцы.

— Старый пріятель, — указалъ на него глазами «хозяинъ», — любить совѣтоваться о своихъ болѣзняхъ со всѣми, а совѣтовъ никогда не исполняетъ, — сильно болѣвъ, а таскается вездѣ — и выпить, даже теперь не прочь, — страшная пьяница!.. Недавно нализался у меня такъ, что шлепнулся на улицѣ и не выдержалъ — весь изгадился, — скандалъ!.. Съ тѣхъ поръ я уже не предлагаю гостямъ водки, *если они не просятъ*, и безцеремонно отказываю въ ней тѣмъ, кто уже *навеселъ*. Положимъ, это — по ихъ понятіямъ — непростительное невѣжество, но, нуждаюсь во мнѣ, оно забывается скоро.

Хазнадаръ кокетничалъ непринужденностью — то раскидывая, то закидывая ноги, то протягивая ихъ на табуретку съ наполненнымъ фруктами подносомъ; вообще — очень важничалъ...

— Много о себѣ думаетъ, — шепнулъ «хозяинъ». Отецъ его — бородобремъ у принца, — дѣйствительно, важное лицо...

— А сыномъ?

— Тоже въ силѣ за старыя услуги.

— Обществу, государству?

«Хозяинъ» застѣнчиво улыбнулся.

— Тому же принцу — губернатору, которому онъ, въ качествѣ нажа, много лѣтъ служилъ развлеченіемъ... Теперь же, видно, устарѣлъ для того, и губернаторъ взялъ другаго, а его *возвелъ въ хазнадары*. Какъ казначей — онъ расторопный малый, умѣетъ беречь казенныя деньги, притомъ же очень скупъ...

— И посѣщеніе такой гадины доставляетъ вамъ «высокую честь»?!

«Хозяинъ» пожалъ плечами.

— Что говорить господинъ? обратился къ нему хазпадаръ.

— Скажите: «быть ему министромъ!»

— Онъ желаетъ вамъ здоровья и всякаго благополучія — передалъ тотъ, склонивъ, по обыкновенію, голову набокъ и прижавъ къ сердцу руку.

Проленставъ благодарность мнѣ, отставной-пажъ сообщилъ, что Нэпиръ былъ вчера у губернатора, а сегодня ночью уѣзжаетъ въ Мешхедъ въ сопровожденіи конвоя изъ тридцати всадниковъ, который дается ему съ разрѣшенія министра иностранныхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, не безвозмездно. Передавая подробности о визитѣ его, онъ со смѣхомъ замѣтилъ: входя къ Шах-Задѣ, *инимизъ* такъ стукнулся лбомъ о низкую дверь, что даже въ саду было слышно, по виду не показавъ, что больно ушибся... А чай пилъ съ пенломъ.

— Что-о-о? переспросилъ его «хозяинъ».

— А къ чаю примѣшивалъ пенель съ шапиромъ, и такъ пилъ его.

— Вѣроятно, стряхивалъ пенель въ блюдечко, такъ какъ у васъ пенельницъ не водится.

— Нѣтъ, въ чай! продолжалъ хохотать экъ-пажъ, швырнувъ «европейцу» какое-то письмо изъ Бастама; тотъ поднялъ его съ гаденькою улыбкою самодовольствія отъ такой лестной фамильярности своего «высокопоставленнаго» друга, которому, однакожъ, онъ не отважился бы отплатить тѣмъ же.

Пока экъ-пажъ разглагольствовалъ объ *инимизъ*, церемоніймейстеръ успѣлъ накушаться переиковъ, послѣ чего вымылъ губы и руки въ принесенной Хюсейномъ чашѣ съ водою и, обсушивъ ихъ па воздухъ, вынулъ платокъ... только для виду, что у него есть таковой, а конюхъ, скромно сообщивъ, что Шах-Задѣ приплетъ за нами своихъ лошадей,

для упрямки въ «хозяйскую» коляску (къ которой, кстати, онъ и прицѣнился), продолжалъ жевать випоградъ.

— Не послѣдняя сница въ колесницѣ, — указалъ глазами на него «хозяйинъ». Конюхъ, да не въ нашемъ смыслѣ. Губернаторъ расположенъ къ нему, — важныя особы сажаютъ его съ собою, мало того, палъ арендаторъ, обязавший ковашировать богомольцевъ въ качествѣ *муфенджии* (милионера), по одному его слову былъ освобожденъ отъ этой безпокойной службы?!

— Какъ такъ?

— Очень просто. Опъ сказалъ губернатору: «Я имѣю право на одного человѣка, моего друга (при этомъ назвалъ по имени арендатора); я васъ прошу, увольте его отъ службы». — *И тотъ уволилъ арендатора, оставивъ за нимъ право пользоваться положенными для всадникова жалованьями и мундиромъ.* Безъ сомнѣнй, добавилъ «хозяйинъ», послѣ таковой милости Шахъ-Задѣ не задумается въ минуту вспянки отодрать по пятамъ своего любимца, какъ и всякаго другаго изъ этой почтенной компанйи, *не исключая даже городничаго.*

Гости продолжали безмолствовать, но за кофеемъ мои револьверы возбудили общй интересъ.

— Можно выстрѣлить?

— Сколько и гдѣ угодно, — городъ глиняный, отвѣтили мнѣ.

Выпустивъ въ окно шесть зарядовъ изъ маленькаго «Смитъ-Вессона», я взялся за большой, но на пятомъ выстрѣлѣ — не успѣлъ еще навести его, какъ ослабѣвшй курокъ спустился самъ, и пуля, пролетѣвъ мимо ушей церемоніймейстера, влѣзла въ стѣпу, обдавъ гостей облакомъ глиняной пыли и осколками алебаstra; — комната наполнилась дымомъ...

Неподвижно сидѣлъ церемоніймейстеръ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, сляся справиться съ испугомъ; прочіе не выразили ни удивленія, ни толковъ, точно пѣчто обменовенное произошло, а спустя минуту — уже дѣтски восхищались револьверами, сакважомъ, сичечпицею и прочими моими вещами, даже кошелькомъ.

— У васъ — искусство, — ораторствовалъ съ кокетливыми ужимками эскъ-нажъ, но если ваши солдаты вступятъ въ рукопашный бой съ нашими, — пропадутъ. *На сѣтѣ нѣтъ искусство персовъ съ саблями съ рукахъ!..*

Гости отправились въ городъ, «хозяинъ» — въ свою лавку, въ компаніѣ остался только экзе-пайбъ, который теперь безцеремонно растянулся на полу, и своими оханьями только мѣшаетъ заниматься мнѣ. Какъ на зло еще пришелъ какой-то старецъ, Хаджи-Ага, — помолчалъ помолчалъ и тутъ же, въ ожиданіи кальяна, вздремнулъ...

Желая отдѣлаться отъ нихъ, я черезъ часъ спустился въ «хозяйскую» лавчонку съ исключительно русскими товарами, биткомъ набитою уже успѣвшею обнюхать базаръ губернской сарапчею и нѣсколькими богомольцами; первая разсѣлась на войлокахъ и ветхихъ подстилкахъ; вторые торчали у дверей, влѣво отъ которой, во всю стѣну, помѣщался мелкій, на половину пустой лкафъ съ глѣздами, какъ въ нашихъ табачныхъ, но только крайне грубой работы и безъ стеколъ; у противоположной стѣны стояла пизецкая конторка, тоже топорной работы, а передъ нею разосланъ тюфичекъ, служащій «хозяину» сидѣньемъ; въ одномъ углу — столъ, заваленный керосиновыми лампами и пружинными подвѣшниками съ колпаками, въ другомъ — ящики, больше — порошніе, частью съ сельтерскою водою, бакинскимъ табакомъ, папиросами и копѣчными сигарами, которыми падѣляетъ «хозяинъ» мѣстную аристократію; за ними валялись заложеныя принцемъ — фотографомъ ружья и шашка; — въ секретномъ мѣстѣ хранилось вино, водка, и все это умащалось грязью и толстымъ слоемъ пыли.

Вообще, лавчонка представляла черншливо-убогій видъ.

— Товары на исходѣ, — какъ бы оправдывался «хозяинъ»; скоро придутъ изъ Москвы свѣжіе, тогда и она освѣжится... Не смотря на то, что эта «Морозовская» торговля, *устроенная въ видъ опыта*, начата при неблагоприятныхъ условіяхъ голодныхъ 1869—1871 годовъ и ведется неумѣло, т. е. выборъ товаровъ для нея неудаченъ, она, не доставляя особыхъ выгодъ, не терпитъ и убытковъ, что краснорѣчиво свидѣтельствуется существованіемъ ея до сегодня.

Губернская сарапча, тщательно перебравъ товары, ничего не купила и — снова поднялась на верхъ, кромѣ *дарога*, шмыгнувшаго по какому-то слѣбшному дѣлу на базаръ. На этотъ разъ она запрудила собою комнату «хозяина», по вскорѣ затѣмъ заявила ему желаніе посидѣть у меня.

— Время нѣтъ на праздную болтовню съ вами, — протестовалъ я.

— Вы уроните себя въ глазахъ ихъ: «время создано для рабовъ», — гласить персидская пословица. Во всякомъ случаѣ, *ради торговли*

интересовъ пужно оказать имъ вниманіе, ласку; вѣдь эта сволочь — приближенные губернатора, значить — сила!..

— Наконецъ, я хочу отдохнуть и уже раздѣлся: въ однихъ ниткахъ...

— Что жъ? — Лежите себѣ въ чемъ есть, — не поймутъ: здѣсь все патріархально...

Нечего дѣлать!

Также шумно и съ большею еще неприужденностью размѣстились они у меня, перебирая въ рукахъ четки, не замѣченныя мною въ первое посѣщеніе ихъ. Хазнадаръ, теперь вооруженный кривою саблею и кнжалою, вѣрше — пожемъ, на подобіе нашего артиллерійскаго тесака, теробилъ ворсъ на тегерапкѣ; церемоніймейстеръ, оставивъ четки въ покоѣ, вертѣлъ серебряными часиками, съ эмальюванною жепскою фигурою на крышкѣ, съ такою миною, пу точно хотѣлъ сказать: — чѣмъ же я не европеецъ? — А «европеецъ», съ воспаленными глазами и обнаженною головою въ паршахъ, часто хватался руками между пахъ (такимъ *шикомъ* — по выраженію «хозяина» — *страдаютъ* многіе *передовые туземцы*) и всѣ, безъ исключенія, неустойимо рыгали...

Подали кальянъ, который передавался изъ вѣжливости сосѣду, по курился по старшинству...

— Здрав-встай, здрав-встай, — процѣдилъ въ мою сторону вошедшій *дарога*.

— Здравствуй. Не хочешь-ли сигары?

— Я кур-кур-инить кальянъ, я не кур-рр-инить си-га-ра.

Гости поосирительно хохотали, удивляясь познаніямъ его въ русскомъ языкѣ.

— Какъ жаль, что «хозяинъ» *) не говоритъ по перендеки, — обратился хазнадаръ къ моему товарищу, лакомо поглядывая на меня.

Тотъ собирався что-то отвѣтить, по въ это время вошелъ длинный сейидъ — лавочникъ съ сверткомъ суконъ и ситцевъ (за которыми, видно, посылали гости) и, разложивъ ихъ по полу, поручилъ «европейцу» продать товаръ *господамъ*, а самъ вышелъ. Затѣмъ, явился бо-

*) Некоторые туземцы и меня величаютъ «*хозяиномъ*»; эта кличка, относящаяся къ богатымъ русскимъ купцамъ или ихъ повѣреннѣмъ, заимствована побывавшими въ Россіи персами отъ приказиковъ и молодцовъ, обыкновенно, называющихъ своихъ патроновъ *хозяевами*.

сый обыватель съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ и, скромно поздоровавшись со всѣми, молча уѣхалъ въ сторонкѣ.

— Кербела-и-Аббасъ-Али, единственный на всю губерцію часовыхъ дѣлъ мастеръ и замѣчательнѣйшій *механикъ*—*самоучка*, зарекомендовалъ его мѣхъ «хозяйнѣ».—Эта, выдающаяся между своими соотечественниками свѣтлымъ умомъ, необыкновенною сметливостью, трудолюбиемъ и честностью, личность составила бы себѣ въ Европѣ громкое имя, но здѣсь?!.. Однажды показали ему игольчатое ружье (прусской системы),—тотъ посмотрѣлъ—посмотрѣлъ и смастерилъ такое же. Затѣмъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о существующемъ уже во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ примѣненіи пара какъ двигателя, онъ изобрѣлъ локомотивъ для обыкновенныхъ (не рельсовыхъ) дорогъ..

— Интересно взглянуть.

— Изрубилъ, сжегъ его.... изъ опасенія, чтобы губернаторъ, провѣдавшій объ томъ, *не заставилъ бы его работать даромъ*.

— Отчего онъ съ своими знаніями не ѣдетъ, ну хоть въ Тегеранъ?

— Я тоже не разъ совѣтовалъ ему бросить Шахрудъ, но всегда слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ: «*И здѣсь найдется, что дѣлать*». Впрочемъ, онъ съ отцемъ, *какъ люди благочестивые*, собираются продать своей домикъ съ тѣмъ, чтобы навсегда поселится въ Кербела, поближе къ имаму Хюсейну..

Уже въ сумеркахъ гости разошлись по домамъ.

XVI.

Почтенный людоморъ, и по дорогѣ въ губернаторскую резиденцію.

Проводивъ чиновниковъ, полицмейстеръ поспѣлъ къ намъ на ужинъ, съ недовольною миной сѣтуя на Напира, что тотъ, уѣзжая, далъ ему за всѣ его услуги, точнѣе—свѣдѣніа сомнительнаго достоинства,—всего пять томановъ.

— Гольдсмиттъ былъ щедрѣе. Добавилъ онъ, глотая стаканъ водки, и ехидно заговорилъ о жепщинахъ...

Уже поздно, а полиціймейстеръ все еще пьетъ, кажется, — не растался бы съ нами, но время.

— Отчего до сихъ поръ не были у насъ съ визитомъ пи городничій (наибъ), ни вице-губернаторъ? спросилъ я, провожая его.

— Хотите, — *приведу ихъ къ вамъ на веревкѣ?*

— Начальство свое?

— Этимъ онъ хотеть сказать, что счумбеть убѣдить ихъ безотлагательно явиться къ намъ, — пояснилъ «хозяинъ».

— Не пасилуйте, — посовѣтывалъ я ретивому *дарога*, но..... на слѣдующій день (15 іюля), шахрудскій наибъ Исмаилъ-ханъ, изъ стариннаго дворянскаго рода, предупреждая насъ (согласно туземному обычаю) черезъ своего нукера, что пожалуетъ къ намъ въ три часа пополудни, и дѣйствительно — пожаловалъ... двумя часами позже, въ сопровожденіи полиціймейстера, высокостепеннаго Хаджи Абу-Талиба, мирзы Махмуда (секретаря начальника отряда, конвоирующаго богомольцевъ изъ Шахруда къ Мешхеду), нашего крикливаго маклера и, наконецъ, четырехъ феррашей, изъ коихъ одинъ пестъ его калѣялъ.

Пока я одѣвался, «хозяинъ» принялъ ихъ у себя. Маклеръ горичился у дверей моей комнаты, торопя меня и преуморительно настаивая, чтобы я всенепремѣнно вышелъ къ гостямъ *въ шапкѣ*, ибо — по обычаю — быть съ обнаженною головою въ присутствіи такой благочестивой власти, какъ Исмаилъ-ханъ, было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо, но, къ искренней досадѣ этого радѣтеля о моихъ интересахъ, я не измѣнилъ европейской привычки. Гости приподнялись и поочередно протянули мнѣ руки; затѣмъ послѣдовали обычно-кудреватыя привѣтствія и по моему приглашенію они вошли ко мнѣ.

Массивный наибъ, въ мерлушечей шапкѣ и бумажномъ сѣпемъ *коба* поверхъ шелковаго архалука (темпаго цвѣта), попробовалъ было, выѣсть съ почтеннымъ Хаджи Абу-Талибомъ, усѣсться на мою постель, но, почувствовавъ крайнюю неловкость, они немедленно опустились на полъ. Вообще, я замѣтилъ, когда туземцы и даже наши армяне садятся на стулья, ихъ ноги такъ и подгибаются, подкашиваются, — такъ и тянетъ ихъ сѣсть по привычкѣ на полъ. «Хозяинъ», изъ любезности, послѣдовалъ ихъ прижѣру, прочіе — по моему приглашенію, расположились на стульяхъ.

Точно палитое желтою влагою грязно-оливковое лицо наиба съ черною бородой и бычачьими глазами выражало безпредѣльную апатию.

— Это отъ опиума, замѣтилъ «хозяинъ».

Не знаю, на сколько вѣрно замѣчаніе его, но, дѣйствительно, упорно молчаливый градоуправитель медленно досталъ табакерку (изъ напьемаше, какія употребляютъ наши нюхальщичьи табаки) и, вынувъ оттуда горошину опиума, положилъ ее за щеку. Ежедневно онъ принимаетъ по двѣ такихъ пилюли, а въ случаѣ нарушенія этой привычки къ яду,—испытываетъ смертельную тоску: «хоть умирай!»—какъ выразился онъ самъ,—и дѣлается больнымъ....

Арендаторъ, всегда принимающій на себя при гостяхъ хозяйственную часть «своего патрона», съ развязнымъ самодовольствіемъ подаль ему «хозяйскій» кальканъ, но тотъ попросилъ свой, отъ кофе и чаю тоже отказался.

— Брезгливый?

— Изъ благочестія, — ревностный мусульманинъ! объяснилъ «хозяинъ» съ набожною миной и прибавилъ: Съ трудомъ уговорилъ его Хаджи Абу-Талибъ посѣтить насъ, и если онъ поддался, то этимъ желалъ выразить «большое уваженіе къ почтенному хаджи.»

— А какъ онъ относится къ нашимъ?

— Все опасается, *какъ бы не опоганиться*. Однажды пришелъ къ нему армянинъ по дѣлу. «Окажите ему, обратился тотъ къ феррашамъ, чтобы онъ въ другой разъ не поганилъ бы мнѣ ковровъ своими, потными чулками, — пусть приходитъ въ двухъ паряхъ...»

При случаѣ я рассказалъ эту исторію губернатору, — всѣ хохотали, а затѣмъ, когда у меня собрались очень важные гости, — повторилъ рассказъ; они сейчасъ же послали за благочестивымъ градоуправителемъ и, пріятельски подшучивая надъ нимъ, *поганили его моими вещами...*

— А еслибъ армянинъ харкнулъ на полъ?

— Окончательно взбѣлѣнился бы... Какъ то нашъ астрабадскій консулъ плюнулъ у одного чиновника, — тотъ ужасно обидѣлся...

— «Хозяинъ», — перебилъ моего товарища арендаторъ, вручал ему телеграмму отъ только что упомянутого консула, извѣщавшаго, что на Гязскій берегъ прибыло 20 мѣстъ *) товаровъ Г — го, но повѣ-

*) Отдѣльныхъ тюковъ или ящиковъ.

реннаго его еще иѣтъ, а потому ихъ принялъ мѣстный агентъ параводнаго общества «Кавказъ и Меркурій».

Уплативъ разсылному *по положенію* панабать (15 коп.) за бланкъ телеграммы (въ осьмунку сѣрой бумаги съ литографированнымъ ободкомъ и изображеніемъ персидскаго герба: *Льва и Солнца* — вверху), «хозяинъ» обратился съ этою отрадною для насъ вѣстью къ нанбу.

— Не найдется ли тамъ у васъ кофе, оживленно справился тотъ.

— Нѣтъ.

— Жаль. Давно не было привоза, и онъ поднялся здѣсь до 4 тамановъ за батманъ.... Товары повезете въ Мешхедъ?

— Да. А какъ дорога теперь?

— Непріятныя вѣсти. 12 іюля семь туркменскихъ всадниковъ (изъ племени Теке) напали между Мезинапомъ и Аббасъ-Абадомъ на четырехъ нашихъ: одного чиновника и двухъ полицейскихъ, которые везли къ Шах-Задѣ (въ Бастамъ) собранныя подати съ деревень *Ферумеда* и *Ферюз-абада*, кажется 170 томановъ; четвертый былъ купецъ: первыхъ полонили, послѣдній успѣлъ спастись...

— Вотъ скоро русскіе приступятъ къ постройкѣ укрѣпленій по соѣдству съ текинцами (*Теке*) и тогда смирится это хищное племя, — замѣтилъ «хозяинъ».

— Вы что-то давно угрожаете имъ, не безъ ироніи отвѣтилъ тотъ, тяжело приподымаясь... Когда поѣдете къ Шах-Задѣ?

— Завтра.

— Верхамъ?

— Нѣтъ, въ моей коляскѣ.

— Развѣ въ ней помѣщается двое?

— Даже четверо....

Гости ушли.

Когда я на слѣдующій день въ 5 час. утра, пробужденный дождемъ, перетаскивалъ свое ложе съ открытой площадки въ комнату, на дворикѣ уже стояли губернаторскія лошади, и арендаторъ съ Хюсейномъ вытаскивали изъ сарая коляску.

— Сейчасъ ѣдемъ въ Бастамъ, обратился «хозяинъ» ко мнѣ за чаемъ, предлагая попробовать персидскій сухарь, т. е. тотъ же тонкій, но только высушенный и болѣе бѣлый лавашъ, присланный ему хлѣбникомъ въ пищикѣ.

Мы торопились одѣваться, какъ посланный доложить, что губерна-

торъ сперва сходить въ баню, потомъ отдохнуть, и затѣмъ уже, такъ около 6 ч. пополудни, приметъ насъ.

Воспользовавшись отстрочкою, «хозяинъ» отправился оказать покровительство одному армянину, на котораго только-что поступила жалоба какого-то обывателя, а кетати и навѣстить большаго эскъ-наиба.

Къ завтраку онъ вернулся съ губернаторскимъ конюхомъ, скромно уѣвшимъ за общій столъ, но ему (какъ и вообще обѣдующимъ у насъ, за исключеніемъ развѣ только полиціймейстера, не опасаящагося доноса со стороны Хюсейна) подавались блюда особенно. Плотнѣе покушавъ, сей итальмейстеръ, съ четырьмя какими-то случайно-забрѣдшими въ дворикъ каравашъ-сарая субъектами, занялся смазкою осей курдючнымъ саломъ; одно колесо что-то не вертится, — послали за кузнецомъ. Нескоро явился тотъ, и пока возился съ такою диковинкою въ Персіи, какъ колесный экипажъ, намъ пришло время одѣваться. — Хюсейнъ принесъ мое бѣлье изъ стирки совершенно мокрымъ и, безъ сомнѣнія, не выглаженнымъ, не накрахмаленнымъ (ибо здѣсь не водится ни утюговъ, ни крахмалу); воротнички и рукавчики были сложены вчетверо...

— Хорошо? — Слонца падо такъ, проговорилъ онъ по русски, раскладывая его по комнатѣ, для просушки.

— Почемужъ ты не сдѣлалъ этого у себя?

— Какъ видите, его жена моетъ довольно чисто, пояснилъ за него «хозяинъ», — *но изъ-какого то предразсудка никогда не развѣшиваетъ бѣлье христіанъ для просушки*, и мы всегда приносимъ его въ такомъ же видѣ.

— А армянамъ?

— *Только стираютъ на о-въ Ашуур-адъ.*

— Близокъ свѣтъ?!..

Въ половинѣ пятого часа все было готово, и мы поспѣдовали за запряженною парой лихихъ коней коляскою, которую чуть не на рукахъ тащили тѣ же субъекты по узкимъ зигзагамъ изрытыхъ водопроводными капавками переулковъ, затѣмъ — по всему тѣсному базару и далѣе, вплоть до караванъ-сарая, что вблизи тѣхъ городскихъ воротъ, за которыми расположился цыганскій таборъ.

Диковинный экипажъ окружала толпа взрослыхъ и мальчишекъ, — больше съ пизкими лбами, заросшими — точно у звѣрей — волосами, — жадно и съ наивнымъ удивленіемъ пожиравшихъ *небывалое* «тама-

ша» *), — давка невообразимая! — Насъ оттѣснили и прижали къ стѣнѣ, лошадямъ — не шелохнуться съ мѣста!..

Но вотъ, ужомъ проскользнувшій черезъ толпу, губернаторскій скороходъ въ обыкновенномъ ветхомъ костюмѣ, въ пропотѣвшей *кула-намадѣ* и съ палочкою въ рукѣ, преуморительно согнувшись, юрко зашагалъ вправо и влѣво, расчищая намъ мѣсто; къ нему подошло еще нѣсколько полиціймейстерскихъ феррашей тоже съ тросточками внушительной толщины. Толпа разступилась...

Къ намъ подошелъ чалмоносный *хаджи* въ черномъ *абѣ*.

— Тотъ самый эскулапъ, который отправилъ принцессу въ Елисейскія поля, — шепнулъ мнѣ обмѣлившійся привѣтствіемъ съ нимъ «хозяинъ». Не смотря на такую потерю и на совѣтъ тегеранскаго врача (уже не заставшаго ее въ живыхъ) не довѣряться ему, губернаторъ просилъ меня взять его съ собою, — видно, хочетъ посоветоваться съ нимъ о своихъ болѣзняхъ.

— Болѣе не съ кѣмъ?

— Всего два — три доктора на всю губернію, и всѣ они съ одинаковымъ успѣхомъ спроваживаютъ своихъ паціентовъ (если только сама природа не поможетъ имъ) на тотъ свѣтъ. Здѣсь, вѣдь, какъ? *Кто разъ вытѣнитъ удачно, тотъ и докторъ*. Ни дипломовъ, ни свидѣтельств на право практиковать — нѣтъ, медицина изучается *по древнимъ книгамъ*, современные же приемы леченія — невѣдомы...

«Хозяинъ» предложилъ эскулапу мѣсто рядомъ со мною, но тотъ предпочелъ помѣститься визави, на крошечной складной скамеечкѣ и, ухватившись обѣими руками за мѣдныя перильца ея, выглядывалъ такимъ безпомощнымъ, безутѣшно-встревоженнымъ, точно — съ первымъ движеніемъ коляски — ему грозила неминуемая опасность. Сидѣвшій бокомъ на козлахъ италмейстеръ дернулъ лошадей, — экипажъ тронулся, и на лицѣ почтеннаго чалмоносца изобразился ужасъ.

— Лучше нѣшкомъ пойду — рѣшительно пробормоталъ онъ, неловко слѣзая и путаясь въ длиннополой *абѣ*. Пламенно убѣждая его «хозяинъ» въ безопасности ѣзды; тотъ мрачно слушалъ, неподвѣрчиво поглядывая на коляску, наконецъ — поддался увѣщаніямъ и, съ пониженіемъ головою, снова уѣхалъ...

У городскихъ воротъ встрѣтилось новое препятствіе: слишкомъ вы-

*) Зрѣлище.

сокал нижняя связь ихъ и большіе камни; мы слѣзли, толпа перетаскала коляску за ворота.

— Съ богомъ! — сказалъ «хозяинъ» шталмейстеру, довольно сносно правившему привычными къ упряжи лошадьми, такъ какъ у губернатора тоже имѣются какія-то ветхія дрожки.

Шагомъ плетемся вдоль Царь-рѣки.

Арендаторъ и тотъ самый стариканка, который встрѣтилъ меня при въѣздѣ въ Шахрудъ, навязавшіеся сопровождать насъ верхами въ качествѣ пущеровъ или — по игривому выраженію ихъ патрона — волоптеровъ, трясутся безъ стремяны въ своихъ затрапезныхъ архалукахъ, суетливо разгоня по дорогѣ зазѣваршихся богомольцевъ, лошади которыхъ, пугливо озираясь на экипажъ, рвались или, вырвавшись изъ рукъ, поскакивали по аллеѣ, клубя пыль.

— Изъ-за чего этотъ-то старецъ горячится?

— А тшеславіе, а расчетъ на мою протекцію? — Наконецъ, всякій персъ за малѣйшую услугу ждетъ подачки...

Между богомолками попадаются обезображенные оспою, *не прививаемому здѣсь никому*, и сифилисомъ, выѣвшемъ носъ у многихъ бѣдныхъ женицъ, бросившихся во время послѣдняго голода въ развратъ, буквально — *изъ-за куска хлѣба*.

О персидской медицинѣ читатель уже получилъ понятіе, больницы же составляютъ здѣсь рѣдкое явленіе; по крайней мѣрѣ, любознательный «хозяинъ» слышалъ о существованіи только двухъ больницъ: одна учреждена въ Тегеранѣ пять лѣтъ тому назадъ на средства покойнаго Аминъ-ед-девле Феррухъ-Хана-Коми, и содержится доходами съ пожертвованныхъ имъ земель — другая учреждена въ Мешхедѣ на средства имама Риза; въ половины фарсанга отъ Тегерана есть еще какал то богадѣльня для слѣпыхъ, — вотъ и все!

— Шахскій докторъ (кажется, австріецъ Тулюзонъ) не помогаетъ медицинскому дѣлу въ Персіи, такъ вы бы не зѣвали, замѣтилъ и «хозяинъ».

— Ну, чѣмъ же я могу быть полезнымъ тутъ?

— Составьте лечебникъ на персидскомъ языкѣ.

— И взять у Шаха привилегію на него? — А что, не послѣдовали вашему совѣту? — Практика будетъ большая; вѣдь, здѣсь положительно все поголовно больны. Быстрый переходъ отъ дневнаго зноя къ

вечерней прохладѣ, при туземномъ ситцевомъ костюмѣ съ открытою грудью, и сквозной вѣтеръ нелѣпыхъ построекъ — развиваютъ лихорадки и простуды, пыль — глазныя болѣзни, растительная, малопитательная пища — худосочіе; *половая* невозддержанность истощаетъ организмъ, нечистоплотность, привычка ложиться спать въ томъ же, въ чемъ ходятъ днемъ, не смѣняя по недѣлямъ бѣлья, — плодятъ паразитовъ (вшей), развиваютъ язвы, въ особенности на рукахъ и лицѣ, нестѣсняемость справлять *свои нужды* прямо на улицѣ (что дѣлается нерѣдко) и, вообще, нарушеніе санитарныхъ и гигиеническихъ требованій, также отражаются на народномъ здоровьи. Затѣмъ, въ Шахрудѣ особенно много страдающихъ грыжами...

— Отчего?

— Полагаю, вслѣдствіе того, что туземцы, сидя въ гостяхъ у знатныхъ особъ, стѣсняются *выходить* (то есть — задерживаютъ мочу) *Желѣзные же бандажи ихъ — ужасны*; не лишнее было бы выслать сюда изъ Россіи *ременныхъ*, а также *дешевыхъ клистировъ*, лучше гуттаперчевыхъ, ибо персидскіе приемы въ этомъ отношеніи весьма мучительны: больного ставятъ «на корачки» и вставляютъ ему *стекляный роіъ съ водою*, тяжестью которой онъ и вгоняется куда слѣдуетъ.

Эти, общія для всей Персіи, болѣзни, при отсутствіи медицинскаго пособія, ставятъ невѣжественную, полудикую націю въ безпомощное положеніе; поэтому, неудивительно, что она съ году на годъ видимо вымираетъ. Если до 70-хъ годовъ въ Персіи считалось около 5 мил. жителей, то теперь, послѣ ужаснаго голода, населеніе, вѣроятно, уменьшилось до 4 милліоновъ.

Вогомольцевъ мы проѣхали; жалкая аллея еще тянется на полъ-версты параллельно загороднымъ садамъ, обрывающимся у бугристаго подножія обнаженной грады горъ; вправо желтѣютъ поля остатками стеблей сжатой пшеницы, закапчивающіяся вблизи дороги башенкою на обрывѣ; это — мельница, приводимая въ движеніе искусственнымъ водонапоромъ изъ оросительныхъ канавъ. За нею видны низкія стѣны молодого сада.

Дорога, точно природное шоссе, сплошь усыяна щебнемъ (мелкимъ камнемъ) съ горъ, щедро покрывшихъ своими осколками всю гладь постепенно расширяющейся песчаной долины.

Попробовали было ѣхать рысью, — невыносимо трясеть, а за Царь-рѣкою, въ широчайшемъ сухомъ ложѣ весеннихъ водъ, коляска, качнувшись влѣво, вдругъ остановилась, и колесо сползло съ оси; докторъ — ни живъ, ни мертвъ...

— Пустяки, соскочила гайка, успокаивалъ его «хозяинъ», пошлать шталмейстера съ своими «волонтерами» разыскивать ее.

— Не хотите ли вина? Вотъ отличныя сигары, предлагаемъ ему мы.

Онъ беретъ дрожащими руками копѣчную сигару и силится закурить не съ того конца... До нея ли было бѣдняжкѣ?!..

Между тѣмъ «хозяинъ» обозрѣвалъ въ подаренную ему мною подзорную трубу мѣстность. Горы, что влѣво, — удалились, справа виднѣются по безжизненной глади бугорки *канаут'овъ* *), которые тянутся вплоть до г. Бастама, снабжая его водою и орошая окрестные сады и посѣвы, а за ними — вдали — сѣрѣетъ горная цѣпь...

Минувъ черезъ двадцать гайку отыскали въ 100 саженьяхъ отсюда: оказывается, что она съ какого-то другаго большаго колеса. Ввинтивъ и закрѣпивъ гайку, мы осторожно подвигались впередъ, поминутно останавливаясь надвигать ее.

Почти на половиномъ разстояніи (между Шахрудомъ и Бастамомъ) дорога прорѣзываетъ насыпной изъ камушковъ низкій курганъ, надъ могилою одного святаго, о которомъ гласитъ легенда такъ: «Однажды (это было давно-давно, когда еще вблизи отсюда протекалъ горный ручей) пробирался богъ вѣсть откуда въ Бастамъ убогій путникъ — потомокъ имама **); омывъ себѣ ноги въ ручѣ, онъ пошелъ дальше. Велѣдъ затѣмъ какой-то слѣпой изъ недалекой деревни Багъ-Зандапъ ***) умылся тамъ же и — моментально прозрѣлъ. Молва о такомъ чудѣ быстро обѣжала окрестныя мѣста. Багъ-занданцы съ одной стороны, бастамцы — съ другой отправились разъяснить себѣ его и, увидавъ на рѣкѣ сейида, *поняли все*.

— Святой человѣкъ, пойдемъ съ нами, говорили первые.

— Святой человѣкъ, иди къ намъ, оспаривали вторые.

— Онъ пойдетъ къ намъ!

— Нѣтъ, онъ шелъ къ намъ!..

Споръ перешелъ въ ожесточенный бой.

*) Отдушины подземныхъ водопроводовъ.

**) Потомки имамовъ также какъ и потомки пророка называются *сейидами*.

***) Что вблизи Шахруда; ныне выговариваютъ: Богжаадапъ.

— Что же мы деремся изъ за одного человѣка?! возвысился чей то голосъ изъ толпы. *Лучше пусть будетъ онъ убитъ одинъ!..* Съ этимъ словомъ Багъ-Зандапецъ шарахнулъ сейида по головѣ съ такою силою, что тотъ упалъ за мертво... и тутъ же былъ похороненъ.

Съ тѣхъ поръ и до сегодня каждый *благодетельный* путникъ не преминетъ положить на могилу *святого* одинъ или нѣсколько камушковъ, отчего и образовался этотъ курганъ.

Такъ повѣствоваль штальмейстеръ, развязно болтавшій съ «хозяйпомъ» всю дорогу, между тѣмъ какъ докторъ, подтвердившій правдивость этого разсказа, казался сильно встревоженнымъ... не о послѣдствіяхъ ли своего искусства спрашивать на тотъ свѣтъ?..

Съ кургана уже хорошо видны высокія стѣны Бастама, мѣстами заслоненныя отъ нашихъ глазъ зеленою садовою. Тамъ и сямъ надъ городомъ возвышаются минареты и куполь мечети, чернѣется исполинскій конусъ—это ледникъ; надъ ними высоко вздымаются стройные тополи, а сзади—городъ кажется охваченнымъ горами. Дѣйствительно, онъ расположенъ на западномъ концѣ долины (того же названія), простирающейся отсюда къ востоку на 20 верстъ. Вблизи города раскинулось селеніе *Оберситъ*, во всей же долинѣ насчитываютъ до 20 деревень съ бѣднымъ населеніемъ, происходящемъ изъ арабійскаго племени *Амри*, переселеннаго сюда еще во времена халифовъ. Изъ номадовъ они постепенно перешли къ осѣдлой жизни, смѣшались съ туземцами и теперь почти что забыли свой родной языкъ..

Въ 47 минутъ шестаго ч. мы подъѣхали къ загороднымъ садамъ. Легко катился экипажъ по ихъ узкимъ переулкамъ, но за ними доктору опять приходилось хвататься съ болѣзненными гримасами за перилъца сидѣнья,—такъ было усажено камнемъ изрытое глубокими ямами поле, въ двѣ версты шириною, назначенное—по словамъ штальмейстера—для посѣвовъ, что невѣроятно; скорѣе это искусственное препятствіе *состряпано съ наивною цѣлю затруднить непріятелю путь въ губернаторскую резиденцію.*

За полемъ снова пошла гладкая, но невыносимо пыльная дорога, пролегающая узкою лентою между городскою стѣною, съ ветхими башенками, и табачными плантаціями, полями жатой, а мѣстами еще оставленной на корню, пшеницы и ячменя.—Наконецъ, вдоволь наглотавшіе пыли подъ жгучимъ солнцемъ, мы свернули вправо по ведущей въ городъ узенькой (въ 2½ саж.) дорожкѣ между глиняною стѣною городского сада съ лѣтнимъ жильемъ губернатора (и по сей причинѣ, не-

доступнаго, для удовольствія, обывателямъ) и глубокимъ ровомъ съ возвышающеюся надъ нимъ стѣною далеко не грозной цитадели съ угловою башенкою, выбѣленною сверху и, вообще, аккуратнѣе прочихъ. Въ цитадели находится постоянное жилище принца-губернатора, Кіомерсь-Мирзы, титулуемаго «Амидь-удъ-девле» т. е. подпорою государства», его управленіе и кое-какія жалкія казенныя постройки...

XVII.

Его Высочество подпора государства, военно-начальникъ и пр. и пр.

Встрѣтившійся намъ какой-то убогій персъ сообщилъ, что Шах-заде приметъ насъ въ саду. «Хозяинъ» остановилъ коляску въ 20 шагахъ отъ садовой калитки, по, по моему настоянію подъѣхать къ ней вплотъ, недоумѣвающій штальмейстеръ то трогалъ коней впередъ, то нерѣшительно останавливалъ ихъ, пока, наконецъ, мы такимъ образомъ не доплелись до *заповѣдной* калитки, гдѣ поджидалъ насъ губернаторскій нукеръ. Пошептавшись съ нимъ, мой товарищъ кивнулъ мнѣ головой, и мы послѣдовали за нимъ по главной аллеѣ саженной ширины, съ высокими тополями по одну сторону, разнообразѣйшими фруктовыми деревьями—по другую, и миниатюрнымъ домикомъ въ глубинѣ ея. По аллеѣ торчали угрюмые садовники; передъ домикомъ (съ опущеннымъ въ нижнемъ этажѣ двереобразнымъ окномъ *присутствія* вице-губернатора и поднятою въ верхнемъ этажѣ рѣшетчатою дверью во всю стѣнку средней комнаты—гостиной, пріемной и вмѣстѣ съ тѣмъ—*присутствіемъ* губернатора, отколѣ онъ «какъ отецъ», *однако не по отцовски*, разбираетъ тяжбы, творить судъ и расправу), толпились просители и челядь.

Здѣсь нашего провожатаго смѣнилъ другой, проводившій насъ вверхъ по каменной лѣстницѣ въ прихожую, тоже съ челядью и семью парами башмаковъ у дверей; «хозяинъ», прибавивъ къ нимъ свою, *собирался съ духомъ*; я снялъ шляпу.

— Надѣньте, невѣжливо, шепталъ онъ, нерѣшительно отворяя дверь въ маленькую гостиную (во всю ширину домика и съ деревянными подъемными стѣнками съ двухъ противоположныхъ сторонъ выходящихъ въ садъ).

— Не могу, жарко, возразилъ я, озирая солидно-сидѣвшихъ на полу субъектовъ и силясь угадать: на кого изъ нихъ *опирается персидское государство?*— между тѣмъ, какъ «хозяинъ», съ скошенной пабокъ физиономіей уже прижималъ руки то къ сердцу, то къ лицу, пабожно нашептывалъ привѣтствія въ сторону къ особнякомъ сидѣвшей на лоскутѣ полосатаго тика поверхъ хорасанскаго ковра, тщедушной фигуркѣ съ палочкою въ рукѣ, въ низенькой короткой шапкѣ (тегеранкѣ), съ приглаженными висками, большимъ горбатымъ носомъ, воспаленными глазами, опущенными усами, узенькимъ ртомъ и короткимъ, точно втянутымъ въ себя, съ недѣлю небритымъ (или пестриженнымъ) подбородкомъ; снизу разстегнутый мѣшковато-спитый изъ чернаго сукна *сардари* обнаруживалъ шелковый, подпоясанный узкимъ поясомъ, *коба* поверхъ ситцеваго архалука, а черныя суконныя брюки и бѣлые носки дополняли костюмъ его высочества — «подпоры государства», сбоку котораго лежала потертая сафьянная сумочка и старенькая шкатулка съ бумагами а, можетъ быть, и съ драгоценностями).

На мой кивокъ, его высочество изволилъ съ милостивою улыбкою и даже очень весело замахать руками по направленію желѣзной складной табуретки, стоявшей рядомъ съ таковою же, ничѣмъ не покрытою, кроватью. Я усѣлся я, пока поджавшій на полу ноги «хозяинъ» продолжалъ оживленно обмѣниваться съ нимъ любезностями, обозрѣвалъ.

Визави его высочества сидѣлъ въ почтительнѣйшей позѣ тучный *сертинъ*, въ бараньей шапкѣ, съ невыразимымъ счастьемъ на расплывшейся черномазой физиономіи съ маслянымъ взоромъ и огромною черною бородою, въ казакинѣ чернаго сукна съ скошеннымъ воротникомъ, рядомъ мѣдныхъ гладкихъ пуговицъ по борту и стрѣлками изъ краснаго шнура падъ обшлагами рукавовъ. Черныя суконныя брюки и бѣлые носки дополнили будничныя нарядъ командира Бастамо-Шахрудскаго полка въ 800 человекъ.

Нѣсколько поодаль отъ него возсѣдалъ чалмоносный наставникъ губернаторскихъ дѣтей, съ умнымъ, добродушнымъ видомъ и почтенною бородою съ *просьдою*, которую онъ уже *пересталъ красить*, а потому «хозяинъ» съ трудомъ узналъ въ немъ своего стараго знакома-

го. По лѣвую сторону компаты, у угла *стоялъ* статный вице-губернаторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — *мустафи* *), съ смысленнѣмъ, подернутымъ меланхоліею, интереснымъ лицомъ. Нарядите его въ европейскій костюмъ и хоть сейчасъ въ любую гостинную!....

— Но отчего онъ стоитъ? спросилъ я «хозяина», заикающаго друга его, однако, не подававшаго о томъ виду и только обмѣнявшагося короткимъ привѣтствіемъ съ нимъ.

— Принцъ держитъ себя съ подчиненными высокоумно и сажаетъ въ своемъ присутствіи только тѣхъ, кому желаетъ выразить особенное расположеніе.

Тутъ же торчалъ и секретарь, а поближе къ намъ, назиръ, на короточкахъ, передъ стоявшими на вышитой шелками подстилки самоваромъ и подносомъ съ посудой, — готовилъ чай; изъ передней заглядывали служащіе, со двора — любопытные; нѣкоторые изъ послѣднихъ, завидѣвъ принца, кланялись въ поясъ....

— Васъ спрашиваетъ его высочество о здоровьѣ? перебилъ мои размышленія «хозяинъ».

— Сегодня что-то не въ духѣ болтать персидскій вздоръ, — отвѣтите ему что нибудь.

Тотъ передалъ, что я чувствую себя отлично въ особенности съ того момента, какъ узрѣлъ «подиору государства», и его высочество, продолжая отрадно улыбаться, изволилъ заявить, что *только* болѣзнь помѣшала ему принять меня раньше. — Я былъ такъ болѣнъ, такъ болѣнъ, — говорилъ онъ съ гримасою, вызвавшею на лицахъ присутствующихъ *обязательную скорбь*, — что меня водили подѣ руки два дня, и я сидѣлъ *въ три пріема*...

— Вѣрно обѣлся на поминкахъ дочери, замѣтилъ я, всматриваясь въ его лицо, выражающее смѣсь семи смертныхъ грѣховъ съ излишкомъ.

— Господинъ соврушается столь прискорбнымъ случаемъ съ драгоценнымъ здоровьемъ вашего высочества, перевелъ «хозяинъ» и, обратившись ко мнѣ, спросилъ: Не поможете ли? Жалуются на боль въ ногѣ.

— Пусть покажетъ.

*) Мустафи, пазначаемые министромъ финансовъ по одному при каждомъ губернаторѣ, заглядываютъ сборомъ и контролемъ податей, вообще — доходами, расходами и храненіемъ казенныхъ суммъ въ губерніяхъ и областяхъ.

Его высочество приподнял пальвары. Легкая опухоль ушибленной ноги требовала холодных компрессов и — только.

— А персидскіе доктора сейчасъ за пульсъ и прописали бы внутреннее.

— А вамъ случалось лечить его?

— Пожалуй, да. Недавно приглашаетъ онъ меня къ себѣ «по важному дѣлу», прѣзжаю. Посовѣтуй, говорить, какое изъ этихъ лекарствъ, прописанныхъ мнѣ двумя нашими знаменитыми докторами, лучше? — Не довѣряя ни тому, ни другому, я посовѣтывалъ ему принять оба. Проглотилъ...

— И что жъ?

— Богъ милостивъ, все обошлось благополучно... Мало того. Когда прѣзжалъ къ нему тегеранскій докторъ (по случаю болѣзни дочери), — онъ отозвался обо мнѣ, какъ о «хорошемъ человѣкѣ, одареннымъ способностью лечить», на что тотъ отвѣтилъ: «У нихъ, въ Россіи, каждый образованный человѣкъ на столько знакомъ съ медициною, что въ случаѣ болѣзни можетъ помочь себѣ, а слѣдовательно и другимъ». — Вотъ и теперь онъ расхваливаетъ меня передъ сертиномъ за то, что я компрессами изъ соленой воды съ уксусомъ поставилъ на ноги въ два дня упавшаго съ лошади хана, съ которымъ приключился тогда отъ боли даже обморокъ...

— Кальянъ! пробурчалъ его высочество.

Изъ передней явился женоподобный смуглый мальчишка лѣтъ четырнадцати съ застѣнчиво опущенными глазами и *пятками врозь*; преклонивъ предъ нимъ одно колѣно, онъ подалъ кальянъ съ упизанною изумрудомъ и бирюзой серебряною трубкой.

— Пажъ, вступившій *въ прежнюю обязанность* знакомаго вамъ хазнадара, прошепталъ «хозяинъ».

— Его высочество не довольствуется женою?

— Помимо жены есть и женская прислуга; при всемъ томъ онъ до того *ревнуетъ* этого мальчугана, что не только не пускаетъ его въ городъ, но даже поручилъ своему внуку (прямая обязанность котораго — наблюдать за женскою половиною) *зорко слѣдить за нимъ*.

— И все это дѣлается открыто?

— Какъ многоженство и наложницы издревле укоренились въ Персіи, такъ точно и заимствованный отъ грековъ обычай получилъ здѣсь право гражданства еще со временъ Геродота. Чего-жъ стѣсняться?..

Въ это время вошелъ, все еще погруженный въ тревожную думу, нашъ чалмоносный спутникъ и, по приглашенію, опустился на полъ...

— «Хозяинъ», «хозяинъ», скоро ли прибудетъ къ намъ русскій караванъ?

— Уже часть прибыла ваше высочество.

— Мнѣ говорили, что товаровъ 300 мѣстъ.

— Около того..

— Уже успѣли преувеличить! замѣтилъ я товарищу.

— Въ вашу же пользу; но здѣшнему — такой караванъ считается богатѣйшимъ...

— «Хозяинъ», «хозяинъ», — ты покажешь намъ товары?

— За счастье почту, ваше высочество.

— Интересно посмотрѣть.... Часы, посуда есть? оживлялся принцъ.

— Нѣтъ ли ружей? поинтересовался сертинъ.

— Часы и посуда есть, а ружья и револьверы — только для себя...

— Впрочемъ, добавилъ я, вручая губернатору карманный револьверъ, — вотъ эту игрушку могу продать.

Тщательно осмотрѣвъ револьверъ, онъ передалъ его сертину; затѣмъ я показалъ, какъ нужно заряжать, стрѣлять и разбирать его на части, что очень заинтересовало ихъ.

— Сколько стоитъ?

— Въ Петербургѣ — 15 руб.

— А пули?

— Сотни три рубля.

— Пули такъ дороги, что ими можно любоваться, а не стрѣлять, проговаривалъ сертинъ; да и револьверъ негодится для насъ: испортится, посылай его чинить въ Европу?!.. Двухствольные пистолеты купимъ: это намъ сподручнѣй....

— Только ты, «хозяинъ», не учи его (губернаторъ указалъ на меня) продавать товары такъ дорого, какъ самъ продаешь.

— Въ интересахъ торговли я продаю за столько, за сколько слѣдуетъ, потупивъ взоръ, отвѣчалъ тотъ.

— Въ Европѣ, — обратился его высочество къ сертину, — на каждой вещицѣ наклеенъ ярлычекъ съ цѣною... Тамъ есть въ Пруссіи Брункъ; у него — двѣнадцать тысячъ рабочихъ дѣлаютъ пушки! Хотѣшь купить пушку, — заплати цѣну по ярлычку, а нѣтъ, — уходи...

— Откуда онъ почерпнулъ столь обстоятельныя свѣдѣнія? не изъ шахскаго ли путешествія?

— Его отецъ бывалъ въ Европѣ и кое-что рассказывалъ ему, по у сына — все перепуталось въ головѣ: вѣнская выставка сбилась на крупновскій заводъ и т. д.

— Я самъ собирался путешествовать по Европѣ, продолжалъ его высочество, и даже начиналъ учиться по французски...

— Но ему не повезло: всего два—три слова зазубрилъ, добавилъ отъ себя «хозяинъ» въ качествѣ переводчика.

— Вы говорите по французски,—обратился онъ ко мнѣ.

— Говорю.

— Et moi, mais... mais.... très...

— Mauvais,—докончилъ я.

— Très mauvais, très mauvais... обрадовался его высочество и даже изволилъ слегка заерзать по полу, между тѣмъ какъ присутствующіе видимо проникались благоговѣйнымъ удивленіемъ къ столь обширнымъ знаніямъ его...

— Передайте ему, обратился я къ «хозяину» съ намѣреніемъ свернуть разговоръ на торговлю, что Персія правится мнѣ; на нее смотрю какъ на друга, и только здѣшняя жара — врагъ мой.

Его высочество промолчалъ.

— Комплиментъ не по вкусу, что-ли?

— Не отвѣтилъ, потому что вы говорили о Персіи, а не объ немъ..

— Ну?

— А его высочество любитъ только себя, на Персію же ему наплевать...

Однако, мало по малу, бесѣда о важномъ торговомъ значеніи Шах-руда (какъ складочнаго мѣста товаровъ для Хорассана, Езда и даже Тегерана) приняла для него такой заманчивый оборотъ, что онъ не только обѣщалъ прислать мнѣ опытныхъ людей для указанія мѣсто-нахожденій рудъ и пр., но даже оказать русскимъ предпринимателямъ, если бы таковые нашлись, свое горлчее содѣйствіе въ рациональномъ эксплуатированіи природныхъ богатствъ его губерніи.

— О разрѣшеніи вамъ строить фабрики, заводы, и пр.—болѣе и болѣе оживлялся его высочество — я буду ходатайствовать передъ своимъ правительствомъ уже потому, что это составляетъ благосостояніе края.

— Лицемѣрить, замѣтилъ мнѣ «хозяинъ». Онъ разсчитываетъ запустить лапу въ русскій карманъ, разсчитываетъ на хорошую долю въ вашихъ барышахъ, а о благосостояніи края, *предоставленнаго* его

апетиту, думаетъ столько же, сколько о таломъ свѣгѣ, и *охотно продастъ свой Иранъ за тридцать сребрениковъ...*

— «Хозяинъ», я пойду посмотрѣть твои дрожки, а ты—будь хозяиномъ,—угощай гостя. Его высочество указалъ на меня и, тяжело поднявшись, вышелъ черезъ прихожую въ садъ; за нимъ сертипъ и вице-губернаторъ.

Изъ гостиной видно ихъ шествіе по аллеѣ: трое слугъ—впередѣ, потомъ церемоніймейстеръ, то предшествовавшій принцу съ палочкой, то благоговѣнно поддерживавшій его подъ руку; за ними переваливался сертипъ, далѣе—вице-губернаторъ, а въ хвостѣ плелась толпа разнокалиберной челяди.

Домашній учитель и секретарь остались съ нами. Назиръ подаль всѣмъ по стакану ароматическаго, до приторности пѣзнаго, чаю, предварительно справившись у меня: «въ чашкѣ или стаканѣ желаю я?»

Тѣмъ временемъ «хозяинъ» обрисовалъ мнѣ фабрикацію персидскихъ губернаторовъ. Эти мѣста, говорилъ онъ, даются, обыкновенно, членамъ царствующей династіи или лицамъ, поднесшимъ Шаху и его министрамъ подарки, доходящіе иногда до десятковъ тысячъ томановъ;*), таковыя же *нижешим* они обязаны подносить имъ и къ новому году рискуя, въ противномъ случаѣ, лишиться не только губернаторства, но даже собственнаго своего имуществва. Конечно, губернаторы, въ свою очередь, рассчитывая на полную безнаказанность, грабятъ народъ.

— И давно его высочество занимается этимъ?

— Двадцать второй годъ, т. е. съ 14-ти лѣтъ...

— Ну, гдѣ-жъ въ такіа лѣта?

— Сперва управляя подъ ферулою опытнаго дѣльца *вакилл***).

— А теперь?

— Тоже, по привычкѣ къ опекаѣ, находится подъ вліяніемъ приближенныхъ лицъ, которыя и мнѣ изрядно насолили.

— Чѣмъ?

— Въ началѣ его высочество *былъ на короткой ношѣ* со мною, затѣмъ—по совѣту ихъ—отстранился...

На этомъ словѣ въ гостиную вломился широко улыбавшійся негръ-экономъ и, жестикулируя, фамиллярно затараторилъ разомъ со всѣми...

*) Томанъ—3 руб.

**) Вакиллъ, т. е. помощникъ по гражданскимъ дѣламъ при каждомъ губернаторѣ изъ царствующей династіи.

— Общій другъ,—славная душа! прояснился «хозяинъ».

Въ двери заглянулъ было еще мулатъ, но вотъ на аллеѣ показался губернаторъ, и цвѣтная порода исчезла; при входѣ его въ гостиную мнѣ указали знаками встать и надѣть шляпу.

— «Хозяинъ», проговорилъ онъ, опустившись на полъ и приглашая насъ движеніемъ руки садиться, твои *дрожки* (дрожки — произнесъ по русски) хороши, но ты уступишь ихъ мнѣ за 200 томановъ.

— Меньше 360 т. не возьму, иначе понесу большой убытокъ.

— Уступи, — жалѣть не будешь....

— Вспомните, ваше высочество; когда я для васъ выписалъ дрожки, обошедшіяся мнѣ 250 том., вы также изволили говорить: «уступи ихъ мнѣ за 130 том., *я дамъ тебѣ возможность получить 500 том.*» (онъ могъ бы доставить мнѣ выгодные подряды, — пояснилъ мнѣ «хозяинъ»); тогда я не возражалъ, но обѣщанныхъ 500 т. до сихъ поръ еще не видалъ.

Тщетно настаивалъ его высочество; наконецъ, озаренный темною мыслью, круто повернулъ разговоръ. «Хозяинъ», ты пріѣдешь завтра въ губернаторское присутствіе; будетъ разбираться дѣло между персидскимъ купцомъ и гебромъ.

— Въ присутствіе я не пріѣду, потому что лично къ нему не имѣю никакого дѣла, но если вашему высочеству благоугодно будетъ, — пріѣду къ вамъ въ Бастамъ, какъ гость или по нашимъ личнымъ дѣламъ.

— Вотъ какіе отвѣты даетъ?.... Это онъ у персовъ научился отвѣчать, насильственно улыбулся его высочество, обращаясь къ полюбострастно ухмылявшемуся сертицу.

— Не хочешь пріѣхать въ присутствіе, такъ пришли подарокъ, продолжалъ онъ напирать на «хозяина». Тотъ, смиренно склонивъ голову и прижавъ руку къ сердцу, прошепталъ:—Его высочество любитъ подарки, но въ этой тяжбѣ я не при чемъ: желаетъ только моего мнѣнія, за что-же тутъ дарить?

— И какъ онъ не стыдится при всѣхъ кляпчить? замѣтилъ я, раскуривая свою носогрѣйку фитилемъ дорожной свичечницы, возбудившей общее любопытство.

— Стыдъ давно потерялъ... Намедни, ужъ просилъ - просилъ онъ у меня и армянъ въ займы денегъ, — отказали подъ благовиднымъ предлогомъ, а тутъ же подъ окномъ, стоятъ его десять чиновниковъ и — слушаютъ.

«Хозяинъ» почтительно предложилъ его высочеству и сертипу по кофѣчной сигарѣ.

— Когда же ты вернешь мои 50 сигаръ, которыя я послалъ тебѣ? спросилъ его первый.

— Уже выписалъ ихъ для вашего высочества, но еще не получилъ изъ Баку.

— А другой, *важный долгъ*?

— Тотъ могу доставить на дняхъ....

— Что это за счеты у васъ? поинтересовался я.

— Весь разговоръ его *пропитанъ намеками на взятку* съ меня и также съ васъ; положимъ, сигары я ему подарю, но *важный долгъ*, т. е. водку и вино (доставляемое мною всѣмъ здѣшнимъ властямъ) поставлю въ счетъ, иначе—убыточно; вѣдь эта ханжа, наружно выплещающая всѣ обычаи, *страшно заливается въ одиночку по ночамъ*!.. Не таковъ былъ его предшественникъ, Джоонсузъ-Мирза. Эта добрая, открытая натура напоминала мнѣ русскихъ генераловъ старыхъ временъ: широко онъ жилъ, на европейскую ногу, любилъ самъ выпить и угостить,—взятокъ не бралъ...

— А вице-губернаторъ?

— Человѣкъ неглупый и скромный.

— Пьетъ?

— Въ мѣсяцъ вытягиваетъ не болѣе четырехъ бутылокъ — и то исключительно, водки...

— *Беде чан* (дай чаю), пробурчалъ его высочество, запятый разговоромъ съ сертипомъ.

Преклонивъ колѣно, назиръ подаль ему стаканъ, затѣмъ, приподнявшись, поднесъ другой сертипу, намъ же — пи-пи, ибо его высочество желалъ показать передъ присутствующими, ¹ что *общенія съ кябурами не имѣетъ*, а было бы кетати, ибо отъ грязи его у меня расшевелилась желчь, а отъ духоты и жары въ гостинной, не смотря на приподнятыя съ двухъ противоположныхъ сторонъ ея деревянныя стѣны,—дѣлалось дурно.

— Выпейте воды со льдомъ, посоветывалъ товарищъ, и мнѣ принесли на тарелочкѣ мисочку, изъ которой я и напился. Стало легче...

— *Баче, беде муре*, *) проговорилъ его высочество послѣ чаю.

*) *Малычикъ* или *Эй малычикъ, дай камушекъ*. *Муре* буквально значить камушекъ, но въ этомъ случаѣ требованіе относилось къ *малютенному камушку изъ глины*

Назиръ положилъ передъ нимъ на полъ маленький камушекъ; тотъ всталъ и, поправивъ его, началъ въ полголоса молиться съ колѣнопреклоненіемъ, прикладывая лобъ къ нему. Присутствующіе же, вѣроятно, справившіе вечерній намазъ дома, оставались по прежнему въ безмолвномъ бездѣйствіи на своихъ мѣстахъ.

— А мы что будемъ дѣлать? спросилъ я у «хозяина».

— Разговаривать.

— Съ кѣмъ?

— По старшинству приходится съ сертиномъ.

— Да онъ погруженъ.

— Расшевели. У него есть конекъ, — Систанъ, куда онъ водилъ нынѣшнюю весною свой полкъ *усмирять* населеніе, продержавшее своего губернатора *за невыносимый метъ* въ осадѣ около шести мѣсяцевъ. Это было чистое нашествіе прожорливой саранчи, и вотъ, цѣлая персидская область опустошена изъ-заодного.... мерзавца!

— Такъ выражается самъ сертинъ?

— О, нѣтъ!... Я знакомъ со многими участниками этого погрома; у меня даже останавливался, на пути туда, персидскій полный генераль, эльзасецъ *Буллеръ*, тотъ самый, который руководилъ послѣднею осадю Герата персидскими войсками. Онъ былъ французскимъ инженеръ-капитаномъ и донныѣ остался французскимъ патріотомъ, проклипающимъ, при удобномъ случаѣ, всемірныхъ пройдохъ — нѣмцевъ...

Ваше превосходительство, отнесся «хозяинъ» къ сертину, — вотъ, повѣствую о лаврахъ, увѣнчавшихъ вашъ полкъ въ мятежномъ Систанѣ.

— Да-аа! Мы усмирили и пожили тамъ на славу, оживился тотъ.

— Говорятъ, благодатная сторона? Ночи чудныя, финики, лимоны, апельсины...

— А пшеница и ячмень въ такомъ изобиліи и такъ дешева, что осажденные, выѣстъ съ губернаторомъ, *топили ими хлѣбныя печи*...

священникъ для шінтовъ городовъ: *Кербела* и *Неджефа*. Каждый благочестивый человекъ зачасается такимъ *Муре*, круглой или многогранной формы, съ вытѣпненными на немъ именами: Бога, Али, Хасана и Хусейна, и передъ молитвою — кладесть на маленький *молитвенный коврижъ* (Седжаде) въ томъ мѣстѣ, гдѣ при земныхъ поклонахъ приходится лобъ его. Въ дорогъ нерѣдко терется муре, и въ такомъ случаѣ, — замѣняется деревяннымъ гребнемъ или кусочкомъ дерева, по лобъ не долженъ непосредственно касаться земли.

Долго бесѣдовали, но ни тотъ, ни другой особенныхъ новостей объ Систанѣ не сообщили, а сторонака дѣйствительно не безъинтересная.

По мѣстному преданію, во время оно Систанъ или Сеистанъ былъ покрытъ водою, но боги земли вытащили его на поверхность, и вотъ образовалось родина Иранскаго богатыря Рустема, героическіе подвиги котораго (во времена, предшествовавшія Дарію Гистаспу) воспѣты новоперсидскимъ поэтомъ Фирдуси.

Что было за тѣмъ — не знаю, но Тимуръ, разорившій столицу Систана, вывезъ оттуда много богатствъ, и даже мой новый пріятель, сертипъ остался очень доволенъ этимъ краемъ, охватывающимъ плодородную дельту рѣки Гильмендъ и окрестности озера Хамунъ, состоящія изъ пересѣченныхъ низкими холмами долинъ, на двѣ трети покрытыхъ, преимущественно, сыпучими песками, и на одну — твердымъ песчанымъ грунтомъ съ глистою глиной отъ разливовъ рѣки, берега которой сплошь заросли тамарискомъ и камышемъ.

Безплодные окрестности столицы Систана, *Секухе*, окруженной развалинами, бездорожны и почти недоступны, такъ онѣ изрыты рывами, а населеніе его: систанцы, персидскіе переселенцы и белуджи — кочевники — крайне невѣжественны, но храбры и привязаны къ своей землѣ, хотя *десять мѣсяцевъ* въ году положительно страдаютъ отъ невыносимаго зноя, тучами роищихся надъ болотистыми мѣстами мошекъ, изобилія блохъ и большихъ мухъ, укушеніе которыхъ производитъ такую же боль, какъ осы. Питаясь сочащеюся изъ тамариска сахаристою жидкостью, эти ядовитыя мухи размножаются по всему низовью Гильменда въ неимовѣрномъ количествѣ, мучатъ людей и скотъ, въ особенности лошадей, которыми, по этой причинѣ, обзаводятся здѣсь только богачи. Укушеніе мухи въ брюхо лошади считается очень опаснымъ, въ предупрежденіе чего ихъ выводятъ на воздухъ только зимою, а въ остальное время года, начиная съ апрѣля, держать закутанными съ головы до ногъ въ совершенно темныхъ конюшняхъ, и почти не выѣзжаютъ на нихъ. Помимо того, здѣсь, *и только здѣсь*, свирѣпствуетъ на лошадей эпидемія «красный пометъ», противъ которой у систанцевъ нѣтъ средствъ!

Прочій домашній скотъ: ослы, козлы и коровы — болѣе выносливы. Здѣшнія коровы даютъ мало молока, но, благодаря имъ, туземцы усильно охотятся за утками и прочею пернатою дичью въ камышахъ: привыкши къ виду коровъ, она беззаботно летаетъ вблизи, между

тѣмъ какъ охотники стрѣляютъ да пострѣливаютъ себѣ въ нее изъ-за спинъ ихъ...

Часть населенія занимается земледѣлемъ, противъ мѣстнаго врага котораго, дикой свиньи, — охотятся сильными, рослыми, хорошо выдрессированными собаками, и хотя систанцы—ревностные шіиты, однако, не считая за грѣхъ прикасаться къ этой дичи, распластываютъ ее и мясомъ ея кормятъ собакъ.

Пшеница, гречиха и ячмень въ изобиліи, далеко превосходящемъ потребность края; за тѣмъ—немного риса, большихъ и вкусныхъ дынь, хлопчатникъ съ огромнымъ плодомъ, дурной табакъ, чахлая граната, тутовое деревцо и—по увѣренію моихъ собесѣдниковъ—кое-гдѣ финики, лимоны и апельсины.

Остальное населеніе занимается исключительно скотоводствомъ.

Денегъ здѣсь почти не встрѣтите; единицею цѣнности товаровъ, при куплѣ и продажѣ, служатъ полотно, пшеница и гречиха.

Вообще же Систанъ далеко еще не изслѣдованъ, что объясняется недоступностью его для европейцевъ; покрайней мѣрѣ, многіе изъ немногихъ туристовъ, проникавшихъ туда, покончили за свою отвагу жизнью.

Такъ, англійскій путешественникъ докторъ Форбесъ, прибывъ въ іюнь 1841 г. въ *Чилингъ*, резиденцію систанскаго губернатора Мухамедъ-Риза-хана, открыто велъ свои дорожныя замѣтки и, хотя въ немъ уже заподозрили англійскаго агента, отсюда благополучно выѣхалъ дальше, въ крѣпостцу *Джехан-абадъ*, принадлежавшую дикому белуджу Ибрахимъ-хану. Тотъ принялъ его радушно и когда гость пожелалъ вернуться въ Лашъ, обѣщалъ проводить его до границъ своей земли, рѣшивъ убить ненавистнаго «англійскаго шпиона»—такъ думалъ объ немъ онъ. Поѣхали. Прибывъ къ одному броду р. Гильменда, Ибрагимъ приказалъ слугамъ связать маленькій тростниковый паромъ и посадить на него доктора, предварительно отобравъ отъ него вещи; не успѣлъ тотъ отъѣхать нѣсколько саженьей отъ берега, какъ вѣроломный белуджъ пустилъ вѣдѣ за нимъ нѣсколько выстрѣловъ, и когда израненный докторъ, дотащившись кое-какъ до берега, сталъ просить пощады, съ бранью и проклятіями покопчилъ съ нимъ саблею, и трупъ бросилъ въ воду...

Таковая же участь постигла Эдварда Конолли, отправившагося въ Систанъ съ молодымъ англійскимъ топографомъ Камерономъ; перваго

убили авганы, послѣдній погибъ въ Хейберскомъ ущеліи тоже отъ рукъ убійць.

Затѣмъ этотъ край посѣтили безъ особенныхъ приключеній: нѣкто Кристи, англійскій майоръ Мердоуъ Смиттъ, отважный французъ Феррье и, извѣстный уже читателю, докторъ Белью, а въ сѣверныхъ предѣлахъ его побывали наши топографы Жариповъ и Петровъ...

Его высочество еще молился какъ вошелъ пажъ съ кальяномъ (которые всякій разъ жѣнялись, что выражало шикъ, блескъ). Тотъ, прервавъ молитву и опустившись на полъ, затянулся имъ два-три раза, разговаривая съ сертипомъ, а затѣмъ, приподнявшись, продолжалъ намазъ.

Покончивъ съ религіозною обязанностью, точно съ головоломнымъ дѣломъ государственной важности, Его Высочество, самодовольно окинулъ взоромъ присутствующихъ, лица которыхъ выражали почтительное одобреніе... Но мнѣ не сидѣлось здѣсь, и «хозяинъ» заявилъ ему, что я принужденъ оставить гостепріимный кровъ «съ сердечнымъ сокрушеніемъ». Приказавъ немедленно запрягать для насъ «дрожки» онъ *изволилъ возобновить прозрачные намеки*...

Прошло добрыхъ полъ часа, пока наконецъ-то доложили, что лошади готовы. Не спывая шляпы, я простился по военному.

— Adieu, закивалъ Его Высочество не вставая, съ улыбкою радужныхъ надеждъ.

— О ревуаръ, — поправилъ я.

— *Оревуръ, оревуръ!* повторялъ тотъ съ ребяческимъ восторгомъ...

Когда мы проходили мимо тѣснившейся вѣзу челяди, «хозяина» окликнулъ хазнадаръ.

— А у меня, въ ожиданіи васъ, цѣлый часъ кипѣлъ самоваръ, — упрекнулъ онъ его; я разсчитывалъ, что вы заѣдете сперва ко мнѣ, а я доложу объ васъ принцу...

— Что это за люди съ такимъ унылымъ видомъ? перебилъ я съ-тованія эксъ-пажа, указавъ на особнякомъ стоящую группу райетовъ съ понишими головами.

— Старшины тѣхъ самыхъ деревень, подати съ которыхъ (о чемъ уже разсказывалъ наибъ) попали въ туркменскіе каршаны. Это фактъ, но губернаторъ съ угрозою требуетъ отъ нихъ или вторично внести подати, — *а у тѣхъ ни копѣйки!* или квитанцій, *которые имъ и не выдавали сборщики податей!* (что въ неволѣ теперь у туркменъ)...

Выйдя изъ сада, мы нашли коляску окруженную толпой любопытныхъ, а лошадей и не видно; такова ужъ персидская аккуратность!

Торопимъ закладывать, между тѣмъ арендаторъ, *вынужденный* подарить своего скакуна кому-то изъ «сарацинъ», просится сѣсть съ нами, что было бы — по тѣснотѣ мѣста — неудобно, и мы сообща рѣшили вопросъ такъ: штальмейстеръ будетъ править лошадьми, *сидя верхомъ на упряжной*, арендаторъ обязанъ наблюдать съ *козла* за неисправною гайкой, ветхій «волонтеръ» отправится впередъ предупредить Хюсейна приготовить для насъ ужинъ, а «европеецъ» домогавшійся сопроводить насъ въ качествѣ нукера, — пусть себѣ гарцуетъ на клячѣ..

Пока запрягали и сѣдлали упряжную — прошло еще полчаса, — настали сумерки (рѣзко смѣнившій день въ четверть осьмого ч.), и мы увидали обычную церемонію возвращенія его высочества съ лѣтней резиденціи въ зимнюю, что въ цитадели: шествіе открывалось слугами, изъ коихъ одинъ несъ гигантскій фонарь, за ними — чиновный міръ и тоже челядь, а сзади плелся самъ его высочество съ неизмѣнною тросточкой; поравнявшись съ нами, онъ обернулся и отдалъ намъ честь по военному (подъ козырекъ).

Идемъ. Славная ночь съ полною луной, нѣжною прохладою и тишью. Но несносная гайка, поминутно соскакивая, отравляла эту прелесть; раза два приходилось отыскивать ее по цѣлому часу...

Наконецъ, дотащились до картиннаго бивака богомольцевъ, освѣщенныхъ серебристою луною и кое-гдѣ фонарями на деревьяхъ.

У городскихъ вородъ поджидали насъ высланные полицмейстеромъ люди съ фонарями. Мы слѣзли; штальмейстеръ, оставивъ коляску на ихъ рукахъ, удралъ на губернаторскихъ лошадяхъ обратно въ Бастамъ..

Городъ уже спалъ.

На базарѣ обогналъ насъ скороходъ (дважды прошагавшій сегодня семиверстное разстояніе изъ резиденціи сюда).

— Вѣрно посланъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ, замѣтилъ мой товарищъ.

— Давеча онъ былъ въ роли полицейскаго, теперь — разсылнаго..

— А прямая обязанность его — открывать церемоніи, собственно для которыхъ «средоточіе міра» *) и разрѣшилъ его высочеству, какъ близкому своему родственнику, держать двухъ — трехъ скороходовъ.

*) Одинъ изъ титуловъ Шаха, вышедшій, вероятно, изъ мифическаго сказанія объ Иранѣ, какъ страсть, откуда распространился человѣческій родъ.

Въ подобныхъ случаяхъ этотъ самый замарашка наряжается въ красную шапочку съ расширеннымъ, на подобіе пѣтушьяго гребешка, верхомъ, въ бѣлые чулки по колѣни и красный, коротенькій сардари, опоясываемый ремнемъ, за которымъ торчитъ кинжалъ—единственное оружіе изъ прежняго вооруженія скороходовъ, уничтоженнаго послѣ покушенія шахскихъ скороходовъ (лѣтъ 20—25 тому назадъ) на жизнь своего повелителя.

У Шаха—40 скороходовъ, и они сопровождаютъ его повсюду: на охоту, въ поѣздкахъ и пр. въ такомъ порядкѣ: двадцать человѣкъ ѣдутъ верхами впереди, остальные—слѣдуютъ за нимъ пѣшкомъ, чередуясь съ первыми, если поѣздки отдаленныя, при которыхъ шахскій кортежъ проходитъ въ сутки, обыкновенно, по шести фарсанговъ.

XI.

Козни.

Наше свиданіе съ его высочествомъ не осталось безъ должныхъ послѣдствій. Отъ прѣстуды—все тѣло горитъ у меня, это разъ; затѣмъ, когда за утреннимъ часомъ «хозяинъ» принималъ отъ какого-то обывателя *съ нижнихъ* серпу (только-что убитую въ окрестныхъ горахъ),—мнѣ понадобился, для торговыхъ справокъ, маклеръ, но посланный за нимъ отвѣчалъ:

Ему запрещено показываться съ вашимъ караванъ-сарая.

— Что это значитъ? отнесся взволнованный «хозяинъ» къ арендатору, умышленно простившись съ гостемъ.

— *Губернаторскіе чиновники порѣшили отнять у тебя маклера.*

— Съ вѣдома самого губернатора?

— Объ этомъ пока на базарѣ не слышно.... Говорятъ только, что ночью прибѣжалъ къ маклеру скороходъ...

— Ну?

— И объявилъ ему отъ имени церемоніймейстера (феррашъ-баши

— Не могу писать: туманится мысль...

— Да и руки трелеутся у тебя.

— Ты послалъ бы утромъ за своимъ пріятелемъ, Мирзою Махмудомъ (уже извѣстнымъ читателю секретаремъ начальника отряда, конвоирующаго богомольцевъ), онъ напишетъ.

— Вотъ бы попробовать «сундукъ правосудія!» замѣтилъ я.— Шахскій фирманъ при немъ торжественно обѣщаетъ защиту *несчастнымъ*...

— Въ странѣ абсолютнаго произвола!? ха-ха-ха! Желчно перебилъ меня товарищъ.—Развѣ чиновники, эти легальные злодѣи, бездушные крушители народныхъ силъ не съумѣютъ извернуться и тысячу разъ обойти его, оставаясь передъ «средоточіемъ» *) своимъ—*несчастными*!?

— Въ такомъ случаѣ, открыто примемъ маклера подъ свою защиту...

— И тотъ же феррашъ-баши, такъ или иначе возьметъ его за поясъ и будетъ грызть несчастнаго легальнѣйшимъ образомъ, пока не получитъ требуемаго!..

— Но чтожъ дѣлать?

— Однимъ—дарить, другимъ—пообѣщать, третьихъ—просить, четвертымъ—пригрозить...

Маклеръ скрылся успокоеннымъ...

На утро пришелъ сумрачный мирза Махмудъ. Долго диктовалъ ему «хозяинъ» письма, — путалъ, потѣлъ; тотъ сбивался, перемарывалъ, наконецъ сострипалъ два коротенькихъ посланія: одно, дружеское — на имя вице-губернатора, другое — феррашъ-баши, такого содержания: «Сегодня я посылалъ за маклеромъ по своимъ торговымъ дѣламъ, но онъ, нарушая служебныя обязательства ко мнѣ, — не пришелъ; посылаю вторично, ибо мои торговые интересы требовали непремѣннаго свиданія съ нимъ, — явился и объявилъ (дальше слѣдовало распоряженіе въ формѣ, переданной намъ арендаторомъ)... Если насъ будутъ стѣснять въ выборѣ нужныхъ намъ людей, тогда торговля немислима.. Увѣдомьте, по чьему приказанію вы дѣйствовали?»

— Хоть плохо написалъ мирза, — замѣтилъ «хозяинъ», отправляя

*) «Средоточіе міра» одинъ изъ титуловъ Шаха.

письма по принадлежности, но этикетъ требуетъ угостить его (по мимо платы) кофеемъ.

— Затѣмъ—кальяномъ?

— Безъ котораго онъ не тронется съ мѣста, а хозяинъ дома—не можетъ отпустить гостя, если не желаетъ *оскорбить его*.

Какъ утопченно вѣжливы эти безпощадные разбойники?!

По уходѣ мирзы, явился серебрянныхъ дѣлъ мастеръ съ древними монетами и *укорали*:—«Хозяинъ», зачѣмъ ты торгуешься для него?—говорилъ онъ, указывая на меня.—Ты отбиваешь хлѣбъ у насъ!.. Твой маклеръ тоже, покупая у насъ дешево, что продаетъ ему дорого—не даетъ наживаться намъ... На базарѣ—въ одинъ голосъ твердятъ: «его слѣдуетъ удалить отъ васъ!»

— Жаль маклера—обратился ко мнѣ товарищъ,—выходи вслѣдъ за серебрянникомъ на базаръ съ намѣреніемъ докопаться до пружинокъ этой интриги.—Правда, на языкъ—онъ не воздерженъ, по подлости не сдѣлаетъ противъ меня уже потому, что страшная его тайна (онъ «баби») — въ моихъ рукахъ; при томъ же, въ душѣ—онъ презираетъ мусульманъ...

«Хозяинъ» вернулся домой поздно и не въ духѣ:—Кажется, сказалъ онъ, изъ-за синыи феррантъ-баши дѣйствуетъ самъ Его Высочество. По крайній мѣрѣ предавшие мнѣ люди говорили, что *охотники во что бы то ни стало* втереться въ русскую торговлю (въ близкое осуществленіе которой они увѣрены) настроили его удалить отъ насъ этого, для нихъ *ореднаго*, человека.

Приходъ «европейца» прервалъ наши догадки.

— Много ли выгрузилъ? Поинтересовался я по уходѣ его.

— Вдоволь всякой всячины... Увѣряетъ, что *мина подведена* челядью, напентавшей губернатору, будто-бы маклеръ взялъ съ еврея томанъ, съ обязательствомъ защищать его въ вѣ тяжбѣ съ персомъ, и *надулъ, следовательно*, пользуясь моимъ довѣріемъ, онъ *можетъ надуть и меня*, а потому нужно удалить его. Но это вздоръ; денегъ онъ не бралъ, а если и намѣревался высказаться за еврея, то по дружимъ, только мнѣ извѣстнымъ, мотивамъ.

— Какимъ?

— *Бабисты* по возможности поддерживаютъ другъ друга, не смотря на національности..

— Однако, какъ ребячески изворачиваются *предержашіе*, маскируя свою гнусную цѣль оборвать еще не на родившуюся торговлю русскихъ!

— Хотѣли испытать насъ, но уже показываютъ тылъ: «европеецъ», при прощаніи, торжественно заявилъ: «завтра же привезть *приказъ отъ губернатора въ противномъ смыслѣ*», т. е. разрѣшеніе маклеру сноситься съ нами по старому..

— «Хозяинъ», «хозяинъ!» высунулся изъ дверей Хюсейнъ.

— Ну?

— Пославецъ изъ Бастама...

— Не отвѣтъ ли на утреннее посланіе? освѣдомился я по возвращеніи его.

— Да. Феррашъ-баши велѣлъ передать такъ: «Вмѣсто маклера—мы дадимъ «хозяину» пять хорошихъ людей». При чемъ пославецъ добавилъ: «Письмо «хозяина» онъ показывалъ губернатору, а не отвѣчаетъ на него письменно потому, что находитъ удобнѣе переговорить объ этомъ дѣлѣ лично».

На слѣдующій день, интрига нѣсколько выяснилась, благодаря дипломатической безтактности «европейца», *уполномоченнаго* тронуть сердца *неверныхъ*. «Хозяинъ», говорилъ онъ, прикативъ къ намъ прямо изъ Бастама, разсуди самъ: маклеръ ѣстъ и пьетъ у васъ по цѣлымъ днямъ, а потомъ, сообщался съ правовѣрными, поганить ихъ; наконецъ, подъ вліяніемъ его, ты продаешь товары дорого,—какъ же тутъ не вмѣшаться властямъ, тѣмъ болѣе, что *ты упорствуешь усугубить губернатору фазтонъ за 200 томановъ?*!

— Каковы моралисты?—улыбнулся тотъ, наливъ ему на прощанье стаканъ отвратительной кипмишевки...

— Какіе дураки люди! началъ вошедшій по исчезновеніи «европейца» полицейстеръ. Вчера мы подарили армяне бутылку водки съ бальзамомъ, — я положилъ ее въ карманъ; дорогою пробка выскочила водка обмочила письменныя принадлежности и я высушилъ ихъ, а сегодня мой мирза пишетъ и спрашиваетъ: что это у тебя бумага пахнетъ мускусомъ? Вотъ дуракъ, до сихъ поръ не знаетъ запаха водки!..

— Расскажи-ка лучше, за что гнѣваются на насъ? сказалъ «хозяинъ», поднося ему *стаканъ спирту*.

Тотъ выпилъ и, слегка поморщившись, досталъ изъ кармана сперва кукурузу—свою обычную закуску, затѣмъ подаль ему письмо отъ фер-

рашъ-баши, гласившее что: «дѣло маклера *такъ сложно*, что онъ не замедлитъ лично повидаться съ «хозяиномъ».

— Это я, уже слышалъ по что скажешь ты?

— Неужели «хозяинъ» будетъ свориться съ губернаторомъ изъ-за маклера?

— Если вынудятъ.... Продолжай.

— *Я ничего не знаю...* Къ тебѣ идетъ мой маленькій сыпъ, Кербелани-Исмаиль (бывшій со мною на богомольи въ Кербела).

Въ комнату вошелъ смуглолицый, полненькій мальчуганъ лѣтъ осьми съ веселыми глазками и, облокотившись на отцовскія колѣни, молча улыбнулся намъ, между тѣмъ какъ тотъ успѣлъ втихомолку выпить еще стаканъ вина.

— Теперь отъ него недобьешься толку, замѣтилъ мой товарищъ.

— «Хозяинъ», *Александръ Ни-ко-о-личъ, эт-та, — ескендеръ падишахъ?*—Заговорилъ онъ по русски, еле шевеля языкомъ.

— Что онъ тамъ молеть? поинтересовался я съ постели.

— Увѣрять, что *Николаевичъ — Императорскій титулъ*, и, вѣдь, не разубѣдишь его...

Съ тѣмъ и ушелъ дарога восволси, сильно пошатываясь...

Прошелъ еще день. Губернская саранча, прикатавшая къ Шахрудъ подѣл предлогомъ покупки хины для губернатора пронохатъ о имѣющихъ прибыть сюда русскихъ товарахъ и о положеніи маклерскаго дѣла, — нахлынула въ гости къ почтенному Хаджи-Касыму.

«Хозяинъ» отправился объясняться съ нею.

— Выговаривать церемоніймейстеру при гостяхъ—было бы неудобно сказалъ онъ, вернувшись къ обѣду домой.

— И вы?

— Отозвалъ хазнадара въ сторону и пугнулъ же его: «Это — нарушение трактата, это — государственное дѣло, могущее повредить его высочеству! Развѣ, продолжалъ я, великія сосѣднія державы, Россія и Персія, не связаны между собою узами *сердечной* дружбы? Развѣ у насъ чума, что на первомъ же шагѣ его (т. е. моего) пріѣзда устраивается такая пакость?!..

— А онъ?

— Смирренно отвѣчалъ: «нужно уладить дѣло».—Судя по разговору

церемоніймейстеръ, вѣроятно, не замедлитъ явиться къ намъ съ извиненіемъ.

Дѣйствительно, подѣ вечеръ, когда у меня сидѣлъ маклеръ, на дворикѣ показалась саранча; попросивъ «хозяина» принять ее у себя, я приперъ дверь своей компаты на крючокъ и не вышелъ къ ней, желая тѣмъ выразить неудовольствіе за преслѣдовапія маклера, который, въ минуту появленія враговъ, сильно струсилъ, затѣмъ, оправившись, примастился на корточкахъ къ дверямъ и чутко насторожилъ свои уши...

Спустя часъ, послышалось шлепанье туфель, и «хозяинъ» постучалъ ко мнѣ въ дверь.

— Отстоялъ! похлопалъ онъ по плечу маклера, растерянный видъ котораго мгновенно преобразился въ празднично-самопадѣльный.

— Кто это все время ораторствовалъ у васъ?

— Хазнадаръ. Прочіе вкушали сладость рѣчей его. «Мы могли бы— говорили сей ораторъ — бить маклера палками (ибо знаетъ, что онъ тайкомъ посѣщаетъ васъ), но, изъ уваженія къ вамъ, не хотимъ стѣснять его: пусть себѣ ходитъ по прежнему». Далѣе ораторъ обратилъ мое вниманіе на *сущность дѣла*: «Одинъ *хорошій* человекъ, сказалъ онъ, обѣщавъ заплатить намъ тридцать томановъ, если мы поможемъ его къ вамъ маклеромъ; таковыя же обязательства долженъ бы припять на себя и оставшіеся при васъ старый маклеръ». — Дѣло въ томъ, пояснилъ «хозяинъ», что саранча купила у одного мирзы лошадь для его высочества за 30 томановъ, *вмѣсто которыхъ и предложила ему маклерство при насъ*. Вся же исторія, разыгралась изъ-за фаятона, что свидѣтельствуютъ слова его высочества: «Скажи «хозяину», приказалъ онъ хазнадару, я оставляю ему его маклера, пусть же онъ уступитъ мнѣ дрожки за 250 тамановъ». — Но я объявилъ на отрѣзъ: 350 том., и ни каранули меньше!.. Вотъ оно торжество русскаго имени!...

— На развалинахъ челоуѣчества...

XII.

Въ русской лавкѣ.

Во всякомъ случаѣ, дипломатическая побѣда «хозяйина» давали мнѣ возможность безотлагательно приступить съ помощью опытнаго маклера къ собранію торгово-статистическихъ свѣдѣній о СВ. Персіи, и я началъ это копотливое дѣло съ извѣстной уже читателю скромной лавки Морозова.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ обзору ея, посвящаю желающихъ въ безтолковщину персидскихъ вѣсовъ, мѣръ и денегъ, безъ которыхъ не обойдтись въ послѣдующихъ главахъ.

I. Вѣсы. Въ Персіи не существуетъ общихъ вѣсовъ; въ одной мѣстности, напр., въ Тегеранѣ, употребляется:

1) *Хальваръ-рей* = 100 *мени-рей* = $72\frac{1}{2}$ рус. пуд.; въ другой:

2) *Хальваръ-шан* = 50 *мени-шан* = 18 рус. пуд.; въ Шахрудѣ и, вообще, Хорассанѣ, да и въ большей части Персіи, въ ходу:

3) *Хальваръ-таоризи* = 100 *мени-таоризи* или, общепотребительнѣе — 100 *батманамъ* = 18 пуд. $7\frac{1}{4}$ рус. фун.

Батманъ = $7\frac{1}{4}$ фун., *гервезъ* или персид. фунтъ = 96 *мискальмъ*; *мискаль* = 20 *нахудамаъ* (88 мискалей составляютъ рус. фунтъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ батманъ составляетъ 40 *сиръ* = 16 рус. фунтамъ (слѣдовательно $2\frac{1}{2}$ сира = рус. фунту).

Разновѣсомъ въ Хорассанѣ, обыкновенно, служатъ русскія гири, камни, куски желѣза, ржавыя гайки, гвозди и т. под.

II. Мѣра:

1) Пути — *фарсанъ* составляетъ въ ровныхъ мѣстахъ 5 — 6 рус. верстѣ и называется *легкимъ*, въ гористыхъ — 7 и даже 9 верстѣ и слыветъ *тяжелымъ*. *Анчъ* или часть вѣды = 5 верст.

2) Липейная — *заръ* или ханскій аршинъ — по опредѣленію нѣкоторыхъ путешественниковъ = $23\frac{1}{2}$ русскимъ вершкамъ, по увѣренію

«хозяйна» и маклера—7 ханс. ар. = 10 ар. слѣдовательно одинъ ар. = 22 рус. вер., а по моему измѣренію «*симаго точною съ Шахрудъ*» персидскаго складнаго аршинна состоящаго изъ двухъ палочекъ, связанныхъ между собой веревочкой, вѣсто шарньера), онъ отказался въ 20½ р. верш! Къ кто изъ насъ правъ?—Полагаю всѣ.

3) Поземельная — *Джсеридъ*, величину которой нахожу удобнѣе опредѣлить словами шахрудскихъ хозяевъ: «площадь земли, засѣваемая десятью батманами зерна (пшеницы или ячменя)».

III. Деньги. *Куруръ* = 500,000 томановъ. *Томанъ*, золотая монета = 10 *санбъ-коранамъ* или, общепотребительнѣе, *кранамъ* = 2 р. 97 к., номинальной цѣппости. *Кранъ*, серебрянная монета = 2 *панабатамъ*. *Панабатъ*, серебряная монета = 10 *шахамъ* или 5 *аббас'амъ*. *Шахъ* или, по иному произношенію — *шай*, *шагъ*, мѣдная монета = 2 *карапуламъ*, тоже мѣдь, по буквальному переводу: *черныя деньги*.

Цѣнность означенныхъ монетъ подвергается частымъ колебаніямъ; по сегодняшнему курсу (устанавливаемому на мѣдь, обыкновенно, базаромъ) *кранъ*—40 *карапуламъ*—30 копѣйкамъ.

Продолжаю разсказъ.

Показавъ мнѣ товары, «хозяйнъ» замѣтилъ, что *самые ходкіе* изъ нихъ уже на исходѣ или распроданы. Къ этой категоріи относятся:

1) *Мѣдные* и рѣже томпаковые *самовары*, исключительно, *тульскаго работъ персидскаго образца* (т. е. съ поддонною рѣшеткой въ два ряда), продаваемые здѣсь на всѣхъ: по 97½ к.—1 р. 5 к. за фунтъ. Восьми — девяти фунтовые самовары въ большомъ употребленіи, 12 фун. рѣдко покупаются, а свыше вовсе не требуются; вообще же, послѣ хорассанскаго голода, спросъ на этотъ товаръ *уменьшился до 15 пуд. съ годъ*.

2) *Подносы, русскіе и транзитные* (заграничные), разной величины и формы, съ изображеніемъ по черному, вообще, *темному* (но отнюдь не красному) фону женскихъ головокъ и цвѣтовъ яркихъ красокъ,—подъ самовары, чайную и кофейную посуду, и миниатюрные подпосики или подставки отдѣльно, подъ каждый стаканъ. Дюжина такихъ подставокъ продается здѣсь по 1 р. 50 к.

3) *Чайники*—фаянсовые и глиняные.

4) *Стаканы* русскаго производства, малыхъ размѣровъ, съ позо-

лотою по ободкамъ и безъ пей, предпочитаютъ здѣсь (какъ и въ Астерабадѣ) транзитнымъ.

5) Стеклянныя и фаянсовыя *блюда* къ нимъ.

6) *Рюмкообразныя*, большіе стаканы, для шербета.

7) *Чайныя чашки* среднихъ размѣровъ и *кофейныя* чашечки, *фарфоровыя* и *фаянсовыя*, малыхъ размѣровъ, обыкновенной формы и въ видѣ рюмокъ на низкихъ ножкахъ.—Для всѣхъ богачей Хорассана достаточно будетъ выслать изъ Россіи одинъ ящикъ въ 100 дюжинъ маленькихъ чашекъ, съ подставкою для каждой чашки; должны быть тонки, легки, съ одною *золотою* и другою *кобальтовою* полосками по ободку. Шестъ такихъ чашекъ съ подставками, составляя *приборъ*, стоятъ здѣсь 1 р. 80 к., и болѣе скромнаго достоинства (для небогатыхъ людей), — 90 к.

8) *Сахарницы* преимущественно, *бѣлаго*, рѣже краснаго и зеленого, стекла, кружныхъ размѣровъ, съ крышками и безъ нихъ.

9) *Чайницы* бѣлаго стекла.

10) *Чайныя полоскательныя чашки* — фаянсовыя.

11) *Графины*.

12) *Столловый персидскій сервизъ* (преимущественно, отъ Гарднера изъ Москвы), состоящій изъ полдюжины тарелокъ и *чашекъ*, *омыщающихся одна въ другую*.

Означенной посуды (фаянсовой, фарфоровой, хрустальной и стеклянной), считая тутъ же и *подносы*, разойдется въ годъ не менѣе 100 мѣстъ (по 4—5 пудовъ каждое).

13) *Керосиновыя лампы* (со стеклами и фитилями) изъ Москвы, *столловыя* и *стѣнные*; первыя — цѣльнаго стекла или металлическія съ резервуарами изъ разноцвѣтнаго стекла, *не свыше рубля за штуку*; вторыя, съ зеркальными щитками, идутъ здѣсь *туго*.

14) *Лопе* (т. е. мѣдные, пружинные подсвѣчники съ стеклянными, шарообразными колпачками отъ вѣтра, называемые *садовыми*) исключительно *русскаго производства*, малыхъ и среднихъ размѣровъ, расходятся здѣсь до 50 дюжинъ, по 4 р. 50 к.—5 р. 10 к. за пару.

15) *Калянные резервуары* *), преимущественно, русскаго произ-

*) *Калянь* состоитъ изъ: 1) резервуара, наполовину наполняемаго (въ время куренія) водою; 2) деревянной трубочки, плотно вставляемой въ его горлышко: однимъ концомъ она входитъ въ воду, на другой—надѣвается глиняная каменная или металлическая трубка, для *каляннаго табаку*; и 3) изъ дерева, чубука, для куренія, вставляемаго въ отверстіе сбоку трубочки.

водства *Мамцева*, расходятся отлично; сотня *стеклянныхъ* резервуаровъ стоитъ здѣсь 45—48 руб., сотня *хрустальныхъ* съ *гранеными горлышками* 54—60 руб., сотня изъ граненнаго хрусталя съ узорчатыми рисунками 66—75 руб. — Резервуары англійскаго производства не отличаются отъ русскихъ, развѣ только между гранеными попадаются съ *золотыми ободками*, а между болѣе дешевыми не мало изъ разноцвѣтнаго стекла; говорятъ, у нѣкоторыхъ богачей, щеголющихъ разнообразіемъ дорогихъ кальяновъ, найдутся резервуары даже изъ *сверскаго фарфора* съ украшеніями французской живописи. Затѣмъ кальяны мѣстнаго издѣлія съ круглыми резервуарами изъ массивнаго серебра или, просто, глиняные, а цѣто изъ тыквы.

16) Бѣлыя и цвѣтныя *оконныя стекла* изъ Россіи, преимущественно, *Мамцева*; сотня бѣлыхъ восьми-вершковыхъ стеколъ продается здѣсь по 12—15 руб., пяти и шести-вершковыхъ по 7 р. 50 к., цвѣтныя же не расходятся. Въ прошломъ, 1873 году, провезено въ Хорассанъ (черезъ Шахрудъ) 32 мѣста стеколъ (въ томъ числѣ и цвѣтныхъ, преимущественно, для дверей).

17) *Деревянные сундуки ирбитской работы*, обитые желѣзомъ или цинкомъ, по 4—5 руб. за штуку, разойдутся въ Хорассанъ до 50 шт. въ годъ. Помимо нихъ на шахрудскомъ базарѣ встрѣчаются перетянутые желѣзными полосами и окрашенные въ красную краску, простые сундуки, *въ 5—6 четвертей* длин. покупаемые персидскими торговцами на нижегородской ярмаркѣ по 1 р. 50 к. и 2 р. 30 к., а въ Астрахани по 1 р. 68 к. и 2 р. 50 к., для перевозки въ нихъ изъ Россіи въ Хорассанъ галантерею, хрустальной и фарфоровой посуды, кальяновъ, подпосовъ, иногда самоваровъ и даже сукна и, кошенили. По распродажѣ означенныхъ товаровъ на мѣстѣ, эти сундуки продаются тутъ-же (для храненія въ нихъ вещей) по 2 р. 40 к. и по 3 руб. за штуку.

18) *Могломе* или шкатулки въ *три ключа* (т. е. съ тремя внутренними замками) *ирбитской работы*, составляющія необходимую принадлежность въ домѣ сколько-нибудь достаточнаго перса для храненія въ нихъ денегъ, драгоценностей, важныхъ бумагъ и т. под., — разойдутся въ годъ до 50 штукъ по 4 р. 20 к.—4 р. 50 к. за каждую. Въ лавкахъ у двухъ-трехъ знатныхъ купцовъ я видѣлъ даже *несгораемые сундуки*; въ прошломъ, 1873 г. привезено изъ Россіи въ Хорассанъ всего четыре такихъ кассы. Помимо того, встрѣчалъ въ продажѣ русскіе *погребцы*, по 4 р. 50 к. за штуку; эти дорожные сун-

дучки съ тремя стаканами, сахарницею, чайницею и чернильницею расходятся плохо, ибо наши стаканы велики, чернильницы излишни, а наиважнѣйшаго предмета—самовара недостаетъ. Съ устраненіемъ численнѣйшихъ недостатковъ, погребцы найдутъ хорошій сбытъ между богомольцами.

Остальные товары и между ними—изрядное количество ситцевъ—*подобраны неумѣло*, т. е. неудовлетворяютъ вкусу и нищенскому карману туземцевъ, а потому остались не распроданными. Вообще, *учрежденная здѣсь для опыта* торговля Морозова ведется спустя рукава, слѣдовательно, не можетъ служить образцомъ для подражанія.

Отсюда «хозяинъ» повелъ меня въ сосѣднее, нанятое имъ для ожидаемыхъ со дня на день товаровъ Г—го, помѣщеніе, пока занятое присланными ему изъ Мешхеда глиняными издѣліями, для отправки въ Москву. Въ одномъ его углу пестрѣли изразцовые кирпичи съ грубѣйшими рисунками безобразнѣйшихъ женскихъ фигуръ въ букляхъ и съ крупными бусами на шеѣ, или украшались *мудрыми и остроумными* изрѣченіями; въ другомъ—фаянсовая посуда шероховатой внѣшности и вообще грубаго издѣлія неуступала имъ въ варварской живописи; такъ, *чашки* (на подобіе супныхъ) пестрѣли женскими пугалами, выдаваемыми туземнымъ живописцемъ за идеальную красоту, *блюда* (нѣсколько поглубже нашихъ)—птицами, животными и тоже женскими рожами; наконецъ, *мисочки* для воды, внутри—бѣлыя, а снаружи украшались таковыми же фалтастическими фигурами.

И такая-то дрянь попаладилась какому-то москвичу, зачѣмъ? — «хозяинъ» только пожимаетъ плечами.

XIX.

У армянъ.

Идемъ къ нашимъ армянамъ, проживающимъ въ одномъ изъ прилегающихъ къ базару караванъ-сараявъ.

Хотя сегодня—пятница, т. е. *джума* или мусульманское воскресенье, но базаръ, какъ и въ будни, былъ въ разгарѣ. Встрѣчные знакомые выражали намъ, такъ или иначе, пріязнь свою, незнакомые отворачи-

вались или, изподлобья поглядывая, съѣзжно сторонились отъ насъ, а въ хвостѣ (за нами) скромно плелась толпа любопытныхъ мальчишекъ...

Свернувъ съ базара въ боковой проходъ, тоже крытый вѣтвями и съ лавками по сторонамъ, мы вошли въ красиво отдѣланный кирпичный караванъ-сарай съ подваломъ; задній фасъ былъ занятъ армянами, три прочіе—прѣзжими персами или товарами; внутренній дворикъ, съ прессомъ для хлопка и большими вѣсами съ русскими гириями (разповѣсомъ), заваленъ мѣшками шерсти и тюками хлопка, а едва замѣтная въ лѣвомъ углу дворика калитка вела въ другой замкнутый крошечный дворикъ съ отхожимъ мѣстомъ и для загона вьючнаго скота.

Насъ встрѣтили и пригласили къ себѣ представители фирмы Адамовыхъ, занимавшіе правое отдѣленіе фаса; затѣмъ мы посѣтили поджидавшую насъ *фирму Красильникова*, расположившуюся по сосѣдству съ ними. Жилье тѣхъ и другихъ состояло изъ передней комнаты съ открываемою на день подъемною дверью вмѣсто лицевой стѣны ея; это—гостинная или пріемная, съ коврами на полу, желѣзною кроватью, простымъ столомъ и большими сундуками у стѣнъ, и дверью съ ставнемъ и липымъ окномъ вверху, ведущею въ темную спальню, съ транзитнымъ сахаромъ, стеариновыми свѣчами и проч. негромоздкими товарами, которыми они торгуютъ только лѣтомъ, уѣзжая на зиму въ Мазандеранъ или Россію. Спальня сообщалась съ кладовою, тоже переполненною предметами ихъ торговли.

Мы размѣстились въ гостинной, я—на сундукѣ, «хозяинъ» и армяне, по персидскому обычаю, на полу; впрочемъ, послѣднимъ приходилось поиниутно вставать, угощая насъ яблоками, алуchoю, кофеемъ и кальяномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, бесѣдуя о торговлѣ, показывать образцы своей купли и продажи.

Въ настоящее время, почти вся русская торговля съ Персіею находится въ рукахъ закавказскихъ армянъ,—національности, нѣкогда стоявшей, по вѣрѣ и языку, къ иранцамъ такъ близко, что, напр., армяне, персы, меды и нѣкоторые другіе легко понимали другъ друга, и только введеніе христіанства въ Арменіи послужило главнѣйшею причиною все большаго и большаго разъединенія ихъ между собою; впрочемъ армяне и теперь (сравнительно съ прочими иностранцами) умѣютъ «живаться» съ персами.... быть можетъ потому, что преслѣдуютъ, исключительно, свои узкія, меркантильныя цѣли.

Армянскія торговыя фирмы (въ подражаніе торгующимъ въ Персіи

иностранцамъ и даже персидскимъ купцамъ, заведшимъ до 5 конторъ, имѣющихъ непосредственное сношеніе съ Англіею, Франціею, Вѣпою и Константинополемъ) вошли въ прямыя сношенія съ Европою, хотя, въ интересахъ Россіи, они могли бы быть отличными проводниками собственно русской промышленности и конкурировать съ иностранцами.... конечно если бы наши фабрики удовлетворяли потребностямъ туземцевъ. Но этого нѣтъ, и шахрудскіе армяне продаютъ здѣсь *транзитный сахаръ, русскія и транзитныя стеариновыя свѣчи, русское желѣзо и въ незначительномъ количествѣ кубовыя ситцы, русскій и транзитный миткаль*, а покупаютъ, для отправки въ Россію и Марсель: *хлопокъ, овечью шерсть, продукты тута* (шелкович. дерева), *лисы и куны шкуры*.

Ознакомимся же съ этими, составляющими *наиболѣе важный сбытъ* статьями ихъ торговли.

Продажа.

I. *Транзитный сахаръ* марсельскаго производства, преимущественно, фабрикъ «A Bousquet aine et Comp.» и «Massot et fils» отправляется сюда изъ Марселя на Трапезонтъ и Поті; изъ Трапезонта — черезъ Эрзерумъ въ Тавризъ, а изъ Поті — черезъ Тифлисъ, Джульфу въ Тавризъ же и черезъ Тифлисъ на Баку — въ прикаспійскіе порты Персіи и дальше — въ глубь страны. Благодаря краткости послѣдняго транзитнаго пути (изъ Поті на Баку), открытаго для иностранныхъ товаровъ съ 1864 г., провозъ марсельскаго сахара по немъ въ Персію, не встрѣчая конкуренціи съ русской стороны, увеличивается съ году на годъ.

Этотъ сахаръ, въ формѣ маленькихъ головокъ отъ 5 до $7\frac{1}{4}$ фун. каждая, *дешевле, мягче* и, какъ выражаются персы, *слаще* русскаго. Головки, обернутыя въ сѣроватую, а сверху въ свѣтло-синюю *тонкую* бумагу, укладываются въ деревянные ящики *плоскими* (такъ что вершина одной соприкасается съ основаніемъ другой) и перекладываются тонкими слоями соломы; затѣмъ, ящики обтягиваются просмоленной парусиной и перевязываются веревками. Такая укупорка вполне удовлетворяетъ персидскому способу перевозки товаровъ на вьючной скотинѣ *нѣрѣдко* по крайне дурнымъ дорогамъ.

Нынѣшнія цѣны на марсельскій сахаръ — за пудъ: на *Гязскомъ берегу* 6 р. 90 к. оптомъ и 7 р. 20 к. въ раздробь; въ г. *Астерабадѣ* 7 р. 10 к. оптомъ и въ г. *Шахрудѣ* — 7 р. 10 — 20 к.

Помимо этого, упрочившаго за собою видное мѣсто между транзит-

ными товарами, сахара, на базарѣ найдется и туземный (персидскій): 1) *ездскаго* производства, называемый также *индѣйскимъ*, въ формѣ маленькихъ головокъ въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ батмана въсомъ каждая, по 9 р. 90 к. за пудъ и 1 р. 35-80 к. за батманъ; онъ отличается высокою доброотою, но — по относительной дороговизнѣ — сбывается *туго* и притомъ, преимущественно, для подарковъ. 2) *Мазандеранскаго и астерабадскаго* производства, называемый «шекери» — представляетъ вязкую массу въ кускахъ неправильной формы, грязновато — бураго цвѣта и лекарственно сладкаго вкуса; этотъ *чистый и не кристаллизованный* сахаръ, по 2. р. 40. к. за пудъ и 8 к. за фунтъ, идетъ, преимущественно, на приготовленіе конфетъ, варенья и пр. кондитерскихъ издѣлій, и отчасти пьется съ чаемъ деревенщиною и соседними туркменами. Мазандеранскій и астерабадскій сахарный тростникъ, родиною котораго считаютъ Индію, не требуетъ особеннаго ухода за собою. Обыкновенно въ апрѣлѣ разсаживаютъ по лямкѣ (въ землѣ) изрѣзанный на куски стебель его, а въ сентябрѣ срѣзываютъ уже созрѣвшій тростникъ; выжатый сокъ изъ него варится, охлаждается, затѣмъ рѣжется на куски неправильной формы и въ такомъ видѣ отправляется на рынки. 3) *Индѣйскій сахарный песокъ* (идущій сюда изъ Лагора черезъ Ездъ), одинаковой бѣлизны съ ездскимъ сахаромъ, сбывается въ незначительномъ количествѣ по 1 р. 5 к. и — 1 р. 35.к. преимущественно, для приготовленія лекарствъ. Вотъ и все.

— А русскій сахаръ? — спросить удивленный читатель.

Въ Шахрудѣ — не видаль его, но, говорятъ, въ 1870 г. было доставлено въ Мешхедессеръ до 700 пуд. и въ Гязъ до 300 пуд. сахару кѣвскихъ заводовъ, проданнаго въ первомъ портѣ по 7 р. 50 к. и 8 р. 10 к. за пудъ, а во второмъ — по 8 р. 10 к. и 9 р.; слѣдовательно дешевле транзитной цѣны того времени. Въ 1871 г. здѣсь опять понадобился нашъ сахаръ, но съ тѣхъ поръ что-то неслышно о немъ; правда, по словамъ «хозяина», года два тому назадъ русскіе купцы обращались къ персидскимъ съ запросомъ «какой именно сахаръ нужно доставлять сюда изъ Россіи?» — тѣ собрались по приглашенію Бастамо-Шахрудскаго губернатора на совѣтъ, изъ котораго однакожъ не вышло никакого проку, ибо нашъ сахаръ не могъ конкурировать съ транзитнымъ, по дороговизнѣ не можетъ состязаться и теперь, когда въ Астрахани пудъ его въ оптовой продажѣ стоитъ 7 р., а на о—въ Ашуръ-Аде въ раздробъ 12 р!?

Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, я сегодня же отправилъ

съ случайнымъ червадаромъ письмо къ повѣренному Г—го съ совѣтомъ: «Не привозить въ Персію сахаръ, а если таковой уже везется то во избѣжаніе дальнѣйшихъ убытковъ—оставить его на комиссію на о—вѣ Ашуръ-Аде....

— Ты запиши въ книжку: доставить русскаго сахару головками въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ батмана вѣсомъ, для пипкешей, посовѣтывалъ мнѣ утромъ дарога.

— Если только наши сахарозаводчики послѣдуютъ примѣру марсельскихъ, добавилъ «хозяинъ».

— И именно спросилъ я.

— Прежде всего *удешевятъ свой сахаръ до транзитнаго*, ибо въ Персіи находитъ хорошій сбытъ все то, что, удовлетворяя потребностямъ и вкусу туземцевъ, — не дорого; далѣе: *чѣмъ меньше вѣсъ сахарныхъ головокъ, тѣмъ онъ пригоднѣе для туземцевъ*, привыкшихъ покупать сахаръ головками отъ $\frac{1}{4}$ до $7\frac{1}{4}$ фун. не только для подарковъ, но и для собственнаго потребленія; наши же полупудовыя головы—не по карману пипъ; затѣмъ, *персы пьютъ такой горячій чай, какъ кипятки*, поэтому необходимо, *чтобы сахаръ быстро таялъ* т. е. не былъ бы крѣпокъ.

Обертка его, продолжалъ «хозяинъ», не должна быть толще транзитной, ибо наша толстая бумага, увеличивая вѣсъ сахара, возвышаетъ цѣнность его; *упаковка* должна быть приспособлена къ вѣсочной перепозкѣ тоже по транзитному образцу, такъ чтобы годилась и для катеровъ, поднимающихъ 6—9-ти пудовый вѣсокъ, и для верблюдовъ справляющихся съ 13—14-тью пудами;*) наши же бочки и рогежи (въ которыя зашивался присылаемый иногда въ кускахъ сахаръ) *положительно не пригодны къ тому*.

Выполните эти условія, и тогда русскій сахаръ вытѣснитъ съ здѣшнихъ рынковъ транзитный, по общему отзыву персовъ, достоинствомъ—ниже его.

II. *Стеариновыя свѣчи—русскія и транзитныя*. Наши стеариновыя свѣчи казанскаго завода Крестовникова (являющаго въ Астрахани комиссіонера) идутъ въ Персію *шибко*, и, безъ сомнѣнія, свѣчи неважнаго

*) Это общее правило, для упаковки товаровъ отправляемыхъ въ Азію, гдѣ по ровнымъ мѣстамъ ходятъ верблюды, а по горнымъ катера.

завода не въ состоянїи конкурировать съ ними уже потому, что провозъ ихъ далѣе, слѣдовательно, дороже.

Нынѣшняя цѣна на свѣчи Крестовникова въ Шахрудѣ: пудъ — 10 руб. 50 к. (какъ и на гязскомъ берегу), фунтъ — 30 к.

— Течерь мы сильно терлемъ на нихъ, замѣтили армяне.

— По чужой ошибкѣ, поспялъ «хозяинъ». Здѣсь (какъ и вообще въ Персіи) *шестириковыя* или *семириковыя* и *короткія десятириковыя свѣчи* (т. е. 10 св. на фунтъ), а имъ выслали изъ Россіи болѣшую партію исключительно *четвериковыхъ* и *пятириковыхъ*...

— Помимо того, мы привезли сюда вѣтѣть съ марсельскимъ сахаромъ и стеариновыя свѣчи *марсельскаго завода «Frédéric Fournier»*, тоже — четвериковыя, (купленные нами въ Баку по 9 р. 80 к. за пудъ), и *хотя онѣ достоинствомъ выше казанскихъ*, — принуждены продавать ихъ по одной съ ними цѣнѣ...

— *Марсемцы упрощаютъ вытѣснить отсюда русскія свѣчи*, пророчески проговорилъ «хозяинъ»...

Вообще, *спросъ на свѣчи* въ настоящее время уменьшился здѣсь до 500 пуд. въ годъ, потому что: во 1) народъ бѣднѣетъ и до сихъ поръ не можетъ оправиться послѣ голода; и 2) въ употребленіе входитъ бакинскій керосинъ. «Хотя ваши свѣчи въ большемъ ходу у насъ — говорилъ мнѣ одинъ гязскій купецъ, но тамъ, гдѣ началъ появляться керосинъ, онѣ мало-по-малу падаютъ».

Безъ сомнѣнія, стеариновыя свѣчи и — изрѣдка — керосинъ доступны только богачамъ, обыкновеннымъ же освѣтителнымъ матеріаломъ, для шахрудцевъ, служатъ масла: *кунжутное*, *рициновое* и *мендоу*; первые два — добываются изъ разводимыхъ здѣсь въ незначительныхъ размѣрахъ кунжута и *Ricinus* (клещевина) а также — доставляются сюда изъ Астрабада, а третье — получается изъ растущаго въ изобиліи по окрестностямъ Шахруда растенія *мендоу*. Когда верблюды весною терпятъ шерсть, то ихъ смазываютъ отъ беспокойныхъ мухъ этимъ же масломъ.

Здѣсь нѣтъ салныхъ свѣчей, по въ Астрабадѣ выдѣлываютъ таковыя, правда дряннаго качества изъ бараньяго жира и притомъ недешевыя: лѣтомъ — 15 к. за фунтъ, а зимою — до 20 к.; тамъ-же бѣдняки жгутъ, какъ и туркмены, *неочищенную нефть* изъ *чирака*хъ.

III. *Русское желѣзо* Демидова и преимущественно *Дюковска* не только идетъ *шибко* въ с. в. Персіи, но даже потребляется въ Хератѣ (Авганистанѣ). Хальваръ — тауризи *полосоваго желѣза* продается въ Шахрудѣ по 52 р. 50 к. — 55 р. 50 к., *прутоваго* — по 57 р. — 58 р. 50 к.; а пудъ (того и другаго) 3 р. — 3 р. 33 к. Во избѣжаніе повтореній, помѣщая тутъ же (изъ послѣдующаго моего знакомства съ базаромъ) все относящееся къ этому предмету.

Помимо желѣза, на базарѣ продается получаемый изъ Россіи въ незначительномъ количествѣ *железный ломъ*, преимущественно, *съ судовъ и пароходовъ* — по 21 р. — 27 р. за хальваръ, *негодные гвозди* по 30 — 36 р. и негодныя рыболовныя снасти по 24 — 30 р. за хальваръ. Въ годъ разоидется здѣсь не меньше 15,000 пуд. русскаго желѣза во всѣхъ видахъ.

Затѣмъ, *транзитной* доставки: плохо идущія *железные цѣпки* по 1 р. 35 к. за батманъ (7¼ ф.), и недурно сбываемая *тонкая железн. проволока*, употребляемая на гвозди для башмаковъ, — по 1 р. 20 к. за батманъ.

Въ Шахрудѣ — 12 кузницъ, и въ рѣдкой изъ нихъ увидите по парѣ поставленныхъ на ребра обыкновенныхъ кожаныхъ мѣховъ, за ручки коихъ мальчикъ дѣйствуетъ поочередно, раздувая такимъ образомъ *въ жаровни* или горни *можжевельные* уголья; чаще мѣха замѣняются парю пѣльныхъ бараньихъ шкуръ (бурдуковъ) съ обращенными къ жаровнѣ трубочками въ шеяхъ и съ палками вмѣсто рукоятки, въ заднемъ отверстіи. Далѣе, на небольшихъ желѣзныхъ наковальняхъ выковываются молотками, тутъ же продаваемые на вѣсъ, разные несложные предметы, какъ то: 1) *большоголовые гвозди*, выправляемые на торчащихъ передъ кузницами желѣзныхъ или деревянныхъ, съ желѣзною обовкою, чурбанахъ; 2) *круглыя плоскія подковы* (безъ шиповъ), иногда, съ отверстіемъ посредицѣ и, обыкновенно, восьмью гвоздями съ пирамидальными головками, препятствующими лошадямъ, катерамъ и осламъ скользить; ихъ коуютъ всегда *холодными подковами*, которыя держатся довольно долго); 3) *железные лопаты съ настальными* боками и концами, для чего — смотря по размѣрамъ или припятию здѣсь вѣсу лопатокъ *въ 3, 4 и нѣсколько больше 5 фунтовъ*, — идетъ до фунта стали; 4) *земледѣльческія орудія* и, также, *цѣпочки къ дверямъ*.

Въ Персіи ощущается большой недостатокъ въ хорошихъ лопатахъ и для русскихъ было бы выгодноѣ доставлять сюда желѣзо преимуще-

ственно въ издѣлїяхъ подковъ, въ особенности лопатъ, по доставлен-
нымъ мною I-му образцамъ, ибо батманъ желѣза Икова стоитъ въ
Шахрудѣ около 60 к., батманъ подковъ—90 к. (халъваръ 87 руб.), а
лопатъ 1 р. 50 к.

По совѣту *друзей «хозяина»*, на первое время достаточно будетъ
выслать сюда для пробы не болѣе *ста пудовъ лопатъ* и пустить ихъ
въ продажу нѣсколько дешевле здѣшнихъ, примѣрно, по 1 р. 20 к. за
батманъ. Кстати упомянуть о просьбѣ здѣшнихъ достаточныхъ обыва-
телей доставить имъ 20 желѣзныхъ складныхъ кроватей въ футлярахъ
и нѣсколько дюжинъ щипчиковъ для сахара.

IV. Русскіе кубовые (т. е. темно-синіе) ситцы.

— Теряемъ на нихъ, въ одинъ голосъ сътовали армяне.

— Почему?

— На этотъ разъ и *дороги* и неудовлетворяютъ персидскому вку-
су... Сначала продали немного на наличныя деньги, по 42 к. за хан-
скій аршинъ, а дальше — никто не покупаетъ, говорятъ: «дорого,
продай дешевле—купимъ». — Мы не согласились... А теперь жалѣемъ,—
покупателей вовсе нѣтъ...

— Какой же кубовый ситецъ въ ходу?

— *Темно-синій, съ мелкими рисунками*, отвѣтили они въ одинъ
голосъ съ «хозяиномъ»...

Вообще изъ русскихъ ситцевъ (обыкновенно въ кускахъ: 55—60
аршинъ длин. и въ одинъ арш. шир.) намѣстномъ рынкѣ найдутся: 1)
пушцовые—по $37\frac{1}{2}$ —40 к. за ханс. аршинъ; 2) *двухкубовые*, ши-
ринаю въ четыре четверти—по $37\frac{1}{2}$ —40 к. за х. ар. и въ пять
четвертей—по 45 к. за х. ар.; 3) *однокубовые*—по $22\frac{1}{2}$ —30 к. за х.
ар.; и 4) *пестрые* (т. е. разныхъ рисунковъ)—по $19\frac{1}{2}$ —33 к. за х. ар.

Въ текущемъ году особенно хорошо шли *барановскіе ситцы*, и даже
сегодня *пушцовые* ситцы его проданы на *четырехъ мѣсячный срокъ*
по 38 к. за ханскій ар.

Изъ персидскихъ ситцевъ, преимущественно, *издскаго* производства,
хамхалату (идущій на подкладки) сбывается хорошо не только въ
Персіи, но даже и въ пашемъ Закавказьѣ; но первое мѣсто на здѣш-
нихъ рынкахъ занимаютъ *транзитные* ситцы, изъ коихъ *француз-*
скіе (какъ пушцовые, такъ и кубовые)—теперь наиболѣе ходки въ
Шахрудѣ.

Кстати, слово объ упаковкѣ ихъ. На дняхъ я встрѣтилъ катера съ
двумя выюками транзитныхъ ситцевъ, которые были обернуты сперва въ

бумагу, потомъ—въ накрѣико-просмоленную матерію, затѣмъ—обшиты грубымъ полотномъ и стянуты двумя желѣзными полосами, такъ что въюкъ представлялъ видъ продолговатаго плоскаго ящика. Такая упаковка достойна подражанія; впрочемъ, это мелочь сравнительно съ фактомъ безсилія русской мануфактуры состязаться съ транзитною. А почему она не можетъ конкурировать съ нею? — пожалуй, поинтересуются наши фабриканты. — По причинѣ относительной дешевизны и большей сообразности *последней* со вкусомъ и требованіемъ персидскихъ покупателей, хотя наши ситцы—*по общему отзыву*—добротѣй английскихъ, отвѣтять мѣстные коммерсанты.

Транзитные ситцы (для архалуковъ, женскихъ шальваръ и рубахъ) представляющіе, по большей части, подражаніе испанскимъ и ездскимъ набиваемымъ деревянными досками, — *инимъ, по инимъ, удовлетворяющая вкусу* и нищенскому карману туземцевъ: и красиво, и можно покупать нѣсколько разъ въ году обновы себѣ, въ чему такъ склоны персы; таковое мнѣніе краснорѣчиво подтверждаютъ тщательно-собранные мною, при содѣйствіи «хозяина» и преданныхъ ему друзей, образцы ходячихъ въ св. Персіи чужестранныхъ мануфактурныхъ произведеній.

— Но какія же условія необходимы для успѣшнаго состязанія нашихъ ситцевъ съ транзитными? допытывался я у своего товарища, помня слова астрабадскаго малокъ-е-туджеръа: *) «дорогіе товары въ Персіи не разойдутся».

— Помимо дешевизны, — отвѣчалъ онъ, — умѣйте угодить туземному вкусу; не слѣдуетъ рабски подражать образцамъ ходячихъ здѣсь ситцевъ, *но необходимо схватить общій характеръ рисунковъ ихъ, ибо персы, не заботясь о прочности, любятъ—въ этомъ отношеніи—новизну, лишь бы она* — повторяю опять — *соотвѣствовала вкусу и карману ихъ*; при этомъ размѣры, т. е. длина и ширина ситцевъ, тоже имѣютъ не маловажное значеніе. Исполните все это, и будетъ ладно..

Безъ сомнѣнія, для этого необходимо изучить потребности нашей сосѣдки на мѣстѣ, какъ то дѣлаютъ англичане, торговые дома которыхъ въ Тавризѣ завели у себя такіе, достойные подражанія, порядки: *рисовальщики* изъ туземцевъ ежедневно изготовляютъ рисунки, отправляемые въ *Манчестеръ*, гдѣ они и отпечатываются или же измѣняются сочетаніемъ нѣсколькихъ присланныхъ узоровъ въ одинъ; такимъ обра-

*) Голова, избираемый купечествомъ, составляющимъ въ каждомъ городѣ особую корпорацію.

зомъ, на манчестерскихъ фабрикахъ всегда имѣются свѣжіе рисунки. Далѣе, особія книги, для наклейки образчиковъ въ *пронумерованныхъ* графахъ, соответствующихъ таковымъ же на фабрикахъ, чѣмъ облегчается способъ выписки, потребныхъ въ данное время, ситцевъ; затѣмъ, они (т. е. торг. дома) не скупятся на рекламы и объявленія въ Персіи на персидскомъ, турецкомъ, армянскомъ и даже халдейскомъ языкахъ.

Конечно, пока мы послѣдуемъ примѣру англичанъ, пройдетъ не мало время...

— А теперь, обратился я къ «хозяину», какіе именно русскіе ситцы и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ доставить сюда.

— Если вы намѣрены, какъ слышно, въ этомъ году отправить въ Хорассанъ еще другой караванъ, то такъ какъ нынѣшній привозъ кубовыхъ и пунцовыхъ ситцевъ былъ незначителенъ, — везите ихъ, примѣрно, не меньше 1000 кусковъ и пестрыхъ (разноцвѣтныхъ) не болѣе 300 кусковъ, — и они найдутъ здѣсь весною хорошій сбытъ; при этомъ, совѣтую запасти *предпочтительно прохоровскими* (изъ Москвы) по $12\frac{1}{2}$ — $14\frac{1}{2}$ к. аршинъ, неуступающимъ ситцамъ *Цынделя* и *Гюбнера* (тоже московскимъ) въ $14\frac{1}{2}$ — 17 к. за аршинъ. Везъ сепініа, они должны *согласоваться* съ добытыми вами образцами, при чемъ: *кубовые* — *отнюдь не митчѣ* и въ четыре четверти шириною — должны пестрѣть частыми цвѣтами, преимущественно, *мелкаго* рисунка *роза и зелень* (фабрики *Глинскаго* изъ Москвы), — затѣмъ (менѣ ходкіе) — *средняго* рисунка, тоже болѣе *роза и зелень съ малою примесью желтой краски*.

— Слѣдовательно, по вашему совѣту, привезть всего 1300 кусковъ?

— По моему и общему совѣту всѣхъ, преданныхъ мнѣ, людей.

— А старшина нашихъ торговцевъ на Гизскомъ берегу, армянинъ Іосифъ Цатуровъ, *ручался мнѣ за ежедневный сбытъ въ Хорассанъ до 10,000 однихъ только кубовыхъ ситцевъ! ???* Чѣмъ объяснить это?

«Хозяинъ» пожалъ плечами...

V.) *Русскій суровый миткаль* (въ аршинъ шириною), по 15 — $16\frac{1}{2}$ к. за ханскій аршинъ, и, въ особенности, *транзитный* — *французскаго* производства, расходуется въ Шахрудѣ превосходно; окрашенный здѣсь преимущественно въ синій цвѣтъ, онъ идетъ на чадры, мужскія и женскія короткія сорочки и отчасти шальвары.

Нашъ *блѣдный* миткаль *нейдетъ*: ибо дорогіе сорта его — не по

карману, а дешевые—по выраженію «хозяина»—*неимютъ виду* (т. е. плохо отдѣланы); если бы даже наши фабриканты, во вниманіе къ потребностямъ туземцевъ, придали послѣднему сорту глянцевитый, выбрахмаленный видъ, то и тогда ежегодный сбытъ его здѣсь ограничился бы 100 кусками, между тѣмъ какъ *суровый* расходуется въ одномъ только Шахрудѣ до 1000 кусковъ, а во всемъ Хорассанѣ, по увѣренію гизскаго старшины Цатурова, до 10 000 кусковъ.—

Въ г. Ездѣ, *выдѣлывающей немного своего миткала*, также отправляется ежегодно значительное количество *транзитнаго* и, частью, *русскаго*, окрашиваемаго здѣсь въ разные цвѣта (и преимущественно, въ синій) подъ *легкое морэ* и, затѣмъ, *отлично* распродаваемаго по всей Персіи.

Купля:

I. *Персидскій хлопокъ* (памбе), обладающій, какъ и американскій, крѣпкими волокнами и сохраняющій въ матеріи краски на долго, идетъ теперь *тихо*, хотя цѣны на него, относительно, умѣренны; такъ хальваръ хорассанскаго хлопца «Сурха» стоитъ въ Шахрудѣ 67 р. 50 к.—69 р.; вообще, хорассанскаго хлопца низшаго достоинства—54 р., а на гизскомъ берегу: пудъ послѣдняго—4 р. 35 к., и мазандеранскаго—5 р. 40 к.

II. *Овечья шерсть*—хорассанская, преимущественно, изъ *Сябзе-оара*, или Себзевара—сегодня въ Шахрудѣ по 96 р. за хальваръ, а иногда доходить до 112 р. 50 к., и падаетъ до 54-руб.

III. *Продукты туты или шелковичнаго дерева*, доставляемые сюда изъ Хорассана: 1) *сымя* по 18—21 р. за батманъ; 2) *коконы*—по 3 р. и 3 р. 30 к. за батманъ, ибо покупателей теперь мало, но при большемъ спросѣ—4 р. 50 к. и дороже; 3) *шелкъ: высшій сортъ*, преимущественно, себзеварскій—отъ 24 до 27 р. батманъ, *низшій сортъ* отъ 12 до 16 р. 50 к.; и 4) *ласъ*, т. е. остатки отъ размотки коконовъ,—1 р. 95 к. батманъ, а въ прошломъ году—доходилъ до 3 р. 30 к.

и IV. *Шкуры*, преимущественно *куньи*, за пару, на мѣстѣ, по 7 р. 50 к.—9 р. и свѣтлыя *лосы* за сотню 81 р.—90,—руб. доставляются въ Шахрудъ (для отправки въ Россію и Европу) больше изъ Авангистана и въ незначительномъ количествѣ изъ персидскаго Хорассана. По словамъ армянъ, теперь поджидаютъ сюда до 5,000 купчихъ и до

30,000 свѣтлыхъ лисьихъ шкурокъ; въ партіяхъ между ними *нерѣдко* попадаются (умышленноли со стороны отравителей, или нѣтъ, — неизвѣстно) шкуры, случайно попавшихся въ лисьи канкалы, волковъ и шакаловъ, за которыми, собственно, не охотятся.

Для мѣстнаго потребленія на базарѣ найдутся *плохія* хорассанскія *овчины*: *бѣлая* — по 1 р. 50 к. — 3 р. за *десятокъ* и *черныя* — 2 р. 40 к. — 4 р. 50 к.; *немного* отличныхъ бухарскихъ (черныхъ) мерлушекъ «Каракуль» — 24 р. — 30 руб. за *десятокъ* и *ходкіе* здѣсь (да и вообще недурно идущіе во всемъ Хорассанѣ) *хорьмовые* и *бѣлыя* *мехи* изъ *Россіи*.

Еще недавно армяне закупали здѣсь и *сухіе фрукты*, но теперь, вслѣдствіе дороговизны ихъ, находятъ это дѣло невыгоднымъ.

XXI.

Продавцы бирюзы.

Въ томъ же караванъ-сараѣ остановились проездомъ изъ Мешхеда въ Москву трое продавцевъ бирюзы, бирюзовыхъ талисмановъ, веицъ изъ яшмы и древнижъ бездѣлокъ, въ родѣ печатокъ. Они уже не разъ бывали въ бѣлокаменной, а одинъ изъ нихъ, вотъ что съ саквожемъ въ рукѣ и съ авторитетною самоувѣренностью нашихъ гостинодворцевъ, видалъ даже Паряжъ. Онъ принялъ насъ радушно и на мою просьбу напиться — подаль мнѣ померанецъ извѣстнаго мыльнаго вкуса и воду со льдомъ въ серебряной чашкѣ; затѣмъ, покуривая и угощая насъ дорожнымъ кальяномъ съ круглымъ резервуаромъ изъ массивнаго серебра, охотно показывалъ весь свой товаръ, между тѣмъ какъ толпа ротозѣевъ безмолвно озирала насъ, положительно не обращая вниманія на быстро обходявшаго дворницъ сѣдовласаго дерсинна, съ помутившимся взоромъ горлачившаго божественную пѣснь...

— Однако, бирюза и плоха и дорога, — замѣтилъ «хозяинъ», перебиралъ одну за другою связки толстыхъ серебряныхъ (низкой пробы) колечекъ грубой работы, которыхъ продавецъ вынималъ изъ ситцевыхъ

и вязаных шерстяных мѣшечковъ; такіе колечки, съ любимыми персами бирюзовымъ камушкомъ, вы увидите здѣсь на рукѣ почти что у каждаго, золотыхъ же колець мнѣ не приходилось встрѣчать во все путешествие, не потому ли, что коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ носить драгоценныя украшенія?... Помимо бирюзы въ колечкахъ, продавецъ везетъ много крупной, уже отшлифованной въ единственномъ въ Персін рынкѣ бирюзы — Мешхедѣ, или очень мелкой, не шлифованной, обыкновенно сбываемой въ Москву на фунты.

За бирюзу величipoю съ горошину, онъ запросилъ съ насъ 12 руб. а за другую, немного меньше воробьиного яйца, 60 руб., но армяне не совѣтывали мнѣ соблазняться таковою дешевизною: Взгляните на цвѣтъ, убѣждали они, все свѣтлая или зеленеватая или же и хорошая, да съ бѣлыми пятнушками, и ни одной нѣтъ «живой воды», т. е. *ярко-лазуреваго цвѣта*; правда, иначе этотъ большой камень цѣнился бы не въ шестидесяти, а въ тысячахъ руб....

Теперь бирюза, вообще, вздорожала, потому что находить хорошій сбытъ въ Европѣ, Россіи и также-Индіи, а между тѣмъ добываніе ее въ извѣстныхъ съ древнѣйшихъ временъ, единственныхъ въ мірѣ богатѣйшихъ персидскихъ коняхъ «Мааданъ» уменьшилось съ 1832 г., когда замѣчательный своею прекрасною бирюзой, главный рудникъ «Абдеръ-Раззакъ» разрушился вслѣдствіе провала, далеко-проникавшей въ скалу, галлерей.

Мааданъ (маданъ, меадепъ, буквально: рудникъ), давшій свое названіе возникшимъ при немъ на возвышеніи двумъ укрѣпленнымъ деревнямъ, населеннымъ, исключительно, рудокопами, представляетъ вздымающуюся надъ ними, съ сѣверной стороны, скалистую гору, лежащую въ восьми шести-верстныхъ фарсагахъ къ с. з. отъ г. Нишапура. *) Бирюза добывается здѣсь въ скалахъ, и тогда называется *фирузей-зенги* въ шахтахъ покатостяхъ горъ (*фирузей-хаки*) и въ обломкахъ скалъ, брошенныхъ или забытыхъ прежними рудокопами; она лежитъ въ скалѣ мелкими голубыми жилками или слоями и зернами, болышею частью, низкаго достоинства. Пріемы рудокоповъ донотопны, состояніе рудниковъ, числомъ всего до 10, плачевно, ибо правительство, отдавая ихъ на произволъ арендаторамъ, относится съ полнѣйшею апатіею къ этому природному источнику государственнаго богатства....

*) Полѣ рѣченки, текущей съ расположенной выше Нишапура горъ, нѣтъ столѣтій тому назадъ также добывали бирюзу.

Нынѣшній арендаторъ бирюзовыхъ рудниковъ, раздавалъ ихъ отъ себя мелкими участками другимъ лицамъ, вносить въ казну арендныхъ всего около 15 тысячъ рублей въ годъ, между тѣмъ, по словамъ этихъ торговцевъ (также арендующихъ отъ него клочекъ бирюзовыхъ копей), въ одномъ только Мешкедѣ продается бирюзы богомольцамъ и пріѣзжимымъ купцамъ на 15 тысячъ рублей въ годъ; затѣмъ, въ первую половину 1874 г., провезено ее черезъ Шахрудъ въ Европу и Россію на 45 тысячъ руб., да въ Индію черезъ Бендеръ — Вуширъ, судя по прежнимъ годамъ, не меньше какъ на десятокъ тысячъ руб., слѣдовательно, при дешевизнѣ рабочихъ рукъ, барыши очень значительны; тѣмъ болѣе, что здѣсь въ землѣ находятъ еще большіе куски бѣдной бирюзы, идущей на издѣлія разныхъ бездѣлокъ и, въ особенности, талисмановъ, которыми туземцы украшаютъ даже хвосты своихъ любимыхъ лошадей; нерѣдко встрѣтите также верблюда съ продѣтою въ ноздри бирюзовою серьгой, какъ-то дѣлаютъ съ своими носами нѣкоторые женщины хорассанскихъ курдовъ, ибо, по понятіямъ еувѣрныхъ персовъ, бирюза, (фирузе что буквально значитъ: счастливъ, побѣдоносецъ) обладаетъ таинственною силой отгонять дурные сны и если, проснувшись утромъ, взглянуть на нее предохраняетъ на цѣлый день отъ всякаго зла...

У продавцевъ нашлось и нѣсколько жемчужныхъ зеренъ. Добываемый въ персидскомъ заливѣ крупный жемчугъ желтаго цвѣта вывозится въ Ипдостанъ, крупный бѣлаго цвѣта черезъ Васру и Багдадъ въ Константинополь и частью въ Египетъ, а мелкій, истолченный въ порошокъ входитъ въ составъ электуаріа, называемаго «Маджомъ», по мнѣнію персовъ, *критическаго* свойства (въ отношеніе полового отправления), вотъ почему онъ въ большомъ употребленіи во всей Азіи.

Въ виду дешевизны бирюзы на мешкедскомъ рынкѣ, мы не хотѣлось покупать ее у прѣзжихъ торговцевъ, и мы вышли на базаръ.

XXII.

Лавочная всячина и мануфактура.

Помимо 27 загородных лавчонок, для нужд богомольцев, въ Шахрудѣ насчитываютъ 243 лавки и мастерскихъ, сгруппированныхъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, въ одинъ обширный базаръ. Такъ какъ базаръ выражаетъ матеріальныя потребности населенія, то представляю здѣсь возможно-полныя свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, свѣдѣнія тщательно провѣренныя мною при содѣйствіи почтеннаго А. Θ. Баумгартена, принявшаго на себя нравственную отвѣтственность за вѣрность ихъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ (въ предыдущихъ главахъ) товаровъ, на шахрудскомъ рынкѣ вращаются слѣдующіе *).

I. Пряности, москательные и аптекарскіе товары.

1) Имбирь индѣйскій, по 1 р. 20 к. 2 р. 10 к. за батманъ *) высшего сорта и 75 к. — 90 к. низшаго, доставляется сюда изъ г. Езда, ведущаго (какъ и г. Керманъ) незначительную торговлю съ Индією сухимъ путемъ черезъ пустыни Систана и Авганистана.

2) Корица изъ Езда, батманъ—отъ 3 р. до 4 р. 20 к.

3) Перець » » батманъ—1 р. 50 к.—2 р. 10 к.

4) Шафранъ (по персидски: заферавъ) изъ Херата. Высушенные на солнцѣ лепестки идутъ для составленія желтой краски, а выдавленнымъ изъ него масло употребляется гастрономами въ пищу, и именно, имъ поливается пловъ. Лучшій шафранъ растетъ въ Каянѣ, что въ в. Хорассанѣ.

*) Наибольше ходкіе изъ русскихъ, образцы которыхъ доставлены мною Г-му означаю курсявонъ.

**) Въ Шахрудѣ въ употребленіи хальваръ-тапризи = 18 пуд. 7½ рус. фунт. и батманъ = 7½ рус. фунт.

5) Гена или хна-агаджи (красильный кустъ) изъ Езда, 5 батмановъ 3 р. 90 к.—5 р. 40 к.

Этотъ растительный порошокъ, употребляемый персами для окраски своихъ волосъ, ногтей, ладоней и пятокъ, — получается изъ *ежегодно засыхаемаго* въ Индіи, южномъ Хорасанѣ и вблизи г. Езда, травянистаго растенія, представляющаго (по увѣренію нашего астерабаскаго консула) видъ *бальзамиты* съ разноцвѣтными цвѣточками со шпорами. Изъ Хорассана отправляютъ сухіе листья и вѣточки этой кустообразной травы въ Ездъ; здѣсь измельчаютъ ее въ порошокъ, который упаковывается въ маленькіе мѣшечки и отправляется на продажу во всѣ закоулки мусульманскаго міра шіитскаго толку.—Лучшая хна — индійская.

6) Зарнихъ или зерныхъ,*) батманъ—до 60 к.—Эта изжелта-зеленая глина, изъ Хорассана и Казвина, служитъ въ смѣси съ пегашенною известью, для обязательнаго обонія поламъ вытравленія волосъ у дѣтородныхъ членовъ и задняго прохода (или скромиѣ: на скрытыхъ мѣстахъ). Себзеварскій зарнихъ считается лучшимъ.

7) Оверментъ (сюрье), добываемый въ Карадагѣ, въ сильномъ употребленіи у женщинъ, подкрашивающихъ имъ не только себѣ, но даже дѣтямъ, брови и рѣсницы.

8) Туныкаръ — изъ Себзеvara, батманъ—45 к. и дороже. Это, похожее на буру, вещество, служащее для свариванія желѣза, находятъ только въ окрестностяхъ Себзеvara, въ особенности, въ землѣ близости жѣдныхъ рудниковъ деревни Камышъ. Туныкаръ посылается отсюда также въ Европу.

9) Китера — изъ Себзеvara, батманъ 30 к. Клейкое вещество, замѣняющее туземцамъ крахмалъ въ домашнемъ обиходѣ и въ издѣліи ситцевъ, хотя, въ томъ же Себзеварѣ, готовится и крахмалъ изъ пшеницы, по 30 к. за батманъ. Китера посылается въ Россію и Францію.

10) Галбалъ—родъ камеди изъ зонтичнаго растенія изъ окрестностей Себзеvara.

11) Кате — сабъзъ, по словамъ туземцевъ, находится вездѣ, гдѣ есть жѣдная руда, и употребляется въ краску и какъ лекарство; жѣст-

*) Къ сожалѣнію я не могъ добиться, ни въ Персіи ни въ Россіи, перевода названій нижеслуженныхъ предметовъ на русскій языкъ.

ная кате — сабзь по 90 к. за батманъ и привозная лучшаго качества — по 1 р. 80 к. за бат.

12) Ка-харазира, растительная краска зеленого цвѣта изъ Мазандерана и окрестностей Себзева, по 30 к. за батманъ; посылается въ Россію и Францію.

13) Бузгунджъ, растущій на фисташковомъ деревѣ (по увѣренію туземцевъ) *попеременно съ плодами*, т. е. фисташками *черезъ каждый годъ*, — доставляется изъ Херата и продается здѣсь по 1 р. 50 к. за батманъ; въ смѣси съ канцелярскимъ смѣномъ онъ даетъ красную краску.

14) Марена — изъ Езда, за хальваръ до 27 руб., а на мѣстѣ, т. е. въ Ездѣ — 15—18 руб. Въ настоящее время *не имѣетъ сбыту*.

15) Сандальное дерево, изъ Россіи за хальваръ 45—48 р.

16) Ниль (индиго) персидскій изъ окрестностей Шустера, называемый *Чамуръ*, грязно-синяго цвѣта и, вообще, низкаго качества, до 10 р. за батманъ, — почти что безъ употребленія здѣсь, но *индійскій* — до 21 р. за батманъ, доставляемый сюда изъ Индіи черезъ Аваганистанъ афганскими купцами, въ большомъ ходу по всей Персіи, ибо туземцы окрашиваютъ привозный миткаль и свои грубыя бумажныя прижи, преимущественно, въ любимый ими синій цвѣтъ, составляющій въ наружномъ костюмѣ шахрудцевъ почти исключительный цвѣтъ.

17) Кошениль — изъ Россіи, пудъ 49 р. 50 к. — 54 руб., расходится собственно въ Шахрудѣ на 150 руб. въ годъ и въ Мешхедѣ на 300 р.

18) Галаганъ — красивое растеніе изъ Персіи.

19) Разныя краски *транзитной* доставки, для окраски шелковъ, за 30 к. отъ 5 до 16 мискалей.

20) Красильная глина изъ Хорассана, для окраски матерій, 30 р. за хальваръ.

21) Мазу или черпильные орѣшки изъ Тегерана, 1 р. 35 к. — 1 р. 80 к. за батманъ.

Въ западномъ Курдистанѣ, также въ Зохабѣ и Керманшахѣ растутъ дѣлне лѣса изъ рода дуба, съ черпильными орѣшками, которые собираются весною и отправляются въ Европу въ громадномъ количествѣ.

Прочія части дерева употребляются въ кожевенномъ производствѣ, въ лекарства, лакомства и даже въ пишу; такъ, въ неурожайные года бѣдный людъ толчетъ желуды (балутъ) въ муку и изъ нея печетъ себѣ *хмбъ*. Внутренняя оболочка или перепонка желудей, называемая *джафть*, служитъ при выдѣлкѣ бурдючныхъ кожъ; добываемая лѣ-

томъ съ дерева смолка употребляется курдами въ лекарство при началѣ оспы, для возбужденія сыни выйти наружу, а клейкое вещество, находящееся внутри оболочки ягоды, для излеченія ранъ и также идетъ на приготовленіе персидскихъ лакомствъ.

22) Желтый купоросъ изъ Россіи, за пудъ — 1 р. 80 к. — 2 р. 40 к., Въ прошломъ, 1873 г., было доставлено его сюда 200 пуд.

23) Мѣдный купоросъ, также изъ Россіи, за пудъ 9 р. и 9 р. 30 к.; въ прошломъ году доставлено его сюда 20 пуд.

24) Квасцы, изъ Россіи, а также изъ Казвина и Тегерана, — идутъ хорошо; за хальваръ 36—48 р., за пудъ 2 р. 70 к.

25) Хина, низкаго качества, изъ Россіи и Европы; за унцевую банку — 4 р. 20—50 к.

26) Черная пемза, находящая въ большомъ количествѣ въ Хорасанѣ, конечно возбудитъ, если еще не возбудила, вниманіе ученыхъ къ себѣ.

27) Деревянный клей, лучшій желтоватаго цвѣта по 1 р. 50 к. за батманъ, худшій темнаго цвѣта по 50 к. за батм.

28) Воскъ, изъ Мавандерана и Астерабада, до 60 к. за фунтъ.

29) Ширяхштъ, по выговору иныхъ — ширхештъ (манна), по 4 р. 80 к. и дороже за батманъ. Эта ароматичная, пріятная на вкусъ растительная смолка, издавна вывозимая въ Персію изъ Индіи, а теперь, преимущественно, изъ Херата, идетъ въ лакомства и какъ *слабительное*.

По увѣренію шахрудцевъ, манна собирается не только въ окрестностяхъ Херата на кустообразномъ растеніи, но и въ другихъ мѣстахъ Хорассана, также въ окрестностяхъ Тегерана, и при томъ на разныхъ растеніяхъ, какъ-то: на *сіо-чубъ*, на особомъ видѣ *иғы* и пр. Изъ Персіи не мало ее отправляютъ въ Россію и Францію.

30) Сакызъ, изъ Херата и нѣкоторыхъ персидскихъ провинцій; эта смолка, добываемая изъ мастиковатаго дерева, употребляется нѣкоторыми персами и среднеазіатцами, *для жеванія*.

31) Бирзепдъ, изъ Херата, смолистое вещество.

32) Косни или боридже, по персидски *кела*, изъ Себзева, до 40 к. за батманъ, а на мѣстѣ, т. е. въ Себзеварѣ 24—30 руб. за хальваръ. Эта, какъ выражаются туземцы, *горючая* смолка, собираемая на кустахъ въ окрестныхъ горахъ Себзева, употребляется въ мѣстной медицинѣ, преимущественно, отъ ранъ. Отсюда она идетъ въ Тегеранъ.

и др. мѣста Персіи, въ Багдадѣ, въ незначительномъ количествѣ въ Россію и однажды была отправлена (до 2000 пуд.) во Францію.

33) Таранджинъ, до 2 р. за батманъ, добывается изъ маленькаго куста въ окрестностяхъ Себзеvara и употребляется въ персидской медицинѣ.

34) Аппанъ, 90 к. за батманъ, тоже изъ Себзеvara — и идетъ въ медицинѣ.

35) Вошахъ, 30 к. за батманъ, тоже изъ Себзеvara, идетъ въ медицинѣ и въ краску.

(Въ прежнее время вошахъ посылали въ Россію).

36) Зире-сансъ, 60 к. за батманъ, а въ Себзеvarѣ мѣстъ родины этого лекарственнаго растенія, отправляемаго отсюда, преимущественно, въ Бомбей,—до 3 р. за хальваръ.

37) Зире, 60 к. за батм., изъ Себзеvara и преимущественно изъ Кермана, употребляется въ пловъ.

38) Эсфрекъ или эсперекъ, называемый въ Мешхедѣ *самиръ*, а въ Хератѣ *саброкъ*, — за хальваръ 21 р. и до 50 р., смотря по качеству и спросу.

Эта краска добывается въ большомъ количествѣ изъ травянистаго растенія въ Хератскомъ округѣ (Авганистанѣ), а также за Мешхедомъ, въ мѣстахъ между Сараксомъ и Мервю и около Дерагезъ, что въ хорассанскомъ Курдиستانѣ; она употребляется въ Персіи и Россіи для окрашиванья матерій въ желтый цвѣтъ.

39) Зрешкъ, 45 к. за батманъ, изъ Берджента, собирается съ деревь среднего размѣра и идетъ въ пищу.

40) Ассафетида, по персидски: ангуссо или ангузе, преимущественно, изъ Херата, батманъ—1 р. 40 к. и дороже. Эта смолка, собираемая съ дико-растущаго кустарника во всемъ Авганистанѣ и мѣстами въ Персіи, употребляется туземцами только какъ лекарство, но систанскіе авганы и белуджи ѣдятъ листья и молодые побѣги его. Много ассафетиды изъ Авганистана идетъ въ Индію, тоже больше для пищи; говорятъ, перѣдко изъ Дерагеза (хорас. Курдистана) и даже Хивы отправляютъ ее въ Бомбей черезъ Себзеvarъ, гдѣ она продается на 20 коп. дешевле, чѣмъ въ шахрудѣ.

41) Галиле-сіо батманъ 45 — 60 к. Откуда доставляется это красивое и вѣстъ съ тѣмъ лекарственное сѣмя, изъ Езда или Тегерана—не могъ добиться.

42) Сушеные лямпы, называемые аммонскими, изъ Шираза и прилегающих къ персидскому заливу провинцій.

43) Сипджитъ, по 6 к. за фунтъ. финикообразный, жутнистый, невкусный плодъ (какъ говорятъ, съ дико-растущаго финиковаго дерева).

44) Ревені, батманъ 4 р. 20 к. *Шахрудіи нуждаются* въ этомъ лекарственномъ корнѣ и просятъ доставить его. Дикорастущій въ Хорассанѣ и Курдистанѣ ревенъ, называемый *ривазъ*, негоденъ къ употребленію.

45) Напятиръ изъ Россіи, по 8 р. 50 к. — 9 р. за пудъ.

46) Тирьякъ (опіумъ). Шахрудъ слабаеетъ опіумомъ изъ мѣстечка Гуни-Абадъ (гуи-абадъ), отстоящемъ отсюда на 12 дней пути, а отъ Мешхеда на 43 версты. Жители его занимаются издѣліемъ гонимой посуды, кирпичей и, преимущественно, культурою *опійнаго мака*, изъ котораго получается опіумъ такъ: дѣлаютъ на каждой (маковой) головкѣ, пока они еще на стеблѣ и не созрѣли, легкіе горизонтальныя надрѣзы, откуда выходитъ бѣловатый сокъ, постепенно темнѣющій и сгущающійся, который снимается деревяннымъ ножомъ, это и есть *чистый опіумъ* въ сыромъ видѣ. Перемъ фабрикуютъ изъ него искусственный, съ *исключительнымъ назначеніемъ для куренія и пьды*, слѣдующимъ образомъ: прибавивъ къ чистому опіуму неизвѣстныхъ мѣръ постороннихъ примѣсей и хорошо растеревъ всю массу на доскѣ желѣзной лопаточкой, катаютъ изъ нея длинныя цилиндрическія палочки (въсомъ въ 6 драхмъ), которыя обертываются, каждая особо, въ бумажку и завязываются посрединѣ ниткой, затѣмъ упаковываются для отправки въ продажу. При таковой фабрикаціи, сырой опіумъ теряетъ до 30% своего вѣсу отъ высушки и нѣсколько процентовъ *морфія*, т. е. сильно слабѣетъ, чему также не мало способствуетъ дурная укупорка его, и особенно, недобросовѣстность торгашей, щедрыхъ на постороннія примѣси къ нему.

Даже хорошо приготовленный персидскій опіумъ содержитъ въ себѣ не болѣе 1% морфія, а потому считается негоднымъ для нашихъ аптекъ.

Шахрудскіе торговцы опіумомъ отправляются въ Гуни-Абадъ, обыкновенно, въ февралѣ и, скупивъ его тамъ *до сбора* подъ задатки впередъ, пользуются, при хорошемъ урожаѣ, большими барышами; такъ, въ текущемъ году они платили на мѣстѣ за батманъ сыраго опіума по 18 р. и фабрикованаго 27 р., а на шахрудскомъ рынкѣ продавали низшаго качества по 32 р. и лучшаго 36 — 39 руб. за батманъ, и при

всемъ томъ, онъ имѣеть столь блестящій сбытъ, что въ настоящее время во всемъ шахрудскомъ базарѣ не найдется для продажи болѣе 25 батмановъ его.

Въ неурожайные же годы на гуни-абадскій опиумъ, какъ, напр., въ 1873 г., высшій сортъ продавался здѣсь по 60 руб. за батманъ.

Мешхедъ, главный рынокъ гуни-абадскаго опиума въ Хорассанѣ отправляетъ его, иногда большими партіями, въ Константинополь; прочіе рынки этой отравы въ Персіи, Кошанъ, Ездъ, повременамъ снабжающій ею въ незначительномъ количествѣ Шахрудъ, и наконецъ Испаханъ, славящійся хорошимъ опиумомъ, но далеко уступающимъ левантскому или турецкому, извѣстному въ продажѣ подъ названіемъ: *смирнскаго*, который содержитъ въ себѣ 7%—16% морфія. Смирнскій опиумъ фабрикуется въ шарики, въ видѣ слегка сплюснутаго съ двухъ сторонъ яблока средней величины, и упакованный въ жестянки, препятствующія ему выдыхаться, идетъ въ Смирну и Константинополь, и отсюда черезъ Триестъ или Лондонъ въ европейскую торговлю, для врачебнаго употребленія во всѣхъ аптекахъ.

Мною было упомянуто, что персидскій опиумъ исключительно служитъ для куренія пѣды; приборъ для куренія, *кальинъ-тиръякъ*, представляетъ небольшую мѣдную трубку съ выпуклостью посрединѣ, гдѣ просверлено крошечное отверстіе, для опиума, и съ однимъ открытымъ концомъ, для чубучка, въ который, въ куреніи, вставляется желѣзная игла. Процессъ самоотравленія таковъ: одинъ изъ курильщиковъ отламываетъ кусочекъ опиума и, размячивъ его пальцами надъ жаровней, прикрѣпляетъ къ отверстию и прокалываетъ его насквозь иглою, а другой кладетъ на него горячій уголекъ съ жаровни и раздуваетъ его въ то время, какъ первый, раскуривая кальинъ-тиръякъ, глубоко затигивается удушливымъ наркотическимъ дымомъ до одуренія. Однажды арендаторъ предложилъ мнѣ испробовать это азіатское наслажденіе, и я, слегка затянувшись, отказался отъ дальнѣйшихъ экспериментовъ, тѣмъ болѣе, что трудно опредѣляемый на вкусъ дымъ довольно противенъ.

— До трехъ разъ слабо затянуться можно, замѣтилъ тогда «хозяинъ», взявшись за кальинъ, но болѣе и сильно, для новичка рискованно: *можно на седьмое небо попасть...* Точно также, продолжалъ онъ, проглотите крошку опиума, и вы отравитесь, между тѣмъ какъ на привыкшихъ къ тому съ малыхъ лѣтъ персовъ, постепенно увеличивающихъ *единовременный пріемъ опиума до горошины*, онъ даже не производить

своего одуряющаго дѣйствія, но если вельдъ за пріемомъ его выпить воды — послѣдуетъ смерть...

Помимо опиума, туземцы приготовляютъ изъ маковыхъ головокъ и сиропъ, (одипаковаго съ нимъ опьяняющаго и усыпляющаго свойства), который пьютъ они съ чаемъ и шербетомъ.

Мнѣ удалось найти здѣсь также другое, сильное наркотическое, зелье въ пилюляхъ и лепешкахъ, называемое по арабски «хашинъ», кажется, равнозначашее «бенгу»; главная составная часть его добывается изъ листьевъ индѣйской конопли и производитъ пріятное опьяненіе, съ грезами на лву, но при излишествѣ пагубно дѣйствуетъ на здоровье.

II. Табакъ, кофе, чай.

1) Табакъ, исключительно, для кальяна: лучшій изъ окрестностей г. Ширазъ по 2 р. 10 к. за батмацъ, и *худшій бастамскій* и *бюр-кскій* по 75 к., дешевле и дороже, смотря по урожаю. Наялучшій сортъ пиразскаго табаку «Калмедъ» врядъ ли кто здѣсь куритъ; «хозяинъ» пробавляется самъ и угощаетъ своихъ гостей мѣстнымъ (языъ Бастама) по 15 к. за фунтъ, очень слабымъ, для папихъ трубокъ и напирось ибо на персидскихъ плантаціяхъ не срѣзываютъ часть листьевъ, для того, чтобы прочіе, утолщаясь, получали крѣпость; затѣмъ табакъ сушатъ на солнцѣ, не давая ему бродить, а при употребленіи — слегка смачиваютъ подою и раскуриваютъ посредствомъ углей, такъ какъ огонь не дѣйствуетъ на него. На Астерабадскомъ базарѣ продается, преимущественно, мазандеранскій табакъ, по 5 к. за фунтъ.

2) Кофе давно не привозили сюда (что рѣдко случается), а потому лучшій сортъ его поднялся до 1 р. 60 к. за фунтъ, низшій до 1 р.— По мнѣнію «хозяина», нашимъ коммерсантамъ, жаднымъ до быстрой наживы, слѣдовало бы слѣдить черезъ агентовъ за подобными моментами *неудовлетворенія спроса*. Шахрудцы, какъ и вообще персы, пьютъ только черное кофе, т. е. безъ сливокъ и притомъ очень рѣдко (когда только угощаютъ дорогихъ гостей).

3) Чай транзитный (доставляемый въ Шахрудъ черезъ Ширазъ) по 70—90 к. за фунтъ идетъ *шибко*; высшіе же сорта его, называемые *тѣмекимъ*, а также «ляме» (вѣроятно исковерканное туземцами «Лянсинъ») по 1 р. 80 к. — 3 р. за фунтъ, по выраженію «хозяина», теперь въ модѣ только у знатныхъ особъ, а потому расходуется не болѣе 50 пудовъ въ годъ.

По увѣренію персовъ, невысокіе сорта московскаго чая имѣли бы здѣсь хорошій сбытъ; но двухрублевый — врядь ли разойдется болѣе 300 пуд. въ годъ, а высшіе сорта совсѣмъ не пойдутъ, развѣ только губернаторъ купить нѣсколько фунтовъ; и это не по одной дороговизнѣ, а потому еще, что персы, продолжительнымъ кипяченіемъ чайника на самоварѣ, почти-что варятъ чай, не смысла толку ни въ пѣжности, ни въ ароматѣ его.

Я не встрѣчалъ въ Шахрудѣ нашего чая, но, говорятъ, будто бы въ прошломъ году было провезено черезъ него изъ Москвы въ Хорасанъ 15 пуд.

III. Металлы, металлическія издѣлія, жаррози (калантерей) и пр. мелочи.

1) Мѣдь — мѣстныхъ рудниковъ, 10 р. за пудъ. При рациональной разработкѣ мѣстныхъ рудниковъ, припадъ въ соображеніе дешевизну рабочихъ рукъ (15 к. поденной платы), мѣдь удешевилась бы на столько что, пожалуй, Персія могла бы снабжать ею даже Москву, гдѣ наша мѣдь стоитъ 11—12 р.; между тѣмъ, не смотря на изобиліе, отличное качество и относительную дешевизну персидской мѣди, Россія доставляла сюда до 1872 г. не только свою въ издѣліяхъ, но даже въ *мистахъ* и *брускахъ*; теперь Она уже не доставляетъ ее въ Хорасанъ, ибо здѣшніе мѣдники, скудивъ въ послѣдній голодъ мѣдную посуду за безцѣнокъ, имѣютъ большой запасъ ея, а обнищавшее населеніе еще не въ состояніи затрачивать на новую посуду русскаго издѣлія.

Мѣдниковъ въ Шахрудѣ 5; они *грубо выковываютъ* кастрюли, дорожные чайники и проч., продавая ихъ на вѣсъ, по 45 к. и дороже за фунтъ, и продацію вещь тутъ же лудятъ.

На базарѣ найдется тонкая проволока изъ желтой мѣди, *транзитной* доставки, по 2 р. 10 к. за батманъ, и мѣдная капитель.

Обыватели просятъ доставить изъ Россіи: тонкую металлическую сѣтку, для ситъ, мѣдныхъ ступокъ и, особенно, *узкогорлыхъ кубановъ съ длиннымъ носикомъ*, для омовеній, и мѣдныхъ (также желѣзныхъ) *тазовъ*, по возможности *тонкихъ*, а слѣдовательно и удобныхъ, для употребленія, перевозки и тощихъ кармановъ.

Заглянувъ къ *единственному* въ Шахрудѣ *рѣзчику печатей* и къ одному изъ *трехъ* здѣшнихъ *серебряныхъ дѣлъ мастеровъ*, который

вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и *кузнечнымъ* дѣломъ и продажей древнихъ монетъ, мы продолжали обзоръ базара.

2) *Олово*, изъ Езда и, преимущественно, Россіи, расходуется отлично по 21 р. 75 к. — 24 р. за пудъ.

3) Свинецъ по 30 к. за батманъ.

4) Сталь, толщиною въ два пальца, изъ Россіи, расходуется въ с. в. Персіи отлично; на шахрудскомъ рынкѣ она продается, обыкновенно, кусочками, и иногда, *по утверженію «хозяина», бываетъ здѣсь дешевле железа*; а именно: отъ 48 и, какъ сегодня, до 66 руб. за хальваръ.

Хорассанъ славится выдѣлкою клинковъ и, вообще, холоднаго оружія не меньше, какъ гг. Кашанъ и Куиъ своими стальными издѣліями.

5) Цинкъ, изъ Россіи и Бомбея, для выдѣлки кувшиновъ,

6) Ртуть, изъ Россіи. Въ прошломъ, 1873 г. было провезено черезъ Шахрудъ въ Хорассанъ одно мѣсто *) ртуті, вѣроятно на лекарства.

7) Чугунные котлы изъ Россіи, преимущественно, въ $\frac{3}{4}$ аршина діаметромъ и, вообще, — по 18 и 24 штуки на каждые шесть пудъ, а также и *пудовые* отлично расходятся по всей с. в. Персіи, но теперь что то привозъ ихъ уменьшился; въ Шахрудѣ хальваръ чугунныхъ котловъ продается, приблизительно, по 45 руб.

Чугунные кувшины, для воды, называемыя по переидски «офтобы», по выговору иныхъ — «гофтафы», изъ Россіи, преимущественно, Мальцева, за 100 штукъ около 24 руб.

8) Разныя издѣлія накладнаго серебра изъ Россіи расходятся здѣсь не особенно много; въ прошломъ, 1873 г., прошло ихъ въ Хорассанъ всего 4 мѣста.

9) *Чайныя ложки* транзитной доставки, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенныя, преимущественно, мельхіоровыя и нейзильберъ, отъ 7 $\frac{1}{2}$ до 15 к. за штуку, и рѣдко серебряныя вызолоченныя. Въ Тегеранѣ разойдется немного столовыхъ ложекъ, ножей и вилокъ, въ Хорассанѣ нѣтъ.

Большія ложки, преимущественно для шербета, съ глубокими чашками и рѣзными ручками, мазандеранскаго издѣлія изъ растущаго въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи самшита, сλυвущаго на здѣшнихъ рынкахъ пальмою, по 37 к. за штуку.

*) Въ этомъ случаѣ мѣсто нужно считать приблизительно въ 4 пуда.

10) *Ножки перочинныя* изъ Россіи, завода Завьялова, 3 р. дюжина, и складныя съ однимъ лезвиемъ, завьяловскіе и транзитныя, по 3 р. 60 к. за дюжину расходятся превосходно.

11) *Ножницы женскія*, изъ Россіи, завода Завьялова, 2 р. 40 к. дюжина, и мужскія трапезныя и константинопольскія *персидскаго образца* (т. е. одна ручка прямая, а другая загнута въ кольцо); такіе ножницы составляютъ необходимую принадлежность пенала или походной канцеляріи каждаго грамотія. Помимо нихъ въ этомъ пеналѣ константинопольской работы изъ папье-маше помѣщается: кожичекъ, тростниковое перо, чернильница и другія мелочи. Чернила приготавливаются здѣсь такъ: къ порошку чернильнаго орѣшка прибавляютъ немного арабійской камеди, желѣзнаго купоросу и нефтяной сажи или копоти съ чирака (для добыванія которой держатъ падъ чиракомъ кирпичъ или металлическую пластинку, съ которой и собирается копоть); смѣшавъ все это до густоты тѣста, получаютъ нѣчто въ родѣ туши, разбавляемой по мѣрѣ надобности водой; вотъ и чернила, сливаемые въ прочно прикрѣпленную въ пеналѣ чернильницу съ клочкомъ ласа (остатковъ отъ размотки коконовъ), который, втягивая ихъ въ себя, пренятствуетъ имъ разливаться.

Персы не разъ говорили мнѣ: «привези чернилъ — хорошо разойдется», а «хозяинъ», сомнѣваясь въ этомъ, общается Тулъ большіе барыши въ конкуренціи съ *транзитными ножницами персидскаго образца*, что уже не подлежитъ сомнѣнію..

12) *Бумага изъ Россіи* — писчая № 5, за стопу — 3 р. 30 к., № 6 — 2 р. 70 к. и № 7 — отъ 2 р. 40 к. до 2 р. 55 к. — *отлично* расходится во всемъ Хорассанѣ, по обертачпал — по 1 р. 60 стопа — такъ же рѣдка здѣсь, какъ и записныя книги въ софьяновыхъ переплетахъ мѣстнаго издѣлія — ибо не требуются, хотя нѣкоторые обыватели и просятъ доставить изъ Россіи простыхъ тетрадей безъ переплета. Писчей, преимущественно, сѣрой бумаги разойдется здѣсь до 1000 стопъ въ годъ.

13) Простыя очки Константинопольской работы.

14) Миниатюрныя компасы, тоже изъ Константинополя, величиною въ папъ серебрян. пятакъ, — служатъ, для указанія положенія Мекки, по направленію которой молятся правовѣрные. Наши большіе компасы не пойдутъ здѣсь.

15) Зеркала миниатюрныхъ размѣровъ, круглой формы съ рамками изъ латуни, грубой работы, изъ Тегерана, Константинополя, Россіи и транзитныя, — дюжина 60 к., и маленькія — четырехугольныя съ деревян.

рамками, изъ Константинополя, дюжина—1 р. 50 к. Хорошія же зеркала среднихъ и большіихъ размѣровъ—не разойдутся здѣсь.

16) Гребни мазандеранскаго издѣлія изъ самшита, не окрашенные—по 1 и 1½ к. за штуку, и окрашен. въ красный цвѣтъ—по 2 к.; тутъ же можно встрѣтить и самшитовыя пластинки, для выдѣлки гребней, по 3 р. за 1000 штукъ.

17) Наперстки—мѣдные, транзитной доставки, сквозные, т. е. безъ донышка и обыкновенные жепскіе—по 3 к. за штуку. Обыватели просятъ доставить изъ Россіи мѣдныхъ и желѣзныхъ наперстковъ, исключительно, персидскаго образца.

18) Иголки, транзитной доставки, расходятся здѣсь только трехъ размѣровъ, за гроесъ или пачку въ 50,000 штукъ—19 руб. 50 к.

19) Булавки, тоже транзитныя, расходятся, *плохо*, за 1000 штукъ—15 к.

20) Пуговицы транзит. доставки: 1) маленькія, мѣдныя—по 15 к. за сотню; 2) костяныя чернаго цвѣта, для сердари и жилѣтовъ,*) по 60 к. за сотню; 3) Перламутровыя и черныя, костяныя, для сарочекъ, по 70 к. за сотню, и 4) поддѣлающія подъ перламутръ, по 15 к. за сотню. Бѣлыя же (обтянутыя полотномъ) вовсе не употребляются здѣсь.

21) Влестки—мелкія, золотыя и серебряныя, транзитной доставки, по 3 р. за 100. мискалей.

22) *Канитель*, т. е. цѣлочное золото и серебро (или золотая и серебрян. нитка), по персидски: «*Пулобетунъ*», изъ Россіи московскаго издѣлія Вишнякова и Арбузова,—*превосходно* расходятся по всей Персіи, особенно, въ Хорассанѣ, предпочитающимъ, однакожъ, таковыя издѣлія *Шамшана* двумъ первымъ.

Пулобетунъ продается въ Шахрудѣ, обыкновенно, пачками въ 60 золотниковъ вѣсу, по 45 р. за каждую; дюжина катушекъ сереб. канители стоитъ въ Москвѣ 2 р., а здѣсь—3 р. 60 к.

23) *Бахрама—позументъ*, тѣхъ же фабрикъ,—расходится тоже хорошо.

24) Бусы, транзит. доставки,—вообще расходятся *плохо*: 1) мелкія какъ бисеръ, по 1 р. 80 к. за батманъ; 2) величиною съ перецъ—по 3 р. 60 к. за батм.; 3) величиною съ горошину—60 к. за 1000 штукъ; 4) крупныя, ятарнаго цвѣта—3 р. за 1000 шт.; 5) перламутр. цвѣта—3 р. за 1000 шт.; 6) черныя, съ бѣлыми пятнышками: круп-

*) Жилѣты иногда носятъ чиновники, а зимою и пачинковые.

ныя — 3 р. за 1000 шт., мелкія — 1 р. 50 к. за 1000 шт.; и 7) длинныя, винтообразныя — 3 за 1000 шт.

25) Магниты, трацит. доставки, обыкновенные, въ видѣ подковки малыхъ размѣровъ, по 22 к. за штуку, изрѣдка употребляются мужчинами, какъ огниво, а куски ихъ носятъ беременныя женщинами на шейныхъ спуркахъ подъ косками — отъ шайтана (злаго духа.)

26) Кошельки мѣстнаго издѣлія изъ шерсти, для денегъ и имѣющихъ печатей; наши денежныя кожаные кошельки разошлись бы здѣсь въ незначительномъ количествѣ.

27) *Замки* — *висячіе*, десяти размѣровъ, по преимущественно: средніе и крупныя, изъ Россіи и транз., по 80 р. и дороже за 1000 штукъ, расходятся спосно; на первое время достаточно будетъ доставить замковъ на 200 руб.

28) Пистоны — ружейныя и пистолетныя, самыя простыя, транзитной доставки, за 10 сотенныхъ коробочекъ по 45—90 коп., — идутъ хорошо.

29) Пороховницы — мѣдныя, тоже транзит.; отъ 60 к. до 3 р. за штуку; въ здѣшнихъ мастерскихъ ложъ къ ружейнымъ стволамъ, я встрѣчать и кожаныя пороховницы въ формѣ ретортъ.

30) Дробь — свинцовая, крайне безобразнаго мѣстнаго литья, по 60 к. за батманъ; есть и *мѣдная*, а въ г. Астериабадѣ — даже *чугунная*, покупаемая, преимущественно, туркменами, лѣтомъ — по 5 к., зимою — по 10 и 15 к. за фунтъ.

31) Спички восковыя, изъ Англіи, за коробку средняго размѣра — 25 к. и обыкновенныя, изъ Австріи, по 48 р. за двѣсти дюжинъ. Просить доставить изъ Россіи зажигательныхъ бумажекъ (бумажныхъ спичекъ), для раскурки кальяновъ въ дорогѣ; теперь же, для этой цѣли богатые люди возятъ съ собою жаровни.

32) Желѣзныя основы, для персядскихъ фонарей, 2-3 футовой высоты, обыкновенно, обтягиваемыя промасленнымъ каленкоромъ или миткалемъ, какъ и деревян. фонарики малыхъ размѣровъ

Обзоръ мѣстныхъ и привозныхъ издѣлій изъ бумаги, шерсти и пр. и пр. начался съ лавки Хаджи-Абу-Талиба, торгующаго по сосѣдству съ своимъ сухопарымъ пріятелемъ Хаджи-Абдуль-Касымомъ, въ проходѣ, который ведетъ съ базара въ знакомый читателю караванъ-сарай съ армянами.

Величественные купцы отвѣчали на наше привѣтствіе *снисходительно*, но рукъ не подали (даже полицмейстеръ, при встрѣчѣ съ нами на базарѣ, никогда не отваживался подавать намъ своихъ чистыхъ рукъ ибо это—по замѣчанію «хозяина»—было бы неудобно при пародѣ, иное дѣло—дома или въ глухомъ переулкѣ, когда нѣтъ свидѣтелей въ такомъ *постыдномъ* дѣйствіи.)

Тучный Абу-Талибъ, сопо бесѣдуя съ нами, опахивался съ кокотливою пѣгой вѣромъ въ формѣ топорика съ короткою деревянною ручкою; это издѣліе города Кербела изъ листьевъ финиковой пальмы выглядываетъ нѣсколько поизящнѣе другою сорта, видѣнныхъ мною здѣсь, грубыхъ вѣровъ изъ Пашавера (или Пешауэра, что въ англійской Остѣ-Индіи), приготовляемыхъ изъ камыша...

Въ Персіи не существуетъ фабрикъ въ нашемъ смыслѣ; попытки правительства завести близъ Тегерана болѣе необходимыя фабрики и заводы, не смотря на затраченный на нихъ значительный капиталъ и выписанныхъ изъ Европы мастеровъ, потерпѣли полное фiasco, такъ что и до сегодня мануфактурная промышленность здѣсь ограничивается лишь домашнимъ производствомъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего мѣстные рынки и наполнены иностранными товарами.

Представляю тѣ и другіе:

- 1) Бумажныя плитки, дряннаго мѣстнаго издѣлія, до 20 к. за футъ.
- 2) Котми, т. е. перстян. бичевки грубой хорассанской работы, замѣняющія веревки при обшивкѣ и перевязкѣ тюковъ, до 90 к. за батманъ.
- 3) Веревки, преимущественно, батманикъ и тонкій возманикъ, изъ Россіи, по 3 р. 60 к. — 4 р. 80 к. за пудъ, такъ *тихо* расходятся здѣсь, что иногда сбываются въ убытокъ.
- 4) Джоджимъ, т. е. грубая перстян. матерія, для упаковки хлопка и т. под. изъ Мазандерана, по 23 к. за ханск. аршинъ; наши же укупорочныя матеріи, по своей дороговизнѣ, не пойдутъ здѣсь.
- 5) Гуни, т. е. грубая ткань въ $\frac{1}{4}$ шириною изъ какого-то индѣйскаго растенія, тоже для упаковки, изъ Езда, — продается на вѣсъ: до 60 руб. за хальваръ, что выходитъ приблизительно по 22 к. за ханск. арш. Иногда Ездъ укупориваетъ высылаемые сюда ситцы и нѣкоторые другіе свои товары въ козы шкуры.
- 6) Цыповки изъ Ензели.
- 7) Войлоки (кошмы) изъ Езда и Туркменіи, отъ 50 к. до 4 р. за штуку.

8) Ковры: 1) хорассанскіе, отъ 15 до 100 р., смотря по размѣру и добротности; 2) ферагуяскіе, выдѣлаваемые въ Иракѣ, и міанскіе—въ Міанѣ, не уступаютъ первымъ; 3) ездскіе—дешевле; и 4) туркменскіе, съ длиннымъ ворсомъ—еще дешевле, хотя они прочѣе хорассанскихъ, ибо основа у послѣднихъ—бумажная, а у тѣхъ—шерстяная; коврики въ сажень длин. и 2 аршина ширины стоятъ около 4 руб.

9) Шали, изъ Мешхеда и Кермана, отъ 66 до 120 р. за штуку; керманскія шали (изъ козьей шерсти) не уступаютъ тавризскимъ.

10) *Сукно*. Помимо *ходкихъ* транзитныхъ и не большого количества привозныхъ изъ Мешхеда суконъ, въ Шахрудѣ расходится и русскія—разныхъ цвѣтовъ, но, исключительно, дешевыя, отъ 2 р. 25 к. до 3 р. 45 за ханскій аршинъ, и особенно—стоящія на нашихъ фабрикахъ по 1 р. 10 к. за аршинъ (продаваемые здѣсь по 2 р. 10 к.); затѣмъ, драдедамы отъ 1, р. 80. к. до 1 р. 95 к. и верблюжье сукно съ длиннымъ ворсомъ, преимущественно, фабрики Сильверстова (на мужской костюмъ), отъ 1 р. 95 к. до 3 р. за ханск. аршинъ.

Мы ручались за хорошей сбытъ нашихъ суконъ изъ Москвы, въ 1 р. 10 к., и преимущественно, Монжинскаго въ 1 р. 15 к. за арш., не только здѣсь и вообще въ Хорассанѣ, но даже въ Ездѣ и Хератѣ (что въ Авганистанѣ); впрочемъ, на первое время не совѣтуютъ приводить сюда болѣе 200 *половниковъ* ихъ, помимо незначительнаго количества верблюжьихъ и прочихъ толстыхъ суконъ; затѣмъ просили доставить байки фаб. Монжинскаго и немного корту, для шапочекъ (тегеранокъ), продаваемого на здѣшнихъ рынкѣ по 3 р. за хан. арш.

Хотя шахрудцы и не въ состояніи отличить сукна въ 1 р. 10 к. отъ полугорарублеваго, а слѣд. и не купить послѣдняго, тѣмъ не менѣе таковаго слѣдуетъ доставить сюда въ незначительномъ количествѣ, ибо—*тѣмъ ближе къ Мешхеду, тѣмъ больше проявляется потребность у достаточныхъ туземцевъ къ лучшимъ сортамъ суконъ.*

11) Рус. вигонъ, около 2 р. за ханс. арш.—расходится не особенно хорошо.

12) Рус. фланель, 1 р. 80 к.—1 р. 95 к.—тоже.

13) Рус. шелковыя матеріи, которыхъ было доставлено сюда въ 1873 г. всего 5 мѣтъ, — тоже не особенно ходки; но персидскій канаусъ ушѣренныхъ цвѣтъ расходится сносно; такъ, *ездскій*—пуццового цвѣта по 1 р. 35 к. за ханс. арш.; *хорассанскій*—узкій, по 60—75 к. за хан. ар., широкій—въ 10 вершковъ, по 90 к., въ 12 верш.—по 1 р. 20 к. и въ 16 верш.—1 р. 50 к. и до 1 р. 80 к. за

хане, ари. Тавризскій же канаусъ, пользующійся европейскою извѣстностью, — не по карману шахрудцамъ.

14) Рус. атласъ идетъ въ Хорассанъ лучше шелковыхъ матерій, по того и другаго, выѣтъ, не разойдется здѣсь болѣе 100 кусковъ въ годъ.

15) Рус. тикъ, высокій сортъ, тонкій, по 82½ к. за хан. ар; отборный — 67½ — 75 к.; 1-й сортъ — 52½ — 60 к.; 2-й сортъ — 48 — 49½ к. и волнистый въ 24 вершка шириною, по 52½ — 60 к. за ханскій аршинъ, — расходуется хорошо. «Хозяинъ» совѣтуетъ доставить сюда не меньше 1000 кусковъ полосатаго, такъ называемаго *азиатскаго тика*, который разойдется слѣдующею весной *отлично*, ибо привозъ его въ текущемъ году былъ незначителенъ.

16) Рус. плизъ, малиноваго, вишневаго и краснаго цвѣта, идетъ сносно, и его *слѣдуетъ доставить* сюда.

17) Рус. рипель сбывается здѣсь въ незначительномъ размѣрѣ, но по хорошей цѣнѣ; въ Мешхедѣ и Тегеранѣ — въ большихъ размѣрахъ и еще лучше, въ Мазандеранѣ и Гилянѣ — тоже.

18) Тюль и бархатъ, идутъ слабо; и

19) Платки: 1) шерстяные, въ квадр. аршинъ съ разными цвѣтами по бѣлому фону (преимущественно Гучкова изъ Москвы); 2) кубовые — 7, 8 и 9-ти четвертные, фабрики Глинскаго; 3) платки тѣхъ же размѣровъ, но красные, съ бѣлыми связями, фаб. Баранова; 4) сарпинскіе, клѣтчатые; и 5) шелковые разныхъ цвѣтовъ, — расходятся слабо.

Послѣ утомительнаго обзора базара, съ полными *противорѣчій* торговыми показаніями почтенныхъ обывателей (ибо каждый перстъ отвѣчаетъ на вашъ вопросъ, какъ *Богъ на душу пошлетъ, и нерыдко — искренне вретъ*), — «хозяинъ» замѣтилъ, что: если русскіе предприниматели намѣрепы послать новый караванъ въ Хорассанъ и даже далѣе — въ Авганистанъ въ текущемъ году, то таковой долженъ прибыть сюда (въ Шахрудъ) *не позже декабря*; вообще, наши товары, предназначенные для отправки въ Персію черезъ Гіазъ на Шахрудъ слѣдуетъ высылать изъ Россіи *только два раза въ году: съ начала навигаціи и въ половинѣ или концѣ августа, даже — въ началѣ сентября*, т. е. въ то время, когда товары на здѣшнихъ рынкахъ на исходѣ, а потому — дорожаютъ, слѣдовательно, подвезти ихъ своевременно, значить — сбыть ихъ навѣрняка съ хорошимъ барышомъ; доставка же товаровъ въ другое время, напр., съ конца сентября до

половины августа, когда сильные дожди до крайности портят дорогу и даже товары, помимо этого неудобства, была бы сопряжена съ большимъ рискомъ, для кармана предпринимателя.

— Далѣе, продолжалъ «хозяинъ», на первое время достаточно будетъ *ограничиться* высылкою сюда *тридцати*, наиболѣе ходкихъ, предметовъ *), на сумму не свыше 30000 руб., собственно, для Персіи, и 15,000 — 20,000 руб. для Авганистана. Что же касается до прочихъ, тоже недурно — сбываемыхъ здѣсь, товаровъ, какъ то: чугунныхъ издѣлій, олова, галантерею и пр., то я не совѣтовалъ бы *мелчать ими на первыхъ порахъ русскую торговлю*, но если таковая разовьется, и мы, русскіе, заведемъ здѣсь свои склады, — тогда придется держать помимо вышеозначенныхъ товаровъ и такіе, какими туземные купцы не запасаются, а между тѣмъ, на которые случается большой спросъ; безъ сомнѣнія, выборъ ихъ пріобрѣтается коммерческимъ опытомъ и наблюдательностью....

— А какъ вы смотрите на теперешній торговый караванъ Г—го? поинтересовался я, когда мы возвратились домой.

— Какъ на попытку русскихъ *помыслить силами съ западомъ*, отвѣтилъ онъ и, послѣ минутной паузы, продолжалъ: — Въ интересахъ отечественной торговли и промышленности *настоятельно требуется присутствіе русскаго* элемента въ Персіи, для распространенія въ ней нашихъ произведеній, *но только торговая интеллигенція въ состояніи устроить это дѣло*, а не рутинная торговля армянь и мусульманъ, доставляющихъ сюда изъ Россіи товары, какіе вывозили ихъ дѣды и отцы.

— И конечно не такіе люди, какіе загубили торговый домъ «Посыльныхъ» въ Тавризѣ и «Закаскійское» торговое товарищество, вслѣдствіе не пониманія потребностей страны и неурядицы въ самомъ устройствѣ подобныхъ громадныхъ предпріятій...

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія... Да не выпускайте изъ виду прежнихъ нашихъ бесѣдъ (помѣщенныхъ въ предшествующихъ главахъ),

*) Хотя таковыя предметы не только-что означены у меня курсивомъ, но даже указано какое количество каждаго изъ нихъ нужно доставить сюда, перечислю ихъ еще разъ: фарфоровая, фарфорон., хрустальная и стеклянная посуда, подносы, чайныя ложечки, самовары, кальяны, садовые подсвѣчники и свѣчи, желѣзо и желѣзный ломъ, висачіе замки, большіе ирбитскіе сундуки и малые (могломе), цѣпочное золото и серебро, позументы, писчая бумага и кошениль, ситцы, мяткаль, сукна разныхъ цвѣтовъ, шелковые матерія, атласъ, плисъ, рипсъ, и полосатый тпкъ.

къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще необходимость *добросовѣстно и своевременно* увѣдомленія со стороны агентовъ (предполагаемыхъ русскихъ торговыхъ домовъ) о товарахъ наибольшаго спроса, о повышеніи и пониженіи цѣнъ на нихъ и, вообще, о состояніи мѣстной торговли.

Въ выполненіи этихъ условій коренится успѣхъ, которымъ пользуется здѣсь иностранная торговля; послѣдуйте за нею, и тогда — ручаюсь, наши произведенія не только на половину вытѣнятъ отсюда англійскія и французскія ткани, но даже — проникнуть внутрь Персіи, гдѣ царитъ теперь англійская мануфактура и, преимущественно, ея бумажныя издѣлія, расходящіяся изъ Тавриза по всей странѣ и продающіяся вмѣстѣ съ караванами даже въ Среднюю Азію. Тавризъ — это центръ персидско-европейской торговли, ежегодный оборотъ которой доходитъ до 23 мил. руб.

XXIII.

О Значеніи Шахрудъ, и торгово-статистическіи свѣденія объ немъ.

Годишній же оборотъ персидско-русской торговли, производимой — или сухимъ путемъ черезъ г. Тавризъ и закавказскій край, или — Каспійскимъ моремъ черезъ приморскіе порты: Астару, Ензели, Мешедесеръ и Гязъ, ограничивается 7 милліонами руб., *изъ коихъ вывозъ изъ Персіи составляетъ смѣшкомъ 5 мил. руб.*

Остановимся на Гязи или, лучше, на немаловажномъ, для Россіи, Шахрудѣ. Это мѣстечко приблизительно съ 4-хъ тысячнымъ населеніемъ, говорящимъ фарси, образовалось не такъ то давно изъ облепленной стѣною деревушки или, вѣрнѣе, незначительной крѣпостцы; ничего не производя для другихъ, и очень мало для себя, оно занимаетъ, однако жъ, важное положеніе въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, *какъ ключъ, открывающій Гязскому берегу*, (а слѣдовательно — и Россіи *единственно-удобный путь въ Хорассанъ и Хератъ* (т. е. въ Авганистанъ *помимо прямого сообщенія съ Тегераномъ и даже отдаленнымъ Ездомъ.*

Въ обмѣнъ идущимъ съ Гязскаго порта черезъ Шахрудъ русскимъ

и транзитнымъ товарамъ, приблизительно, на 1.200,000 р. въ годъ, *) Тегеранъ шлетъ черезъ него въ Европу и къ намъ кое-какія персидскія произведенія, Херать — лисы и куны мѣха, Хорассанъ — преимущественно хлопокъ, шерсть и продукты тутъ, всего, приблизительно, на 600,000 р. въ годъ, **) а Ездъ снабжаетъ с. в. Персію своими издѣліями.

Помимо того, громадное стеченіе богомольцевъ въ Шахрудъ, въ ожиданіи оказіи въ Мешхедъ, поддерживаетъ и развиваетъ торговлю этого мѣстечка, будущность котораго, при благоприятныхъ условіяхъ къ развитію неизчислимыхъ минеральныхъ и рудныхъ богатствахъ окрестностей его и, вообще, экономическихъ силъ края, — обѣщаетъ быть свѣтлою.....

Предлагая здѣсь торгово-статистическія свѣденія о привозѣ въ Шахрудъ заграничныхъ и персидскихъ товаровъ и провозѣ ихъ черезъ него въ разныя мѣста Персіи и даже въ Анганистанъ, за полный 1870—1871 г. и первое полугодіе 1874 года, оговорюсь, что эти свѣдѣнія (почерпнутыя мною изъ тщательно — веденной «хозяйномъ» торговой книги и другихъ, провѣренныхъ нами, источниковъ) быть можетъ и грѣшатъ въ мелочахъ, но въ общемъ — довольно вѣрно характеризуютъ современное состояніе торговли св. Персіи съ Россією и западною Европою.

*) По увѣренію старшины нашихъ торговцевъ на Гязскомъ берегу, армянина Іосифа Цатурова.

**) По увѣренію того же Цатурова.

ПРИВОЗЪ (НА КАТЕРАХЪ) РУССКИХЪ И ТРАНЗИТНЫХЪ ТОВАРОВЪ ИЗЪ ГИЗИ ВЪ ШАХРУДЪ, ПО ПОСРЕДСТВУ *) ВЪ 1870—71 ГОДУ, И ДАЛЬШЕШНЯЯ ОТПРАВКА ИХЪ ОТСЮДА (НА ВЕРЬЮДАХЪ) ВЪ ХОРАССАНЪ, ЕЗДЪ И КОМАНЪ. (ТУТЪ ЖЕ ПОМѢЩЕНО НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ФРАНЦУЗСКИХЪ ТОВАРОВЪ, НАПРАВЛЕННЫХЪ ИЗЪ ТЕГЕРАНА ЧЕРЕЗЪ ШАХРУДЪ ВЪ ХОРАССАНЪ).

ДОСТАВКА ТОВАРОВЪ ВЪ ШАХРУДЪ.																													
ПОИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВЪ.	Откуда (они доставлены).	Ук упорка, количество, м. (мѣсть) или въ сѣ.	МѢСЯЦЫ И С Л А.												ИТОГО.	ПРИМѢЧАНІЕ.													
			Январь.		Февраль.		Мартъ.		Апрѣль.		Май.		Июль.				Августъ.		Сентябрь.		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.				
			1—15	16—31	1—15	16—28	1—15	16—31	1—15	16—30	1—15	16—31	1—15	16—31			1—15	16—30	1—15	16—31	1—15	16—31	1—15	16—30	1—15	16—31			
Желѣзо	изъ Россіи	въ южн.	пуды	231	238	327	413	293	259	209	362	354	383	176	142	114	116	121	82	77	60	71	48	56	54	4781	пуд.	Наименьшій привозъ во время дурнаго пути съ конца сентября по январь; наибольшій—съ апрѣля до августа.	
Желѣзный ломъ . . .	»	»	»	10	9	15	6	15	4	6	7	19	64	34	8	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	299	»		
Сталь	»	»	»	78	89	110	113	108	105	86	95	110	73	47	58	44	55	60	31	41	31	33	8	25	25	1598	»		
Мѣдь { листовая . . .	»	»	»	72	26	20	7	6	10	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	161	»		
Мѣдь { въ брускахъ . .	»	»	»	64	88	95	98	76	59	30	43	55	45	12	14	10	4	12	7	20	24	37	11	21	29	946	»		
Офтоби (чуг. кушниц.).	»	»	»	31	32	38	21	17	12	49	60	66	67	63	37	4	15	4	5	5	2	—	—	—	—	3	692	»	Наибольшій привозъ зимов. Было доставлено немного и русскаго сахару. Транзитнаго чаю привезено больше, чѣмъ русскаго.
Чугун. котлы и др. и др.	»	»	»	42	62	69	31	53	95	69	91	81	83	73	41	8	—	3	—	2	—	—	—	—	18	1035	»		
Стеариновая свѣчи . .	»	»	въ ящикахъ	75	67	64	55	2	4	—	—	7	19	2	4	—	26	37	21	17	21	19	59	37	40	624	»		
Сахаръ	транзитъ	»	»	57	27	30	118	23	4	7	3	26	68	52	37	25	25	37	31	24	22	39	41	15	11	882	»		
Чай	транз. и рус.	»	»	4	4	2	—	—	—	—	2	—	2	—	2	—	4	4	6	—	—	12	12	10	8	78	»	Каждое мѣсто приблизительно въ 4 пуда.	
Посуда, казаньи, подносы и пр. сундучный товаръ **).	изъ Россіи	въ сунд. и въ южн. м.	158	86	136	48	12	—	—	10	4	—	46	36	6	28	66	66	94	88	112	96	108	116	82	1434	м.		
Подсвѣчники	»	»	въ ящикахъ	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	44	36	40	26	22	172	»		

*) Съ цѣлью указать время наибольшаго и наименьшаго привоза.

**) Название «сундучный товаръ» пишется въ главѣ: «Въ русской лавкѣ».

***) Въ этой цифрѣ (1434) помѣщено и 56 вьюковъ французскихъ мануфактурныхъ товаровъ, пришедшихъ въ Шахрудъ изъ Тегерана: въ апрѣлѣ 12 вьюковъ.

В С Е Г О. 56 вьюковъ.

ДОСТАВКА ТОВАРОВЪ ВЪ ШАХРУДЪ																											
НОМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВЪ.	Откуда (они доставлены).	Укупорка, количество, мѣсть или вѣсъ.	МѢСЯЦЫ					И С Л А.												Итого.	ПРИМѢЧАНІЕ.						
			Январь.		Февраль.		Мартъ.		Апрѣль.		Май.		Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.									
			1—15	16—31	1—15	16—28	1—15	16—31	1—15	16—30	1—15	16—31							1—15			16—30	1—15	16—31	1—15	16—31	
Мануфактур. товаръ.	изъ Россіи	вьюки	6	14	28	4	—	—	16	3	—	—	26	12	16	10	17	32	35	29	52	42	35	21	18	430	Мѣсть или пудовъ не означено, но матеріи поименованы, а именно: Пунцовыхъ сит. до 1200 кус. Кубовыхъ " " 800 " Двухкубовыхъ " 600 " Другихъ цѣтовъ " 200 " Сукна 200 половинокъ (т. е. кусковъ, въ 18 арш. длин. каждый) Тикю до 200 кус. Матсая 500 " Разныхъ тканей " 300 " Дерюжка и равендуку до 200 кусковъ. Затѣмъ: платки, плась и пр.
"	французск. (транзитъ.)	"	18	28	7	—	—	7	—	—	—	—	15	45	6	16	51	38	57	22	51	33	32	25	11	526 *)	
Харрозп (галлантер.).	транз. и рус.	"	18	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	12	12	20	34	19	19	18	30	20	21	21	7	257	
Зеркала	"	"	Время					не обозначено въ книгѣ.												2 вьюк.						257	
Стекло (бѣлое и цветное)	изъ Россіи и Тегерана	въ ящикахъ.						Ж												24 ящ. **).						24 ящ. **).	
Ружья	изъ Россіи	вьюки						Ж												2 вьюк.						2 вьюк.	
Веревки	"	" (въ прол. пуд.)	—	4	4	22	4	3	7	45	29	—	30	18	29	12	39	17	16	7	8	8	17	12	28	142	
Керосинъ	"	"	Время					не обозначено												11 ***).						11 ***).	
Сандальное дерево	"	(Вѣроятно пуд.)	11	11	—	—	—	7	16	9	10	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	98
Кошениль	"	"	30	11	11	4	2	—	—	—	—	—	7	5	1	19	9	7	5	16	21	25	11	17	19	14	236
Куноросъ	"	"	8	11	14	—	2	2	—	5	10	—	9	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	85
Квасцы	"	"	14	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
Писчая бумага	"	стоиъ.	60	59	40	37	24	—	17	22	29	—	21	16	25	15	18	21	15	12	26	20	30	24	26	600	стоиъ.

Въ этомъ же году, по случаю голода въ Хорассанѣ, было доставлено сюда много рису, пшеницы, ячменю и 53 пуда корольего масла.

*) Мѣсть или пудовъ не означено.

**) Изъ 24 ящиковъ стеколъ — 8 вьюковъ доставлено въ Шахрудъ изъ Тегерана, изъ Россіи черезъ Гизъ.

***) Пудъ или мѣсть — неизвестно.

ОТПРАВКА ТОВАРОВЪ ИЗЪ ШАХРУДА.

ПОИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВЪ.	Въ Хорассанъ.	Бадъ.	Кошанъ *).	ПРИМѢЧАНІЕ.
Желѣзо.	1422 пуд.	132 пуд.	—	Изъ Шахруда вывезено всего 2331 пуд. желѣза, но въ числѣ не обозначено куда имен-но вывезены остальные 777 п.
Желѣзный ломъ. . . .	11 »	—	—	
Сталь	517 »	10 »	—	
Мѣдь { листовая	40 »	33 »	20 пуд.	
{ въ брускахъ . .	385 »	51 »	10 »	
Офтобы (чугун. кувшин.).	228 »	—	—	
Чугун. котлы и др. издѣл.	459 »	8 »	—	
Стеариновые свѣчи . .	414 »	72 »	—	
Сахаръ.	476 »	—	—	
Чай.	18 »	14 »	—	
Посуда, кашины, подно-сы и пр. сундучн. товаръ.	574 мѣст.	74 мѣст.	—	Собственно посуды было отправлено въ Хорассанъ 16 сундуковъ.
Подсвѣчники.	26 »	28 »	—	
Мануфактур. товаръ, рус.	95 »	15 »	—	
» » франц.	221 »	—	—	
Харрози (галлантерейн.).	33 »	—	—	Русскаго галлантерейнъ боль-ше транзитнаго.

*) Въ настоящее время вовсе не отправляютъ товаровъ изъ Шахруда въ Кошанъ, хотя, по увѣренію шахрудцевъ доставлять ихъ туда было-бы не безвыгодно.

ОТПРАВКА ТОВАРОВЪ ИЗЪ ШАХРУДА.

ПОИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВЪ.	Въ Хорасанъ.	Ездъ.	Кошанъ.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Зеркала	—	—	—	Мѣста отправки зеркалъ не обознач.
Стекло (бѣл. и цвѣтн.).	—	24 ящик.	—	
Ружья	2 вѣшк.	—	—	
Веревки	—	—	—	Мѣста отправки не обозначены.
Керосинъ	—	—	—	
Самдальное дерево. . .	—	—	—	
Кошениль	58 »	2 »	3 »	Мѣста отправки не обозначены.
Кулоросъ	27 »	—	—	
Квасцы.	—	—	—	
Пястая бумага	177 стоп.	26 стоп.	4 стоп.	

XXIV.

Замѣчательный рудоконъ, и свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ рудныхъ и минеральныхъ богатствъ въ Бастамо-Шахрудской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Персіи.

— Кстати, обратился ко мнѣ «хозяинъ» за послѣобѣденнымъ кофе, дарога (полиціймейстеръ) общалъ прислать ко мнѣ сегодня замѣчательнаго рудокона, старичка сейида, всю жизнь одиноко проведшаго въ поискахъ за рудными богатствами и *теперь едва ли не нищаго*. Онъ расскажетъ намъ о мѣстонахожденіи рудъ и минераловъ, *которыми такъ богата Персія...*

— И, конечно, о горной промышленности?

— Объ ней не можетъ быть и рѣчи; изъ обзора базара вы убѣдились что Персія пользуется почти всеѣми металлами и металлическими издѣліями изъ-за границы и, преимущественно, изъ Россіи; слѣдовательно, *своей горной промышленности не имѣетъ* и, при существующемъ всеторозящемъ государственномъ строѣ этой страны застоя, развитіе ее не немисленно...

Въ подтвержденіе такого вывода мой собесѣдникъ рассказалъ не мало возмутительныхъ фактовъ, и между ними слѣдующій: нѣкій туземецъ недавно откупилъ или арендовалъ у правительства мѣдине рудники за 3,000 томановъ въ годъ; дѣло пошло на ладъ, но... но у арендатора было не мало враговъ, напечтывавшихъ властямъ, что онъ-до имѣетъ съ рудниковъ 10,000 томановъ барыша... Тѣ потребовали у него ихъ и, не смотря на клятвы злосчастнаго, что все это ложь, арестовали его и увезли въ Тегеранъ....

— А тамъ выжмутъ сокъ! добавилъ рассказчикъ и продолжалъ:

Въ нынѣшнемъ (1874) году, все рудники въ Хорассанѣ, начиная, кажется, съ Тегерана, отдали въ аренду уже другому предпріимчивому туземцу, за 60000 томановъ въ годъ. Приступивъ къ обширной разработкѣ богатѣйшихъ свинцовыхъ рудъ въ мѣстности «Тударворъ», что вблизи г. Дамагана, онъ принялся было за богатѣйшіи

мѣдный рудникъ около Себзевара, какъ тамошній губернаторъ, *исполучивъ отъ него примичной подачи, остановилъ работы...*

Прочіе же рудники или спать глубокимъ сномъ или разрабатываются очень плохо, ибо ни капиталовъ, ни знаній, потребныхъ для горнаго дѣла, въ наличности не имѣется, а административный произволъ и грабежъ безграниченъ: *правительство можетъ уничтожить условія съ своими контрагентами (въ этомъ случаѣ арендаторами) во всякое время, и передать дѣло въ другія руки...*

— И даже русскимъ?

— И даже русскимъ, если найдетъ личный интересъ въ томъ...

Въ это время въ комнату вошелъ ожидаемый нами рудоконъ ага сейидъ Риза, сумрачный, въ пропотѣвшей кулла-памади *) и въ ополсанномъ зеленымъ поясомъ изношенномъ архалукѣ. Усѣвшись на полъ, онъ отказался отъ кофе, но рассчитывая «на помощь уруса» вызвать къ жизни хоть ничтожную долю рудныхъ богатствъ края, охотно сообщилъ свѣдѣнія объ нихъ, свѣдѣнія, правдивость которыхъ подтвердилась впоследствии многими компетентными въ томъ шахрудцами и, частью, доставленными мною Г-му образцами рудъ и минераловъ Бастамо-шахрудской губерніи.

Долина, въ которой пріютился Шахрудъ, возвышается надъ уровнемъ Каспійскаго моря, среднимъ числомъ, на 3500 англійскихъ футовъ, апропорѣзывающіе ее въ разныхъ направленіяхъ безлѣсные и, преимущественно, известковые горные хребты поднимаются надъ нею на 500 — 1500 фут.; таковъ общій характеръ всей губерніи.

Много найдется тутъ мѣди, свинца, желѣза, каменнаго угля, соли, сѣры, алебаstra и разныхъ жирныхъ глинъ, замѣняющихъ бѣдному народу мыло, при стиркѣ бѣлья; существуютъ даже признаки золота.... Остается только изслѣдовать мѣстонахожденія ихъ и приступить къ работѣ, переводилъ мнѣ «хозяинъ» свою бесѣду съ сейидомъ, которую привожу здѣсь цѣликомъ.

І. Мѣдь. Мѣдный рудникъ, находящійся при деревнѣ «Мейгонъ», что за Бастамо, въ двухъ фарсангахъ отъ Шахруда, довольно обширный, но ни кѣмъ ни разрабатывается теперь. Еще недавно тамъ возился нашъ почтенный знакомый хаджи Абу-Талибъ, *получая съ одного батмана (въ 16 рус. фунтовъ) руды 25 сирѣ чистой мѣди, затѣмъ*

*) Кулла-памади — войлочная шапка.

бросилъ это выгодное дѣло, затративъ на него 150 р.; говорятъ: не хватило денегъ, а между тѣмъ *на открытіе рудной жилы* нужно 600 руб..... Джетъ! молча-то у него толста, да видно *придержавшій* угрожали ей, что вообще и побуждасть здѣшнихъ кушцовъ тщательно скрывать свои капиталы и не пускать ихъ въ обороты, это разъ, не знаетъ дѣла—два, наконецъ, персы не любятъ рисковать на разработку рудниковъ.

— А какъ же новый арендаторъ?

— Тотъ запасся англичаниномъ, специалистомъ въ горномъ дѣлѣ.

Далѣе, по словамъ сейида, множество хорошихъ, но не разрабатываемыхъ *мѣдныхъ* рудниковъ находятся по направленію изъ Шахруда въ Мешхедъ; такъ: 1) въ гористой мѣстности «Холь-Холь», что въ 11 фарсангахъ отъ Шахруда и въ одномъ — въ сторону отъ мѣстечка «Мейомей»; 2) около караванъ-сарая «Міандешъ» и 3) въ горѣ «Гомой», что въ двухдневномъ пути въ сторону отъ Себзавара; въ послѣднемъ рудникѣ только что приступлено къ работѣ въ скромныхъ размѣрахъ, но безденежью арендовавшего его отъ главнаго арендатора.

Затѣмъ: *мѣдные* рудники въ «Біорѣ», называемые «Ругеронъ», что въ 14 фарс. отъ Шахруда, въ «Біорджиментъ», называемые «Бакалю», что въ 22 фарс. отъ него, и другіе; помимо Хорассана, мѣдь добывается въ Мазандеранѣ, близъ Амоля и въ Азербейджанѣ: въ горахъ «Кафланку», вблизи Міаны, въ Соучъ-булагъ и близъ озера Урмія.

II. *Свинецъ* находится: 1) въ горахъ «Летжонъ» что вблизи деревни Таль или Тали, расположенной въ 5 фарс. отъ Шахруда; разработка его здѣсь неудобна, ибо близости нѣтъ топлива; 2) въ горѣ «Геріону», называемой также «Юрте-бобо» (хижина старика), что въ двухъ фарсангахъ за деревней Мудженъ и въ семи — отъ Шахруда. Еще недавно добывалъ или, по мѣстному выраженію, *вытоплавлял* тутъ, свинецъ знакомый читателю *дарога*, но теперь этотъ *отличный* рудникъ, съ топливомъ (тѣсомъ) по близости, такъ заброшенъ деревенщиною камнями и землею, что безъ указанія его и невозможно отыскать его, словомъ — онъ не разрабатывается, и развѣ только тотъ или другой райетъ вырывать отсюда для себя 3 — 4 фунта свинцу въ дешъ и то-тайкомъ.

— Но зачѣмъ же они забросили рудникъ?

— Изъ опасенія, чтобы *придержавшій* не принудили ихъ *разрабатывать его въ пользу казны, по обыкновенію, безплатно, а червадаровъ возить руду, тоже, даромъ*.... ибо, если бы правительство и

ассигновало деньги на этот предмет, то нашъ принцъ губернаторъ *предпочтетъ оставить ихъ въ своемъ карманѣ.*

Есть свинцовые рудники и поблизости деревни «Ташъ» (что въ 5—6 длинныхъ фарс. отъ Шахруда), гдѣ найдется и топливо, но они какъ и прочіе въ губерніи, не разрабатываются.

Затѣмъ, въ остальной Персіи свинецъ добывается преимущественно въ Бахтіарескихъ горахъ близъ Кашана и въ области Азербейджанъ, гдѣ есть и олово, а близъ озера Урмія, кромѣ того, прекрасный мраморъ, находящійся также, по словамъ сейида, гдѣ-то за Тегераномъ, въ Ширазѣ, Казвинѣ, Ездѣ и Хорассанѣ.

III) *Желѣзо.* Ближайшія къ деревнѣ Таша горы изобилуютъ сѣрымъ колчеданомъ и желѣзомъ, никѣмъ не разрабатываемымъ; затѣмъ желѣзо находится около г. Дамгана, гдѣ теперь разрабатывается свинецъ, и въ 22 фарсанг. отъ Шахруда по дорогѣ въ Тегеранъ, и именно: въ двухъ фарсанг. въ сторону отъ караванъ-сарая «Оговонъ» въ Оговонской горѣ (Семпоиского кряжа); хотя это мѣсто богато рудой, но ни прежде, ни теперь не разрабатывается и даже *совершенно не изъислѣдовано*, а слѣдовало — бы, ибо рабочіе тамъ дешевы и мѣстность благопріятствуетъ *проведенію колесной дороги* отсюда въ Шахрудъ. Далѣе, никогда разрабатываемые, а теперь заброшенные желѣзные рудники въ гористой мѣстности «Холь-Холь» (что поблизи мѣстечка Мейомей), по качеству и количеству металла, стоятъ ниже оговонскихъ, точно также какъ и тѣ, что находятся въ 5 фарсангахъ отъ Шахруда въ горной мѣстности «Дагене-Саре», гдѣ есть и мѣдъ, по дороге отсюда туда крайне неудобна. Наконецъ, даже видѣвшіеся изъ моего окна горы, какъ и вообще все Васт.-Шахруд. губерніи, — богаты мертво-лежащею желѣзною рудой, да и во всей остальной Персіи она разрабатывается, кажется, только близъ «Амоля», что въ Мазандеранѣ, и то, исключительно, для ядеръ (для персидской артиллеріи).

Сообщая эти интересныя свѣдѣнія, почтенный рудокопъ проговорилъ: — Въ 20 фарс. отъ Шахруда и въ 10 — въ сторону отъ Семпоиса есть гора «Ку-Заръ», а передъ нею — покрытая песками долина, *съ несомнѣннымъ присутствіемъ золота*; тутъ я потратилъ не мало силъ, «но не сумѣвъ отдѣлать драгоценнаго металла отъ массы съ землею, полученной мною при сплавѣ», бросилъ это дѣло...

Я неодобрчиво взглянулъ на него.

— Этому старику повѣрить можно, замѣтилъ «хозяинъ», продолжалъ разспросы...

IV) *Каменный уголь* находится въ горѣ «Периховъ», что въ двухъ фарсанг. отъ Шахруда, а также, въ незначительномъ количествѣ въблизи деревни Ташъ и еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ губерніи, кое-гдѣ — въ Хорассапѣ и въ окрестностяхъ Демавенда, между Тегерапомъ и Тавризомъ, но самыя богатые пласты этого минеральнаго топлива лежатъ почти въ уровень съ землею на обширномъ пространствѣ по рѣкѣ *Кизиль-Узень*.

V) *Сыра*, недавно и совершенно-случайно открытая въ горной мѣстности «Коле Гярау», что въ 5—6 фарс. отъ Шахруда, не доѣзжая дер. Ташъ, — *никимъ не разрабатывается*; въблизи отсюда, и именно: въ не дальнемъ разстояніи отъ караванъ-сарая «Таджепъ» (ошибочно обозначеннаго на картѣ Военно-топографическаго депо: Таджоръ) находятся *сѣрные источники* разной насыщенности, обращеніи которыхъ доставлены мною Г-му.

На г. Демавендѣ, въ Курдистанѣ и Кумѣ — неисчерпаемое количество сѣры, батманъ которой на шахрудскомъ рынкѣ стоитъ 1 р. 80 к. (Кстати сказать, Хорассапъ богатъ селитрою, но въ Бас.-Шахруд. губерніи таковой неимѣется).

VI) *Соль* — *осадочная*, продаваемая на шахруд. рынкѣ по 30 к. за 20 батмановъ, добывается въ соленыхъ озерахъ (что въ 5—10 фарс. отсюда) далеко не въ удовлетворяющемъ спросу на нее количествѣ, а посему сюда перѣдко доставляютъ *горную* (каменную) соль изъ Дамгана, продаваемую по 30 к. за 45 кирпичиковъ, между тѣмъ, какъ «чистая и вкусная» соль (по выраженію разказчика), находящаяся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Шахруда, а именно: во многихъ мѣстахъ гор. крѣжа «Шекесте» (что въблизи дер. Таль) *вовсе не разрабатывается, ибо добыча ея обходится дороже озерной*.

Въ Астерабадѣ-же соль доставляется туркменами съ о-ва Челекенъ, что у Краеноводскаго залива Кас. моря; она — въ плиткахъ и крайне грязна, а потому — передъ употребленіемъ въ пищу — вываривается и сушится.

VII) *Алебастръ*, которымъ, обыкновенно, смазывается здѣсь внутренность жилья почти что у всѣхъ обывателей, находится въ изобиліи въ ближайшихъ къ Бастаму холмахъ, что въ двухъ фарс. отъ Шахруда.

VIII) Разные виды жирной глины (замѣляющей бѣдному населенію мыло при стиркѣ бѣлья) находятся въ изобиліи во всѣхъ сосѣднихъ горахъ; такъ, *сыроватая* глина, продаваемая на здѣшнемъ рынкѣ по

і р. 80 к. и дорожке за хальваръ, добывается, преимущественно, между д.д. Танъ и Муджепъ, и *желтоватая*, — по 90 к. за хальваръ, — въ окрестныхъ горахъ дер. Тааль-Саабъ-абадъ. Помимо того, шахрудцы пользуются еще семпсонскою глиной (изъ г. Семнона, лежащаго на пути съ Шахруда въ Тегеранъ), по 9 р. за хальваръ, употребляемую, исключительно, женщинами, при мытьѣ своихъ головъ въ банѣ.

(Астерабадцы стирають бѣлье, преимущественно, глиною Гилисеръ, которою такъ богаты астерабадскія горы).

Затѣмъ, по словомъ сейида, въ нѣкоторыхъ горахъ Васт. — Шахруд. губерніи находятъ «какое-то густое, точно растопленный воскъ, масло» (безъ сомнѣнія, минеральное), употребляемое «Ирани» какъ *дѣйствительное* лекарство: *опутръ* — при обморокахъ и *снару-жи* — при ранахъ.

XXV.

Пекарни и зерно; климатъ и почва; послѣдній голодъ въ Персіи въ связи съ обременительными налогами, землевладѣнїемъ и ирригаціонною системою.

На слѣдующее утро мы приступили къ осмотру мастерскихъ, начиная съ одной изъ десяти базарныхъ *пекарни*. Это — тѣсная каморка съ убогою азіатскою печью, съ отверстіемъ вверху и лежанкою по сторонамъ; на послѣдней валялась, употребляемая при печеніи лавашей, плоская грязная подушечка, а на полу стояла квашня и вода.

Пшеничное тѣсто, для лавашей, замѣшивается не на дрожжахъ, а на кусочкѣ прокислаго, можетъ быть вчерашняго, еще сыраго, пли, даже, успѣвшаго за недѣлю высохнуть, тѣста разбавляемаго водою; изъ приготовленной такимъ образомъ квашни пекаръ отрываетъ комъ тѣста и, прикрѣпивъ его съ одного конца къ подушечкѣ, за другой — растягиваетъ и плететъ его рукой въ продолговатую тонкую лепешку огромнаго размѣра, которая, на той же подушечкѣ всовывается въ печное отверстіе и затѣмъ

прикладывается или, върифе, влѣпляется къ внутренней стѣнкѣ печи, предварительно нагрѣтой въ надлежащей степени можжевельными дровами; подушечка быстро снимается, и—черезъ минуту—лаваща готова. Въ привычныхъ рукахъ некая работа горитъ, и народъ тутъ же покупаетъ эти всегда свѣжія, нерѣдко—горячія, лепешки па вѣсъ, по мелочамъ или оптомъ—все равно, по 30 к. за $2\frac{3}{4}$ батмана.

Тутъ же печется и *чурекъ* (буквально: хлѣбъ), т. е. круглыя маленькія лепешки въ треть дюйма толщиной.

Въ недалекомъ разстояніи отъ некарии продаются вязанки можжевельныхъ дровъ, доставляемыхъ сюда съ отдаленныхъ (по крайней мѣрѣ на 20—25 верстъ отъ Шахруда) горъ, такъ какъ окрестныя—совершенно обнажены.

Отсюда мы заглянули въ лавочки, гдѣ продаются:

1) Мѣстная и привозимая изъ Астерабадской провинціи, такъ называемая туземцами, *бѣлая* пшеница, высшій сортъ—по 12 р. за хальваръ, и 2-й сортъ—9 р. за хальваръ.

2) Привозный изъ Астерабада *рисъ*—*продоловатый*, кажется, называемый: «амбербу»,—по 20—24 р. за хальваръ, и *кругловатый*—по 18 р. 60 к. за хальваръ.

3) *Мелкое просо*, которое сбѣется въ окрестностяхъ Шахруда въ незначительномъ количествѣ, преимущественно, для корма домашней птицы, но въ голодные 70—71 года шахрудцы ѣли его «съ жадностью *такъ* или—въ молотомъ видѣ», и въ обоихъ случаяхъ—не отдѣляя, по неумѣю, скорлупы.

4) *Мѣстный ячмень*, по 7 р. 50 к. за хальваръ.

Тутъ же, по близости, продается и лошадиный кормъ: *клеверъ* или *трилистникъ* (по персидски: «юнджа»), закупаемый въ этой губерніи въ самомъ незначительномъ количествѣ,—по 1 р. 35 к. за хальваръ—весною, и по 7 р. 50 к. за хальв.— зимою (когда онъ высушенъ или въ видѣ сѣна). Клеверъ доступенъ только богачамъ, и такъ какъ здѣсь пастбищъ мало, луговой травы вовсе нѣтъ, а овесъ не растетъ, то ячмень съ смѣсью *саманомъ* или, какъ иныя выражаются, *сааманомъ* (т. е. измельченною въ куски пшеничною соломой, хальваръ которой продается по 1 р. 50 к. и до 2 р. 40 к.),—служить обыкновеннымъ кормомъ, для лошадей, катеровъ и даже ословъ.

Климатъ въ этой возвышенной странѣ очень сухъ и не такъ жарокъ, какъ въ Астерабадской провинціи, — заговорилъ «хозяинъ», когда мы пошли дальше. Миндаль и абрикосы цвѣтутъ, обыкновенно, около 8-го марта; вишня поспѣваетъ въ началѣ или серединѣ іюня, лимченъ созрѣваетъ около 7-го числа того же мѣсяца или — по выраженію здѣшнихъ хозяевъ — тогда, когда солнце вступитъ въ знакъ Овна, что приходится на 90-й день послѣ «Ноурузи» (Новаго года или — буквально — Новаго дня, около 9-го марта), а пшеница — около 15 го іюня, или на сотый день послѣ этого, особенно чествуемаго Персами, праздника.

Въ началѣ іюля шахрудцы уже лакомятся абрикосами, персиками, дынями, арбузами и пр. плодами. Съ сентябри — въ воздухѣ чувствуется нѣсколько прохладитѣй, — наступаетъ осень, съ рѣдкими дождями, чаще — полнымъ бездождіемъ; затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно *безснѣжная зима*, ибо изрѣдка идущій снѣгъ немедленно таетъ; но случается, и лежитъ съ мѣсяцъ, даже болѣе, что составляетъ для этой сторонки уже *феноменъ*; такъ, въ прошломъ году онъ покрывалъ землю съ января до начала марта на $\frac{1}{2}$ фута. Морозы рѣдко доходятъ до 12° R., обыкновенно же — по утрамъ — 3° R., а *днемъ таетъ даже въ тѣни*. Иногда свирѣютъ здѣсь сильнѣйшіе ураганы; такъ, письмо, полученное мною по возвращеніи на родину, гласитъ, что въ ночь съ 1-го на 2-е января 1875 г. пронесся въ Шахрудѣ ураганъ, оставившій по себѣ слѣды опустошеній начиная съ Атрека; островокъ Ашуръ-Аде, составляющій нашу морскую станцію, былъ на *два трети* зальтъ водою: казна и частныя лица повесли значительныя убытки; на Гязкомъ берегу было повреждено много строеній и не мало товаровъ, а въ г. Астерабадѣ — помимо ветхихъ строеній — поломало много деревьевъ, такъ что отъ померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ хорошенькаго консульскаго сада остались одни обломки; въ то же время выпало снѣгу болѣе, чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ аршина, и по этому, *какъ говорятъ здѣсь*, еще не бывалому въ Астерабадѣ случаю (хотя и въ мартѣ прошлаго года снѣгъ стоялъ тоже глубокій), — сообщеніе между Гязскимъ портомъ. Астерабадомъ и Шахрудомъ совершенно прервалось на трое сутокъ; телеграфъ между двумя послѣдними городами и Тегераномъ не дѣйствовалъ въ теченіи 7 — 8 дней и, затѣмъ, захворалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что могъ работать только по 2 — 3 часа въ сутки. Тотъ же ураганъ разрушилъ въ Шахрудѣ не мало ветхихъ стѣнъ, поло-

малъ много фруктовыхъ деревьевъ, и свалилъ на аллеи богомольцевъ столбѣтній чинаръ, разрушившій — при своемъ паденіи — стѣну ближайшаго сада на десять сажень; при этомъ, здѣсь выпалъ снѣгъ на $\frac{1}{2}$ вершка, а подорогѣ отсюда въ Себзеваръ, гдѣ ураганъ также свирѣпствовалъ, на 2 и даже на 5 вершковъ.

Что же касается до почвы Баатама — шахрудской долины, то она — по словамъ «хозяина» — *уже истощена* и крайне пуждается, помимо орошенія, въ *раціональномъ удобрѣніи*.

Прежде — какъ увѣряли его сельскіе хозяева — *здѣсь былъ минимит урожай — самъ 20, а теперь — максимум — самъ 10*, и то считается *уже благодатью*, но есть до того истощенные участки пахатной земли, какъ, напр., въ деревнѣ Келоте - Шамсъ, что — въ наилучшей годъ — не даютъ больше самъ 6.

— Чѣмъ же объяснить это печальное явленіе?

— *Микроскопическимъ удобрѣнiемъ*, ибо — скота здѣсь мало или вовсе нѣтъ, а усовершенствованные способы удобрѣнія — невѣдомы... Но хозяева не признаютъ такого довода съ моей стороны: «Нѣтъ, стоятъ они на своемъ, — это наказываетъ насъ Богъ за грѣхи!!!» И только одинъ изъ нихъ уже знакомый вамъ *принимъ-фотографъ* правильно смотритъ на дѣло, говоря, что: *«Здѣсь нужно брать почву поглубже, и тогда — урожаи будутъ лучше»...*

Въ текущемъ году урожай — сносный, и собственно шахрудцамъ хватило бы своего хлѣба на годъ, но для удовлетворенія стекающихся сюда богомольцевъ въ ожиданіи оказіи въ Менхедъ, приходится ежегодно прикупать изъ Астерабада, помимо рису, много пшеницы. Въ случаѣ же неурожая — настаетъ голодъ; такъ, 1870 и 1871 года были неурожайные, и съ осени или начала зимы страшный голодъ охватилъ почти всю Персію (за исключеніемъ прикаспійскихъ провинцій ея: Астерабад. Мазандеран. и Гилянъ: гдѣ урожай былъ хоть не обильный, но все же превосходящій мѣстныя потребности). Для бѣдствующаго Хорассана (и также — туркменъ) доставлялось много пшеницы и ячменю изъ Баку на Гязскій берегъ, гдѣ первая продавалась сперва по 90 к. и 1 р. 5 к. за пудъ, затѣмъ — по 1 р. 65 к., а ячмень — съ 75 к. постепенно дошелъ до 1 р. 20 к. Но эта мѣра мало содѣйствовала къ

облегченію участи голодающаго Хорассана, ибо *цѣны за провозъ* изъ Гязи до Шахруда возрасли до 90 к. съ пуда и даже на нѣкоторое время до 1 р. 20 к., изъ Шахруда же до Себзеvara до — 30 и даже 45 р. съ хальвара, а изъ Шахруда до Мешхеда — 60 и 90 руб. такъ что въ концѣ 1871 г. и началѣ 1872 г. цѣны стояли: въ Шахрудѣ—на пшеницу до 60 руб. за хальварь, на ячмень и просо—до 45 руб.,—въ Себзеvarѣ—на пшеницу до 120 р. за хальварь, ячмень—до 75 руб. и просо—до 60 руб., а въ отдаленномъ отъ мѣста доставки Мешхедѣ — на пшеницу — до 150 руб., и ячмень — до 120 руб. за хальварь.

Бѣдствіе, постигшее тогда Хорассанъ и, особенно, Мешхедъ,—неизобразимо писакими красками!.... Вначалѣ промѣнивали мѣдную посуду на пшеницу *батманъ за батманъ* *), затѣмъ, *пронесшіе все свое имущество* или сотнями ежедневно умирали съ голоду, и трупы ихъ перѣдко оставались по двое по трое сутокъ не погребенными, или же дозволяли туркменамъ уводить себя въ неволю безъ малѣйшаго сопротивленія, и невольничьи рынки Хивы и Бухары переполнились ими; правда, впоследствии, *придержавшія* поставили караулъ у городскихъ воротъ, дабы воспрепятствовать *добровольной неволѣ*, но *никакихъ мѣръ къ облегченію бѣдствія не принимали*. Хорассаномъ управлялъ тогда поражавшій европейскихъ путешественниковъ своею безумной роскошью, «Мечъ государства» Султанъ *Мурадъ Мирза*, для благополучно-царствующаго Шаха Насръ-ед-Дипа **).

— Я былъ очевидцемъ—разсказывалъ мнѣ «хозяинъ»,—какъ толпы въ 200—300 голодныхъ хорассанцевъ ежедневно проходили черезъ Шахрудъ искать работы или нищенствовать въ прикаспійскія провинціи. Изнуренные голодомъ, въ рубищахъ или—*совершенно обнаженные*, они устилали путь своими трупами!.... Въ Хорассанѣ, Азербейджанѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ бывали случаи *модотства* (питались, преимущественно, дѣтскими трупами!) ..

Докторъ В. то разсказывалъ, что на своемъ пути отъ Авганскихъ границъ до Тегерана онъ почти не встрѣчалъ дѣтей: всѣ перемерли съ голоду! и всюду видѣлъ только горе, смерть и ужасаю-

*) И теперь еще базары переполнены этою посудой, вотъ почему вывозъ мѣды изъ Россіи уменьшился.

**) Который и пожаловалъ ему титулъ «Мечъ государства» за его услуги при осадѣ Херата въ 1866 г.

щую лицезету; всюду по улицамъ стояли гробы, большею частью расхищенные дикими звѣриями; цѣлыя кварталы въ городахъ, цѣлыя деревни опустѣли!

Въ одномъ Хорассанѣ умерло около 120,000 чел., а во всей Персiи — не менѣе 1.500,00 ч.!

Какъ же относилось персидское правительство къ воплямъ и агонiи съ голоду умирающихъ *агриподанныхъ*? — *Совершенно индифферентно*, и только въ Тегеранѣ роздало казенный хлѣбъ бѣднѣйшимъ обывателямъ, которымъ въ особенности *помогали иностранныя мисси*; затѣмъ, спохватилось — было отправивъ въ январѣ 1872 г. своего чиновника въ Астрахань, для закупки хлѣба, но было уже поздно: не найдя здѣсь достаточныхъ запасовъ его, онъ отправился, кажется, въ Саратовъ, гдѣ и сдѣлалъ необходимую закупку, поспѣвшую въ Тегеранъ *только* во время жатвы 72 года, когда уже голодъ, благодаря сноскому урожаю, прекратился!..

Причина такого необычайнаго голода, какъ и вообще — перѣдкахъ голодухъ то въ той, то въ другой мѣстности, коренится *не столько въ бездожii*, на которое такъ любятъ ссылаться придерживанiя, *сколько въ немыслимъ государственномъ строп Персiи*. Посѣвы здѣшняго райя (земледѣльца), не имѣющаго никакой опредѣленной собственности и находящагося въ крайне бѣдственномъ положенiи (вълѣдствiе обрушившихся на него всю тяжестью поземельныхъ налоговъ и прочихъ обременительныхъ поборовъ натурою, притѣсненiй чиновниковъ и поземельныхъ собственниковъ), — *очень ограничены*, слѣдовательно, *не изъ чего и запасаться про голодный годъ*, а еслибы у него и нашлись кое-какiе избытки, то — изъ опасенiя лишиться ихъ, такъ какъ частная собственность въ Персiи не обезпечена отъ хищной администрацiи, — *онъ никакихъ запасовъ не сдѣлаетъ*: о запасныхъ складахъ хлѣба, могущихъ обезпечить народъ на случай неурожая, здѣсь и помину нѣтъ; затѣмъ, неудовлетворительное состоянiе ирригацiонныхъ сооружений и дороговизна провоза (какъ слѣдствiе плохого состоянiя путей сообщенiя вообще и бездорожья въ осеннее и зимнее время въ особенности, не допускающихъ сбывать излишекъ урожая въ другiя мѣста), — *постепенно привели персидское земледѣлiе въ упадокъ*, а — вѣдь — при иныхъ условiяхъ, Персiя могла бы вывозить свой хлѣбъ даже за границу...

Право персидскаго райя состоитъ въ обязанности работать на другихъ до истощенiя силъ и — умереть съ голоду, и таковое *унетсiе*

труда подкосило въ корнѣ главный источникъ народнаго богатства и ринуло Персію въ бездну нищеты и несчастій!

Деревенщина платитъ, во первыхъ, *малимъ*, т. е. подушную и поземельную подати, составляющія главную статью государственныхъ доходовъ; во вторыхъ, за скотинку и—особые налоги съ садовъ, огородовъ, домовъ и др. строеній; прибавьте къ этому разные поборы въ пользу правительственныхъ лицъ и чрезвычайные налоги, какъ то: 1) *сур-затъ*, т. е. сборъ разной провизіи при проѣздѣ хановъ и чиновныхъ людей съ ихъ челядью, а также провіанта и фуража, при проходѣ войскъ; 2) *садръ-аварезъ*, собираемый на военныя экспедиціи, и 3) *ни-иши* (подарки), обязательно подносимые на новый годъ всѣмъ властями; прибавьте ко всѣмъ этимъ тягостямъ персидскаго земледѣльца еще обременительныя поборы въ пользу землевладѣльца (помѣщика), если онъ имѣетъ несчастье жить на его землѣ, и то обстоятельство, что персидское правительство, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, за частую требуетъ уплаты податей впередъ и даже увеличиваетъ ихъ *),—и тогда исполнѣ выяснится главнѣйшая причина упадка земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, а также—неопровержимый фактъ вымирания *народа* въ Персіи. Угнетая трудъ, государство нищаетъ одновременно съ народомъ!..

— Это—общія свѣдѣнія. Чтоже касается собственно Бастамъ-Шах-рудской губерніи, то все мужское населеніе деревень ея (за исклю-ченіемъ, кажется, старцевъ и хаджи, т. е. побывавшихъ на богомольи въ Меккѣ), начиная съ 18-ти лѣтняго возраста, платитъ подушную подать доходящую въ иной деревнѣ до 6 томановъ съ каждой души, въ другой еще больше или гораздо меньше; такая неравно-мѣрность объясняется тѣмъ, что подушныя взимаются по первоначальной раскладкѣ, произведенной въ деревняхъ, быть можетъ, сотни лѣтъ тому назадъ. Положимъ, на какую нибудь деревню тогда приходилось выплачивать 100 томановъ или на душу—по нѣсколько кранъ, но съ теченіемъ время населеніе ея уменьшилось на девять десятыхъ (вслѣд-ствіе большой смертности или переселеній въ города), на которыхъ и

*) Ежегодный приходъ въ персидскомъ бюджетѣ прядь-ли извѣстенъ самому правительству, но полагаютъ, что онъ не превышаетъ 25 мил. руб., изъ коихъ третья часть (составляющая доходъ съ *вакуфа*, т. е. съ земель, принадлежащихъ мечетямъ и медресамъ), идетъ исключительно на содержаніе духовенства, сейидовъ, мечетей, медресовъ, общественныхъ банъ, мостовъ—и проч. общепользныхъ сооруже-ній.

раскладываются теперь все тѣже 100 томановъ, другими словами, подушныя увеличились въ 10 разъ.

Далѣе, землевладѣльцы платятъ поземельную подать, которая опять таки выносятся проживающими па ихъ земляхъ райями; такъ, *со ста батмановъ посѣяннаго зерна*, положимъ, шеницы вносятся въ казну постѣ жатвы: 40 батмановъ зерна, 80 батмановъ мякины и 5 крапъ деньгами. Затѣмъ, съ каждыѣхъ трехъ барановъ—по 30 к. въ годъ, съ осла—30 к., съ катера и выюной лошади—60 к. *); съ садовъ—съ каждой джерида до 2 р. 40 к., съ мельницы **) — по 2 хальвара пшеницы; наконецъ, съ огородовъ, домовъ и прочихъ строеній.

Положеніе горожанъ сравнительно съ деревенщиною—далеко легче; они также платятъ подушныя съ 18-го лѣтняго возраста, смотря по раскладкѣ: такъ, шахрудцы—по 18 крапъ съ души, ***) а сосѣдніе съ ними бастамцы т. е. жители города Бастама—по 22 крапа; помимо того лавочники и мастеровые въ Шахрудѣ платятъ по 14 крапъ въ годъ,—владѣльцы загородныхъ садовъ тоже вносятъ въ казну незначительную плату ****); затѣмъ горожане не платятъ никакихъ другихъ податей съ принадлежащихъ имъ земель, строеній и садовъ въ чертѣ города. Таковая привилегія послужила главною причиною переселенія деревенщины въ города, переселенія, объясняющаго ежегодное приращеніе жителей почти во всеѣхъ городахъ Персіи въ ущербъ численности сельскихъ обывателей.

Вестѣда коснулась землевладѣнія въ Персіи.

— По *шаріату*, началъ «хозяинъ», *вся земля—Божья*, но фактически—населенныя земли въ Персіи принадлежатъ или *казнѣ*, или—*частнымъ* лицамъ, и только безжизненныя пустыни—никому (конечно, въ смыслѣ поземельной собственности, а не территоріальнаго владѣнія).

Казенныя земли дѣлятся на: 1) мелкіе участки — *райети*, пахотныя въ постоянномъ пользованіи горожанъ и райевъ; 2) *халас-*

*) Съ верховыхъ лошадей, быковъ и коровъ—ничего не платятъ.

**) Мельницы здѣсь водяныя и очень малыѣхъ размѣровъ.

***) Проживающіе долгое время въ городѣ пріѣзжіе изъ другихъ провинцій платятъ въ казну 1 томанъ въ годъ.

****) Владѣльцы загородными садами и землями полученными по наслѣдству или дару тоже платятъ въ казну.

се или конфискованныя земли во время народных возстаній, въ царствованіе Ага — Мухаммедъ — Хана и Фетхъ — Али — Шаха, — находятся подъ управленіемъ правительственныхъ чиновниковъ. Такихъ земель въ Бас.-Шахруд. губерніи не мало: изъ нихъ — часть подъ казенными посѣвами, на что ежегодно выходитъ до 200 хальваровъ съ-мянъ (пшеницы и ячменя), другая — сдается въ аренду частнымъ лицамъ «за 20 батмановъ (пшеницы или ячменя) съ каждой джериды ежегодно»; 3) *тироль* — земли, раздаваемыя шахомъ въ видѣ награды частнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе.

Частную поземельную собственность составляютъ: 1) *милькехасъ* — мли, лично принадлежащія шаху. Милькехасъ подъ Шахрудомъ и Бастагомъ образовался — по словамъ обывателей — изъ конфискованныхъ земель въ царствованіе двухъ первыхъ шаховъ ши'итиней, ненавистной для персіанъ, Каджарской династіи; 2) *сануфъ* — земли, принадлежащія мечетямъ (церквамъ) и медресамъ (духовнымъ школамъ), — доставляетъ казнѣ *третью часть* всѣхъ государственныхъ доходовъ; 3) *арбаби* — земли, принадлежащія частнымъ лицамъ; арбаби могутъ быть продаваемы и покупаемы.

Что же касается до никому не принадлежащихъ земель въ безжизненныхъ пустыняхъ, то: «кто первый обрабатываетъ, засѣетъ и ороситъ участокъ на нихъ, тому онъ и принадлежитъ».

Кстати — объ орошеніи въ Персіи.

Мною уже было упомянуто, что на пути изъ Астерабада въ Шахрудъ, вблизи отъ послѣдняго тянется по голой степи длинный рядъ земляныхъ бугорковъ съ воронкообразными ямами сверху, ямами, переходящими въ круглыя колодцы (каменной кладки) въ $3\frac{1}{2}$ сажени глубиною до воды и аршинъ въ діаметрѣ; эти отдушины съ возвышенными краями, называемыя по переидски «капаут'ами», а также «кериэъ», соединены подъ землею общимъ каналомъ, по которому проводится вода изъ горныхъ источниковъ въ населенныя мѣста долины для разнообразныхъ потребностей; это и есть подземные водопроводы направленіе которыхъ указывается вышеописанными бугорками, образовавшимися изъ выброшенной при рытьѣ ихъ земли.

Нерѣдко отъ этихъ водопроводовъ, а чаще прямо изъ ручьевъ, вода проводится въ разныя мѣста еще *открытыми канавками*, по поверхности земли; такъ, протокъ Шахрудъ, образовавшійся изъ горныхъ родниковъ или источниковъ, орошаетъ шахрудскіе посѣвы и сады, наполняетъ имѣющіеся при дождѣ cadaго зажиточнаго обывателя,

бассейны и городскія, крытыя водохранилища, достаточной глубины, дабы вода въ нихъ (напускаемая по мѣрѣ надобности посредствомъ крана, и къ которой ведетъ крутая лѣсенка) лѣтомъ оставалось бы холодною, а зимою не замерзала.

Искусственное орошеніе въ маловодномъ, безлѣсномъ Хорассанѣ, какъ и по всей персидской выси, составляетъ жизненный интересъ, а потому на устройство и поддержаніе ирригаціонныхъ сооружений здѣсь обращается, если не соответствующее, то возможное при современной спячкѣ Персіи, вниманіе. Здѣшняя почва, при достаточной поливкѣ ея, вообще плодородна и, за нѣкоторымъ исключеніемъ, не знаетъ удобренія, ибо скота мало, мало и навозу, до и тотъ (въ сухомъ видѣ) больше служить топливомъ; слѣдовательно, урожай зависитъ, главнымъ образомъ, отъ хорошаго орошенія, а послѣднее находится въ зависимости отъ количества тающихъ снѣговъ и періодически выпадающихъ дождей.

Водопроводы принадлежать или правительству, или частнымъ лицамъ и обществамъ; въ первомъ случаѣ, правительственные чиновники наблюдаютъ за равномернымъ распредѣленіемъ воды между нуждающимися въ ней для орошенія полей, взимаютъ за нее налогъ, находящійся въ зависимости отъ мѣста и времени года; во второмъ—собственники проточной воды, уплачивая казнѣ опредѣленную сумму за право владѣнія ею, взимаютъ отъ потребителей плату, тоже соответствующую спросу и предложенію на нее (т. е. количеству воды и времени года), но если текущей съ горъ воды очень много, то каждый можетъ провести ее къ себѣ канавкою, не уплачивая за то никому ничего.

Шахрудскіе водовладѣльцы—а ихъ здѣсь не мало *)—взимаютъ съ землевладѣльцевъ: по 12—15 р. въ годъ за *безанъ*, т. е. количество воды, потребное для поливки—по мѣрѣ надобности—пашни, *застыжной десятию хальварами пшеницы или ячменю*, а съ садовладѣльцевъ: по 2 р. 40 к.—4 р. 50 к. за *непрерывную струю воды въ продолженіи четырехъ часовъ*; если же пшеница уже сжата (какъ теперь), слѣдовательно въ водѣ излишекъ, то за четырехъ-часовую поливку сада взимается всего 15 к.

Все сказанное объ искусственномъ орошеніи относится къ долинамъ въ горахъ же его замѣняетъ «дейимъ»:—таковъ персидскій терминъ естественнаго орошенія посѣвовъ дождями.

*) Собственникомъ воды считается всякій, кто первый отыскалъ воду и пустил ее канавкой.

XXVI.

Кухни и мясныя; дикія животныя, домашній скоть и молочныя скопы; провозная плата.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы остановились у настѣжъ-открытой чадной кухоньки, гдѣ жарился надъ угольями кебабъ, тутъ же пожираемый, вѣроятно, достаточными прохожими. такъ какъ баранина теперь въ цѣнѣ: 45 к. за батманъ.

Овцы и бараны на убой покупаются, обыкновенно, у туркменъ, рѣже, у окрестной деревенщины; мяса же рогатаго скота здѣсь вовсе не встрѣтите: персы рѣдко ѣдятъ его, и быки служатъ имъ исключительно для полевыхъ работъ, а коровы — для приплода и молока.

Изъ домашней птицы — на базарѣ пайдутся куры, по 25 к. за штуку, цыпляты — по 12 к.; десятокъ яицъ — 9 к.

Изъ дичи — изрѣдка встрѣчаются сизые голуби и степныя курочки (куропатки); за послѣдними туземцы охотятся съ такимъ неуѣдѣемъ, что — по словамъ «хозяйна» — лучший охотникъ *подстрѣлитъ въ два дня лишь одну курочку.*

Рыба случается еще рѣже; иногда зимою привозятъ сюда нѣсколько штукъ свѣжей рыбы. въ родѣ форели, наловленной руками съ немалымъ трудомъ въ ближайшей отъ города рѣчечки, да изъ Мазандерана доставятъ немного соленого *кутума*, вотъ и все.

Кромѣ нечисленной здѣсь дичи, употребляемой въ снѣдь, въ Бастаме-Шахрудской губерніи водятся: въ шипецѣ — перепела, еще рѣже — зайцы, вкушать которыхъ — *полузапрещено кораномъ*, а потому рѣдкіе изъ туземцевъ лакаются ими; затѣмъ, *хоть здѣсь и нѣтъ тростнику*, но *дикіе кабаны* встрѣчаются въ шипецѣ, которою они питаются. Далѣе, есть серны, дикія козы и горный баранъ, барсуки, куницы и немного лисицъ, а изъ вредныхъ животныя: волки и множество шакаловъ, отваживающихся красть куръ даже въ самый городъ.

— Что же касается до домашнего скота, — продолжалъ «хозяинъ», то крайне ограниченное количество его въ Бастамъ-Шахрудской губернии объясняется, помимо правительственного гнета, скуднымъ пастбищемъ.

1) Хорошія лошади въ Персіи — рѣдкость. Нѣкогда знаменитыя своими отличными качествами персидскія лошади переродились со времени уменьшенія здѣсь огромныхъ массъ кавалеріи, а также вслѣдствіе обѣдненія персидскаго двора и вельможъ, имѣвшихъ возможность еще при Фетхъ-Али-Шахъ (1796—1834) — содержать многочисленныя табуны. Въ настоящее время правительство располагаетъ нѣсколькими конными заводами въ Фарсиستانѣ, но не для улучшенія породы лошадей, о чемъ такъ старался въ Хорассанѣ Шахъ - Надиръ, а для снабженія ими шахскаго двора и, пожалуй, артиллеріи.

Хорошая верховая лошадь, преимущественно, туркменской породы, рѣдко-арабской, стоитъ въ Шахрудѣ отъ 300 до 600 руб., а простая выучная, — «ибу», отличающаяся выносливостью и поднимающая *шестипудовый выюкъ*, — 24—90 рублей.

Персы — по словамъ «хозяина» — не знаютъ мушкетеровъ, а лишь одно уздечко; — никогда не холостятъ (не выкладываютъ) своихъ лошадей (жеребцовъ) и тщательно ухаживаютъ за ними, особенно за верховыми; весной — пускаютъ ихъ на траву и кормятъ недѣлю шесть зеленымъ лчменемъ (хазылъ), затѣмъ, — если позволяютъ средства, — трилистникомъ (юнджа).

2) *Катеръ* (мулъ, лошаць). — Эта помѣсь осла съ лошадыю *не оставляющая по себѣ потомства*, подходитъ, — по своей выносливости и терпѣнью, а также своими ушами, тонкими ножками, хвостомъ и даже ревомъ, — къ первому, т. е. къ ослу, а силою и неутомимостью превосходить вторую, т. е. лошадь, на которую и смахиваетъ по наружности; не смотря на свой, средній между ними, ростъ, катеръ поднимаетъ по ровной дорогѣ восьми, девяти и даже десяти-пудовый выюкъ, а по горной — шестипудовый, принятый въ Шахрудѣ (при отправкѣ тяжестей на этихъ животныхъ въ Себзеваръ и далѣе въ Мешхедъ) за *норму*. Катеръ рѣдко употребляется подъ верхъ, хотя нерѣдко ходитъ прекрасною иноходью; мѣстная цѣна ему — отъ 60 до 120 рублей.

3) *Оселъ* (Харъ) малорослой породы служить въ Шахрудѣ, обыкновенно, подъ верхъ, рѣже — подъ выюкъ, и стоитъ здѣсь 9—36 руб. Онъ представляетъ для персидскаго раія большой интересъ: возить

его и его припасы, поднимая по ровной дорогѣ пятипудовый вьюкъ, а потому число этихъ неприхотливыхъ, терпѣливыхъ животныхъ весьма значительно въ Персіи.

4) *Быки и коровы* красивой *тамининской* породы (какъ и во всей Персіи), съ небольшимъ мясистымъ наростомъ на холкѣ, который у послѣднихъ свѣшивается на бокъ и нѣсколько меньшаго размѣра, чѣмъ у первыхъ. Въ Шахрудѣ наберется всего 20 коровъ, по 15 — 24 руб. за голову и 10 быковъ, по 30 — 45 руб.; во всей же губерніи, покупающей послѣднихъ въ Астерабадской и Мазандеранской провинціяхъ, исключительно, для полевыхъ работъ, — не болѣе 600 быковъ, а коровъ — еще меньше.

5) Овецъ и барановъ насчитываютъ въ Шахрудѣ не болѣе 1000 головъ, по 2 руб. 10 к. и до 3 руб. за каждую, а во всей губерніи — 10.000; они пасутся круглый годъ въ горахъ и долинахъ.

Кстати, слово о молокѣ и молочныхъ скопахъ.

а) *Кислое* коровье и овечье молоко, для продажи, готовится на самомъ базарѣ, въ виду всѣхъ, такъ: кипятятъ въ котлѣ свѣжее молоко, снимая съ него грязную отъ пыли пѣну, и затѣмъ, когда оно простынетъ, — прибавляютъ, для быстраго окисленія, немного кислаго молока. 6 — 7 батмановъ свѣжаго или кислаго молока стоитъ здѣсь весною всего 30 к., лѣтомъ — 60 и даже 70 к., а зимою — 1 р. 20 к. и 1 руб. 30 к. Такое рѣзкое колебаніе цѣны объясняется тѣмъ, что зимою *овцы не доятся*, слѣдоват. въ продажѣ находится только коровье молоко, и то въ незначительномъ количествѣ. Кислое молоко съ водою служить пріятнымъ прохладительнымъ питьемъ «объ-дугъ», понравившемся мнѣ болѣе здѣшнихъ шербетовъ.

б) *Сушеное молоко*. 1-й сортъ, приготовляемый въ овчарняхъ изъ остающагося послѣ взбитаго масла пахтанья, которое кипятится до густоты и затѣмъ сушится, — напоминаетъ своимъ вкусомъ овечій сыръ и стоитъ на мѣстномъ рынкѣ 30 к. за батманъ; 2-й сортъ — 20 к., и 3-й сортъ — эта темная масса отвратительнаго мыльнаго вкуса, получаемая такимъ же путемъ изъ остатковъ при приготовленіи двухъ первыхъ сортовъ, стоитъ всего 10 к. за батманъ.

в) *Овечій сыръ*, спосный на вкусъ, продается кусками и меленькими кусочками, точно на закуску, по 60 — 90 к. за батманъ, смотря по времени года.

д) *Овечье масло*: топленое — по 1 руб. 80 к. за батманъ и петопленое — по 1 руб. 35 — 65 к., — доставляется сюда изъ окрестныхъ

дерево и встрѣчается теперь только въ жидкомъ отъ жары состояніи (хотя тутъ же, на базарѣ, продается и ледъ).

Мнѣ не случалось видѣть здѣсь ни коровьяго масла (которому обыватели и даже «хозяинъ» предпочитаютъ овечье, *аироятно за неимѣніемъ ея*), ни сливокъ, которыхъ, впрочемъ, персы не пьютъ съ кофеемъ.

5) *Верблюды* (Шоторъ). Хотя шахрудцы не держатъ своихъ верблюдовъ, но такъ какъ доставка сюда товаровъ изъ Хорассана, Езда и Тегерана, а затѣмъ отправка таковыхъ отсюда совершается, обыкновенно, на этихъ неприхотливыхъ и неутомимыхъ животныхъ, составляющихъ въ Персіи (за исключеніемъ горныхъ мѣстностей ея) главное перевозочное средство, то считаю нужнымъ упомянуть о нихъ.

Персія богата одnogорбыми верблюдами (дромадерами), но двугорбыхъ видѣлъ я тутъ всего два раза; цѣна тѣмъ и другимъ отъ 40 до 100 рублей.

При отправкѣ товаровъ изъ Шахруда въ Мешхедъ, (по причинѣ дальняго разстоянія между станціями и недостатка въ водѣ, отъ котораго страдаютъ вьючныя животныя) на каждого взрослого верблюда рѣдко навьючивается болѣе 60 батмановъ (10 пуд. 35 фун.); на удобной же дорогѣ они легко справляются съ тринадцати-пудовой тяжестью, проходя большія разстоянія, по 3—3½ версты въ часъ, безъ отдыха, но по гористой или грязной — ходятъ съ большимъ трудомъ и рѣдко ломаютъ себѣ заднія ноги.

Съ молоду верблюдовъ приучаютъ, безъ особеннаго труда, ложиться и сгибать подъ себя ноги, для вьючки, такъ: уложивъ ихъ на землю, покрываютъ каждого особо войлокомъ, на который накладываются камни или другая какая нибудь тяжесть, препятствующая имъ самовольно приподниматься; послѣ непродолжительнаго ученія, они уже починаются приказанію своего хозяина: ложиться и вставать.

Въ караванахъ (что буквально значитъ: рядъ навьюченнаго скота) верблюды тянутся, одинъ за другимъ длиннымъ гуськомъ съ интервалами въ нѣсколько шаговъ между партіями (китаръ); въ каждой такой партіи, состоящей обыкновенно изъ семи животныхъ, ноздри заднихъ привязываются къ вьючнымъ сѣдламъ переднихъ тонкими, далеко непрочными веревочками, и именно непрочными потому, чтобы при паденіи одного верблюда, не оторвалась бы ноздря у слѣдующаго за нимъ.

По прибытіи каравана на мѣсто отдыха, «китары» ложатся рядами или кружками; затѣмъ верблюдовъ развьючиваютъ и ищутъ на паст-

бище, вообще, скудное здѣсь, но достаточное для этихъ, крайне поприхотливыхъ и умѣренныхъ въ пищѣ, животныхъ, любимыя колючки которыхъ «Хари - Шоторъ» растутъ повсемѣстно въ Персін; иногда даютъ имъ разъ въ сутки, и именно на почлегъ, немного хлѣбца изъ ячменпой муки, — вотъ и все.

Уходъ за верблюдами тоже несложенъ: запылятся они дорогой — имъ выбьютъ палками шерсть, какъ ковры у насъ, образуются у нихъ подъ сѣдломъ раны — ихъ промочить мочей, а весной когда они теряютъ шерсть, имъ смазываютъ кожу отъ безпокойныхъ мухъ и проч. насѣкомыхъ, обыкновенно, нефтью или, какъ напр. въ Шахрудѣ, растительнымъ масломъ меддоу.

Верблюды вообще кротки, и только когда настанетъ время случки, и нихъ выходить изъ рта нѣба, они становятся злыми, — кусаются.

Теперь небесѣдуемъ о стоимости проѣзда и перевозки товаровъ.

Наше астерабадское консульство, по соглашенію съ персидскими властями, установило плату за проѣздъ русскихъ и за перевозку вьюковъ ихъ изъ Гизскаго порта до г. Астерабада по 1 руб. 50 к. — 1 руб. 80 к. за каждую лошадь или катера, что очень удобно, особенно, для ѣдущихъ по дѣламъ службы (получающимъ туда и обратно 8 червонцевъ прогонныхъ денегъ). Изъ Астерабада же въ Шахрудъ*) или прямо изъ Гизи туда (разстояніе почти одинаковое: 18 фазанг. — по однимъ свѣдѣніямъ, и 23 ф. по другимъ) плата за проѣздъ взимается по соглашенію съ червадарами, и — какъ уже извѣстно читателю — мѣ обонилась каждая лошадь по 3 рубля.

Цѣна за провозъ товаровъ изъ Гизи въ Шахрудъ или обратно опредѣляется *не съ вьюка, а съ вьюка* или — вѣрнѣе — *съ катера* (подымающаго, обыкновенно, по этой горной, крайне неудобной, дорогѣ не болѣе 6 - ти пудовъ) по 1 руб. 20 к. — 4 руб. 50 к., смотря по времени года и количеству товаровъ; такъ, дѣйств., когда червадары, пуская своихъ измученныхъ катеровъ мѣсяца на два на траву, запи-
маются извозомъ меньше, провозъ дорожаетъ, точно также, какъ и въ

*) Изъ Астерабада ведутъ двѣ дороги въ Шахрудъ: 1) Прежде подвергавшаяся нападеніямъ туркменъ, но теперь безопасная торговая и вѣстѣ съ тѣмъ почтовая «Раги—Кузлукъ», которою ѣхали я, и 2) болѣе короткая, но менѣе удобная «Раги—Зиаретъ», направляющаяся на селеніе Зиаретъ, «Гейтъ—Чешме» и затѣмъ, въ 46 верстахъ до Шахруда или въ 1½ верст. ниже одинакаго хутора въ долину «Джм-ленъ—Билентъ», соединяющаяся въ общуу съ первою дорогой.

дождливое время, а въ голодные 70 — 71 года, — онъ возвышался до баснословныхъ цифръ (о чемъ уже упомянуто).

Далѣе, провозная плата изъ Шахруда въ Мешхедъ, а также въ Тегеранъ, находясь, по обыкновенію, въ зависимости отъ состоянія дороги, т. е. времени года и стоимости кормовъ по ней, взимается съ принятаго здѣсь вѣса: для верблюжьего вьюка 60 тауризовъ батмановъ (10 пуд. 35 ф.) и для вьюка катера — 40 тауризовъ батмановъ (7 пудовъ 10 ф.), хотя бы вьюки были меньше (по этому, необходимо производить укупорку сообразно такимъ требованіямъ).

Торговые караваны, обыкновенно, верблюдами, выступаютъ изъ Шахруда въ Мешхедъ почти одновременно съ богомольцами два раза въ мѣсяцъ; путь ихъ пролегаетъ на мѣстечко *Мейомей* (11 фарсанговъ), караванъ-сарай *Мияндеитъ* (6 фарс.), дерев. *Аббасъ* — *Абадъ* (7 фар.), мѣстечко *Мезинанъ* (6 ф.), дерев. *Михръ* или — какъ иные произносятъ — *Мерз* (5 ф.), и городъ Себзеваръ (7 фар.); затѣмъ далѣе: караванъ-сарай *Зафрани* (6 ф.), кар. - с. *Шуриобъ* (6 ф.), городъ *Нишануръ* (5 ф.), к.-с. *Кадамъ* (4 ф.), к.-с. *Шерифъ-Абадъ* (7 ф.), и, наконецъ, священ. городъ *Мешхедъ* (7 ф.). *) Слѣдовательно, изъ Шахруда до Мешхеда — 77 фарс., **) а за это разстояніе, проходимое товарными караванами въ 17 — 20 дней, платится: за каждый верблюжий вьюкъ въ 60 тауризовъ батмановъ — отъ 5 руб. 40 к. до 12 руб., и за сорокабатманый вьюкъ катера — отъ 6 до 12 руб.; (обыкновенная плата, при дешевизнѣ кормовъ, не превышаетъ 10 руб.). Изъ Шахруда же въ Себзеваръ (42 фарс.) платится за верблюжий вьюкъ тоже въ 60 батман. отъ 2 руб. 10 коп. до 6 рублей.

Изъ Шахруда въ Тегеранъ (или обратно) товары посылаются, обыкновенно, на верблюдахъ, съ платою за 60 батман. вьюкъ отъ 4 руб. 50 к. до 12 руб., и рѣдко — на катерахъ, съ таковою же платою за 40 батман. вьюкъ. Путь ихъ пролегаетъ на селеніе *Деимолла* (4 фарс.), городъ *Даманъ* (6 ф.), *Куше* (5 ф.), кар. - с. *Оавонъ* или *Агуванъ* (5 ф.), городъ *Семнонъ* (6 ф.), кар. - с. *Ласкердъ* или, — по иному произношенію *Латирдъ* (5 ф.), *Денамекъ*, а по увѣренію нѣко-

*) Съ Нишанура есть еще другая, болѣе короткая дорога на дер. *Даррутъ* (4 ф.), и затѣмъ черезъ горы на дер. *Джагаръ* или *Джакаръ* (4 ф.) въ Мешхедъ (5 ф.), но она не удобна даже для катеровъ.

**) По словамъ шахрудскихъ купцовъ, изъ Мешхеда въ Хератъ 60 фарсанговъ — разстояніе, проходимое караванами въ 10 дней.

торыхъ, — селеніе *Араданъ* (6 ф.), селеніе *Кышлакъ* (5 ф.), селеніе *Эквонекъ* или — по свидѣніямъ другихъ — *Ейвонъ-Кейфъ* (5 ф.), *Хотунъ-Абадъ* (7 ф.), и г. *Тегеранъ* *) (4 ф.); слѣдовательно, всего 58 фарсанговъ, — разстояніе, проходимое караванами, обыкновенно, въ 11 дней.

Товарные караваны изъ Шахруда въ Ездъ направляются или прямо черезъ пустыни, или на Тегеранъ; въ первомъ случаѣ, товары навьючиваются только на верблюдовъ, съ платою отъ 9 до 21 руб. за *хальваръ*, и идутъ на *Леджени* (6 фарс.), *Фратъ* (6 ф.), *Хасанъ-абадъ* (4 ф.), затѣмъ, по пустыни — на *Джиндакъ* (25 фарс.), *Хюсйну* (30 фарс.), *Ардеконъ* (11 ф.) и, наконецъ, г. *Ездъ* (11 ф.); а всего, по персидскому счету, 93 фарсага, разстояніе, проходимое верблюдами въ 20 — 30 дней, и лошадьми — въ 7 — 10 дней.

Во второмъ случаѣ, т. е. при отправкѣ товаровъ изъ Шахруда въ Ездъ черезъ Тегеранъ, плата до Тегерана уже извѣстна, а отсюда дальше платится за верблюжій вьюкъ въ 60 батмановъ или за 40 батманний вьюкъ катера — отъ 6 до 15 руб., и караванъ идетъ на *Кумъ* (16 фарс. или 3 дни пути), *Команъ* (около 15 фарс. или 3 дней пути) и затѣмъ Ездъ (около 59 фарс. или 14 дней пути); слѣдовательно, изъ Шахруда въ Ездъ черезъ Тегеранъ 148 фарс., разстояніе, проходимое караванами въ 31 день.

Закачивая бесѣду о перевозочныхъ средствахъ, «хозяинъ» замѣтилъ, что «въ Шахрудѣ взимается въ пользу казны *ничто въ родѣ пошлины* — по 8 к. съ каждаго товарнаго вьюка».

XXVII.

Загородные сады.

Несмотря на половину іюля, ночной вѣтерокъ съ горъ былъ настолько свѣжъ, что мнѣ пришлось укутаться въ одѣяло, но не на долго...

*) По увѣренію иныхъ, въ Тегеранъ идутъ на селеніе *Пеляштъ*, отстоящее отъ него на 5 фарсанговъ.

Начались обычные по утрам судорожные потуги и ревъ осла, а затѣмъ, въ 6 ч. утра, передо мною предсталъ полиціймейстеръ.

— Онъ настоятельно приглашаетъ насъ въ свой загородный садъ, появивъ мнѣ появленіе его выглянувшій изъ-за дверей «хозяйль». — Выйди изъ караванъ-сарая, мы свернули вправо по безлюднымъ, узенькимъ улицамъ; шумный базаръ остался влѣво.

Въ канавкѣ проточной воды или, вѣрнѣе, лужицы, что тихо струится по ближайшему къ нашему караванъ-сарая переулку, три женщины мыли желтоватою глиной бѣлье, пугливо озирая насъ въ щели своихъ затасканныхъ синихъ покрываль, изъ подъ которыхъ выглядывали латанные шальвары и обутыя на босу ногу крошечныя туфли.

Пройдя далѣе какую-то старую мечеть, съ загаженными хуже конюшни дворикомъ, мы наткнулись еще на двухъ женщинъ въ распахнувшихся покрывалахъ, пристально искавшихъ что-то у воротъ своего жилья, не замѣчая насъ, что *благодарностию* мнѣ ознакомиться съ домашнимъ костюмомъ персидскихъ дамъ. У одной — прозрачная кисейная рубашенка была такъ коротка, что виднѣлся весь низъ живота, пачиная съ пупка, а у другой — ситцевая короткая и открытая спереди сорочка (въ видѣ узкой кофты съ придерживающею борты ея лентою) совершенно обнажала, помимо того, и грудь...

— Какой же развратный костюмъ! новольно вырвалось у меня.

— Во вкусъ ненасытныхъ къ скотскимъ тамана (зрѣлищамъ) мужей ихъ.

Дамы заслышавъ нашъ разговоръ, быстро скрылись...

Мы свернули за уголъ. Мальчишка сидѣвшій на короточкахъ у стѣны жилья, — почтительно всталъ.

— Ихъ били и за меня, замѣтилъ «хозяйль», учили... и вотъ оно, какъ проявляется уваженіе къ Россіи?..

За городскими воротами *) потянулись поля сжатой пшеницы, а влѣвѣ — глиняныя стѣны фруктовыхъ садовъ съ узенькими проходами между ними; тамъ и сямъ изъ-за этихъ высокихъ стѣнъ свѣшивались тяжелыя грозды винограда, а по нѣкоторымъ проходамъ струилась въ мелкихъ, мѣстами окомленныхъ рядомъ деревьевъ, канавкахъ вода (проведенная изъ протока Шахруда, для орошенія садовъ).

— Вотъ наши замки, не безъ ироніи улыбнулся полиціймей-

*) Эти, третья городскія, ворота расположены почти противоположно кладби-

стеръ, отворяя низенькую калитку своего сада съ помощью палочки, лежавшей въ незамѣтной щелкѣ стѣны.

— Они напоминають деревянныя запоры въ нашихъ малороссійскихъ хатахъ, замѣтилъ я «хозяину», вступивъ изъ калитки прямо въ загаженный навозомъ сарайчикъ, гдѣ привязываются ослы или лошади женъ и гостей полиціймейстера, перѣдко посѣщающихъ два его, сообщающіеся между собою, сада, съ виноградною аллею у стѣнъ и рядами виноградниковъ на окаймленныхъ фруктовыми деревьями площадкахъ.

Всюду тутъ валялись и гнили на землѣ фрукты, и только незначительное количество ихъ сушилось на разложенныхъ тонкимъ слоемъ листьяхъ... Смотришь на все это и, мыслишь: сколько теряетъ цѣлѣе!... Жажущіе быстрого обогащенія, пріѣзжайте сюда, если не съ запасомъ знаній, то хотя съ умѣньемъ сушить фрукты по французскому способу, и—не раскаяйтесь!..

— *Проклятыя жены ничего не смотрятъ!* процѣдилъ полиціймейстеръ на мое замѣчаніе о крайне-небрежномъ содержаніи сада.

— А много ли у него женъ? обратился я къ «хозяину».

— Двѣ, кромѣ паложницъ и прислуги, которая тѣ же паложницы... Впрочемъ, онѣ тутъ не причемъ, такъ какъ онъ сдалъ этотъ большой садъ въ аренду за 32 томана въ годъ..

— Сады то достались ему по наслѣдству, или...

— *Благопріобрѣтены:* этотъ, въ двѣ десятины, за 170 томановъ, а другой, въ одну десятину, за 70 томановъ.

— И сколько онъ платитъ въ казну за нихъ?

— Ежегодно по 8 крапъ съ каждой джериды...

Долго прогуливались мы, лакомясь, собственноручно срываемыми для насъ садовладѣльцемъ сочными плодами и между ними—вишнями, все еще сохранившимися на нѣкоторыхъ деревьяхъ, хотя время для нихъ прошло. Есть здѣсь и сливы, но онѣ еще не созрѣли.

По словамъ моихъ спутниковъ, базарица цѣны на мѣстные фрукты, таковы:

1) Виноградъ—лучшій сортъ, 40 к. за пудъ.

2) Переки разныхъ сортовъ и между ними превосходѣйшій «Шелльиръ» —9 руб. 15 к. за хальваръ *)

*) 18 пуд. 7¼ фунт.

3) Абрикосы разныхъ сортовъ, отъ 3 руб. 70 к. до 6 р. за хальваръ

4) Яблоки разныхъ сортовъ и между ними—превосходнѣйшія, съ розовою мякотью, хальваръ—отъ 6 до 9 руб.

5) Груши обыкновенныя, хальваръ — отъ 6 до 8 руб.; *дюшесз*, фунтъ—2 к. хальваръ—15 руб.

6) Сливы и между ними «Алыча» и «Али-бухара», хальваръ — 6 р. и дороже.

7) Инджиръ (смоковница), хальваръ—9 руб.

8) Вишня, хальваръ отъ 9 до 12 руб.

9) Тутовыя ягоды (шелковица), хальваръ—6 руб.

Затѣмъ, на базарѣ продаются слѣдующіе плоды, сухіе и свѣжіе фрукты, а также — издѣлія изъ нихъ, доставляемые сюда, преимущественно, изъ Хорассана:

1) Фисташковое ядро (или очищенные фисташки) изъ Херата, хальваръ — 90 руб., и неочищенные фисташки (т. е. въ скорлупѣ), хальваръ—отъ 30 до 60 руб. (смотря по сбору).

2) Грецкіе орѣхи, хальваръ—30 руб. (дорого—по случаю ничтожнаго привоза).

3) Миндаль.

4) Изюмъ.

5) Кишъ-мишъ.

6) Винная ягода (сушеный инджиръ).

7) Гранаты.

8) Гранатное сѣмя изъ Астерабада и Мазандерана, по 3 — 4 к. за фунтъ.

9) Гранатная эссенція, также «Нарровъ», кислый сокъ, выжимаемый изъ дико-растущей въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи цѣлыми рощами гранаты, служитъ приправою къ столу персовъ и прибрежныхъ туркменъ; послѣдніе, помимо того, добываютъ изъ коры гранаты еще прочіую желтую краску, для окраиванія шерсти.

10) Душабъ—патока для варенья, приготовляемая прикаспійскими персами изъ сладковатыхъ, мучнистыхъ плодовъ (въ формѣ маленькаго финика) дерева хурманды или—по выговору нныхъ—фурманды.

Въ мѣстныхъ кандитерскихъ, если только можно такъ назвать грязнѣйшія канурки съ лакомствами всего на десятокъ рублей, продаются между разными *крашенными* и *загаженными* сладостями и обсахаренные грецкіе орѣхи и конфеты «Халва-гызъ» (въ формѣ круглыхъ лепешекъ около 2 вершковъ въ діаметрѣ), испаханскаго издѣлія изъ *манны* съ

примѣсью муки, сахару и миндаю, по 1 руб. 20 к. и 1 руб. 50 к. за соробку въ 2 и 2½ фунта, а также *леденецъ*: — лучший сортъ бѣлаго цвѣта, изъ Езда, по 1 руб. 65 к. и дороже за батманъ, и низшій, изъ Езда и также *мѣстнаго* приготовленія, по 1 руб. 50 к. за батманъ.

— Ба! я и забылъ сказать вамъ, что Хаджи Абу-Талибъ ждетъ насъ на чай въ лучшемъ изъ своихъ загородныхъ садовъ, спохватился «хозяинъ», принявшійся было послѣ закуски за огромное блюдо вишенъ, присланныхъ намъ полиціймейстеромъ въ нинкенъ.

Какъ ни тяжело въ жару, да притомъ еще утомленному, выходить со двора, но мой товарищъ далъ почтеннѣйшему коммерсанту, — за себя и меня, — слово быть у него, и мы отправились по тѣмъ же пустыннымъ закоулкамъ въ сопровожденіи маклера, арендатора (припавшаго на себя, между прочимъ, и роль нашего церемоніймейстера, извѣщающаго: кто ждетъ насъ къ себѣ или кто будетъ съ визитомъ у насъ) и еще какого-то изъ добровольныхъ «хозяйскихъ» нукеровъ, шествовавшихъ за нами не безъ оживленнаго самодовольствія, въ особенности — первый.

— Празднично настроянъ въ виду предстоящаго угощенія на чужой счетъ (къ чему такъ склонны персы), замѣтилъ «хозяинъ».

— Опъ тоже приглашенъ?

— Нѣтъ, но такъ какъ онъ идетъ съ нами, то и безъ приглашенія будетъ *дорогимъ* гостемъ. . . .

Тучный Абу-Талибъ встрѣтилъ насъ въ саду съ подобающею солидностью, а его не менѣе плотный, старпій сынъ, какъ бы незамѣчая насъ, продолжалъ возиться съ помощью какого то—красиваго сейида изъ Кербела (въ синей чалмѣ и въ опоясанной такимъ же поясомъ широкой бѣлой рубахѣ), около самовара на расчищенной площадкѣ въ лѣвомъ углу заботливо содержаемаго и весело высматривающаго сада.

Разбитый на квадратики или клѣтки, съ нѣскольکو возвышенными, гладко-утоптаннми дорожками между ними, онъ былъ сплошь залитъ зеленью ровно-подстриженнаго винограда, преимущественно, сладкаго киш-миша, окаймляемаго по краямъ каждой клѣтки группами разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, а у передней стѣны тянулся рядъ стройныхъ тополей...

Почтениый Хаджи, степенно рыгая, повелъ насъ къ замкнутой персиковыми деревьями бархатной лужайкѣ и, распорядившись устлать ее хорассанскимъ ковромъ, пригласилъ «хозяйина», меня и маклера

садиться, усебся и самъ; ветхій нашъ нукеръ присоединился къ хлопотавшимъ около самовара, а арендаторъ принесъ намъ, вбродно, зарпфе приготовленный, громадный подносъ съ фруктами, между которыми красовались несравненные, по своему вкусу, сочности и аромату, «Шеллиръ»; такъ называется здѣсь сортъ персиковъ, величиною съ среднее яблоко, получаемый *отъ прививки персиковъ къ абрикосу* и, кажется, обратно.

— Я первый изъ шахрудцевъ послѣдовалъ примѣру мешхедцевъ (жителей города Мешхеда) прививать ихъ одинъ къ другому, процѣдилъ Абу-Галибъ, замѣтивъ наше исключительное вниманіе къ продукту таковой прививки, въ ущербъ даже здѣшнимъ какъ говорить, — наилучшимъ въ мірѣ персикамъ и одному сорту прекрасныхъ абрикосъ *тыжне-дыннаго вкуса*. Изъ прочихъ фруктовъ (не растущихъ въ полиціймейстерскомъ саду) достойны вниманія: «Шафренгъ» — пѣжнй сортъ персиковъ, съ темно-малиновою кожицей, маленькія сахарныя яблоки, съ розовою, сочною мякотью, два сорта сладкой сливы: *черной и желтоватой* «Али-бухары», которая сунится, для продажи, въ незрѣломъ состояніи, т. е. когда еще *кисла*.

Фруктовыя деревья здѣшнихъ садовъ требуютъ, помимо орошенія, *ежегоднаго* удобренія навозомъ (изъ караванъ-сарая), между тѣмъ какъ виноградъ, принимающійся благодаря песчаной почвѣ отлично, удобряется *только черезъ каждые три года*. Крупнѣйшій сортъ винограда «Фахры» замѣчательнъ своими гроздями въ 3 и болѣе фунтовъ, но наибольшаго вниманія заслуживаетъ здѣшній мелкій сладкій «кишъ-мишъ», изъ котораго готовится, безъ сомнѣнія, извѣстный читателю, изюмъ подъ тѣмъ же названіемъ. Въ этомъ процессѣ употребляется здѣсь масса «Ешхоръ - Аджуве», *нечто въ родѣ поташа*; ее толкутъ въ порошокъ и сыпятъ въ воду, которую, прокипятивъ, процѣживаютъ; затѣмъ, чистый отстой выливается въ большой котелъ съ прокипяченною водою, куда и опускаютъ на короткое время напизанныя на нити грозды «кишъ-миша», отъ чего кожаца его быстро сохнетъ, и приготовленіе изюма ускорится. Изъ винограда выдѣлываютъ и патоку, при очисткѣ которой употребляется тотъ же «Ешхоръ», добываемый здѣсь изъ травянистаго растенія «Аджуве» очень просто, а именно: вырываютъ на слегка покатой мѣстности яму и проводятъ отъ нея внизъ канавку (желобокъ) въ другую, болѣе глубокую яму или резервуаръ; затѣмъ, первую изъ нихъ наполняютъ листьями и стеблями «Аджуве», зажи-

гаютъ ихъ, и они,—по выраженію очевидца,—горятъ такимъ сильнымъ пламенемъ, точно политы нефтью, причемъ осаждается густая жидкость, стекающая по желобку въ резервуаръ, гдѣ, отвердѣвъ, принимаетъ видъ поздраватой, точно закопченной, массы, продаваемой на базарѣ подъ названіемъ «Ешхоръ-Аджуре».

Далѣе, изъ сока неспѣлаго винограда шахрудцы готовятъ отличный шербеть «Аб-и-гурра», а на базарѣ найдется и *виноградный медъ*, преимущественно, тегеранской фабрикаціи. Что же касается до годности мѣстнаго винограда для выдѣлки вина, то онъ, по мнѣнію компетентнаго въ томъ «хозяина», стоитъ далеко ниже менхедскаго, ширазскаго и испаханскаго, изъ которыхъ армяне, а перѣдко и жида, готовятъ отличныя вина, а изъ выжимокъ гонятъ сносную водку.

Пока мы лакомились тучными фруктами, сынъ Абу-Галиба разосталь по близости, съ помощью арендатора, другой коверъ и, поставивъ на него самоваръ съ чайными принадлежностями, сталъ на корточки разливать чай; тутъ же усѣлся въ непринужденной позѣ красавецъ сейидъ, а нѣсколько поодаль два скромныхъ мальчугана почтеннаго хаджи отъ наложницы, между тѣмъ какъ двое другихъ, видно фаворитовъ,—безпокойно вертѣлись около него.

Подали чай. У меня некстати проявился аппетитъ, но, персы за чаемъ и кофе ничего не ѣдятъ, ничего и гостямъ не подаютъ... крошкѣ кальяна, при передачѣ котораго изъ рукъ въ руки приподнималась трубка и выдыхался черезъ чубукъ оставшійся дымъ, или по выраженію «хозяина», «вода очищалась отъ своего дыма», при чемъ вставляемый въ ротъ кончикъ чубука *вытирался пальцами*, безъ сомнѣнія, изъ *утонченнаго приличія*.

Закуривая папироску зажигательнымъ стекломъ, возбудившемъ вниманіе Хаджи Абу-Галиба, я спросилъ его черезъ «хозяина»:—видѣлъ ли онъ такую хитрую штуку.

— Видѣлъ.

— Его и нѣсколько механическихъ игрушекъ я хочу подарить дѣтямъ вашего астраханскаго рождественника, Хаджи-Агѣ, не возметесь ли передать ихъ ему?

— Хорошо... Подари тоже какую нибудь игрушку такому маленькому... указалъ онъ глазами не безъ ядовитой прони на своего тучнаго нервенца. Тотъ какъ то отрывисто улыбнулся.

— Твоя книжка завтра кончится, процѣдиль опять съ едва скользнувшею улыбкой высокостепенный хаджи, слѣдя за моею, быстро-срзавшею по дневнику, рукою.

— Въ запасѣ много..

— Какъ-то на дняхъ полиціймейстеръ говорилъ мнѣ, замѣтилъ «хозяинъ», что ваши записи возбуждаютъ въ народѣ разные толки, но онъ успокаиваетъ всѣхъ: — купецъ, молъ, собираетъ свѣдѣнія о нужныхъ вамъ товарахъ.

— И не можетъ.

— Такъ то такъ, но персы подозрительны, и хотя народъ ненавидитъ свое правительство, и даже въ Шахрудѣ не мало найдется сочувствующихъ введенію въ Персію европейскихъ порядковъ, но..

— Лучше побесѣдуемъ о торговлѣ, отрѣзалъ я, угадывая, куда клонится персидская подозрительность.

Маклеръ, почувявъ своего конька, оживился и по обыкновенію загорланилъ, неустанно промачивая глотку то чаемъ, то фруктами; хаджи Абу-Талибъ больше отмалчивался, степенно рыгалъ (изъ удовольствія видѣть у себя гостей) и только изрѣдка выцѣживалъ одно — другое слово съ такою благосклонною важностью, ну точно дарилъ насъ счастьемъ..

— Кстати, о кредитѣ, обратился ко мнѣ «хозяинъ», когда разговоръ о торговлѣ (уже не представляющій, для читателя, интереса повизны) истощился. Правильное развитіе кредита въ странѣ безправія, насилія и всемогущаго подкупа — немыслимо. Когда между туземцами возникаютъ тѣлбы по торговой несостоятельности или, вообще, коммерческимъ дѣламъ, безапелляціонно правымъ остается всегда тотъ, кто подкупомъ расположитъ судей въ свою пользу, или, вѣрнѣе, кто пользуется поддержкою, губернаторовъ, руководствующихся почти во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исключительно одними корыстными побужденіями. Вотъ почему кредитъ въ Персіи (и то только при *продажѣ на сроки*, обыкновенно отъ 2 до 12 мѣсяцевъ, при чемъ просрочки въ уплатѣ случаются очень часто), *ничтоженъ*; дѣла ведутся больше на наличный деньги, слѣдовательно и банкротства, особенно на значительныя суммы, здѣсь рѣдки (за исключеніемъ развѣ только г. Тавриза). При банкротствѣ — злостномъ ли (т. е. когда спекуляторъ, скрывъ имущество, бѣжитъ подъ охрану священнаго «Беста») или въ слѣдствіе дѣйствительной несостоятельности, кредиторы получаютъ не болѣе 10%..

— Замѣтите, продолжалъ «хозяинъ», все это касается не только

туземцевъ, по отчасти и проживающихъ здѣсь иностранныхъ купцовъ, хотя интересы послѣднихъ, благодаря трактатамъ и заступничеству миссій, по возможности охраняются властями.

— Теперь понятно, почему попытка русскихъ завести правильныя денежныя сношенія съ Персією при посредствѣ Тифлискаго коммерческаго банка не осуществилась...

— Тѣмъ болѣе не удалось бы намъ подобное предпріятіе въ самой Персіи, ибо чѣмъ будутъ гарантированы ссуды банка (если бы таковой рискнули вы соорудить тутъ) туземцамъ, когда *по здѣшнимъ постановленіямъ* «иностранцы не могутъ владѣть никакою недвижимою собственностью въ Персіи», и слѣдовательно не могутъ принимать такую и подъ залогъ?... Нѣтъ — съ, сперва выговорите себѣ у персидскаго правительства *право хоть на временное владѣніе недвижимымъ имуществомъ* и тогда — приступайте къ благому дѣлу, а теперь — въ обезпеченіе вашей ссуды вамъ предложить только росписку *), отъ обязательствъ которой всегда можно укрыться въ Бестъ, или поквитаться пятками...

— А еслибъ тифлисскій банкъ ограничился, относительно персовъ, пріемомъ вкладовъ на проценты?

— Никто не положитъ туда ни карапула, и по прежнему будутъ *зарывать свои сбереженія въ землю....*

Дѣловая бесѣда закончилась мнѣніемъ «хозяина», что «въ настоящее время здѣсь можетъ развиваться развѣ только *мѣнливой кредитъ*», т. е. вы запродадите туземцу, положимъ, ситецъ, а онъ вамъ — шерсть.

Нукера и прислуга все еще балуются чайкомъ и кальяномъ въ обществѣ молодого хозяина, а мы — по приглашенію старика — поднялись на плоскую крышу маленькаго домика, примыкавшаго къ лѣвому углу сада; для насъ разостлали пеструю подстилку, — почтенный хозяинъ усѣлся съ маклеромъ въ сторонкѣ, вблизи тутъ же сущишихся фруктовъ; вскорѣ пришелъ и тучный первенецъ, *не осмѣлившійся стѣть безъ отцовскаго приглашенія...*

Опять подали чай, но я, залюбовавшись прекраснымъ видомъ от-

*) Простой лоскутъ бумаги, скрѣпленный вѣхто подписи именпою печатью займодавца, а за безграмотностью такового — именными печатями двухъ свидѣтелей.

сюда на зеленую ширь верха садовъ подъ нѣбнымъ небомъ чуднаго вечера, ширь, изъ-за которой не видно ни долины, ни города, — забыть о своемъ стаканѣ, и только передъ прощаньемъ выпить его, но памеку товарища, «изъ приличія».

Провожая насъ до садовой калитки, высокостепенный Хаджи Абу-Талибъ *первымъ* протянулъ намъ руку (пѣдъ постороннихъ здѣсь не было), и вслѣдъ за нами послалъ корзину несравненныхъ «шоллр'овъ» въ пишкешъ мѣ.

Вблизи отсюда раскинулась его же, недавно разведенная въ видѣ опыта, обширная тутовая плантація въ 12,000 молодыхъ деревцовъ, которыя принялись на столько хорошо, что года черезъ три будутъ уже годны для разведенія червей.

Хаджи разсчитываетъ со временемъ засадить пустое мѣсто этой, единственной въ Шахрудѣ плантаціи, еще 8,000 деревьевъ, а пока — засѣялъ его *юнджою* (клеверомъ), которая косится здѣсь *разъ шесть* *отъ тто*, что очень прибыльно для занимающихся разведеніемъ ея.

XXVIII.

Зеленые ряды, мыловарни и прочія мастерскія.

На слѣдующее утро мы отправились въ сопровожденіи полиціймейстера осмотрѣть мастерскія, предварительно заглянули въ зеленые ряды базара, гдѣ продаются произведенія мѣстныхъ огородовъ:

- 1) Мята, петрушка, укропъ, лукъ и чеснокъ.
- 2) Огурцы чуть ли не въ $\frac{1}{4}$ аршина длиною, по 3 штуки на копѣйку.
- 3) Дыни, хальваръ — 3 р.
- 4) Арбузы, хальваръ — 3 р.
- 5) Баданжаны (баклажаны), служащіе аппетитною приправой къ плову.
- 6) Кукуруза — *варенная* въ соленой водѣ и *жаренная*. Ее съѣтъ здѣсь въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.
- 7) Тыквы, — мѣстные или привозныя изъ Астерабада не знаю; туземцы ѣдятъ ихъ *незрѣлыми*, поджаривая на угольяхъ.

Калусту видѣлъ я въ огородѣ только у одного шахрудца, карто-
фелемъ же угощали меня однажды въ Мешхедѣ; та и другая рѣдкость
въ Персіи, и найдется развѣ только у нѣкоторыхъ изъ привыкшихъ къ
нимъ во время пребыванія своего въ Россіи, туземцевъ.

Чечевица, *лобъ* (фасоль), сушеный и жареный горохъ доставляют-
ся въ Шахрудъ изъ Хорассана. Вотъ и вся зелень.

Съ базара вышли за городъ.

— *Мыловарня*, — проѣдиль полиціймейстеръ, подводя насъ къ ла-
чужкѣ, распространявшей пропитательно ѣдкое зловоніе, отъ котораго
мы тщетно закрывали носы свои платками.

Онъ толкнувъ дверь ногою, — отворилась, и мы вошли въ сквозный
проходъ, по одну сторону котораго, въ темной комнатѣ пищаль до
нельзя изгрязенный ребенокъ, по другую — черпѣлся во мракѣ чу-
гушный котелъ для варки мыла а прямо — полуотворенная дверь вела въ
огородъ, гдѣ — за отсутствіемъ хозяина — насъ пугливо встрѣтила жена
его въ изношенной чадрѣ, и *стала бокомъ* къ намъ. Намъ чичероне
шепнулъ ей что-то. Подобострастно выслушавъ его, она торопливо
сорвала нѣсколько огурцовъ и кукурузы, и, заботливо скрывал свое
дряблосе, крайне безобразное лицо, подала ему ихъ.

— Къ водкѣ хорошо, улыбулся тотъ намъ, опуская *ниинкеш*
въ безконечные карманы архалуца...

Вонь и мракъ препятствовали осмотрѣть эту, одну изъ пяти
здѣшнихъ *замѣчательныхъ* мыловаренъ, выдѣлывающихъ *грязно-бѣ-
ловатое мыло съ* душкомъ, исключительно изъ барацьего сала съ при-
мѣсью соотвѣтствующаго количества извести и — вдвойнѣ противъ нее —
«Эшхоръ-Тога *»). Шахрудское мыло, по 90 к. за батманъ, вообще
плохо, но, по увѣренію моихъ спутниковъ, лучше даже высшего сорта
истерабадскаго изъ кунжута (напоминающаго самое скверное русское),
которое доставляется сюда для мазей, вощенія и т. под. (но не для
мытья), по 80 к. за батманъ, а на мѣстѣ продается по 7 к. за фунтъ.

Затѣмъ, на здѣшнемъ базарѣ расходуется педурно и пахучее мыло
изъ Россіи, завода «Врокаръ и К^о», подъ названіемъ «народное», въ
маленькихъ плиткахъ, по 7½ коп. за птучку.

Отсюда мы вернулись на базаръ осмотрѣть одну изъ *пяти маслобоенъ*
или мастерскихъ, выдѣлывающихъ масло, для освѣщенія, изъ кунжута,

*) Эта подреватая масса глянцаго цвѣта — *нѣчто въ родѣ нотана* — добывается
изъ травянистаго растенія «Тога» также, какъ и Ешхоръ — Аджуво.

клешевицы и мендоу. Это — полутемный и загаженный сарайчикъ, по среди котораго стоитъ мѣдный кубъ, съ первобытнымъ приспособленіемъ для выжимки масла изъ кунжута, которое и стекаетъ съ куба по желѣзному желобку въ посудину.

Кунжутное масло (темнаго цвѣта и смахивающее по вкусу на подсолнечное) продается здѣсь по 45—60 к. за батманъ, — не дешево, ибо окрестности Шахруда бѣдны кунжутомъ; иное дѣло прикаспійскія провинціи Персіи, гдѣ, какъ напр. въ Астерабадѣ, онъ даетъ самъ 500.

Во время жатвы купжуть связываютъ въ снопы и ставятъ корни внизъ, затѣмъ по высушкѣ — переворачиваютъ вверхъ, предварительно подославъ подъ нихъ цыновки или шерстяную матерію, на которую и обсыпается сѣмя.

Астерабадцы отправляютъ не мало кунжутнаго масла въ продажу, а изъ остальнаго выдѣлываютъ плохое мыло. Иногда тамошніе хлѣбники примѣшиваютъ кунжутное сѣмя къ мукѣ, для придачія особеннаго вкуса лавашу и чуреку, а хозяева кормятъ свой скотъ выжимками т. е. остатками послѣ выжимки масла.

Съ маслобойни зашли-было къ *единственному здѣсь горшечнику*, но мастерская его оказалась запертою *дабы кафыры не опоганили горшковъ своимъ прикосновеніемъ* и мы отправились въ одну изъ *трехъ плотничихъ* мастерскихъ, вообще, съ дрянными инструментами мѣстнаго издѣлія, между которыми, впрочемъ, есть подилки и ручныя пилы, приблизительно двухъ-аршинной длины, константинопольской работы; такъ точно и въ *единственной здѣсь токарнѣ*, съ дряннымъ станкомъ, инструменты все мѣстные или константинопольскіе; *наши же не разойдутся въ Персіи*.

Красильнѣ (для окрашиванія русскаго и транзитнаго миткала, а также мѣстной грубой пряжи, преимущественно въ синій цвѣтъ *индиомъ*, рѣже въ желтый — *есфрекомъ* и еще рѣже — въ прочіе цвѣта) въ Шахрудѣ наберется до 30; всѣ онѣ схожи между собою, а потому ограничусь описаніемъ одной, владѣлецъ которой (опъ же — и мастеръ), съ испачканными въ синюю краску лицомъ и открытыми по локоть, руками, встрѣтилъ насъ, какъ знакомый «хозяинъ», пріятельски. Мастерская его — это грязная, слабоосвѣщенная черезъ пастежь-отвореную дверь компанка, съ глинянымъ поломъ и таковою же печью въ видѣ лежанки (отапливаемой дровами спизу), въ которую

вмазанъ огромный, тоже глиняный котелъ, замѣняемый въ нѣкоторыхъ мастерскихъ металлическимъ.

Процедура приготовленія синей краски и окрашиванія въ нее матерій—такова: тщательно измельченный деревяннымъ пестикомъ *индиго* разводится водою (въ маленькомъ котелѣ) и выливается въ вышеупомянутый большой котелъ, но такъ какъ, самъ по себѣ, индиго держался бы на матеріи не прочно, то для прочности окраски, къ нему прибавляютъ еще «Епхоръ-Тогъ» и для броженія немного изюму. На восьмой день послѣ опускается въ котелъ мяткаль, затѣмъ принимаютъ и развѣшиваютъ его для просушки на жердяхъ, перѣдко перекидываемыхъ для этой цѣли съ одной стороны улицы на другую, тутъ же передъ мастерскою.

Вблизи отсюда расположена одна изъ *пяти* мастерскихъ для *набивки крубыхъ ситцевъ*,—тоже хлѣвъ, и дѣло—несложное: мастеръ смазываетъ деревянную форму тѣмъ же индиго и, наложивъ ее на растянутую по деревянной оподга—глиняной нарѣ, обыкновенно, грубую пряжу, ударяетъ по формѣ обернутою въ тряпку правою рукою, и пряжа испепряется синими кружками, сгруппированными по пяти штукъ въ звѣздочки,—вотъ вамъ и мѣстный ситецъ.

Въ Шахрудѣ есть *три* мастера, выдѣлывающіе большіе войлоки съ рисунками и безъ нихъ, и *три* скупщика шерсти, изъ которой вяжутъ бичевки и ткуютъ грубую матерію, но намъ не удалось ознакомиться съ фабрикаціей ихъ.

Заглянувъ въ одну изъ *пяти*, не представляющихъ никакого интереса, мастерскихъ *шапокъ*, мы обошли всѣ *четыре* здѣшнія *шавани*; въ одной изъ нихъ портные работали на *столахъ* съ низкими ножками, въ другой оказался обыкновенный простой столъ, а прочіе обходились безъ этихъ удобствъ; всѣ они пьютъ настолько спосно, что удовлетворяютъ даже потребностямъ, непосягаемымъ за *фасономъ*, «хозяйна».

Быль полдень, и большая часть мастеровыхъ, сидя на голомъ полу, утоляла свой голодъ, по лѣтнему обыкновенію, виноградомъ и лавашемъ.

Башмачныхъ или, вѣрнѣе, мастерскихъ обуви на базарѣ — 15. *Бычачи, бараны, козы* кожи и сафьянъ на башмаки получаютъ изъ хамаданскихъ кожевенныхъ заводовъ, снабжающихъ ими даже Тегеранъ; эти кожи продаются въ Шахрудѣ па вѣсъ по 2 р. 70 к.—3 р.

60 к. за батманъ, сафьянъ тоже не дорогъ, а потому такого товара изъ Россіи не слѣдуетъ привозить сюда.

Въ мастерскихъ вывѣшены на продажу: 1) *женскія туфли* съ заостренными къверху носками, 2) *башмаки ученыхъ* (муллъ), безъ подбора и съ утолщеніемъ вмѣсто каблука, по 75 коп. за пару, 3) *обыкновенные башмаки*, по 50 — 90 к. за пару, и 4) *мѣткія туфли* изъ бѣлой бумажн. матеріи хамаданскаго издѣлія, первый сортъ — до 1 р. 50 к. за пару, второй — до 75 коп. Тутъ же найдутся *большіе дорожные сапоги* грубѣйшей работы, одни — смахивающіе (по фасону) на наши, другіе — съ слегка заостренными носками, а иногда попадаются и низкіе сапоги краснаго сафьяна, *приготовляемаго туркменами изъ конины*. Наши же сапоги и ботишки положительно неудобны здѣсь: ноги въ нихъ невыносимо горять, и я хожу въ комнатѣ босикомъ или въ чулкахъ, иногда въ грубыхъ башмакахъ мѣстной работы.

Одинъ башмачникъ просилъ доставить ему *резиновой матеріи*. Попробую, говорилъ онъ, сшить башмаки, на подобіе вашихъ ботинокъ, можетъ быть кто изъ губернаторскихъ чиновниковъ и купитъ ихъ. «Хозяинъ» предложилъ ему наше пило и прочіе сапожные инструменты, но тотъ покачалъ головою: Персіане не съумѣютъ обращаться съ ними, да и не по карману имъ.... Въ Тегеранѣ можетъ быть разойдутся.

— А какіе изъ русскихъ кожаныхъ издѣлій пойдутъ у васъ?

— Никакія, развѣ только *нѣсколько десятковъ паръ* длинныхъ (какъ оказалось изъ объясненій — *кавалерійскихъ*) перчатокъ для верховой ѣзды, которыя, по крайней мѣрѣ, недурно расходились здѣсь во времена «покоревщины».

Заглянувъ къ одному изъ *трехъ шорниковъ*, тоже не оказавшемуся на лицо, мы свѣрнули съ базара въ глухой переулокъ къ одному изъ шести *скорняковъ* занимающихся выдѣлкою кожъ. Подходя къ его мастерской, сильнѣйшій смрадь ударилъ мнѣ въ носъ, хотя «хозяинъ» страдалъ на этотъ разъ насморкомъ, а у *дарога* (полицеймейстера) обоняніе давно притупилось, но и у нихъ захватывало духъ, въ особенности, когда мы прошли черезъ дворикъ съ двумя басейнами въ самую мазанку, съ кучею невыдѣланныхъ кожъ въ одной ея комнатѣ и шестью, вкопанными въ землю, огромными чанами воючей воды — въ другой.

Какая-то жиденькая фигурка съ впалою грудью, стоя въ чанѣ по поясъ, промывала шкуру.

— Самъ хозяинъ... Здѣсь нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ въ нашемъ смыслѣ, и рѣдкій владѣлецъ мастерской прибѣгаетъ къ постояннымъ рукамъ, замѣтилъ мой спутникъ.

Невыносимая вонь сбивала съ ногъ, и я выбѣжалъ на воздухъ.

Принявъ насъ за покупателей, кожевеннозаводчикъ выскочилъ за нами.

— Сколько нужно кожъ?

— Пятсотъ штукъ, крикнулъ уже съ улицы *дарга*.

— Теперь мастера нѣтъ; пойдемте въ мою лавку на базаръ. тамъ найдется немного, остальные — приготовлю.

— Послѣ купимъ, отвѣтилъ тотъ съ улыбкою довольства своею шуткою..

— А сколько получаетъ мастеръ въ день? поинтересовался я.

— Пятнадцать—двадцать копѣекъ на своихъ харчахъ.

— Работая съ восхода до захода солнца въ отравленной атмосферѣ?

— Вонь не берется въ расчетъ... Сирадная вода изъ бассейновъ для промывки кожъ даже помогаетъ дѣвушкамъ выходить за-мужъ, а женамъ — плодиться... Сибьтесъ? Право, не шучу. Въ послѣднюю среду передъ *Ноу-рузомъ* *), наиримѣрь, въ знакомомъ намъ Астерабадѣ, съ утра и до полудня стекается множество женщинъ всѣхъ возрастовъ къ бассейнамъ скорняковъ, гдѣ уже толпятся мѣстные львы, школьники — подростки и дѣти, наслаждались *тамашей* (зрѣлищемъ), какъ — въ силу какого-то преданія или повѣрья — дѣвицы. жаждущія замужества, и дамы — побольше дѣтей (что очень почетно), — прыгаютъ черезъ три бассейна, придерживая — первыя правой рукой, а вторыя лѣвой — разстегнутыя шальвары и сорочку. Конечно, при неловкомъ прыжкѣ приходится хлебать вонючую водицу, но, вѣдь, и

*) Персы празднуютъ *ноу-рузъ* (новый годъ, а буквально — новый день) не по мусульманскому календарю, по которому онъ начинается съ 1-го Мухаррема, — мѣсяца шитской скорби по мученической кончинѣ Имама Хюсейна, а такъ называемый *Джелалийскій*, будго бы установленный еще многолѣтнимъ Джемшидомъ. Въ первые три дня ноу-руза дѣлаются визиты и подарки, теплые — властнымъ, легкие — роднымъ и знакомымъ; еще семь дней торговля отдыхаетъ, а затѣмъ — вступаютъ въ свою обычную колею.

она очень полезительна, судя потому, что женщины запасаются ею и по возвращении домой пьют эту дрянь и умываютъ ею дѣтей.

Въ силу того же обычая, въ Тавризѣ троскратно прыгаютъ черезъ ручей не разстегиваясь...

— Здѣсь живетъ лучший изъ двухъ нашихъ пороховыхъ мастеровъ, перебилъ полиціймейстеръ «хозяйпа», входя въ обнесенный полуразвалившеюся стѣной грязнѣйшій дворикъ, по правой сторонѣ котораго, между блотою посудою, просушивались на солнышѣ одѣла съ выползшими ключьями шерстѣ изъ прорѣхъ и разныя другія лохмотья, такъ и бляющія въ глаза ничтою владѣльца своего. Прямо, противъ воротъ, торчала обсыпавшаяся и осушавшаяся отъ времени мазанка, съ среднею—спереди открытою, и двумя боковыми комнатами. Влѣвъ отъ нея возвышался около маленькаго огорода цѣлый холмъ мусору.

— Пойдемъ въ мастерскую, процѣдилъ нашъ чичероне, пробираясь по этому холму мимо свѣжихъ слѣдовъ обывателей дома сего... Разило ужасно!

— Окверналъ привычка! вырвалось у меня.

— Это еще выносимо, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ напримѣръ, въ *Біаръ-Чуменъ* (что въ 16 фарсангахъ отсюда), отхожія мѣста тянутся открыто посреди улицъ,—вотъ гдѣ отравя! утѣшаль товарищъ.

Закавъ носы, мы подошли къ низенькой двери или—вѣришь—отверстію крошечной, особнякомъ стоящей слѣва же мазанки, темной копурѣ, съ врытою въ землю деревянною или глиняною—не разберешь—ступою, надъ которою висѣла толчея съ деревяннымъ приводомъ и ручкою.

— Какъ же тутъ мастерять порохъ? спросилъ онъ полиціймейстера.

Тотъ кликнулъ хозяина.

Явился дряхлый старикъ въ рубищѣ и—по его приказанію—сгорбившись пролѣзъ въ свою, величаемую мастерской, пору,—сталъ по гою на приводъ и привелъ толчею въ дѣйствіе, наглядно объясняя, какъ селитра, сѣра и уголь измельчаются, затѣмъ—смѣшиваются и обрабатываются въ лепешки, изъ которыхъ и готовится довольно сносный порохъ двухъ сортовъ: *крутій*, продаваемый на базарѣ по 90 коп. за батманъ, и *мелкій*—по 3 руб.

— Не дурно зарабатываетъ старикъ! замѣтилъ мой товарищъ.

— Отчего жъ онъ выглядитъ нищимъ?

— При лучшей то обстановкѣ, давно бы его *высосали* власти...

Въ Персіи всякій волею безпрепятственно готовятъ порохъ, какъ для своего употребленія, такъ и для продажи; войска же снабжаются имъ изъ казенныхъ пороховыхъ заводовъ въ Тегеранѣ и Тавризѣ, гдѣ есть и арсеналы, изъ коихъ въ тегеранскомъ, завѣдываемымъ иностранными офицерами, имѣется 8 печей для литья пушекъ, 4 горна для ядеръ, мастерскія для сверленія пушекъ и ружейныхъ стволовъ; но всѣ они находятся въ жалкомъ состояніи, вслѣдствіе неаккуратной расплаты съ рабочими. Тавризскій арсеналъ наполненъ преимущественно негоднымъ оружіемъ. Помимо того, въ Тавризѣ находится литейный дворъ; таковой же есть и въ Ензели, а въ Мазандеранѣ, близъ Амоля, лѣютъ чугунныя ядра изъ мѣстной руды.

XXIX

У механика-самоучкѣ и въ цитадели.

Въ 5 час. по полудни мы отправились съ однимъ только арендаторомъ караванъ-сарая къ извѣстному уже читателю часовщику и механику-самоучкѣ, умѣйшему обывателю Кербела-и-Аббасъ-Али, который и заканчивается мое знакомство съ промышленною стороною Шахруда.

Въ глухомъ переулкѣ, передъ жильемъ его, стоялъ — въ ожиданіи починки — дрянненькій фаэтонъ губернатора.

Арендаторъ постучалъ кулакомъ въ ворота, — не откликаются; пять минутъ громыхалъ онъ камнемъ по нимъ, пока, наконецъ, хозяинъ въ красной фескѣ (по домашнему) не отворилъ ихъ, и мы вошли въ чистенькій дворикъ, съ двумя — тремя цвѣтками во впадинѣ посредины, его, женскою половиной съ наглухо замкнутыми дверями — слѣва, мастерскою, одноэтажною мазанкою въ три комнаты рядомъ, съ навѣсомъ надъ техт'омъ *) по всю длину ея, — справа и высокими стѣнами съ остальныхъ двухъ сторонъ. На техтѣ, передъ мастерскою, валялись принадлежности кузницы и слесарни, стоялъ токарный станокъ собственнаго издѣлія и были разсланы два коврика, на которые и при-

*) Платформа передъ комнатами.

гласилъ насъ почтенный Аббасъ-Али, но мы пожелали предварительно ознакомиться съ профессіею его, и онъ ввелъ насъ въ свѣтленькую, устланную циновками чистенькую компанку. Передъ лѣвою изъ двухъ выходящихъ на текъ подъѣмныхъ дверей ея помѣщался низенькій столъ, а на немъ—стеклянный шкафчикъ или, вѣрнѣе, колпакъ изъ стеклянныхъ рамъ, предохраняющій отъ пыли разобранные часы и довольно полный наборъ выписываемыхъ изъ Тегерана имъ транзитныхъ инструментовъ; тутъ же висѣло трое новыхъ карманныхъ часовъ для продажи и нѣсколько починенныхъ — старыхъ. За этимъ-то столомъ и работаетъ Аббасъ, сидя на корточкахъ.

По лоснящимся алебастромъ стѣнамъ развѣшано также больше старыхъ стѣнныхъ часовъ съ женскими фигурами, и одни — съ описною кукушкою, а въ нишѣ красовались даже столовые — бронзовые и будильникъ; въ другой стѣнной нишѣ покоился, рядомъ съ стѣянками изъ-подъ лекарствъ и кускомъ казанскаго мыла,—механическій замокъ своего изобрѣтенія и издѣлія, съ выскакивающею шпилькою, для наказанія вора, конечно, не подозрѣвающего въ немъ такого секрета; въ третьей—чайный приборъ, въ четвертой—лежали на бархатной подстилкѣ съ золотой бахромою священные книги, въ пятой, большой — помѣщалась свернутая въ узелъ постель, а по угламъ — ждали починки три ружья и нѣсколько клинковъ.

— Какъ торгуете? спросилъ я Аббаса.

— Хорошъ тотъ годъ, когда сбудешь два десятка карманныхъ, да двѣ—три штуки стѣнныхъ часовъ; поэтому я не держу ихъ для продажи, а только чиню...

И такое-то ничтожество разойдется—по словамъ его — лишь при удовлетвореніи извѣстнымъ условіямъ, а именно: *поперечникъ карманныхъ часовъ не долженъ превышать* (по моему измѣренію обрашковъ) *0,04 метра и крышки ихъ должны быть гладки, съ женскими фигурами или вовсе безъ рисунковъ.*

— Можно и меньшихъ, но никакъ не большихъ размѣровъ, повторилъ онъ, проводя насъ въ слѣдующую, полутемную и крайне-запущенную комнату, вѣрнѣе—чуланъ, гдѣ на первомъ планѣ валялись покрытые толщею пыли остатки его замѣчательнаго самоката о *трехъ колесахъ* топорѣйшей работы, — остатки, до того исковерканные почтеннымъ изобрѣтателемъ, въ виду дикихъ поп олъзовеній губернатора на трудъ его (о чемъ уже было упомянуто), что мы положи-

тельно не добились толку въ нихъ, а спросить о секретѣ «хозяинъ» не рѣшался, — *нестѣжливю*, молъ...

По угламъ торчали — въ ожиданіи починки — большіе зонтики безъ покрывекъ и гибкіе, изъ тончайшей стали, мечи саженой и меньшей длины. Такой мечъ прикрѣпляется стоймя къ длинному древку, и вотъ важъ — *шнитскія знамена*, по образцу знамени Аббаса, сына Имама Али, употребляемыя при религіозныхъ процессіяхъ...

Этимъ хламомъ и закапчивался интересъ мастерской механика-самоучки, угостившаго насъ затѣмъ на тектѣ чаемъ, который разливалъ подосѣвпій къ этому времени пріятель его, сапожникъ, тоже любознательный малый.

Заинтересовавшись моими ботинками, онъ убѣдительно просилъ снабдить его резиновою матеріею: Попытаюсь, молъ, сшить такіе же башмаки и пушу въ продажу...

— Хотя ручной трудъ дешевъ здѣсь, но для опыта и съ *цивилизующей цѣлью* не мѣшало бы доставить сюда и нѣсколько швейныхъ машинъ, для сапогъ и платья, вторилъ ему «хозяинъ».

— Купятъ ли ихъ?

— Конечно, пѣтъ.

— А безъ барышей не найдется и *цивилизаторовъ* у насъ.

Погруженный въ мой револьверъ Аббасъ-Али тоже просилъ доставить дешевенькихъ часовыхъ пружинъ по 2 р. 10 — 40 к., по уже за деньги, — не въ шипкештъ...

Въ отдаленіи пронесся азанъ. Сапожникъ ушелъ въ мастерскую совершать намазъ, почтеннаго механика видно тянуло туда же, и намъ оставалось проститься съ этимъ дѣйствительно выдающимся между своими, скромнымъ труженикомъ, побывавшемъ на своемъ вѣку въ Багдадѣ и во многихъ другихъ большихъ городахъ, гдѣ онъ, изучая механическое дѣло, присматривался ко всему, и теперь — по выраженію «хозяина» — *самъ дошелъ до многого*.

Вблизи отсюда расположена цитадель или крѣпость; такъ, по крайней мѣрѣ, съ издавна слыветъ примыкающее къ городской стѣнѣ, теперь заглухшее, мѣсто съ нѣсколькими жилыми мазанками между грудами развалинъ.

Прежде здѣсь жилали губернаторы, но потъ, однажды, во времена въ бозѣ почивающаго Фетхъ-Али-Шаха, народъ ворвался ночью къ наиболѣе лютому изъ нихъ и отрубилъ ему голову.

Съ тѣхъ поръ они стали жить въ Бастамѣ, и здѣшняя цитадель потеряла свое прямое назначеніе...

XXX.

Майданъ и почтовая станція. У телеграфиста, въ банѣ и на развалинахъ храма огнепоклонниковъ.

На слѣдующее утро мы отправились въ *Майданъ*, что вблизи аллеи богомольцевъ. Такъ называется обширная, окруженная, кажется, со всѣхъ четырехъ сторонъ низкою постройкой съ навѣсами, *торговая площадь*, посреди которой отдыхало до 50 дромадеровъ, только что совершившихъ не близкій путь изъ Тегерана и сюда. Около нихъ и подъ навѣсами лежали व्यюки; какой-то старикъ одиноко собиралъ кало, вѣроятно, на топливо, и болше — ни души.

За воротами намъ повстрѣчалось еще до сотни, возвращавшихся съ водою, верблюдовъ, между которыми было нѣсколько двугорбыхъ; на спинѣ одного возвышалось व्यючное сѣдло, употребляемое также и для верховой ѣзды.

Помимо этого *торгового* караванъ-сарая, служащаго складочнымъ мѣстомъ товаровъ для оптовой продажи и кратковременнымъ пристанищемъ для карапавовъ, преимущественно верблюжьихъ изъ Хорассапа и Тегерана, за городскою стѣною находится еще три малыхъ, для богомольцевъ и червадаровъ, а въ чертѣ города два торговыхъ и четыре такихъ же маленькихъ, какъ и занятые нами и армянами.

Отсюда заглянули на примыкающую къ городской стѣнѣ почтовую станцію. Издали — она выглядитъ миниатюрнымъ замкомъ, но вблизи — не то: сводчатый проѣздъ въ двухъ-этажномъ домикѣ, для чанаровъ (курьеровъ) и служащихъ, ведетъ на крошечный дворикъ, замкнутый сирава совершенно темною, зимнею конюшнею, съ стѣнными нишами, для корма, а съ двухъ остальныхъ сторонъ — лѣтними конюшнями т. е. толстыми стѣнами, тоже съ нишами; вотъ и все. Ни людей, ни лошадей не видно.

Въ Персіи не существуетъ правильно-организованной почты въ нашемъ смыслѣ, и только по главнымъ трактамъ отъ Тегерана до Тавриза, Испахани, Вендербъ-Бушира, Мешхеда и т. под. правительство содержитъ при нѣкоторыхъ караванъ-сараяхъ по нѣскольку лошадей подъ верхъ и въюетъ своихъ курьерамъ.

Частная же корреспонденція пересылается, обыкновенно, при оказіи съ богомольцами и торговцами, и только при удобныхъ случаяхъ — съ курьерами, не отказывающимися доставлять по назначенію даже легкія посылки, конечно за условное вознагражденіе. Такъ точно и переѣзды совершаются каждымъ на своихъ или червадарскихъ лошадяхъ, но иногда *удается* нанять и почтовыхъ, т. е. чапарскихъ; за рѣдкостью тутъ придорожныхъ селъ и деревень, путники бесплатно останавливаются на отдыхъ въ караванъ-сараяхъ.

Изъ Тегерана до Мешхеда — двадцать почтовыхъ станцій, съ 4 — 15 лошадьми на каждой, и курьеры проѣзжаютъ это разстояніе иногда въ шесть, а изъ Шахруда въ Мешхедъ — въ трое сутокъ.

Почти всѣ европейскія посольства и консульства въ Персіи содержатъ своихъ курьеровъ...

— Изъ Тегерана въ Мешхедъ можно проѣхать и въ коляскѣ, — замѣтилъ мой спутникъ, направляясь въ городъ, къ телеграфной станціи. — По крайней мѣрѣ, въ прошломъ году такъ ѣздила жена министра иностранныхъ дѣлъ.

— Бывшаго великаго визиря?

— Да, да, того самаго, котораго терпѣть не можетъ ни духовенство, ни аристократія за *нововведенія*.

— Какія, напримѣръ?

— Прежде, бывало, одно и тоже лицо *номинально* занимало нѣсколько должностей или даже управляло двумя губерніями, одною — непосредственно другою — черезъ кого нибудь изъ приближенныхъ, обыкновенно, своего *фаворита-служу*, — тотъ уничтожилъ это, также — урѣзалъ непомѣрное содержаніе принцамъ и, вообще, искоренилъ нѣкоторыя злоупотребленія...

Обнесенная высокою стѣною телеграфная станція стоитъ особнякомъ отъ обхваченныхъ непрерывною стѣнкой соедѣнныхъ зданій.

Посреди ея маленькаго дворика пестрится цвѣтами, овощами и подсолнечниками аккуратный садикъ, окаймленный однимъ интереснымъ

растениемъ — по мѣстной кличкѣ — *джюгенз* или *джоженз*, по иной — *джуара*, также *дурра* (*Holcus-Sorghum*). Своими листьями и стволѣмъ оно напоминаетъ *кукурузу*, а вѣчающимъ верхушку его султанѣмъ изъ колосьевъ съ мелкими зернами — просо; и дѣйствительно, это — особый родъ проса, въ изобиліи растущаго по берегамъ рѣки въ Мерви (что въ Туркменіи) и, тоже, не дурно — по увѣренію моихъ спутниковъ — около Багдада и дальше къ юго-западу отъ него.

Изрѣзанный на куски сахаристый стебель или стволъ, перѣдко достигающій слишкомъ двухсаженной высоты и полутора-дюймового поперечника, составляетъ питательный кормъ для лошадей, а зерна — иногда по 700 штукъ въ каждомъ султанѣ — ѣдятъ и люди.

Лѣтъ пять тому назадъ, какой-то проѣзжій изъ Хивы завезъ сюда сѣмена туркменской држугары, и они послужили только къ украшенію этого садика, обращеннаго тремя своими сторонами къ сѣрымъ стѣнамъ двора, а четвертою — къ фасаду телеграфнаго домика, съ огромными рѣшетчатыми подземными окнами по бокамъ низенькой двери; ведущей въ узенькую переднюю, справа которой расположена комната для феррашей, слѣва — собственно телеграфъ.

Снявъ у порога башмаки, мои спутники — а за ними и я — вошли туда. Представительно-тучный телеграфистъ ханскаго происхожденія съ выхолопными усами и въ обыкновенномъ костюмѣ, тяжело поднялся съ полу и, скосивъ на бокъ голову, сладостнымъ шенотомъ обмѣнялся съ нами привѣтствіями и пригласилъ садиться. Я помѣстился у стѣвы, на единственномъ стулѣ, прочіе — на полу, рядомъ съ двумя его гостями, черволицыми арабами, съ жгутами на головахъ, талисманами на шеѣ и въ прозрачныхъ бѣлыхъ накидкахъ, а самъ хозяинъ — бокомъ къ низенькому телеграфному аппарату, на которомъ онъ работаетъ, сидя на полу.

Конечно, на сцену явился камьяшъ, но не много интереснаго добились мы отъ этого скрытнаго чиновника, который — по увѣренію моего товарища — *благодаря даже мушкетерамъ*, хотя бороду стрижетъ и *большой дорож* у себя на головѣ не *пробриваетъ*.

Въ 1864 году правительство приступило къ устройству перваго въ Персіи электрическаго телеграфа между важными (въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ) г. Тавризомъ, Тегерапомъ и Тифлисомъ; затѣмъ провело таковой же между г. Астерабадомъ и Тегерапомъ черезъ Шахрудъ, ежегодно отправляющій въ столицу (Тегерамъ) до *деяти*

сотъ своихъ и астерабадскихъ телеграммъ, изъ коихъ *четыре*ста — правительственныхъ и *пять*сотъ частныхъ.

За частныя телеграммы, не выходящія за предѣлы Персїи, взимается по 2 крана съ 10 словъ, а за адресованныя за границу, — смотря по разстоянію; такъ въ Баку, Тифлисъ и Нахичеванъ— по 8 кранъ съ 20 словъ, въ Москву по 19½ кранъ. Заграничныя телеграммы пишутся по персидски, и уже въ пограничныхъ станціяхъ переводятся на иностранныя языки.

Жалованья получаетъ телеграфистъ — по крайнѣй мѣрѣ этотъ, и то, если не вретъ—300 томановъ въ годъ,—вотъ и всѣ тутъ свѣдѣнія.

Обождавъ, пока приняли кальянъ, мы ушли.

— Не таковъ былъ предшественникъ его, замѣтилъ «хозяинъ» до-рогой.—Тотъ любилъ выпить, еще больше—угощать пьянчужекъ. Къ нему и женщины ходили сюда... Но нынѣшней астерабадскій телеграфистъ пошелъ еще дальше. Онъ учился въ *Персидскомъ уни-верситетѣ*, какъ величаютъ здѣсь высшую тегеранскую школу «Даръ-ел-Фенунъ», и *атеистъ*... потому что пѣкій Х. атеистъ, наконецъ потому что *это* *въ модѣ у передовыхъ людей Персїи*, къ коимъ причисляетъ онъ себя, хотя додумался только до того, что завелъ собаку, за которой *и* *уби-раетъ* *цѣлый день*, такъ какъ выпустить на дворъ эту, — по шит-скимъ понятіямъ,—погань было бы рискованно...

Вышли на базаръ. Ваньчикъ съ нучкомъ длинныхъ волосъ на макушкѣ, совершенно нагой, и только съ трипцею въ обтяжку... въ-ѣсто фиговаго листка, торговалъ виноградъ наискось бани, съ грубо-намалеванными цвѣтами и жепскими головками надъ арочнымъ входомъ въ нее. Тутъ же глазѣли два цирюльника съ принадлежностями своей профессїи за поясомъ. Въ Шахрудѣ нѣтъ цирюленъ, и цирюльники ходятъ по базару, чаще по банямъ...

Моя настойчивость осмотрѣть эти, недоступныя для инновѣрцевъ, мѣста омовеній и окрасокъ шитовъ, поколебала полиціймейстера.

— Пожалуй, идите... Я постою у входа,—нерѣшительно пробурчалъ онъ, переговоривъ съ баньщикомъ.

— Многіе будутъ недовольны, — тоже съ видимымъ недовольствомъ замѣтилъ «хозяинъ», входя со мною въ первое, холодное отдѣленіе бани, съ широкими кирпичными выступами стѣнъ и резервуаромъ холодной воды посрединѣ. На выступахъ (въ роли скамей); съ маленькими

нинами внизу для туфель, лежала одежда, стояли калыпы, а у резервуара—кожаные мѣшечки съ цѣпками (вмѣсто ушковыхъ), для окачиванія водой.

Здѣсь раздѣваются и, затѣмъ,—сходятъ по тремъ ступенькамъ въ слѣдующее, точно въ туманѣ отъ паровъ, смятое отдѣленіе, отапливаемое снизу, подъ поломъ, отъ котораго такъ и валять тепло.

Правовѣрные, какъ бы незамѣчая насъ, продолжали свое дѣло. Одни—подходили къ двумъ большимъ резервуарамъ по срединѣ съ горячею и студеною водой и тутъ же окачивались *изъ мѣдныхъ или медныхъ чашекъ*, другіе, окрашенные хною, точно окостенѣли, неподвижно лежа на низкихъ нарахъ въ глубокихъ стѣнныхъ нишахъ, съ высунутыми ногами, согнутыми къ плечамъ руками, ладоньями кверху, и приподнятыми головами.

Пожилой цырульникъ съ обнаженнымъ черенкомъ пробиралъ сухопарому субъекту *большую дорогу на голову*; окончивъ съ нею, онъ смазалъ свою бритву, вѣрнѣе,—ножъ какииъ то масломъ и принялся, затѣмъ, вытравлять ему волосы съ среднихъ частей тѣла составомъ *зарника съ негашенною известью*, между тѣмъ какъ его товарищъ по профессіи тутъ же обладалывалъ хною бороду дриблему старцу...

Процессъ окраски волосъ, совершаемый мужчинами всегда въ банѣ, женщинами же иногда и на дому, обыкновенно на ночь, очень простъ, хотя и съѣдаетъ не мало времени.

Замѣсивъ на водѣ порошокъ хны до густоты тѣста, смазываютъ имъ бороду и усы (у женщинъ—голову); затѣмъ, по прошествіи 1½—2 часовъ, его смываютъ водою и волосы вытираютъ на сухо. Такимъ образомъ, *сидина* припимаетъ *красный* или *рыжій* цвѣтъ, а натуральные *черные* волосы—*слегка красный оттенокъ*, что очень красиво, особенно на дѣтскихъ головахъ.

Для превращенія сѣдинъ въ черный цвѣтъ, ихъ окрашиваютъ сперва вышеописаннымъ способомъ въ рыжій, а затѣмъ уже смазываютъ особою краской, тщательно растирая пальцами каждый волосокъ,—тщательно, но не продолжительно; иначе они примутъ—по мѣткому выраженію «хозяина»—*непримичный цвѣтъ*.

Процедура окраски рукъ, ногъ и ногтевъ на нихъ совершается также, но только ладони и пятки смазываются гуще.

Большинство шахрудцевъ щеголяетъ темно-краснымъ цвѣтомъ ногтевъ, прочіе—яркимъ, для окраски въ который они смазываются предварительно *зарникомъ* въ смѣсѣ съ известью, потомъ—хною; впро-

чемъ, таковой пріемъ необходимъ для тѣхъ только, кто рѣдко красить ихъ, а для еженедѣльно красящихся—зарпихъ излишенъ.

Оказанными хною мѣстами тѣла не только не прикасаются ни къ чему въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, но даже остерегаются пошевелить ими, вотъ почему поза субъектовъ по нимамъ до того неудобна, что составляетъ по истинѣ пытку.

Спросите же, зачѣмъ они мажутся? вамъ отвѣтятъ: *такъ дѣлалъ пророкъ, или: это благочестивое дѣло...*

Ученые мужи увѣряли «хозяйна», что хна имѣетъ свойство *вытягивать жаръ, крѣпить кожу, смягчить волосы* и даже *предупреждать и унимать головные боли*, особенно у женщинъ; почему особенно у нихъ—не объяснили...

Онъ полагаетъ, что изъ всѣхъ приписываемыхъ ей свойствъ, самое дѣйствительное, а слѣдовательно и послужившее основаніемъ этому обычаю, свойство ея крѣпить кожу и не пропускать черезъ нее испарины, что особенно важно для рукъ, *непосредственно* пускаемыхъ персами входъ при всѣхъ своихъ фізіологическихъ отравленіяхъ: ѣдъ изъ общей посуды, безъ ложекъ, вилокъ и пожей, омовеній безъ мыла и безъ утиральниковъ, и пр. и пр.

— А воздухъ то каковъ?—замѣтилъ я, выходя въ холодное отдѣленіе, гдѣ по окончаніи *обрядоваго процесса омовеній, вытравленій и окрашиваній* — окачиваются, обмываютъ ноги, курятъ кальяны и одѣваются.

— Теперь еще народу мало, а вообразите себѣ смрадъ *по пятницамъ*.

— Почему же именно въ эти воскресные дни?

— Персы говорятъ: *подъ пятницу очень полезно пресыщаться царскими наслажденіями*, и въ этомъ отношеніи они послѣдовательны, а потому на слѣдующій день всѣ здѣшнія шесть бань переполнены...

Домой еще рано, и мы снова направились за городъ по направленію къ горамъ, сопровождающимъ дорогу отсюда въ Вастамъ справа.

За городскою стѣной повстрѣчался намъ сутуловато сидѣвшій на выходномъ катерѣ всадникъ, съ открытымъ, младенчески-улыбавшимся добродушіемъ, круглымъ лицомъ, съ дугообразными бровями, тихимъ блескомъ черныхъ глазъ и умѣреннымъ носомъ,—типъ далеко не пер-

сидекий! Скудоловласа голова его повязана платкомъ на подобіе маленькой чалмы, поверхъ длинной бѣлой рубахи накинута нѣчто въ родѣ халата.

— Тотъ самый геобръ, который тягается теперь съ правовѣрнымъ, замѣтилъ «хозяинъ», радушно обмѣнявшись привѣтствіями съ нимъ и, указывая на нѣсколько возвышающуюся у подножія обнаженныхъ горъ груды глиняныхъ остатковъ жилья, съ торчащими посреди нихъ руинами какого-то сооруженія на подобіе низкой башенки, продолжалъ: — а вотъ, — слѣды гебрекаго поселенія съ руинами (атешга) храма ихъ Шахрудцы говорятъ, что лѣтъ триста тому назадъ тутъ неугасяемо пылалъ священный огонь, но возобновленный затѣмъ съ новою силой гоненія противъ огнепоклонниковъ побудили однихъ принять исламъ, другихъ — бѣжать въ Индію, и огонь потухъ на всегда.

Этотъ рассказъ грѣшитъ развѣ только противъ хронологіи, ибо сожженный правовѣрными въ IX столѣтіи храмъ огнепоклонниковъ, что стоялъ на горѣ вблизи Херата и за право существованія котораго они ежегодно платили хератскому хану значительную сумму денегъ, — былъ однимъ изъ послѣднихъ, терпимыхъ въ Иранѣ. Впрочемъ, быть можетъ, *атешга*, на развалинахъ котораго мы теперь бесѣдуемъ, и существовалъ до XVI столѣтія...

Исламъ вытѣснялъ ученіе Зороастра мечемъ и огнемъ.

Оставшихся вѣрными религіи своихъ отцовъ арабы прозвали *ня-фырами* (беззаконными), откуда въ послѣдствіи и выработалась кличка «геобръ» («тяуръ» тожь).

Гонимые и презираемые на своей родинѣ, они бѣжали и бѣгутъ въ Бомбей и другія мѣста Индіи, такъ что теперь пожалуй не насчитаемъ въ Персіи и двадцати тысячъ этихъ, въ чистотѣ сохранившихъ типъ древнихъ Иранцевъ, *коренныхъ жителей ея*, между тѣмъ какъ остальное населеніе нынѣшней Персіи — выродки, помѣсь съ пародностями, въ разное время завоевывавшими Иранъ.

Гебры или — какъ перфѣдко «хозяинъ» называетъ ихъ — парсы живутъ въ окрестностяхъ Тегерана, гдѣ, занимаясь преимущественно садоводствомъ и вообще ремеслами, не требующими употребленія огня, терпѣливо выносятъ безцеремонныя, перфѣдко возмутительныя шутки правовѣрныхъ, но, покрайней мѣрѣ, не испытываютъ особой религіозной нетерпимости со стороны ихъ. Живутъ они и въ Керманѣ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, но главнымъ убѣжищемъ для нихъ — съ самаго дня низверженія аравитянами династіи Сассанидовъ въ

641 году — служить *Ездъ*, названіе котораго происходитъ отъ персидскаго слова *сзданъ* (*святъ*). Этотъ священный для гебровъ родъ, величаемый ими *Даръ-уль-Ибадетъ* (домомъ поклоненія), издревне былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ поклонниковъ свѣта (огня), и здѣсь то сохранились рукописи законовъ Зороастра на зендскомъ языкѣ, въпослѣдствіи перешедшія отсюда, вмѣстѣ съ бѣжавшими отъ гоненій послѣдователей его, въ Индію.

Ездъ — самый южный и едва ли не самый обширный и промышленный городъ Хорассана, чему, конечно, немало благопріятствовало отдаленное положеніе его отъ большой военной дороги, посреди труднодоступной песчаной пустыни, почти на границѣ Кермана (древней Караманіи). Собирая мною свѣдѣнія о населеніи его, по обыкновенію, крайне противурѣчивы; одни изъ побывавшихъ въ этомъ гебрекомъ оазисѣ, славящемуся на весь Иранъ *честностью жителей и безопасностью для путешественниковъ*, — увѣрили, что въ Ездѣ около пятидесяти тысячъ жителей, и въ томъ числѣ 15 тыс. гебровъ, которые занимаютъ отдѣльную часть его: *Пуште-Хане-Ами*, что при керманскихъ воротахъ, и съ тысячу евреевъ, тоже сгруппировавшихся особо. Другіе же насчитываютъ въ немъ всего 30 тыс., изъ коихъ гебровъ только 4 тыс. Какъ бы то ни было, но недавно правовѣрные обыватели разогнали большинство этихъ трудолюбивыхъ, терпѣливыхъ, вѣрныхъ и откровенныхъ даже съ ипострапцами кляфировъ, что повело къ упадку города, гдѣ они занимались, преимущественно, выдѣлкою шелковыхъ матерій (канауса) высокаго достоинства, платя большія подати и — какъ угнетаемые — живя плохо.

Многіе изъ нихъ читаютъ и понимаютъ языкъ Зенда и Пельвея, на которомъ писалъ Зенд - Авеста (законы Зороастра); старшины ихъ пользуются большимъ уваженіемъ, женщины ходятъ съ открытыми лицами, — красивѣе и правственнѣе выше персіянокъ; по крайней мѣрѣ, проститутки между ними не водятся....

Помимо канауса, Ездъ славится ситцами, полотнами и окраскою въ разные цвѣта большого количества транзитнаго и русскаго миткала, отличныхъ сахаромъ (изъ индѣйскаго сахар. песку), леденцомъ и разными кондитерскими издѣліями, мареной и выдѣлкою хны, а также богатъ добываемыми въ окрестностяхъ: каменною солью, зеленымъ мраморомъ годнымъ для плитъ и свинцомъ, которымъ пользуется большую часть Персіи. — Оазъ потребляетъ не мало транзитныхъ произведеній и ведетъ обширную торговлю съ персидскимъ Хорас-

саюмъ и менѣе значительную—съ Индією, черезъ пустыни Систана и Авганистана.

Въ окрестностяхъ Езда насчитываютъ до 15 гебрекихъ деревень съ восьми-тысячнымъ населеніемъ, занимающимся, преимущественно, посѣвомъ марены, а въ ближайшемъ къ городу селеніи — выдѣлкою бумажныхъ, весьма прочныхъ, толстыхъ циповокъ. Многіе отсюда также бѣжали отъ недавнихъ гоненій въ Бомбѣй..

Главный ихъ *атешиа* (храмъ), что на возвышенности въ 40 верстахъ отъ города, представляетъ теперь одинъ руины, и подобныхъ руинъ не мало встрѣчается по Персін. Помимо того, курганы,—на подобіе видѣннаго мною на пути изъ Курд-Махаллѣ въ Астербадъ, ископаннаго въ разныхъ направленіяхъ искателями кладовъ, *Динъ-тэс* (кургана въѣры),—считаются туземцами также за гебрекіе.

Вѣроятно, это—кладбища (дохме) ихъ, что согласуется съ обычаемъ до мухаммеданскихъ (и даже времени Геродота) персовъ хоронить умершихъ на возвышенныхъ мѣстахъ, при чемъ трупъ выставлялся на снѣды собакамъ и хищнымъ птицамъ на камняхъ или желѣзныхъ листахъ, ибо непосредственное прикосновеніе его къ землѣ почиталось за большой грѣхъ. *) Затѣмъ, обглоданныя кости бросались въ выкопаную по близости яму.

По словамъ «хозяина», тегеранскіе гебры хоронятъ нѣсколько иначе. Ихъ кладбище, что вблизи столицы обнесено высокою каменною стѣною безъ воротъ, черезъ которую и втаскиваютъ окутаннаго въ бѣлый саванъ покойника и приставляютъ его (стоймя) къ внутренней сторонѣ стѣны. Конечно, псамъ невозможно проникнуть туда, но тѣмъ болѣе поживы для воронъ, и смотри потому, какой глазъ сперва выключаютъ они ему, приближенные судятъ: попадетъ ли онъ въ рай или отравится въ адъ, затѣмъ предають его землѣ...

— Вы считаете своего знакомаго гебра за умнаго человѣка; чтожь говорить онъ о своей религіи? обратился я къ «хозяину на обратномъ пути, условившись съ полиціймейстеромъ о дальнѣйшихъ походахъ на завтрашній день.

— Говорить:—мы исповѣдуемъ вѣру Авраама.

— А обожествленіе огня?

*) Такъ точно, они чтили и проточную воду, остерегаясь не только мочиться или плевать въ нее, но даже—по сказанію Геродота—мыть въ ней руки.

— *Сходно съ обожествленіемъ иконъ людьми, не понимающими сущности религии...*

XXXI.

Мечети, шшшія медресе и интересные педагоги; высшее медресе и профессоръ. Духовенство, правосудіе и шахскій фирманъ при суддукъ «правосудія».

Утренняя прохлада разбудила меня въ 4 часа. Передъ глазами кружились голуби. Солнце только что выходило, а съ сосѣдней крыши уже неся за душу хватающій, плачевный *азонъ*: *Ал-ли - Акберъ!* *) завывалъ нашъ пріятель муэздинъ, прижимая ладонь (правой руки) къ правому уху.

Ашхеду-у энло-о элога эль Ал-ла!
Ашхеду-у анна Мухам-медъ анъ ресуль Ал-ла!
Ашхеду-у анна Ал-ли анъ вали юл-ла!
Гайя-я аля се-л-о!
Гайя-я алъ аль фе-л-о!
Гайя-я ало хейеръ ель амаль!
Ал-ла Акбе-ръ!
Ло елоге эль Ал-ла!

Окончивъ «призывъ къ молитвѣ», онъ утеръ глаза и исчезъ въ отверстіе крыши своего укромнаго домика, а я, закутавшись, снова уснулъ, но не надолго.

— Вставайте, полиціймейстеръ уже два раза заглядывалъ къ намъ, будилъ меня «хозяинъ». — Вставайте же! Мечети, школы ждутъ насъ...

*) Богъ великъ! (повторяется 4 раза)

Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Тебя, Боже! (повт. 2 раза)

Исповѣдую, что Мухаммедъ—пророкъ Божій! (2 раза)

Исповѣдую, что Али—намістникъ Его! (2 раза)

И т. д.

Я условился съ профессоромъ Хюсейномъ присутствовать съ вами на его лекціи, спустя часъ по восхожденіи солнца...

Аргументы — вѣскіе.

Пришелъ полиціймейстеръ и, выпивъ стаканъ чаю съ приоднесеною намъ арендаторомъ въ пижкешъ едобною булкой домашняго печенья, сталъ завѣрять, что: «считаетъ своею обязанностью всюду сопровождать насъ», конечно, по распоряженію его высочества.

— Пора, пора! торопилъ «хозяинъ», взглянувъ на часы. Было половина шестаго; R. показывалъ 16° въ тѣни.

— Все осѣдлое, приблизительно четырехмилліонное мусульманское населеніе Персіи, говорилъ онъ, спускаясь съ лѣстницы, — шіиты (шіія), т. е. отступники, какъ прозвали послѣдователей Али, зятя пророка, единовѣрные имъ сунниты (сюнни) приверженцы трехъ первыхъ калифовъ, къ коимъ сопричисляется въ Персіи почти все 900,000 кочевое населеніе турецкаго и арабійскаго происхожденія.

Признавая Али единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Мухаммеда, шіиты величаютъ этого Али и одиннадцать первыхъ наслѣдниковъ его — *Имамами*, т. е. духовными вождями, а вышеупомянутыхъ трехъ калифовъ, почитаемыхъ суннитами (и теперь — въ лица турецкихъ султановъ) несомнѣнными намістниками пророка, главами и охранителями вѣроученія его, клянутъ до седьмаго колѣна, какъ похитителей престола у нихъ. Отсюда обоюдная ненависть, больше ограничивающаяся презрительною кличкой одинъ другаго «кяфыромъ», мѣстами же выражающаяся непримиримою борьбою между послѣдователями этихъ двухъ не равныхъ половинокъ мусульманскаго міра, изъ коихъ слабосильные шіиты остаются чуть-ли не всегда въ накладь, хоть и слывуть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ яменемъ *Хайдеріицевъ* отъ арабскаго слова *Хайдеръ* — левъ, прозвища Али, который, какъ гласитъ преданіе, *еще въ колыбели разрывалъ змѣй*, подобно Геркулесу.

Претендуя на престолъ, имамы всегда мучили народъ, и рѣдкій изъ нихъ умеръ своею смертію; за то же они, какъ мученики за вѣру, на первомъ плавлѣ у шіитовъ (даже сравнительно съ пророкомъ). *Али, Хасанъ, Хюсейнъ* не сходятъ съ устъ ихъ! *Риза*, кажется, восьмой имамъ — тоже высоко чтится, но наибольшій интересъ представляетъ, конечно, послѣдній, двѣнадцатый имамъ, *Мухаммедъ-Бенъ-Хасанъ*, по прозванію *Мехди* *) *зм-хади*, который

*) Мехди — имя.

оставить свои туфли передъ колодцемъ въ значительномъ мѣстечкѣ Самире *) (что вблизи Багдада), а по увѣренію другихъ—передъ пещерой, скрылся въ ней съ тѣмъ, чтобы явиться людямъ въ концѣ міра для возстановленія ислама во всей его первобытной чистотѣ. Поговариваютъ, что онъ уже явился, но незримъ между народами... Во всякомъ случаѣ шіитскій міръ ожидаетъ пришествія «воителя» за вѣру, или какъ еще называютъ его. «Косма» (скрывающагося), Саабъ Земона (господина міра) и «Имамъ Охиръ-Земона» (Имама конца міра)...

Бесѣдуя, мы безпрятственно вошли въ ворота сосѣдней съ нашимъ караванъ-сараемъ, наилучшей въ городѣ мечети «Хаджи молла Мамедъ**) Али, названной такъ по имени муштегида ***)», соорудившаго ее на добродѣтели даянія частицы своей.

Обширный, тщательно утрамбованный, чистый дворъ мечети замкнутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ разными, соответствующими святости мѣста, постройками. Съ одной—возвышается лѣтняя мечеть, въ видѣ высокой, сравнительно узкой, толстой стѣны, съ полукруглою сводчатой нишей во всю почти высъ и ширь ея и съ основаніемъ — въ уровень съ дворомъ. Внутренность ниши нестрить разноцвѣтными буквами изреченій изъ корана, и тутъ же, какъ-то не кстати, въ сторонкѣ торчатъ низенькая деревянная кафедра топорной работы или амвонъ, съ котораго нерѣдко раздаются проповѣди муштегида; надъ нею — ярко сверкають на солнцѣ то вызолоченныя, то посребренныя рельефныя буквы таковыхъ же изреченій на алебастровой дощечкѣ.

Вотъ и вся нарядность лѣтней мечети, вѣрнѣе ниши, служащей (во время общественныхъ молитвъ или богослуженія) мѣстомъ для муллы; народъ же становится на дворѣ.

Къ бокамъ ея примыкаетъ по комнаткѣ. Обѣ спереди открыты. Правая пустовала, въ лѣвой группировались малютки: мальчики въ куланамади или въ расшитыхъ шерстями аракинъ особо отъ дѣвочекъ въ чадрахъ, то и дѣло обнажавшихъ свои блѣдные, больше опухшія личики съ черными пречерными глазенками и скверными болячками какъ и у первыхъ.

Это одна изъ четырехъ здѣшнихъ элементарныхъ медресе или духовныхъ школъ.

*) Называемаго набожными шіитами «Сурра-манъ-ро».

**) Сокращенное имя Мухаммедъ.

**) Высшее духовное лицо въ городѣ.

Учителя еще не было, и малютки, степенно бесѣдуя между собою, то пугливо, то съ младенческой улыбкой оглядывали насъ... По цѣвую, смѣжною съ лѣтней мечетью, сторону двора тянется низенькій домикъ, съ рѣшетчатыми маленькими окнами безъ стеколъ и запертой дверью, это зимняя мечеть.

— Заглянемъ туда, обратился я къ «хозяину».

— Неловко.. *По шариату, мусульмане могутъ даже молиться въ христіанскихъ храмахъ*, но насъ не должны впускать къ себѣ. Положимъ, подобныя постановленія перѣдко ступевываются передъ нищешомъ, вообще разсчетомъ или даже передъ распоряженіемъ власти, по все же лучше не оскорблять религіознаго чувства народа, тѣмъ болѣе, что онъ *положительно не понимаетъ сущности религии, и только слѣпо придерживается обрядностямъ...*

Подомедный мулла, и за нимъ какой то больной сейидъ перебили «хозяина». Первый, любезно поздоровавшись, сѣтовалъ на безплодіе жены, второй умолялъ о медицинскомъ пособіи.

Заслышавъ это, мечетскій сторожъ попросилъ насъ въ зимнюю мечеть взглянуть на безпомощно умирающаго прохожаго нищаго.

— Вотъ важъ и случай! замѣтилъ «тотъ», входя со мною въ полутемную переднюю молельни съ затхлымъ воздухомъ, на голомъ полу которой лежалъ еле дышавшій скелетъ!..

— Второй мѣсяцъ какъ сильный поносъ истощаетъ меня, а на докторовъ нѣтъ средствъ, прерывающимся шепотомъ проговорилъ онъ, пригласивъ насъ слабымъ движеніемъ руки приблизиться къ себѣ.

— Этого не слѣдуетъ кушать, указавъ мой товарищъ на лежавшія подлѣ него три яблока—подавнше какого то сердобольнаго ремесленника.

— Уже давно ничего не ѣмъ, и только *пожале ихъ...* Благочестивые люди—продолжалъ онъ съ холодною покорностью судьбѣ, но не безъ пропіи — *заботливо осматривались у меня, идъ желаю быть похороненнымъ? Я выбралъ себѣ мѣсто на здѣшнемъ кладбищѣ.*

— Больницъ нѣтъ, и бѣдняку дозволяется умирать въ мечети, — глухо замѣтилъ мой товарищъ.

— Ну не безчеловѣчно ли вмѣсто медицинской помощи, вмѣсто исцѣленія предлагать могилу!..

— Народъ безжалостенъ не потому, что невѣжественъ, а потому, что *самъ безпомощенъ...*

Пообщавъ несчастному лекаремъ (которая врядъ ли возвратитъ ему быстро угасавшую жизнь), я оглядѣвъ, въ передней вмѣстительную и

пустую, полумрачную молельню, гдѣ мушкетеры становятся—вовремя богослуженія — непосредственно за *меснедолгъ*, такъ называется (молитвенный) коверъ мұлы, — жеппины же — за западѣсками съ боку....

Не успѣли мы показаться на дворъ, какъ были окружены все больше и больше прибывавшими больными.

— Нѣтъ, батюшка, остановилъ «хозяинъ» мое намѣреніе выслушать ихъ, здѣсь рискованно показывать медицинскія познанія. *Весь городъ — болѣны*, весь городъ нахлынетъ къ вамъ за помощью!... А ваша миссія — иная; да и въ силахъ ли вы помочь всѣмъ?!..

Аргументъ—сильный!

Больные стали расходиться, и мы продолжали осмотръ.

Въ низенькомъ зданіи, что противъ зимней мечети, помѣщается зимою школа, (съ питомцами которой читатель уже познакомился), а въ теплое время года и, вообще, въ свободные отъ занятій часы, какъ и въ смѣжномъ тутъ зданіи съ огромными подъемными дверями можетъ расположиться на короткое время каждый пиццй, каждый бездомникъ. Заходятъ сюда и достаточные обыватели, кто — отдохнуть, кто — побесѣдовать за калянномъ, если таковымъ угостить весьма солидный мечетскій сторожъ.

Вода для каляновъ берется изъ большого бассейна, что посреди двора, для питья же — изъ водохранилища, что у воротъ. Правда, вода въ бассейнѣ крайне грязна, но все еще годится даже для предположительнаго омовенія неуспѣвшимъ сотворить таковое у себя на дому...

Во дворъ плавно вошелъ чалмоносный педагогъ съ выведенными бровями, грубо нарумяненными щеками кирпичнаго цвѣта, достаточнымъ посомъ и тщательно расчесанною черною бородой.

Обмѣнявшись съ нами на ходу короткимъ привѣтствіемъ, онъ съ тою же величественною плавностью опустился на полъ своей лѣтней аудиторіи, досталъ изъ за складокъ обширѣйшей бѣлой чалмы миниатюрное круглое зеркальцо и, посмотрѣвшись въ него, самодовольно улыбнулся.

— Влюбленъ въ свою особу!... *считаетъ себя красавцемъ!* шепнулъ «хозяинъ», между тѣмъ какъ малютки, группировавшись по двое по трое, дѣвочки особо отъ мальчиковъ, разомъ зубрили на *рас-тѣвъ* — кто азбуку, кто склады, а одинъ мальчуганъ въ углу выводилъ на бумажкѣ каракули...

Полиціймейстеръ взялъ двухъ ближайшихъ за головки и, стукнувъ ихъ другъ о дружку лбами, — проговорилъ въ нашу сторону съ вынуж-

вающую на одобреніе своей *снисходительной* шуткѣ улыбкою: — Ъ.. в... м... (т. е. непечатную російскую брапъ).

— Вотъ вамъ уваженіе къ мечети и школѣ, замѣтилъ «хозяинъ», между тѣмъ какъ тотъ, приблизившись къ намъ, продолжалъ уже шепотомъ: — что тутъ интереснаго? пойдемъ, — покажу *лучшую нашу школу*, гдѣ учатся болѣе взрослые дѣти достаточныхъ родителей..

— Гдѣ и твой девятилѣтній сынъ?

— Да.

— Знаю. Эта частная школа помѣщается на дому у самого учителя — *не пона, а мирянина*, что рѣдкость въ Персіи, гдѣ образованіе народа принадлежитъ духовенству, поленить мнѣ «хозяинъ»

Противившись съ *счастливцемъ*, продолжавшемъ подѣ дѣтскій напѣвъ любовно засматриваться въ зеркальцо, мы свернули съ мечети въ переулокъ и, войдя въ сводчатый проходъ убогаго жилища свѣтскаго учителя, остановились, у приземистой двери — настѣжь тутъ въ которую черпѣлся не то чуланчикъ, не то сарай; кто то шелестилъ тамъ, перешептывался, но кто именно и что это за логовище? — со свѣту — неразберешь, такъ скудно освѣщалось оно своимъ, одиноко выглядывающимъ на внутренній дворикъ, крошечнымъ оконцемъ безъ стекла, по просту, своей дырой... Поприсмотрѣвшись къ темнотѣ, уже не трудно было отличить мальчиковъ отъ дѣвочекъ съ книжками въ рукахъ, сидѣвшихъ двумя группами на ветхихъ подстилкахъ по сторонамъ ямки для углей, согрѣвающихъ этихъ *питомцевъ образованной школы* въ зимнія стужи. Одна десятилѣтняя красотка, отважно сбросивъ съ себя чадру, впиалась въ насъ глазами; свѣжелькій полиціймейстерскій сыночекъ широко улыбался напашѣ; прочіе, видно — робкія, кутались, ежились, пилились...

На дворѣ показался хромоногій старикъ въ смурковой шапкѣ, съ добродушнымъ лицомъ и длинною хворостипой въ рукѣ. — Красотка скрылась въ чадру: то былъ самъ педагогъ!

Ковыляя, онъ подошелъ къ намъ и привѣтливо, съ отгѣткомъ снисхожденія, поздоровался; затѣмъ, усялся на полъ спиной къ оконцу, хворостину положилъ около себя, а въ руки взялъ впушительную трость и отрывисто скомандовалъ. — Дѣти дружно заголосили уроки, при чемъ дѣвочки, напряженно вематриваясь черезъ крошечныя щели покрывала въ книжки, кивали въ тактъ головами до земли.. И это повторяется такъ *круглый годъ* за исключеніемъ праздниковъ! Здѣсь учатъ читать, писать по персидски и немного по

арабски, молитвамъ, ариметикъ и знакомятъ съ произведеніями отечественныхъ поэтовъ, начиная съ Фирдуси. Годичная плата за каждого, смотря по состоянію родителей, отъ 4 руб. 50 к. до 7 руб. 50 к., и развѣ только рѣдкій разцѣдится до 12 рублей.

— И въ такой духотѣ эти крошки еще замурованы въ чадры! — невольно вырвалось у меня.

— Гдѣжъ азіятамъ понятъ гигиеническія требованія!

— И педагогическія тоже, — указалъ я на символы горечи персидскаго зубрепія — палку съ хворостиной.

Поймавъ мой взглядъ (но, конечно, не понявъ смысла его), ветхій педагогъ помахалъ — помахалъ хворостиной и ударилъ ею ближайшую дѣвочку; — та съежилась, а онъ, обнажая десна въ нашу сторону, авторитетно прошамкалъ: — безъ этого нельзя!... затѣмъ, съ тою же методичностью взялъ книгу съ полу, папаялилъ на носъ *пенс-не* въ мѣдной оправѣ, посерединѣ обматаной нитками, и, приказавъ щенцамъ смолкнуть, прочелъ на распѣвъ стихи о томъ, что: «Еще до сотворенія міра были: Али, Хасанъ, Хюсейнъ, Мухаммедъ, Авраамъ, Моисей и Христосъ... И тогда еще Богъ предложилъ имъ *испытъ нашу горестей*, но все отrekliсь отъ нее, *кроми Хюсейна!*!.....»

— Не опоздать бы намъ на лекцію? — спохватился мой товарищъ, взглянувъ на часы.

Мы простились съ образцовымъ воспитателемъ и минуты черезъ три—четыре уже созерцали одно изъ *трехъ* здѣшнихъ высшихъ *мед-рессе*, съ кучами сырцоваго кирпича по всему обширному внутреннему двору, замкнутому съ трехъ сторонъ длинными мазанками, подѣленными на копуры съ низенькими, точно собачьями, входами.

Одна изъ таковыхъ копуръ, нѣсколько попросторнѣй прочихъ, служила аудиторіей, правда, полутемной, грязной и биткомъ набитой пятью юными чалмоносцами, сидѣвшими на протертыхъ войлокахъ, низехонько наклонившись надъ огромными «*Гадисъ*» *), но... по посреди нихъ возсѣдала *медоточивая премудрость* въ лицѣ почтеннаго профессора, муллы Хюсейна, который, прервавъ на моментъ чтеніе, не только снисходительно кивнулъ намъ на привѣтствіе наше — но даже приказалъ разостлать для насъ передъ порогомъ коврики, между тѣмъ какъ насупившіеся семинаристы и не векинули глазами на *кяфъироу*.

*) Каждая книга «Гадисъ», т. е. сборника преданій, имѣетъ свое особое названіе, какъ то: «Гайотъ-уль-Кулюбъ» («жизнь сердецъ») и пр.

«Хозяинъ» уѣлся безъ башмаковъ, я предпочелъ стоять, хоть арендаторъ и соорудилъ для меня изъ сырца сидѣнье. Лекція продолжалась.

..... «Иисусъ посылалъ въ Антиохію двухъ пророковъ, но жители не повѣрили имъ и отослали назадъ; Иисусъ все таки не оставилъ въ тѣмъ ходящихъ, а вторично послалъ къ нимъ Хабиба и Павла»!!... съ напускнымъ пафосомъ читалъ профессоръ умышленно подобранную главу изъ «Гадиса» о нашемъ Божественномъ Учителѣ, между тѣмъ какъ изъ устъ напряженно слѣдившихъ за нимъ по своимъ арабскимъ книгамъ слушателей по временамъ вырывалось одобрительное: «бели», «бели»...

Профессоръ остановился, поднялъ глаза съ книги и сталъ толковать еще съ большимъ воодушевленіемъ о томъ, какъ: «велико милосердіе Божіе... Люди не приняли Его, а Онъ опять посылаетъ къ нимъ учениковъ своихъ съ словомъ истины!?!...»

— Бели, бели, бели... восторженно впиается въ него глазами аудиторія.

— Слушайте, шепчетъ мнѣ «хозяинъ», какъ эти правовѣрные, живы сказками и преданіями, безцеремонны съ хронологією: Павелъ де жилъ во времена Христа?...

— Но все-таки отдають должное Христу?

— О, да! Они чтятъ Его.

— Почему же насъ, Его послѣдователей считаютъ *заблудившимъ*?

— Потому что мы *не утвривали* въ пророка Мухаммеда, о *присшествіи* котораго было сказано въ *ниспосланномъ* Христу съ неба и затѣмъ безслѣдно пропавшемъ *Евангеліи*.

— Какъ пропавшемъ?!... А то евангеліе, что передъ христіанскимъ міромъ?

— Они говорятъ: оно *подложно*, оно было написано апостолами, которые и выдали его за *Иисусово*, а иначе, мы съ вами тоже черпали бы ковшами истину изъ *корана*, *шаріата* да *гадиса*...

— Зачѣмъ русскій здѣсь? Что онъ осматриваетъ наши мечети, какое ему дѣло до нашей вѣры? слышались недовольные голоса въ успѣвшей уже собраться за ениною у насъ толпѣ.

— *Шах-заде* разрѣшилъ... оправдывался шенотомъ полиціейстеръ.

— Ну ихъ... Пойдемте, шепчуть блаторазумный «хозяинъ».

Въ этой школѣ *умственного затмивія*, говорилъ онъ дорогой, какъ и въ прочихъ высшихъ медресе, принимающихъ въ свое лоно ребятъ

не моложе *десяти-лѣтняго возраста*, по штату полагается 40 воспитанниковъ, изъ коихъ имѣющіе родныхъ въ самомъ городѣ приходятъ сюда *только на лекціи*, начинающіяся *спустя часъ по восхожденіи солнца* и оканчивающіяся въ 12 ч. пополудни (такъ *круглый годъ*, кромѣ четверговъ, пятницъ и годовыхъ праздниковъ), а прочіе, т. е. родители которыхъ проживаютъ вдали отъ города, помимо бесплатнаго помѣщенія въ самомъ медресе, *по одному или по двое съ каждой комнаты, еще пользуются крохами отъ доходовъ его*. Обученіе здѣсь вообще безплатно, развѣ только состоятельные изрѣдка дарятъ профессора чѣмъ нибудь.

По предметамъ преподаванія семинаристы дѣлятся на 8 группъ соотвѣтствующихъ нашимъ классамъ, время прохожденія которыхъ не равномѣрно: одни длятся годъ и больше, другіе меньше, такъ что весь курсъ наукъ въ высшемъ медресе проходится въ 10—12 лѣтній срокъ, что, однакожъ, не исключаетъ возможности для нѣкоторыхъ бѣдныхъ бурсаковъ просиживать здѣсь *изъ простаго расчета на обезпеченное содержаніе* даже 20 лѣтъ....

Воспитанники *I группы* знакомятся съ правилами омовеній и намазами, т. е. молитвами, къ совершенію коихъ шиты призываются *муэддиномъ* троскратно въ день: при восходѣ солнца, въ полдень и при захожденіи солнца. Предшествующее намазамъ омовеніе обязательно для мужчинъ съ пятнадцатилѣтняго возраста, съ котораго они уже считаются женихами, върѣше совершеннолѣтними, а для женщинъ съ девятилѣтняго возраста, съ котораго они уже окутываются въ чадру и считаются невѣстами. Таковое постановленіе исламизма, вполнѣ пригодное для Аравіи, гдѣ дѣйствительно девятилѣтняя дѣвочка способна быть матерью, здѣсь составляетъ за немногими исключеніями лишь одну формальность. При намазахъ подстилается *седжаде* (молитвенный коврикъ), войлочный или иной, смотря по средствамъ, а на него кладется *муре* (молитвенный камушекъ), къ которому прикасаются лбами при земныхъ поклонахъ...

Знакомясь съ началами *шаріата*, т. е. духовнаго закона Мухаммеда, дополненнаго, сообразно толкованіямъ корани, имамами и муштегидами, ученики этой группы подучиваются арабскому языку, на которомъ написана большая часть священныхъ книгъ; между ними коранъ или *куръанъ* даже воспрещено переводить (съ арабскаго) на персидскій или иной языкъ послѣдователей Мухаммеда.

II группа упражняется переводами съ арабскаго языка.

III группа переводить коранъ и разбираетъ смыслъ его, совершенствуется въ чтеніи намазовъ и выполненіи прочихъ религіозныхъ правилъ.

IV группа читаетъ коранъ *въ совершенствѣ*.

V группа разбираетъ смыслъ корана по коментаріямъ и, по выраженіи «хозяйина», *упражняется въ самостоятельномъ толкованіи его*.

Семинаристы VI группы уже «совершенны» въ коранѣ, т. е. постигли глубину его на столько, что, разсуждая съ профессоромъ о прочитанномъ, *вступаютъ съ нимъ даже въ диспутъ*.

VII группа изучаетъ *юриспруденцію*, ограничивающуюся *шариатомъ*, доходящимъ въ своихъ тонкостяхъ до невѣроятнаго вздора, въ родѣ указанія, *какъ слѣдуетъ вытравлять волосъ на секретныхъ мѣстахъ, какую молитву прочесть передъ физиологическимъ отправленіемъ большой и малой степени* (по просту, идя за нуждой), *и какъ слѣдуетъ справлять оныя!*

и VIII группа знакомится съ астрономією, вѣрнѣе, *астрологією* на столько, чтобы понимать календарь (который пайдется запазухой у каждаго грамотѣя), и опредѣлять по немъ *хорошіе и худые дни*, а выветъ съ тѣмъ погружается въ философію, однако, въ границахъ допущенныхъ преданіями, т. е. имамами или главами вѣроученія.

Какъ видите, сущность образованія въ высшихъ медресахъ составляетъ также философія, захватывающая въ свою туманную область и коранъ, и шариатъ, и тадисъ, а между тѣмъ въ Персіи не существуетъ иныхъ школъ, какъ медресе, за исключеніемъ только Тегеранскаго военнаго училища «Даръ-ел-Фенунъ», величаемаго персидскою интеллигенціею то академією, то университетомъ, гдѣ учатъ всему по немпожкѣ, даже французскому и нѣмецкому языкамъ (которымъ, однакожъ, никто *не изучается*), и, такимъ образомъ, стрипаютъ персидскихъ офицеровъ, телеграфистовъ и другихъ чиновниковъ.

Такое одностороннее образованіе вовсе не развиваетъ умственныхъ способностей персовъ, одаренныхъ ими отъ природы столь щедро, что они могли бы легче турокъ усвоить европейскую цивилизацію, есля-бы только не тяготѣющій надъ ними всесокрушающій гнетъ деспотизма въ связи съ всетормозящимъ исламизмомъ...

Только что осмотрѣнное нами медресе содержится, во первыхъ, доходами съ своей недвижимой собственности, состоящей изъ клочка земли (доставляющей всего 18 хальваровъ пшеницы въ годъ), *небольшаго*

количества воды и двухъ лавчепокъ, отказанныхъ по завѣщанію однимъ благочестивымъ обывателемъ; затѣмъ, правительство отпускаетъ ему ежегодно по 14 хальваровъ пшеницы, *теке* *) тоже удѣляютъ часть сбора съ своихъ постьвовъ; нерѣдко и благочестивые люди жертвуютъ (какъ, вообще, всѣмъ медресамъ, такъ и мечетямъ и теке) при жизни или по смерти своей часть съ имущества или съ доходовъ лавокъ своихъ.

Смотря по размѣрамъ пожертвованій при учрежденіи медресъ, опредѣляется плата профессорамъ, избавленнымъ, какъ и духовенство, отъ солдатчины и податей. Почтенный профессоръ Хюсейнъ получаетъ, по увѣренію моихъ спутниковъ, всего $2\frac{1}{2}$ хальвара пшеницы въ годъ, но пишкеші семинаристовъ примираютъ его съ такимъ убогимъ содержаніемъ.

Затѣмъ «хозяинъ» охарактеризовалъ мнѣ положеніе духовенства, носящаго общую съ грамотѣями и учеными кличку «мулла».

— Въ Персіи, говорилъ онъ, *никто никѣмъ въ духовный санъ не посвящается, никто никакими властями не утверждается въ немъ*, и правительство признаетъ только вліятельныхъ муштегидовъ или, по выговору шахрудцевъ, *муштаидовъ*, этихъ, излюбленныхъ народомъ высшихъ духовныхъ лицъ.

Всякій грамотѣй предъявляетъ притязаніе на духовный санъ, и успѣваетъ въ томъ, если только, обладая всѣми необходимыми для духовнаго руководителя качествами, *заручится вліяніемъ* на достаточную часть населенія; тогда онъ становится, первоначально, *минъ намазолъ*, т. е. священникомъ, руководящимъ публичными молитвами въ какой нибудь мечети, за которымъ народъ повторяетъ молитвы и коленно-преклоненія, подражая всѣмъ тѣлодвиженіямъ и жестамъ его.

По исламу, народъ можетъ слѣдовать въ этомъ отношеніи только за праведными или благочестивыми и вмѣстѣ съ тѣмъ учеными муллами, на святости жизни которыхъ, правда, чаще мнимой, и основывается симпатія его къ нимъ; за безпорядочными же онъ не обязанъ молиться.

Духовенство неуспѣшно блюдетъ за исполненіемъ народомъ обрядовъ религіи, наставляетъ его и отправляетъ надъ нимъ правосудіе по *ша-риату*.

— *Кому изъ нихъ народъ доверяетъ, у того и судится, тотъ и*

*) Мѣста для религіозныхъ представленій, сооруженныя благочестивыми людьми, нерѣдко жертвующими при этомъ и землей на содержаніе ихъ

и *кази*, т. е. духовный судья по всемъ уголовнымъ, гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ, поспилъ «хозяинъ».

Для достиженія наивысшей духовной степени, связанной съ званіемъ *муштегида*, болѣе смѣтливые *мишиз-намазы* отправляются на нѣсколько лѣтъ въ одинъ изъ замѣчательныхъ своимъ муштегидомъ большихъ городовъ, изучаютъ тамъ до тонкости, подъ руководствомъ его, законы Мухаммеда, богослуженіе и обрядности, затѣмъ отыскиваютъ покровителей себѣ и приверженцевъ, и тотъ изъ нихъ, кто съумѣетъ достигнуть безусловнаго довѣрія у народа, дѣлается самъ *муштегидомъ*, т. е. главнымъ толкователемъ корана и шаріата и безапелляціоннымъ *кази* по всемъ дѣламъ, не исключая даже совершенія закладныхъ, купчихъ и т. под.

По подлинному опредѣленію «хозяина», *муштегидъ*—это *богословъ* и *юристъ à pes plus ultra*, выдающійся чистотою своей жизни и совѣсти настолько, что народъ вѣритъ въ слово его, какъ въ слово пророка, и прочее городское духовенство нравственно подчиняется ему.

Дѣйствительно, особа муштегида въ глазахъ народа священна: вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ неограничено и слово его могущественнѣе шахскаго. Главныхъ муштегидовъ величаютъ даже *имамами* (въ смыслѣ ли первыхъ двѣнадцати имамовъ, или въ буквальномъ, означающемъ «проповѣдника»,—мой собесѣдникъ затруднился разъяснить).

Правда, каждый попъ въ Шахрудѣ, побывавшій у муштегида г. Кербела, считаетъ и себя муштегидомъ, но фактически въ городѣ долженъ быть и есть только одинъ муштегидъ, святость, сила и вліяніе котораго измѣряются числомъ молящихся за нимъ во время *мишиз-намазовъ* (публичныхъ молитвъ въ мечетяхъ).

— Конечно, поспилъ «хозяинъ», большинство толпится за своимъ *ахундомъ* *) не изъ религіозныхъ побужденій, а разсчета, зная, что тотъ съумѣетъ при случаѣ защитить своихъ *мюридовъ* **) отъ правительственныхъ агентовъ и нагадить противникамъ своимъ, т. е. завѣдомо-непризнающимъ авторитета его...

— И хорошо живетъ муштегидамъ?

— Богу какъ... Вотъ Себзеварскій «задыка», самымъ законнымъ образомъ растлившій въ послѣдній голодъ до сотни 7—9 *ты-мттихъ*

*) Ахундъ, буквально—учитель, соответствуетъ поповской кличкѣ у насъ *батюшка*.

**) Мюриды—приверженцы его, т. е. муштегида.

дѣвушекъ *),—такъ тотъ получаетъ за свою *святость* около 200,000 томановъ ежегоднаго дохода!

— А здѣшній?

— Не разжирѣть..

Персидское духовенство бѣднѣетъ; оно утратило со временъ Надиръ-Шаха пайбольшую часть своихъ поземельныхъ богатствъ (вакуфъ), теперь же постепенно утрачиваетъ и установленные въ пользу его поборы съ народа, такъ называемые *хомсъ* и *зиконтъ*.

Хомсъ составляетъ 20 процентовъ съ чистаго дохода каждаго сколько нибудь достаточнаго человѣка, но личной оцѣнкѣ его или совѣсти. Половина изъ нихъ предназначена собственно для имама Мехди; ее слѣдовало бы сберечь до пришествія его, и затѣмъ вручить ему, какъ «*Царю и воителю за вѣру*», но съ теченіемъ времени высшее духовенство придало этому постановленію иное толкованіе: «Мы-де, говоритъ оно, какъ намѣстники имамовъ и довѣренные Мехди, имѣемъ право распоряжаться его доходами по своему усмотрѣнію.»—Отсюда установился взглядъ на обязанность каждаго уплачивать долю имама Мехди тому муштериду, кого кто признаетъ *праведнымъ*.—Другая половина *хомса* предназначена въ пользу бѣдныхъ сейидовъ, этого многочисленнаго въ Персіи класса потомковъ пророка и святыхъ имамовъ, живущаго больше милостынею и пользующагося въ народѣ уваженіемъ, доходившимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до благоговѣнія къ нимъ, какъ къ святымъ. Имущество сейидовъ неприкосновенно. Правительство не рѣшается открыто дѣйствовать противъ нихъ и щадить ихъ, хотя тѣ считаютъ Насръ-ед-Дина узурпаторомъ, говоря, что «*ишакомъ* можетъ быть только духовное лицо изъ сейидовъ...» *Законтъ*, установленный, кажется, преимущественно въ пользу бѣдныхъ, составляетъ: 1) съ владѣльцевъ посяговъ садовъ — $\frac{1}{40}$ доли **) собранной пшеницы, ячменя, изюма и финиковъ (что и надлежитъ удѣлять бѣднымъ на самомъ мѣстѣ сбора); 2) съ владѣльцевъ *свыше* 200 головъ быковъ, лошадей, барановъ и пр. скотинки—по 5 штукъ съ каждаго 200; и 3) съ обладающихъ *свыше* 200 томановъ—по 5 томановъ съ каждаго 200. Помимо того, каждый членъ достаточной семьи обязанъ въ рамазанъ удѣлять бѣднымъ по 1 батману пшеницы.

Такъ постановлено, но въ сущности никто—по крайней мѣрѣ въ

*) Т. е. бракъ сгла на короткое время.

**) или, по туземному выраженію, съ 5 до 200.

Шахрудъ—ни *хомса*, ни *закота* исправно ни вносить, даже, вѣрнѣе, за ничтожнымъ исключеніемъ—вовсе не платить, и муштегиды, опасаясь раздражать своихъ приверженцевъ требованіемъ полной доли имама Мехди, довольствуются частью ея; маловліятельные изъ нихъ не успѣваютъ собрать даже необходимой суммы для своихъ скромныхъ нуждъ, а полуграмотные муллы, имѣющіе претензію принадлежать къ духовенству, положительно предоставлены сами себѣ; сейиды же нищенствуютъ, а бѣднѣйшіе изъ нихъ даже мрутъ съ голоду...

Кромѣ этого, чисто-народнаго духовенства, въ каждомъ значительномъ городѣ находится назначаемый правительствомъ для судебной расправы *Шейхъ-уль-исламъ* (старшина или глава правовѣрія), официально—первое духовное лицо въ провинціи, въ родѣ нашихъ архіереевъ. При немъ состоятъ нѣсколько помощниковъ или секретарей, отправляющихъ правосудіе въ деревняхъ и селеніяхъ, гдѣ—за отсутствіемъ ихъ—оно совершается обыкновенно муллами.

Шейхи получаютъ содержаніе отъ правительства и пользуются доходами отъ своей духовной и судебной практики, конечно, если таковая есть, а ова не всегда бываетъ, ибо народъ что-то не долюбиваетъ этихъ господъ; по крайней мѣрѣ, ни одинъ *шахрудецъ* не станетъ молиться за своимъ *Шейхъ-уль-исламомъ* и рѣдкій пойдетъ судиться къ нему...

— Почему?

— Ужъ больно падаютъ на женщинъ, особенно на мальчишекъ... Въ Шахрудѣ есть три чуда: первое—*Шейхъ-уль-исламъ*, оставшійся безъ *ниизъ-намаза* (т. е. не отправляющій богослуженія); второе—*мечеть*—*Джума* (соборная мечеть), не имѣющая имама Джума (какъ называется мулла, отправляющій богослуженіе въ соборной мечети по пятницамъ, обязательно молясь и о благоденствіи шаха), и третье—*есть кази, не отправляющій правосудія*, ибо никто не рискуетъ судиться у него,—такъ подтруниваетъ «хозяинъ» надъ здѣшнимъ «главою правовѣрія», которому ввѣрены вѣсы правосудія, но... но даже губернаторъ, обязанный отправлять къ нему виновныхъ, обыкновенно судить ихъ самъ...

Въ Персіи нѣтъ законовъ, а есть шахъ, воля и капризъ котораго замѣняютъ таковые, и есть духовенство, рѣшающее всѣ уголовныя, гражданскія, и духовныя дѣла по *шаріату* и—въ рѣдкихъ случаяхъ—по *урфу*, т. е. по освященному временемъ обычаю, по которому рѣшаются нѣкоторыя дѣла и административными властями, причемъ приговоры

последнихъ, какъ и духовныхъ судей, въ родѣ шахрудскаго шейхъ-уль-ислама съ его помощниками, всегда зависить отъ цѣнности представляемыхъ имъ тяжущимися сторонами даровъ, а посему и взысканіямъ по суду подвергается, обыкновенно, бѣднѣйшій классъ населенія. Богачи же не избѣгаютъ наказаній развѣ только тогда, когда бываютъ судимы самимъ шахомъ, обыкновенно, лишающимъ виновныхъ состоянія въ свою пользу.

Въ послѣднее время, кажется съ прошлаго года, правительство попробовало ввести въ нѣкоторыхъ городахъ мировые суды, и такъ какъ они не потерпѣли чувствительнаго крушенія, то намѣревается расширить районъ этихъ—по выраженію «хозяина»—скорыхъ, по едали правыхъ судовъ *), подъ которые отводятся жалкія лачуги и гдѣ судьи—хоть и свѣтскіе, но въ сущности придерживающіеся шаріата—возмутительно торгуютъ правосудіемъ!

Конечно, духовенство не дремлетъ; оно всегда изъ своекорыстныхъ видовъ поддерживало существующій порядокъ вещей и систематически противудѣйствовало нововведеніямъ, и теперь, опасаясь лишиться доходовъ и преобладающаго вліянія на народъ, видящій въ немъ не только блюстителя вѣры, но и единственнаго своего покровителя и защитника противъ деспотизма шаха и произвола властей, возбуждаетъ его противъ судебныхъ реформъ. И вотъ—въ настоящей моментъ волнуется Тавризъ, резиденція правителя Азербейджана, послѣднаго принца *Музафаръ-ед-динъ* мирзы (род. въ 1850 г.), за котораго править краемъ визирь или совѣтникъ его, *Мирза* **) *Фетхъ-Али-Ханъ*. Объ этомъ волненіи рассказывали «хозяину» такъ. Въ Тавризъ былъ присланъ изъ Тегерана *танзиматъ*, т. е. новое узаконеніе—«въ сущности тотъ же шаріатъ, но съ мелочными измѣненіями къ лучшему»,—вводимое правительствомъ съ тѣмъ, чтобы недовольные рѣшеніемъ духовнаго суда могли бы найти защиту въ гражданскомъ. Цѣль хорошая, но тамошній муштегидъ воспротивился принять его, о чемъ послѣдній принцъ донесъ шаху, и тотъ вызвалъ ослушника телеграммой въ Тегеранъ.

Взволнованные опасеніемъ за своего излюбленнаго *ахунда*, *мориды*

*) Изъ письма его ко мнѣ въ 1875 г. видно, что таковыя суды уже введены едва-ли не въ десяти областяхъ, и въ Шахрудъ тоже присланъ мировой судья.

**) Слово *мирза* въ концѣ собственнаго имени означаетъ *принца* *и. о. в.*, отъ сокращеннаго *Мир-Заде* (княжескій сынъ), а впереди—секретари.

окуружили домъ его и, не допуская къ нему «вражьей силы» (властей), не соглашались отпустить его отъ себя. Тотъ успокоилъ наству и, сказавшись, что ѣдетъ по своимъ личнымъ дѣламъ всего за два фарсанга отъ города, отправился въ столицу. Шахъ выслалъ на встрѣчу ему двадцать разукрашенныхъ коней и коляску, а затѣмъ принялъ его съ большимъ почетомъ.

Между тѣмъ, обезпокоенные неизвѣстностью объ участи своего мунтегида, тавризцы снова взволновались и, окруживъ домъ наслѣднаго принца, еле-еле успѣвшаго скрыться куда-то по крышамъ, разграбили имущество и изнасиловали гаремныхъ обитательницъ его...

По порученію изъ Тегерана, одному вліятельному хану удалось-было успокоить народъ, — настала тишь и только по ночамъ все еще шумѣли «не легко-унимающіеся»; лавки открылись, но... какъ гласитъ сегодншняя молва, народное море снова всколыхалось, и визирь наслѣднаго принца убитъ...

— Свѣтская власть идетъ въ разрѣзъ *державному* духовенству, этому *дѣйствительному царю народа*, и тѣмъ вызываетъ повсюду броженіе! закончилъ «хозяинъ», входя со мною длиннымъ сводчатымъ проходомъ кирпичной кладки (съ глубоко-сужающеюся лѣтницей къ водохранилищу — справа) въ окруженный толстой стѣной дворъ мечети съ медресе и «сундукомъ правосудія».

Еще съ улицы слышны были усердные выкрики священника ея въ роли профессора, *шейхъ Мухаммедъ-Солє*, — по словамъ моего спутника — тупаго и до фанатизма благочестиваго старца.

— А поэтому, добавилъ онъ, нечего и думать проникнуть въ аудиторию къ нему. не смотря на мое знакомство съ нимъ.

— Вотъ цетершность!..

— По поводу которой, я часто озадачиваю муллъ вопросомъ: какъ же вы хотите распространять свою вѣру между кяфырами, отталкивая насъ? Но развѣ они, считающіе себя наслѣдниками пророка, понимаютъ сущность ученія его?!

Замѣтивъ профессора въ одной келіи за толковашіемъ корана какому-то тщедушному семинаристу, мы поздоровались; видимо недовольный нашимъ пошлѣніемъ, онъ слегка кивнулъ головой, не отрывая глазъ отъ священной книги...

Въ прочихъ колыяхъ медресе тоже видѣлось по одному или по двое чахлахъ зубриль; слѣва лѣтней мечети у входа въ примыкающую къ ней, спереди открытую, мазанку дремалъ сарбазъ въ пропотѣв-

шей кула-намади, и покоились въ козлахъ три незаряженныхъ ружья, въ томъ числѣ и его. Внутри единственной ея комнаты въ коврахъ красовался на покрытомъ малиновымъ сукномъ столѣ «сундукъ правосудія», въ видѣ огромной гармоники, съ складными боками изъ сафьяна и, кажется, орѣховыми крышками, изъ коихъ — на наружной — зіялъ узкій прорѣзъ, для воспріятія жалобныхъ посланій на имя шаха, а надъ нимъ висѣлъ шахскій фирманъ въ тонкой деревянной рамкѣ подъ стекломъ.

При нашемъ приближеніи, сарбазъ протеръ глаза...

— Пусть? — кивнулъ ему я на «сундукъ правосудія».

— До сихъ поръ никто еще не воспользовался *милостивымъ даромъ* шаха..

— А иначе, пояснилъ «хозяинъ», онъ первый бы донесъ на смѣльчака губернатору, и горе тому!...

Да, горе легкомѣрному смѣльчаку, ибо «сундукъ правосудія» оказывается *капканомъ произвола*, хотя шахъ въ своемъ фирманѣ при немъ и гласитъ — *по волюному переводу моего товарища* — что:

«Съ того дня, какъ наше *существо*, по волѣ Аллаха, украсилось кореною и стало обладателемъ престола, и съ того дня, какъ на насъ возложено бремя управленія народами, мы приняли на себя обязанность управлять ими справедливо и милосердно, и желаемъ пролить свое милосердіе уничтоженіемъ смертной казни, отъѣною конфискацій имущества и искорененіемъ прежнихъ злоупотребленій; мы желаемъ поднять благосостояніе нашихъ вѣрноподданныхъ — этой, порученной намъ провидѣніемъ, *сокровищницы*, но избранные люди для осуществленія нашихъ предначертаній не выполнили ихъ въ точности, и правители областей слѣдуютъ старымъ порядкамъ.

«Принимая все это во вниманіе, въ видахъ упроченія лучшаго порядка, мы симъ фирманомъ постановляемъ: Такъ какъ вѣрные нашему попеченію народы — *капиталъ государства, основаніе благоденствія какъ государства, такъ и государя*; благоденствіе ихъ, помимо того, что оно угодно Аллаху, есть и мое благоденствіе, *ибо они молятся за своего государя; благоденствіе и сила государства заключаются въ благоденствіи подданныхъ*, то (постановляемъ):

«I. Уплатившихъ законныя подати сполна — не подвергать никакимъ инымъ поборамъ.

«II. Нашедшій *кладъ* — будь то драгоцѣности, древнія или новыя монеты, — признается собственникомъ его, и никто изъ правитель-

ственныхъ агентовъ не имѣеть права отнять у него найденныхъ сокровищъ *).

«III. Начальники, злоупотребляющіе своею властью вопреки нашей воли, подвергнутся строжайшей отвѣтственности, ибо мы желаемъ, чтобы прежній произволъ былъ искорененъ и царствовала бы лишь одна справедливость.

«Да будетъ сей указъ напоминать всѣмъ правителямъ и властямъ нашу волю и — въ виду кары за нарушеніе ея — удерживать ихъ отъ злоупотребленій. Для бѣдныхъ же людей, робкихъ, угнетенныхъ, беззащитныхъ отъ сильныхъ, мы разослали по всѣмъ провинціямъ «Сундукъ правосудія», куда они могли бы класть свои жалобы къ намъ, спокойно ожидая милостивыхъ и справедливыхъ рѣшеній нашихъ. Пусть каждый проситель излагаетъ свою просьбу ясно, кратко, правдиво, и, обозначивъ въ ней мѣстожительство, родъ занятій и имя свое, — положить ее безъ страха и боязни въ этотъ *Сундукъ*. Согласно нашему распоряженію, таковыя просьбы будутъ доставляться намъ ежемѣсячно разъ; по изслѣдованіи ихъ, мы положимъ резолюцію.

«Каждый проситель можетъ писать только о своихъ личныхъ нуждахъ или излагать только свою жалобу, но заявлять претензіи за другихъ, или касаться дѣла другихъ, вообще, *заниматься доносами* — строго воспрещается. За ложную жалобу — *подвергну заслуженной карѣ, и если кто донесетъ на правителя, пользующагося жалованною ему нами деревней, что онъ пользуется яко-бы незаконными поборами, — того накажу.*

«Повелѣваемъ прочесть этотъ фирманъ всенародно, и — дабы всякій могъ читать его — выставить на видномъ мѣстѣ въ мечети, около кафедръ, надъ сундукомъ правосудія, а содержаніе его огласить по окрестнымъ мѣстамъ.

«Желаемъ, дабы сей актъ нашей царской справедливости всегда напоминалъ бы нашимъ, безмятежно-наслаждающимся жизнью, вѣрноподаннымъ объ обязанности ихъ возсылать о насъ къ небу молитвы.

*) Прежде таковыя находки составляли собственность шаха, правда получавшаго только частіцу изъ нихъ, тогда какъ львиная доля укрывалась губерниаторами и пр. властями.

«Да будетъ непремѣнно исполнено все такъ, какъ мы повелѣли.

«Джуммада ель-еввель 1291 число и годъ Хиджры»
(соотвѣтствующіе нашему 4 іюля 1874 г.).

— Каковъ манифестъ! обратился ко мнѣ товарищъ по выходѣ на улицу.

— Какъ манифестъ?

— Вѣрноподанные, возсылайте молитвы, а мы ужъ того и пр. и пр.

— А это что за оригинальный сарай на сваяхъ?

— Тоже мечеть... Она осталась въ числѣ девяти другихъ безъ *нииз-намаза*, т. е. въ ней не совершается теперь богослуженіе, отправляемое только въ 7 изъ здѣшнихъ мечетей.

Внутренность ея представляла обширную комнату, на половину устланную циновками и загроможденную подмостками на столбахъ, точно въ грошевомъ, наскоро сколоченномъ балаганѣ. Эти подмостки устроены по распоряженію почтеннаго муштегида Хаджи Молла Мамедъ-Али для женщинъ, и, быть можетъ, за такое нововведеніе мечеть и пустуетъ теперь.

Вблизи отсюда расположена еще зимняя мечеть, съ *Биржевыми* вѣдомостями (вмѣсто стеколъ) въ окнахъ,—приношеніе «хозяина» своему пріятелю муллѣ ел.

О прочихъ молитвенныхъ домахъ не стоитъ упоминать: это или сараи, или руины.

XXXII.

Знакомство съ муллою Зейналь-Обедномъ, и бесѣда на дому у экзекуш-тегида о святыхъ мѣстахъ.

Уставшими вернулись мы домой, а тутъ—вотъ ужъ некстати!—притащился съ визитомъ къ «хозяину» какой-то ахундъ изъ Бастама.

— Я видѣлъ васъ у губернатора и пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе, отрекомендовался онъ.

— Очень нужно! (по крайней мѣрѣ, таковой отвѣтъ выразился на лицѣ моего товарища, что-то недовѣряющаго гостю.)

Гость заинтересовался—было книгами, что въ пыли валяются по нишамъ,—тотъ отмалчивался, и онъ уѣхалъ.

Но вслѣдъ за нимъ явился, тоже съ визитомъ, уже «хозяйскій» пріятель, мулла нишъ намазъ Зейналъ - Обединъ или — по произношенію нныхъ—Зейпель-Абединъ, съ своимъ сухощавымъ сыномъ - семинаристомъ съ жгучимъ, пронизывающимъ взглядомъ, и оба въ щегольскихъ, бѣлоснѣжныхъ чалмахъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, отецъ снялъ съ руки бѣлую бумажную перчатку; рука была вся въ линияхъ!

— Когда я пью кислое молоко они усиливаются, сѣтовалъ онъ, прося медицинскаго пособія.

— Такъ не пейте, посоветовали мы, обѣщая приготовить лекарство по имѣющемуся у меня лечебнику.

— Большая умища! указалъ «хозяйнъ» на сына, когда тотъ простился вслѣдъ за напашей, послѣ пяти-минутной безынтересной бесѣды. *Ставитъ шпильки даже ученымъ старцамъ?!*

На слѣдующій день, въ 5 час. пополуд. мы отправились въ сопровожденіи арендатора отдать визитъ почтенному муллѣ (что для меня значило: ознакомиться съ домашнею обстановкой его).

Въ ближайшемъ переулкѣ возился въ пыли пріемышъ Али-Ахберъ съ двумя дѣвочками въ шапочкахъ, рубашенкахъ до пупка и коротенькихъ штанишкахъ, такъ низко повисшихъ съ бедеръ, что прикрываемыя даже у дикарей мѣста вполне обнажались. Замаарашка радостно улыбнулся намъ, а дѣвочки ныгнули въ калитку...

За угломъ и жиле Зейналъ-Обедина.

Въ полуоткрытую подъёмную дверь маленькой мазанки, что по серединѣ зашнурована стѣнами и постройками длиннаго дворика, видѣлась жиденькая его фигура въ сообществѣ двухъ-трехъ гостей почтенной паружности.

Завидѣвъ насъ, онъ любезно кивнулъ намъ головою, приглашая знаками войти, и мы послѣдовали за арендаторомъ въ боковую дверь, ведущую черезъ крошечную прихожую въ единственную комнату этой мазанки—пріемную, гостиную и вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетъ его, съ хорасанскимъ ковромъ на полу, съ раскрашеннымъ изображеніемъ мечети Имама Хюсейна въ Кербела на стѣнѣ противъ входа, съ книгами и посудой въ нижнемъ ряду маленькихъ стѣнныхъ нишъ

и съ запыленными огромными персидскаго издѣлія—въ верхнемъ. Подъемная дверь во всю лицевую сторону комнаты, у которой сидѣлъ почтенный хозяинъ съ гостями, смотрѣлась на миниатюрный садикъ во впадинѣ, съ нѣсколькими цвѣточками, какиѣ то-вьющимся растеніемъ и широколиственнымъ сахарнымъ тростникомъ съ султаномъ изъ сѣмянъ на верхушкѣ, а противоположная, тоже полуоткрытая подъемная дверь выглядывала черезъ пустой дворикъ на женскую половину...

Для насъ уже былъ разостланъ, визави хозяина, толстый, прикрытый кускомъ тикку войлокъ съ огромною подушкою, на которой я и полуразлегся, изъ деликатности поджавъ ноги по персидски; товарищъ мой сѣлъ рядкомъ, и пошелъ - пошелъ изливаться, наводя справки о здоровьи за себя и меня. Арендаторъ-же, изъ уваженія къ мултѣ пишъ-памазъ, стоялъ, почтительно облокотившись сбоку входныхъ дверей.

Послѣ обоюдныхъ изліяній, практический мулла началъ съ своихъ лихасъ, затѣмъ перешелъ къ изнурительному ноносу своего брата, не замедлившаго предстать передъ нами, а вслѣдъ за нимъ притащили и его, крайне болѣзненного, трехлѣтняго смиринку, съ свѣспившеюся съ ермолки сумочкою съ *тамисманомъ отъ глазу*.

Я поманить-было къ себѣ крошку, но онъ чуть не разревѣлся. Его приласкали и поднесли ко мнѣ, для осмотра, онъ — поблѣлѣлъ, какъ полотно, и листочкомъ дрожить. Между тѣмъ, заинтересованная имъ женская половина нетерпѣливо замигала по дворнику: сперва прошлась, не глядя на насъ, мать хозяина, безъ чадры, съ старчески-суровымъ лицомъ; за нею просеменила пожатая десятилѣтняя дочка его, въ такомъ же домашнемъ костюмѣ, какъ и шалившія съ Али-Акберомъ двѣ дѣвочки, а вотъ и жена, неутихившая, чтобы не похоситься въ нашу сторону черезъ шелку, въ чадрѣ.

Собственно въ утѣшеніе родителю, мы посовѣтовали какое-то—непомню—невидное средство, и бѣдняжку унесли.

— Теперь будутъ отмывать и отмаливать его отъ нашихъ прикосновеній, замѣтилъ въ скобкахъ мой товарищъ, терпѣливо выслушивая соболѣзнованія почтеннаго хозяина о недугахъ жепской половины, между тѣмъ какъ старшій его сынъ внесъ шумно-кипявшій самоваръ и два графина съ водой и, почтительно поздоровавшись съ нами, — съ скромнымъ достоинствомъ досталъ изъ ниши посуду, вытеръ съ пѣя пылью рукою, выколоскалъ и налилъ чай, предоставляя разнести его арендатору, что тотъ и исполнилъ съ свойственною ему при подобныхъ миссіяхъ торжественностью; доливъ самоваръ изъ графина, молодой чело-

вѣкъ апатично поглядывалъ то на насъ и прочихъ гостей, то на напашу съ длиннымъ чубукомъ огромной глиняной трубки съ металлическимъ раструбомъ, не принимая участія ни въ бесѣдѣ, ни въ китайской травкѣ.

— Къ чему почтенному ахунду эти исполинскія реторты? поинтересовался я.

— Страстный алхимикъ!... И, благодаря увѣреніямъ разныхъ проходимцовъ въ своихъ удачахъ превращать простые металлы въ золото, до сихъ поръ успѣлъ только обратить не мало золота въ прахъ.

— И гонить теперь съ горя кишиневку?

— Продолжая вѣрить въ алхімію также твердо, какъ нѣкоторые авгацы вѣрятъ, что все *ференги* (европейцы) *алхимики и мясо ихъ—золотое...*

— «Хозяинъ», когда твой землякъ побѣдетъ на рудники? перебилъ его безъ умолку болтавшій гость, теперь — купецъ и содержатель червадаровъ, а прежде — рьяный искатель рудныхъ богатствъ, особенно много потратившій труда безъ знанія дѣла на добываніе золота въ Кузарѣ.

— Когда губернаторъ пришлетъ ему обѣщанныхъ проводниковъ.

— А что жъ опъ не шлетъ мнѣ ихъ?

— И не дождетесь, пока не пошлете ему подарка.

— Но губернаторское слово!

— Слово?—Не исполнить слова относительно старшаго — дѣйствительно невѣжливо, *потому что рискованно*, но въ отношеніи насъ съ вами или подчиненныхъ, — помилуйте!..

Эксъ-рудокопъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о рудникахъ (уже не представляющихъ для читателя интереса новизны); другой почтенный гость мастерилъ конверты обыкновеннаго фасона, предварительно позимьявъ бумагу, а *ахундъ* неподдѣльно удивлялся искусству его... какъ, къ удивленію нашему, во дворъ вошелъ рыдающій Али-Акберъ съ окровавленнымъ лицомъ. Мы поторопились домой изслѣдовать столь непріятную неожиданность. Оказывается, что кто-то изъ шалуновъ, быть можетъ и шалуни, пустилъ ему, шутя, камнемъ въ лобъ и раскроилъ его, но виновнаго опъ — изъ боязни ли, или по незнанію — не указалъ; къ счастью, ранка незначительна. . .

На сонъ грядущій я прошелся съ «хозяиномъ» по крышѣ. Тихо и темъ. Вотъ стрѣлой слетѣла звѣздочка, другая. .

— Ахундъ увѣрялъ меня, проговорилъ товарищъ, что падающія звѣзды — *стрѣлы, пускаемыя Богомъ въ чорта, когда тотъ пытается подняться на небо. До Мухаммеда Аллахъ ни разу не промахнулся, теперь же — увы! — сплошь и рядомъ.*

— Что такъ?

— Ну, этого никто не разъяснить, развѣ только муштегидъ Себзе-вара или подобный ему мудрецъ...

— Желаете осмотрѣть наилучшій изъ 600 здѣшнихъ домовъ, да притомъ еще съ садомъ? спросилъ меня «хозяинъ» за утреннимъ чаемъ, переговоривъ съ подошедшимъ къ нему полиціймейстеромъ.

— Конечно..

— Такъ идемъ же къ бывшему любимцу шахрудцевъ, муштегиду Хаджи муллы Мухаммедъ-Али, съ мечетью котораго вы вчера познакомились.

Вышли. Переулки — пустыни, однообразно-сѣры, безъ травки зелени, и только изъ-за стѣнъ одного маленькаго жилья выглядывала верхушка раскидистаго чинара!.. На пустырь строится домъ; запыленные рабочіе просѣиваютъ отличную известь, выжигаемую въ окрестныхъ горахъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, ибо она почти — что не употребляется при здѣшнихъ постройкахъ, какъ по рутитъ и лѣни, такъ и по неумѣнью пользоваться ею.

Спустя минутъ десять, мы подошли къ прочнымъ стѣнамъ обширнаго жилья эксъ-муштегида, недавно выѣхавшаго отсюда со всею семьей въ г. Кербела подъ предлогомъ «доживать вѣкъ свой на священной землѣ», въ сущности же — вслѣдствіе раздора съ прочимъ духовенствомъ изъ за *доходовъ*.

— Хомса не платили ему, — приходилось жить на добровольныя припошенія, а въ крайности — обращаться за нѣсколькими томами къ тому или другому купцу: — плохо, думаетъ, и рѣшилъ бросить паству свою, посылать «хозяинъ», между тѣмъ какъ полиціймейстеръ вторично постучался въ массивную калитку, съ желѣзными, усеянными огромными узорчатыми головками гвоздей, скрѣпленіями; щелкнулъ замокъ или запоръ изнутри, и она отворилась. — На порогѣ стоялъ сумрачный старецъ, вѣроятно, сторожъ; обмѣнявшись двумя-тремя словами съ полиціймейстеромъ, онъ молча провелъ насъ мимо безцѣльно торчавшаго въ упоръ калитки портика, въ первый, узорчато-выложенный кирпича-

ми, стоямъ, и булыжникомъ, внутренній дворикъ, съ жалкимъ цвѣтникомъ и резервуаромъ грязной воды посрединѣ, высокими мазанками съ двухъ смежныхъ и сѣрными стѣнами съ остальными двухъ его сторонъ. Тутъ было медресе почтеннаго муштегида, которому стоило только пройти отсюда нѣсколько шаговъ по корридорчику, чтобы успокоиться послѣ лекцій въ своемъ кабинетѣ, а не то — въ сообщающемся съ нимъ гаремѣ, гдѣ сосредоточивается внутренняя, семейная жизнь правовѣрнаго.

Спальня занята теперь женою старика, заупрямившагося — было показать мнѣ сіе святилище, по... не смотря даже на дипломатическую поддержку его со стороны «хозяина», мои настоянія увѣщались къ общему неудовольствію — полнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, она не представляла особаго интереса: постельныя ниши, т. е. большія стѣнные ниши, куда складываются на день постели, были занавѣшаны персидскимъ ситцемъ въ цвѣтахъ, птицахъ и звѣряхъ; маленькія ниши уставлены кухонною посудой, блюдами и мисочками грубой мешхедской работы; въ одномъ углу стояла прялка, въ другомъ — чугунная печь русскаго издѣлія; влѣво — каминъ, каковыми снабжены и остальные покои, а посреди спальни виднѣлись слѣды отъ жаровни, надъ которою ставится зимою табуретка, прикрываемая одѣяломъ или какою нибудь матерією, затѣмъ, въ досужіе часы, мужъ съ женами протягиваютъ къ пей ноги и такъ, за бесѣдою, перѣдко засыпаютъ.

Отсюда маленькая галлерей, съ бумагой въ рамахъ вмѣсто стеколъ, ведетъ въ другой внутренній дворикъ съ крошечнымъ садикомъ, сообщающимся таковою же галлереею другаго домика съ третьимъ дворикомъ съ палисадникомъ, а этотъ послѣдній выводитъ въ мшистую оранжерею, — какъ величаютъ мои ступики яму между глянными стѣнами съ нѣсколькими, уже зачахнувшими, растеніями, между которыми сохранилось лишь одно померанцевое деревцо.

Черезъ улицу, противъ этого барскаго жилья, раскинулся на 1 $\frac{1}{2}$ — 2 десятинахъ принадлежацій къ нему тщательно содержимый, фруктовый, преимущественно виноградный, садъ...

— Да, задумчиво процѣдилъ полиціймейстеръ, когда мы вступили подъ тѣнь сада, хаджи мулла Мамедъ былъ умѣйшій человекъ: никто лучше его не умѣлъ разрѣшать самые запутанные процессы, самыя сложныя тяжбы.

— Да, это былъ очень ловкій, хоть далеко не благочестивый муштегидъ, пояснилъ мнѣ «хозяинъ» и, обратившись къ нему, продол-

жалъ: Не сѣтуй!.. я досконально знаю, что Мамедъ разсчитываетъ вернуться, этакъ годика черезъ два, когда обыватели почувствуютъ свою потерю въ пемь...

— Едва ли... На дняхъ онъ выслалъ мнѣ довѣренность продать этотъ домъ съ садомъ за 150 томановъ.

— Дешево, замѣтилъ я.

— Вернется изъ Кербела такъ наверстаешь убытки свои съ лихвой.

— А если нѣтъ?

— Не пропадетъ. . у него еще есть домикъ въ Неджефѣ...

Затѣмъ, «хозяинъ» коснулся этихъ двухъ, священныхъ для шитовъ, городовъ багдадскаго вилайета Азіатской Турціи: *Неджефа* или *Мешхед-и-Али* и *Кербел* или *Мешхед-и-Хюсейнъ* *), сlyingщихся у ту-рокъ подъ собирательнымъ именемъ «Атабат-и-Алійатъ», т. е. *высочайшихъ пороховъ* (конечно, въ смыслѣ преніяствія возсоединенія приверженцевъ Али съ приверженцами халифовъ).

— Сильно скорбятъ шитская Персія, что эти святилища ея находятся въ вражбихъ рукахъ супнитовъ — турокъ! — говорили онъ...

Да, сильно скорбятъ она о томъ, а шахъ — въ свою очередь — выжидаетъ удобнаго случая исторгнуть изъ подъ турецкаго владычества Багдадскую область, утраченную Персіею по смерти воинственнаго Надиръ-Шаха, въ 1744 году.

Пока еще осуществится эта мечта, а тѣмъ временемъ плохо приходится персидскимъ *зувар'амъ* (паломникамъ), ежегодно десятками тысячъ отправляющимся съ богатыми дарами и посильными припопешіями въ Кербелу, Неджефъ, Мекку и Медину, подвергаясь — вопреки обязательствамъ Турціи покровительствовать и защищать ихъ — притѣсненіямъ турецкихъ властей и грабежамъ разныхъ кочевыхъ хищниковъ, въ особенности изъ арабскаго племени *Анлизе*.

Кербела расположенъ южнѣ Багдада, а въ двухъ переходахъ отъ него стоятъ Неджефъ, съ крайне-фанатичнымъ шитскимъ духовенствомъ и прахомъ Али, титузуемаго *шахомъ Неджефа* (вслѣдствіе чего и многочисленные потомки этого перваго имма величаются «шахъ-Заде»); надъ великолѣпной гробницей его воздвигается вызолоченный усердіемъ Надиръ-Шаха куполь мечети, стѣны которой раз-

*) Слово *Мешхедъ* означать «мѣсто мученической смерти», слѣдовательно *Мешхед-и-Али* — мѣсто мученической смерти Али.

крашены драгоценными изразцами, съ узорами, арабесками и надписями...

Называя Неджефъ «мѣстомъ мученической кончины Али», персы, по обыкновенію, грѣшатъ противъ исторической правды, ибо Али былъ убитъ въ Куфѣ, въ томъ самомъ градѣ Куфѣ, въ которомъ—по преданію мѣстныхъ арабовъ—молились всѣ пророки, начиная съ Адама и Ноя до Мухаммеда включительно, считая въ томъ числѣ и Іисуса Христа.

Вотъ что гласитъ преданіе въ устахъ народа о трагической смерти перваго имама, какъ извѣстно изъ исторіи, бывшаго четвертымъ халифомъ, котораго убилъ и царствомъ котораго завладѣлъ политическій и религіозный соперникъ его, Моавія, основавшій затѣмъ свой халифатъ въ Дамаскѣ.

«Въ Куфѣ, что въ двухъ переходахъ отъ Неджефа, проживалъ привлчшій исламъ еврей, по имени Ибнгуль Мурджимъ, и влюбился онъ въ обольстительную красавицу легкаго поведенія, *Куттамэ*, плывавшую въ то время меккою къ ненавистному ей *Али Зулфегару* за смерть своихъ родствениковъ.

Отвергнувъ всѣ предложенія своего новаго обожателя, она требовала отъ него за свою любовь головы имама и его обоюдоостраго меча, *разскашиваго скалы*. Прозелитъ не устоялъ противъ искушений прелестной грѣшницы, и раннимъ утромъ въ 19 день *рамазана* отправился въ мечеть, въ которую ежедневно ходилъ Али совершать свой намазъ. Говорятъ, что въ этотъ день наружныя двери жилья имама сами собою крѣпко затворились, какъ бы не выпуская его, и утки, какъ-бы предостерегая своего хозяина, дергали за полы одежды его... Но судьбы не избѣжишь!

Войдя въ обычный часъ въ мечеть, имамъ разбудилъ уснувшего въ ожиданіи его Ибнгуль-Мурджима и, напоминая ему о времени молитвы, только-что преклонилъ колѣни, какъ тотъ разсѣкъ ему затылокъ отравленнымъ мечемъ, и затѣмъ быстро удалился.. Визгъ разнеслась по городу ужасная вѣсть, и народъ поспѣшилъ въ мечеть; имени убійцы еще не было извѣстно, и встрѣчавшіеся съ Ибнгулемъ звали его съ собою, но тотъ стремился впервые насладиться любовью Куттамэ — по условію...

Между тѣмъ Али, получивъ первую помощь, успѣлъ выговорить имя злодѣи и, опредѣливъ ему тотъ же родъ смерти, какимъ копчался самъ, умеръ на 22 день рамазана, завѣщая своимъ сыновьямъ вы-

везти тѣло его, имама, за городъ и отдать первому встрѣчному всаднику, не справляясь о томъ, кто онъ таковъ.

Старшій сынъ покойнаго, Хасанъ, теперь уже—по праву наслѣдства—имамъ, исполняя завѣщаніе, не могъ разстаться съ дорогими останками, не увидавъ въ лицо незнакомаго, который сбросилъ съ себя покрывало,—и чтожь?.....

То былъ самъ Али, безмолвно взявшій гробъ свой подъ мышки и скрывшійся по направленію къ Неджефу..

Въ 27 день рамазана, имамъ Хасанъ собственноручно отрубилъ голову Ибнуль-Мурджику, а впоследствии и самъ погибъ, измѣнически отравленный по повелѣнію халифа Моавія..

— Рамазанъ, эт-та, эт-та... гримасничая, замоталъ головой полицеймейстеръ, прислушиваясь къ разсказу «хозяина».

— Небось, претить? улыбнулись мы.

И дѣйствительно, этотъ, установленный въ память свышениспосланной Мухаммеду несомнѣнной книги, постъ, продолжающійся весь мѣсяцъ *шевиля*, слишкомъ тяжекъ, особенно для благочестивыхъ шитовъ.

При закатѣ солнца на 1-е число означеннаго мѣсяца (*шевиля*), жители въ большихъ городахъ извѣщаются пушечными выстрѣлами о *началѣ священной луны* *), и вслѣдъ за тѣмъ начинаются предписанныя кораномъ правила поста, совершенно переверачивающія обыденныя привычки правовѣрныхъ; такъ: строго воспрещается ѣсть днемъ, пить и курить, и если кто проглотитъ даже закопившуюся во рту слюну, или выполощетъ ротъ, всунетъ въ ухо палецъ или даже прочиститъ имъ носъ отъ пыли, то подобными вольными и невольными прегрѣшеніями сразу уничтожаются заслуги строго - постившагося въ теченіе нѣсколькихъ дней; между тѣмъ какъ ночью, вплоть до той

*) Персы, какъ кажется, и вообще мусульмане, измѣряютъ сутки отъ захожденія до захожденія солнца, что не мѣшаетъ имъ обходиться пашими же часами; при чемъ, когда, наприм., солнце зашло въ 7 часовъ, они считаютъ съ начала осьмаго — часъ, два, три и т. д.; слѣдовательно, когда стрѣлка показываетъ 12, — по ихъ счету будетъ 5 часовъ. — Годъ же измѣряютъ *лунными* мѣсяцами, т. е. преследуютъ отъ одного новолунія до другаго, а такъ какъ луна обходитъ землю въ 29 дней, 12 часовъ, 44 мин. и 3 секунды, то лунный мѣсяцъ короче солнечнаго почти на цѣлыя сутки, слѣдовательно лунный годъ короче нашего (солнечнаго) почти на 11 дней; поэтому, во избѣжаніе того, чтобы зимніе мѣсяцы не пришлись бы лѣтомъ, и на оборотъ,—приходится черезъ каждыя три года въ четвертый прибавлять къ двѣнадцати луннымъ тринадцатый мѣсяцъ.

мипуты, когда становится возможным отличить черную нить от белой, допускается есть до отвала, гаремныя наслажденія — до пресыщенія!

Лучшимъ средствомъ отъ дьявольскихъ искушеній и павожденій, т. е. отъ нарушенія трудно-выполнимыхъ постановленій поста почитается сонъ, въ которомъ и проводятъ благочестивые люди почти на половину сутокъ, не забывая, однакожъ, посвящать опредѣленные часы молитвамъ, выслушиванію проповѣдей на тему восхваленій имамовъ и разрѣшенію разныхъ догматическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ слушателями проповѣднику. Отъ поста избавляются лишь дѣти до пятнадцатилѣтняго возраста да дряхлые старики; правда, и нѣкоторые другіе стараются отдѣлаться отъ него подъ предлогомъ сильной болѣзни или путешествія, — этихъ двухъ, допускаемыхъ кораномъ исключеній, — но такихъ немного, и даже побывавшіе въ Европѣ, вообще болѣе развитые люди, сознающіе нелѣпость невозможнаго поста, подчиняются общимъ правиламъ, дабы не возстановить противъ себя духовенства, этого ревностнаго блюстителя за исполненіемъ предписаній ислама.

Въ рамазанъ лавки забираются, и лишь въ нѣкоторые дни открываются на нѣсколько часовъ по полудни, что, конечно, дурно вліяетъ на торговлю; производство дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ тоже пріостанавливается, по причинѣ «крайняго утомленія», которымъ оправдываются постигающіе саковники. Особенно чувствуется шіитами 19 (Рузи-катль, или день убійства Али) 20 и 22 день «благословеннаго» мѣсяца; въ эти дни глубокой печали базаръ совершенно закрытъ, мечети въ полдень и по вечерамъ переполняются народомъ, муллы ходятъ по домамъ читать трогательные рассказы о кончинѣ перваго имама, отовсюду слышится плачь и скорбныя причитанія!... Но въ 27-й день, день воспоминанія о казни Ибнуль-Мурджима, печальное настроеніе переходитъ въ яростное проклятіе убійцъ и связанной съ преступленіемъ его престестной грѣшницѣ Куттамѣ. Затѣмъ, въ послѣдній день рамазана народъ толпится по площадямъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи новой луны, съ появленіемъ которой заканчивается мучительный постъ. Вотъ она взошла, — и всѣ сбиваютъ съ облегченнымъ чувствомъ признаться за старые грѣхи...

Въ Неджефѣ и Кербелѣ рамазанъ справляется, пожалуй, съ наибольшими религіозными крайностями, нежели въ прочихъ шіитскихъ городахъ, что и понятно: въ первомъ покоится самъ Али, во второмъ — сынъ его, имамъ Хюсейнъ, падъ гробницею котораго золотится куполь

великолѣпной мечети, покрытой индѣйскими изразцами въ очаровательныхъ арабескахъ.

Слово Кербела, или *Кербеля*, производятъ отъ *Кырбе*—*мѣхъ, для воды и бѣла—горе, скорбь*, что связано съ трагическою кончиною Хюсейна. Когда Маови, овладѣвъ царствомъ умерщвленнаго Али, отправился въ Дамаскъ основать свой халифатъ, въ Іеменъ, Аравіи и Месопотаміи вспыхнуло возстаніе, и оттуда явились послы ко второму сыну Али, Хюсейну, съ предложеніемъ придти править ими, какъ бывшими подданными его отца. Прельстившись перспективою царской власти, Хюсейнъ—теперь уже имамъ—отправился въ Іеменъ съ дружиною, всего въ 70 человекъ родственниковъ и приверженцевъ своихъ, но былъ настигнутъ въблизи Кербела войсками Изида, сына Маови, и, видя невозможность сразиться съ нимъ, бѣжалъ въ пустыню, гдѣ, про странствовавъ девять дней, на десятый—именно 10 числа мѣсяца мухаррема—былъ снова застигнутъ непріятелемъ, окружившемъ и перерубившемъ или полонившемъ всю дружину его. Вотъ въ этотъ-то неравный бой, когда приближенные подали изнуренному Хюсейну мѣхъ съ водою и тотъ только-что поднесъ его къ своимъ занекшимся устамъ правою рукою, вражескій мечъ отсѣкъ ее; онъ взялъ его въ лѣвую руку—и ту отрубили; тогда Хюсейнъ, наклонившись, схватилъ мѣхъ зубами, но тотъ же мечъ проткнулъ его, и вода вылилась. Вскорѣ затѣмъ и самъ страдалецъ истека кровью отъ множества вонзавшихся въ его тѣло стрѣлъ и ударовъ мечей.

Вотъ почему во время *таазіе* *), т. е. *плача и бѣненія себя въ грудь* совершаемаго шіитами въ тебѣ въ теченіе почти всего священнаго для нихъ мѣсяца мухаррема въ память мученической кончины Хюсейна (брата его Хасана—тожъ), всѣ присутствующіе восклицаютъ при пѣніи псалмовъ: «Кырбе (или: Кербе) - бѣла!»

Шіиты особенно чтятъ первые десять дней мухаррема, этихъ *страстныхъ* дней для нихъ по воспоминаніемъ о страданіяхъ дорогаго имамъ. Первые пять дней шахрудскій базаръ идетъ плохо; въ слѣдующіе затѣмъ четыре дня всѣ лавки, кромѣ съѣстныхъ, закрываются, а въ десятый торговля вовсе прекращается. Въ народѣ чувствуется сильнѣйшее религиозное возбужденіе: съ плачемъ, пѣніемъ псалмовъ и бѣненіемъ въ грудь—выносятся изъ тебѣ испитанная кровью кукла,

*) *Таазіе*, или, по произношенію инакихъ, *тезіе*, — по персидск. значитъ вообще плачь, печаль по мертвымъ.

изображающая Хюсейна, съ отрубленными руками и стрѣлами въ тѣлѣ, и укладывается на огромный, безобразнѣйшій деревянный остовъ чего-то на подобіе новаго ковчега (видѣнный мною на дняхъ открыто-покойнымъ на камняхъ въ уединенномъ переулкѣ); онъ служить плащеницею достославному имаму, и на этотъ разъ разукрашенный флагами, зеркальцами и т. под., со знаменами впереди торжественно несется въ сопровожденіи всего населенія города за кладбищенскія ворота, при крикахъ: *«Хуми ашура, Хуми таазіе!.. А, Хасанъ! А, Хюсейнъ!.. Алла шагидани!.. Ай, А-али! Ай-ай, ай Али *!»*. Здѣсь разыгрываются соотвѣтствующія этому великому дню скорби шіитскаго міра, мистеріи, послѣ чего народъ возвращается по домамъ, а плащеница устанавливается на камни въ упомянутомъ переулкѣ до слѣдующаго 10-го мухаррема.

Въ нѣкоторыхъ городахъ фанатики продѣлываютъ въ этотъ день безобразнѣйшія штуки, стараются заставить самихъ себя выстрадать хоть часть мученій, пѣкогда претерпѣнныхъ Хюсейномъ; процессіи двигаются по улицамъ съ палками, кинжалами и ятаганами, съ боемъ, стономъ, плачемъ, визгомъ, оглашая воздухъ нечеловѣческими криками: *«Хуми ашура»* и пр. При чемъ пришедшіе въ экстазъ или только поддѣлывающіеся подъ него (что также бываетъ) бьютъ себя цѣпами по слиянью, ятаганами по головѣ, кинжалами кровавятъ все тѣло свое!..

Эти рассказы «хозяина» вполне выясняютъ высокое значеніе Кербела и Неджефа для шіитской Персіи, Кербела и Неджефа, ежегодно посѣщаемыхъ двадцатью пятью тысячами персидскихъ паломниковъ, предварительно запасавшихся на такое право билетами отъ турецкихъ властей въ Багдадѣ, по 36 к. за каждый. Туда же не мало отправляется изъ Персіи и тѣлъ умершихъ для погребенія ихъ на священной землѣ, на которой тоже не мало селится подлѣ старости благочестивыхъ граждавъ ея, больше изъ знати и богатаго купечества, вѣроятно, для замаливанія грѣховъ въ ожиданіи смерти, а также опасныхъ принцевъ и вельможъ, конечно, для размысленія о суетѣ міра сего..

Побывавшіе у гробницъ Али и Хюсейна прибавляютъ передъ своимъ именемъ «Кербела»; напр. *Кербела-и-Джаферъ*—значить: Джаферъ былъ въ Кербелѣ и Неджефѣ; точно также поклонившіеся имаму *Риза* въ третьемъ священномъ для шіитовъ, уже своемъ родномъ городѣ

*) День десятый, день печали!.. Ахъ, Хасанъ! Ахъ, Хюсейнъ!.. Божіе мученики! О А-али! О-о Али!!

Мешхедъ, именуются: «Мешхеди», а посѣтившіе обще-мусульманскую святыню, г. Мекку съ гробницей пророка, титулуются «Хаджи». Сподобившіеся узрѣть нѣсколько или всѣ означенныя свѣтыя мѣста, — титулуются только старшимъ изъ нихъ; такъ, «Мешхеди» ступенчывается передъ «Кербеланъ», а послѣдній — передъ *высоочтимымъ* «Хаджи», которыми, однако, не легко достается такой почетъ. — Караванный путь богомольцевъ въ Мекку, на поклоненіе гробу Мухаммеда, проходитъ мимо Неджефа, откуда до Медины считается 16 дней пути, и отсюда до Мекки — 20 дней. Говорятъ, что между Неджефомъ и Мединою еще недавно пролегалъ семидневная дорога, но арабы испортили ее, и богомольцы выносятъ много горя отъ нападеній хищниковъ, а бѣднѣйшіе изъ нихъ и отъ нужды, жажды, изнуренія, пока не дотащатся до заветной цѣли.

Внутренность роскошнаго храма пророка, куда ведетъ 41 дверь, обита чернымъ бархатомъ; высокій куполь надъ гробницею его, съ большимъ брилліантомъ и тремя исполинскими жемчужинами *) въ изголовьи, опирается на изукрашенныя каменьями колонны, изъ коихъ три — чисто золотыя, прочія — золотыя съ мѣдными украшеніями.

При *каибѣ*, лежащемъ въ нишѣ на эстрадѣ, есть кружка, въ которую каждый паломникъ вноситъ — согласно постановленію корана — посильную лепту, и въ настоящее время тамъ накопилась, какъ говорятъ, до 200 милліоновъ піастровъ!.

— Если состоятельный человѣкъ не сподобится при жизни выполнить налагаемый на каждаго правовѣрнаго долгъ поклониться гробу Мухаммеда, то, по смерти, за него отправляется туда по найму (родственниками или душеприкащикамъ его) кто нибудь другой, закончилъ бесѣду «хозяинъ».

*) По упренію почтенныхъ «хаджи», каждая жемчужина величиною въ кулакъ.

XXXIII.

Въ «текъе», на религіозныхъ представленіяхъ, и таинственная бесѣда съ «баби».

Полакомившись въ виноградикахъ эксъ-мултегида, мы направились отсюда, между простѣнкими сгруппированныхъ въ этой части города садовъ богатыхъ обывателей, къ «текъе» или «текіе», что буквально значить *приютъ* или *подворье* дервишей, хотя въ этихъ мѣстахъ религіозныхъ представленій могутъ безплатно помѣщаться, въ свободное отъ нихъ время, всѣ проѣзжіе бѣдняки.

Въ узенькой улочкѣ съ мелкою, неряшливо-облицованною голышомъ канавкою проточной воды, намъ повстрѣчалась цѣлая семья на спинѣ одного катера: мужъ—впереди, занимъ—жена, а сзади—охватившій ее ребенокъ... А вотъ, подъ тѣнью увѣшаннаго платьемъ и оружіемъ одинакого деревца, на маленькомъ пустырѣ, патриархально расположилась, въ ожиданіи оказіи въ Менхедѣ, семья богомольцевъ, не пожелавшая ни тратиться на караванъ-сарай, ни тѣсниться съ прочими паломниками по аллеѣ царь-рѣки; мужчины валялись въ нижнемъ костюмѣ на коврахъ, женщины въ чадрахъ готовили пловъ или курили кальянъ, и тутъ же, понуря головы, стояли ослы и лошади ихъ.

Прошли еще два-три переулка, и опять группа богомольцевъ, разшестившаяся съ своимъ скотомъ на площадкѣ паприличнаго изъ всѣхъ шести здѣшнихъ «текъе», представляющихъ руины! — Вообразите себѣ глухую стѣну плоскокрышей мазанки — по одну сторону улицы, и нѣсколько-повыше глиняный же домикъ съ короткими, образующими площадку, крыльями или флигелями—по другую; середина-то этой сквозной площадки и служитъ сценою для мистерій и религіозныхъ упражненій, а по сторонамъ ея усаживаются на голой землѣ зрители, не рискующіе карабаться по расшатавшимся лѣсенкамъ на предназначенныя для нихъ открытыя, уже перегнившія галереи домика, по угламъ котораго едва держатся на тонкихъ деревянныхъ колонкахъ балкончики подъ навѣсами, для болѣе почетныхъ посѣтителей.

Шахрудскіе убогіе «текъе» не имѣютъ никакихъ паружныхъ укра-

шеній, если не считать за таковыя грубо разрисованныхъ желтою и красною краскою карпизовъ ихъ; но въ большихъ городахъ эти зданія, вообще сооружаемыя или на общественныя пожертвованія, или благочестивыми людьми, порѣдко обезпечивающими и содержаніе ихъ землями и иными дарами, обносятся высокими стѣнами и украшаются шалами, коврами и т. под.

До текущаго столѣтія, а по увѣренію другихъ — лѣтъ 60 тому назадъ, «текье» исключительно служила мѣстомъ «богоугодной» скорби по излюбленнымъ имамамъ особенно по Хюсейну, — скорби, выражаемой слушателями при чтеніи муллами печальныхъ разсказовъ изъ ихъ жизни рыданіями и, при славословіи ихъ, біеніемъ себя въ грудь при возгласахъ: «О, Хюсейнъ! О, Хасанъ! О, Али (т. е. имени того, кого прославляютъ)! Эти религіозныя упражненія, какъ бы дирижируемыя особыми муллами — большими мастерами раздирающимъ душу голосомъ и неистовыми жестами извлекать у присутствующихъ избытокныя слезы и усердное бичеваніе персей своихъ, — совершаются въ опредѣленныхъ для того «текье» въ теченіе первыхъ десяти дней мухаррема, и съ особеннымъ возбужденіемъ въ десятый день, день трагической смерти имама Хюсейна въ пустыняхъ Кербела; затѣмъ, «текье» посѣщаются для плача и біенія въ грудь только въ годины народныхъ бѣдствій: голода, чумы и т. под., дабы тѣмъ умиловить представителей за народъ передъ Аллахомъ имамовъ...

Такое назначеніе имѣли «текье» — какъ уже упомянуто — до начала текущаго столѣтія, но съ тѣхъ поръ и до сегодня въ нихъ происходятъ, помимо того, и даровые спектакли религіознаго содержанія, что далеко не по дуплю вліятельному духовенству, на этотъ разъ безсильному воспретить ихъ. Репертуаръ мистерій не обширенъ, и сюжетомъ для большей части пьесъ послужила гибель дѣтей имама Али съ ихъ семействами въ пустыняхъ Кербела.

Въ Шахрудѣ обязательно даются мистеріи ежегодно почти въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ подрядъ: *мухаррема* и *сафаръ*, и онѣ идутъ поочередно въ опредѣленныхъ для того «текье», днемъ и вечеромъ, если темнымъ — то при факелахъ изъ напитапаго нефтью тряпья. Подобнаго рода зрѣлища случаются и въ другіе дни, но только по найму актеровъ благочестивыми людьми.

«Текье» имѣютъ администрацію по хозяйственной, пожалуй, и полицейской части, а именно: эконома и повара, феррашъ - баши, феррашей и сторожа. Этотъ штатъ дѣйствуетъ въ своемъ полномъ составѣ только

въ теченіе первыхъ десяти дней мухаррема, когда въ запущенныхъ теперь комнатахъ «подворья дервишей» готовится столъ для мѣстной знати (въ числѣ которой нерѣдко бываетъ и губернаторъ), и служащіе угощаютъ ихъ, ѣдятъ сами и удѣляютъ часть яствъ бѣднякамъ, предлагая въ антрактахъ, или, вѣрнѣе, длинныхъ промежуткахъ между представленіями, даровые кальяны и воду прочимъ посетителямъ. Обыкновенно же, дѣло обходится съ однимъ-двумя, наблюдающими за благочиніемъ почтеннѣйшей публики, феррашами или даже сторожемъ, обязаннымъ поднести дворъ да прислужить актерамъ и болѣе почтеннымъ зрителямъ...

Сценическое искусство, конечно, не развито здѣсь, и постоянныхъ труппъ въ театрѣ нѣтъ; онѣ состояются, по мѣрѣ надобности, передъ сезономъ мистерій, изъ любителей, обыкновенно, грамотѣвъ-ремесленниковъ, надѣленныхъ широкою глоткою, вотъ и актеры!—Получая скудную плату за представленія въ мухарремъ отъ администраціи «театра», а въ другое время отъ благочестивыхъ любителей, они читаютъ свои роли—чаще—по бумажкамъ, и, за неимѣніемъ соответствующихъ костюмовъ, наряжаются въ импровизированные изъ своихъ затрапезныхъ, прибѣгая въ чрезвычайныхъ случаяхъ къ гардеробу армянъ и «хозяина», особенно къ сѣрой шляпѣ и пальто послѣдняго.

Болѣе даровитые изъ нихъ, умѣющіе извлекать изобильныя слезы у слушателей, занимаются, помимо фигурированія на сценѣ, и «Рузеханы» въ мечетяхъ, т. е. чтеніемъ съ четверга на пятницу разныхъ драматическихъ рассказовъ изъ жизни дорогихъ имамовъ.

По временамъ заглядываютъ въ Шахрудъ и постоянныя труппы странствующихъ актеровъ, спеціально занимающихся представленіями въ театрѣ, сцены которыхъ—по крайней мѣрѣ здѣсь—не декоратируютъ; оркестръ составляетъ труба да турецкій барабанъ...

— Персы, вообще, не гонятся за историческою правдою, а на сценѣ и подавно, говорилъ «хозяинъ». Однажды удалось мнѣ побывать на мистеріи. Разыгрывали «Іосифа прекраснаго», при чемъ почтенный Іаковъ тщательно вычесался передъ зеркаломъ, а купившіе Іосифа и впоследствии запродавшіе его египтянамъ купцы щеголяли своими пистолетами. Затѣмъ шелъ «Изидъ» или «Іезидъ», сынъ халифа Маовінъ. Вступивши на престолъ халифовъ, онъ, сидя въ костюмѣ шахрудскаго купца на тронѣ, принималъ какого-то европейскаго посла въ *цилиндрѣ* съ повязаннымъ сбоку казырькомъ, въ сердари и большихъ сапогахъ. Послѣ краткой аудіенціи, повелитель правовѣрныхъ поднесъ ему *рюм-*

ку водки и велѣлъ наставить самоваръ (конечно, тульской работы)... — «Хозяинъ», хорошо? спрашивали меня послѣ представленія актеры. — «Хорошо-то хорошо, но зачѣмъ вы прицѣпили къ шляпѣ съ полями еще козырекъ?» — «Отъ солнца». — «Вечеромъ-то!»..

— «Хозяинъ», ты умный человѣкъ: на все найдешь отвѣтъ, — съ тобой спорить нельзя...

Возвратившись домой въ пятомъ часу пополудни, мы не успѣли раздѣться, какъ является *даровитѣйшій* изъ мѣстныхъ мулъ-актеровъ въ степенно надѣтой бѣлой чалмѣ, съ открытымъ, не безъ выраженія, полнымъ лицомъ и заплаканными — отъ профессіи рыдать и вызывать обильныя слезы у другихъ — глазами.

— Говорить — обратился ко мнѣ товарищъ съ поздравительною улыбкою — что съ сегодншняго вечера начнутся мистеріи по заказу благочестивыхъ людей, въ томъ числѣ и одного офицера, давашаго обѣтъ, передъ походомъ пынѣшнюю весною въ возставшій Систанъ, заказать три представленія, если только Аллахъ сохранитъ ему жизнь....

Т-и та т-и т-и т-и т-и-и-и... провеса не въ урочный часъ звукъ рожка изъ полицейскаго присутствія.

— Ну вотъ, обыватели уже съываются въ темнѣ.

— Насъ пустятъ?

— Сегодня нѣтъ, но завтра приготовить для насъ мѣсто.

— А что пойдетъ?

— Если желаете, Изидъ.

— Съ Изидомъ вы уже познакомили меня... Нельзя ли что нибудь поужаснѣе, а?

— Есть еще очень интересная пьеска... о томъ, какъ одинъ невѣрный король френги (т. е. европейскій), увидавши въ своемъ городѣ правовѣрныхъ за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму... Но ночью инамы и пророкъ освобождаютъ неповинныхъ узниковъ, — приказавъ чертямъ перетаскать всѣхъ френги въ адъ.

— Очень, очень занимательно! — Съиграть? — спрашивалъ насъ разгорѣвшійся актеръ.

— Съиграйте.

— Только каково-то намъ будетъ, когда нашихъ френговъ потащатъ въ адъ? улыбнулся мнѣ товарищъ...

Снова послышался тотъ же полицейскій рожекъ, перѣдко составляющій и весь наличный оркестръ во время представленій.

Интересный актеръ ушелъ распиваться за ишмаковъ, а только-что прибывшій изъ Бастама полиціймейстеръ смѣнилъ его.

— Передалъ наше привѣтствіе губернатору? справился «хозяинъ».

— Передалъ и *рапортывалъ*, что онъ (*дарога* кивнулъ въ мою сторону) осматриваетъ весь городъ: мечети, бани...

— Какъ русскій губернаторъ въѣренннй ему край, улыбулся тотъ. — Ну?..

— Шах-заде отвѣтилъ: — «что-жъ, пусть смотритъ»..

— А завтра мы отправимся съ тобой въ «текье» на представленіе, похлопалъ я по плечу его.

— Ну чтожъ, поидемя. Что желаетъ видѣть: «Изида» или «Страшный судъ»?

— То и другое и третье.

— Хорошо. Что захочешъ, то и сыграють..

На слѣдующій день «хозяинъ» что-то прихворнулъ, а трубачъ—вотъ уже съ добрый часъ, начиная съ четырехъ часовъ пополудни—трубитъ, трубитъ, точно пастухъ на петербургскихъ улицахъ въ весеннее утро, объявляя прохожимъ, вмѣсто афишъ, о предстоящемъ зрѣлищѣ, и возбуждая во мнѣ петербургское любопытство.

— Пойдете?—заглянулъ я къ нему съ трубкою въ зубахъ.

— Не могу... Съ вами отправится армянинъ... Да вотъ что; курить въ «текье» не прилично, — могутъ обидѣться...

— А кальяны?!

— Кальяны курятъ въ антрактахъ, и то только въ мухарремъ.. Разговаривать, озирагься, вообще нарушать благоговѣнное настроеніе во время мистерій — продолжалъ паставлять меня онъ — тоже болѣе чѣмъ неприлично.

— Но..

— Если васъ что сильно заинтересуетъ,—спросите украдкой, а потомъ я вамъ все растолкую...

Въ 5 часовъ пришелъ арендаторъ, явился и лепечущій по-русски армянинъ, и мы, захвативъ съ собою—на этотъ разъ выскобленного и приодѣтаго въ нарядный архалукъ—Али-Акбера, отправились въ

ближайшее, совершенно-сходное съ вышеописаннымъ, «текъе», расположенное по обѣ стороны торговой улочки, такъ что сосѣдніе ремесленники могли слушать мистерію, не прекращая своихъ занятій.

Пробравшись по бревнамъ и кучамъ мусора, наполовину завалившимъ собою съвозной дворикъ «текъе» и тѣмъ стѣснившимъ сцену до четырехъ квадратныхъ саженъ, мы не безъ риска вскарабкались по крутизѣ, шатавшейся подъ нами, гнилой лѣсенки на почтное мѣсто, въ видѣ маленькаго балкончика или галлерей подъ навѣсомъ, съ двумя «хозяйскими» стульями, для меня и армянина; безпокойный Али-Акберъ сталъ у ногъ моихъ, арендаторъ—сбоку.

И изподтишка оглянуть зрителей и сцену, окруженную съ трехъ сторонъ рѣдкими группами съ полтора десятка мальчишекъ. Направо отъ сцены, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этой живой ограды ея, возсѣдалъ на переднемъ планѣ, подъ одинокимъ чинаромъ, погруженный въ только-что начавшуюся игру полиціймейстеръ, который, поймавъ мой взглядъ, слегка кивнулъ мнѣ, и снова уперся въ горланяваго актера. Вблизи отъ него и рядомъ со старикомъ, съ выдвинутою впередъ, густо-пороснею волосомъ, правою ногою, — полѣзаетъ дервишъ въ остро-конечной шапкѣ изъ бѣлыхъ и зеленыхъ лоскутковъ, заплattanомъ архаикумъ и въ сандаліяхъ, съ продернутыми между пальцами голой ноги ремнями. За ними пестрѣла на бревнахъ и кучахъ глины масса зрителей, а лѣвая сторона дворика сплошь синѣла окутанными жепцинами, сидѣвшими на корточкахъ, подъ наблюденіемъ сумрачнаго фэрраша «текъе» съ бритою бородою и внушительнымъ хлыстомъ въ рукѣ. Прибавившія жепцины—все по одиночкѣ, няны съ грудными дѣтьми—крадучись, протискивались въ этой синей массѣ фигуръ, быстро опускались на землю и еще крѣпче закутывались, такъ что чуть видѣлись въ щели покрывалъ глаза, а воображеніе уже дополняло носы и безобразіе ихъ... Аристократки изъ мѣстной плутократіи смотрѣли съ балкончиковъ, также съ плоскихъ крышъ «текъе», куда, впрочемъ, взобралось больше дѣвушекъ—подростокъ и певѣтъ въ синихъ и пестрыхъ чадрахъ; однѣ сидѣли, ничего не видя, другія растянувшись, свѣтили оттуда головы, жадно слѣдя за драмою съ трагикомическимъ выполненіемъ. Судите сами.

Дѣйствіе происходитъ въ Дамаскъ, послѣ гибельнаго для имама Хусейна боя въ пустыняхъ Кербела съ многочисленною ратью своего политическаго и религіознаго соперника Изида.

Посреди открытой сцены, по-просту чистаго влочка дворика передъ

невзрачной сѣрой стѣною одинокой мазанки, что противъ насъ, стоять покрытый ветхою матеріей низенькій столъ, представляющій тронъ (вѣроятно халифа), а къ стѣнѣ ея приставленъ высокій и узенькій, въ видѣ аналоя, тоже прикрытый какою-то ветошью, столикъ, съ чѣмъ-то на подобіе урпы на немъ; это — *хлебная печь* въ воображаемой кухнѣ дома начальника отдѣльнаго отряда Изидовыхъ войскъ, *Хуми*, которому было поручено доставить изъ подъ Кербела въ Дамаскъ отрубленную голову Хюсейна вмѣстѣ съ плѣннымъ семействомъ его и семьями погибшихъ тамъ приверженцевъ его.

Вотъ и вся сцена, по которой, въ настоящій моментъ, проходитъ подстерегаемая плеткой «текейныхъ» феррашемъ рыдающая толпа этихъ плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми (тѣхъ же мужчинъ и мальчишекъ, но только неискусно окутанныхъ въ чадры). Когда несчастныя, обойдя сцену, скрылись за сѣренскою мазанкою, оттуда фертонъ вышелъ преполсанный кривою саблей вышереченный *Хуми*, съ кинжаломъ и пистолетами за туго перетянутымъ въ талія халата съ отдернутыми назадъ полами — кушакомъ, въ персидской барашковой шапкѣ, красныхъ штанахъ и большихъ сапогахъ; въ одной рукѣ держалъ онъ бумажку, роль — какъ шепнулъ мнѣ украдкой армянинъ, въ другой — длинный шестъ съ воткнутою на немъ рожидею изъ тряпья — головой Хюсейна, пропесенною имъ по Дамаску доной — бакъ мнѣ потомъ объявили — скрытно отъ приверженцевъ злосчастнаго имама...

Въ толпѣ зрителей послышалось всхлипыванье, а суннитъ *Хуми* спялъ рожицу съ шеста и сунулъ ее въ хлебную печь, т. е. подъ высокій столикъ (гдѣ уже спрятавшись сидѣлъ палеъ знакомый *даровитый* актеръ). Входитъ единоувѣрнал жена его (суннитка), и тотъ открываетъ ей тайну (поминутно справляясь съ бумажкой), проситъ скрыть ее отъ другой своей жены, *шитки*. Но когда они удалились, эта *кафурка* вошла по хозяйственной надобности въ кухню, и, увидавъ исходящій изъ печи свѣтъ (котораго, однако, мы не замѣтили), заглянула туда.... голова!...

— Чья голова!? — въ ужасѣ подбѣгаетъ она къ входившей на сцену сунниткѣ.

— Тебѣ что за дѣло! мрачно отвѣчаетъ та...

Въ этотъ моментъ является архангелъ Гавріилъ съ Али и его женою Фатьмой, матерью Хюсейна; всѣ они были съ *роллами* въ рукахъ и въ широчайшихъ синихъ плащахъ, но лицо у архангела скрыто подъ зеленою, повязанною на головѣ жгутонъ, дамскою вуалю,

страдальческая физиономія Али открыта, а у закутанной Фатмы торчалъ изъ за платка клочъ бороды; она *по дамски* держала въ рукахъ бѣлый носовой платочекъ, и вдругъ — заплакала, горько заплакала, ища по сторонамъ запропастившуюся куда-то *роль*...

Видите-ли: они пришли павѣстить голову имама, которая — *по повелѣнью Божію* — и заговорила съ ними такимъ надрывающимъ душу голосомъ, что тѣ, отвѣчая ей тѣмъ-же, ревмя-ревѣли, и совершенно искренне! — Дѣти ижъ вторили, женщины выли, захлебывались и въ мѣрномъ всхлипливаньи ихъ слышались болѣзненные вопли! Старики, открыто или закрывъ руками и платками глаза, рыдали на-взрыдъ; на лицахъ прочихъ зрителей разлита неподдѣльная скорбь, въ глазахъ — горечь, вотъ-вотъ судорожно вырвется изъ груди ихъ стоны, и они истерически заплачутъ! — Нервы мои ходили ходуномъ..... Съ грустью, упорно всматривались въ меня нѣкоторые: *не проронитъ ли клбуръ слезъ по имаму?* — Но я съ неимоверными усиліями крѣпился, кусая себѣ губы, боясь даже взглянуть на сцену, чтобы не присоединиться къ скорбному хору, и за то прочелъ потомъ въ глазахъ правовѣрныхъ упрекъ себѣ...

Между тѣмъ феррашъ съ холоднымъ, апатичнымъ лицомъ неустанно слѣдилъ за благопристойностью; вотъ онъ подошелъ къ зазѣвавшемуся въ мою сторону мальчишкѣ и толкнулъ его ногой въ спину; *призвалъ изъ порядку* и того, что, плаксиво гримасничая, грызетъ что-то втихомолку; затѣмъ хлынулъ прутомъ одну-другую высунувшихъ было носъ изъ чадры любопытныхъ женщинъ, которымъ — по словамъ арендатора — дозволяется здѣсь (какъ и въ мечети) *только плакать, ибо это богоугодно*; пошало и той, что нѣсколько приподнялась съ своего мѣста... И какъ боязливъ эти, безропотно подчиняющіеся первому, поставленному надъ ними пруту, безмолвныя рабыни. — Развѣ только смазливынка изъ нихъ отважится на моментъ показать свое личико, и — оцѣять въ скорлупу..... А раздирательная драма идетъ своимъ чередомъ.

Когда *шмтткъ* стало ясно какъ день, что говорящая голова — имама Хюсейна, мужъ явился къ ней съ мольбами скрыть страшную тайну.

— Если ты выдашь меня, говорилъ онъ слезливо, я погибну и наши дѣти останутся сиротами...

— Ты осиротилъ дѣтей имама, укоризненно отвѣчала она. — Нѣтъ, явѣ тебѣ пощады!...

Сдержанное-было на время возбужденіе прорвалось съ повою силой

и длилось съ полчаса. Я намѣревался уйти, на что арендаторъ, не отрываясь отъ сцены, далъ понять мнѣ, что оставлять «текье», не дослушавъ представленія, равносильно оскорбленію всѣхъ присутствующихъ. Но... на этотъ разъ конца не послѣдовало, по той простой причинѣ, что съ архангеломъ Гавріиломъ приключился лихорадочный пароксизмъ, а у палача, долженствовавшаго къ общему упоенію казнить нечестиваго Хули, вдругъ животь схватило, замѣнить же ихъ было нечѣмъ; растроганная публика, воздѣвъ руки къ нобу и единогласно возопивъ сквозь слезы: «О, Воже!» — стала расходиться. Актеръ въ роли Али все еще рыдалъ...

Мы поспѣшили домой.

— Теперь вы ознакомились съ явленіемъ, окончательно затмѣвающимъ умъ и укрѣпляющимъ предразсудки у шитовъ, — встрѣтилъ меня «хозяинъ».

— Что на руку мулламъ?

— Вотъ почему большая часть изъ нихъ и мирится съ мистеріями..

Вшедшій знакомый актеръ, весь въ поту, раскрасѣвшійся, съ опухшими отъ слезъ глазами, перебилъ его:

— Мало наличныхъ актеровъ; одни — заболѣли, другіе на полевыхъ работахъ.. Поэтому завтра пойдетъ плохенькая пьеса, но послѣ завтра устроимъ *парадную*, проговорилъ онъ, безуспѣшно отирая градомъ катившіеся потъ, и затѣмъ, пошептавшись о чемъ-то съ «хозяиномъ», по просьбѣ, объяснилъ сущность только что видѣнной мною драмы съ энтузіазмомъ, достойнымъ проповѣдника..

— Зачѣмъ онъ приходилъ? спросилъ я товарища по уходѣ его.

— За маленькимъ пожертвованіемъ въ пользу актеровъ, такъ какъ собственно отъ нихъ зависѣло впустить васъ на представленіе или нѣтъ.... Прежде, продолжалъ онъ — обыватели просто возмущались бы вашимъ присутствіемъ въ «текье», но съ тѣхъ поръ, какъ удалось мнѣ свести туда Морозова (изъ Москвы) и Адамова (изъ Шуни), мы вкушъ пролили избытокныя слезы по имамъ, слѣдовательно, цѣль мистерій была достигнута и исламъ торжествовалъ, они, повидимому, примирились съ присутствіемъ кафировъ на своихъ мистеріяхъ.

— И сильно плакали вы?

— Ручьёмъ!.. Москвичъ, — такъ тотъ не выдержалъ; рыдая, тутъ же выругался по нашенски; пропаянъ такъ, что даже у меня безъ удержу слезы льются...

— Зачѣмъ онъ безъ меня пошелъ въ «текъ»? слѣдовалъ подоспѣв-
шій къ ужину полиціймейстеръ, кивнувъ въ мою сторону. — Едва не
вышло бѣды!

— Изъ-за чего? удивился «хозяинъ».

— Тамъ сидѣла женщина безъ покрывала, онъ смотрѣлъ на нее, — на-
родъ заволновался...

— И не замѣтилъ даже! не менѣе его удивился я.

— Придирка за то, что вы не проронили слезъ, ну, чтожъ дальше?

— Я арестовалъ ее и отколотилъ.

— Онъ, вѣдь, одинаково обязанъ наблюдать какъ за чистотою улицъ,
такъ и правовъ, даже за исполненіемъ религіозныхъ постановленій, ком-
ментировалъ «хозяинъ».

— И исправлять виновницъ кудакомъ?

— Случается.

— А мужья бьютъ женъ?

— Какъ еще!.. Потомъ ко мнѣ бѣгутъ: — дай лекарства; слегка
побилъ жену по рукъ, — она распухла...

— Отчего ты выглядишь сегодня такимъ изнуреннымъ? спро-
силъ я блюстителя чистоты, когда онъ прощался съ нами.

— Можетъ быть отъ вчерашней опибки своей.

— Какой?

— Армяне прислали мнѣ вечеромъ 4 бутылки; въ потьмахъ-то не
разобралъ что, подумалъ — ромъ, и только-что выпилъ залпомъ боль-
шой стаканъ, — такъ и рухнулся на полъ... Переполошились, жены
принесли подушки, уложили меня и рыдали, полагая, что я уже умеръ.

— Но ты очнулся.

— Хотя это былъ самый крѣпкій спиртъ!..

Спустя день, и въ тотъ-же часъ и въ сообществѣ тѣхъ-же лицъ от-
правился на *парадный* спектакль, устроенный уже не въ «текъ», а на чи-
стомъ дворѣ знакомой читателю лучшей городской мечети хаджи муа-
ла Мамедъ-Али.

У воротъся торчалъ полиціймейстеръ, который и провелъ насъ къ
стоявшимъ на коврикѣ у зимней школы двумъ стульямъ, на этотъ разъ —
во избѣжаніе общаго соблазна — обращенныхъ спинками къ женщи-
намъ, плотною массой занявшимъ четверть двора съ противоположной

лѣтней мечети стороны, и хотя этихъ неподвижныхъ фигуръ было до 400, степенно-важный старецъ фэррашъ, въ роли ревностѣйшаго евнуха, обходился безъ хлыста, ибо, по словамъ полиціймейстера, сегодня мужья строго-на-строго приказали женамъ покрѣпче закутываться и отвѣрчиваться отъ меня. Съ остальныхъ трехъ сторонъ группировалась мужская половина населенія, конечно, не безъ мальчугановъ, надъ которыми наблюдалъ уже съ прутомъ въ рукѣ фэррашъ помоложе, въ башмакахъ на босу ногу; попало-бы отъ него Али Акберу, въ кономъ-вертѣвшемуся у ногъ моихъ, неподдавался увѣщаніямъ арендатора, если бы только онъ не находился подъ покровительствомъ урусал..

Между мужчинами выдавались на первомъ планѣ двѣ убогія фигуры дервинней, одна въ цестромѣ, другая — въ свѣтло-гороховомъ остроконечномъ колпакѣ, негръ — эконоомъ губернатора и только-что степенно вошедшіе двое константинопольскихъ турокъ съ перевязанными жгутомъ красными платочками на головахъ. Подростки почтенныхъ фамилій, оцѣпившіе группами и по одиночкѣ водоемъ, составляли живую ограду сцены, на которую нетерпѣливо поглядывали съ крышъ мечетскихъ зданій аристократки и свѣсившія свои желтыя, больше паршивыя ноги дѣти...

Но вотъ незакостюмированный актеръ прочелъ по бумажкѣ, что «сцена представляетъ окрестности *Кярбела* и имамъ Хюсейнъ и братья его отъ другой матери, Аббасъ, съ своими семьями, окружены во главѣ незначительной дружины сильнымъ войскомъ Изиды». Затѣмъ скрылся, и началась драма *).

Дѣйствіе I.

Входитъ имамъ Хюсейнъ (нашъ знакомый актеръ), съ глубокою печалью въ лицѣ, шалевымъ платкомъ на головѣ и въ широчайшемъ плащѣ; за нимъ слѣдуютъ — тоже съ разстерзаннымъ видомъ — Аббасъ, съ старшимъ сыномъ имама Хюсейна *Зейналъ Обединюмъ* и сыномъ отравленнаго Имама *Хасана* (старшаго брата Хюсейна) *Абдулломъ*, жена имама Хюсейна, съ двумя малютками, и еще какая-то родственница ихъ, тоже съ дѣтьми. Мужчины и женщины одѣты одинаково съ имамомъ, но у первыхъ — головы, а у послѣднихъ — лица окутаны въ

*) Первые два дѣйствія которой составляютъ — хронологически — начало вышеописанной.

простые платья; она стала вблизи от него; дѣти же, въ затрапезныхъ костюмахъ своихъ, размѣстились между подростками вокругъ водоема.

Является главнокомандующій войсками Изида, *Шемръ*, въ извѣстномъ парадѣ *Хуми*, и убѣждаетъ имама отказаться отъ притизаній на престолъ и признать Изида халифомъ.

— Въ противномъ случаѣ—угрожаетъ онъ—и прибѣгну къ силѣ оружія, и тогда....

— Я погибну... Да, я *долженъ мученически погибнуть*, ибо еще до начала міра обiazался передъ Богомъ *истить чашу страданій до дна*, отвѣчаетъ ему тотъ спавшій голосомъ, и, послѣ краткой, полной скорби, паузы, продолжалъ: — «Кто-же ты такой, чтобы послѣ этого я послушался тебя и подчинился-бы твоему халифу»?

Взбѣшенный дипломатической неудачею, Шемръ уходитъ съ рѣшимостью покончить дѣло желѣзомъ, а имамъ, приблизившись съ своимъ братомъ къ семьѣ, говорить: — «И я Аббасъ будемъ убиты, вамъ же предстоитъ горькая участь плѣнныхъ: будутъ водить васъ съ позоромъ по улицамъ и подвергнуть всевозможнымъ пыткамъ!»..

— Да будетъ воля Божья надъ нами!—рыдаютъ тѣ.

Согласнымъ хоромъ зашныкали зрительницы, плачутъ и многія зрители, но мои первы уже притупились....

Дѣйствіе II.

Скрывшійся на минуту за мечетскія ворота, имамъ возвращается на сцену, держа передъ собою куклу съ отбитымъ носомъ, длиною косичкою и въ ситцевой сорочкѣ. Рыданія женщинъ усиливаются..

Дѣло въ томъ, что послѣ свиданія съ Шемромъ въ окрестностяхъ Кербела имамъ Хюсейнъ, сознавая свое критическое положеніе, бѣжалъ съ малочисленною дружиною въ пустыню, но на десятый день (и именно 10-го мухаррема) былъ настигнутъ имъ, и вотъ теперь снова обложенъ вражьею силою (хотя на сценѣ—все по прежнему).

Уже десятый день имамъ—безъ воды, и его шестимѣсячный сыночекъ *Ам-Аскеръ* (та самая безногая кукла, на которую онъ не въ силахъ взглянуть безъ слезъ) мучительно умираетъ, ибо въ изсохшей отъ голода и жажды материнской груди нѣтъ ни капли молока.. Тогда отецъ кладетъ его передъ лагерь враговъ, умоляя дать «столько воды, сколько нужно, чтобы напоить младенца и тѣмъ сохранить ему

жизнь».... Но въ отвѣтъ пущенная стрѣла пронзила горло Али-Аскера... Съ трупомъ возвратился имамъ въ станъ и началъ бой...

По крайней-мѣрѣ такъ говоритъ исторія или преданіе устами актера, но во-очіюпроисходило, право, нѣчто интереснѣе, а именно: сцена опустѣла, остался одинъ имамъ, долго рыдавшій съ такимъ напряженіемъ, что жилы вздулись на вискахъ и можно было опасаться за жизнь его, между тѣмъ какъ экстазъ завывавшихъ женщинъ доходилъ до воплей агоніи всякій разъ, какъ онъ показывалъ имъ безносую куклу.... Но вотъ загрохоталъ турецкій барабанъ, въ обѣ стороны котораго немилосердно дулъ палкою сидѣвшій съ полицейскимъ горнистомъ у зимней мечети пожилой артистъ..

— Солдаты съ музыкой идутъ на войну, шепнудъ мнѣ армянинъ, хотя, въ дѣйствительности, вмѣсто нихъ на сцену вошелъ почтенный феррашъ и, принявъ изъ рукъ имама безносую куклу, апатично сунулъ ему мечъ и круглый щитъ; затѣмъ явился Шемръ, уже въ шлемѣ, съ мечемъ и щитомъ. Барабанъ смолкъ; полицейскій феррашъ затрубилъ въ трубу, и подъ рѣзкіе звуки ея два воина—то тихо, то съ наскокомъ—сходились и хлопали другъ друга по щитамъ, согнувъ подъ ними головы, какъ бодающіеся козлы, между тѣмъ какъ привратникъ мечети и почтенный феррашъ то подходятъ съ участіемъ къ имаму, шепчутся и поправляютъ растрепавшійся на немъ костюмъ, то съ опущенными глазами отираютъ себѣ слезы...

Долго шло единоборство, пока наконецъ изнеможенный совершенно имамъ не оставилъ сцены, хотя, судя по прочитанной однимъ актеромъ бумажкѣ, онъ умеръ въ этомъ кровавомъ бою уже упомянутою мною въ бесѣдѣ о святыхъ мѣстахъ трагическою смертію. Аббасъ съ Абдуллою тоже убиты, многіе обезглавлены, прочіе приверженцы съ семьями его взяты въ неволю...

За имамомъ вышелъ и торжествующій суннитъ Шемръ.

Антрактъ.

Привратникъ внесъ широчайшій тюфякъ и, приказавъ зрительницамъ раздвинуться, разстлалъ его между ними, а почтенный феррашъ заботливо уложилъ на ея, яко-бы *усыпное трупами поле битвы* безносую куклу.

Финаль.

Входит унаследовавший имамство по смерти отца Зейналь-Обедия, заключенный въ Дамаскъ вмѣстѣ съ прочими плѣнниками, которыхъ на сценѣ однако не видн.

Является ангелъ въ юбкѣ и съ прикрытымъ вуалью усатымъ лицомъ.

— Вотъ уже третій день, какъ тѣла имама Хюсейна и сподвижниковъ его остаются непогребенными! — сѣтуетъ онъ.

— Я пойду предать землѣ тѣла *святыхъ мучениковъ*; ты-же прими *человѣческій образъ* и займи въ моемъ отсутствіи мѣсто имама, отвѣчаетъ Зейналь-Обедия, переходя изъ тюрьмы, т. е. со сцены, на «поле брали», сирѣчь къ постели, гдѣ уже стоялъ представлявшій своею особою нѣсколькихъ людей почтенный феррашъ съ двумя лопатами и разными погребальными принадлежностями.

— Что вы за люди? спрашиваетъ онъ его.

— Мы изъ кочующаго по близости отсюда племени «бени-асады», (потомки *Асади*), по вѣрѣ — шииты, едва слышно отвѣчаетъ, заикаясь, смущенный феррашъ.

— Зачѣмъ-же вы пришли сюда?

— Предать землѣ тѣла единовѣрцевъ нашихъ.... но, къ несчастію, мы не знаемъ именъ ихъ.

— Въ этомъ я вамъ помогу.... И Зейналь-Обедия выпуль изъ рукава будажку и прочесть списокъ убитыхъ, указывая поименно на труны; затѣмъ, совершивъ соборно-погребальный намазъ и похоронивъ ихъ, возвратился въ заточеніе....

Представленіе длилось съ 5 до 7 ч., и въ эти два часа рыданій мои нервы ни разу не дрогнули; интересъ новизны потерявъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и охота бывать на этихъ траги-комедіяхъ.

Публика стала расходиться. Обождать, пока не вышли всѣ женщины, отъ которыхъ я изъ *деликатности* отворачивался, мы протискивались шагъ-за-шагомъ въ запрудившей выходъ толпѣ, пока, наконецъ, щедро-падѣлявшіе подзатыльниками мальчишекъ ферраши не очистили намъ путь...

На слѣдующій день не преминулъ заглянуть къ намъ уже успѣвшій побывать въ Бастамѣ полиціймейстеръ.

— Вчера благочестивые люди подали губернатору жалобу на него, процѣдилъ онъ, указывая «хозяину» въ мою сторону.

— За что?

— За то, что онъ присутствовалъ на представленіи въ «текъе» и мечети.. Губернаторъ приказалъ передать ему, *какъ можно деликатнѣе*, что *«это противно правиламъ нашей вѣры...»*. Даже въ *Тегеранѣ* не допускаютъ иностранцевъ на представленія въ «текъе»!..

— Вотъ вамъ и официальное запрещеніе... А все потому, что *ооздержались отъ слезъ по имамамъ!*

— И —пишкеша не поднесъ...

По уходѣ полиціймейстера, къ «хозяину» развизно вошелъ одинъ изъ бывшихъ на вчерашнемъ представленіи константинопольскихъ турокъ, съ открытымъ, добродушно-лукавымъ лицомъ и пачкою русскихъ кредитокъ въ карманѣ, просилъ развѣщать ихъ на переидскія деньги съ ущербомъ для себя: *по 3 крана за рубль*.

Онъ презрительно отзывается о персахъ, знаетъ нѣсколько по русски и —не смотря на свой турецкій костюмъ—показался мнѣ подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что *пробирается въ Бухару прямо черезъ туркменскую степь, что не страшитъ его!...*

Городъ уже спалъ и Хюсейнъ былъ отпущенъ къ женѣ, когда въ условный часъ прокрался къ намъ тайный «баби», объ имени котораго умолчу. «Хозяинъ», заперъ двери и поставивъ передъ закадычнымъ другомъ бутылку кишмишевки съ любимымъ имъ абсентомъ, сталъ пытаться себя и насъ... Да, да — пытаться, въ качествѣ толмача преннтересныхъ, но —къ сожалѣнію—крайне скучныхъ по разнѣру разсказовъ гостя о преслѣдуемой въ Персіи смертною казнью «религіи Баби».

— «Баби» — это *молодая Персія*, и, пожалуй, *не безъ сѣтливой будущности*, началъ «хозяинъ», усаживался поуютнѣе на нарѣ у ногъ моихъ, и, закуривъ грошевую сигару, продолжалъ: —«сынъ богатаго тавризскаго купца, *Хаджи Сейидъ Мирза Ам-Мамедъ*, по окончаніи своего духовнаго образованія въ Кербелѣ, отправился въ Мекку, и тутъ-то, размышляя и скорбя въ уединеніи о чудовищномъ отступленіи мусульманъ отъ сущности религіи Мухаммеда, о *всесильномъ авторитетѣ продажнаго духовенства*, обхватывающаго въ своихъ тискахъ отечество его, находи недостатки даже въ самомъ ученіи пророка, задумалъ основать «національную персидскую религію», позаимствовавъ многое для нея изъ «христіанскаго Евангелія», и, возвратившись въ Ширазъ, сталъ проповѣдывать «новое ученіе», первоначально

направленное исключительно противъ духовенства, — борьба не легкая!..

Его схватили и заключили въ пограничную съ азіатской Турціею персидскую крѣпость «Чехрикъ», гдѣ онъ и содержался мѣсяцевъ восемь, *служа предметомъ поклоненія послѣдователей своихъ*, стекавшихся даже изъ дальнихъ странъ принять благословленіе со скалъ отъ «великаго ахунда»; отсюда вывели его въ 1848 г. въ Тавризъ и казнили тутъ, кажется, застрѣливъ и бросивъ тѣло его на растерзаніе псамъ....

Конечно, мученическій кончина *Хаджи Сейида мирзы Али-Мамеда* послужила только къ быстрому распространенію новой секты, секты, прозванной прозелитами его: «Бабъ», что по арабски значитъ: «дверь», разумѣется—*къ спасенію*, а читателю не безъизвѣстно, какая доля ожидаетъ въ странахъ тирани и тьмы ищущихъ выхода къ свѣту... Прислушивался къ народной молвѣ и разсказамъ очевидцевъ о попадавшихъ въ руки правительства послѣдователей «Баби», невольно пропикаешься благоговѣйнымъ уваженіемъ къ стойкости и героизму ихъ: не умѣвшие даже объяснить сущности вѣрованій своихъ, и тѣ открыто говорили: «да, я баби» и спокойно шли на казнь, предпочитая смерть постыдному отреченію!

— Мученія—продолжалъ разсказчикъ — вынесенныя главою тегеранскихъ «баби», Сулейманъ-ханомъ, кажутся просто невѣроятными: *на шею надѣли ему веревку, въ обнаженную, исколотую штыками грудь воткнули зажженные салтыя свѣчи и такъ водили его съ музыкой спереди по базару!.. Ни единымъ звукомъ страдалецъ не обнаружилъ адскихъ мученій; мало того, замѣтивъ догорѣвшій тарокъ въ своей груди, просилъ у продавцовъ замѣнить его новою свѣчею.... И только когда зажжя разсыпали его надвое, — вскрикнулъ. То былъ первый и послѣдній его крикъ!...*

Въ числѣ вожаковъ «баби» была также замѣчательно умная, отлично владѣвшая арабскимъ языкомъ, красавица *Курретъ-уль-Айнъ* (свѣтъ очей). Въ началѣ пятидесятихъ годовъ она проѣзжала изъ Мешхеда черезъ Шахрудъ, кажется, въ Тегеранъ или Казвинъ — разсказчикъ не помнитъ — въ сопровожденіи двухсотъ преданныхъ ей единомышленниковъ, изгнанныхъ изъ Хорассана и направлявшихся въ Мазандеранъ. Враги Курретъ, видѣвшіе ея прелестное, всегда свободное отъ чадры лицо, говорили, что то — любовники ея, но — по увѣренію «хозяина» — это клевета уже потому, что, по ученію «баби»: «хорошее дѣло

имѣть одну жену, и только въ крайности — двѣ или три, точно также и женщину слѣдуетъ имѣть одного мужа, и *въ крайности — не больше трехъ*.

Положимъ, этотъ доводъ нѣсколько наивенъ, но, вѣдь, будь то любовники, — они давно бы перерѣзались между собою, по крайней шѣрѣ, на пополамъ, а у самой Курретъ не хватило бы ни энергіи на борьбу, ни мужества устоять — сперва противъ увѣщаній отказаться отъ «вреднаго ученія», затѣмъ угрозъ, за которыми — по распоряженію выше — *ее и удавили въ саду...*

Мученически погибли въ Мазаядеранъ и друзья ея... Но жизненной идея не задушишь, и ученіе «баби» проникло во все слои общества, увлекала за собою бѣдняка и богача, власть и вліятельнѣйшее духовенство, безъ сомнѣнія — тайно, ибо даже произнести слово «баби» въ Персіи опасно!..

«Баби» называютъ себя «Обществомъ любви», въ смыслѣ обязательной помощи бѣднымъ и, вообще, любви къ человѣчеству. Пропагандируя свое ученіе, они говорятъ: «Имашъ Мехди уже пришелъ въ лицѣ основателя религіи нашей, и *коринъ долженъ уступить свое мѣсто нашему Бюну, который послужитъ руководствомъ для всего человечества*»...

— «Хозяинъ, ты — святой человѣкъ!.. Святой потому, что поступишь согласно *Бюну*, — перебилъ моего усерднаго толмача «закадычный другъ» послѣ второй рюмки *съ абсентомъ*, и, вынувъ изъ кармана тонкую литографированную рукопись въ четвертушку, подаль ее мнѣ не безъ торжественности. Это былъ *Бюнъ*, т. е. — по опредѣленію «хозяина» — *заповѣди* или *правила*, недавно присланныя въ Шах-рудъ нынѣшнимъ главою «баби», нѣкимъ «Баго», проживающимъ въ Сатъ-Жавъ Д'Аврѣ подъ покровительствомъ турецкаго правительства и проповѣдующимъ оттуда, что: «въ немъ, въ Баго, обрѣтается въ настоящее время тотъ самый духъ, что вдохновлялъ всѣхъ пророковъ, со включеніемъ Іисуса и Мухаммеда, а посему руководить теперь вѣрующими будетъ онъ, Баго»...

— Уступи, — обратился я къ «закадычному другу», съ намѣреніемъ приобрести *Бюнъ*, для публичной бібліотеки.

— Трудно достать другой такой экземпляръ, очень трудно...

— Онъ въ головѣ у тебя, въ сердцѣ, — польстилъ я ему.

— Продать эту священную книгу — я не продамъ, *но дарю тебѣ* ее..

— И не останешься въ накладѣ, обнадежилъ его на подарокъ «хозяйнѣ»....

Заняться переводомъ *Бюна* *) теперь же — было немислимо, и мнѣ пришлось удовольствоваться слѣдующею проведенною имъ легкою параллелью между ученіемъ «баби» и кораномъ:

1) «Баби» упоминаютъ въ молитвахъ только Бога, затѣмъ — основателя религіи своей и нынѣшняго главу ея, Баго.

2) Молитвы ихъ короче старо-мусульманскихъ.

3) Считаая человѣческое сѣмя *поганимъ*, старо-мусульмане творятъ всякій разъ послѣ половыхъ отправленій *общее омовеніе*, между тѣмъ какъ «баби», не считая его таковымъ, ограничиваются омовеніемъ только части тѣла и то для чистоплотности.

4) Послѣдователямъ «баби» рекомендуется брать по одной женѣ и только въ крайнихъ случаяхъ, какъ-то: безплодія ея, болѣзни и т. под., разрѣшается, *съ согласія первой*, взять еще двухъ, но не больше; иначе — считается развратомъ; уличенные *въ прелюбодѣяніи штрафуются 200 руб. въ пользу бѣдныхъ и богадѣленъ*, а жены — за нарушение супружеской вѣрности получаютъ разводъ и заключаются въ тюрьму на определенный срокъ.

5) Чадра уничтожается, т. е. женщины могутъ ходить съ открытымъ лицомъ.

6) Въ гражданскихъ правахъ онѣ уравнины съ мужчинами.

7) «Баби» разрѣшается носить запрещенные кораномъ дорогіе мѣха, золото, шелкъ и т. под. роскоши; разрѣшается слушать музыку и пѣніе, пить вино и водку... Ибо — какъ гласитъ *Бюнъ* — «въ мірѣ — все чисто», конечно, — п *иновѣрцы, съ которыми онъ даже обязываетъ ихъ сблизаться*.

8) «Баби» рекомендуются общечеловѣческія знанія, а духовенству его запрещается *вмѣшиваться въ политику*.

9) За нѣкоторымъ исключеніемъ (въ томъ числѣ и кормящихъ грудью жепщинъ), всѣ — съ 19 до 40 лѣтняго возраста — обязаны соблюдать постъ въ теченіе установленнаго мѣсяца. И то облегченіе, ибо у «баби» *годъ дѣлится на 19 мѣсяцевъ, по 19 дней каждый; вообще, число 19 играетъ у нихъ — по выраженію разскащика — мистическое значеніе, какое — не смогъ объяснить*.

*) *Бюнъ*, извѣстъ съ другими интересными моими пенками, застрялъ у одного *восточнаго человека*, а вотъ почему читатель остается безъ перевода текста его.

10) Уличенныхъ въ воровствѣ па первый разъ увѣщаютъ, затѣмъ— нимъ слегка прижимають знакъ на лбу, т. е. *клеятъ, для посрамленія, а за убійствомъ слѣдуетъ «тюрьма любви»*; смертной же казни повсе не существуетъ, даже ушей, пальцевъ и рукъ не рубятъ, вообще тѣла не уродуютъ, какъ то дѣлается у мусульманъ.

и 11) *Рабовладннѣ воспрещено....*

— Наша вѣра—совершеннѣйшая!—заключилъ «закадычный другъ» бесѣду, длившуюся далеко за полночь. *Основатель нашей вѣры предлагалъ всемъ царямъ Европы принять ее!*

— Что же они отвѣтили?

— Не знаю.... «Хозяинъ», какъ думаешь,—примутъ?

— У христіанъ есть свои мудрецы, а ваша задача—восторжествовать надъ враждебнымъ челоѣчеству исламомъ.

— Придетъ время, и наша вѣра солнышкомъ просіяетъ надъ Ираномъ!—восторженно вскрикнулъ тотъ, горячо пожимал па прощанье намъ руки..

— Чистѣйшій типъ современнаго персидскаго «баби»! — замѣтилъ «хозяинъ», проводивъ его. — Изъ страха выдать свою тайну, опъ, по наружности, — ревнитель ислама, втихомолку же издѣвается надъ нимъ, пропагандируя «бабизмъ» едва ли не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ сторонники деистическаго ученія знаменитаго персидскаго философа XII вѣка, *Суфи*, отвергающій всю внѣшнюю, обрядовую сторону корана, *суфизмъ*, тоже сильно распространенный въ Персіи, особенно въ области *Керманъ*, не смотря на противудѣйствіе духовенства, которое, однакожъ, *поддерживается сторонниками этого послѣдняго ученія съ борьбой его съ свѣтскою властью..*

XXXIV.

У Хаджи Абдуль - Касыма.

Не успѣлъ я хорошенько протерѣть глаза, какъ уже принарядившійся «хозяинъ» торопить меня, и куда-же?—съ визитомъ къ хаджи Абдуль-Касиму.

— Онъ только-что присылалъ сказать, что ждетъ насъ...

— Въ 5 часовъ утра съ визитомъ! Да это невыносимо! протестовалъ я.

— Не пойдете,— сильно обидится.

— На что?

— Да какъ же!? Абу-Талибу мы возвратили визитъ, а ему, его пріятелю и сопернику по карману, —еще пѣтъ! Вѣдь и ему лестно протрезвонить въ городѣ: «я, молъ, былъ у него, а онъ у меня»...

— Пойдемъ попозже.

— Онъ ждетъ теперь...

Нечего дѣлать! Хорошо еще, что здѣсь можно посѣщать *особъ* въ поряжѣлыхъ сапогахъ и безъ галстука, а принимать ихъ у себя въ сорочкѣ поверхъ нѣжныхъ, а не то и вовсе безъ оныхъ.

Мипуть черезъ пять мы уже входили съ маклеромъ въ калитку обнесеннаго высокою стѣной жилья почтеннаго коммерсанта и, пройдя внутренній дворикъ съ крошечнымъ садикомъ, преимущественно съ овощами, поднялись по дьявольски крутой, сложенной изъ булыжника на глинтъ, лѣсенкѣ на кирпичную площадку крыши дома, спереди и стѣва обнесенной низенькими кирпичными перильцами, а съ двухъ остальныхъ сторонъ замкнутою: справа заложу, съ тремя приподнятыми дверьми, составляющими переднюю стѣнку ея, и сзади глухою, сѣрою стѣною миниатюрной гостиной, съ крошечною переднею сбоку.

На этой - то, устланной коврами площадкѣ уже поджидали насъ два «хозяйскихъ стула», самоваръ на одномъ подносѣ, чайникъ и маленькіе стаканы съ позолотою по ободкамъ, на маленькихъ же подпосивахъ, вмѣсто блюдецекъ,—на другомъ, и самъ длинный *Хаджи-ага* *), встрѣтившій

*) Когда разговоръ идетъ объ извѣстномъ хаджи, то имя его, обыкновенно, замѣняютъ словомъ *ага* (господинъ).

гостей безъ малѣйшаго проявленія какихъ бы то ни было чувствъ, т. е. съ полнѣйшею апатіей. Но когда передъ чаемъ его взрослый сынъ подавалъ намъ на мѣдной тарелочкѣ кондитерскія лепешки «халва-гызъ», опъ подвѣлся съ мѣста, тщательно вытеръ ихъ руками и, измельчивъ на ладони молоточкомъ, любезно предложилъ намъ по кусочку, — очень вкусно. Затѣмъ послѣдовалъ чай, а бесѣда все еще не вяжется; видно, не разговорчивъ хаджи... Но вотъ и тема.

— Какъ попала сюда эта древность? указалъ я на стоявшій въ углу сосудъ съ тлѣющими угольями для кальяновъ, точно такой же бронзовый сосудъ въ видѣ глубокой миски на короткихъ лапкахъ, съ непонятными надписями по ободку, какой мнѣ показывалъ мирза астрабадской станціи, Рафаиль Езнаевъ. Тотъ былъ найденъ прибрежными ямудами въ какомъ-то курганѣ; этотъ, по послѣдовавшему на мой вопросъ разсказу, персидскими солдатами — тоже въ курганѣ, по названью *Фазанъемъ* (Туренгъ-тэпе), что, приблизительно, въ 20 верстахъ отъ Астарабада. Принявъ сосудъ за золотой, сарбазы скрыли его вопреки еще недавно дѣйствовавшему тутъ закону, по которому *ося клады* принадлежали шаху; но, убѣдившись, что то бронза, продали свою находку почтенному хаджи-агъ за 4 крана.

Почтенный хаджи-ага уступилъ бы мнѣ малоцѣпную для него рѣдкость, но, перевозка такихъ громоздкихъ вещей не дешево обойдется!

Послѣ чаю опъ охотно согласился показать намъ свою маленькую гостиницу, служащую выѣстъ съ тѣмъ и спальнею для прѣзжихъ гостей. Главцемъ блестятъ ея алебастровыя стѣны, съ десяткомъ маленькихъ нишъ, каминомъ и рѣзными, грубо заложеными досками, дверьми съ отверстіемъ вверху выѣсто окна (помимо входныхъ дверей). Украшенныя деревянною рѣзбою, ниши уставлены стеклянными блюдечками и стаканчиками англійскаго издѣлія, большими стаканами на ножкахъ, для пербета, чайниками, миниатюрными кофейными чашками, стеклянными сахарницами, множествомъ подносовъ и подносишковъ, съ женскими головами и яркими букетами тарелками, чайными ложечками и пружинными подсвѣчниками съ стеклянными колпаками русскаго производства. На устланномъ коврами полу стояло пять кальяновъ, съ серебряными резервуарами мѣстной работы и хрустальными — русскаго и англійскаго издѣлія; тутъ же лежало шесть постельныхъ свертковъ, съ огромными цилиндрическими подушками, которыя набиваются обыкновенно перстью и затѣмъ стягиваются съ обѣихъ концовъ снурками.

Если гостиная щеголяла изобиліемъ посуды, то зала съ своими мелкими нишами и окаймленнымъ толстымъ войлокомъ превосходнымъ хорассанскимъ ковромъ — совершенно пустовала.

Подъ этимъ верхнимъ жильемъ расположена женская половина, *уже недоступная для обзора*... И мы простились; почтенный хаджи-ага проводилъ насъ за ворота своего жилья..

— Следовательно, заискиваетъ въ васъ, замѣтилъ мнѣ «хозяинъ».

XXXV.

Персидская женщина.

Когда мы входили во дворъ къ себѣ, рыжебородый исполнилъ съ потертою фizioномією, въ поменѣе потертой зеленой чалмѣ и *джуббѣ**) на распахну, обпашавшей бѣлую рубаху по колѣни и бѣлые же широкіе шальвары его, отвѣчивавъ на вѣсахъ индиго, довольствуясь выѣсто гирь кусками желѣза и камнями.

— Старъ, больно старъ этотъ афганскій торговецъ индѣйскимъ индиго, проговорилъ «хозяинъ», а все еще удивляетъ шахрудневъ своею скотскою страстностію. Только что пріѣхалъ изъ Кандагара, немедленно «взялъ сига», т. е. *вступилъ въ кратковременный бракъ*, неудержимо набросился и, вотъ, не прошло мѣсяца какъ является ко мнѣ съ мольбою: «помоги, говорить, — деньги заплатилъ, а силъ больше нѣтъ!.. *Дай чего нибудь*». Конечно, помочь такому горю я не могъ — дуется... Здѣсь вѣдь, продолжалъ онъ уже въ комнатѣ, смотреть на женъ, будь то «агды» (постоянныя) или «сига» (временныя), *какъ на вещь*, и притомъ съ исключительнымъ назначеніемъ самки, т. е. для удовлетворенія своего *полового аппетита*; если спросить у перса объ имуществѣ его, онъ отвѣтитъ: — «Я владѣю домомъ, садомъ, пятью ослами и *доумя женами*»... Жениться же шінты считаютъ священною обязанностію.

*) Широчайшій халатъ съ длинными рукавами.

— «Хозяинъ», отчего ты не женишься? удивляются жиѣ друзья. *Это большой грѣхъ!* Какъ же послѣ тебя не останется потомства? съ участіемъ покачиваютъ они головами...

За исключеніемъ двухъ мѣсяцевъ, *мухаррема* и *сафаръ*, свадьбы въ Персіи устраиваются во всякое время, и въ особенности передъ *рамазаномъ*, ибо, по увѣренію благочестивыхъ людей, *гаремныя наслажденія въ посту очень полезны для тѣла и души*.

Задумавъ женить сына, родитель самолично сватаетъ ему невѣсту, не справляясь ни съ желаніемъ роднаго дѣтища, ни съ достоинствами будущей подруги его жизни: исключеніе бываетъ развѣ-только для любимцевъ, и въ такомъ случаѣ въ домъ къ намѣченной невѣстѣ подсылаются довѣренныя женщины изъ родни — выведаютъ о физическихъ и душевныхъ качествахъ ея, и если она удовлетворяетъ требованіямъ жениха, тогда отецъ его отправляется сватомъ къ ея отцу, а получивъ согласіе, условливается съ нимъ о времени свадебныхъ празднествъ, начинающихся съ «Маджлесъ-ширини» (собранія на сладости).

Въ этотъ день собираются у женихова отца родные и знакомые, въ присутствіи которыхъ мулла читаетъ составленный имъ же, на основаніи предварительнаго соглашенія между родителями вступающихъ въ бракъ, свадебный договоръ, такъ называемый «каболе», т. е. *вознагражденіе*, выговоренное отъ будущаго мужа въ пользу жены на случай его смерти или развода съ нею. Такое *вознагражденіе по шаріату* составляетъ какъ бы приданое, деньгами и вещами, вносимое отцомъ жениха или самимъ женихомъ за невѣсту, приданое, напоминающее *калымъ* и переходящее у вельможъ за десятки тысячъ томановъ — Справившись у жениха о согласіи его на *каболе*, сей актъ отвозится къ невѣстѣ для той же формальности, между тѣмъ какъ гости продолжаютъ наслаждаться шербетомъ и прочими *ширини* (сладостями, лакомствами), а при прощаніи получаютъ отъ хозяина дома по головкѣ сахару — тоже *ширини*. Вотъ почему этотъ первый день свадебныхъ празднествъ и называется «Маджлесъ-ширини» или, просто, «ширини», послѣ котораго бракъ считается заключеннымъ, и иными родителями уже допускается тайное свиданіе по ночамъ жениха съ дотолѣ недоступною для взоровъ его невѣстою. Но духовенство не одобряетъ подобнаго нарушенія *шаріата*, обязывающаго молодыхъ предварительно сходить въ баню (что, во всякомъ случаѣ, торжественно исполняется сперва невѣстою, а на слѣдующій день и женихомъ) и затѣмъ уже раздѣлить брачное ложе.

Никто не можетъ имѣть больше четырехъ адовъ, гласитъ шаріатъ;

по таковая *улырренность* для *правотруныхъ* вознаграждается падревлеукопенившимися въ Персін, какъ и многоженство, правомъ обзаводиться *неограниченными* числомъ наложницъ или, по туземной терминологіи, «братъ сига», конечно, если, при охотѣ, есть на то средства.

Слово *сига* вообще означаетъ всякій письменный договоръ при продажѣ ли, куплѣ или иной сдѣлкѣ, засвидѣтельствованный муштегидомъ или ахундомъ, а посему *безапслационно обязательный* для обѣихъ договаривающихся сторонъ; отсюда и произошло выраженіе «взять сига», другими словами — заключить «сига-номе», т. е. письменное условіе на временное сожителство мужчины съ женщиною за определенное вознагражденіе послѣдней, условіе, въ которомъ первый пишетъ такъ: «*Отдаю страсть мою на служеніе твоей страсти*» (слѣдуетъ имя женщины) *на* (такой-то срокъ) *за* (такую-то сумму); а вторая удостоверяетъ, что «*на означенныя условія согласна*»; затѣмъ слѣдуютъ печати повобрачныхъ, а за безграмотностью ихъ по двѣ свидѣтельскихъ печати съ каждой стороны, какъ и въ прочихъ документахъ. Муштегидъ или мулла скрѣпляетъ это обоюдное обязательство, и тѣмъ формальность заканчивается. Правда, по шаріату не полагается никакихъ письменныхъ актовъ для удостовѣренія въ подобномъ бракѣ, тѣмъ не менѣе «сига-номе» необходимо во избѣжаніе придирокъ со стороны свѣтской власти; а придратъся было бы удобно, конечно, не къ тѣмъ, кто «беретъ сига» на мѣсяць, пять и болѣе, но къ женщинамъ, у которыхъ *прекратились регулы естественнымъ путемъ*, т. е. къ старухамъ, имѣющимъ право «братъ сига» на какой угодно срокъ, что очень сподручно, ну хоть бы шахрудскимъ бурсакамъ.

— Затащутъ они къ себѣ божью старушку, — говоритъ «хозяинъ», и поочередно *сигуются* на законномъ основаніи.

Сигованіе особенно сильно распространено въ священномъ градѣ Мешкедѣ, куда стекаются богомольцы — больше безъ женъ, богомолки — безъ мужей; не укоренись здѣсь эта, освящаемая религіею *проституція*, — и доходы имама Риза на много-бы уменьшились... Ибо теперь *слабый полъ* мужественно переноситъ лишенія въ пустыняхъ только въ надеждѣ на хорошій заработокъ у цѣли путешествія, а тогда не изъ-за чего было-бы рисковать. — «Сига» также въ большомъ ходу въ Тегеранѣ и другихъ многолюдныхъ городахъ, въ захолустныхъ — меньше...

По шаріату, положеніе *жены-сига*, въ смыслѣ наложницы, далеко ниже сравнительно съ *женою-агды*; такъ:

1) *Каболе*, или вознагражденіе, ей не превышаетъ мискалы золота

или — какъ въ Шахрудѣ — оно колеблется между тремя и десятью то-
манами, которые она получаетъ, смотря по условію, одновременно за
краткій срокъ или помѣсячно, если онъ продолжителенъ.

2) Она не можетъ требовать отъ мужа *ни приманнаго костюма
для себя, ни прислуги*, даже при большихъ средствахъ его, между тѣмъ
какъ «агды» имѣетъ на то право.

3) Мужъ *обязанъ* раздѣлить ложе съ «агды» зоть одну ночь въ
четверо сутокъ, съ «сигой» — нѣтъ, и зоть разъ въ четыре мѣсяца быть
физиологически мужемъ относительно первой; относительно же послѣд-
ней — въ шесть мѣсяцевъ...

Конечно, шаріатъ могъ бы не вдаваться въ такую наивную заботли-
вость о правовѣрныхъ, въ этомъ отношеніи слишкомъ безукоризнен-
ныхъ, въ чемъ убѣждаетъ дурная привычка ихъ рассказывать другъ
другу съ мельчайшими подробностями о своихъ гаремныхъ подвигахъ,
не стѣсняясь даже присутствіемъ «хозяйна».

— Что-жъ тутъ дурнаго? — *Видь для этого и берется жена*
возражаютъ шахрудцы съ наивнымъ удивленіемъ на упрекъ «хозяйна»
за ихъ беззащитчивое разглашеніе секретовъ...

Далѣе: 4) По смерти мужа, «сига» ничего не получаетъ изъ имуще-
ства его; такъ точно, по истеченіи срока сожителства съ «сигой», муш-
тегидъ или мулла опять прочитываетъ ей «сига-номе» — и затѣмъ она
отпускается на всѣ четыре стороны безъ всякаго вознагражденія, а дѣти
отъ нея, кажется, остаются у «агды»; въ обоихъ случаяхъ она можетъ
снова взять «сига» черезъ *сорокъ дней*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи
«жена — сига» пожалуй выигрываетъ передъ «агды», которой дозволяется
вступать въ новый бракъ, послѣ развода съ мужемъ или его смерти,
только по прошествіи *4 мѣсяцевъ и 10 дней*, и то если она не въ ин-
тересномъ положеніи, а иначе — по разрѣшеніи отъ бремени. Съ своей
стороны, и мужъ можетъ вновь обзавестись «сигой» или «агды» по истече-
ніи вышеозначенныхъ сроковъ. Разводъ вполнѣ зависитъ отъ него, но
при этомъ «агды» выдается *разводный актъ*, и если она была *факти-
чески* женою, всѣ, выговоренныя въ *каболе*, вещи и деньги; если-же
мужъ не *мишалъ* ее *дѣйственности*, то только половину; то же самое
и по смерти его; но тутъ «вдова агды» получаетъ еще изъ оставшагося
по немъ имущества *четвертую часть, если бездѣтна, и восьмую —
если есть дѣти*, между которыми и дѣлится остальное *поровну*,
считал, однакоже, *двухъ дочерей за одного сына*.

Забеременила «агды», забеременила и «сига», и обѣ павѣшиваются

себѣ на груди, подѣ соски, по кусочку намагниченного желѣза (что въ продажѣ найдется въ извѣстной формѣ подковаекъ) и посять ихъ отъ *найтана* въ теченіе всего интереснаго положенія. Но вотъ Богъ послалъ дѣтей, — то-то радость для матери! — Теперь будетъ надъ кѣмъ сосредоточить любовь, пѣжность свою, будетъ, чѣмъ поразнообразить затворническую жизнь!.. Не менѣе счастливъ и мужъ: въдѣ *плодовитость* считается у нынѣшнихъ персовъ за *благословеніе Божіе*, хотя у древнихъ она служила только *признакомъ мужской силы*, и цари ежегодно посылали подарки тому, у кого было больше дѣтей... На седьмой день послѣ *родовъ* — *въ семьѣ праздникъ: новорожденному нарекается имя*. Съ утра собираются къ счастливому отцу друзья и родные; ихъ угощаютъ шербетомъ, сластями, потомъ приносятъ ребенкѣ, передаютъ его въ руки мутлы или старшаго члена семьи, и тотъ прочитываетъ ему *въ правое ухо азонъ, а въ лѣвое — аоме* *); затѣмъ младенцу провозглашается имя, гостямъ подаютъ завтракъ или чай, кальяны, — и торжество кончается. На десятый день родильница отправляется съ новорожденнымъ въ баню.

Кормить она его грудью до двухлѣтняго возраста, но крайней-мѣрѣ такъ въ Шахрудѣ; затѣмъ слѣдуетъ обрядъ *обрѣзанія*, празднуемый большимъ пиромъ, на который немалыми затрачивается въ большихъ городахъ значительныя суммы: устраиваются фейерверки, приглашаются музыканты и пѣвцы изъ своихъ же единовѣрцевъ, по ни въ какомъ случаѣ не изъ евреевъ и гебровъ, между которыми тоже найдутся уличные артисты, особенно въ Тегеранѣ.

Шаріатъ совѣтуетъ совершать обрѣзаніе на третій день по рожденіи, но въ Шахрудѣ оно производится, обыкновенно, на четвертый, даже седьмой годъ, и только рѣдко кѣмъ — на седьмой день. Эта операція совершается цирюльникомъ безъ участія мутлы такъ: вдавливая головку круглою палочкой, онъ одновременно натягиваетъ чахолъ, или — по выраженію «хозяина» — крайнюю плотъ, которая и захватывается въ расщепъ тонкой дощечки или хворостинки, а затѣмъ ровно обрѣзывается, послѣ чего ранку обсыпаютъ *жизненнымъ алономъ* или вѣтыамп, обвязываютъ ее, и черезъ пять дней она уже заживаетъ.

Древнее обыкновеніе: *не показывать отцу ребенка до пятилѣтняго возраста* (дабы тотъ не тужилъ сильно въ случаѣ смерти его),

*) Тотъ же *азонъ* съ некоторыми измѣненіями въ началѣ и концѣ, читаемый муштергидомъ передъ намазомъ.

теперь зачастую нарушается, особенно по деревнямъ; это хорошо; но очень дурно то, что похвальный обычай «ормуздова народа» *развивать физически дѣтей и учить ихъ говорить правду*, вовсе не исполняется въ мухаммеданской Персіи...

— Единственно-доступное удовольствіе для женщины — говорить мой собесѣдникъ, — это прогулка безъ мужскаго контроля по «мѣстамъ благочестія», конечно, если таковыя есть по близости города, а иначе — для нея не существуетъ жизни внѣ гарема.. Мужчины любятъ посѣщать сады, гдѣ пьютъ чай, лакомятся фруктами и бесѣдой, по женамъ и тутъ быть не прилично!..

Недовольствуясь женами «агды» и «сига», персы предаются едва-ли не всевозможнымъ видамъ разврата, и особенно склонны къ *педерастіи*, хотя по шаріату «прелюбодѣи да будутъ побиты камнями»; но, вѣдь, по смыслу того-же шаріата: «если даже двое, вполне достойныхъ довѣрія, свидѣтелей донесутъ на прелюбодѣи, то — лишаются на будущее время права свидѣтельства въ какомъ бы то ни было дѣлѣ», другими словами, — *лишаются довѣрія передъ судомъ на всю жизнь*. Безобразнѣйшее противорѣчіе! — Власть этого, никто и не пытается искоренять гнусной порока, наоборотъ, почти что всѣ гряднутъ въ немъ. Мало того, болѣе распущенные любятъ при этомъ заниматься и *онанизмомъ*..

XXXVI.

На «маджлесь-ширини»; банный церемоніаль, и что затѣмъ слѣдуетъ.

На слѣдующій день вечеромъ зашелъ къ намъ, по обыкновенію, полиціймейстеръ, за нимъ — арендаторъ; какъ-то къ слову пришлось поблагодарить ихъ за услуги, въ качествѣ беземѣнныхъ чичероне и проводниковъ, на что послѣдній отвѣтилъ: — *это моя обязанность* (разумѣется, пукерека).

— «Хозяинъ!» улыбаясь процѣдилъ первый, раскуривая трубку, на дикихъ я женю сына, — выйшу музыку, приглашу васъ.

— А я уже устроилъ имъ приглашеніе на свадьбу къ сыну хаджи Абдуль-Касыма, не безъ самодовольствія перебилъ его арендаторъ и, обратившись къ намъ, добавилъ: — завтра онъ ждетъ васъ на «ширини».

«Хозяинъ» расчувствовался отъ такого необычайнаго вниманія.

— Хотя шиты фанатичнѣе суннитовъ, отнесся онъ ко мнѣ съ по-дерзунчивыми влагою глазами, однакоже вы до сихъ поръ не встрѣтили здѣсь и — ручаюсь — не встрѣтите ни малѣйшей непріятности... Правда, мнѣ *доносили* друзья, что нѣкоторые называютъ насъ въ тихомолку *кобэрами*, но это... какъ бы выразиться... не въ ожесточенно-фанатическомъ смыслѣ..

— А въ какомъ?

— Въ томъ же, папримѣръ, въ какомъ они отзывались, конечно, между собою, объ умершемъ здѣсь, всѣми любимомъ армянинѣ: «Все-таки онъ былъ *хорошая собака*»...

— Часъ отъ часу не легче!

— По крайній-мѣрѣ болѣе лестнаго для себя мы не найдемъ въ глубинѣ души благочестиваго шита...

Въ половинѣ седмаго ч. утра, 19 іюли, мы отправились все съ тѣмъ же арендаторомъ на званный «маджлестъ-ширини» къ хаджи-агѣ, два-три мѣсяца тому назадъ сосватавшему одному изъ своихъ взрослыхъ сыновей невѣсту изъ ближайшей деревни, невѣсту, которую женихъ, по обыкновенію, и въ глаза не видалъ.

Когда мы поднялись на знакомую читателю площадку крыши, въ большой залѣ уже чинно сидѣло полукругомъ, вѣзави степеннаго хозяина, съ полтора десятка почетныхъ гостей, между которыми первенствовалъ *известный шейхъ-уль-исламъ* съ изпуреннымъ лицомъ. Тутъ былъ и нашъ знакомый мулла Зейпаль-Обединъ, все еще съ ли-шашми подъ бумажными перчатками, и профессоръ мулла *тиль-намазъ* Хюсейнъ, два взрослыхъ семинариста и профессоръ мулла *нилиз-намазъ* Ага-Кучекъ, мулла Рахимъ, нашъ знакомый докторъ и пр. Всѣ въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, за исключеніемъ тошнотливо-выглядывавшаго *любителя шалтыся по гостямъ*, эскъ-пайба въ мерлушковой шапкѣ, одного хаджи изъ плутократіи — *въ коричневой шалы*, да самого, подошедшаго къ намъ съ обычною анатією, длинноногаго хозяина дома — въ цѣвтной. Не подавая ему рукъ, дабы тѣмъ не скомпрометировать благочестія его въ присутствіи почтеннаго собранія, мы ограничились утонченными пожеланіями всевозможныхъ благъ *обитателямъ дома сего* и, послѣ взаимнаго привѣтствія, были приглаше-

ны имъ въ крошечную *переднюю гостиную*, на этотъ разъ устланную дырявымъ ковромъ.

— Хаджи-ага говоритъ, поторопился успокоить меня замѣтно сконфуженный «хозяинъ», что *пригласилъ насъ отдельно отъ прочихъ, какъ почетнѣйшихъ гостей...*

— Почетнѣйшіе-то вонъ гдѣ сидятъ, а не въ лакейской!... Конечно, и то великая честь, но... не выйти ли намъ на площадку?

— Невѣжливо.

— Но отсюда ничего не видно...

Я вышелъ и сѣлъ на перилы площадки; тотъ за мною, съ опущенными долу глазами, и сидѣвшему спиною къ намъ благочестивому хаджи-агѣ не оставалось ничего болѣе, какъ послать за своими запасными коврами и «хозяйскими» стульями для насъ, а болѣе почетнымъ знакомымъ «хозяина» заняться съ нимъ привѣтствіями съ своихъ отдаленныхъ мѣстъ. Мало по малу и прочіе, важно хранившіе дотола молчаніе, заговорили, но какъ-то робко, точно не довѣряя ни себѣ, ни другимъ, между тѣмъ какъ двое взрослыхъ сыновей хаджи-аги съ арендаторомъ и еще какимъ-то субъектомъ возились въ роли слугъ тутъ же, на площадкѣ, кто съ чѣмъ: одни приготавливали для насъ въ мисочкахъ тѣхъ же чайныхъ полоскательницахъ сахарную воду со льдомъ, которую мы и пили по туземному обыкновенію прямо съ краевъ, обходясь безъ стакановъ; другіе набивали табакомъ и раскуривали угольями всѣ пять кальяновъ, и затѣмъ — разомъ подавали ихъ гостямъ, передъ которыми уже красовались на огромныхъ блюдахъ и круглыхъ подносахъ три вѣстительныхъ, въ родѣ суповыхъ, миски шербету, съ плавающими, въ каждой по одной, большими самшитовыми ложками съ глубокими челпозами и рѣзными ручками, которыми гости и хлебали прохладительный напитокъ поочередно...

Вошелъ наиболѣе вліятельный между своими армяпинъ, усѣлся вблизи насъ на полъ, откуда и послалъ привѣтствіе продолжавшему бозмолвно сидѣть спиною къ намъ хозяину дома, на этотъ разъ даже не привставшему и только на моментъ снисходительно повернувшему голову къ гостю, вслѣдъ за которымъ явилось двое ребятишекъ: девятилѣтній, въ затрапезномъ костюмѣ, сталъ у сѣрой стѣнки, угрюмо хлопая глазами, точно собирался всплакнуть; другой, осмыслѣтній, видно любимецъ отцовскій, съ густо-пасурмленными заботливою мамашею бровями дугою, двумя, повисшими изъ-подъ вышитой шелками шапочки, прямыми прядями черныхъ волосъ за ушами, въ коротенькомъ, ополсанномъ бѣлымъ куша-

бомъ, шелковымъ коба лидоваго цвѣта, бѣлыхъ короткихъ же шальварахъ и башмачкахъ на босу ногу, празднично улыбался на все стороны, не зная куда дѣвать свои ручки съ темно-оранжевыми ногтями. Гости льстили родительскому чувству, и хаджи-ага сіялъ, любясь наряднымъ сынишкой... Но вотъ степенный говоръ смолкъ. Шейхъ-уль-исламъ вынулъ изъ кармана составленный имъ для новобрачныхъ *каболе* и, тихо переговоривъ съ хаджи-агой, не вставая съ мѣста, прочелъ вслухъ: «Если мужъ (такой-то) разведется съ женою (такою-то), то долженъ уплатить ей: 1) *шестьдесятъ томановъ деньгами*, изъ которыхъ тридцать обязывается ему отецъ (хаджи Абдуль-Касымъ) дать для передачи ей немедленно послѣ свадьбы; 2) *пять мискалей *) золота*; 3) *одинъ фарингъ **)* и 4) *пять батмановъ медной посуды*. Остальные 30 томановъ уплачиваются ей послѣ развода съ мужемъ или «его смерти».

По прочтеніи *каболе*, шейхъ-уль-исламъ скрѣпилъ его своею именною печатью (какъ извѣстно, замѣняющею въ Персіи подпись), что сдѣлали и нѣкоторые гости въ качествѣ свидѣтелей; затѣмъ передъ почетное собраніе предсталъ двадцатилѣтній женихъ въ обыкновенномъ скромномъ костюмѣ и рыжею щетинкою только что остриженныхъ волосъ на распуто-одутловатомъ лицѣ; ни съ кѣмъ, кромѣ насъ, не поздоровавшись, онъ застѣнчиво пробормоталъ что-то на мое пожеланіе счастья и, точно съ повинною головою, сталъ у сѣрой стѣнки гостиной. Ему прочли *кабале*.

— Согласенъ на эти условія? спросилъ его одинъ мулла.

— Бѣли (да).

— Уполномочиваешь ли ты меня высказать ихъ за тебя передъ невестою и утвердить *каболе*?

— Бѣли, покорно отвѣчалъ тотъ съ миною, какъ бы готовясь стошнить, и послѣ этого, такъ называемаго, *признанія жениха*, въ сильномъ смущеніи поспѣшно скрылся...

Спустя минуту, вошелъ *сорогесизъ*, тоже съ преступнымъ видомъ и, не дерзая глядѣть въ сторону яко бы не замѣчавшихъ появленія его благочестивыхъ чалмоносцевъ, изнедабля поздоровался съ площадки

*) 88 персид. мискалей составляютъ русскій фунтъ.

**) Подстилка на одну комнату, состоящая изъ большого хорассанскаго ковра съ окаймляющими его узенькими толстыми войлоками, замѣняемыми у знати персидскими же коврами.

съ однимъ только докторомъ, наклоня голову прямо и направо, и за-
тѣять уже, съ обычною своею нахостною улыбкою пріазни, — и съ «хозяй-
номъ»...

— Какъ попалъ сюда, *сретишь*? удивился я, не зная, что онъ
блудный сынъ этого самого почтеннаго хаджи Абдуль-Касыма.

— На дняхъ отецъ примирился съ нимъ, безъ сомнѣнія, наружно,
и то только потому, что онъ вхожъ къ губернатору, но въ душѣ пи-
таетъ къ нему сильный разладъ, ибо сынокъ безпощадно поноситъ па-
пашу и не соглашается на требованіе его развестись съ женою, вслѣдствіе
легкаго поведенія сестры ея, говоритъ: «Когда моя душа потребуеть раз-
вода, разведусь, иначе нѣтъ; а ты, отецъ, воленъ принимать меня или
нѣтъ»....

Опять подали кальяны, по обыкновенію, наипочетнѣйшимъ; тѣ ехид-
но предлагаютъ ихъ, изъ утонченной вѣжливости, мѣлѣе почетнымъ, но
эти послѣдніе, конечно, скромно откланиваются, такъ какъ пріять
такое предложеніе преждевременно, т. е. пока наипочетнѣйшіе само-
довольно не затянутся по нѣсколько разъ, было бы верхомъ невѣже-
ства! — За кальянами внесли на большомъ подносѣ столько миниатюр-
ныхъ головокъ ездескаго сахара, сколько было гостей въ залѣ, и каж-
дый изъ нихъ получилъ отъ хозяина дома по штучкѣ...

— А намъ? — шепшуть я товарищу.

— Хаджи-ага предупредилъ меня, что мы съ губернаторскими чи-
новниками, которыхъ онъ ждетъ къ себѣ, получимъ по большой головѣ,
по послѣ...

— Почему-жъ не теперь?

— Неудобно... Чалмоносцы смертельно обидятся такимъ предпочте-
ніемъ...

— Разумѣется, это такая же дипломатическая увертка, какъ и при-
глашеніе насъ въ переднюю?

Товарищъ скромно потупилъ глаза...

Наконецъ подали послѣдніе кальяны, и гости, выкуривъ ихъ, стали
выходить гуськомъ, съ пшкешами подъ мышкою, одни слегка расклани-
ваясь съ нами, другіе поднося руку къ чалмѣ, какъ бы отдавая намъ
честь по военному, при чемъ, передъ самою лѣстницею, второй по по-
рядку чалмоносецъ іезуитски заспорилъ съ третьимъ, а этотъ съ чет-
вертымъ, уступая изъ утонченной вѣжливости другъ другу дорогу.

Главная часть перваго акта свадебной трагикомедіи кончена, и мы

собирались тоже уйти, какъ къ «хозяину» подходить съ нѣкою таинственностью хаджи-ага и шепчетъ что-то.

— Просить обождать.. Эти господа нарочно остались, чтобы *запросто* побесѣдовать съ нами, обратился тотъ ко мнѣ, указывая на муллу Зейналь-Обединна, съ сухощавымъ сыномъ семинаристомъ, муллу Ага-Кучекъ и трупоподобнаго эскъ-наиба, пригласившаго насъ влечь движениемъ руки присоединиться къ нимъ.

— Ну, какъ поживаетъ? спросилъ я его, усаживаясь на перенесенный съ площадки въ залъ стулъ.

— В-е-е-е скверно... Сегодня вышелъ у меня изо рта послѣ тошноты большой глисть... В-е-е... замоталъ онъ головою и уныло смолкъ...

На сцену снова появился шербетъ, за нимъ чай, который разливалъ одинъ изъ взрослыхъ сыновей хаджи-аги; на чайникѣ и подъ приборами красовались подстилки изъ алаго бархата, съ золотой бахрамою.. Эскъ-наибъ вытащилъ изъ кармана померанецъ и, прошептавъ что-то, подаль его семинаристу; тотъ разрѣзалъ сей мыльно-кислый плодъ пополамъ и, тщательно выжавъ изъ него сокъ въ стаканъ ему принялся выскабливать перочиннымъ ножикомъ остатки мякоти, лабомяе ею съ видомъ знатока, между тѣмъ какъ папаша его вынулъ деревянную трубку съ высокою головкой и коротенькою шейкою съ остатками мѣдныхъ украшеній, набилъ ее изъ ситцеваго кошеля смахивающимъ на махорку табакомъ и также не безъ наслажденія сталъ покуривать прямо изъ шейки (ибо чубучка вовсе не было), что, конечно, неудобно, хотя угощенный ею старикъ Ага-Кучекъ и расхваливалъ «пріятность курить изъ трубки»...

— Особенно, когда табакъ, какъ и всякій кальянный табакъ, въ трубкѣ поминутно гаснетъ! улыбнулся я «хозяину», предлагая Зейналь-Обедину своего бакинскаго, по 60 к. за фунтъ.

— Какой аромать! — Какой аромать! — поподдѣльно восхищался тотъ, съ приторною улыбкой, и затѣмъ, на мое замѣчаніе, что мнѣ не приходилось еще встрѣчать туземца съ трубкою, очень обстоятельно рассказалъ исторію своей. Видите ли, онъ былъ недавно приглашенъ однимъ ханомъ изъ подъ Казвина говорить проповѣди по соседнимъ селамъ; ханъ — турокъ, привыкшій покуривать трубочку, пріучилъ къ ней и гостей проповѣдника, которому и подарилъ на прощанье ту самую отличную трубку, что мы видѣли у него на дому, но онъ, Зейналь-Обединъ, бережетъ ее, а про великій день купилъ себѣ тамъ же въ Казвинѣ вотъ эту простенькую *дорожную*.

Этимъ разсказомъ и закончилась наша бесѣда за-просто. Чалмоносцы ушли; хаджи-ага и эксъ-наибъ, въ ожиданіи запоздавшихъ гостей изъ Вастама, хлопали глазами, а «хозяинъ» повѣствовалъ о концѣ перваго акта свадебной процедуры, по временамъ справляясь о деталяхъ у нихъ.

— Теперь, говорилъ онъ, внизу идутъ большія хлопоты: вся женская половина отпращивается, въ сопровожденіи *европейца*, съ извѣстнымъ вамъ *каболе* къ отцу невесты, у котораго также соберутся на «пиршн» друзья и родные.

По прибытіи повѣзда на мѣсто, повѣренный ахундъ съ невестинной стороны возьметъ это *каболе* и прочтетъ его сперва почтенному собранію, затѣмъ невестѣ, скрытой отъ взоровъ присутствующихъ за занавѣсью дверей своей комнатки, и спроситъ ее: «Согласна ли ты на эти условія»? — Если та отвѣтитъ: «да», — хорошо, а «нѣтъ» — бракъ не состоится.

Но развѣ персидская дѣвушка осмѣлится воспользоваться предоставленнымъ ей по шаріату правомъ отказать избранному для нея отцомъ жениху, если имѣть на то основательныя причины? — Почти-что никогда; иначе родня заѣстъ ее, въ гробъ загонитъ! Слѣдовательно, въ отвѣтъ слышится: «бѣли».

— Уполномочиваешь ли ты меня утвердить это *каболе* и заключить брачный союзъ? продолжаетъ ахундъ.

— Бѣли, отвѣчаетъ она и уходитъ, а онъ обращается къ повѣренному жениха съ таковою речею: «*По уполномочію отъ...* (слѣдуетъ имя невесты), *я отдаю въ жены тебѣ, становлюсь товарищемъ твоего ложа* ^{*)} за.... (слѣдуетъ выговоренное въ *каболе* вознагражденіе), на что тотъ отвѣчаетъ: «*По уполномочію отъ...* (слѣдуютъ имя жениха), *я утверждаю это моимъ согласіемъ*». Этимъ, такъ называемымъ «Сута-агдъ», — договоромъ — и заключается брачный союзъ.

— А завтра — добавилъ рассказчикъ — молодая сходитъ въ деревнѣ у себя въ баню, и затѣмъ прибываетъ сюда съ подобающимъ карманнымъ обстоятельствомъ хаджи-аги триумфомъ, на которомъ быть можетъ, съ помощью моихъ друзей, удастся и вамъ побывать....

Ставилось невыносимо жарко и я простился; проводившій меня до воротъ караванъ — сарая арендаторъ поспѣшилъ назадъ къ «хозяину», у хаджи-аги оставшемуся съ цѣлью переговорить съ *губернскою саранчею* на счетъ маклера, съ котораго все еще поровида она сорвать по крайней

*) Дословный переводъ «хозяина».

мѣръ 25 томановъ, на томъ, молъ, основаніи, что тотъ, вѣроятно, зарабатываетъ маклерствомъ не мало денегъ...

Онъ вернулся домой только къ чаю.

— Безъ «ширини»? подшутилъ я.

— При прощаніи, хаджи - ага предложилъ-было тайкомъ арендатору захватить для насъ по пятифунтовой головкѣ транзитнаго сахара, но тутъ же сидѣли губернаторскіе чиновники, получившіе всего по двухфунтовой—ездскаго.... Да вотъ и онъ!—указалъ «хозяинъ» на вошедшаго съ пинкешами для насъ арендатора.

— Отдари́вать придется?

— Конечно... послѣ свадьбы. Однажды я послалъ бывшему губернатору курицу съ пѣтухомъ, такъ тотъ отдалъ моего нукера тремъ томанамъ?!

Намекъ, далеко не соответствующій моимъ экономическимъ соображеніямъ!...

Въ десятомъ часу вечера, когда мы сидѣли за ужиномъ, пронесся изъ темной ночи оглушительный гвалтъ, и смолкъ; затѣмъ — опять и опять... Это свадьба какого-то бѣдняка, и именно второй актъ ея: *церемониальное шествіе невесты изъ балаю.*

Вышли на крышу, къ чинару. Небо звѣздное; поблизи темнѣлась бала, въ которую только-что вошла новобрачная съ подругами и родственницами своими; сопровождавшая же ее съ гамомъ мужская половина родныхъ, знакомыхъ и просто охотниковъ поглазѣть, пошумѣть, особенно мальчишекъ,—толпилась въ своихъ затрапезныхъ архадукахъ и войлочныхъ шапкахъ на площадкѣ, передъ банею, въ ожиданіи выхода ея. Одинъ мальчуганъ держалъ ярко-горѣвшій факелъ *), передъ пламенемъ котораго замиралъ слабо-мерцавшій свѣтъ трехъ-четырехъ пещелинскихъ фонарей въ рукахъ взрослыхъ; у длиннаго пария виднѣлись бубны.

— Дню на праздникъ въ распоряженіе невѣсты пять тысячъ томановъ! — гаркнулъ кто-то вдругъ.

— Разумѣется, на словахъ, улыбнулся «хозяинъ» на щедрость бѣдняка.

*) На длинный шестъ пасаженъ сквозной шаръ изъ трехъ и болѣе перекрещивающихся желѣзныхъ круговъ, съ напаяннымъ нефтью тряпьемъ внутри.

— Отдать ихъ трубачамъ! въ отвѣтъ заорала толпа; особенно неистово голосили дѣти.

Опять все стихло..

— Даю на праздникъ въ распоряженіе неvěсты десять тысячъ томановъ! — раздался минутъ черезъ пять тотъ же голосъ.

— Даримъ ихъ пласунамъ! — огласила воздухъ сотня глотокъ, и за факелоносцемъ медленно двинулись фонари въ лѣвый переулокъ. Велѣдъ затѣмъ изъ бани показалась неvěста въ бѣломъ покрывалѣ, съ шестью женихами въ синихъ чадрахъ, и тихо-тихо, точно приговоренная къ смерти, послѣдовала за ними къ дому жениха, въ сопровожденіи ликующей толпы, съ перерывами выкрикивавшей, при ударахъ въ бубны, солядныя цифры фантастическихъ пишекешевъ напраздникъ ей, — этотъ общій праздникъ, по крайней мѣрѣ, для жаждущихъ вѣстали напущѣлся..

— Чтожъ дальше послѣдуетъ? — поинтересовался я, возвращаясь докончить прерванный ужинъ.

— Дальше — неvěста остановится вблизи жилья *суженаго*, отецъ котораго братъ или кто-либо другой изъ его родственниковъ приблизится къ ней, возьметъ ее за плечи и, слегка подталкивая, скажетъ: *«Идите въ садъ, который дарится вамъ»*. — Та подвинется впередъ на нѣсколько шаговъ, и снова остановится. — *«Идите отъ сада: тамъ дѣтъ (три, четыре или сколько вздумается сболтнуть) тысячи томановъ, которые дарятся вамъ»*, — продолжаетъ онъ подталкивать неvěсту, услаждая слухъ ея несбыточно пышными обѣщаніями. Затѣмъ, передъ самымъ домомъ, ее встрѣтитъ *суженый* съ двумя горлицыи свѣчами и, вручивши одну ей, возьметъ ее за руки и введетъ въ свою спальню, т. е. на женскую половину; тутъ - то, наединѣ, она впервые сброситъ покрывало передъ нимъ, онъ будетъ любоваться ею, ласкать... но и только. Черезъ часъ-другой ихъ разъединятъ, а на слѣдующій вечеръ, *по возвращеніи его изъ бани*, — задастся семейная пирушка, по просту — скучный ужинъ, на который сходятся обѣ вновь породнившіеся семьи, и молодыхъ сажаютъ рядомъ; на богатой свадьбѣ — передъ неvěстою рѣжутъ барана отъ глазу, и во всякомъ случаѣ передъ обоими пляшетъ кто нибудь изъ родни; затѣмъ, отецъ неvěсты вкладываетъ ей руку въ руку жениха, и молодая чета вводится въ спальню, гдѣ и оставляется наединѣ, а у запертыхъ за нею дверей садится по родственницѣ съ обѣихъ сторонъ, въ ожиданіи совершенія супружескаго акта, по окончаніи котораго онѣ и входятъ въ спальню,

для освидѣтельствванія... Если молодая обаяется *дѣвственницей* — свадьба состоялась, нѣтъ — кабале уничтожается! Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у богатыхъ и знати — все крыто и шито...

XXXVII.

Тріумфъ невѣсты и на званомъ игру.

На слѣдующій день «хозяинъ» совѣтъ раскилъ: ни ѣсть, ни пить и весь въ огнѣ, — простудился! Жаль, тѣмъ болѣе что полиціймейстеръ *взялся* провести насъ на «тріумфальный въѣздъ невѣсты сына хаджи-аги въ городъ», и я останусь на этотъ разъ безъ толмача...

Согласно инструкціи полиціймейстера, въ 8 час. вечера за мною зашелъ арендаторъ и ветхій старецъ съ большими фонарями, и мы втроемъ, чуть не ошущю, пробрались пустыннымъ базаромъ за городскія ворота и остановились тутъ у обрисовавшейся во тьмѣ палатки багдадскихъ паломниковъ. Подошедшій полиціймейстеръ, пошептавшись съ моими проводниками, отвелъ насъ нѣсколько въ сторону, поближе къ ожидавшей прибытія невѣсты неопредѣленной группѣ мужской родни жениха; непривыкшій къ темнотѣ глазъ могъ еще различить въ ней пѣшихъ, больше съ ружьями или пистолетами, отъ волочившихъ ноги на осликахъ или сидѣвшихъ на катерахъ по одному и даже по-двое, тоже не безъ огнестрѣльнаго оружія, но далѣе — глубокая темь и тишь скрывала толпу любопытныхъ, запружавшихъ не малую часть аллея богомольцевъ..

Чу!... Вдали слышится глухой говоръ, топотъ копытъ... Ближе и ближе, и родственная грунна засуетилась, зашумѣла, раздалось нѣсколько выстрѣловъ... Спусти минуту, промель мимо насъ, навьюченный двумя сундуками съ пожитками невѣсты, малорослый катеръ; еще минуты черезъ двѣ, — зачерилась невѣстина кавалькада; — опять послѣдовало нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, и та, смѣшавшись съ родственною группою, безпорядочною толпою, въ сумятицѣ двинулась впередъ; пѣшіе мальчишки и взрослые, протыскиваясь къ пей, бѣшено орали, визжали, ... стрѣльба не прерывалась...

У запертыхъ воротъ поѣздъ остановился; новая волна жаждущихъ *тамаша* горожанъ и богомольцевъ увлекла насъ за собою, и я очутился около невѣстиной кавалькады *изъ женской родни*, сзади которой темнѣлась мужская родня жениха, во хвостѣ съ почтенымъ хаджи-агою...

— Здѣсь ничего не увидишь. — перебилъ полиціймейстеръ мои на-блюденія *во мракъ ночи*; пойдѣмъ, займемъ поудобнѣе мѣсто на ба-зарѣ...

Но привратникъ, не смотря на убѣжденія сопутствовавшей мнѣ *власти*, долго не соглашался отворить городскія ворота; дѣло дошло кажется, до угрозъ, тогда — впустилъ, и то только насъ однихъ; съ трудомъ протиснувшись въ заперудившей узкій базаръ толпѣ, мы уединенно стали въ сторонкѣ, между тѣмъ въ невѣстиномъ поѣздѣ поднялся дьявольскій гвалтъ.

— Отвори ворота! неистово ревѣли оттуда сотни глотокъ. Привратникъ *не отворилъ, требуя платы за пропускъ невесты въ городъ*... Долго горланили съ обѣихъ сторонъ, пока наконецъ тотъ не получилъ, согласно обычаю (какъ и вся это шумная комедія), нѣскольکو крановъ, и толпа, кромѣ оставшейся съ жепшинами — *приняться въ свадебное покрывало, невесты*, — хлынула па базаръ. Давка невообразимая! Фигуры мужской родни, на лошадахъ, катерахъ, ослахъ едва двигались въ расходившейся волною, смолкнувшей теперь тысячной массѣ народа...

Хаджи-ага остановился въ ста шагахъ отъ воротъ приготовиться къ *вторичной встрѣчѣ невесты, встрѣчѣ при взѣздѣ ея въ городъ*; прошло съ полчаса, пока онъ зажигалъ факелы на длинныхъ шестахъ и исполнилкіе фопари, а затѣмъ *тихою* поплелся къ ней, опять-таки во хвостѣ мужской родни, впереди которой *ѣхалъ* окруженный факельщиками и фопарщиками мальчуганъ съ зеркаломъ въ рукахъ...

Въ воротахъ опять заорали, и показался поѣздъ невесты; ревъ, визгъ, пересынаемые трескотнею частыхъ выстрѣловъ, и давка, производимая, больше обезумѣвшими отъ праздничнаго восторга ребятишками, дошли до послѣднихъ предѣловъ, между тѣмъ какъ пускаемыя изъ рувъ ракеты вьются по всеѣмъ направленіямъ, чаще — доломъ, обжигая бѣвующуюся толпу, рѣже падала на крыши (безопасная отъ пожара), — ну, просто адъ.

Процессія уже близки. Вотъ она замирающимъ шагомъ *проѣзжаетъ* мимо насъ. — Фантастическая картина! Ферраши съ прутьями, обливаясь

потомъ, безсильно суетится, расчищая путь для открывавшихъ ее родственниковъ юпой четы, въ волюшку потѣшавшихся, то размахивая при уморительно-неловкихъ прыжкахъ, длинными ружьями, то кувыркаясь и поддавая другъ друга подъ задъ, то пуская ручные ракеты или стрѣляя (холостыми зарядами) въ толпу, съ комическою трусостью отворачиваясь отъ ружей. За ними, передъ самою мордой катера, на которомъ возсѣдала, растопыря ноги, освѣщаемая двумя факелами и тремя фонарями, миниатюрная фигура невѣсты, съ накинутымъ на голову по грудь краснымъ, усеяннымъ золотыми блестками, шелковымъ платкомъ поверхъ синей чадры, шель плотный дервишъ, съ обнаженной грудью; озирались по сторонамъ, оазъ безъ передышки голосилъ гортаннымъ речитативомъ религіозныя пѣсни во славу имама Али, и свои импровизации съ пожеланіемъ счастья новобрачнымъ. Передъ носомъ невѣсты—какъ слышно—очень дурною соборъ, видѣлось зеркальце, *«дабы она счастливо жила; не въ сторону, а прямо смотрѣла бы»* (такъ миѣ объяснили потомъ).

За нею плелись, тоже верхами, пять - шесть родственниковъ въ синихъ чадрахъ, и между ними одна съ ребенкомъ на рукахъ, а другая, уцѣпившись за нее, вкупѣ сторбившись сидѣли на одной влячѣ, за которою слѣдовалъ на маленькомъ катерѣ, тѣснымъ пестрою толпою, длинноногій хаджи-ага, съ любимымъ сынишкой передъ собою; я кивнулъ ему, онъ самодовольно отвѣтилъ... какъ вдругъ кто-то гаркнулъ въ мою сторону: *«Зачѣмъ этотъ русскій смотритъ на нашихъ женщинъ!»?* И обратившись къ арендатору, сдержанно проговорилъ: *«ступайте отсюда! впередъ идите!»*.

Въ толпѣ пронесся ропотъ, у многихъ злобою сверкали глаза; полиціймейстеръ успокоиваетъ ближайшихъ, занекивающимъ голосомъ, оправдывая мое присутствіе здѣсь случайностью: былъ, молъ, за городомъ, смотрѣлъ богомольцевъ, и *теперь возвращается домой своей дорогой*. Смыслили; а онъ, обратившись ко мнѣ, продолжалъ: «пойдемъ дальше, тамъ будетъ поудобнѣй»..

Пробравшись впередъ, мы стали въ ближайшемъ переулкѣ, около пяти-шести, пугливо жавшихся у дверной ниши какого-то жилища, любопытныхъ женщинъ; полиціймейстеръ, *шутя*, обругалъ ихъ, и тѣ, мало-по-малу ободрившись, стали перешептываться, пересмѣиваться, довольно смѣло озирая меня.

Видно, онъ не совсѣмъ еще поддавался мужьямъ, если рискуютъ, хоть тайкомъ, смотрѣть на свадьбу. Этотъ общественный праздникъ для

всей мужеской половины города! На крышах тоже обрисовывалось съ нятокъ окутанныхъ въ чадры фигуръ, но и только..

Между тѣмъ, по мѣрѣ движенія процессіи впередъ, тысячная толпа напираетъ, заируживая все больше и больше нѣтъ, изрытый канавками, переулкомъ; дервишъ продолжаетъ захлебываться речитативомъ...

— Даю на счетъ... (слѣдуетъ чье нибудь имя) тысячу томановъ, гаркнувъ какой то дѣтина, размахивая передъ нимъ ружьемъ.

— Даримъ ихъ плясунамъ! загорланила толпа.

— Даю на праздникъ двѣ тысячи томановъ! неистово продолжала соло.

— Отдаемъ ихъ фейерверкикамъ! послѣдовалъ отвѣтъ, и опять — нифъ! нифъ! нифъ! ракеты, крики, охи и адскій смѣхъ, — ну, просто, адъ!.. Толпа хлынула на насъ, и я, едва не сбитый какимъ-то негодлемъ съ ногъ, былъ увлеченъ общимъ потокомъ. Упала я — быть-бы бѣдѣ; какъ видно, дѣло шло къ тому...

Полиціймейстеръ скрылся изъ виду; арендаторъ, больно струсивъ, бросился за мною, и мы, съ помощію какихъ-то людей, вѣроятно, феррашей и знакомыхъ, еле выбрались въ сторонку, а затѣмъ пустынными переулками пришли домой.

«Хозяинъ» видимо обрадовался возвращенію моему съ *рискованнаго тамаша* по добру — по здорову, объявляя два случая со мною *благочестіемъ какого-то дурака* — *сынки богатыхъ родителей*..

Арендаторъ ушелъ, по нашей просьбѣ, *доглядѣть* окончаніе свадебнаго празднества, крики котораго смогли минуть черезъ десять. Значить, невѣста уже вступила въ домъ свекра, хаджи Абдуль-Касыма..

Подоспѣвшій къ ужину вѣроломный полиціймейстеръ молча вынулъ изъ кармана огурцы (что всегда предшествуетъ выпивкѣ) и, указывая «хозяину» на меня, процѣдилъ: «Опасался я за него, сильно опасался, чтобы какой нибудь дуракъ не выстрѣпилъ бы въ него пыхомъ, а то — пулею!.. Я, кушцы, губернаторъ и прочія власти — всѣ мы рады ему, и понимаемъ пользу, какую онъ можетъ принести намъ, но деревенщина-червадары, никогда не видавшіе русскихъ, — дураки!.. Затѣмъ онъ, какъ бы въ вознагражденіе за доставленное мнѣ удовольствіе и перенесенныя изъ за меня волненія, выудилъ въ краткій промежутокъ времени *четыре рюмки водки и три стакана красного вина*; опрокинулъ бы и четвертый, если бы не вошелъ арендаторъ, по докладу котораго — шумная процессія дотацилась въ томъ же порядкѣ до воротъ

жилия хаджи-аги, гдѣ невѣсту встрѣтилъ и ввелъ въ домъ неучаствовавшій въ триумфъ ея женихъ, съ тѣмъ же церемоналомъ, какой продолжался и вчера съ бѣдною невѣстою послѣ бани. Теперь же скромно пируетъ съ своими спутницами на женской половинѣ, а хаджи-ага, съ своими почетными гостями, на той самой площадкѣ подъ открытымъ небомъ, гдѣ принималъ насъ..

Мы вышли на крышу, откуда она была замѣтна по двумъ-тремъ слабо мерцавшимъ огонькамъ между неувидимыми фигурами пировавшихъ.

— Говорить, замѣтилъ «хозяинъ», что весь этотъ свадебный блескъ и трескъ устроень съ цѣлюю *цеголннуть передъ* вами.

Въ отвѣтъ, я выпустилъ изъ револьвера шесть выстрѣловъ, проси арендатора передать почтенному хаджи агѣ, что это—наше привѣтствіе невѣтъ; спустя нѣсколько минутъ, намъ безшумно отвѣчали нѣсколькими ракетами, и опять все стихло въ темной ночи...

Послѣ скромнаго пира, прибывшимъ съ невѣстою женщинамъ смажутъ хною руки и ноги, завяжутъ ихъ на ночь платками, а на утро онѣ вымоются. Женихъ можетъ и, конечно, не прозѣваетъ тайкомъ зализъ къ нареченной; снятія съ нею и виду не подадутъ, что замѣтили его, а тотъ будетъ миловаться, но опять-таки не больше....

На слѣдующій день (третій послѣ «пириши») является къ намъ *европеецъ* съ приглашеніемъ на чай и обѣдъ къ отцу. Но какъ тутъ быть?—«Хозяинъ» совѣмъ слегъ, пластомъ лежитъ, и я безотлучно при немъ: даю хину, кислую микстуру, прикладываю ледъ къ головѣ; на Хюсейна-же лечь нельзя, да и времени нѣтъ у него: начнеть растирать ему—по моему указанію—тѣло укусомъ, смотришь—гости, и онъ бросаетъ губку, беретъ за кальянъ для нихъ, разливаетъ чай, не то бѣжить въ кухню готовить подареннаго намъ тѣмъ же охотникомъ дикаго порося (котораго, къ слову сказать, только изгадилъ). Оставалось отказаться отъ чаю, а на обѣдъ пообщалъ быть, если полегчаетъ товарищу. Съ тѣмъ европеецъ и удался... Но, спустя часъ, меня уведомили, что приглашеніе на свадебный обѣдъ откладывается до завтра.

— Сегодня, пояснялъ посланецъ, *многолюдное собраніе можетъ обезпечить васъ*, завтра же, *спустя два часа по заходѣннн солнца, устроится для васъ почетный вечеръ* особо, на который будетъ приглашенно только нѣсколько почтенныхъ особъ, да армяне.

Эта отерочка пришла въ кстати, ибо съ «хозяиномъ»—хуже: силлѣй-

пій сухой жаръ, а испарины ничѣмъ не обнаружись, пока, наконецъ, не вспомнилось мнѣ одно оригинальное средство.

— Принеси, обратился я къ заселенному Хюсейну, два куска негашеной извести, оберни каждый особо въ слегка-смоченную въ водѣ тряпку, и положи подъ одѣяло, съ боковъ больного, вотъ такъ,—понимаешь?

— Понимаешь, закивалъ тотъ въ отвѣтъ головою, но, спустя нѣсколько минутъ, воротился и, растопыривъ руки, говорить:—Мая не пони-маешь..

Справилъ дѣло самъ; черезъ часъ, *сильно испотѣвшему* больному стало легче.... Но, экая досада! съ Хюсейномъ приключилась бѣда. Въ попыткахъ онъ поскользнулся, и кубаремъ слетѣлъ сверху внизъ по крутой лѣстницѣ,—окровавленная нога распухла горой! Теперь онъ ковыляетъ съ страдальческимъ видомъ, съ свинцовою примочкою на ней...

Въ девятомъ часу вечера, обычный гвалтъ возвѣстилъ обывателей о *церемониальномъ шествіи жениха въ баню*. Та же толпа съ фонарями и факелами, тѣ же тароватые выкрики фантастическихъ пинкешей на *праздники* и пр. и пр. Черезъ полтора часа женихъ возвратился съ тѣмъ же гамомъ въ домъ отца своего, и—на знакомой площадкѣ и во дворѣ начался пиръ-горою, не то что невѣстинь!..

Фантастическій видъ съ нашей крыши на пирующихъ!

Въ колеблющемся красномъ отблескѣ дымныхъ факеловъ рельефно рисуются то неподвижно сидящія, то медленно движущіяся черныя фигуры въ высокихъ шапкахъ; вотъ путиха, другая, третья молніею скользнули во тѣмѣ, взвилась ракета и тихо лошнула, другая запуталась въ нашемъ чинарѣ, третья, четвертая точно нырнули въ темную массу; подилась сумятица, гвалтъ и неистовый смѣхъ! Вѣрно, обожгла пирующихъ?..

Наконецъ, ликованье затихло; его смѣнилъ отрывистый плачъ шакаловъ, да неясный, точно сонный, говоръ неуловимыхъ фигуръ съ соседнихъ крышъ; гдѣ-то вдали слышится монотонное завыванье, съ призывомъ «Ал-ла»!..

Послѣдній огонекъ на площадкѣ погасъ, настала тишь кругомъ, а звѣздочки во тѣмѣ ярко мерцаютъ!..

Заглянувшій къ намъ, на слѣдующій день, полиціймейстеръ былъ не въ духѣ: европеецъ учинилъ вѣроятно на радостяхъ велій скандалъ.

— До того нализался, погодовала *власть*, что цѣлехонькую почъ пробушеваль на базарѣ: съ *ферраиами* *цаловался*, *меня стрипино выручалъ!*.. Еле-еле уложили его спать... Непремѣнно допесу губернатора!

— Шутить, у самого рыльце въ пушку! отозвался съ постели «хозяинъ».

— *Поэтому-то и нужно донести, что и я былъ съ нимъ пьянъ.*

— Зачѣмъ вы пьете? упрекнулъ я.

— *Пьемъ столько, сколько намъ даютъ..*

— *Намекъ на меня и армянъ.* улыбнулся тотъ...

Полиціймейстеръ посиѣвши къ хаджи-агѣ, все по тому же казусу; въ половинѣ осьмага ч. вечера, отправился и я къ пещу на званый обѣдъ въ сообществѣ всей армянской шестерни и арендатора съ исполнскимъ фонаремъ. Онъ встрѣтилъ насъ на освѣщенной тусклымъ *моле* *) площадкѣ необычайно радушными рукопожатіями, ибо... ибо еще никого не было, кромѣ все-еще насупившейся *власти*, визави которой мы и усѣлись, тутъ-же на новыхъ коврахъ, по персидски (за неимѣніемъ стульевъ).

Вопедніе одинъ за другимъ трое взрослыхъ сыновей хаджи-аги, въ томъ числѣ и *европеецъ*, занялись чаемъ для насъ; по самого виновника праздниества не было, такъ какъ, согласно обычаю. «*молодой* не долженъ ни кому показываться, даже не можетъ выходить изъ женинной компаніи въ теченіе трехъ сутокъ послѣ первой ночи брака», ибо, видите-ли, по тому же обычаю, «*ему очень—очень стыдно, особенно, матери и отца своего!*» По прошествіи же срока обязательнаго заключенія въ спальнѣ вкупѣ съ женою, онъ проведетъ дня два у отца ея, и затѣмъ уже вступить въ обыденную колею.

Обратившись къ хозяину дома, я пожелалъ молодымъ счастья, *многого же свѣтлаго*, какъ *очераиній фейерверкъ*, а ему *наслаждаться счастьемъ ихъ.*

— *Мой домъ всегда открытъ для васъ*, отвѣчалъ готъ слегка дрогнувшимъ голосомъ и, послѣ минутной паузы, продолжалъ: Если я не пригласилъ васъ вчера, то только потому, что считалъ ваше присут-

*) Персидскіе иружинные подовѣчники съ колпаками.

ствіе между шумѣвшею весь вечеръ *неважною* молодежью ниже достоинства вашего.

— Напрасно, напрасно, тутъ-то и представлялось обширное поле для наблюденій надъ правами! досадливо подумалъ я, расхваливая вслухъ *на славу удавшійся* вчерашній праздникъ его.

— Не дешево обошелся онъ мнѣ! не безъ самодовольствія отвѣчалъ тотъ. Молодежи собралось человѣкъ семьдесятъ, разбили мнѣ два баллона да четыре подсвѣчника...

Одна ракета *залызла въ шальвары къ почтенному хаджи*, сильно обожгла, еще больше напугала его; къ счастью, успѣли потушить ее.

— Гдѣ вы достали ракеты?

— Прислалъ въ подарокъ на свадьбу знакомый пушкаръ (артиллеристъ) изъ Бастама.

— Русскій фейерверкъ хорошъ, очень хорошъ! застѣчиво замѣтилъ лепечущій по русски армянинъ.

— Очень хорошъ! повторилъ за нимъ хаджи-ага (бывавшій по торговымъ дѣламъ и въ Тифлисѣ и въ Константинополѣ) и началъ-было рассказывать, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на султана праздникъ съ фейерверкомъ, заданный въ бытность его, хаджи-аги, въ Константинополѣ, нашимъ посломъ Игнатьевымъ, по случаю взятія Хивы, какъ вошелъ Зейналъ-Обединъ съ какимъ-то почтеннымъ муллою и, успѣвшись въ залѣ визави его, занялся взаимными привѣтствіями. Вотъ и всѣ тутъ гости.

Подали чай.

Необычайно болтливый сегодня, хаджи-ага нашелъ и въ немъ тему для разговора.

— Теперь, говорилъ онъ, въ Шахрудѣ найдется все, по когда я переселился сюда изъ Тавриза....

— Такъ вы уроженецъ Тавриза? спросилъ я.

— Да, и бѣжалъ съ роднаго города, какъ только Паскевичъ взялъ его... Тогда еще не имѣли здѣсь понятія ни о самоварѣ, ни о часахъ, а я привезъ съ собою то и другое. Приходить ко мнѣ наибъ: зачѣмъ это? удивлялся онъ, увидя самоваръ. Объяснилъ ему, угощаю чаемъ, — не шель:—Ты, говоритъ, дай мнѣ лучше такъ сахару....

Армяне хохочутъ.

— На дняхъ, перебиваетъ рассказчика полиціймейстеръ, я спрашиваю у одного любителя щеголять часами, не зная употребленія ихъ: «который часъ?» «Четыре» отвѣчаетъ. Замѣтивъ, что онъ не

такъ держитъ ихъ, заглядываю самъ,—было пять. «Пять, а не четыре», толкую ему. «У меня, говоритъ, на русскій манеръ».

Чалмоносцы снисходительно улыбнулись и почтительно повели съ хозяиномъ дова ученую бесѣду.

— *Вся русскіе*, слышался степенный голосъ его, *говорятъ по французски, французы по русски, но только не умѣютъ писать на этихъ языкахъ.*

— А какая разница между англичаниномъ, русскимъ и французомъ? поинтересовался почтенный Зейналъ-Обедия.

— *Французы смѣдуютъ древней вѣрь, русскіе и англичане нововѣй*, докторально поясняя тотъ.

Пока муллы смаковали изъ глубокаго кладезя познаній этого, слышущаго здѣсь за *умнѣйшаго и ученѣйшаго* (разумѣется, въ персидскомъ смыслѣ), хаджи, блудный сынъ его подсеѣлъ съ заискивающими ужимками къ полиціймейстеру, но тотъ и не взглянулъ на оскорбителя своего, а обратившись къ армянамъ, процѣдилъ съ раздражительною поткою узавлеченнаго самолюбія:

— Сегодня червадаръ привезъ *нечистую женщину* *); я посадилъ ее на другаго червадара, и отправилъ назадъ, потому что губернаторъ приказалъ мнѣ немедленно *выгнать изъ города всѣхъ развратныхъ, всѣхъ пьяницъ и воровъ, дозволивъ мнѣ рѣзать горло имъ* **)! Власть значительно покосилась на *европейца*.

— Ты рапортовалъ губернатору объ этой женщинѣ? спросилъ одинъ армянинъ.

— Я немедленно доношу ему обо всемъ! И тотъ опять покосился на приниженно-уживавшагося около него сосѣда, намекая тѣмъ, что и въ его почномъ дебоширствѣ уже извѣстно.

— Трусить европейца! шепнулъ мой толмачъ. Губернаторъ любитъ полиціймейстера *за умъ* (аккуратные выскешки тожъ), и, если онъ пожалуется ему, непременно покажетъ виновнаго самъ, или предоставитъ расправиться съ нимъ тому-же полиціймейстеру, *которому далъ право бить по пяткамъ*, а онъ шутать не любитъ, — вздохнетъ такъ, что въ-сколько дпей на ноги не встанешь!..

— Хочешь, устрою для тебя *тамаша*? улыбаясь, предложилъ мнѣ украдкой тотъ, справившись, о чемъ идетъ рѣчь у насъ.

*) Тайную проститутку.

**) Т. е. не церемониться съ нимъ.

— Ты и безъ того, какъ слышно, частенько дерешь! отвѣтилъ я, и продолжалъ, обращаясь къ толмачу:

— Но, вѣдь, въ пьянствѣ они не уступаютъ другъ другу?

— Это всѣмъ извѣстно, а свидѣтелей нѣтъ... Потому что, какъ ни просите, — *они не станутъ пить вмѣстѣ*, опасаясь доноса одинъ на друга.... Смотрите, смотрите, вдругъ захихикалъ онъ, указывая глазами на *европейца*, который въ это время втихомолку показывалъ пересмѣивавшимся армянамъ край рюмки изъ своего кармана, гримасничалъ въ сторону соперника... Не будь этого полиціймейстера, продолжалъ мой собесѣдникъ, насть, армянъ, сильно оскорбляли-бы здѣсь! Онъ, и только онъ, защищаетъ насть, наказывая тѣхъ, на кого мы пожалуемся ему.

— А паибъ?

— Ничего не дѣлаетъ! Всѣмъ распоряжается, всѣмъ заправляетъ онъ же, и благодаря ему въ городѣ спокойно, о воровствѣ почти не слышно, а случись что — сейчасъ отыщешь виновнаго: *хитрый человекъ!*

Польщенный съ одной стороны армяниномъ, съ другой — приниженностью *европейца*, полиціймейстеръ просіялъ и не преминулъ щегольнуть недавнимъ случаемъ изъ своей полицейской практики.

— На дняхъ — зацѣдилъ онъ — заявляетъ мнѣ одинъ кунецъ о пропажѣ у него изъ лавки десяти томановъ: — «Кто арендовалъ ее въ прошедшемъ году?» спрашиваю его. — «Такой-то», отвѣчаетъ. Иду къ нему и прямо говорю: «Тебѣ извѣстны всѣходы въ лавкѣ, деньги укралъ ты!» — Сразу повинился! — Я немедленно рапортовалъ объ этомъ губернатору, прося смягчить наказаніе виновному; онъ наградилъ меня и приказалъ: *«вмѣсто того, чтобы, по закону, отрубить руку вору, — проткнуть, съ поздравленіемъ ему веревочку съ сахарной головы и провести его по базару»..*

Разскапикъ самодовольно затыкнулъ кальяномъ, поданнымъ ему съ подобоострастною фамиллярностью какимъ-то черномазымъ субъектомъ совершенно не персидскаго типа.

— Кто это? — спросилъ я армянина.

— Нашъ слуга и поварь, — туркменинъ изъ Хивы. Служилъ онъ у Везинова, а когда лопнуло «Закасіиское товарищество», — перешелъ къ намъ.

— Предпочиталъ православныхъ своимъ?

— О, какъ суннитъ, онъ терпѣть не можетъ персовъ! Но, выдавая

себя за *шита* (за которого тутъ все принимаютъ его), — принужденъ маскироваться..

— Впрочемъ, во избѣжаніе оскорбленій и насилій, законъ дозволяетъ и шитамъ скрывать въру въ *неверныхъ мусульманскихъ странахъ*, т. е. между суннитами, напр. въ Турціи.

— О чемъ вы говорите? — поинтересовался, накурившись, полиціймейстеръ.

Армянишъ кивнулъ въ сторону туркмена:

— Ты, кажется, коротко знакомъ съ нимъ?

— Да.. вѣсть служили у Безмѣнова; я — лакеемъ, онъ — поваромъ... Помнишь червяка-то? — любовно улыбнулся онъ бывшему товарищу. Тотъ просіялъ и украдкою отъ чалмоносцевъ подселъ къ нему, а полиціймейстеръ продолжалъ съ рѣдкимъ самодовольствіемъ: — Однажды подаль я къ обѣду супъ съ большимъ червякомъ; Безмѣновъ взбѣсился. — «Я не виноватъ», говорю, «мнѣ такъ подаль поваръ». — «Позвать его!» — Приходитъ этотъ молодецъ. «Открой ротъ!» — Открылъ; Безмѣновъ сунулъ ему въ ротъ червяка и приказалъ проглотить.. проглотилъ. — «А теперь, говоритъ, наклонись!» — наклонился, и онъ вылилъ ему на голову весь супъ!...

При этомъ пріятномъ воспоминаніи бывшіе товарищи хохотали отъ души, хохотали такъ, что даже отвлекли отъ ученой бесѣды чалмоносцевъ, видимо гнушавшихся, подъ списходительными ужимками, общества на площадкѣ. Полиціймейстеръ понималъ это и, подмигнувъ намъ въ ихъ сторону, процѣдилъ, *по русски*, съ язвительной улыбкой:

— *Эт—т—та эт—та два да—рага...*

— *Два дурага*, — поправилъ туркмень, любовно заглядывая ему въ лицо.

— Что-о? переспросилъ я у армянина.

— Два дурака, — разсмѣялся тотъ.

— Два ду-рага, ду-рага, ду-рага.. твердилъ полиціймейстеръ, ловя мелькавшихъ вокругъ мотыльковъ.

Или хаджи-ага понялъ нелестный эпитетъ и опасался дальнѣйшихъ непріятностей, или же считалъ развязную веселость *власти, окупъ съ лакеемъ армянъ*, несоотвѣтствующею достоинству *почетнаго общества*, только онъ что-то поспѣшилъ закончить *почетный вечеръ*.

— *Если вы желаете ужинать, — приказывайте*, — обратился онъ ко мнѣ, выражая такую формою предложенія высшую любезность, какую только хозяинъ дома можетъ оказать своему гостю.

— Но мнѣ такъ *сладко* ваше общество, что ни къ чему другому по-
ложительно *не чувствую аппетита*, — угодилъ я, предоставивъ ему
распоряжаться сообразно своимъ привычкамъ, и тотъ спустился внизъ,
между тѣмъ какъ полиціймейстеръ уже полемизировалъ съ моимъ тол-
мачемъ по поводу его *высшей любезности*.

— *Ну ино говоритъ: ваша бла-а-родня, имно шесть толочить;
кушать готова!* настойчиво утверждалъ онъ.

— Не такъ — оспаривалъ оппонентъ, — а вотъ какъ: ваше благородье
имѣю честь доложить: ужинъ или обѣдъ готовъ.

— *Ваша благородня, франтъ пришелъ!* (вспомнилось ему что-то
изъ лакейской практики.)

— Не такъ, а вотъ какъ: ваше благородье, франтикъ пришелъ.

— Моя немножко по-руссека говоритъ.

— Я по русски немного говорю, — поправилъ его армянинъ, и улыб-
нулся мнѣ: — Смѣшно говорить по русски! Когда одинъ изъ нашихъ
заболѣлъ, мы пригласили лучшаго здѣшняго доктора; приходитъ съ
нимъ и онъ, и говорить намъ: «нашъ токтаръ очень мошеникъ»

Полиціймейстеръ опять ударился въ воспоминанія, рассказывая
армянамъ, уже по персидски, какъ однажды является къ его барину
одинъ обыватель съ просьбою поучить его по русски. — «Хорошо», согла-
шается Безмѣновъ, и заставилъ его выговаривать: «крам-крам-крамъ,
бам-бам-бамъ, крам-бам-були!» — «А что это значить?» — спрашиваетъ
тотъ. — «Это значить: какъ ваше здоровье?» — пояснилъ учитель....

Короче сказать, расходившійся полиціймейстеръ потѣшалъ *обще-
ство на площадкѣ* до упаду, что заражало даже степенныхъ чалмо-
носцевъ.

Однако, мои ноги, отъ непривычки сидѣть по персидски, отекли,
да и чувствуется прохлада, а *встать съ мѣста и походить было-бы
нарушеніемъ примчія!* Тянуть домой... Но вотъ снизу аппетитно по-
несло яствами.

Вошелъ хаджи-ага; за нимъ сыновья вмѣстѣ съ туркменопомъ внес-
ли шербетъ въ извѣстныхъ уже супникахъ, съ пальмовыми ложками,
на огромныхъ подносахъ, и, поставивъ ихъ на полъ, раскинули передъ
муллами бѣлоснѣжную скатерть, передъ армянами подстилку, полинялую,
рваную, по шелковую, на красной шелковой-же подкладкѣ, а мнѣ поста-
вили накрытый салфеткою подносъ, съ ложкою, ножомъ и вилкою; за-
тѣмъ, подавъ сперва имъ, потомъ намъ тазы и кувшины, для *лемана
омовенія рукъ*, внесли обѣдъ... конечно, далеко не похожій на обѣдъ

ихъ предковъ, передъ которыми цѣбликомъ ставились, изжаренные въ раскаленныхъ печахъ, быки, верблюды, лошади и ослы!

Полиціймейстеръ подѣлѣлъ къ мулламъ; армяне, составивъ свой кружокъ, предлагали мнѣ блюда въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ ихъ подали съ женской половины, а именно: 1) *шербетъ* изъ уксуса, мяты и сахару (не по вкусу мнѣ); 2) *кисло-солоноватое, молочное питье*, тоже со льдомъ (пріятно прохладительное); 3) испанское блюдо съ *разсыпчатымъ* (превкуснымъ) *пловомъ*; 4) *котлеты*, въ видѣ маленькихъ лепешекъ; 5) длинныя котлеты, въ видѣ маленькихъ сразъ, обернутыя въ *лавашъ*; 6) шинать на кислое молоко, превкусный, и 7) *боданджаны* (баклажаны) въ трехъ видахъ: *кисленькіе*, *присные* на маслѣ и въ кислой сметанѣ,—очень вкусны! Соли вовсе не было, *лавашъ* замѣнялъ *салфетки*, руки—ножи, вилки, ложки.

Почтенные муллы точно священнодѣйствовали надъ пловомъ, деликатно загребая его пальцами и отиравая въ ротъ, не проронивъ ни единого зернышка, между тѣмъ какъ полиціймейстера просто претить безъ водки.

— *Есть шамлыкъ, есть вино, — это хорошо, а это?* презрительно гримасничалъ онъ весь обѣдъ, за которымъ послѣдовало *омовеніе и утираніе ртовъ*.

Не дожидая, пока чалмоносцы накурятся, я а за мной и армяне—встать проститься; въ распахъ захваченный, хаджи-ага чуть не выронилъ кальяна, послѣшно передавая его собесѣду, и, выйдя къ намъ, на этотъ разъ пожалъ всѣмъ руки?

Уже 12-й часъ. Я только что успѣлъ, по обыкновенію, на площадкѣ, какъ бѣшеный гвалтъ подъ самымъ ухомъ разбудилъ меня. Не врываются ли къ намъ? спросонья спохватился я.

— Третья свадьба!—успокоилъ товарищъ — Теперь пойдетъ ихъ много.

— Найдется-ли въ жизни правдолюбныхъ болѣе шумный праздникъ?

— Развѣ только канунъ «курбана», справляемый мѣстами съ большимъ бѣснованіемъ. Тутъ и вожаки обезьянъ и медвѣдей, фокусники и плясуны въ женскихъ юбкахъ, ораторы, поэты и балясники, кулачные бои и дервиши съ опроверженнымъ тѣломъ отъ нанесенныхъ самимъ себѣ князьями ранъ, *во славу пророка и Али*. Затѣмъ приводятъ на площадь нѣсколько преступниковъ, которымъ, согласно обычаю, да-

руется, съ необыкновеннымъ триумфомъ, помялованіе, и праздникъ кончается.

Долго еще неслись крики съ хлопаньемъ въ ладоши, пла стрельба и взрѣдка видѣлись неудачныя ракеты.

XXXVIII.

Съюція и палачи. У намба и смерть его. Похороны и на кладбищѣ.

У новаго намба.

На слѣдующій день «хозяинъ» выглядѣлъ уже молодцомъ и ужиналъ въ моей комнатѣ съ завиднымъ аппетитомъ. Дувшій съ самаго полудня сильнѣйшій вѣтеръ завывалъ по улицамъ, гудѣлъ во дворѣ, громы-халъ нашими дверьми и открытымъ окномъ, подымалъ пыль, гася свѣчи и разстраивая нервы. Вдругъ отчетливо, какъ по темпу, послышались удары по чему-то эластичному, а за ними надрывающіе душу стоны и крики.

— Полиціймейстеръ производитъ *сыюцію* и, судя по тому, что «тахть дарога» *) въ пятидесяти шагахъ отсюда, — должно быть очень чувствительную! отвѣтилъ товарищъ на мой вопросительно-удивленный видъ, предлагая взглянуть на это битье палками по пятамъ съ крыши караваль-сарая.

Пробравшись къ чишару, мы стали на краешекъ ся. Кругомъ полумракъ; внизу, передъ «полицейскимъ присутствіемъ», трепетно горѣлъ тусклый фонарь, чу-уть освѣщая фигуру съ тридцать любителей *тамана*, на короточкахъ, въ кула-памади, и между ними полиціймейстера въ смушковой шапкѣ; передъ этою-то почтенною публикой и проходила на крошечной площадкѣ рельефно выдававшаяся возмутительная сцена: двое ферраней всѣмъ туловищемъ пали на грудь *несчастнаго*, лежавшаго на словѣ друтъель, со вздернутыми подъ прямымъ угломъ но-

*) Присутственное мѣсто полиціймейстера.

гами, по шиколотку вдѣтыми въ замысловатую петлю по срединѣ песта, за концы котораго держало двое другихъ феррашей, поврежденныя приподымая ихъ такъ, что спина *несчастнаго* выгибалась дугою, между тѣмъ какъ еще двое полицейскихъ служителей съ размаху полосовали ему пятки длинными прутьями съ палецъ толщиною.

Уже выступили кровавые рубцы. Стоны его и моляба о пощаду тронули-бы камень, но полиціймейстеръ и зрители безучастны, обычно-апатичны къ привычному зрѣлищу!

Послѣ двадцати-минутной пытки, *несчастный* еле-еле поднялся со стенами и уналь; оилтъ приподнялся-было, но идти не могъ; шатаясь, безпомощно поползъ и скрылся во мракѣ ночи...

Далѣе послѣдовала такая-же расправа съ другимъ виновнымъ или — что вѣроятнѣе — жертвою неудовлетворенной корысти и иныхъ страстишекъ властей. Мы ушли.

— А жепиниъ наказываютъ? — спросилъ я «хозяйина».

— Какъ-же. *За проступки бьютъ палками по рукамъ, а за преступленіе — сажаютъ, изъ скромности, въ мышокъ, завязываютъ его надъ головой, иногда на шею несчастной, и мунятъ ее палками по челу пошло, но преимущественно по заднему мысту.*

Затѣмъ «хозяйинъ» коснулся заключенія арестантовъ, которыхъ, обыкновенно, *запрѣпляютъ въ колодки, по 4—5 человекъ въ каждую, или сажаютъ сворою на тяжелую цѣпь, не заботясь о прочности арестантской, иногда — какъ напр. у здѣшняго полиціймейстера, — просто пустой лавчонки, или, какъ у губернатора, — амбара при его дворцѣ.* Въ Тавризѣ, Испаханѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ центрахъ устроены при «тахтъ-дарога» подземелья; въ Тегеранѣ, помимо того, есть даже, такъ называемая, *правительственная тюрьма для тяжкихъ преступниковъ*, — обширный, сводчатый подвалъ, съ крѣпкими запорами и врядъ-ли надежною стражею, но тюремъ въ европейскомъ смыслѣ въ Персіи не существуетъ; за то она щеголяетъ *мирказабамъ* (палачами), которыхъ у одного шаха *сорокъ съ мирказабъ-башей* во главѣ! Они совершаютъ смертную казнь, рѣжутъ уши, руки, пальцы, но не *унижаютъ до мунки палками по пяткамъ*, предоставляя такое обыкновенное дѣло феррашамъ, *хотя шестъ съ известными петлями*, въ кои продергиваются ноги наказываемаго, *хранится у нихъ.*

Содержаніе *мирказабъ-башы* получаетъ всего по три ерана и по три батмана пшеницы на день, да верхній костюмъ въ годъ, а денегъ

у него, какъ говорятъ, куры не клюютъ, ибо *повелитель* скажетъ *мирказабъ-башки*: «поди и удуши такого-то».—Онъ идетъ и получаетъ отъ осужденнаго сотню, тысячу и болѣе томаковъ, *лишь бы только отстрочилъ ему казнь на часокъ...* Тѣмъ временемъ пріятели ходатайствуютъ за несчастнаго передъ шахомъ, и, случается, не безуспѣшно. .

Прочимъ *мирказабамъ* отпускается по *панабату* *) и пол-батмана пшеницы въ день, по верхнему костюму на годъ и во время дежурствъ — *столъ съ царской кухни*, но только въ тѣ дни, когда царь не обѣдаетъ въ гаремѣ; безъ сомнѣнія, они пользуются тоже доходами.

Въ Тавризѣ, Испахани, Мешхедѣ и другихъ большихъ городахъ имѣются свои палачи; въ Шахрудѣ же мелкія казни исполняются феррашами.

Правительственные *мирказабы* вербуются больше изъ завѣдомыхъ негодяевъ, и то *помило воли ихъ*, между тѣмъ какъ ни одинъ мусульманинъ не считаетъ позорнымъ для себя убить человѣка по рѣшенію духовнаго суда, и въ этомъ случаѣ палачемъ является, по шаріату, *наследникъ крови*, т. е. ближайшій родственникъ убитаго....

Неожиданно вошедшій полиціймейстеръ прервалъ нашу бесѣду.

— За что съѣкъ?—спросительно улыбнулся ему «хозяинъ».

— Одного—за покражу изъ лавки 17 кранъ... Да вотъ это нашелъ въ карманѣ у него: видно тоже краденое!—выло процѣдаль тотъ, показывая намъ вынутую изъ ситцеваго кошелька малевькую связку, съ двумя серебряными колечками съ бирюзой, и *сердоликовыми, крулыми и продолговатыми, съ оидъ сердечка, именными печатками*.

— А другаго?

— Пыталъ.

— Что-о? переспросилъ я.

— *Выпытывалъ подѣ памами сознаніе тоже въ воровствѣ.*

— Ну?

— *Заплатилъ пропавшую сумму, следовательно призналъ себя виновнымъ.*

— Большая сумма?

*) 15 коп.

— *Шесть кранъ.*

— *Вотъ вамъ и правосудіе!...*

На слѣдующій день «хозяину» было совсѣмъ хорошо, Хюсейну лучше; у меня же слегка разстроился желудокъ, начался неспосный насморкъ, вѣроятно, отъ *почетнаго вечера* и легкій взваръ, дополнившій собою все еще сильныя слѣды отъ астерабадскаго; впрочемъ, онъ не держится здѣсь долго. Эти неизбѣжныя непріятности не помѣшали намъ однакоже отправиться около 5. ч. по полудни съ визитомъ къ панбу Исмаиль-Хану, конечно, не безъ арендатора и, для пущей важности, ветхаго старца. Несмотря на $+30^{\circ}\text{R.}$, мой товарищъ окутался, подъ впечатлѣніемъ вынесенной болѣзни, въ два пальто, что, безъ сомнѣнія, и ведетъ къ простудѣ: спотѣетъ, распахнется, его охватитъ сквознымъ вѣтромъ,—вотъ и вся недолга!.. На поворотѣ въ пустынный, замкну-тый низкою скалою, переулочекъ насъ сумрачно встрѣтило двое ферраншей наиба, въ пропотѣвшихъ кула-намади, изношенныхъ синихъ архалукахъ, бѣлыхъ бумажныхъ башмакахъ на босу ногу и съ испо-лицескими огурцами въ окрашенныхъ рукахъ; не оставляя грызть ихъ, они согласно этикету, подушевивъ насъ къ себѣ шаговъ на шесть, по-шли впередъ, какъ-бы указывая дорогу къ единственнымъ тутъ воротамъ уединеннаго и очень-очень скромнаго жилия градоправителя: посреди внутренняго дворика низенькая пасынь въ 5 квадратныхъ сажень, прикрывающая, по увѣренію моего товарища, водохранилище; передъ нею яма такихъ-же размѣровъ, съ нѣсколькими пучками любимой ту-земцами зелени; вправо у стѣны какой-то амбарчикъ, не то кухни, а прямо—одноэтажная мазанка, съ тремя комнатками въ рядѣ: среднюю, спереди открытою и сообщающимися съ цѣю низенькими дверьми, боко-выми съ подъемными рамами, молкія рѣшетки коихъ были заклеены масляною бумагою или миткалемъ: стекла-то, видно, не по карману. Въ пяти шагахъ напротивъ лѣвой комнатки, въ полу-приподнятую раму которой видѣлся наибъ въ сообществѣ трехъ бородачей суровой на-ружности, торчала на высокихъ ножкахъ безобразнѣйшая деревянная нара двухсаженной длины, саженой ширины, съ перильцами въ 5 верш-ковъ высоты и лоскутомъ волнистаго тикю на ней, поверхъ войлока.

Мы подошли къ средней комнатѣ, передъ которою толпились ду-кера, ферранши и просители—все въ одинаковыхъ костюмахъ. Спуста минуту вышелъ наибъ съ полиціймейстеромъ сзади и, не подавая

намъ руки (какъ и подобаетъ *благочестивому*, особенно въ *присутствіи* подчиненныхъ), справился о здоровьи и пригласилъ насъ не въ комнату, а на пару. Вскрабкались! Сперва «хозяинъ» безъ башмаковъ, потомъ—я, съ помощью обязательно подставленныхъ мнѣ полиціймейстерскихъ плечъ, и усѣлся въ сапогахъ на перила ея, затѣмъ по безъ усилий вползъ самъ градоправитель, босой, съ темно-оранжевыми ногтями.

Полиціймейстеръ безмолвно стоялъ у пары; башмаки на немъ изорваны, архалукъ истасканъ, видъ угрюмо-подначальный..

— Ишь лазаря корчитъ! замѣтилъ, въ скобкахъ, мой товарищъ, вторично обмѣниваясь съ *хозяиномъ дома* утонченными любезностями.

— Передайте и отъ меня—давно, молъ, жаждетъ лицезрѣть... началъ было и стереотипную сладость привѣтствія, какъ во дворъ вошли мясники, видимо, въ возбужденномъ состояніи. Полиціймейстеръ заговорилъ съ ними шепотомъ; тѣ возражали все громче и громче..

— Третій день мучаютъ меня изъ за цустяковъ! обратился къ намъ наибъ, раздражительно прикрикнувъ на челобитчиковъ и приказавъ феррашамъ выгнать ихъ.

— Въ чемъ дѣло? поинтересовался я.

— Мясники обязаны платить полиціймейстеру, какъ арендатору базара, съ *каждаго зарѣзаннаго барана*—*шкуру или по 15 к.*; по какъ тутъ услѣдить за ними, когда хлюпоть у него подонъ ротъ? И онъ сдалъ всѣ рѣзницы (или мясныя лавки) *на откупъ* одному изъ нихъ. Остальные трое недовольны: отдай намъ—требуютъ они,—мы заплатимъ ту-же цѣну. — Уже сдашь,—отвѣчаютъ имъ; но тѣ не унимаются, все еще рассчитывая тронуть совѣсть *благочестиваго градоправителя*..

Арендаторъ подалъ намъ по стаканчику до приторности сладкаго и какъ кипяткъ горячаго чаю; градоправитель, *проглотивъ свой въ два приѣма*, сталъ жаловаться на нестерпимую боль въ костяхъ рукъ по ночамъ и еще на какую-то болѣзнь, отъ которой помогаетъ ему *лекарство*.. «Какъ его звать-то—забылъ! Ну, вотъ «что шипить», досадливо завертѣвъ онъ пальцемъ въ воздухъ.

— Сода! — подсказалъ «хозяинъ».

— Да, да,—дайте мнѣ еще... Заплачу.

— Хорошо, пообѣщалъ тотъ, замѣтивъ мнѣ, что слово «заплачу» приплетено тутъ такъ себѣ, пожалуй ради приличія, но отнюдь не съ намѣреніемъ дѣйствительно заплатить..

Исторія съ мясниками доставила мнѣ предлогъ свернуть разговоръ на подати (уже не представляющія для читателя интереса новизны), и отсюда перейти къ воинской повинности.

— Шахрудцы — переводилъ «хозяинъ», за исклю ченіемъ дворянъ, духовенства и другихъ привилегированныхъ лицъ, *выбираютъ между собою для низама* (регулярнаго войска) *по одному изъ шести..*

— Руководствуясь опредѣленными постановленіями?

— Никакими! берутъ, просто, бѣдняковъ, которые и *тянутъ лямку, пока они держатъ*, т. е. безсрочно; причеиъ въ мирное время пользуются черезъ годъ, иногда—два и три, смотря по обстоятельствамъ, *годичнымъ отпускомъ*. Бастамо-шахрудская губернія выставляетъ всего одинъ полкъ въ 800 *) (иногда и до 1000) человекъ, и тотъ куда-то вышелъ отсюда, такъ что въ губернаторской резиденціи остается теперь всего 30—40 чел. артиллерійской прислуги при трехъ орудіяхъ, да и тѣ исключительно заняты съ мѣстною милиціею (туфенджии) конвоированіемъ богомольцевъ и каравановъ.

Мѣстная милиція состоитъ изъ 200 конныхъ поселянъ, или, какъ величаютъ ихъ тутъ, *осадниковъ*, и 50 пѣшихъ, подъ громкою кличкой, *стрѣлковъ*; первымъ *полагается*, помимо фуража и шеницы, 16 томановъ въ годъ, вторымъ, помимо шеницы,—7 томановъ, и всѣ они *освобождены отъ податей и избавлены отъ придиорокъ полиціи-мейстера*. Положимъ, жалованье уплачивается имъ такъ туго, что, *за послѣдніе 1¹/₂ года одни получили всего по томану, больше счастливые—по три*; но льготы, дѣйствительно, заманчивы, и многіе обыватели даже домогаются попасть въ число *туфенджии*, тѣмъ болѣе что *наемъ за себя друаго* на время исполненія тяжелой обязанности конвоирования—*не возбраняется*, да и конвоировать-то приходится каждому не болѣе раза въ мѣсяць.

Конвой — изъ 50 *осадниковъ*, 25 *стрѣлковъ* и одной пушки, при 12 чел. прислуги, поджидаетъ въ опредѣленные дни богомольцевъ и товарные караваны въ одномъ изъ двухъ, по назначенію губернатора, сборныхъ пунктовъ: или, по обыкновенію, въ караванъ-сараѣ «Хейр-абадъ», и тогда утомительный переходъ отсюда до мѣстечка «Мейамей» совершается сразу; или же — въ деревушкѣ «Бедештъ», и въ такомъ, теперь рѣдкомъ, случаѣ оолво длинный путь до него облегчается двух-

*) По узнренію нааба, такихъ, сформированныхъ по провинціямъ, полковъ въ Персіи 105, чему, по замѣчанію моего товарища, *позволительно не вѣрить*.

дневнымъ переходомъ. *Оказіи* идетъ, обыкновенно, ночью въ слѣдующіе порядкѣ: въ авангардѣ — пять стрѣлковъ, то пѣшкомъ, то на своихъ осликахъ затѣмъ, пушка съ прислугой, двадцатью-пятью *осадниками* и двадцатью *стрѣлками* прикрываетъ нерѣдко тысячную толпу богомольцевъ, по сторонамъ которой ѣдетъ по пяти всадниковъ; въ аррьергардѣ—пятнадцать.

Въ караванъ-сарай «Міянденти» она встрѣчается съ *мезинанскою оказіей*, т. е. съ возвращающимися съ богомолья, подъ охраною мезинанскаго конвоя, который и доставляетъ шахрудскую партію въ городокъ или мѣстечко «Мезинапъ», Себзеварской губерніи (откуда дальнѣйшій путь уже безопасенъ), а шахрудской конвой провожаетъ «мешехди» до «Хейр-абада» и затѣмъ возвращается во свояси, занимаясь между службою, обыкновенно, червадарствомъ, т. е. перевозкою вьюковъ и т. п.

Въ настоящее время, когда набѣги туркменъ пріутихли, большіе верблюжьи караваны и даже болѣе отважные богомольцы стали ходить безъ конвоя, чему, однако, губернаторъ противится теперь, разрѣшая это только тѣмъ, *кто письменно обязывается не представлять никакихъ претензій въ случаѣ несчастія...*

Далѣе наибъ коснулся дворянъ, которые служатъ «только по своей охотѣ».

— А въ Россіи—всеобщая воинская повинность, и дворяне составляютъ «сливки войска», «ядро плода»! — перебилъ его «хозяинъ», и пошелъ-пошелъ патріотически изливаться.

— *Какъ ты зрѣло разсуждаешь!* благоговѣнно удивлялся ему тотъ, вообще сочувственно относясь къ заманчиво-обрисованнымъ русскимъ порядкамъ, хотя, какъ *благочестивый человекъ*, и враждебно относится къ нововведеніямъ въ Персіи.

Арендаторъ подалъ намъ по мишлаторной чашечкѣ очень крѣпкаго и какъ сырому сладкаго, густаго кофе. Прислуживая съ комическою торжественностью, этотъ *туфенджи* почтительно-самодовольно вѣшивался въ нашъ разговоръ, пилъ чай, курилъ кальянъ, между тѣмъ какъ полиціймейстеръ стоялъ тутъ-же оплеваннымъ, не отвѣчаясь безъ приглашенія даже курнуть.

Выпивъ кофе *затомъ*, начальникъ его въ задумчивости проговорилъ:

— *По волю шаха, и у насъ солдатъ можетъ выслужиться до офицера....* Самъ Надиръ-шахъ изъ солдатъ! — И, точно оскѣпшій, смолкъ.

Дальше разговоръ не клеился. Подали еще по стаканчику чаю; затѣмъ сейядъ и двое муллъ, вдосталь наглядѣвшись на «кяфировъ» въ подъемную раму гостипой (съ тѣмъ, вѣдь, и пожаловали они), сползли съ «техти» *) средней комнаты на земь и, слегка поклонившись хозяину дома какъ-то бочкомъ (на что тотъ отвѣтилъ едва замѣтнымъ кивкомъ), ушли; простились и мы, предупредивъ полиціймейстера, что отсюда пройдемся немного по аллеѣ богомольцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ опъ уже шелъ рядышкомъ съ нами, изподлбля высматривая добычу по сторонамъ и, завидѣвъ какого-то *райети* на осликѣ, крикнувъ ему остановиться; тотъ, едва сдерживая упрямое животное, растерянно зашарилъ въ карманахъ у себя и, подбѣженный потокъ угрозъ *власти*, подаль ей кранъ: та успокоилась.

— *Райетъ*—поспиль «хозяинъ» эту сцену, продолжая со мною прогулку—сбылъ сегодня въ городѣ свою послѣднюю лошадедку, за что слѣдовало уплатить полиціймейстеру, какъ арендатору базара, *два крана пошмины*, но у бѣдняка оказался на лицо только кранъ; другой—опъ пообѣщаль внести послѣ, а вмѣсто того—видно туго пришлось!—поспѣшилъ домой. Вотъ и вся тутъ вина!..

Отставній полиціймейстеръ догналъ насъ, но уже на отличномъ сѣромъ аргамакѣ; онъ спѣшалъ по какому-то важному дѣлу въ Бастамъ, и, простившись съ нами, поскакалъ по пыльной аллеѣ, преуморительно болтая широко-растопыренными на паламѣ (безъ стремянъ) ногами.

Когда мы возвращались домой по многолюдному базару, знакомые и незнакомые, почтительно сторонясь, привѣтствовали насъ, дѣлая жестъ какъ-бы подъ козырекъ, а тучный хаджи Абу-Талибъ, величаво перескакивавшійся рядышкомъ съ своимъ длиннымъ пріятелемъ хаджи Абдулъ-Касымомъ и шеголеватымъ братомъ бастамскаго *мустанфи*, хаджи Сулейманомъ, снизошелъ даже до того, что преподнесъ мнѣ два, достаточно-помявшихся въ его рукѣ, персика, отъ которыхъ я, однакоже, скромно отнѣкивался; тотъ внушительно настаивалъ безъ словъ, тыкая ихъ мнѣ подъ самый носъ; «хозяинъ» *усовѣщивалъ*: печого дѣлать, пришлось *удовлетворить требованіямъ персидской вѣжливости*, и хаджи величественно продолжалъ шествіе посреди базара. Экъ—наибъ, сидя бесѣдовавшій у лавчонки, вѣроятно съ владѣльцемъ ея, фамиллярно кивнувъ намъ головою.

*) Выступъ или платформа передъ комнатою.

— Показывает базару на свою короткость съ нами, — замѣтить «хозяинъ».

Короче сказать, ко мнѣ относятся теперь такъ, какъ только могутъ относиться персы къ иновѣрному купцу, насчетъ котораго разсчитываютъ изрядно поживиться. За то и надѣдають же они! Не успѣешь придти домой, какъ то тотъ, то другой уже лѣзетъ къ вамъ, точно къ себѣ...

Спустя дня два послѣ свиданія съ почтеннымъ градоправителемъ, наше жилище огласилось рѣзкимъ крикомъ впервые при мнѣ взбѣшеннаго «хозяина» на Хюсейпа, за его стачку съ мясникомъ; тотъ оправдывался, пренаивно увѣряя, что доставленная имъ сегодня баранья туша вѣситъ на четверть меньше означеннаго количества въ книжкѣ потому, что *испарилась отъ жары*.

— Штками заплатишься за плутни! продолжалъ сердиться «хозяинъ», спустившись въ открытую угловую комнату караванъ-сарая къ своимъ тремъ баранамъ, стоявшимъ тутъ, понуря головы, надъ большими *кожаными* чашками безъ капли воды.

Въ это время одинъ изъ здѣшнихъ охотниковъ подалъ ему двухъ подстрѣленныхъ дикихъ поросятъ.

— Bravo! — улыбнулся я.

— Это что-о! — Однажды онъ притащилъ мнѣ цѣлаго кабана, пудовъ въ восемь.

— И въ прѣкъ?

— Какъ же! Подъ моимъ надзоромъ, слуга съ пукерами обожгли его, надѣлали окороковъ, колбасъ, копченато сала...

— А затѣмъ отправились въ баню?

— Конечно, *ибо въ ней отмывается всякая погань*... Теперь, продолжалъ «хозяинъ», подымаясь наверхъ, они у меня уже попривыкли къ свиначесму запаху, но сначала положительно не выносили его. Разъ привезъ я изъ Баку окорокъ и велѣлъ приготовить ячпичу съ ветчиной; слуга упротилъ находившагося тогда при мнѣ артельщика поджарить ее, а самъ — тягу изъ кухни! Потомъ, кичего — свыкся: *не то-ли-ко-то жарилъ свинину, но и жаралъ тайкомъ*..

— «Хозяинъ» — перебилъ моего собесѣдника вошедшій впопыхахъ какой-то бѣдный обыватель, — ищи скорѣе *мустафъ* счетъ долговъ на наиба!

— Тебѣ что до того?

— Онъ умеръ въ Бастамѣ.

— Умеръ?

— Да, да!.. Вчера отправился по дѣламъ къ *Шах-Заде*, а сегодня вдругъ свалился съ ногъ,—говорять, отъ *задержанія ночи*..

— И его привезли сюда?

— Нѣтъ, похоронили тамъ-же въ склепѣ, черезъ два часа послѣ смерти, потомъ увезутъ въ Мешхедъ..

— Тутъ что-то неладно! замѣтилъ я.

«Хозяинъ» пожалъ плечами:

— Вы подозрѣваете отраву? Можетъ быть.. Въ Азіи она въ ходу, а у намба были сильные недоброжелатели.

— Тѣмъ болѣе, что похороны совершены съ такой поспѣшностью

— Это-то, положимъ, по обычаю. *Трупъ считается погнѣнымъ, пока не омоется на кладбищѣ*, поэтому-то и спѣшать *очистить* его, затѣмъ предають землѣ.

— Вѣроятно, *первѣно живьемъ*!

— Конечно..

По городу пошли толки о покойномъ, суды и пересуды; говорили, что онъ много долженъ; что *мѣста его домогаются многіе, болѣе удобные для губернатора, люди*. Кстати пришелъ полиціймейстеръ, на этотъ разъ злѣбно взволнованный и, не глядя на насъ, процѣдилъ:

— *Помѣлъ намѣ въ мѣру винограду и скоростипжско умеръ*.

— Жаль,—добрый, не глушій былъ человѣкъ..

— О, очень уменъ: «не съумѣеть двумъ осламъ корму задать!» угрою возразилъ тотъ.

— То-есть: не съумѣеть никакого дѣла разсудить,—пояснилъ «хозяинъ» эту персидскую пословицу.

— Напримѣръ—продолжалъ полиціймейстеръ: третьяго-дня приказываетъ мнѣ освободить изъ-подъ ареста одного мясника, а вчера, петрѣтившись съ нимъ на базарѣ, набросился на меня: какъ ты «смѣлъ, говорить, выпустить его!»—Разругалъ насъ обоихъ и велѣлъ снова запереть его..

— Исмаиль — хапъ держалъ себя съ подчиненными высокомерно, вотъ почему *дарога* и злится на него, — замѣтилъ мнѣ «хозяинъ». — Помните, во время нашего визита, онъ не только не пригласилъ его садиться, не угостилъ чаемъ,—*даже посылалъ его, какъ слугу въ модскую за камьяномъ*..

— Кто назначенъ на мѣсто покойнаго?

— Узнаемъ только по *прошествіи трехъ сутокъ*, пока будутъ справлять поминки по немъ, а до тѣхъ поръ городъ останется безъ *городничаго*.

— *Па-ра-цай!* кивнулъ мнѣ полиціймейстеръ, сунувъ въ карманъ наскоро составленный «хозяйномъ» счетъ долгу покойнаго, всего-то на 25 кранъ, для передачи *мустафт*, и поспѣшилъ въ Бастамъ..

Въ шестомъ часу вечера пришелъ арендаторъ съ предложеніемъ, не желаю-ли я взглянуть съ крыши караванъ-сарая на *бдныя похороны*?

— Кто умеръ?

— Дѣвушка...

Вчера схватила ее, судя по разсказу, холерина; помощи — никакой, и вотъ, часа два тому назадъ, она отправилась за набобомъ.

Мы стали на краю крыши, визави «тахтъ-дарога», въ сторонѣ отъ котораго уже сидѣли на землѣ пять-шесть любителей «тамаша». Не прошло и минуты, какъ изъ-за угла сосѣднаго переулка показалась похоронная процессія, и торопливо, точно на рыскахъ, прошла мимо насъ. Трое переднихъ участниковъ ея несли на головахъ своихъ по подносу, съ *рисомъ, сладостями и сахарною головою* для поминковенія покойницы на кладбищѣ; за ними — мулла «мурдепуръ» (*обмыватель усопшихъ*) пѣлъ учащеннымъ речитативомъ молитву, захлебываясь отъ спѣшной ходьбы; далѣе, кажется четверо, несли узенькій, грубо-сколоченный язь досокъ, погребальный ящикъ (безъ крышки), съ придавленною жердочками, въ уровень съ краями его, обернутою въ синюю чадру покойницею, за которою ревя-ревли, т. е. справляли обязательный *таазіе* (плачь по мертвымъ), двое-трое изъ родни, конечно, мужской, *такъ какъ женщины не участвуютъ на похоронахъ*. Зѣваки, точно не замѣчая мимо-проходившей процессіи, ни малѣйше не измѣнили своего безсмысленно-созерцательнаго положенія...

Согласно постановленіямъ *шаріата*, хоронить слѣдуетъ съ *поспѣшностію* лишь тогда, когда трупъ совершенно остылъ и не остается сомнѣнія въ дѣйствительной смерти, *но скоростизжно умершихъ*, предписывается *держатъ непогребенными до трехъ дней*, — конечно, если они за это время не подвергнутся разложенію.

Какъ только покойникъ (или покойница) остынетъ, къ нему являет-

са *мурдешуръ* съ помощникъ мѣ и, взойдя на крышу дома, плавно выкрикиваетъ соотвѣтствующую скорбному обстоятельству молитву, по которой обыватели узнаютъ что кто-то умеръ. Окончивъ ее, покойника обнажаютъ, надѣваютъ на него спитую изъ бумажной матеріи поясную рубаху, въ формѣ мѣшка, безъ рукавовъ и съ прорѣзомъ для головы; ноги и остальную часть тѣла обертываютъ въ каленкоръ, голову—въ житкаль, дѣлая три-четыре оборота, наподобіе чалмы, и, посыпавъ при сгибахъ погъ и рукъ камфорой, всего завертываютъ слегка въ кусокъ полотна съ простыню, концы коей завязываются надъ головою и подъ пятками у него, а края по длинѣ остаются свободными сверху его; затѣмъ покойника укладываютъ въ погребальной ящикъ и несутъ на плечахъ, покойницъ—на опущенныхъ нѣсколько впередъ рукахъ въ *умывалницу*, какъ называется мой толмачъ кладбищенскій домикъ *мурдешури*, для омовенія труповъ; причемъ каждый изъ участвующихъ на похоронахъ старается пронести гробъ хоть нѣсколько шаговъ.

Богачей хоронятъ со знаменами впереди, гибкіе мечи коихъ украшаются на этотъ разъ платками; далѣе слѣдуютъ въ извѣстномъ уже порядкѣ двѣнадцать человекъ, съ подносами надъ головами, нѣсколько муллъ и пр., и пр. Когда погребальная процессія приблизится къ кладбищенской *умывалнице*, гробъ вносятся въ нее, и *мурдешуръ*, раздѣвъ покойника, приступаетъ къ омовенію: обливаетъ ему водою голову и, вымывъ ее, моетъ, съ мыломъ, сперва одну сторону тѣла, потомъ—другую, окачиваетъ его водою съ камфорой, насухо вытираетъ простынею, снова одѣваетъ въ саванъ и укладываетъ въ тотъ-же гробъ, который, вслѣдъ затѣмъ, выносятся на кладбище и ставится на землю, головою покойника—къ востоку, бокомъ—по направленію Мекки, а мулла пинъ-намазъ читаетъ соборне молитву за новопреставившагося и всѣхъ похороненныхъ тутъ. Отсюда процессія медленно направляется къ могилѣ и—какъ ни близка она—останавливается три раза, на минутку опускаетъ гробъ на землю, дабы тѣмъ сколько нибудь задержать путь къ пей... Ибо, по вѣрованіямъ шіитовъ, душа окончательно оставляетъ плоть умершаго только въ слѣдующую за похоронами ночь, а до тѣхъ поръ онъ еще чувствуетъ, и вотъ они *причинаютъ его къ страсти быти погребеннымъ...*

Дошлись, наконецъ, или—до «сердаба», какъ называется *надземный склепъ*, для временнаго помѣщенія усопшаго, кости котораго перевозятся современемъ въ одинъ изъ священныхъ городовъ, смотря по завѣщанію, или же—до *постоянной могилы*, мелкой, съ вырытою въ

ней канавкою, по выраженію «хозяина» — нишей, для бѣдняка, не оставившаго по себѣ пужной суммы на таковую перевозку праха своего; въ послѣднемъ случаѣ, покойника вынимаютъ изъ гроба и, опуская ногами впередъ, укладываютъ въ нишѣ *на бокъ*, лицомъ къ Меккѣ, въ первомъ—*на спину*; затѣмъ разлизываютъ концы простыни надъ головой и подъ пятками и кладутъ около него двѣ палки, въ $\frac{3}{4}$ аршина длинной, дабы — когда въ слѣдующую за похоронами ночь явится къ нему ангелъ — опъ, *на половину оживленный*, могъ бы облокотиться на нихъ и сидѣ отвѣчать на его, касающіеся религіи, вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: *Признаешь-ли ты Бога? Кто твои имамы? и т. п.* Послѣ такого экзамена, посланникъ небесъ улетаетъ, оставляетъ и духъ свою грѣшную плоть *навсегда*...

За палочки лицо покойника посыпается землею, а ниша закладывается камнями (въ Тегеранѣ и другихъ большихъ центрахъ — кирпичнымъ или деревяннымъ сводомъ); но когда остается положить послѣдніе, могильщикъ *треплетъ мертвеца за плечи*, дабы обратить его вниманіе на молитву муллы надъ нимъ; послѣ чего могила засыпается, и большинство присутствующихъ отправляется на домъ къ нему, гдѣ — особо отъ женщинъ, собирающихся на своей половинѣ — читаютъ соответствующіе скорбной минутѣ стихи изъ корана, угощаются плодомъ и чаемъ, между тѣмъ какъ старшій изъ мужской половины осиротѣвшей семьи садится въ своей комнатѣ на корточки и просиживаетъ такъ трое сутокъ, принимая посѣтителей, которые *обязательно* соболѣзнуютъ о немъ и, съ пожеланіями долголѣтія всей семьѣ, усаживаются за корапъ; имъ подаютъ на блюдечкѣ *молотый кофе*; — каждый съѣдаетъ *по ложечкѣ* и, выкуривъ кальянъ, уходитъ. На третій день является мулла прочесть молитву, и тѣмъ заканчивается *обрядовая* печаль семьи, справляющей *на сороковой день* опять поминки, съ скромнымъ угощеніемъ...

— Что новаго привезъ въ Бастану? встрѣтилъ «хозяинъ» подослѣннаго къ утреннему чаю полиціймейстера.

Тотъ самодовольно улыбнулся, даже глаза умасились.

— Видно, вѣсти хорошія! Не поздравить — ли тебя съ повышеніемъ? — въ свою очередь просіялъ «хозяинъ». — Ну же, подѣлись радостью!...

— Губернаторъ спрашиваетъ меня: «Зачѣмъ ты здѣсь»? — Молитву —

говорю — прочесть по наибу. — «Ну, прочти, — да немедленно и домой, — ни тебя, ни наиба въ городѣ нѣтъ, а богомольцевъ много». Изъ мечети я опять зашелъ къ нему, — *приказалъ феррашамъ выпроводить меня за городскіи ворота.* — «Иначе — говорить — не успокоюсь»...

— Не разсчитываетъ-ли полиціймейстеръ на наибство? спросилъ я.

— Видите, сквозить надежду.

— А на кладбище пойдетъ съ нами?

— Пойдетъ.

Слуэти полъчаса мы уже были за мазандеранскими или кладбищенскими поротами. Влѣво, рядомъ съ прозрачнымъ родникомъ подъ навѣсомъ, торчить на каменной платформѣ толстая стѣнка, съ большими, обращенными къ городу, нишами; это — караванъ-сарайчикъ, сооруженный какимъ-то благочестивымъ обывателемъ для бѣдныхъ путниковъ и богомольцовъ; но кому-же охота останавливаться на охватывающемъ его слѣва и сзади городскомъ кладбищѣ? И онъ почти-что всегда пустуетъ.

Обширное, неогороженное кладбище устѣяно надгробными камнями; но есть могилы бѣдняковъ и безъ нихъ. Много тутъ грѣется на солнышкѣ ящерицъ, молніей ускользая изъ-подъ напихъ ногъ въ щелбенку, не то въ норы работы шакаловъ, таскающихъ и пожирающихъ трупы; нѣкоторые норы слегка прикрыты прутьями, что, конечно, не предохраняетъ прохожихъ попадать туда по почамъ.

Пройдя вдоль кладбища шаговъ пятьсотъ, мы приблизились къ высокой аркѣ, ведущей на обширную, обнесенную глиняною стѣнкою полуаршинной вышины, ровную площадь, съ возвышающеюся на противоположной сторонѣ модельной такой-же архитектуры, какъ и лѣтняя мечеть хаджи муллы Мамедъ-Али: это-такъ называемое «массалло», сооруженное на добродетельныя даянія тѣмъ-же муштегидомъ, любившимъ уединенно молиться здѣсь вечеромъ по четвергамъ, посѣщается обывателями, кажется, всего два раза въ годъ: въ *ноу-рузъ* и когда новал луна возвѣститъ конецъ мучительнаго поста «священнаго мѣсяца» рамаза; въ послѣднемъ случаѣ оны торжественно направляются сюда изъ городской мечети, во главѣ съ муштегидомъ, который и прочитываетъ имъ тутъ соответствующія молитвы, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ и *разговляются по своему*...

Къ наружной сторонѣ, ближайшей къ городу части, ограды «массалло» примыкаетъ десятокъ слившихся въ короткій рядъ глиняныхъ бугорковъ, мѣстами съ трещинами, откуда разлило мертвечиной; это и

есть *сердабы*, т. е. надземные склепы изъ глины, съ временно-похороненными, въ каждомъ по одному, въ ожиданіи удобнаго случая отправки ихъ въ одинъ изъ священныхъ для шіитовъ городовъ. Девять послѣднихъ склеповъ наглухо замазаны, въ первомъ же — изъ снѣреди пробитаго отверстія зіяла внутренность ея, въ видѣ сводчатой конуры, на полу которой лежали три сбитыхъ доски, изъ-подъ покойника, на дняхъ вынутаго отсюда, обернутаго въ вату съ камфорою, упакованнаго въ ящикъ и отправленнаго для погребенія *на священной землѣ Мешхеда*.

Шіиты говорятъ: чѣмъ ближе прахъ къ имамамъ, тѣмъ скорѣе спасется душа, т. е. — по объясненію толмача — *представительствомъ имамовъ передъ Богомъ она попадаетъ въ рай*; такимъ образомъ, *тутъ въ рай для богачей обезпеченъ!..* Но и благочестивый бѣднякъ труженикъ отказываетъ себѣ при жизни во всемъ, лишь бы сколотить деньгу на погребеніе праха своего поближе къ Али, Хюсейну или Риза.

До распоряженія персидскаго правительства (согласно постановленію международной санитарной коммисіи, лѣтъ 7 — 8 тому назадъ), дабы трупы правовѣрныхъ перевозились въ священные города не раньше трехлѣтняго срока со дня смерти, — таковыя отправлялись туда при первой оказіи, отчего распространялся ужаснѣйшій смрадъ, особенно по Неджефу и Кербелю. Теперь — не то, хотя богачи, зная, а при случаѣ и бѣдняки нерѣдко нарушаютъ, конечно, втихомолку, благоразумное требованіе вышей власти, что на руку червадарамъ, вообще взимающимъ за доставку трупа дорожѣ чѣмъ за провозъ товарнаго вьюка, а *сѣжаго* — пожалуй что вдвое.

За доставку трупа изъ Шахруда въ Мешхедъ червадаръ беретъ съ бѣднаго отправителя 4 р. 50. к., взваливалъ на катера, обыкновенно, шесть такихъ труповъ, слѣдовательно, зарабатываетъ, въ одинъ конецъ 27 руб.; состоятельные люди нанимаютъ для каждаго трупа особаго катера, по 15 р. и дорожѣ, а богатая знать иногда отправляетъ *прахъ* и въ «тахтъ-ревопѣ», т. е. въ большомъ, крытомъ ящикѣ на длинныхъ носилкахъ, въ которыхъ снѣреди и сзади впрягается по катеру, не то по ослу; при этомъ посылаются и люди, для надзора что все вмѣстѣ обходится отправителю до 150 руб.

Конечно, несвоевременная отправка труповъ въ персидскій г. Мешхедъ остается безнаказанною, но въ Неджефѣ и Кербелѣ по поводу таковой зачастую происходятъ столкновенія; такъ, недавно турецкій

караптинный приставъ въ Кербелѣ, куда ежегодно доставляется изъ Персіи около 6 тысячъ труповъ, да изъ нашего Закавказья нѣсколько сотенъ, заподозрѣвъ одного червадара въ провозѣ *сѣжаго* трупа, оставилъ его. Началась ссора, перешедшая въ общее побоище между шіитскимъ населеніемъ города съ одной стороны, суннитами и едино-вѣрною съ ними властью—съ другой... Случается тутъ также, что таможенные пристава, при взиманіи правительственной пошлыны, по 30 крапъ за каждые пять труповъ, заподозрѣвъ *контрабанду съ погребальныхъ лицъ*, требуютъ отъ червадаровъ вскрытія ихъ. Опять общія свалка!—Нѣкоторые червадары, пользуясь тѣмъ, что нафантазированные шіиты не допустить клѣфировъ—суннитовъ до колуновъ, вскрываютъ гробы ихъ, дѣйствительно промышляютъ контрабандой...

Когда, наконецъ, послѣ всѣхъ, *невыносимыхъ* для шіитовъ, турецкихъ формальностей, погребальные ящики ввезены въ городъ,—ихъ покрываютъ, каждый особо, палью или, смотря по состоянію, иною матеріею, вносятъ въ «гаремъ», какъ называется мечеть съ гробницею имама, вокругъ которой и обносятся они по очереди, а затѣмъ ставятся въ ногахъ у него, и муллы читаютъ «Зіяретъ-Номе»; по окончаніи этого *известнаго славословія имаму*, погребальный ящикъ выносятъ на мечетскій дворъ, открываютъ крышку его и, *отрянувъ пилъ съ вынесеннаго изъ «гарема» ковра или полости на покойника*, увозятъ его на кладбище и хоронятъ.

За мѣста для погребенія въ стѣнахъ Кербела и Неджефа турецкое правительство вѣщаетъ до тысячи крапъ, смотря по разстоянію отъ «гарема», а за городскою стѣною—до *ста* крапъ; да, кромѣ того, уплачивается мечетскимъ мулламъ въ первомъ случаѣ *сто*, въ послѣднемъ—*25 крапъ*. Вѣдьяковъ хоронятъ въ пустынѣ, на часъ ѣзды отъ города; если же паломники были ограблены дорогою, по обыкновенію, арабами изъ племени *Анизе*, и нечѣмъ заплатить за мѣсто для погребенія доставленныхъ труповъ, ихъ погребаютъ за 3-4 часа ѣзды отъ города, кажется, бесплатно.

Въ погребальные ящики нерѣдко кладется *айва*, и въ такомъ случаѣ, послѣ погребенія правовѣрнаго, эти пропитавшіеся мiasмами трупа его плоды продаются на базарѣ, *для употребленія съ пищею*... Ужъ очень полезно!..

Вѣдво отъ обозрѣваемаго нами кладбища виднѣется маленькій крытый водоемъ для омовеній, а вправо, у канавки проточной воды—лачуга, въ которой *мурдешуръ* оmyваетъ трупы, получая за таковой трудъ

смотрѣлъ по состоянію родныхъ покойника: отъ банапата *до пяти кранъ*, иногда и болѣе. Еще далѣе, при дорогѣ торчитъ убогая часовня съ острокопечнымъ куполомъ; это — единственное здѣсь и, притомъ, не особенно чтимое *богомольное мѣсто* «Кадамго», что буквально значитъ «слѣдъ», и именно по преданію *слѣдъ отъ копытъ коня Ам.* Въ старину персы приписывали всякую особенность въ природѣ своему легендарному герою *Рустему*; теперь же они относятъ таковыя, обыкновенно, къ первому имаму; такъ, круглыя дождевыя вымоины въ скалахъ — *несомненно* слѣды отъ копытъ коня его, разсѣлины въ скалахъ и даже узкіе проходы между ними — *непретѣнно* пробиты мечемъ его, и т. д. Мусульманская легенда постепенно вытѣпляетъ древне-иранскую.

По увѣренію «хозяина», въ «Кадамго» покоится прахъ потомка какого-то имама, и когда благочестивые обыватели посѣщаютъ кладбище вечерами по четвергамъ, дабы прочесть молитву на могилахъ своихъ родныхъ (что *весьма богоугодно*), то изрѣдка заглядываютъ и сюда.

Мертвенный видъ!.. Но вотъ оживился онъ картиною. Вдали, клубя пыль, показалась кавалькада, быстро приближавшаяся къ намъ; то были богомолки съ Мазандерана. Впереди ѣхалъ бравый «чаушъ», съ краснымъ знаменемъ, върѣе — флагомъ, въ рукѣ; поравнявшись съ нами, онъ привѣтливо сдѣлалъ честь, какъ-бы подъ козырекъ, и, не дожидая сотни шаговъ до городскихъ воротъ, звучнымъ голосамъ заплѣлъ гимнъ во славу имамамъ (чѣмъ возвѣщаются обыватели о приближеніи доверившихся опытности и заботамъ его паломниковъ, обыкновенно, больныхъ или немощныхъ старцевъ и *нуждающихся въ опекѣ барынь*, которыхъ тотъ обязывается, за условное вознагражденіе, благополучно доставить въ Мешхедъ или другое святое мѣсто — и обратно домой). За нимъ ѣхало верхами, по мужски, до двадцати дамъ, — по кокетливой, хоть и усталой посадкѣ видно, что молодыхъ, — съ бѣлыми покрывалами на головахъ, конечно не безъ *рубенде* (т. е. сътокъ для глазъ), въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ и синихъ чадрахъ, изъ-подъ которыхъ заманчиво выглядывали синіе же *туланы* (дорожныя шальвары), съ едва державшимися, какъ казалось, на припITYхъ къ нимъ чулочкахъ, крошечными туфлями; одніе оустили поводья, другіа бодрились, слегка подстегивал запыленныхъ коней нагайками.. По сторонамъ и сзади амазонокъ — трое, кажется, милиціонеровъ, съ длинными ружьями; отставшія плелись парами и одиночками, въ хвостѣ виднѣлось шестеро мужичищъ, вѣроятно, мужей или братьевъ ихъ..

— Однако, провожатыхъ довольно! замѣтилъ «хозяинъ».

— А изъ Тегерана ѣздить въ Мешхедъ больше безъ мужчинъ... значить—промыслить... своими прелестями,—цѣдить полиціймейстеръ, пристально всматриваясь въ сторону, и, прошептавъ что-то арендатору, быстро направился къ мазандеранскимъ воротамъ.

— Домой?

— Нѣтъ... Замѣтилъ одинокую женщину цѣшкомъ, — вопъ, что крадется съ поля къ воротамъ, поясилъ арендаторъ.

— Ну?

— Допросить ее: кто и откуда; имѣеть-ли мужа?

— А—улыбнулся «хозяинъ»—блюдетъ нравственность!.. На дняхъ онъ вынуждалъ отсюда съ позоромъ тегеранскую танцовщицу. .

— Танцовщицу?—переспросилъ я.

— Да, неридскую танцовщицу, но не изъ тѣхъ, что тацуютъ по гаремамъ, и ремесло которыхъ вовсе не презирается, а изъ *легкихъ*, забавляющихъ холостежь...

Блюститель нравственности, не постигнувъ намѣченной жертвы, догналъ насъ уже въ городѣ,

— Не скроется отъ меня!—алчно прошипѣлъ онъ.—Сейчасъ разуюнаю: кто она, гдѣ остановилась, съ кѣмъ живетъ.

— Паспортъ потребуешь?—улыбнулся я.

— Здѣсь *паспортной системы не водится*,—отвѣтилъ за него мой товарищ...

Вотъ уже три дня, какъ городъ остается безъ градоправителя. Входитъ полиціймейстеръ.

— Что хорошаго?—спросилъ его «хозяинъ».

— Губернаторъ велѣлъ пріѣхать завтра въ Бастамъ, для выбора наиба... Теперь—продолжалъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ—всюду идетъ переборка кандидатовъ, и все твердятъ въ одинъ голосъ: «если выберутъ *одного господина* (намекъ на эксъ-наиба)—не ладно будетъ; нужно человека посписходительнѣе къ народу»... На все воля Шахзаде!..

И слѣдуетъ добавить—злая воля, ибо... На утро разнеслась по городу нерадостная вѣсть: онъ назначилъ наибомъ *именно* эксъ-наиба, Гуломъ-Резо-Бека*), о чемъ и не замедлилъ сообщить намъ полиціймей-

*) Бекъ, вѣрнѣе—бегъ, значить дворняга, хотя, по увѣренію моего товарища, бегами называютъ въ Персіи и нижнихъ чиновъ.

сгерь, на этотъ разъ свучный—прескучный, даже съ осунувшимся, точно отъ болѣзни, лицомъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я не безъ удивленія «хозяина».

— Чуетъ бѣду. Гуломъ-то Резо—выжигъ почище его и, какъ сообщили мнѣ подъ большимъ секретомъ, губернаторъ выбралъ *эту пройдоху съ исключительною цѣлью: добраться черезъ него до полиціймейстерской шкуры*, т. е. деньги его.

— Вотъ тебѣ и наобетство!—невольно вырвалось у меня.

— Съ рапного утра куцы поспѣшили къ нему съ поздравленіями и пижкешами,—глубоко вздохнулъ тотъ, отгѣвляясь даже отъ рому.— Уже пятьдесятъ головъ сахару и горю всякой всячины патаסקали!...

— Что-жь онъ?

— Нѣкоторыхъ пригласилъ на ужинъ къ себѣ...

— Передай Гулому, что и мы будемъ завтра раненько съ визитомъ у него.

— Баи, баи,—просіялъ на моментъ полиціймейстеръ, рассчитывая на наше участіе, тѣмъ болѣе что «хозяинъ» съ Гуломомъ закадычные друзья.

— Развѣ-же онъ не получаетъ жалованья, что такъ открыто принимаетъ подарки?—спросилъ я.

— Никакого, какъ не получалъ и предшественникъ его. *Да и къ чему тутъ жалованье, когда подъ руками неисчерпаемый источникъ!* По мѣрѣ надобности будетъ выжимать денежныхъ людей и *неустанно рвать*, пользуясь каждой дракою въ городѣ, каждымъ преступленіемъ, тяжбою.... вродѣ того, какъ на дняхъ сорвалъ губернаторъ девять томановъ съ сейеда, и *тѣмъ портилъ извѣстное важъ дѣло* его съ гебромъ...

— Конечно, если самъ его высочество деретъ...

— «Хозяинъ!»—перебилъ меня полиціймейстеръ,—со вчерашняго вечера я ношу «муре-харъ».

— Богъ великъ! утѣшилъ его тотъ, замѣтивъ мнѣ, что «муре-харъ»—*талисманъ, укрощающій гнѣвъ начальства*.

— Утопающій и за соломенку хватается!... Нельзя-ли взглянуть на нее?

— Врядъ-ли покажетъ.

— Скажите, куплю...

Минутъ съ пять длились переговоры, пока, наконецъ, полиціймейстеръ

не вынулъ изъ ситцеваго копелечка нѣчто въ родѣ маленькаго камушка, паходимаго въ олиномъ мясѣ, поэтому и называемаго *муре-харъ* или *эръ*, т. е. *камень осли*; показавъ его намъ издали, онъ процѣдилъ «па-ращай» и вышелъ съ поникшей головой. Въ этомъ «па-ращай» слышалась такая жалобная нотка, — ну, точно злочестный сомнѣвался въ чудесномъ свойствѣ *ослиного камушка*!...

Въ четверть лисаго ч. утра на слѣдующій день, мы отправились все съ тѣмъ-же арендаторомъ, къ новому наibu, уже извѣстному читателю эксъ-наibu, Гуломъ-Резо-Беку, у воротъ жилиа котораго насъ встрѣтилъ ферраншъ, въ затрапезномъ архалукѣ, и провелъ черезъ дворикъ, съ грязнымъ водоемомъ посрединѣ и двумя-тремя чахлыми цвѣтками во впадинѣ, до дверей мазанки, куда и вошли мы. По срединѣ крайне запущенной, крошечной комнатки, съ дырявыми коврами на полу, лежалъ на тонемъ тюфякѣ, съ цилиндрической подушкой, градоправитель, на-половину прикрытый ситцевымъ одѣялишкомъ; у ногъ его сидѣлъ полиціймейстеръ, съ наипреданнѣйшимъ видомъ, однакоже пасквозъ пропитаннымъ скорбною думой о неминуемо-предстоящей утратѣ «шкуры» своей, какъ персы величаютъ деньжата.

Гуломъ приподнялся — было на локтяхъ, но, обезсиленный болѣзнью, снова повалился.

— Ишь, обожрался въ Бастамѣ арбузами, и опять слегъ, лепнущъ «хозяйнѣ», молитвенно обмѣниваясь съ нимъ обычными привѣтствіями да справками о здоровьи и усаживаясь рядкомъ съ *злочастнымъ*. Арендаторъ сѣлъ тутъ-же, а я примостился у стѣнки, на одномъ изъ четырехъ *ирбитскихъ* сундушковъ, не безъ любопытства оглядывая обстановку официально перваго лица въ городѣ. Сбоку занавѣшенной двери, ведущей на женскую половину, торчалъ изъ глинянаго полу иппе смоковницы (ипджира), съ двумя отростками по стѣнамъ развѣшены старенькіе подносы, съ женскими головками, висятъ испорченные часы; въ пилахъ валется, между запыленнымъ хламомъ, неподная къ употребленію посуда, за исключеніемъ развѣ вылученной мѣдной, красуется большая табакерка съ музыкою, вотъ и все! И все это было подарено Гуломъ-Резо-Беку еще во времена его прежняго управленія городомъ, и все, кругомъ, не исключая самого Гулома, истощеннаго до отвращенія, безжизненнаго какъ трупъ, теперь носило печать тли, убожества и немощи; но дайте только этому *замѣчательно-энергич-*

ному *хищнику* встать съ одра,—все вмгъ обновится новыми шинкешами!..

— Давно испорчена, апатично пропамкаль онъ на мое желаніе по-смотреть табакерку, и, сдѣлавъ знакъ полиціймейстеру подать ее, добавлялъ:

— Послѣ починки часового мастера въ день *Омара*, поиграла она съ мѣсяцъ и снова испортилася; теперь опять дожидайся *Омара*, чтобы исправить ее!

— А сегодня или завтра нельзя?

— Нѣтъ, отвѣтилъ за него «хозяинъ». *Играющая табакерка считается дьявольскою игрушкой*, и ни одинъ благочестивый шитье не возьмется починить ее въ иное время, какъ только въ высокочтѣмый суннитамъ день *Омара*, когда послѣдователи *Али* не стѣсняются *игривать*, ибо совершенные или *ирхн* съ этого день, кажется, во-все не ставятся съ *вини*...

— На небеса?

— Конечно, не въ «тахть-дарога»!... Въ этотъ же день, продолжалъ «хозяинъ», они просто бѣспуются, издѣваясь надъ Омаромъ: возять по улицамъ чучелу, изображающую его, оплевываютъ ее, бьютъ по щекамъ и, при всевозможныхъ фанатическихъ выходкахъ, сжигаютъ; впрочемъ, теперь возбраниется подобное публичное поруганіе суннитской святѣни, что, однакоже, не мѣшаетъ благочестивымъ обывателямъ вдосталь тѣшиться надъ цено у себя по домамъ...

Дверныя занавѣски сильно колыхались отъ неосторожности прильнувшихъ къ нимъ любопытныхъ женъ; арендаторъ самодовольно хозяйничалъ за самоваромъ; градоправитель лежалъ въ забытѣ, между тѣмъ какъ полиціймейстеръ, чуть не на четверенькахъ, поднесъ ему, съ невыразимою тошнотой въ лицѣ, стаканъ чаю; тотъ открылъ глаза и, выпаривъ изъ подъ подушки у себя померанецъ и сломанный перочинный ножичекъ, швырнулъ ему ихъ; несчастный разрѣзалъ *мыльно-кислый плодъ* пополамъ, тщательно вытеръ ножикъ и пальцы, и благоговѣнно возвратилъ то и другое *тлѣющей надъ нимъ грозѣ*.

За калыномъ, переходившимъ изъ рукъ въ руки, онъ началъ-было рассказывать съ надутой улыбкой, заикаясь, о поискѣ какого-то мелкаго воришки, съ грошевыми сережками и сердоликовыми печатками въ карманѣ, но поперхнулся, замаялся и смолкъ, ибо не могъ не замѣтить презрительной мины начальства, занятого болѣе глубокими соображеніями.. насчетъ его же «шкуръ».

— Чувствуетъ хищный когти хищника и трепещетъ, замѣтилъ «хозяинъ», прощаясь съ градоправителемъ, который на этотъ разъ поднялся и, какъ былъ босикомъ, въ пропотѣвшей ермолѣ, грязнѣйшей сорочкѣ и короткихъ штанишкахъ проводилъ насъ до половины двора... не безъ прозрачнаго намека мнѣ касательно пишкеша.

XXXIX.

Въ деревнѣ у принца фотографа.

Въ пятомъ часу пополудни, къ намъ неожиданно пожаловалъ, уже извѣстный читателю, припѣцъ-фотографъ, Хюсейнъ-Али-Мирза, въ коротенькомъ, одиобортномъ сардари, или, какъ иные произносятъ, *чар-дари*, растегнутымъ сверху на столько, чтобы можно было легольнуть отложными воротничками голлацдекской сорочки, безъ галстука, въ узкихъ сукопныхъ брюкахъ и башмакахъ, которые онъ, вопреки туземному обычаю, не спялъ у порога,—единственный при мнѣ случай!

Конечно, «хозяинъ» немедленно принялъ надлежащую мину и пошелъ и пошелъ... Его высочество тоже, развалившись на стулѣ и потирая свои выхоленные и о, аллахъ! *неокрашенные изъ хну*, руки сладостно ворковалъ и послѣ привѣтствій «заговорилъ о фотографіи. «Вы знакомы съ этою профессіей?»—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, и хотѣлъ-было взять съ собою аппаратъ, но меня увѣрили (я именно Глуховской), что правовѣрные не снимаются, считалъ за великій грѣхъ видѣть изображеніе своего лица.

— Увѣряю васъ, что въ одномъ *Шахрудѣ* нашлось бы до 30 охотниковъ сняться, а въ *Мешхедѣ* еще больше!... Пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню, продолжалъ его высочество, озираясь, проглотивъ стаканчикъ великолѣпной вишневки и подливалъ въ чай рому: я покажу вамъ массу негативовъ своей работы и цѣлые альбомы съ портретами исключительно моихъ соотечественниковъ.

— Много у васъ негативовъ?

— Двѣнадцать.

— Не вѣрьте, схибно пеннулъ «хозяинъ»; любить сильно врать..

— А гдѣ покунали?

— Въ Тегерапѣ у одного русскаго и еще у какого-то иностранца, который и умеръ тамъ.

— Въ это время донесся къ намъ *изъ темъ* ровъ актеровъ и плачевный гулъ женшинъ. Его высочество иронически улыбнулся, на что мой товарищъ замѣтилъ: «цивилизованные персы называютъ благочестивыхъ единовѣрцевъ своихъ *солтыми ослами*».

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказалось, что, кромѣ фотографіи и лжи, нашъ гость страстно любить охотиться съ *собаками* и ружьемъ за сернами и дикими козами, а на дняхъ ждетъ отъ кого-то въ подарокъ *ястреба* для охоты на перепеловъ и степныхъ курочекъ; затѣмъ, онъ слыветъ за отличнаго хозяина въ окрестностяхъ, *препалохо управляя имѣніями своего дяди*, и мы, конечно, услышали бы много интереснаго по этой части, еслибы не вошелъ — вотъ ужъ не въ пору! губернаторскій конюхъ, который, не осмѣливаясь въ присутствіи его сѣсть, по обыкновенію, на стулъ, скромно опустился на полъ и промолчалъ все время, *тицетно выжидая уловить что-либо изъ безсодержательнаго теперь разговора, для своего барина*.

Спустя нѣсколько минутъ, его высочество сорвался съ мѣста и съ *выразительною гримасой* поспѣшилъ на площадку; я за нимъ, какъ бы въ комнату къ себѣ, гляжу, а онъ уже сидитъ на корточкахъ, въ наклонномъ положеніи къ отверстію, просверленному въ выходящей на улицу стѣнѣ....

— *На экстренный случай для подобныхъ господъ*, — пояспилъ мнѣ «хозяинъ», приказавъ Хюссейну подать ему воду для омовенія, послѣ чего *высокій посылтитель* уѣхалъ, выразивъ надежду видѣть насъ у себя въ деревнѣ *Мурунъ* завтра же.

— Завтра ѣдемъ къ Хюссейну-Али-мирзѣ, — встрѣтилъ я поспѣшавшаго къ намъ вечеромъ за *утѣшеніемъ* полиціймейстера, котораго какъ оказывается, уже изрядно протернулъ наибѣ.

— Бэли, бэли. Буду *рапортовать* объ этомъ губернатору, отвѣтилъ тотъ, заглушая вздохъ стаканчикомъ рому..

По мѣрѣ опорожнивашія бутылки улетучивалась и меланхолія его, а подконецъ онъ даже весело разболтался, сообщивъ, между прочимъ, что съ послѣднею оказією отпавилась въ Мешхедъ, съ проституціонною цѣлью, одна тегерапская красавица.

— И я уже далъ ей четыре томана за согласіе остаться здѣсь и

познакомиться съ вами, какъ вдругъ мною овладѣлъ смертельный ужасъ...

— Ну, ну? торопиль заинтересованный «хозяинъ».

— Говорю, давай деньги назадъ, — отдала, потомъ уѣхала...

На слѣдующее утро мы отправились съ пукеромъ въ дер. Мугунъ, что въ шести верстахъ отъ Шахруда. За городскими садами открывался просторъ безжизненной долины, сплошь усеянной (завесенными весенними водами) камнями съ горъ; тамъ и сямъ разбросаны полуразвалившіяся башенки, еще недавно служившія путнику ненадежною защитой противъ отважнаго туркменца, а теперь укрывающія, при случаѣ, немногихъ настуховъ, скромныя стада которыхъ пасутся вдали, — всего-то въ двухъ мѣстахъ...

До сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, туркмены изъ племени «текъ» и особенно «гокланъ», живущихъ въ четырехдневномъ пути отсюда (слѣдовательно, на три дня ближе первыхъ), рыскали подъ самыми окнами Шахруда, захватывая въ неволю оплошныхъ обывателей. Чтобы избавиться отъ безпрерывныхъ набѣговъ послѣдняго племени, Фехтъ-Али-Шахъ женился на дочери одного изъ родоначальниковъ его, и впослѣдствіи ввѣрилъ управленіе Вастамскою областью сыну своему отъ нея, Исмаиль-Мирзѣ, опредѣливъ всѣ доходы съ этого бѣднаго края на содержаніе отряда «ильджарей» или милиціи для конвоирования богомольцевъ и торговыхъ каравановъ. Конечно, такая мѣра повела бы къ быстрому искорененію грабежей, если бы самъ принцъ-правитель не stacksулся съ хищниками, которые и дѣлились съ нимъ награбленнымъ добромъ; въ концѣ концовъ, покровитель разбоевъ былъ устраненъ отъ губернаторства и отправленъ *плтникомъ* въ Тавризъ. Затѣмъ, послѣ похода Мухаммеда-Шаха на «гокланъ» и ямудовъ, въ 1836 г. они притихли, а въ настоящее время пограничные гокланы ведутъ больше осѣдлую жизнь и о разбояхъ здѣсь нѣтъ и помину.

Такъ повѣствоваль «хозяинъ», выглядѣвшій на щегольскомъ *паланъ* во всю спину рысцей семенившаго арендаторскаго осла почтешнымъ патриархомъ, не смотря на свое *пенс-не*, широкополую шляпу, зеленое пальто и коричневые шальвары, между тѣмъ какъ меня трясло на катерѣ самымъ неприличнымъ образомъ.

Но вотъ показалась деревня съ рѣдкими пятнами зелени садовъ въ сторонѣ отъ нея, повстрѣчались намъ одинъ за другимъ два ослика: пер-

вый—нагруженъ огромною вязанкою колочекъ, обыкновенно замѣляющихъ деревенщипъ въ этой безлѣсной сторонкѣ дрова; послѣдній—представлялъ движущуюся массу соломы на четырехъ тоненькихъ ножкахъ: такъ бѣдняжку завалили сжатою пшеницей, которая не выжета здѣсь въ снопы, а прямо складывается въ сирды.

Пошли рѣдкіе посѣвы: пшеница уже сжата, ячмень—еще на корню или мѣстами только что жнуть его. Нѣсколько подалѣе проведена оросительная канавка къ маленькому, разбитому на квадратики, полю, вспахиваемому теперь двумя изможденными райями, съ трипницами на бритыхъ головахъ, для посѣва на немъ *проса и поздняго ячменя*, посѣвующаго здѣсь къ зимѣ; пара воловъ свободно тигули плугъ, укудобляющійся исполняющей желѣзной лопатѣ, къ одной изъ плоскихъ сторонъ которой прикрѣплена подъ острымъ угломъ деревянная стрѣлка съ желѣзнымъ наконечникомъ, забиравшимъ землю очень и очень мелко...

Начиная отсюда, потянулись по обѣ стороны дорожки сѣрые глыбы и стѣны разваливъ деревни *Мугунъ*. Вымерло населеніе его въ послѣдній голодъ, вымираетъ и теперь, какъ вымираетъ оно повсюду въ Персіи, и пустѣютъ деревни, пустѣютъ города! Гнетъ, нищета, болѣзни, голодухи и прочая горечь абсолютизма при формальной религіи быстро подкашиваютъ жизнь безпомощнаго народа, и пустѣютъ деревни, пустѣютъ города! Сильно щемитъ за сердце, глядя на эти слѣды недавней жизни, хоть и незавидная она!..

Проскакавъ минутъ съ восемь извилистыми тропинками между руинъ, отдѣлившись едва-замѣтную, по своимъ приземистымъ мазанкамъ, деревушку отъ грознаго съ виду (а нѣкогда—и дѣйствительно надежнаго отъ туркменскихъ нападѣній) барскаго жилья, съ бойницами въ полуразвалившихся высокихъ стѣнахъ, съ башенками по угламъ, мы вѣхали въ ворота его, не такъ-то скоро открывшіяся передъ нами, и, спѣшившись, прошли узенькимъ, кривымъ корридормъ на обширный, вымощенный каменными плитами и жѣстами заросшій травой дворъ, съ каменнымъ водоемомъ по срединѣ и разными здапіями по сторонамъ.

Вышедшій слуга провелъ насъ въ средній домикъ лѣваго фаса, сообщающійся, со стороны передней, съ женскою половиной и состоящій всего изъ обширной, веселой, прохладной, но сильно пообветшалой гостиной съ темнымъ чуланчикомъ сбоку. Лицевою своею стѣнкой—изъ трехъ огромныхъ подъёмныхъ дверей съ разноцвѣтными, на поло-

вину побитыми, стеклами — она глядѣлась на дворъ съ водоемомъ, а противоположною, тоже деревянною, мелкоклѣчатую, съ низенькою дверью, выходила въ замкнутой высокими стѣнами крошечный садикъ. Другія двѣ стѣнки — алебастровыя, на четверть снизу выкрашенные зеленою краскою и обведенныя бордюромъ, съ покраснѣвшею отъ времени позолотою, украшались нѣсколькими фотографическими карточками, вклеенными въ уродливыя рамки *своей* работы, просто-на-просто *глиной*; въ маленькихъ нишахъ, тоже окаймленныхъ треснувшими, мѣстами полопавшимъ, тусклымъ бордюромъ, валялись священныя книги и платаная шетка, двѣ трехзамочныя ппкатулки пробитской работы и два зеркальца: одно — складное, другое — крошечное, въ золоченной рамкѣ; въ большой нишѣ съ полками, что надъ дверью чуланчика, гдѣ видны на столѣ два *объектива* и три большихъ альбома (европейской работы), покоились подъ толщею пыли сотни негативовъ и нѣсколько *шасси* *). На полу — хорассанскій коверъ; у садовой двери — широчайшая кровать съ тюфякомъ и двумя цилиндрическими подушками; передъ нею — простой столъ, съ тремя стульями вокругъ, а противъ средней подъемной двери красовалась на тиковомъ лоскутѣ низенькая скамеечка съ письменными принадлежностями. Потолокъ съ своими алебастровыми украшениями мѣстами пообвалился, обозначая глину и даже балки...

Вошелъ принцъ.

Послѣ обоюдно вялыхъ привѣтствій, мы сѣли на кровать, опъ — на стулъ, и задумчиво заковырялъ въ объемистомъ носу, внимательно разсматривая продукты сего непривлекательнаго занятія... ну, по крайней мѣрѣ, минуты съ три, — пока негръ съ *ярославскою бородкою* не внесъ двухъ блюдъ съ огромными перьями и разными лакомствами, между которыми миндальныя пряники и свѣжія вишни съ стебельками, точно въ сахарныхъ футлярахъ, особенно рекомендовали принцессѣ въ кондитерскомъ искусствѣ. Вслѣдъ затѣмъ принцу подали кальянъ, намъ плохенькія папиросы (покупаемыя у «хозяйна»-же), и разговоръ завязался объ его конькѣ — фотографіи.

Показывая *негативы* и альбомы съ фотографіями своей работы, опъ охотно подарилъ мнѣ карточку откормлепнаго хоть на убой къ столу африканскаго царька, что угощалъ Левингстона грудинкою свое-

*) Фотографическій аппаратъ, для проявленій на *альбуминовой* бумагѣ снятаго изображенія.

го оруженосца, наследнаго принца съ тупымъ выраженіемъ аппетита къ чувственнымъ наслажденіемъ, пробивающимися усеками и гладкимъ подбородкомъ, въ тегеранскіе, выпускныхъ воротничкахъ съ шалевымъ галстукомъ, и богато-вышитомъ архалукъ; карточку своего дядюшки (имѣніями котораго управляетъ), съ фізіономіею астраханскаго перса Шафъева, имѣющаго прибыть сюда въ качествѣ моего переводчика; только у этого ничего не видать на груди, а у бывшаго бастамо-шах-рудскаго губернатора — медаль, три звѣзды, лента черезъ плечо, русскіе аксельбанты и французскія эполеты; групу, представляющую пышнаго счастіемъ гиланскаго губернатора съ *пятью звѣздами* на растегнутомъ *сардари*, окруженнаго приближенными, съ апатичными или *мыслями* фізіономіями, въ чалмахъ, тегеранбахъ или высокихъ смушевыхъ шалкахъ и въ разнообразныхъ костюмахъ; наконецъ, карточку какого-то очень молодого и красиваго принца, съ вышитыми золотомъ грудью и воротникомъ, съ жирными эполетами, широкою лентою, конечно ужасною для враговъ шапскою, но безъ всякихъ кавалерій..

— Какой же молодой генералъ! замѣтилъ я.

— По протекціи или за деньги—все достанете здѣсь! Сертинъ, котораго вы видѣли въ Бастамѣ, только потому и генералъ, что приходится роднымъ братомъ бывшему астрабадскому губернатору; въ свою очередь, онъ недавно пожаловалъ *одного мальчишку въ офицеры*, всего-то за *дастьи томановъ*.. Конечно, подобныя продѣлки не доходятъ до шаха, да и онъ руководствуется въ этомъ отношеніи больше личнымъ вкусомъ и капризомъ: такъ, еще недавно — *назначилъ одного изъ своихъ камердинеровъ бригаднымъ командиромъ* за то только, что тотъ похожъ лицомъ на него, «Средоточіе міра»?..

— Ну, а этотъ молодецъ служить?

— *Благодари дядюшку, службы не несетъ, а по спискамъ числится майоромъ.*

— Попросите его уступить мнѣ хоть одну изъ сихъ прелестныхъ созданий,—указалъ я на фотографіи редетвенныхъ ему припадесъ въ домашнемъ костюмѣ..

— Крѣпитесь.... Говорить, что нѣкій англичанинъ предлагалъ ему десять червонцевъ за такую карточку и то не согласился!..

Однакожъ, при дипломатической сноровкѣ «хозяина», мой лаясь оказался убѣдительно въ англійскаго золота; оставшись безъ этого матеріала, принцъ принужденъ былъ прекратить свое любимѣйшее занятіе; я пообѣщалъ помочь его горю, и онъ скопируетъ для меня свою непо-

жѣрно-тучную двоюродную сестрицу, сидящую на маленькомъ канапе въ позѣ осужденной, съ голыми икрами, въ туфляхъ поверхъ чулочковъ на подвязкахъ и въ зашпиленномъ у подбородка головномъ платкѣ съ кружевною оборкою, который, окаймляя одутловатое лицо ея, ниспадаетъ на растопыренные, отъ множества широчайшихъ и коротенькихъ, на подобіе юбокъ тапцовщицъ, пальваръ, колѣнки, съ покоящимися на нихъ кистями рукъ. У ногъ принцессы валяется платочекъ; это ужъ фантазія принца, показывавшаго намъ еще съ джигипу подобныхъ барынь, а напоследокъ *дегеротингъ* обнаженной красавицы уже европейскаго закала...

Слуга покрываетъ столъ.

Было очень жарко и я облегчился до сорочки, конечно, съ дозволенія его высочества, который, въ свою очередь, *снялъ шапку* и, поправивъ рукой *европейскую прическу* своихъ шелковистыхъ черныхъ волосъ съ прелестнымъ красноватымъ оттѣнкомъ отъ хны, — сбросилъ съ себя *сардари* и *архалукъ* и остался въ одномъ туго-перетянutomъ ремешемъ ситцевомъ *коба*, обпаруживая привязанную ремешкомъ къ правой рукѣ повыше локтя *мѣдную бляху съ надписью, прикрывавшую сумочку* съ какою-то *молитвою*, а къ лѣвой *серебряный футлярчикъ* вѣроятно, тоже съ молитвою или талисманомъ, хотя «хозяинъ» и говорить, что это «такъ себя для украшенія». — Затѣмъ его высочество уѣлся за столъ на стулъ, мы остались на кровати, и слуга внесъ въ одной мискѣ пріятно-прохладительное питье изъ кисло-солоноватаго молока, въ другой — кисловатый шербець изъ сока мѣстнаго винограда «фахри».

— Вонъ, въ наружной пинѣ подъ крышею бокового дома сложено не мало бутылей съ такимъ же, но еще молодымъ сокомъ, — кивнулъ мнѣ «хозяинъ» въ сторону подъезженныхъ дверей, рекомендуя его высочеству нѣсколько бутылокъ съ водкой и виномъ, захваченныхъ нами въ *нишкенгъ* для него и теперь поданныхъ все тѣмъ же *довѣренными* слугою вмѣстѣ съ тремя толстыми, мягкими, вкусными лепешками.

За питіями послѣдовать обильный, но однообразный обѣдъ изъ трехъ перемѣнъ *плови съ курицей* (*вареною, жареною и подъ подливкою*, отдѣльно отъ щедро облиата шафраномъ рису) и четвертой — *слоеного тѣста*. Поставивъ блюда на столъ, слуга немедленно удалялся, что было на руку его прожорливому высочеству, пившему *молодцомъ*, конечно, не безъ опаски поглядывая на подъемныя двери...

На десертъ подали огромные огурцы, до которыхъ ни я, ни мой

товарищъ не дотронулись, но тотъ, не спѣша, разрѣзалъ ихъ на четыре части и жевалъ съ завиднымъ наслажденіемъ; ихъ даже не убрали со стола, оставивъ передъ нами вмѣстѣ съ *предобѣденными* лакомствами, *обѣденнымъ* шербетоу, льдомъ и водой...

— Можетъ быть, послѣ покушаете, пояснилъ его высочество, хлопая посоловѣвшими глазами за кальяномъ.

— А теперь бы соснуть, замѣтилъ я товарищу, тоже одолевъшему сномъ.

— Тутъ, на кровати и растянямя, зѣвнуль онъ, переговоривъ съ нимъ.

Тотъ, сильно пошатываясь, ушелъ къ женамъ, пообѣщавъ прислать намъ тонкое покрывало отъ безотвязныхъ мухъ, и дѣйствительно прислалъ, но до того *пропитанное женскимъ потомъ*, что мы предпочли укрыться платками. Жарища душить! Все же, хоть болѣзненно, да успели наконецъ...

Когда я открылъ глаза, товарищъ, облитый потомъ, ужасно храпѣлъ, со свистомъ и дробью въ носу; прирученная серна нугливо глядѣла на насъ со двора, а *доверенный* слуга мылъ и чистилъ кувшинъ въ водоемѣ, въ томъ самомъ водоемѣ, откуда намъ подали воду въ графинѣ и откуда всѣ пьютъ ее!.. Не прошло и минуты, какъ къ тому же водоему подошелъ его высочество въ бѣломъ *аракитѣ* (ермолкѣ) и все въ томъ же *коба* съ талисманами, сѣлъ на корточки надъ нимъ и сталъ мыться, полоскать ротъ и—о, мерзость!—*чистить носъ и сморкаться* въ воду... которую, вѣрѣтъ затѣмъ, *налили съ самовара для насъ!*..

Къ намъ явился опѣ, на этотъ разъ, *босикомъ* и уже въ круглой войлочной шапочкѣ (кула-памади), какіи носятъ здѣсь и горожане и сельчане, и послѣ того, какъ мы умылись надъ тазомъ съ двойнымъ дномъ (изъ коихъ верхнее—рѣшетчатое), повелъ насъ въ запущенный садикъ показать свою охотничью собаку, съ тремя преласковыми щенками, но, видно, сюда никогда не проникалъ солнечный лучъ:—такъ разило ѣдкою сыростью, и мы поспѣшили назадъ.

— Вглянуть бы на сельско-хозяйственные орудія, замѣтилъ я товарищу.

Тотъ, переговоривъ съ «образцовымъ» хозяиномъ на всю губернію», улыбнулся.

— Что?

— Подъ сотней предлоговъ уклоняется показать; видно, все об-

стоитъ благополучно или ничего не имѣется, кромѣ молотилки, которую и узрите сейчасъ.

Дѣйствительно, по распоряженію его высочества, двое слугъ при-
тащили къ самымъ подъемнымъ дверямъ зала *ничто въ родѣ саней*,
состоящее изъ двухъ поставленныхъ на ребра и спереди скошенныхъ
толстыхъ, широкихъ досокъ, между коими вращаются при движеніи
пропущенные въ ихъ дырѣя своими утонченными концами (удерживае-
мыми снаружы гайками или деревянными затычками) *три доухаршин-
ные бруска, съ деревянными же спицами*, а спереди возвышается
сидѣнье для возницы, изъ двухъ дощечекъ съ перекладинкой; въ такую
незамысловатую штуку впрягается лошадь, которая и таскаетъ ее круго-
образно по слою сжатой пшеницы или ячменя, причемъ зерно от-
дѣляется, солома измельчается, и подъ названіемъ «саманъ» служить
для корма скота. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи вовсе не упот-
ребляютъ молотилокъ, а просто-на-просто *колосы топчутся во-
лами...*

— Да не привьются ли тутъ усовершенствованныя сельско-хозяй-
ственные орудія? спросилъ я товарища.

Тотъ махнулъ рукой.

— Дороги!... Попробуйте-ка провезти ихъ сюда: всякъ будетъ
любоваться ими, хвалить, а скажите цѣну—*отвернутся да еще съ
ироніей!*

Бесѣдуя о произведеніяхъ здѣшней почвы, уже не представляющихъ
для читателя интереса повизны, его высочество замѣтилъ, что наем-
нымъ рабочимъ платятъ здѣсь за жнитво пшеницы или ячменя по *пяти*
батмановъ того или другаго, въ день, что составляетъ 45 коп. Далѣе
не представлялось надежды выжать изъ него что-либо интересное, и
мы уже простились, какъ онъ предложилъ намъ заглянуть въ особня-
комъ стоящій по правую сторону двора высокій домикъ въ одну
комнату—*парадную гостиную* бывшаго владѣльца этого богатаго имѣ-
нія *ни за что, ни прочто разореннаго мстными властями, что и
облегчило губернаторствовавшему тогда здѣсь дядюшкѣ принца-
фотографа* благопріобрѣсть его за *ломанный ирошъ*. Гостинная
дѣйствительно роскошная: вездѣ позолота, и между нею, на стѣнахъ,
намалеваны *лучшимъ художникомъ* какіе-то грозныя «Ирани» во весь
ростъ, одни—въ коронахъ, другіе—съ обнаженными головами, и всѣ-
съ чудеснѣйшими чуть, не по полямъ бородами; потолокъ покрытъ *анела-
ми въ шальварахъ* и голубыми, смахивающими на буриць; подъемныя

двери играли узорами изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ, больше поддѣльныхъ, т. е. покрашенныхъ разными красками, и отовсюду несло заустѣніемъ и душистыми травами, цѣлыми ворохами сушившимися на полу, въ прокъ для пищи и лекарствъ...

Проводивъ насъ до самыхъ воротъ замка, его высочество пріятельски простился, предварительно распорядившись положить для меня въ *хурджинъ* къ нукеру двѣ бутылки винограднаго соку.... Но когда я захотѣлъ дорогой напиться, они оказались пустыми, ибо безпечный нашъ «волохтеръ» и не замѣтилъ, какъ выскочили пробки и сокъ пролился...

XXXX.

Армянскія дразги.—Пребываніе русскаго каравана, и отправка товаровъ въ г. Сябзевартъ.

У воротъ караванъ — сарай поджидалъ «хозяина» представитель фирмы Красильникова, съ претензіей на одного изъ прикащиковъ фирмы Адамовыхъ.

— Мы будемъ жаловаться на него консулу!—горячился онъ.

— Въ чемъ дѣло?—поинтересовался я.

— *Онъ хочетъ бить насъ!*... зазнался своею фирмою..

— Армяне живутъ между собою очень дружно, но въ торговлѣ — *непримиримые враги, чисто-собаки надъ костью!*—пояснилъ мнѣ хозяинъ.—Еще недавно, одна фирма, желая задушить другую, пустила въ продажу желѣзо въ убытокъ себѣ...

— По сколько?

По 16 томановъ за хальваръ?!.. Одумалась наконецъ, и теперь продаетъ его, съ общаго согласія, по 20 томановъ... Пойду мирить.

— И конечно, помирите?

— До *первой косточки*....

На слѣдующій день (21 іюля) опять явился *наронъ* *) Грегортъ, по

*) Господинъ, баринъ.

уже не съ дрязгами, а съ извѣстіемъ, что прибывшій сегодня изъ Тегерана какой-то внукъ Фетхъ - Али - Шаха съ знаменитымъ шахскимъ ювелиромъ *Хаджи - Мухаммедъ - Джабаромъ* немедленно отправляется съ богомольцами, которыхъ набралось, по словамъ полиціймейстера, до двухъ тысячъ, на сборный пунктъ «Хейрабадъ», откуда выступать они въ дальній путь ровно *въ часъ ночи*..

Въ это время вошелъ къ намъ только-что пріѣхавшій изъ «Гязи» землякъ его, такой же акуратенькій, какъ и всѣ армянскіе торгаша, въ низенькой мерлушковой шапкѣ, лапестиковомъ казакинчикѣ и паль-варахъ; онъ ѣдетъ изъ Баку въ Себзеваръ по торговымъ дѣламъ.

— Слѣдовательно, увидить *орана русскихъ интересовъ*, какъ выражается нашъ астерабадскій консулъ объ накуралесившемъ тамъ армянинѣ?—спросилъ я «хозяйина».

— Конечно,—а что?

— Увѣдомилъ бы, такъ ли страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

— Вамъ не можетъ онъ повредить уже потому, что на дняхъ отправился туда прикащикъ его хозяина, тоже армянинъ, которому приказано силой *привезти эту язову* въ Тегеранъ, для отчета..

Изъ дальнѣйшей бесѣды съ пріѣзжимъ оказывается, что спутникъ Назира (о которомъ упоминалъ я) все еще *охотится* на Гязевомъ берегу и отсюда отправится въ Астрахань; что повѣренный торговаго каравана Глуховскаго, нѣкто Грошевъ, еще не пріѣхалъ туда, но уже выслалъ 120 мѣстъ товаровъ, и всѣ они сложены агентомъ пароходнаго общества «Кавказъ и Меркурій» въ амбарахъ..

— А какъ вы ѣхали изъ Гязи? спросилъ «хозяйинъ» его.

— Прямо черезъ горы,—ужаснѣйшая грязь!.. Вьюки тащутся эти 18 фарсанговъ (по увѣренію другихъ—23 фарс.) не меньше трехъ четырехъ дней, да и я пропутешествовалъ 2½ сутокъ..

Сидѣна на сборный пунктъ, пріѣзжіи простятся и вынелъ съ паронимъ Грегоромъ.

Долго послѣ того простояли мы у окна, любуясь въ подозрную трубу, какъ тамъ, вдали, по тегеранской дорогѣ, тнулся караванъ, верблюдовъ въ тридцать, тоже спѣшившій въ «Хейрабадъ», дабы въ опасныхъ мѣстахъ дальнѣйшаго своего пути въ Мешхедъ пройти подъ *сомнительною* охраною конвоя; говорю сомнительною, ибо двадцать отважныхъ туркменовъ въ состояніи отбить пушку и разметать двухтысячную толпу богомольцевъ,—какое двадцать?!

Недавно артиллеристы, принявъ два камня на холмъ за ужасныхъ

тежинцевъ, стали стрѣлять со страху какъ разъ въ противоположную сторону, а между будущими «Мешехеди» произошелъ такой переполохъ, что хотъ всѣхъ вижи по рукамъ! Понятно, если губернаторъ пускаетъ безъ оказіи только большіе верблюжьи караваны, такъ верблюдовъ въ сотню, и то если они очень дорожатъ временемъ и дадутъ ему росписку, что въ случаѣ несчастія съ ними не будутъ имѣть никакой претензіи къ нему.

Спустя день (23 іюля), къ намъ зашла *армянская почта*, въ лицѣ тщедушнаго червадара, имѣющаго отправиться завтра на *язскій* берегъ. Я вручилъ ему письмо къ Грошеву (съ просьбою выслать на имя «хозяина» крайне-нужные мнѣ теперь сундуки съ инструментами и матеріалами, какъ только вступитъ онъ на персидскій берегъ), вручилъ тюкъ съ образцами ходкихъ здѣсь мануфактурныхъ товаровъ, съ гербаріумомъ, съѣменами, минералами, древними серебряными, преимущественно, *куфическими* монетами, также золотыми, и четырнадцатью *пріобрѣтенными* мною для публичной библіотеки, персидскими литографированными книгами и рукописями. По моей настоятельной просьбѣ, «хозяинъ» потребовалъ у него росписки, — *не дастъ*: не беспокойтесь, повторять, да и только.

— *Ни за что не дастъ!* — улыбается одинъ изъ заглянувшихъ къ намъ армянъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, будьте покойны: *золото посыламъ* — не пропадаю!.. Иначе, *онъ отъѣхалъ бы головой*, — успокоиваетъ меня товарищъ.

Въ это время Хюсейнъ подаль ему телеграмму отъ астрабадскаго консула Б-на, съ пріятною вѣстью: наконецъ — то Грошевъ прибылъ въ «Гязъ» вмѣстѣ съ переводчикомъ Шафъевымъ, тѣмъ самымъ астраханскимъ персомъ, котораго я нанялъ для себя, *согласно условію съ Глуховскимъ*; они пробудутъ тамъ, пока не спровадятъ сюда всѣхъ его товаровъ, изъ коихъ 60 шѣтъ уже отправлены. Далѣе консулъ просилъ — и это въ третій разъ — купить для прогулокъ его жепѣ хорошаго катера, но таковыхъ здѣсь трудно достать, и «хозяинъ» посоветовалъ ему *пріобрѣсть* за 20 томановъ арендаторскаго осла, того самаго хивинскаго красавца, что такъ нестерпимо реветъ и достоинствами котораго, особенно *спокойною инокходью*, не нахвалится онъ, совершая пѣздки свои по окрестностямъ исключительно на немъ. Затѣмъ Б-нъ извѣщалъ о намѣреніи своемъ *выѣхать на дачу* (какъ называетъ онъ свой *выблennyй домикъ* въ одной горной деревушкѣ)

по примѣру всѣхъ богатыхъ астрабадцевъ, выѣзжающихъ на лѣто въ свои прохладныя «ейлаки», т. е. лѣтнія кочевья въ горахъ, ибо болотистыя свойства мѣстности по рѣкѣ *Кара-су*, въ особенности, на сѣверѣ отъ Астрабада, дѣлають климатъ въ это время года крайне нездоровымъ...

Пока «хозяинъ» бесѣдовалъ съ арендатаромъ о помѣщеніи для Грошева, вѣсть о скоромъ прибытіи русскихъ товаровъ уже облетѣла базаръ, и вотъ гость за гостемъ, даже изъ губерпаторской резиденціи, зашмыгали къ нему, лихорадочно справляясь о слухахъ; и все какіе любознательные они! Не успѣвъ тотъ отлучится на минутку, какъ телеграмма и письмо его пошли гулять по рукамъ ихъ, конечно, съ примѣчашіями и комментаріями каждаго, между тѣмъ какъ со двораика несли *азонъ*, ну точно выкрикиваемый муэздиномъ; то молился одинъ изъ остановившихся тутъ, проѣздомъ изъ Мекки домой, вновь испеченныхъ *хаджи*, набожная сосредоточенность которыхъ, торжественность въ осанкѣ, движеніяхъ,—все это перерожденіе отъ сознанія исполненнаго ими, *величайшаго дома правосѣрныхъ*, такъ и било въ глаза!.. Но спустя нѣсколько минутъ, картина измѣнилась: тотъ, что надрывалъ душу *азонъ*, теперь, снявши сорочку, искалъ въ ней кого-то и пойманныхъ казнилъ тутъ же потями (что, впрочемъ, увидите здѣсь сплошь и рядомъ); еще черезъ часъ, уже въ сумеркахъ, оттуда неслась развеселая пѣсня, подъ акомпанементъ дудки, до-того схожая по мотиву съ нашею плясовой, что мнѣ подумалось: да ужъ не ренегатъ ли Василій вздумалъ потѣшить насъ?—Но нѣтъ, то былъ все изъ тѣхъ же хаджи, затянувшій затѣмъ до-того заунывную пѣсню, что даже Али-Акеберъ, шумно рѣзвившійся на крышѣ съ парилкой Хюсейна, точно замеръ, съ разинутымъ ртомъ передъ пылавшимъ очагомъ, и только под конецъ ея пресерьезно прошепталъ что-то товарищу своему...

Утромъ 25 іюля, прибыла къ намъ во дворъ первая партія товаровъ Г-го, при накладной отъ Грошева на имя Александра Θεодоровича Баумгартена, (т. е. «хозяина»), отъ 20-го іюля; слѣдовательно, червадары тащились по прямой дорогѣ изъ *Гязи* сюда четверо сутокъ.

— Отчего такъ мало выслано товаровъ?—спросилъ ихъ тотъ, прочитывая письмо Грошева, не то съ приказаніемъ, не то съ просьбою къ нему *уплатить имъ за провозъ по 7 кранъ за каждые 6 пуд.* (хотя ни въ немъ, ни въ накладной не было означено вѣсъ вьюковъ).

— Теперь на берегу маловато червадаровъ.

— На насъ хватило!—хвастнули двое армянъ, тоже только-что по-

лучившіе оттуда свои 25 вьюковъ и уже подоспѣвшіе къ «хозяину» съ *совѣтами*, что не ладилось съ ихъ жадными, беспокойно шпырившими глазами по разбросаннымъ у вѣсовъ сундукамъ и лубочнымъ коробкамъ московскаго издѣлія.

Въ такихъ простыхъ, охваченныхъ желѣзными полосками, красныхъ сундукахъ (стоящихъ въ Нижнемъ 1 р. 50 к.—2 р. 30 к.) очень удобно доставлять въ Персію разную мелочь, но распродажѣ коей можно сбыть съ барышемъ и ихъ, по вѣрѣ ли это удастся Грошеву, ибо не зашитые въ рогожу, а просто-на просто обернутые въ нее и плохо перевязанные веревками, они сильно потерлись, а одинъ сундукъ съ стевариновыми свѣчами петербургскихъ заводовъ (*омильто казанскаго то?!*) вовсе не зашпатель, и неудивительно, если въ пемъ оказался недочетъ въ свѣчахъ; лубочныя же коробки съ мануфактурой положительно распозлелись!

Не получая отъ Грошева ни строчки, я и не считалъ себя въ правѣ принимать участіе въ хлопотахъ «хозяина», *ревностно занявшагося чужими дѣлами совершенно безкорыстно.*

— А ваппей-то аптеки и сундуковъ съ инструментами нѣтъ, — проговорилъ онъ, войдя ко мнѣ весь потный послѣ того, какъ подъ 33° перевѣсилъ и убралъ въ сарай товары и разсчиталъ черводаровъ, конечно удержавъ съ ихъ хозяина (того самого словоохотливаго купца, съ которымъ познакомился я на дому у муллы Зейналь Обедина) стоимость пропавшихъ свѣчъ впродъ до разъясненія дѣла.

— Добавьте: не смотря на мои неоднократныя просьбы...

Кто тутъ виноватъ: *культурный таишкентецъ* или тупой самодуръ - сидѣлецъ? — пока неизвѣстно, но неудобство путешествія съ торговыми людьми уже сказывается, и правъ былъ Пржевальскій, выразившій сомнѣніе въ успѣхѣхъ моей поѣздки словами: «наука не уживается съ торгашествомъ»; вспомнились мнѣ и слова Глуховскаго: «*Что мнѣ изслѣдованія, козляки ваши, когда я рискую карманомъ!?*» Точно кто тянулъ его за языкъ предлагать географическому обществу свое *про-свѣщенное* содѣйствіе!..

На слѣдующій день опять приплы изморенные катера съ товарами, затѣмъ—еще и еще, и, безъ всякаго сомнѣнія, любознательные гости безпощадно мучили насъ съ утра до вечера, что особенно чувствовалось въ полдень, когда въ комнатѣ—точно въ паровой банѣ, а на площадкѣ—до 40°! Даже почтенный Хаджи Абдуль-Касымъ, и тотъ не устоялъ,

чтобы не заглянуть, подь солиднымъ предложемъ, воспользоваться нашими медицинскими знаніями противъ легкой простуды своей!

— Какъ тутъ отдѣлаться отъ нихъ?—съ безнадежнымъ видомъ обратился «хозяинъ» ко мнѣ. Не улизнуть ли намъ за городъ?..

Такъ мы и сдѣлали, конечно, съ дипломатическимъ тактомъ.

— Да!—спохватился опъ дорогой. Черводары болтаютъ, что Грошевъ ѣдетъ сюда съ молодою жепщиною.

— Если съ женою,—ей предстоятъ большія неудобства.

— А если съ кухаркою, то хоть голодать не придется....

Было ровно шесть часовъ, когда мы, пагулявшись до усталости, входили во дворикъ своего жилья.

— Посмотрите-ка! крикнулъ мнѣ «хозяинъ».

— Аптека, сундукъ!... Bravo!—въ свою очередь радостно вскрикнулъ я, взглянувъ на разбросанные вьюки, прибывшие въ наше от-
сутствіе.

— На верхъ, на площадку-то взгляните! Я поднялъ глаза. Тамъ неподвижно стоялъ коренастый, нѣсколько сутуловатый паренъ средняго роста въ парусинномъ пиджакѣ и шапкѣ съ козырькомъ на затылкѣ, изъ-за спины котораго выглядывалъ черпомазый Шафъевъ, взмятый, съ замореннымъ видомъ! То былъ Грошевъ, встрѣтившій меня съ необычайною холодною, подобающею развѣ только «особамъ». «Начало, не предвѣщающее добраго конца», подумалъ я; но опасаясь обмануться, скрылъ тяжеловъ впечатлѣніе и сталъ разспрашивать о дорогѣ.

Грошевъ сообщилъ мнѣ, что А. И. Глуховской отпривилъ товару съ пимъ на осьмнадцать тысячъ руб., а потомъ проговорился «хозяину», что всего только на *четырнадцать*; этотъ товаръ доставленъ на Гязскій берегъ въ количествѣ 120 мѣстъ, изъ коихъ 34—составляли сто пуд. *сильно испортившагося* въ сундукахъ сахару, который опъ и оставилъ на комиссію тамошнему агенту, такъ какъ *транзитный* стоитъ тамъ 6 р. 90 к., а нашъ-то, русскій, обошелся ему, съ доставкою, 9 руб., слѣдовательно везти его дальше въ Персію значило бѣ увеличить убытокъ на немъ.

— Все получили по пакладнымъ? спросилъ Г—въ у «хозяина».

— Не достаеъ свѣчъ, и сундукъ изъ подь нихъ сломанъ.

— Капалы!

— Если это вина черводаровъ, то вычтемъ съ хозяина ихъ...

— Щепокъ-то сколько! покачалъ я головою, замѣтивъ въ окно нѣ-

сколько совершенно изломанныхъ ящичковъ съ прибывшими въ наше отсутствіе товарами.

— Это такъ безцеремонно ливыряли ихъ на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій», при нагрузкѣ и выгрузкѣ, промямлилъ Шафѣевъ.

— Не повѣрите—перебилъ его Г—въ,—всю укупорку перегадили мы!.. Да еще требовали за выгрузку на берегъ 12 руб., вопреки выданной мнѣ изъ агентства квитанціи, по которой общество обязывалось доставить товары на стацію Астрабадъ на свой счетъ.

— Что же вы?

— Телеграфировалъ консулу объ ихъ вымогательствѣ.

— И денегъ не заплатили?

— Нѣтъ.

— А персы, такъ тѣ безропотно платятъ, хотя очевидно: кто перевозитъ, тотъ обязанъ и сгружать, замѣтилъ «хозяинъ», выходя распорядиться ужиномъ.

— Вамъ поручилъ А. И. Г—ой переговорить съ нимъ на счетъ коммисіонерства? кивнулъ я вслѣдъ ему, обращаясь къ Г—ву.

— Нѣтъ.

— Не понимаю!.. Какъ же онъ просилъ объ этомъ астрабадскаго консула, а тотъ—меня?

— Ничего не знаю... А вы ужъ условились съ нимъ?

— Конечно, и если Г—ой вышлетъ сюда товаровъ на сумму свыше 30 тысячъ руб., онъ согласенъ быть коммисіонеромъ или даже прикащикомъ торговли его въ Шахрудъ—въ первый годъ за 500 томановъ, затѣмъ заключить съ нимъ контрактъ на 5 лѣтъ, по 1000 томановъ въ годъ, а далѣе—смотря по обстоятельствамъ; но вамъ нужно покончить это дѣло съ нимъ до весны, когда онъ намѣревается, если бы оно не состоялось, бросить Персію и вернуться въ Россію.

— А что онъ желаетъ за коммисіонерство теперь?

— На какуюнибудь тысячу—другую—ни гроша...

Правда, думалъ я между тѣмъ, «хозяинъ» уже устарѣлъ для новаго, живаго дѣла возрожденія нашей торговли въ Персіи, и слишкомъ оперсіянился: велерѣчивъ, любитъ визиты, церемоніи, угощенія, по главное откладывать дѣла, *съ завтра на завтра*, на неопредѣленный срокъ...

— Пожалуй, напишу объ этомъ Г—му, пообщалъ Г—въ и, послѣ минутной паузы, продолжалъ уже въ просительномъ тонѣ: — Не можете ли вы мнѣ?

— Въ чемъ?

— Закупилъ я въ Питерѣ золотыя цѣпочки...

— Для Персіи - то!?

— *Можетъ быть и раскупили-бы здѣсь; но дѣло въ томъ, что въ магазинъ забыли ихъ уложить, такъ онѣ тамъ и остались ... Засвидѣтельствуйте, пожалуйста, это своею подписью.*

Я улыбнулся наивной просьбѣ, отказываясь исполнить ее; тотъ надулся. Въ это время вошелъ «хозяинъ» съ телеграммой отъ астрабадскаго консула, извѣщавшаго о выѣздѣ Грошева 26 іюля изъ Гязи въ Шахрудъ; всѣ расхохотались такой акуратности персидскаго телеграфа.

— А жену оставили тамъ? обратился «хозяинъ» къ нему.

— Какую?

— Червадары болтали.

— А — а!... переврали бестія насчетъ Настьки, прѣхавшей изъ Астрахани *погостить* на Гязскій берегъ.

— Къ кому?

— Да такъ себѣ... къ агенту. Ну ее, больно кутить!

— А мы ужъ приготовили для васъ удобное помѣщеніе.

— Пойти посмотрѣть...

Когда Г—въ вышелъ съ «хозяиномъ», ко мнѣ, насупившись, подошелъ Шафѣвъ.

— П. И..... заступитесь, прошепталъ онъ, едва сдерживая слезы.

— Что съ вами?

— Вы нанимали меня переводчикомъ къ себѣ?

— Да.

— А Г—въ взвалилъ на меня работу не по силамъ, сѣдалъ своимъ батракомъ — прикащикомъ... Да еще... ру...

Тутъ Шафѣвъ сдержанно заплакалъ.

— Да еще ругается, продолжалъ онъ, успокоившись.

— Замѣтите ему, что вы мой переводчикъ.

— А Грошевъ говоритъ, что онъ надо мною полный хозяинъ...

Тамъ и въ книжку вписаль.

— Въ какую?

— Которую онъ выдалъ мнѣ.

— Покажите.

Тотъ пошарилъ въ узелкѣ и подалъ мнѣ книжку, гдѣ дѣйствительно значилось, что онъ, *Шафъевъ*, *долженъ находится съ полнымъ распоряженіемъ Грошева*. — Неужели А. И. Г— ой надулъ меня и тутъ!? Или то, быть можетъ, только самодурство новѣреннаго его? ломалъ я голову. Но въ это время онъ вошелъ самъ.

— Послушайте, отвелъ я его въ сторону, — по условію съ А. И. Г—кинь, я нанялъ въ Астрахани Шафъева переводчикомъ къ себѣ, но никакъ не работимъ къ вамъ; скажите мнѣ теперь же, признаете вы это или нѣтъ?—Если—да, то прошу не оскорблять его; если жъ нѣтъ — я немедленно телеграфирую А. И. о разрѣшеніи мнѣ взять другаго переводчика, лично для себя; иначе — не поѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — Шафъевъ при мнѣ только здѣсь, пока не нуженъ вамъ, а дальше — онъ вашъ...

— Не доволенъ уединеннымъ положеніемъ помѣщенія въ проѣздѣ караванъ-сарая, кивнулъ мнѣ на Грошева вошедшій «хозяинъ».

— Что-жъ, помѣщайтесь со мною, предложилъ я тому, довольный мирнымъ неходомъ *недоразумѣнія*, хотя внесенные сундуки съ заготовленными мною въ Питерѣ, по порученію А. И. Г—го, разными вещами на 600 руб., занимали уже полъкомнаты, переполненной теперь армянами и прочими гостями, оживившимися прибытіемъ русскаго каравана точно при видѣ добычи. Тутъ-же всеконечно, и Али-Акберъ, называющій меня съ нѣкоторыхъ поръ «аму», т. е. дядей и *Навалъ Ваначемъ*, ласкается къ своему «бобо», заглядывая съ озабоченнымъ видомъ въ заманчивые сундуки.

Въ особенности людно и шумно было за ужиномъ, и, вѣроятно, праздникъ прибытія русскаго каравана затянулся-бъ надолго, если бы *попугайный* его не всхрапнулъ на весь караванъ-сарай, предварительно попросивъ у меня, подъ шумокъ, лекарства отъ *настинной на-грады*.

— У Г—ва сифилисъ, сказалъ я «хозяину», ложась спать.

— Жалѣю васъ.

— Съ этимъ еще можно-бъ помириться, если бы въ Г—вѣ не проглядывала предпимѣренная враждебность ко мнѣ, конечно, продиктованная Г—мъ, такъ какъ лично я съ нимъ не знакомъ, а при такихъ условіяхъ сомнѣваюсь въ удобствѣ совмѣстнаго путешествія.

«Хозяинъ» не проронилъ ни слова, и только на другой день, когда Г—въ, попросивъ у меня чистую сорочку (свой-то, вишь, забылъ въ

Гязи), спустился внизъ переодѣться, высказался, что онъ - де больно обманулся, *ожидал встрѣтить въ повѣренномъ русскаго каравана просвѣщеннаго коммерсанта, и увидѣвъ грубаго, безграмотнаго апрахсинца...*

Можетъ быть, я бы услышалъ больше, если-бъ въ это время не вошелъ Шафъевъ, а вслѣдъ за нимъ дряхленькій, чуть не въ рубищѣ, поставщикъ фруктовъ къ губернаторскому столу, *довольствующійся тѣмъ, сколько соблаговолитъ дать ему за это*; онъ принесъ намъ въ пишкешъ, въ расчетѣ на взаимность, превосходныхъ «шеллиръ», величиною съ среднее яблоко, нѣжнаго винограду, едва ли не съ грецкій орѣхъ, и только - что поспѣвшихъ *смоковницъ*, т. е. *инджирю*, продаваемаго у насъ въ сушеномъ и прессованномъ видѣ подъ названіемъ *винныхъ ягодъ*; еще впервые въ жизни приходилось мнѣ отвѣдать ихъ въ свѣжемъ состояніи, предварительно содравъ съ нихъ потными мягкую, толстую кожицу; нѣжная, сочная, по до приторности сладкая мякоть съ зернышками не приплась по вкусу никому изъ насъ...

Весь этотъ день прошелъ въ сдачѣ мною Г—ву вещей и игрушекъ, болше механическихъ, предназначенныхъ было Г—имъ въ подарки «нужнымъ людямъ въ Персіи, Авганистанѣ и Туркестанѣ», теперь же, согласно его желанію, должествующихъ поступить *въ число товаровъ, для продажи*. Конечно, коронованныя особы, владѣтельные князья и, вообще, власти всѣхъ сихъ трехъ азіатскихъ государствъ потеряли отъ такового распоряженія, въ общей сложности, 293 руб. 13 коп. (что подтверждаетъ выданная мнѣ Г—вымъ росписка); но какъ бы что изъ нихъ не патадилъ-бы *ученой экспедиціи, въ моемъ единственномъ лицѣ*, на тысячи!? —Думается, что будетъ такъ...

Зачѣмъ въ моемъ распоряженіи осталась аптека, инструменты и матеріалы для научныхъ изслѣдованій и нѣкоторые предметы для общаго употребленія, всего на сумму 306 руб. 87 коп.; къ слову «казать», всѣ эти, тщательно укупoreнныя мною вещи, какъ и обшитые въ войлокъ, обтянутые парусиною легкіе сундуки и аптека, сохранились такъ хорошо, точно и не тряслись тысячи верстъ изъ Питера сюда, только вотъ курокъ револьвера системы «Смитъ и Вессона» что-то не взводился, да и этому горю сразу помочь *салиучка-механикъ*, первымъ открывшій нашу торговлю, купивъ на 3 руб. напильниковъ и т. под.

По просьбѣ его и, къ общему удивленію толпы богомольцевъ, во дворѣ, я показалъ стрѣльбу изъ револьвера и кавалерійскаго штуцера системы «Вердана».

— Просить продать нѣсколько пуль, улыбулся мнѣ «хозяинъ», любовно поглядывая на него.

— Такому умницѣ и подарить можно, но къ чему ему?

— Хочетъ смастерить такія же для своего ружья.

— Врядъ ли: тутъ нуженъ ударный составъ, а его не достанешь въ Персію...

Вообще механикъ сильно интересовался каждой механической вещью, особенно одною, занимавшею всѣхъ, игрушкою, которую мы ему дозволили взять съ собою для изученія механизма..

Пока я возился съ Г—вымъ въ комнатѣ, на дворикѣ шла необычайная суматоха. Тщедушный райетъ на осликѣ продавалъ дрянненькую лошаденку, съ азартомъ отстаивая высокія качества ея предъ покупателемъ, въ свою очередь азартно обличавшимъ передъ безучастно глазѣвшею на даровое *тамаша* толпой какой-то порокъ подъ хвостомъ у нея, между тѣмъ какъ другіе два райета не менѣ шумно спорили съ лавочникомъ, взвѣшивая муку на вѣсахъ съ камнями вмѣсто гирь, а *заморечный* Шафѣвъ, обливаясь потомъ, приспособлялъ, съ помощію арендатора, вьюки къ дальнѣйшей перевозкѣ ихъ на верблюдахъ, предварительно исправляя дрянную *московскую укупорку въ мубкахъ* и сбивая распозншіеся ящики закупленными мною въ Питерѣ штифтами на всякій случай. Конечно, все это дѣлалось имъ кое - какъ, лишь - бы довести товаръ до г. Сябзевара, откуда собственно начнется продажа ихъ, и гдѣ, слѣдовательно, *можно будетъ переукупорить ихъ на-ново*. Въ Сябзеваръ отправившея мы съ слѣдующей озаціей, такъ какъ въ Шахрудѣ, этомъ проѣзжемъ пунктѣ, не представляющимъ теперь выгоды для сбыта товаровъ А. И. Г—го, Г—ву нечего дѣлать послѣ моихъ изслѣдованій... Поправивъ укупорку, Шафѣвъ связывалъ веревками по два мѣста въ одно, наблюдая, чтобы два новыхъ мѣста составляли бы *верблюжий вьюкъ*, приблизительно въ 10 пуд. каждый. Приведенные армяниномъ Мартиросомъ *шатур-доры* *) были недовольны этимъ, *требуя увеличить вѣсъ вьюковъ*, иначе не хотѣли заниматься. «Хозяинъ» предложилъ Г—ву купить у здѣшнихъ армянъ желѣзо и пополнить имъ недостающій вѣсъ вьюковъ.

*) Верблюдчики или хозяева верблюдовъ.

— *А въ Сябзеварь продадите его безъ потерь*, замѣтилъ Мартиросъ.

— Но и безъ выгодъ, возразилъ я, и совершенно безплодно, ибо Г—въ пошелъ на эту убыточную сдѣлку безъ колебаній.

— Что же хотять они за перевозку товаровъ до Сябзева? справился онъ у «хозяина».

— Баспословно дорого... Во первыхъ потому, что, вѣдь, мы русскіе! во вторыхъ, теперь наличныхъ верблюдовъ здѣсь мало, а нанять ихъ намъ нужно, и притомъ заблаговременно, такъ какъ верблюжьи караваны выступаютъ отсюда на первую станцію «Мейомей» обыкновенно за три-четыре дня до отправки оказій; гдѣ, въ ожиданіи ея, отдыхаютъ, *пользуясь дешевой и изобиліемъ подожимаго корма*.

Конечно, не всѣ товарные караваны рискуютъ приходить безъ оказій; даже этотъ, почти безопасный отъ туркменъ, клочекъ предстоящаго намъ длиннаго пути, но нашъ отправится впередъ, ибо если онъ выступитъ одновременно съ нами, то, по медленности верблюжьего хода сравнительно съ оказіею, конечно, отстанетъ отъ насъ на нѣсколько дней пути, что не согласуется съ расчетами Г—ва...

На долю «хозяина» выпала трудная задача уломать упрямыхъ *шатур-дороговъ* съ помощью армянъ, затѣмъ нанять верховыхъ лошадей для насъ и катера подъ вьюкъ, о чемъ я и напомнилъ Г—ву.

— Какой вьюкъ?—удивился тотъ.

— А аптека, сундуки съ матеріалами, наконецъ—сакъ съ моими вѣщами и свертокъ съ одѣяломъ, подушкою и войлокомъ подъ сѣнникъ.

— *Все это только мнѣ расходы...* Вотъ я, такъ ничего не возьму съ собою, все отправлю съ товарами впередъ..

— И простудитесь; при здѣшнемъ климатѣ, гдѣ жаркій день сѣняется чувствительно-прохладною ночью, рискованно спать на голой землѣ въ одномъ парусинномъ пиджакѣ..

— Пустихи!... Изъ съѣстнаго тоже ничего не возьму...

— И будете голодать... Намъ необходимо запастись чаемъ, сахаромъ и рисомъ.

— *Къ чему?—Что найдемъ въ дорогѣ, то и ладно,—съ голоду не умремъ.*

— Для васъ можетъ быть и ладно, но мнѣ обѣщано удобство, даже

комфортъ; Шафъеву тоже должно быть все необходимое, согласно моему условію съ Г—мъ...

— Дорога-то не селами, а пустыней идетъ, поддержалъ меня «хозяинъ»; помимо продуктовъ, нужно взять съ собою и палатку и бурдюки для воды.

— Ну это-то къ чему? пожалъ плечами Г—въ.

— Палатка пужна на тотъ случай, если бы вы опоздали занять мѣсто въ караванъ-сараѣ, что легко можетъ быть при тысячѣ богомольцевъ; не ночевать же вамъ тогда въ степи подъ открытымъ небомъ: и холодно, и могутъ обворовать! — Воду же, и то не всегда годную къ употребленію, пайдете только при караванъ-сараяхъ, слишкомъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, чтобъ обойтись безъ нея въ дорогѣ.

— И слуга пужень, добавилъ я. — Не Шафъеву же прислуживать и стряпать на насъ!... Онъ и то ужъ еле на ногахъ держится, такъ измученъ...

— Обойдемся.

— Какъ обойдемся! — Опъ слышетъ, вы тоже можете заболѣть, — да у меня силъ не хватитъ ухаживать за вами, и вмѣстѣ съ тѣмъ работоръ за деслтерныхъ!..

— *Право, ничего этого не нужно.*

— Если хотите, чтобъ я вернулся въ Россію!.. Экономничая, гдѣ не слѣдуетъ, въ копѣйкахъ, вы рискуете потерять рубли!..

— Господа — опять вмѣшался «хозяинъ», — *имѣйте въ виду, что по Азіи нужно путешествовать, если не съ пышностью Напира, то по крайней мѣрѣ съ комфортомъ европейскихъ туристовъ, что только и можетъ поддержать къ вамъ уваженіе туземцевъ.*

— Но гдѣ-жъ мы возьмемъ палатку? — сдася Г—въ.

— Раздобуду все необходимое *по сходной цѣнѣ.*

— Не забудьте и о еѣдлѣ для меня, напомнилъ я.

— А мы съ Шафъевымъ поѣдемъ на паланъ, — славно! закончилъ дебатъ Г—въ, и уже собирався на боковую, какъ спова завязались пренія по поводу небольшой суммы, понадобившейся мнѣ на покупку кое-какихъ интересныхъ вещей; конечно, моя просьба основывалась на *условіи съ Г—кимъ, предоставившемъ мнѣ право пользоваться по мѣрѣ надобности кредитомъ у своего повѣреннаго, но тотъ божились всеми святыми, что у него ни копѣйки за душой.*

— Такъ на что-же мы будемъ путешествовать!?

— А на вырученные за товары деньги.

— Когда еще продадите ихъ, а теперь па что наймете верблюдовъ; чѣмъ разсчитаетесь за прочіе расходы!?

— Ужъ я сдѣлаюсь.... съ Александромъ Федоровичемъ (т. е. «хозяйномъ»), онъ поможетъ.

— Сильно промахнулись вы! замѣтилъ ему тотъ. — *Теперь ося Персія узнаетъ, что вы безъ денегъ, и вамъ придется поживаться интересами Г—ю...*

Въ концѣ концовъ Г-въ отсчиталъ мнѣ кранами *ровно вчетверо меньше нужной суммы*. Перспектива неутрадная! Хорошо еще, что у меня припасено своихъ деньжатъ, а иначе—хоть возвращайся въ Россію:—вотъ вамъ и *ученая экспедиція!*..

Спусти день, и именно 31 іюля, пришли остальные выюки, вмѣстѣ съ вещами Г—ва и Шаффева. Не добившись отъ этихъ, что-то больно скрытныхъ отъ меня, господъ подробныхъ свѣдѣній о прибывшихъ въ Шахрудъ товарахъ Г—ва и провозной платѣ, я воспользовался откровенностью ихъ съ «хозяйномъ», который и составилъ нижеслѣдующій отчетъ.

Пока «хозяинъ» бился до досятаго поту съ составленіемъ и провѣркой этого отчета, наше жилье переполнилось почтенными плутократами, между которыми находился и *нарочито-прѣхавшій* изъ Гязи дядя *астраханскаго хаджи-аги*, мулла хаджи-Хасапъ, по словамъ «хозяина», *одинъ изъ рзностпнѣйшихъ сокрушителей* «Закаспійскаго товарищества», и теперь тоже *сильно заинтересованный въ русскомъ caravanъ*, но въ какомъ отношеніи — тотъ не объяснилъ, а повѣренный его — и подавно не открылъ бы мнѣ сей «коммерческой тайны». Они пришли посмотреть мануфактурные товары, съ намѣреніемъ купить *подходящіе ситцы и сукна*, а Г-въ предлагаетъ имъ разный галантерейный вздоръ и игрушки, наигрывая при этомъ съ ухватками *молодца* на гармоникѣ, къ чему тѣ относились, конечно, съ затаеннымъ неудовольствіемъ; наконецъ онъ, и то неохотно, распаковалъ нѣсколько вьюковъ, преимущественно съ кубовыми ситцами. Опытные коммерсанты молча оглядѣли товаръ и вышли, ничего не купивъ.

— *Неподходящъ имъ*, пояснилъ мнѣ «хозяинъ»; *въ особенности выборъ кубовыхъ ситцевъ такъ неудаченъ, хотъ севите ихъ обратно.*

— По дороговизнѣ.

— Нѣтъ, *по рисункамъ...*

За чалиносцами нагрянула *саранча*, попросившая его составить для губернатора списокъ всѣмъ товарамъ.

— Хочетъ сдѣлать большую покупку, пояснили въ одинъ голосъ казначей и копоухъ, жадно впились въ галантерею.

Насытившись *тамашой*, они выбрали на показъ ему нѣсколько часовъ, съ женскими фигурами на доскахъ, и ускакали поразсказать въ Вастамъ о видѣнныхъ диковинахъ..

Полиціймейстеръ на этотъ разъ даже не проводилъ ихъ: такъ увлекся онъ музыкальною табакеркой, которую всенепремѣнно хотѣлъ пріобрѣсти для наμβα, и предложилъ Г-ву за нее свое бирюзовое колечко; тотъ надѣлъ его на мизинецъ и дѣтски любитъ лазоревымъ камушкомъ.

— Не льстите здѣсь на бирюзу, въ Мешхедѣ она въ десять разъ дешевле, посоветовалъ я; — но сдѣлка ужь состоялась.

Затѣмъ полиціймейстеръ продалъ намъ подаренную ему какимъ-то пробѣжымъ англичаниномъ палатку, за сколько? — мнѣ неизвѣстно, и уже собирался уйдти, какъ, по намеку «хозяина», я вернулъ его и подарилъ за услуги нѣсколько вещицъ, съ которыми *онъ и поспѣшилъ по начальству*, обѣщаясь заглянуть къ намъ еще вечеркомъ. Безот-

лучшо находившіеся при насъ маклеръ получилъ въ подарокъ часы; арендаторъ и Хюсейнъ тоже не были забыты, при чемъ послѣдній, получившій, кромѣ подарка, и нѣсколько рублей отъ меня, пришелъ въ ребяческій восторгъ отъ подаренныхъ его сыну гуттаперчевой лошадки и пѣтушка, между тѣмъ какъ первый изобразилъ преглупѣйшую мину недовольства своимъ пишкешемъ.

— *Персъ сдѣлаетъ мало для васъ, а рассчитываетъ на много*, улынулся Г—въ «хозяину».

— Капалы! ругнулъ тотъ, сомнѣваясь только искренно ли, ибо онъ находится въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ нимъ, и умѣетъ пользоваться преданностью какъ его, такъ и прочихъ своихъ *волонтеровъ*, этихъ добровольныхъ рабовъ изъ-за подачи и покровительства отъ произвола властей..

Вообще, сегодня отъ посѣтителей не было отбою, и все это говорило, любовалась, но не раскошеливалось, и только одинъ торгашъ купилъ темного полосатого тигу, причемъ, *недовѣря нашему аршину*, мѣрилъ его своимъ, складнымъ, состоящимъ изъ двухъ палочекъ, связанныхъ веревочками вмѣсто шарпировъ; каждая палочка или половина аршина равнялась $10\frac{1}{2}$ вершкамъ, слѣдовательно, цѣлый персид. или, такъ называемый ханскій аршинъ — $20\frac{1}{2}$ верш. Я показалъ имъ наши складные аршины и рулетки, и тѣ просили привезти таковыя же персидскаго размѣра..

Пришедшіе подъ вечерокъ армяне «поддержали коммерцію», купивъ пару часовъ и нѣсколько мелочей изъ сданныхъ мною вещей, какъ то: цѣпочки новаго золота, коробку слабительныхъ порошковъ, перочинные ножки, карандаши и т. под.; они накупили-бъ гораздо больше, еслибъ Г—въ не отказался продолжать *мелочную торговлю*, говоря, что часть галантереи оставить на комиссію Б-ну, т. е. «хозяину», который и продастъ имъ, что нужно; затѣмъ онъ скрылся подъ шумокъ..

— Куда дѣвался Г—въ? спросилъ я «хозяйина» за позднимъ ужиномъ, къ которому опять явились армяне и полиціймейстеръ.

— Ушелъ съ Шафьевымъ къ глазу муллъ хаджи-Хасану, вѣроятно, *по секретному дѣлу*, такъ какъ не взялъ даже ни одного пука съ собою.

— Уже ночь, а ихъ нѣтъ.

— Это нехорошо, пасмурно процѣдилъ полиціймейстеръ. — *Иностранцу не безопасно ходить въ потьмахъ по городу, идъ много прохожихъ богомольцевъ*, пояснилъ опъ, заѣдая сытный ужинъ съ изо-

билнымъ возліяніемъ *пѣцями и лукомъ*, видимо недовольный Г-вымъ за то, что тотъ, обходясь безъ услугъ его, не подастъ надежды на подачку. Въ это время входитъ «европеецъ», прискакавшій изъ Бастама, закутить для губернатора 500 хане. арш. *полосатого*, такъ называемаго *азіятскаго* тису (конечно, если столько найдется у насъ); пойманный въ раслохъ за водкой, полиціймейстеръ изобразилъ-было ни въ чемъ неповинный видъ, по, смекаявъ, что этимъ ничего не возмешь, сталъ подливать да подливать *ненавистному человеку* той же самой киниминевки, чтобы при случаѣ сказать: «и ты пилъ въѣсть со мной»...

Не дождавшись конца кутежа, я успуль, съ затаеннымъ подозрѣніемъ на счетъ все-еще отсутствующаго Г-ва, ибо — какія-такія честныя дѣла могутъ быть между нимъ и завѣдомымъ плутомъ муллою хаджи-Хасаномъ! — Вѣроятно, тутъ крестя какая нибудь сдѣлка въ ущербъ интересамъ русскаго каравана; да ужъ не съ кубовыхъ ли сытцевъ, *которые мы не показывали*, началась она?... Признаюсь, заподозрилъ я и «хозяина», навязавшаго Г-ву армянское желѣзо *по здѣшней цѣнѣ*, и именно, по 17 — 18 томановъ за хальваръ, ибо; не походятъ ли это на то, еслибъ Г-въ пріѣхалъ въ Шахрудъ съ пустыми руками, но съ полнымъ карманомъ, и закунилъ бы здѣсь товары по существующимъ цѣнамъ для отправки ихъ дальше, въ Мешхедъ? — Хороши были бы барыши!.. Можетъ быть мои подозрѣнія не основательны, но во всякомъ случаѣ, замѣчая вокругъ себя «коммерческую тайну» и очевидный сумбуръ, я опасался, какъ бы не поддѣли повѣреннаго Г-го. Конечно, это участіе было пассивное, такъ какъ я не имѣлъ *права мѣшаться въ торговую часть экспедиціи*, да и время у меня не было на то..

Спустя день (2 августа), совсѣмъ обезсиленный Шафъевъ слегъ и лежалъ пластомъ, какъ мертвецъ, но временамъ испытывая лихорадочныя пароксизмы и рвоту, послѣднюю — вѣроятно вслѣдствіе того, что, не рѣшавшись въ присутствіи своихъ единовѣрцевъ раздѣлить обѣдъ съ нами, особнякомъ похлебавъ себѣ, въ разгоряченномъ работою состояніи, *искусной воды со медомъ*. Подошелъ ко мнѣ шатаясь и Г-въ:

— Дайте, Бога ради, лекарства: грисетъ и запоръ.

— Вотъ и аптека пригодилась!...

Подъ вечеръ съ Шафъевымъ стало хуже: открылся бредъ, между тѣмъ какъ Г-въ чувствовалъ себя настолько хорошо, что уже могъ заняться, съ помощью «хозяина» и *усмужмовыхъ* армянъ, сдачею въюковъ *шатур-дорамъ*, при чемъ Мартиросъ горячился больше всѣхъ.

— Изъ-за чего? спросилъ я «хозяина», заглянувшего на верхъ.

— Изъ желанія угодить мнѣ... Онъ преданъ мнѣ, и сегодня еще увѣрялъ, что если взялся нанять для васъ верблюдовъ *по возможности дешевой цѣнѣ*, то только ради меня: «я, говорить, такъ люблю тебя, хозяинъ, что еслибъ ты продалъ даже сына моего, то и тогда-бъ не разсердился на тебя!».

— И только бы цѣтовговался?... А почему онъ нанялъ верблюдовъ?

— *Онъ въсу: по 3 руб. 75 коп. за каждые 60 батмановъ (10 пуд. 35 фун.).*

— Дороговато... А лошадей для насъ?

— По 4 томана за каждую.

— Ровно вдвое дороже!?

— *Христіанс!*

— Вздоръ!.. Теперь понятно, почему онъ такъ страство объяснялся въ любви къ вамъ.

«Хозяинъ» не возражалъ, да и бесѣда не могла продолжаться, такъ какъ въ это время ввалилась толпа мелкихъ торговцевъ за галантереемъ, и между ними полиціймейстеръ, желавшій купить большой ящикъ съ музыкой, уже въ пижкешъ губернатору, о чемъ онъ и сообщилъ Г-ву.

— Ахъ, чортъ возьми! схватился тотъ за голову.

— Что?—спросилъ я.

— Все упаковалъ!

— Да, вѣдь, вы хотѣли большую часть галантерей оставить на комисію Александру Фёдоровичу?

— Забылъ... Теперь же распаковываться поздно: сейчасъ привалить верблюды..

Дѣйствительно, въ 10 ж. седьмого ч., во дворъ вступила гуськомъ первая партія верблюдовъ, съ гордо поднятыми мордами на вытянутыхъ кверху длинныхъ шелкъ, съ короткими мохнатыми ушами, *добрыми* глазами, раздвоенными широкими ступнями и съ вьючными сѣдлами на потертыхъ спинахъ. Во главѣ ихъ важно шелъ *вожакъ*, не одинъ десятокъ разъ совершавшій на своемъ вѣку путь отсюда въ Сибирь, а потому украшенный надъ носомъ бантиками изъ разноцвѣтной шерсти и вокругъ шеи таковыми же бантами, бахромой и многими бубенчиками; на шелкъ двухъ-трехъ изъ остальныхъ, какъ и у замыкавшаго гусекъ верблюда, тоже болталась бахрома. Этотъ послѣдній, оглядѣвъ съ любопытствомъ дворъ, степенно приблизился къ *вожаку* и *поцаловался* съ нимъ, ну точно какъ *христосуются* люди, на что

«хозяинъ» замѣтилъ мнѣ, что ему перѣдко случалось видѣть между ними *тѣжкость, походящую на человеческую...*

Пока однихъ навьючивали, прочіе, въ ожиданіи очереди, или удивленно озирались кругомъ, или, вотъ какъ эта милая тройка, обернувшись другъ къ другу мордами, точно радовались встрѣчѣ, облизывая одинъ другаго и вообще ласкаясь....

Между тѣмъ двое *шатур-дорогъ* надрывались въ спорѣ изъ за вьючной веревки.

— Сожгу отца твоего!... Сожженный отецъ! *)—пѣялись они, хватаясь чуть не за жижи, но арендаторъ дружески унялъ ихъ.

Процессъ навьючиванія каждаго верблюда длился не болѣе двухъ минутъ: по слову *шатур-дора*, иногда по его гортанному звуку на пооб тихаго трескучаго харканья, выносливое животное покорно опускалось нѣсколько на переднія колѣни, потомъ тяжело садилось на заднія, и уже затѣмъ совсѣмъ опускалось на переднія, и тотъ прилаживалъ къ его бокамъ по вьюку, пропускалъ *шерстяную* веревку съ сѣдла въ деревянную скобу каждаго изъ нихъ и ею же обвязывалъ его, послѣ чего толкалъ ногой подъ брюхо животное, которое поднималось на заднія, и затѣмъ уже на переднія ноги.

Когда эта партія, навьючившись, ушла, во дворъ вступила, такъ же степенно, другая, съ молодымъ верблюдомъ, которому еще впервые приходилось подчиниться дисциплинѣ, и онъ севался то въ одну, то въ другую сторону, нарушая стройный видъ гуська, а при навьючиваніи оказалъ ослиное упорство: съ трудомъ уложили его, но тотъ не лежалъ спокойно, что побудило *шатур-дора* стать на переднія ноги ему и придавливать ихъ до тѣхъ цоръ, пока товарищъ не навьючилъ его. Съ сердитымъ ревомъ подпился бѣдняга, между тѣмъ какъ арендаторскій осликъ, поглядывая на него, самодовольно помахивалъ своими длинными ушами.

Вьючка окончилась; *шатур-дорамъ* были выданы наглядныя до Сябзева и подтверждено условіе, что за малѣйшую пропажу отвѣчаютъ все, и затѣмъ нашъ товарищъ караванъ, въ 32 верблюда, двинулся на *Хейрабадъ* въ Сябзеваръ; конечно, мы догонимъ его на полпути.

Благодаря только «хозяину», я узналъ, что всего отправлено 72 мѣста; остальные, кажется, 5 мѣстъ, преимущественно съ кубовыми ситцами, оставлены ему на комиссію.

— А на сколько продано здѣсь товару?

*) Самая энергическая брань у персовъ.

— *Мелочей*, больше изъ сданныхъ вами Г-ву, на 200 руб., да нѣсколько штукъ *полосатого* (азіятскаго) тикю, изъ коихъ губернаторъ купилъ три, по 31 $\frac{1}{2}$ к. за арш. *Цѣна хорошая*, такъ какъ онъ обошелся Г-ву всего по 23 $\frac{1}{2}$ к., вотъ и все тутъ!

— А часы и пр. вещи купилъ?

— Вернулъ... Ужъ какъ казначей ни упрямивалъ Г-ва продать ихъ «опорѣ государства» подешевле, тотъ ни копѣйки не уступилъ, что, по моему, не политично!.. Впрочемъ, нужно и то сказать, что онъ давалъ за часы несообразно мало, *въ убытокъ ему*, ибо перем, не понимая значенія иныхъ вещей, не умѣють и цѣнить ихъ при куплѣ; понравься имъ какая вещь, они будутъ торговаться за грошъ цѣлый часъ, день и больше!.. Помните того, что приходилъ съ складнымъ аршиномъ.

— Какъ-же.

— Онъ ужъ деньги принесъ за сторгованный тикъ, и снова началъ торговаться чуть не до брани!

— А съ насъ дерутъ: вонъ «европеецъ» запросилъ съ Грошева 75 к. за простой стаканъ!. Ну, а розданныя имъ, при вашемъ посредничествѣ, вещи на домъ, для *томаши, совѣтовъ и размышленій*: «купить ихъ или нѣтъ»?

— Двое купили на нѣсколько крановъ, прочіе возвратили, говоря, что *не по карману* имъ.

— И въ исправности возвратили?

— Игрушки почти всѣ перенортили.

— Могли и вовсе не возвратить!...

XXXXI.

Гигиометрическое измѣреніе и мѣсячное наблюденіе надъ температурой. — Прощаніе съ «опорою» Церей и губернаторская резиденція Вастамъ. — Два-три слова о Хорассанѣ. — Сборъ въ дальній путь и отъѣздъ.

На слѣдующее утро (3 августа) Шаффеу полегчало, Г-въ же не могъ встать съ постели: у него началась, кажется, горячка; Хюсейна тоже пробирается лихорадка съ доброй часъ, но онъ, видя хлопоты мои, крѣпился пока смочь, теперь-же молча сталъ у дверей, судорожно вы-

тягивается и кривляется съ болѣзненными ужимками; жилъе наше обратилось въ лазаретъ!..

И раздавалъ лекарства, какъ на дворѣхъ поднялся бѣшеный крикъ, на который неслись съ площадки не менѣе азартные возгласы «хозяина», не замедлившаго обьяснить мнѣ эту сцену тѣмъ, что какой-то богомолець, купивъ у него самоваръ (правда, очень дорого: по рублю за фунтъ) и продержавъ у себя его двое сутокъ, теперь возвращаетъ его.

— И еще обзываетъ меня обманщикомъ! Я понимаю, чья это шулки, намекнулъ онъ на губернаторскую саранчу, конечно *недовольно востыми нами за неуступчивость Г-ва...*

Какъ ни былъ взволнованъ почтенный «хозяинъ» подкупленнымъ негодлемъ, однакожъ, вернувъ ему деньги, отправился со мною на гипсометрическое измѣреніе бастамо-шахрудской долины, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ ея горными породами, скудною флорой и еще болѣе скуднымъ міромъ насѣкомыхъ, не говоря уже о другихъ животныхъ, которыхъ, пожалуй, и не увидите здѣсь, хоть проживете годъ. Зналъ, что туземцы относятся къ изслѣдованіямъ европейцевъ, въ особенности съ инструментами въ рукахъ, *подозрительно*, онъ умолчалъ объ этой экскурсіи даже передъ полиціймейстеромъ и повелъ меня пустынными переулками; за нами слѣдовалъ навьюченный инструментами и самоваромъ осликъ, подъ присмотромъ одного изъ преданныхъ намъ нукеровъ, виднаго молодца съ окладистою черною бородою, добрыми глазами, бараньей шапкой на затылкѣ и въ костюмѣ *осадника* или коннаго милиціонера, отличающагося отъ національнаго развѣ только болѣе короткимъ архалукомъ съ краснымъ кантомъ.

— Вашъ будущій слуга. Хабибъ - бекъ, отрекомендовалъ его мнѣ товарищъ.

— Дворяринъ?

— Обѣдѣвшій... Отлично знаетъ дорогу вплоть до Менхедъ, но можете ѣхать съ вами только до Слбзевара, а тамъ возьмете себя другаго.

— Какъ-же онъ, будучи милиціонеромъ, нанялся въ услуженіе?

— Въ Персіи все можно, лишь бы заплатили кому слѣдуетъ.

— За сколько же вы наняли его?

— По два крана въ день, на вашихъ харчахъ, но содержаніе лошади на свой счетъ.

— Г-въ скажетъ дорого.

— Не скупитесь, дайте ему вспомнить васъ добрымъ словомъ...
Славный малый!

— И, кажется, безъ ушей?

— По ошибкѣ начальства...

— Какъ такъ!

— По допосу враговъ обвинили его въ пелестныхъ отзывкахъ о *губернской саранчѣ*, за что и былъ онъ лишенъ ушей, но вслѣдъ за тѣмъ допосъ оказался клеветою...

— Ну?

— Ушей не вернешъ! а губернаторъ изволилъ *обнадежить* его обѣщаніемъ вспомнить объ этой своей ошибкѣ, если тотъ заслужитъ такое наказанія впредь!

Бесѣдуя, мы незамѣтно вышли у гебрскихъ рупнъ за городскую стѣну, и въ 8 ч. остановились въ полтора верстахъ отсюда у подножія скалистыхъ горъ, на узкой песчаной полосѣ между «Царь-рѣкой» и канавкою «Багъ-занданъ», имѣющими здѣсь отъ $\frac{1}{2}$ до сажени шир. $\frac{1}{4}$ —2 фут. глубины, — $12\ 35^{\circ}$ R температуры и $5\frac{1}{4}$ фут. теченія въ секунду.

Проворно очистивъ серпомъ мѣстечко для насъ отъ рѣдкихъ колючекъ, Хабибъ-бекъ разостлалъ коверъ и пока кипятилъ воду въ самоварѣ, для гипсометра, мы, лежа, любовались, подъ дремотное журчаніе ручейковъ, нѣгой лазуреваго неба, разноцвѣтными скалами вблизи и спѣжными полосками на отдаленныхъ горахъ, а отдохнувъ собрали на этой мѣстахъ песчаной, больше глинистой и твердой, какъ камень, сплошь покрытой осколками съ горъ почвъ, жалкій гербарій, и принялись-было за горныя породы, какъ минералогическіе молоточки (купленные мною въ магазинѣ Рихтера, что противъ адмиралтейства), *при самыхъ осторожныхъ ударахъ* не въ скалу, а въ осколки съ нея, *раскрошились!*?

Послѣ этой неудачи послѣдовало въ 8 ч. 45 м. ут. (при легкомъ движеніи воздуха и безоблачномъ небѣ) гипсометрическое измѣреніе долины, повторенное мною пять разъ; разница въ показаніяхъ какъ гипсометра, такъ и термометра была ничтожна, и средняя температура кипѣнія воды равнялось $+76^{\circ}$ R., а воздуха $= +23, 25^{\circ}$ R., слѣдовательно, по вычисленію, шахрудская долина превышаетъ уровень моря, приблизительно, на 3,480 фут., говорю приблизительно, потому что измѣренія высотъ посредствомъ температуры кипѣнія воды даютъ далеко не точные результаты, требующіе многихъ поправокъ.

Уже собрались мы домой, какъ вдали показался полиціймейстеръ

видно ему донесли о нашей таинственной экскурсіи съ соотвѣтствующими персидской подозрительности опасеніями на счетъ послѣдствій ея для Персіи, и тотъ, запыхавшійся отъ быстрой ходьбы и *понятнаго* волненія, съ растеряннымъ видомъ выразилъ передъ нами сожалѣніе, *что опоздалъ сопровождать насъ на интересную работу.*

— Другими словами, пояснилъ «хозяинъ», прозвѣвалъ видѣть ее, чтобы довести о видѣніи, съ своими комментаріями, губернатору.

— Съ которыми завтра распрощаюсь я. Предупреди его объ этомъ, обратился я къ полиціймейстеру.

— Бѣли, процѣдилъ тотъ, насмѣрно слѣдуя за нами, обливался потомъ.

Природа точно замерла подѣ жгучимъ солнцемъ, и только большіе ящеры весело бѣгали по раскаленнымъ стѣнамъ садовъ, въ одномъ изъ коихъ виднѣлось *нѣсколько* *трядокъ*, *почти неизвѣстной зѣбъ*, *капусты.*

Очень, очень жарко сегодня, да и во все время моего пребыванія въ Шахрудѣ стояла не менѣе чувствительная жара, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы моихъ наблюденій надъ температурой съ 9-го іюля по 5 августа; конечно, разнообразныя занятія не позволяли мнѣ слѣдить за нею въ одни и тѣ же часы, что, однакожъ, не помѣшаетъ правильному выводу о ней.

ЧИСЛА МѢСЯЦА.	ЧАСЫ И МИНУТЫ.				ТЕМПЕ- РАТУРА по Р. ^о .		ПРИМѢЧАНІЕ.
	УТРО.	ДЕНЬ.	ВЕЧЕРЬ.	НОЧЬ.	ВЪ ТѢНЬ ИЛИ ВЪ КОМНАТѢ.	НА СЛОНІИ ИЛИ НА ВОЗДУХѢ.	
9 іюля.	— — —	— — —	7 ч. 10 ч. —	— — 3 ч. 4 ч.	28° 27° 27° 24°	— — — —	
10 »	12 ч. —	— 1 ч. 40 м.	— —	— —	30° 31°	44° —	
11 іюля.	6 ч. —	— 3 ч.	— —	— —	27° 29°	— —	
12 »	6 ч. — —	— 3 ч. —	— — 7 ч.	— — —	22° 24° 22°	— — —	
13 »	—	—	7 ч. 30 м.	—	25°	—	Съ 13 іюля ночи измѣнились: вѣ- теръ съ горъ на столько свѣжъ, что мнѣ приходилось (лежа на площад- кѣ, подъ открытымъ небомъ) укрыв- аться поверхъ простыни одѣяломъ.
14 »	5 ч. 30 м. 11 ч.	— —	— —	— —	19° 25°	— —	
15 »	6 ч. 10 ч. —	— — 1 ч. 30 м.	— — —	— — —	21° 24° 26°	— — —	Накрапываетъ маленькій дождь.
16 »	5 ч. —	— 2 ч. 30 м.	— —	— —	— 27°	— —	Накрапываетъ маленькій дождь.
17 »	— —	12 ч. 30 м. 2 ч. 30 м.	— —	— —	27° 27°	— —	
18 »	—	—	10 ч.	—	16,5°	—	
19 »	5 ч. 9 ч. 30 м. — —	— — 2 ч. —	— — — 7 ч. 30 м.	— — — —	16,5° 26° 27° 25°	— — — —	
20 »	5 ч. 30 м. —	— 4 ч. 30 м.	— —	— —	— 23,5°	16° —	Небо облачно, легкій вѣтерокъ.
21 »	5 ч. — — — —	— 2 ч. 3 ч. 4 ч. —	— — — — —	— — — — 1 ч.	15° 25° 25° 25° 18°	— — — — —	

ЧИСЛА МѢСЯЦА.	ЧАСЫ И МИНУТЫ.				ТЕМПЕ- РАТУРА по R ^o .		ПРИМѢЧАНИЕ.
	УТРО.	ДЕНЬ.	ВЕЧЕРЬ.	НОЧЬ.	Въ тѣни или въ болѣзнь.	На солнцѣ или на воздухѣ.	
22 июля.	—	3 ч.	—	—	27°	—	
23 »	—	5 ч.	—	—	24°	—	Съ полудня дуетъ сильный вѣ- теръ.
24 »	—	5 ч. 35 м.	—	—	23°	—	Вѣтеръ продолжается съ тою же силой, и въ 5 ч. 30 м. про- шелъ стремительный вихрь.
25 »	12 ч.	—	—	—	23°	29°	
	—	3 ч. 10 м.	—	—	23°	33°	
	—	—	7 ч.	—	23°	20°	
	—	—	10 ч.	—	23°	17°	
26 »	5 ч.	—	—	—	—	13°	
	—	5 ч.	—	—	—	30°	
	—	—	10 ч.	—	24°	—	Ночью было много падающихъ звѣздъ.
27 »	—	2 ч.	—	—	2°	38°	
	—	—	8 ч.	—	2°	21°	
28 »	—	2 ч.	—	—	27°	—	
29 »	—	2 ч.	—	—	27°	—	
30 »	—	2 ч.	—	—	27°	—	
31 »	—	2 ч.	—	—	27°	—	
1 августа.	5 ч.	—	—	—	—	17°	
2 »	5 ч. 30 м.	—	—	—	—	16°	
3 »	—	3 ч.	—	—	28°	—	Въ 8 ч. вечера молнія прорѣза- ла нѣсколько разъ темный небо- склонъ на горизонтѣ.
4 »	—	2 ч. 15 м.	—	—	26°	—	
5 »	5 ч.	—	—	—	—	16°	Въ 12 ч. 45 м. днѣ шелъ съ полъчася мелкій, но частый дождь.

На слѣдующій день моимъ больнымъ было лучше, и я могъ отправляясь въ Бастамъ, проститься съ *подпорою Перси*. Мы ѣхали на пробу ту самую лошадь, на которой побѣду я въ Сябзеваръ; она оказалась иноходцемъ. «Хозяинъ» ѣхалъ, по обыкновенію, на арендаторскомъ осликѣ, а сопровождавшій насъ Хабибъ-бекъ гарцовалъ на своей длинноносей, тончей лошадекѣ, увѣряя насъ, когда мы были уже далеко за городомъ, что въ Шахрудѣ нѣтъ равной ей по бѣгу.

— Если твоя лошадь перегонитъ мою,—получишь призъ, отвѣтилъ я, удовлетворяя внезапно охватившему меня желанію проскакать сломя голову отдѣлявшія насъ отъ Бастама четыре версты.

— Бѣли, бѣли, самонадѣянно улыбался тотъ.

— Отъѣзжай шаговъ на двадцать впередъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы навѣрняка выиграть призъ.

— Бѣли, бѣли.

По знаку «хозяина», мы пустили копѣй вскачь.

Раскидывая погами, съ гикомъ летѣлъ Хабибъ-бекъ дѣйствительно быстро, но и моя лошадка неслась такъ, что духъ захватывало у меня, и за версту до Бастама далеко опередила его.

— Уздечка лопнула! оралъ онъ издали, ужасно размахивая руками, и, запыхавшись, подѣхавъ ко мнѣ, продолжалъ съ тѣми же жестами, то насильственно улыбаясь, то съ протестующимъ видомъ кровно-обязаннаго: иначе не догналъ бы.... Нѣтъ, нѣтъ, ни одной лошади здѣсь не обогнать моей!....

— Кромѣ моей, смѣялся я.

— И то, еслибъ у него уздечка не лопнула, иронически замѣтилъ подѣхавшій «хозяинъ», предложивъ мнѣ испробовать теперь ѣзду на арендаторскомъ осликѣ, равномерный безъ поуканій и остановокъ бѣгъ котораго не уступалъ скорому шагу моего иноходца; вотъ только паланъ на немъ, что двухснальная постель, не по мнѣ: нужно растопыривать до боли ноги, и я предпочелъ сѣсть бокомъ; осликъ засеменялъ: трусь, трусь, трусь, такъ и убаюкиваетъ.... Между тѣмъ разгоряченный иноходецъ понесъ было «хозяина», и тотъ, конечно, шлепнулся бы, еслибъ Хабибъ-бекъ не подоспѣлъ на помощь къ нему.

— У меня кружится голова отъ быстрой ѣзды, еле переводя духъ говорилъ онъ, пересаживаясь на своего неизмѣннаго *хэра*....

Минуты черезъ три мы остановились у извѣстной читателю садовой калитки; стоявшій тутъ какой-то субъектъ отправился доложить о

насть губернатору. Прошло *съ четверть часа* томительнаго ожиданія, пока не появился уже другой субъектъ, и только успѣлъ передать намъ, что: «Шах-заде вернулся вчера съ охоты очень поздно, и теперь отправляется въ баню, а за тѣмъ уже приметъ насъ, какъ изъ калитки вышелъ самъ онъ, съ палочкой, штатомъ и пажемъ, и, послѣ обоюдныхъ привѣтствій, изволилъ пообѣщать *скоро вернуться*, а тѣмъ временемъ предложилъ намъ войти въ садъ.

— Дуется, шепчуль «хозяинъ», обмѣливаясь сладостями съ встрѣтившимъ насъ тамъ церемоніймейстеромъ, по приглашенію котораго мы вошли въ «присутствіе» вице-губернатора, расположенное въ нижнемъ этажѣ какъ разъ подъ «присутствіемъ» губернатора.

— Конечно, его высочество не остался бы безъ пишекеша, еслибъ Г-ой не измѣнилъ своей первоначальной программы, отвѣтилъ я, усаживаясь по персидски на полъ за неизмѣнимъ стульевъ.

Вошелъ статный вице-губернаторъ съ тщательно откормленнымъ, смазливымъ начальникомъ мѣстной артиллеріи; за ними явились еще двое-трое чиновныхъ людей и нѣсколько просителей изъ плутократіи, и, усѣвшись на корточки, задымили кальяномъ: одни любуются моимъ карманнымъ револьверомъ, который находили они *баснословно дорожнымъ*, другіе трактуютъ о деньгахъ. Вице-губернаторъ приступилъ къ разбирательству какого-то дѣла между бѣдняками, пасмурно торчавшими на площадкѣ передъ подъемными дверями «присутствія»... Меня мучила жажда, принесли миску воды со льдомъ, но я попросилъ черезъ «хозяина» шербету, и церемоніймейстеръ приказалъ подать виноградный сокъ, спросилъ у меня носовой платокъ, черезъ который и процѣдилъ его въ миску, предварительно бросивъ туда нѣсколько кусковъ сахару, и затѣмъ предложилъ намъ сей *не столь* чистый прохладительный напитокъ. Въ это время къ «присутствію» самоуверенно приблизился видный дѣтина съ огромнымъ бараномъ подъ мышкою; церемоніймейстеръ снисходительно указалъ ему глазами въ сторону — и тотъ отошелъ.

— Проситель, съ обычнымъ пишекешомъ, для его высочества, появился «хозяинъ» на мой вопросительный взглядъ. Кому есть что подарить, тотъ смѣлъ, по... хотѣлъ было продолжать онъ, какъ въ комнату ухарски ввалился черномазый господинъ съ ястребинымъ взоромъ, огромнымъ носомъ, небрежно намотаннымъ на шею пестрымъ ситцевымъ платкомъ съ болтающимися концами на спинѣ и въ бѣлой кула-намади съ козырькомъ на боку: персидскій шикъ!

— Важная птица изъ Тегерана, шепнулъ мнѣ товарищъ, когда тотъ, развязно, *по столичному*, поздоровавшись съ вице-губернаторомъ, сталъ съ азартомъ рассказывать что-то.

— Кто именно?

— Назиръ министра финансовъ... Въ его рукахъ все.

— Ого!... А о чемъ оретъ онъ съ такими рѣшительными жестами?

— Не хочеть ждать okazji, говоритъ: сегодня же ѣду въ Мешхедъ на богомолье.... конечно, если Шах-заде дастъ ему копвойныхъ.

Присутствующіе, внимая рѣчамъ *знатнаго холода* съ подобающимъ подобострастіемъ, только пожимали плечами въ отвѣтъ на его отвагу.

— Ну что съ меня возьмутъ туркмены!? продолжалъ тотъ, само-довольно вертясь въ стороны, между тѣмъ какъ церемоніймейстеръ, чуть не облизываясь, наслаждался лицезрѣніемъ его.

— Мы старые знакомые, прихвастнулъ онъ, приготовляя шербетъ, за которымъ гость принялся выкладывать передъ слушателями тегеранскія новости.

— Шахъ уѣхалъ въ свою лѣтнюю резиденцію. *Какую-то еще выдумаетъ игру, когда вернется изъ Тегерана?* говорилъ онъ съ ухватками нашихъ Хлестаковыхъ.

— Что это за игры? спросилъ я «хозяина».

— *Такъ называютъ нововведенія шаха* большинство сановниковъ, несочувствующихъ ему...

Торопясь осмотрѣть Бастамъ, пока его высочество наслаждался въ банѣ, мы простились съ почтенною компаніей, тѣмъ болѣе, что наше присутствіе видимо стѣснило ее.

У садовой калитки стояли теперь въ возлахъ четыре ружья и сарбазъ, сдѣлавшій мнѣ на караулъ; другой же, сидѣвшій въ сторожкѣ, упершись глазами въ землю, *не желалъ замѣтить насъ*. Прежде тутъ не было никакой стражи, и внезапное появленіе ея мой товарищъ объясняетъ намѣреніемъ *саранчи* возвысить въ моихъ глазахъ «подпорку государства», дабы тѣмъ побудить меня приподнести ей соотвѣтственно вѣскій пишкешъ, но... но чтожь дѣлать, если Г-ой распорядился иначе? Не предрѣшая столь важнаго вопроса, я съ Хабибомъ уѣхали на коней, «хозяинъ» на осла, и поѣхали узкимъ проходомъ въ такъ называемую цитадель, въ сущности ничѣмъ не отличающуюся отъ прочихъ частей города. По лѣвую сторону прохода расположены жилища мазанки и боюшши, по правую — обнесенное высокою стѣной съ башенками губернаторское жилье, величаемое *дворцомъ*, который мнѣ очень хотѣлось

осмотрѣть, но для этого, по увѣренію «хозяина», нужно было сперва *отдать* визитъ хазнадару, отъ чего я отказался, и мы ограничились наружнымъ осмотромъ, тѣмъ болѣе что, по словамъ того же «хозяина», вную три ничегоповаго не увидѣли бы.

Сѣли опять на коней и воротами замыкавшей проходъ стѣнки проѣхали на обширный плацъ, обнесенный съ противоположной стороны высокою стѣной, тоже съ воротами, а съ прочихъ трехъ ветхими казармами, конюшней и полуразвалившимися, спереди открытыми сараями, откуда смрренно выглядывали три покосившіеся на бокъ заржавленные орудія на разбитыхъ лафетахъ съ таковыми-же колесами; кругомъ ни души, и только какой-то ветхій артиллерійскій офицеръ, видимо поджидавшій насъ тутъ, сдѣлалъ намъ честь и торопливо направился къ губернатору доложить, что *все обстоитъ благополучно*.

За воротами таковой-то цитадели пошли съ одной стороны высокія стѣны садовъ, съ другой—посѣвы табаку. Далѣе узенькая улочка влѣво вела къ единственному въ городѣ базарику, больше съ фруктами, туземными произведеніями и грошевымъ галантереємъ изъ-за границы; проѣздъ или проходъ этого убогаго торговища былъ на сей разъ бузвально *затопленъ* водою изъ оросительныхъ капавъ, для освѣщенія ли его или потому, что черезъ него удобнѣе пускать воду въ сады, или же безсильно-злобствующая власть за *вещественное невниманіе* къ ней думала тѣмъ помѣшать мнѣ ознакомиться съ экономическою стороною *губернскаго* города, — «хозяинъ» не знаетъ, но только намъ пришлось пробираться по немъ гуськомъ не безъ препятствій, и, конечно, нечего было и думать объ осмотрѣ его.

— Впрочемъ, добавилъ онъ, вы ничего не теряете — смотрите—всюду запустѣніе!..

И дѣйствительно, Бастамъ на половину въ развалинахъ вслѣдствіе послѣдняго голода, хоть и славится губернскимъ городомъ и резиденціей губернатора, но во всѣхъ отношеніяхъ *несравненно* ниже мѣстечка Шахруда, въ немъ насчитываютъ всего до 350 семей или домовъ, что составитъ около 1,500 жителей обоого пола, занимающихся разведеніемъ въ незначительномъ размѣрѣ табаку, садоводствомъ и хлѣбопашествомъ, и *до-того бѣдныхъ*, что не имѣютъ у себя даже сколько-нибудь сносныхъ учителей, а потому болѣе достаточные изъ нихъ принуждены отдавать дѣтей своихъ въ шахрудскія медресе. За то Бастамъ щеголяетъ своею древностью и, пожалуй, чудесами. По преданію (сообщенному «хозяину» однимъ почтеннымъ муллою), «сей

градъ основанъ *Бастамомъ*, сыномъ *Кобуса* который былъ сыномъ *Тамкина*, сына *Зіода*, царствовавшего, во времена персидской династіи *Сассанидовъ*, на *Гурганѣ*. Затѣмъ извѣстно, что еще при Тимурѣ онъ слылъ за богатый обширный городъ..

— Помимо этихъ скудныхъ свѣдѣній, о древности его краснорѣчиво свидѣтельствуютъ вотъ эти мечети, указавъ мнѣ товарищъ на куполы, сворачивалъ съ базара вправо, по надгробнымъ камнямъ стариннаго кладбища.

Подѣхавъ къ оградѣ мечети «Имам - Заде *) Али», сооруженію которой относятъ къ IX столѣтію, мы спѣшили у калитки и, передавъ копѣй подбѣжавшему мальчишкѣ, вошли въ обширный, сплошь покрытый полуистертыми, мѣстами поросшими травой могильными плитами, дворъ ея. Появившійся мулла-сейидъ, удовлетворенный утѣшенными привѣтствіями «хозяйина», снизошелъ до роли чичероне, не впуская однакоже насъ внутрь зданій, изъ коихъ расположенная противъ калитки главная мечеть раздѣлена узкимъ корридорчикомъ на двѣ половины: правую — меньшую и лѣвую — большую, въ которой и покоился прахъ Али, сына шестаго имама *Джафара* (Джабера) *Садика*. По нашей просьбѣ, сейидъ распорядился открыть ставни изнутри ея, и мы увидѣли въ рѣшетчатое окно обшитую шалевою матеріей гробницу *святого* (въ видѣ сундука полуторасаженной длины, саженой ширины и высоты), уставленную принесенными въ даръ благочестивыми богомольцами серебряными сосудами странной формы и неизвѣстнаго «хозяйину» употребленія; надъ нею и передъ окномъ висѣли тоже какіе-то странные мѣдные и глиняные сосуды, въ сторонѣ — темпласъ каеэдра для муллы, — вотъ и все, что можно было разглядѣть тутъ въ полумракѣ. Изъ праваго отдѣленія несли могильный голосъ читальщика надъ гробомъ губернаторской дочки, поставленнымъ тутъ до отправки въ Мешхедъ, что совершится не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ; по временамъ онъ смѣнялся веселымъ говоромъ и смѣхомъ, вѣроятно, *гостей*; на окнѣ видѣлись священныя книги и кальныя..

Надъ изразцовымъ куполомъ этой мечети совершилось недавно «великое чудо»: вѣнчающій его фигурчатый шпиль покосился (конечно, отъ вѣтру) въ сторону Мешхеда: «это потомокъ кланяется имаму Ризѣ», говорятъ пастыри, а за ними благоговѣнно повторяетъ и *стадо*.

— А чѣмъ объяснить, что шпиль вотъ съ этой мечети *по вѣсто-*

*) *Имам-Заде* буквально значитъ сынъ *Имама*.

сти совѣтъ свалился? обратился я къ сейиду, указывая на зашпеченную мечеть съ такимъ же куполомъ изъ синихъ, зеленыхъ и красныхъ изразцевъ, какъ и у первой, о-бокъ которой, по лѣвую сторону двора, она уже давно стоитъ праздно по древности, да и ненужности своей. Конечно, скромный «хозяинъ», усвоившій до тонкости туземныя приличія, не перевелъ ему моей насмѣлки надъ персидскимъ невѣжествомъ, показывая видъ, будто - бы разсматриваетъ «тахтъ - ревоуъ», въ которомъ былъ доставленъ сюда трупъ губернаторской дочки. Эта «качающаяся коробка» покоилась подъ навѣсомъ между вышеупомянутою упраздненной мечетью и каменною кельей «знаменитаго ученаго аскета султана Шейхъ-Байезида-Бастами, ревностнѣйшаго послѣдователя ученія *Суфи*», какъ гласитъ надпись на двухъ досочкахъ съ лѣцовой стороны тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, возвышающейся гробницы его, сложенной изъ камня въ видѣ катафалка въ 3 саж. длины и 1 $\frac{1}{2}$ ширины. *Суфи*—персидскій философъ XII вѣка, провозгласившій—*по словомъ нашего ичироне*, тезисъ: «Все отъ Бога, и всѣ мы снова войдемъ въ Бога»....

На противоположной сторонѣ двора расположено зданіе съ широкимъ сводчатымъ проходомъ, ниши котораго, снаружи украшенныя въ видѣ шахматъ маленькими квадратами изъ глины и синихъ изразцевъ, указываютъ мѣста *погребенныхъ въ стѣнахъ его духовныхъ* (и кажется, знатныхъ свѣтскихъ) *особъ*. Этотъ проходъ ведетъ на другой дворъ, также покрытый исковерканными отъ времени надгробными плитами; тутъ помѣщается жилье служащихъ при мечети и медресе, а вблизи отсюда одиноко стоитъ на пустырь «патающаяся башня», круглая, узенькая, въ 7—8 саж. высотой, съ лѣшными украшеніями и опоясанная въ три ряда *куфическими* надписями, сверху увѣнчанная шпіатюрнымъ куполомъ на четырехъ арочныхъ колонкахъ, откуда и теперь еще раздается *азонъ*. Мнѣ очень хотѣлось видѣть *шатаи́е ея*, и оди́тъ изъ знакомыхъ «хозяину» обывателей вызвался показать намъ «сіе чудесное проявленіе святости имамовъ»—какъ думаютъ всѣ благочестивые люди. Съ *снооровкою муэздина* пролѣзъ онъ ползкомъ по кучѣ мусора въ узкое отверстіе, замѣняющее двери въ башнѣ, и, вскарабкавшись по круто-вьющейся ветхой лѣсенкѣ на верхушку, поставилъ кирпичъ ребромъ на край карниза, затѣмъ, схватившись обѣими руками за арку, видимо силится раскатать ее, и—хотя мы не замѣтили ни малѣйшаго колебанія башни, какъ говорятъ, *легко уловимаго только по тѣмъ*, — кирпичъ дѣйствительно свалился на земь и разбился въ

дребезги. Повторивъ экспериментъ, обыватель, весь испачканный, запыленный, подошелъ къ намъ съ побѣднымъ видомъ и увѣреніями, что на верхушкѣ чувствуется колебаніе такъ сильно, что у непривычныхъ дѣлается головокруженіе отъ него и ихъ охватываетъ страхъ свалиться кубаремъ внизъ..

Наконецъ мы простились съ нимъ и, вещественно отблагодаривъ, кого слѣдовало, за услуги, возвратились въ садъ по другимъ, сплошь въ развалинахъ, улицамъ. Его высочество принялъ насъ въ той же залѣ какъ и въ первый разъ, но уже сиди въ чулкахъ на желѣзной кровати; вице-губернаторъ, сидѣвшій на корточкахъ рядомъ съ какимъ-то субъектомъ у подъемныхъ дверей, творилъ отсюда судъ надъ стоявшими въ саду челобитчиками; больше никого не было.

Хотя его высочество, теперь съ сильно-воспаленными глазами—по мнѣнію «хозяйина»—*отъ невозддержной жизни во мракъ ночи*, видимо былъ въ желчномъ настроеніи, по все же, пригласивъ насъ садиться, любезно справился на извѣстномъ уже читателю *французскомъ діалектѣ* о моемъ здоровьи.

— Мерси боку, отвѣтилъ я, вслушиваясь въ отчетливые отвѣты челобитчика на тихіе вопросы вице-губернатора, который всякій разъ, какъ докладывалъ своему *высокому* начальнику о ходѣ дѣла, приподымался и за тѣмъ, съ соизволенія его, опять опускался.

— Мерси боку, мерси боку, точно смаковала тотъ сладостью французской рѣчи, горделиво окинувъ взглядомъ субъекта, осмѣливагося справиться у него: «на какомъ языкѣ разговариваемъ мы?»

Послѣдовала пауза, прерванная мною «чувствительною благодарностью за оказанное мнѣ вниманіе въ Шахрудѣ», на что его высочество, пообѣщая быть еще больше полезнымъ, когда устроится тутъ русская торговля, *изволилъ упрекнуть насъ за скупость*, яено намекая на то что мы не подарили ему ничего изъ прибывшихъ товаровъ.

— Присланная галантерея не заслуживаетъ вниманія вашего высочества, почтительно перебилъ я его; но если намъ дѣло устроится въ Персіи, тогда попрошу васъ принять подарокъ, соотвѣтствующій достоинству «подпору государства».

— Какой же, какой же именно? озарился онъ надеждой, пристально всматриваясь, какъ раскуриваю я носогрѣйку фитилемъ дорожной спичечницы.

— Напримѣръ, сессесеръ, выѣщающій въ себѣ все письменныя, туш-

летныя и чайныя принадлежности, или что-нибудь этакое, выдаю- щееся *).

— Хорошо, хорошо, а теперь я пришлю вамъ списокъ нужныхъ мнѣ вещей...

— Списокъ-то составить длинный, а ни копѣйки не дать; такъ было у него со мной, шепнулъ «хозяинъ».

— Чтожъ, пусть присылаетъ, — это дѣло Г-ва...

Затѣмъ его высочество пожелалъ взглянуть на мой фитиль, но что- то долго вертѣлъ его въ рукахъ, не возвращая мнѣ...

— Подарите, видите, разстаться не можете, шепнулъ «хозяинъ».

— У меня всего-то съ четверть аршина, а дорога длинна... Ну, да Богъ съ нимъ! И я отрѣзалъ ему половину; тотъ кликнулъ хазнадара я, приказавъ ему отнести «пишкешъ» въ кабинетъ, изволилъ обратить вниманіе на болтавшійся у меня при часахъ большой компасъ.

— Нѣтъ, пріятель, — шалишь! подумалъ я, подавая ему эту нужную мнѣ вещь съ рѣшимостью отстоять ее, и — отстоялъ..

— Не найдется ли у васъ барометра? продолжалъ тотъ, впадая опять въ безнадежье.

— Только для себя.

— Выпишите и для меня.... А не поможете ли моимъ глазамъ?

— Могу снабдить васъ каплями, пообщалъ я, объяснивъ ему употребленіе ихъ, хоть за *преднамеренное* невниманіе его къ намъ слѣдовало бы — по мусульманскому закону — отказать ему и въ этомъ. Ну, какъ-таки не напоить насъ въ такую жарницу чаемъ?

— Хоть бы воды напиться! вторилъ мнѣ «хозяинъ», собираясь съ духомъ заявить о столь скромномъ желаніи его высочеству, который и приказалъ хазнадару *подать воду въ стаканъ*; тотъ подаль ее мнѣ съ непонятнымъ подобоострастіемъ.

— Съ ними нужно держать себя гордо, тогда они будутъ ползать передъ вами, замѣтилъ товарищъ; но мнѣ думается, что если *экз-нажс* вдругъ до нельзя услужливъ, то только потому, что у него (какъ и

*) Вспомнивъ на обратномъ пути въ Россію о своемъ общаніи, я послалъ ему (хотя русское дѣло и не удалось въ Персію) большой портретъ нынѣ царствующаго шаха Наср-ед-дина, и тотъ, передавая мнѣ чрезъ «хозяина» *лучшія свои привѣтствія*, завѣрялъ его, что «этотъ подарокъ павидрагоценнѣйшій изъ всѣхъ, какіе только получилъ онъ во все время губернаторства». — Ну и ладно, подумалъ я, зналъ, что его высочество сильно нагадилъ бы мнѣ за сію драгоценность, если бы я послалъ ее ему не съ Каспія, а изъ Шахруда.

церемоніймейстера) вскочилъ на шеѣ исполинскій вередъ, а я успѣлъ прослыть здѣсь за *отличнаго доктора*, кстати и аптека на лицо.

Пообщавъ помочь ему, мы приподнялись.

— Адье, пробурчалъ его высочество.

— О ревуаръ....

— Покончили съ Шахрудомъ, улыбнулся мнѣ дороною «хозяинъ».

— Съ тѣмъ, чтобы съ завтрашняго дня цѣняться за Хорассанъ.

— По Шахруду можете безошибочно судить объ остальной Персїи, ничѣмъ не отличающейся отъ Персїи за V—VI вѣковъ назадъ: индивидуальность и неподвижность, какъ слѣдствіе религіознаго и правительственнаго абсолютизма, поразительны!

Затѣмъ «хозяинъ» обстоятельно ознакомилъ меня съ исторіею и географическими особенностями Хорассана, что было очень кстати въ виду предстоящей мнѣ поѣздки туда; но я надѣюсь подѣлиться съ читателемъ только выдающимися чертами изъ его очерка; детали же откладываю до личнаго знакомства съ этою страной, носящей свое названіе (отъ персїйскаго слова *хоръ* — *солнце* и *ассанъ* — *населенная страна*) издавна, но крайней-мѣрѣ задолго до введенія въ Персїю ислама, но именно съ какихъ поръ — неизвѣстно.

Хорассанъ—*грудь Ирана*, по прозванію пять разъ опустошавшихъ его до тла полчищъ чудовищнаго Тимура, и *мечъ Персїи*—по кличкѣ уроженца его, кроваваднаго воителя Надиръ-шаха, по своему географическому положенію игралъ съ отдаленнѣйшихъ временъ не маловажную политическую роль между сосѣдними странами, постоянно измѣняя свои политическія граицы. Нѣкогда онъ простирался до праваго берега Инда, лѣваго берега Оксуса, а на югъ—далеко за Ездъ, и г. *Бальхъ*, соперничая съ тремя остальными главными городами его: Мервью, Хератомъ и Нишапуромъ, былъ столицею царей династіи Саманидовъ; затѣмъ сѣзился, и только при Надирѣ снова расширился на короткое время до вышепоименованныхъ рѣкъ, такъ что гг. Бальхъ, Хератъ, Кандахаръ, Кабуль и часть Систана входили въ него. Теперь же Хорассанъ занимаетъ всего восточную часть персидской выси на пространствѣ около 3800 кв. миль; съ сѣвера онъ замыкается Ельбурзскимъ хребтомъ, съ юга обширною солонцеватою степью *Дешт-и-Кебиръ* (*Кавиръ*, *Кувиръ*), а съ востока примыкаетъ къ авганскому Хорассану, какъ къ оторванной части, и вообще состоитъ изъ безводныхъ

пустынь, степей и безлюдных горных хребтовъ, съ немногими городами и селами и при нихъ оазисами обработанныхъ участковъ по долинамъ. Здѣсь свѣтитъ солнце очень ярко, небо ясное, дождя очень рѣдки, рѣкъ вовсе нѣтъ, и развѣ только кое-гдѣ ручеекъ оживляетъ собою природу; климатъ отличается сухостью: дни весной и лѣтомъ жарки, ночи знойно душныя, по временамъ прохладныя въ долинахъ и холодныя въ горахъ; зима, вообще легкая.

Въ Персіи не существуетъ народной переписи *), а потому невозможно съ точностью опредѣлить и народонаселеніе Хорассана; но, по нѣкоторымъ даннымъ, «хозяинъ» полагаетъ, что, послѣ ужаснаго голода 70—71 г., оно не превышаетъ полумилліона, считая тутъ какъ живущихъ осѣдло, такъ и кочевниковъ, называемыхъ по всей Персіи *иллами* или *илатами* (отъ турецкаго слова *илъ* — родъ и арабскаго *страна*). Къ первымъ принадлежатъ, преимущественно, *таджики* или природные персіане, однако на много отступившіе отъ своего первоначальнаго типа, т. е. отъ домухомеданскихъ персіанъ, вслѣдствіе уже упомянутыхъ мною причинъ; ко вторымъ преимущественно курды (тоже пшты), которыхъ шахи переселяли сюда изъ Курдистана, какъ оплотъ противъ опустошительныхъ набѣговъ пограничныхъ кочевниковъ монгольскаго происхожденія, особенно туркменъ изъ Турана, отъ коихъ постоянно страдало, да и теперь еще не вездѣ избавилось, осѣдлое населеніе Хорассана. Впрочемъ, переселеніе воинственныхъ курдовъ не всегда мотивировалось огражденіемъ сѣверныхъ предѣловъ государства отъ вражьихъ набѣговъ; такъ, шахъ Абасъ Великій (1582 — 1627 г.), поселивши на пространствахъ между Астерабадомъ и Кучаномъ до 15,000 ихъ, хотѣлъ-было переселить еще нѣсколько десятковъ тысячъ съ очевидною цѣлью ослабить этотъ свободолюбивый народъ на родной его почвѣ, въ Курдистанѣ, но тѣ, конечно, воспротивились ему.

Точно также далеко не удаченъ былъ расчетъ на переселенцевъ, какъ на защитниковъ Хорассана; враждуя съ туркменами, они нерѣдко разоряли его сообща съ ними, и случалось даже, если уже не под-силу приходился имъ персидскій гнетъ, открыто составляли союзы съ этими религіозными и политическими врагами своими, конечно, отплачивая за помощь помощью, если хивинскій ханъ притѣснялъ тѣхъ. Они воз-

*) Да и врядъ ли возможна она по недоступности для постороннихъ гарема, отсутствію реестра родившихся и умершихъ, переходу обѣдѣвшихъ людей съ мѣста на мѣсто и кочевого образа жизни не малой доли населенія ея.

стали даже противъ Надиръ-Шаха (1737—1747 г.), во время войны его съ турками, противъ того Надира, который, изгнавъ, съ помощью издавно-славившихся мужествомъ горныхъ хорассанцевъ, занявшихъ было Персію, Авгашъ, внесъ побѣдоносную войну на берега Гангеса и Инда, угрожая тѣмъ же Евфрату! Взбѣшенный шахъ, тѣмъ болѣе взбѣшенный, что женившись на дочери ихъ *Им-хана*, т. е. главнаго начальника, онъ разсчитывалъ расположить ихъ къ себѣ, поклялся уничтожить эту горсть отважныхъ хорассанскихъ курдовъ, но... по судьбѣ несповѣдимы! самъ погибъ въ Мешхедѣ отъ руки приближеннаго авганца, и тѣ, какъ корнины, слетѣлись на несмѣтныя сокровища его въ Келатѣ; такъ называется окруженное тѣснинами урочище (между Мервию и Мешхедомъ), въ которомъ этотъ кровавадный вонитель воздвигъ себѣ неприступное логовище изъ мрамора. Много пограбили тогда курды разнаго добра, въ свою очередь пограбленнаго Надиромъ въ завоеванныхъ имъ странахъ, и, не зная цѣнности золоту и драгоценнымъ камнямъ, обмѣнивали ихъ, какъ мѣдь и стекло, на посуду и бездѣлку.

Еще долго послѣ того возились шахи съ непокорными владѣтелями Кучана, Турбета, Дерагеза и пр., такъ называемыми защитниками Хорассана, враждовавшими то противъ нихъ, то между собою. Вообще, до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія тутъ происходила большая безурядица, и, между прочимъ, хорассанцы, благодаря которымъ Ага - Мухаммедъ - Ханъ (основатель нынѣ царствующей династіи Каджаръ) овладѣлъ персидскимъ престоломъ въ 1794 г., — отвергли власть падъ собою наслѣдника его, Фетхъ - Али - Шаха, тщетно боровагося съ ними въ теченіе 35 лѣтъ, пока наконецъ наслѣдный принцъ Аббасъ - Мирза, тогдашній правитель Азербейджана, не смирилъ ихъ въ 1831 — 1833 г. съ помощію только что сформированныхъ имъ постоянныхъ регулярныхъ войскъ.

Въ настоящее время въ Хорассанѣ пять главныхъ курдскихъ поселеній: Кучанъ или Кабушанъ, Буджнурдъ, Вомъ, Дерагезъ и Чинорана. Осѣдлые курды, занимающіеся ремеслами и торговлею, называются «Шеръ - Нишинъ»; остальное большинство, «Сора - Нишинъ», кочуетъ съ своими стадами въ опредѣленныхъ шахомъ мѣстахъ лѣтомъ въ горахъ, зимою въ долинахъ, занимаясь, при случаѣ, грабежомъ и специально — враждою съ туременами, убивая или забирая одинъ другаго въ плѣнъ, при чемъ первые берутъ за выкупъ послѣднихъ 100 — 200 томановъ деньгами, лошадьми или верблюдами, а тѣ продаютъ

этихъ въ неволю за 60—80 томановъ. Они, какъ и прочіе персидскіе илаты, въ которыхъ заключается почти вся военная сила страны, гордятся образомъ своей жизни, презрительно относятся къ осѣдлому населенію. *Иль*—*ханъ*, управляющій хорассапскими курдами съ неограниченною властью, отвѣтственъ только передъ шахомъ...

Наша бесѣда кончилась въ виду аллеи богомольцевъ, изъ коихъ уже многіе отправились въ Хейрабадъ...

Грошева застали мы на ногахъ за письмомъ отъ астерабадскаго консула, увѣдомлявшаго, что *таможеннаго ярлыка* не высылаютъ ему теперь, ибо таковой написали въ Гизи на имя А. И. Г—го; но такъ какъ полученныя мною въ Астерабадѣ рекомендательныя письма относятся ко мнѣ и къ нему, то онъ, консулъ, выхлопочетъ ярлыкъ на его имя. Въ отвѣтъ Грошевъ послалъ телеграмму о нашемъ отъѣздѣ завтра въ Сибзеваръ, куда и надлежитъ выслать таковой.

Шафѣву было тоже лучше, хоть только что и вырвало его; въ комнатахъ—грязь, духота, а о жарѣ нечего и говорить, и жажду не уймешь ни водой съ *мимонной кислотой*, ни чаемъ съ *вишнякаменною*, которыми тщетно наливаюсь я, готовясь въ дальній путь. Вслѣдствіе болѣзни товарищей, дорожныхъ хлопотъ скопилось не мало: нужно заказать ремни и чахлы къ бердановскимъ штуперамъ для себя, Г—ва, Шафѣва и Хабибъ-бека, приходившаго въ ребяческій восторгъ при мысли, что у него будетъ висѣть за спиной *чертовская штупка*—скорострѣлка; заказалъ соломенные тюфячки себѣ и Г—ву, и подушку на *протертое до деревяшки* азіатское сѣдло, отъ котораго едва хожу теперь; два-три *волонтера* были посланы на базаръ за посудой для варки, рисомъ и сахаромъ; чай былъ свой, хлѣбомъ и *греческой* крупой снабдилъ «хозяинъ»...

По-видимому, все это пустяки, но извольте-ка повозиться съ безтолковыми, напирѣвъ, портными, которыми объясняешь битый часъ, какъ нужно сдѣлать то или это, а посмотришь—изгадили.

Уложившись, послалъ я за цирюльникомъ. Послѣ долгихъ поисковъ, *выискался одинъ*, заломившій, было за свою отвагу постричь меня рубль. Соплился на 30 копѣйкахъ; тоже не бездѣльца сравнительно съ существующей тутъ подневной илатой рабочему, но вѣдь ему придется потомъ долго отмаливаться и отмываться, да и выстригъ-то онъ меня «хозяйскими» ножницами подъ свою полукруглую гребенку изъ самшита не хуже лучшаго изъ питерскихъ парикмахеровъ.

Намѣревался я сбрить и бородку для чистоты въ дорогѣ, остановили:

уваженіе, молъ, потеряете въ глазахъ туземцевъ, для которыхъ борода—святость.—Вздоръ! святость-то для нихъ—въ кошелѣ.

Почтенный «хозяинъ» съ ногъ валился за хлопотами, а все же успѣлъ приготовить для меня рекомендательныя письма: въ Сябзеваръ—армянину Нарсесу Теръ-Моссесову, торгующему въ караванъ—сарай «Саре - Майденъ», гдѣ совѣтуютъ и намъ остановиться, хотя, по мнѣнію другихъ, караванъ—сарай «Ага» былъ бы удобнѣе для насъ; затѣмъ, въ Мешхедъ большому пріятелю своему, послѣдователю «баби», его превосходительству хаджи Мухаммедъ-Резо, Мустешоръ-Уль-Мулькъ, визирю хорассанскаго генералъ-губернатора, титулуемаго въ народѣ *эмиромъ*; въ Мешхедъ же—Хаджи Абдулъ-Касиму *Кабулскому* (т. е. изъ авганскаго города Кабула), въ караванъ—сарай «Шахъ-Верди-Ханъ», и наконецъ—нашему купеческому старшинѣ въ Мешхедъ (хоть тамъ и нѣтъ русскоподданныхъ купцовъ), извѣстному уже читателю хаджи-Ибрахиму *Бухарскому*, «имѣющему спутникомъ честь».

Покончивши съ письмами, «хозяинъ» принялъ, по моему настоянію, 60 р. за мою жизнь у него, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ деньги за пять послѣднихъ дней облагого расхода на всѣхъ насъ; въ послѣднемъ счетѣ значился, между прочимъ, израсходованнымъ фунтъ чаю, что доказываетъ изобильное чаепитіе намъ вкупѣ съ гостями.

За хлопотами мы даже не могли исполнить обѣщанія своего быть у армянъ на приготовленномъ для меня прощальномъ ужинѣ, что, по словамъ его, конечно сильно обидитъ ихъ; но пусть себѣ обижаются за пустяки, лишь бы дѣло не дремало.

Когда въ 8 ч. зарница или молнія прорѣзала нѣсколько разъ темный небосклонъ на горизонтѣ, въ нашемъ жильѣ уже все смолкло. Грошевъ спалъ, Шафѣевъ трупомъ лежалъ въ сильномъ жару, и я, на случай, еслибъ онъ не поправился къ завтрашнему дню, уговаривалъ «хозяина» проводить насъ до Сябзеvara въ качествѣ переводчика, за 80 руб. въ мѣсяцъ,—меньше не бралъ.

Усталый повалился я на кровать, предварительно заглянувъ въ кухню къ Хюсейну: лежитъ въ бараньей шубѣ, на грязномъ полу даже безъ подушекъ!

На утро мои товарищи встали съ бодрымъ видомъ и пили чай съ анетитомъ,—ну, и слава Богу! Эти безпечныя дѣти обѣщались впредь беречь свое здоровье и подчиняться мнѣ дорогой въ гигіеническомъ отношеніи.

— А иначе, господа, у меня не хватитъ силъ лечить васъ и выѣстъ съ тѣмъ *собирають козлявокъ*, улыбнулся я Г—ву, охарактеризовавшему такъ «хозяину», конечно, со словъ своего патрона, цѣль моего путешествія... Хюсейнъ явился ко мнѣ тоже молодцомъ.

— Твал здоровъ?

— Ма—а—ал здоровъ.

— Твая принеси мая бѣлье

— Мая идетъ. ...

Кстати, передъ дорогою, маленький дождикъ освѣжилъ природу, но вотъ ужъ не кстати ввалилась къ намъ *саранча* за лекарствами; пришли и другіе знакомые, — шумъ, суета!

Послѣ обѣда я показаль Хабибу стрѣльбу изъ Бердаповскаго штуцера, затѣмъ «хозяинъ» надѣлъ ему его черезъ плечо, и мы усадили будущаго слугу и повара за чай.

— Да умѣетъ ли онъ парить? спросилъ я «хозяина».

— По своему каждый персъ умѣетъ; сострипасть и по нашему, если покажете какъ; вообще вы будете довольны имъ..

— Я въ дорогѣ вовсе не сплю, похвалился тотъ прерывающимся отъ избытка радостныхъ ощущеній голосомъ.

— Но если вы захотите ѣхать въ четыре часа, говорите ему—въ два, такъ какъ *персидскій часъ вдвое больше русскаго*..

Нетерпѣливо поджидали мы черводара, опасаясь опоздать на сборный пунктъ; наконецъ, въ 4 ч. явился онъ съ ипоходцемъ для меня, бывалымъ *катеромъ съ коронкой изъ разноцвѣтной шерсти на голову*, бубенчиками и шерстяными лентами на шеѣ—для Г—ва, костлявою лошадею—для Шафъева и двумя катерами, тоже съ колокольчиками и бубенчиками, подъ вьюкъ. На дворикѣ тамъ: кто сидитъ, кто помогаетъ Хабибу вьючить, и всѣ даютъ ему наилучшій совѣтъ...

Но вотъ Г—въ и Шафъевъ вскарабкались на широчайшіе паланы, удобные развѣ для спанья, но не сидѣнья; по сторонамъ ихъ привѣсили еще хурджины, сзади—глиняные кувшины съ масломъ и водою... такъ что эти господа съ растопыренными до щелъзъ ногами, вполне представляли воинственный видъ въ персидскомъ вкусѣ; въ особенности выдавался сторбизшійся Шафъевъ въ низенькой, бараниковой шапкѣ, напаленной на уши и съ ружьемъ подъ сидѣшнемъ..

Ровно въ 5 час. тронулись въ путь, и хотя «хозяинъ» на осликѣ съ своимъ пукеромъ на копь провожалъ насъ, по все таки на базарѣ, апатично поглядывавшемъ на отъѣзжавшихъ *кадыровъ*, двое мальчи-

пекъ швырнули камнями въ лошадей, отчего тѣ пархнулись въ сторону.

За городскими воротами насъ поджидалъ на аргамакѣ что-то грустный полиціймейстеръ.

— Провожу васъ до ручья, проѣдиль ояъ, насупившись, поглядывая на нищихъ, неотступно слѣдовавшихъ за нами съ протянутыми руками, пока не кончились загородные сады, незамѣтно сливавшіеся съ этой стороны города съ деревнею «Багъ-Запданъ», за которою отрывался просторъ гладкой песчаной долины, сплошь усыпанной щебнемъ съ виднѣющихся по сторонамъ ея горъ, и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ зеленѣющей посѣвами.

Вотъ и ручей «Юнесъ-абадъ» (не природный, а искусственно отведенный съ горъ), курицѣ по колѣни и полуторосаженой ширины, за которымъ всѣ остановились.

— На прощаніе нужно выпить лекарства, указаль я полиціймейстеру на свою фляжку съ коньякомъ.

Тотъ украдкой мигнулъ мнѣ на Хабиба и «хозяйскаго» нукера: опасно, молъ, пойдемъ въ сторону. Слѣзли, отошли шаговъ пять-десять; выпилъ онъ залпомъ стакантъ и... дрогнувшимъ голосомъ пожелаль мнѣ *всею хорошаю*.

Простившись съ «хозяйномъ», нашъ маленькій караванъ поскакаль впередъ крупною рысью.

II. Огородниковъ.